

ЕКАТЕРИНА
ЛЫЛЫК

ПСИ

ФАКТОР

Тарис — ГМО и вырос в детдоме для генно-модифицированных. Тем утром он, окрыленный, пошел на вступительные экзамены на военный факультет.

Нана Вагнер, студентка юридического, просто мечтала стать достойным членом общества и надеялась, что ее прошлое никогда ей не аукнется.

Райго ни о чем не мечтал. Он знал, что прошлое наступает ему на пятки, и упорно с этим боролся...

Но по чьей-то прихоти теперь все трое замешаны в тщательно спланированном убийстве. Им, очутившимся в центре чужого заговора, придется очень постараться, чтобы выжить и разобраться во всем.

— Следующий! — гаркнул экзаменатор, щуря мелкие свиные глазки на упитанном красноватом лице.

В огромной аудитории Высшей Военной Академии Леополиса было не только тихо, но и многолюдно. Вот только будущие студенты не толпились, снуя меж рядов, да и парт тут не имелось. Вдоль всего помещения с высоким сводчатым потолком протянулась сплошная проверочная полоса длиной в двести метров, усеянная датчиками.

Из ряда молчаливых парней и девушек, выстроившихся вдоль левой стены, вышел тощий паренёк в мешковатой футболке и потёртых джинсах.

— Имя! — тон экзаменатора не сменился. Его цепкий взгляд уже скользил по худому телу абитуриента. Парень был белобрыс, синеглаз, а его тонкая кожа обтягивала не столько человека, сколько скелет без ярко выраженных мышц. Из-под растянутого ворота футболки виднелся золотистый ошейник.

— Тарис Лаен, — прошептал парнишка странно скрежещущим, словно у много курящего старика, голосом.

Секретарь, доселе стоящая за спиной тучного экзаменатора со стопкой папок в руках, тут же передала ему личное дело Лаена и чётким шагом отступила назад.

Резко раскрыв папку, экзаменатор скользнул взглядом по скудным строчкам автобиографии и перешёл к отчёту экспертов по биоинженерии.

Аббревиатура ГМО — краткое обозначение генно-модифицированного организма — стояла в заключении. Проще говоря, боевая биомашина с зачатками интеллекта. А это значило только одно: замерший перед ним тощий ребёнок более чем на пятьдесят процентов не человек. Что ж, учиться модифицированным не запрещалось. Тем более на военном факультете. Здесь, если подумать, все в той или иной мере ГМО.

Кивнув на проверочную полосу, похожую сейчас на покрытую пробкой дорожку, преподаватель приготовился ждать и, как только парнишка встал на старте, медленно кивнул.

Папки, которые его личный секретарь держала в руках, неожиданно сдуло, разбросав по полу. Одежда присутствующих затрепыхалась, облепив тела. Пробка, устилающая дорожку, осела мелким крошечком. Парень стоял рядом с экзаменатором и с надеждой смотрел ему в глаза.

Динамик тут же ожил, послышался голос штатного оператора:

— Физические силы — триста четыре процента. Пси-фактор — выше нормы.

— Время максимальной нагрузки? — голос экзаменатора дрогнул, словно он задержал дыхание в преддверии чуда.

— Семь минут, — вздохнул оператор, отключая динамик.

— Не подходит, — повторяя интонацию коллеги, процедил мужчина. Отвернувшись от парнишки, он вернул личное дело секретарю и, набрав полные лёгкие воздуха, гаркнул: — Следующий!

Что-то неуловимо изменилось в окружающей атмосфере. Экзаменатор вскинул голову, а дальше его мир перевернулся. Последнее, что он смог чётко увидеть и осознать, — это покрасневшие белки глаз тощего паренька, яркие искры в зрачках и тихое, гулкое рычание.

Сирена натужным воем оповестила о тревоге. Удивлённо вскидывая головы и оглядываясь, студенты шумели, спеша к выходу. Всё происходило без паники и соответственно правилам поведения в экстренных ситуациях.

Ничего не выбивалось из стандарта, не предвещало беды — учебная тревога, не более.

Спокойствие будущих тружеников Сакской империи сдуло вместе с взрывной волной, выбившей стрельчатые окна и вынесший осколки наружу. Дверь аудитории в конце коридора снесло под шквалом ветра, пронесло вдоль всего зала и смачно впечатало в стену. В створку был вдавлен тучный преподаватель, натужно харкающий кровью. В следующий миг паркет, доселе аккуратно устилающий пол коридора, вздыбился на всем протяжении, словно от последовательных взрывов. Рядом со стонущим преподавом материализовался тощий парнишка.

— Почему я не сдал? — прошептал он. Его страшный скрежещущий голос пробирал до дрожи. Стоящие дыбом волосы, казалось, шевелились сами по себе, делая картину ещё более жуткой.

— Потому что... семь минут... животное, — едва ворочая языком, ответил экзаменатор, поднимая на него затуманенный болью взгляд. Он с ужасом понимал, что отведённое время вышло намного раньше. Модифицированный вышел из-под контроля...

Узкое лицо мальчика исказилось, зубы заскрежетали, настолько крепко он их стиснул...

— Я Тарис Лаен, а не животное... — И пальцы парня с мерзким звуком сжались на шее мужчины...

Незадачливый преподаватель так и не увидел, как сквозь толпу жмущихся к стенам перепуганных студентов прорвались два смельчака. Не раздумывая, они накинулись на паренька с единственной мыслью — остановить беспощадное убийство.

Кто-то в ужасе кричал, кто-то лежал в обмороке, кто-то звонил в полицию...

День в поднебесном городе Леополисе только начинался.

Процедура составления личного дела преступника всегда одинакова. Снятие отпечатков пальцев, забор образца ДНК, фотографии в анфас и профиль. Замер роста и веса. Обязательно составление словесного портрета и краткий отчёт штатных психолога и биоинженера об уровне опасности индивидуума и его социальной адаптированности.

Эта процедура часто была в новинку для самих задержанных правонарушителей, и этот случай не стал исключением. Нана Вагнер, ярко-рыжая стройная девчонка с зелёными глазами и миловидными пухлыми губками на маленьком лице, глядя на все происходящее, чувствовала глубочайшее омерзение. Её, студентку второго курса юридического факультета, приняли за какого-то третьесортного преступника и заперли в клетке, словно животное. И плевать, что она всего лишь хотела помочь остановить взбесившегося ублюдка. Негодуя по поводу такой дичайшей несправедливости, Нана усердно мерила шагами свою камеру размером два на два метра. Из удобств тут имелся только писсуар да дырка в полу, словно наличие женщин в камерах не подразумевалось вовсе. Мелкий краник торчал из стены над дыркой. Это было что-то типа унитаза-рукомойника в одном флаконе.

Кровати в камере не оказалось. Зато вдоль правой стороны вытянулась узкая лавка, оббитая войлоком. Кстати, это была единственная стена, от которой не било током.

Негодующе крутанувшись на пятке, Нана уже в который раз дошла до противоположной решётки и осмотрелась. В метрах трёх от неё в центре такой же клетки сидел Райго Иссиа, третьекурсник с исторического. Черноволосый, сероглазый, красивый и обаятельный. Раскосые глаза выдавали его азиатских предков. Губы были скорее тонкие, чем полные, чётко очерченные. Пушистые чёрные ресницы и густые брови. Смазливый и сексуальный книжный червь.

Странно сощурившись, парень неожиданно похабно улыбнулся:

— Про себя думай, дура, нечего мне свои сексуальные фантазии транслировать.

«Книжный червь с телепатическими способностями...» — мысленно уточнила Нана.

Легонько шлёпнув себя по лицу, тяжело вздохнула. Если бы ей вчера сказали, что она будет сидеть утром в клетке рядом с телепатом, да ещё и по подозрению в непреднамеренном убийстве преподавателя... Вот же ж... Девушка неосознанно сжала ладони в кулаки. Приступ яростной обиды застрял в горле плотным комом. Она бессильно ударила по прутьям, не обращая никакого внимания на бегущий по ним ток.

— Это ты виноват! — выкрикнула она, грудью прижимаясь к металлической поверхности и стараясь не расплакаться от бессилия. — Какого хрена ты принудил меня полезть на модифицированного!

Райго сощурился, внимательно рассматривая на девчонке розовый бюстгальтер сквозь порванную и уже начинающую дымиться одежду. По витиеватому кружеву расплзлось кровавое пятно. Такие же были на разошедшемся шве рукава и короткой плиссированной юбочке. Коленки на длинных ножках Наны были разбиты, колготки — порваны.

— Я не принудил, — осклабился парень, — я предложил, а ты согласилась.

— Да я очнулась уже будучи по локоть в крови! — бессильно вскинув руки, она отступила на шаг и потупилась. Невольно хлюпнула носом. Кому она пытается это сказать? Глупость же.

— А ты следователю расскажи, — посоветовал Райго, прекрасно понимая, что она так

не поступит. — И непременно распиши в красках все, что думаешь о моей телепатии и своей восприимчивости, — уже откровенно посмеивался он. — Уверен, ему будет интересно.

— Гад... — сжав кулаки, девушка резко отвернулась и, привалившись спиной к искрящимся прутьям, засопела. Ткань её некогда белоснежной блузки начала темнеть от соприкосновения с решеткой под напряжением.

Согласно доводам некоторых исследователей, телепата может слышать только телепат. Но и чрезмерная восприимчивость к такому типу внушения опасна для общества. Причём в той же мере, что и сама телепатия. Следственно, оба этих качества не соответствовали ни общественной морали, ни правилам этики, ни самому закону.

Если кто-то узнает, что она, Нана Вагнер, имеет такой изъян, можно забыть о карьере не только в юридической сфере, но и в большинстве других. Увы, с таким качеством проблемно стать даже элитной проституткой.

Ведь ей могут внушить намерение убить кого-то или желание заведомо неправильно повести дело в суде. Как и кого потом судить? Кукловода, с легкостью раздающего свои преступные команды, или марионетку, их исполняющую?

Поджав губы, девушка нашла взглядом клетку с модифицированным виновником торжества. Белобрысый парнишка валялся на полу, в дальнем углу. Собственно, этим он занимался уже второй час подряд, после того как схватился за прутья и его ударило током...

— Кстати, — протянул Иссиа за её спиной. — Тебя электричество не берет, или ты просто не реагируешь?

— Да пошёл ты! — Нана даже головы не повернула в его сторону, не желая более видеть смазливую рожу.

— Я серьёзно, — участливо продолжал Иссиа Райго, наблюдая, как на ткани замаячил язычок пламени. — У тебя рубашка горит.

А и вправду, потянуло палёным, и стало горячо... обжигаяюще...

В следующий миг третьекурсник с удовольствием увидел, как девчонка завизжала, прыгая по камере и хлопая себя по спине. А потом Нана и вовсе разделась, попытавшись дымящуюся ткань затоптать. Её аккуратные замшевые туфельки отбивали ритм, лицо кривилось от безысходности, а с пухлых губ слетали проклятия. Иссиа от чистого сердца пожалел, что у него нет с собой видеокамеры.

Очнувшийся от криков Тарис резко сел. Широко распахнул яркие синие глаза и пробежался взглядом по точёной фигурке, выплясывающей в трёх метрах от него в полуобнажённом виде.

— Богиня, — восторженно прошептал он и от избытка чувств ненароком оперся плечом на решётку. Грянул разряд, и паренёк снова грохнулся в обморок.

В ужасе схватившись за голову, Нана присела на корточки, буквально сжавшись в калачик...

Люди добрые... только влюблённого ГМО ей не хватало!

Ясень пень, от этой мысленной фразы Райго откровенно заржал.

* * *

Префект Леополиса, Клэр дэ Руж, была дамой колоритной — яркой темнокожей женщиной с гривой отутюженных рыжих волос и пышными формами. Поговаривали, что французское имя досталось ей отнюдь не от родителей, а было выиграно в споре вместе с предлагающимся именем.

Но то ли это было слишком давно, то ли сплетники нагло ввали — ни подтвердить, ни

опровергнуть эту информацию никто не мог. Имена в активах Клэр дэ Руж последнюю сотню лет не наблюдалось.

Время перевалило за полдень. Низкие облака задевали крыши домов. Щебетали птицы и тихо гудела полупустая трасса.

Сидя за чужим рабочим столом, Клэр рассматривала на голографическом экране стационарного компьютера видеозапись со скрытых камер наблюдения. Изображение было чётким, а звук качественным, хотя его префект всё же отключила. Её интересовала не речь, а действия.

Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что эта с виду молодая женщина с игривыми смешинками в карих глазах просто красуется. Однако на деле ни во внимательном взгляде, ни в сжатии полноватых губ не было ни грамма глупой надменности.

Префект Леополиса не зря занимала свою должность уже вторую сотню лет и уж точно не просто так уселась в кресло чужого подчинённого.

Следователь Кэйт Свон, которого префект потеснила с рабочего места, стоял за её спиной, привычно опустив руки в карманы. Внешность у него была примечательная и весьма далекая от стандарта, наиболее часто встречающегося среди государственных служащих. Выстриженный по последней моде ирокез и выкрашенные серой краской волосы были тому свидетельством. Худой, широкоплечий, с бесстрастным выражением бледного лица. На шее мужчины красовался золотистый обруч, выдавая в своём владельце человека с генными модификациями свыше пятидесяти процентов. Чуть ниже на груди красовалась маленькая металлическая звёздочка с выгравированной головой льва, оповещающая всех и каждого о том, что перед ними не кто иной, как служащий полиции Леополиса.

Нажав кнопку, Клэр в который раз прокрутила видеозапись. Вот летит дверь с человеком на ней. Вот бежит модифицированный — Тарис Лайен. На записи это было похоже на некую тень или помеху... Спустя несколько секунд на белобрысого паренька набрасываются двое студентов: Нана Вагнер и Райго Иссиа. Даже не так, набрасывается именно девушка, запрыгивая модифицированному на спину и сжимая коленями шею. Белобрысый пятится, пытаясь её сбросить. Райго же втискивается между ним и жертвой и... смотрит. Миг — и Тарис падает, придавленный телами ребят. Вроде пробует отбиваться, но слишком неуклюже. Словно замороженный.

Снова перемотала запись.

— Что вас беспокоит? — не выдержал Кэйт. Щёлкнув кнопкой, Клэр остановила видеозапись и задумчиво пробормотала:

— Если бы я знала, что тебе ответить, наверняка бы сказала... А я, — она зевнула, — не знаю. Мы что-то упускаем. Вот, смотри...

Вынув руки из карманов и опершись на край стола, Свон взгляделся в статичную картинку на экране. Вывернутый паркет, разбитая дверь, почти сползший на землю мужчина. Девушка на плечах модифицированного...

— Тебе не кажется, что парень должен был в мгновение ока избавиться от Вагнер? С такой силой он запросто мог ей ноги оторвать и не моргнуть.

— Может, стабилизировался? — нахмурился следователь. Его поведение парня ничуть не смущало, он и не такое видал за время службы.

— Он что, химическая реакция, чтобы стабилизироваться? — фыркнула женщина и кинула на него недовольный взгляд. — Семь минут максимальной нагрузки на тот момент не вышли. Собственно, с начала его забега по тренировочной дорожке и до конца инцидента

проходит меньше минуты. К тому же он был расстроен и обижен.

— То, что расстроен, понятно, — Кэйт едва усмехнулся краешками губ и выпрямился, — а почему обижен?

— М-м-м... его назвали животным. Это и стало решающим фактором для жертвы. — Она снова промотала запись на начало и откинулась на спинку кресла. — Возможно, скажи он что-то более нейтральное, трагедии удалось бы избежать.

Сложив руки под пышной грудью, она задумчиво смотрела на то, как Нана поднимается с пола и начинает дико озирается. Так, словно только теперь поняла, что натворила. В следующий миг она задевает рукой всё ещё стоящий дверной косяк с кусками штукатурки, и тот падает на лежащую на полу жертву... аккуратно камнем в лоб. Лицо девушки искажается в беззвучном крике.

Догадка мелькнула неожиданно и тут же укрепилась в сознании, потянув за собой соответствующее решение.

— Кэйт, я возьму дело под свой контроль, — приподнявшись в кресле, дэ Руж окинула взглядом мужчину и мягко улыбнулась, — пришлю соответствующие документы с секретарём.

— Как скажете, госпожа, — ничуть не удивился следователь. Опыта у префекта было больше, да и право соответствующее. — Заберёте плёнку прямо сейчас?

— Она мне не нужна, — задумчиво пробормотала женщина, невидящим взглядом скользя по скудной обстановке кабинета. Стол, стул, диван и шкаф. Кофеварка... Со времен ее молодости в среде следователей ничего не изменилось. Они всё так же живут на работе. Подойдя к окну, она сцепила руки в замок за спиной. Отсюда виднелась её резиденция, но ракурс был не самый удачный.

Наверное, стоит поговорить со всеми тремя в более приватной обстановке. К примеру, в её личном кабинете. Слегка надавить и припугнуть. А там предложить помощь.

Если она всё правильно поняла, не хотелось бы потерять такие кадры, как Райго и Тарис. Что до Наны Вагнер... Хм, стоит присмотреться... Пока что это посредственность.

Взглянув на всё ещё стоящего у компьютера Свона, женщина решила всё же высказать свою догадку:

— Кэйт... Я думаю, дело во внушении. Кто-то из двоих... А может, кто-то из наблюдателей обладает телепатическими способностями. Опроси свидетелей ещё раз. Я же пообщаюсь с этой тройкой сама.

— Если всё так, как вы говорите, мне придётся писать рапорт в столицу...

— Мы не будем оповещать власти, — слишком резко перебила его префект и развернулась к нему всем корпусом. — Пока что не будем. Ты понял меня?

— Да, госпожа.

Следователь не любил с ней пререкаться, прекрасно понимая, что эта женщина что-то задумала.

* * *

Префект покинула здание управления городской полиции через пятнадцать минут. Кэйт Свон проводил её взглядом и отвернулся от окна. Пальцами правой руки он задумчиво огладил обруч на шее. Был ещё один момент, так и не вписавшийся в общую картину. И почему-то и Кэйт, и дэ Руж не обсудили это.

Ошейник, единственная защита простого человека от взбешённого ГМО, не сработал. Иначе парень не сумел бы завершить убийство и уж точно не остался бы живым. В конце

концов, жертва не погибла бы.

Почему же не сработал?

Захотелось поговорить с пареньком. Узнать о мастерах, видоизменивших его тело. Поспрашивать о его отношении к злодеянию, о целях в жизни. В конце концов, надо бы осмотреть устройство, которое никогда не давало осечек.

Желанию, судя по всему, не суждено было сбыться. Вход в тюремные подземелья был закрыт и полностью автоматизирован. А вызывать из той ямы на поверхность клетку с модифицированным без надёжного ошейника, даже с учётом, что тот не покинет её, чревато нежелательными последствиями.

Задумчиво обойдя стол, следователь Свон включил кофеварку, похожую на диковинный металлический чайник. Старая машинка загудела, натужно работая. А мужчина невидяще смотрел на её потёртую, покрытую царапинами поверхность. Он никогда не сталкивался с убийством. Тем более с таким, на первый взгляд, бесхитростным. Чувство тягучей истомы от предвкушения хорошенькой тайны невольно взбудоражило его затуманенное ночными посиделками сознание. Если бы он знал, чем порадует это утро, то вряд ли полночи маялся бы дурью, страдая над очередным сюжетом третьесортного доисторического детектива.

Кофе вскипел. Вдыхая приятный аромат, следователь наполнил белую кружку и вернулся к столу. Удобно уместился в любимом кресле.

Делая неторопливые глотки, привычно набрал на клавиатуре коды доступа и вызвал на экран данные с камер наблюдения в тюремном блоке, находящемся глубоко под землёй.

Чем-то помещение напоминало полностью автоматизированный склад. В котором вместо плотно прижатых друг к другу контейнеров стояли одномастные одиночные клетки. Между ними было одинаковое расстояние, ровно три метра. Стенки клеток находились под напряжением, обычно достаточным для отключения человека. Но случались и летальные исходы. Считалось, что всего этого хватит для того, чтобы исключить взаимодействие преступников. Была и дополнительная защита. Между клетками ровными лучами раскинулись невидимые силовые поля. Прошедшему их грозила мгновенная смерть. Однако о таких случаях Кэйту не доводилось слышать вообще. Людей, сумевших преодолеть электрическую преграду, попросту не существовало.

Видеокамеры, вмонтированные в потолки клеток, услужливо давали чёткие картинки на голографическом экране старого компьютера.

Расположив три мелких видео-окна одно подле другого, мужчина откинулся на спинку кресла и снова отпил из кружки. В правом углу экрана транслировалась картинка с камеры Райго Иссиа, студента исторического факультета. Парень явно находился в хорошем расположении духа. Судя по всему, его нисколько не смущало нынешнее положение дел. Либо он верил в свою неуязвимость, либо был фаталистом и все проявления судьбы воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Нана Вагнер, чьё изображение мелькало в левом углу, была явно в депрессивном состоянии. К тому же наполовину раздета. Наверное, к этой девочке стоило присмотреться повнимательнее психологам. Как бы эта студенточка юридического не натворила чего с собой. Обычно правоведа отличали очень ревностным отношением к законодательным нормам и в правонарушениях замечены не бывали. Исключительные случаи заканчивались трагично для последних. Невежество никогда не было смягчающим обстоятельством для преступника. Как говорится, незнание закона не освобождает от ответственности. А вот знание нарушаемой нормы, тем более лицом, имеющим непосредственное отношение к оной, было моментомотягчающим. Собственно,

нарушение законов юристами каралось не просто по строгости закона, а с удвоенной жестокостью.

Юрист не должен быть замечен даже в нелепом нарушении правил дорожного движения для пешеходов. Что уж говорить о причинении смерти по неосторожности.

И без заключения патологоанатома Кэйт Свон знал, что именно дверной косяк, опрокинутый этой девушкой, добил несчастного преподавателя.

Что же касается ГМО, так мило дремлющего на полу своей камеры, то максимум, что могут ему предъявить, — это...

Мысль прервал настойчивый стук в дверь. Поставив кружку с кофе на стол, следовательно сел прямо, выключил трансляцию и только после этого позволил войти.

Женщина, появившаяся на пороге его кабинета, была строго одета, в очках и с наголо выбритой головой. На её правом виске в центре рифлёной металлической пластинки пульсировал красненький маячок. Она быстро окинула кабинет взглядом. И только после этого вошла внутрь уверенной пружинистой походкой. Что весьма впечатляло, так как дама была на каблуках.

— Вы Кэйт Свон? — поинтересовалась она и, получив утвердительный кивок в ответ, представилась: — Я Марта Лэйн, адъютант её мудрейшества префекта Леополиса.

— Вы принесли документы? — поинтересовался Кэйт, удивляясь, как быстро сработала Клэр дэ Руж. А ведь она покинула его совсем недавно. Минут десять назад, не более.

— Конечно, — улыбнулась женщина. Несмотря на диковатую внешность, улыбка у неё была милой. Просто обезоруживающей. Кэйт не заметил, как подхватился со своего кресла и потянулся к строгой красавице, протягивая ладонь. Но рукопожатие не состоялось. В пальцах у него оказался хрустящий желтоватый конверт, который, смотря прямо в глаза, протянула симпатяга Лэйн.

— У меня нет времени, господин Свон, — протянула она, странно вытягивая гласные и всё так же улыбаясь. — Но я не против продолжить наше знакомство после окончания дел.

Невольно вскинув чёрные брови, Кэйт удивился:

— Тогда почему вы всё ещё здесь? — Он приподнял перед собой ладонь с конвертом. — Документы можно было оставить на проходной.

— Мне нужно забрать троих участников утреннего инцидента, — она всё так же затыгивала гласные, непрерывно смотря в глаза мужчины. — Ваш шеф сказал, что вы предупреждены.

— Конечно, — усмехнулся Свон, обходя стройную дамочку и отмечая абсолютную правильность её телосложения...

Он должен был помнить, что дэ Руж вышла всего пару минут назад и попросту не могла за это время пообщаться с его начальством. А также понимать, что префект попросту не могла взять и потребовать отдать трёх преступников. Так быстро даже в их время дела не решаются. Нужны бумажки, тонны бюрократических отписок.

Но в его ушах звенел приятный голос женщины, чьей красоты не уменьшала даже гладко выбритая голова. В его зрачках отражались смеющиеся глаза в красноватых отблесках пульсирующего маячка. А мысли крутились вокруг многообещающей фразы о продолжении их знакомства...

Как же глуп он был в тот миг, глуп до невероятия.

*Плохо — это когда ты не подозреваешь о существовании врага.
Тогда беспечность проявляется больше всего.*

Здание резиденции находилось в самом центре Леополиса. Оно возвышалось над остальными строениями четырьмя высокими башнями, символизирующими Эсхилевские добродетели. Башня Мужества стояла строго на западе, Умеренности — на востоке, Справедливости было отведено место на юге, а Благоразумию — на севере. Чисто для символизма в зданиях «Благоразумия» заседал городской совет. «Справедливость» была отдана судебной власти. «Умеренность» стала вотчиной исполнительных служб. С западной стороны, изображая то самое мужество, работала сама префект Леополиса. Здание прекрасно охранялось и проглядывалось со всех сторон. Но дойти до него по прямой было невозможно. Улицы вокруг слишком петляли, нередко заводя в тупики или же направляя несведущего путника по кругу.

Впрочем, водителя маленькой серебристой электромашины мало волновал этот аспект. Хотелось поскорей покинуть поднебесный городок.

Дорога, по которой женщина, назвавшаяся Мартой Лэйн, вела свой транспорт, была широкой и шумной. Красивые дома с замысловатыми резными фасадами непрерывной стеной нависали над шестью полосами. На их каменных боках можно было заметить рельефы и птиц, и зверей в окружении резных листьев с цветами. Порой изображения были более урбанистические, копируя людей и созданные ими технологии.

Над широкими витринами мигали яркие вывески. Двери магазинов то и дело разъезжались в стороны, пропуская шумные компании мужчин и женщин. словно смущенная людским гомоном, на самой трассе аккуратно, не нарушая правил, тянулась жиденькая цепочка электромашин. В этом не было ничего странного. Такой вид транспорта, как личный автомобиль, помаленьку выходил из употребления. Этому немало способствовали сложность доставки крупногабаритной техники в город, развитая сеть общественного транспорта и телепортационные станции. Возможно, где-то в низинных городах ситуация складывалась иначе. Но только не в Леополисе.

Коммутатор, опоясывающий ее левое запястье, тихо запищал, и женщина, не глядя, включила связь:

— Слушаю.

— Убрала исполнителя? — поинтересовался ее шеф. Женщина кинула взгляд в зеркало заднего вида. За ее спиной была натянута решетчатая ограда, отделяющая водителя от пассажиров.

Таковых было трое. И все, как замороженные, пялились перед собой с глупыми улыбками на юных лицах.

— Нет еще. Нашла телепата и еще одну восприимчивую.

— О как... менталиста забирай с собой, остальные нам не нужны. Поторопись.

Отключив связь, самозванка аккуратно увела свой автомобиль по направлению к выезду из города, к станции восточного фуникулера. Помех не было, патрулей не наблюдалось. Похоже, ее дерзкий план увенчается успехом. По ее подсчетам, детектив Кэйт Свон придет в чувство не ранее чем к закату. И даже если префект удосужится прислать свою помощницу

раньше, это ничего не изменит. К тому времени она будет уже далеко за пределами Леополиса. А там, на свободных землях, ни правоохранительные органы, ни префект достать ее уже не смогут, как бы ни старались.

В который раз наблюдая за ребятами, находящимися под ее внушением, женщина нахмурилась. Белобрысый парень, несмотря на жару, кутался в безразмерную серую ветровку с высоким воротом. Глухо закрытый воротник, нелепо примявшийся под подбородком, напоминал, что под ним стандартный ошейник для контроля ГМО. Собственно, ошейник должен был сработать и оторвать мальцу голову, как только тот убьет человека. Но не оторвал.

Это наталкивало на определенную мысль. Возможно, парень и не ГМО сам по себе, а родившийся от ГМО? Тогда ему вдвойне не повезло.

Впрочем, это было уже неважно. Еще больше помрачнев, она начала высматривать укромное местечко, где можно было бы завершить начатое.

Искала недолго: вскоре с левой стороны вырисовался тупиковый поворот, ныряющий в туннельную арку между домами. Людей здесь не было, словно те старательно обходили это место. Лучше не придумаешь.

Перестроившись и свернув, она проехала до самого конца проулка и уперлась в глухую стену. Окна были лишь на втором этаже — и те заколоченные, тут же стояли мусорные баки и мелкий автоматизированный перерабатывающий комплекс. Что ж, прекрасно.

— Вылезайте, — велела лысая, выходя из машины. Студенты на заднем сиденье послушно зашевелились, выполняя телепатический приказ. Спустя мгновение похищенные ребята выстроились перед ней в шеренгу. Внимательно осмотрев рыжую девушку и безошибочно определив в ней обычного человека, женщина перешла к белобрысому. Поддев пальцем ворот, оттянула его вниз. Ее взору предстал золотистый обруч ошейника... Зеленый маячок говорил о полной исправности аппарата. Брезгливо скривившись, женщина вытащила из кармана платок и отерла руку. Так, словно генные модификации — вещь заразная...

— Эй, чернявый, иди в машину, — велела она и медленно расстегнула свой армейский пиджак. Под его лапами удобно спряталась кожаная кобура. Вытащив ствол и привычно прикрутив глушитель, женщина, не целясь, выстрелила в голову модифицированному. Тело пошатнулось и, как каменное, повалилось на спину. Распахнутые синие глаза парня продолжали смотреть в небо, глупая улыбка застыла на лице, ничуть не изменившись.

Опустив пистолет, лысая с сомнением посмотрела на рыжую девчонку, так и оставшуюся стоять. Восприимчивые к телепатии люди — всегда отличный ресурс.

— Назовись.

— Нана Вагнер, студент второго курса юридического факультета. Номер айди карты — тридцать шесть, семьдесят семь, пятьдесят три, восемь. Тип генома — классический.

— Возможно, я вернусь за тобой, — прошептала самозванка, смотря девушке в глаза. — Спи...

Женщина уже садилась в машину, когда тело девушки расслабленно повалилось поверх пристреленного модифицированного. Ее длинные рыжие волосы разметались по земле, напокая в растекающейся алой крови. Сладко зевнув, Нана мило обняла худое тело парня и совсем по-детски засопела.

* * *

Было пять часов дня. Солнце находилось еще по-летнему высоко, но жара уже не так

терзала разгоряченные головы жителей Леополиса.

Кэйт Свон сидел за своим рабочим столом и счастливо взирал на отключенный голографический монитор. Разум рисовал перед его глазами фривольные картины. Казалось, что с экрана на него взирают лукавые глаза красотки Марты Лэйн. Оттуда же его радовали другие ее прелести в самых интересных и пикантных ракурсах. При этом он самым непотребным образом рукоблудствовал. Правда, сам этого не понимал. Мысли путались, то окунались в омут, то прояснялись. Где-то в глубине околдованного сознания хотелось прервать это действие. Но тело не слушалось, действуя по заданной программе. Полное зависание. В мыслях Кэйт уже остервенел, когда дверь кабинета бесцеремонно отворилась, сильно ударившись о стену. Высокая женщина в военной форме, с карими глазами и забавными каштановыми кудряшками, окинула цепким взглядом помещение и при виде неуставных телодвижений, совершаемых Кэйтом, надменно вскинула левую бровь.

Отчего-то мужчину заинтриговала эта деталь. Почему не правую, почему не обе? Это возбуждало более, чем неприкрытая пикантность на его отключенном экране.

— Следователь Кэйт Свон, я полагаю? — поинтересовалась женщина, хватаясь за дверную ручку и резким движением прикрывая пути к отходу.

Тут же раздался звонок внутренней связи, ожили динамики, встроенные под потолок.

— Свон... — послышался дребезжащий голос шефа Мидлтона, — проследи, чтобы все указания советника были исполнены. Не напортачь...

Динамик тут же отключился, а незнакомка в военной форме, сложив руки на груди, ухмыльнулась:

— Судя по вашему лицу, следователь Свон, напортачить вы уже успели, — прошептала она с каким-то неестественным азартом. — И это не касается того непотребства, что вы все еще себе позволяете...

Женщина приблизилась, уперлась одной рукой в край его стола, а другой, затянутой в черную кожаную перчатку, задумчиво провела по его покрасневшей щеке. Дыхание перехватило.

— Кэйт Свон, — странным голосом протянула она, — я думаю, вам пора очнуться...

И тут взгляд его обалдевших глаз выхватил за ее спиной прислонившуюся к двери Клэр дэ Руж, а рядом с ней мужчину преклонных лет. Щегол в сером деловом костюме с опознавательным значком императорской канцелярии. Смешно блестящая лысина меж седых пушистых волос привлекала внимание не меньше, чем яркие пунцовые щеки незнакомца...

Только после этого взгляд пойманного с поличным следователя опустился на оттопыренную ширинку собственных штанов и расстегнутый пояс. Картину дополняла все еще находящаяся под тканью ладонь.

— Мама дорогая... — только и смог выдавить он, осознавая всю тяжесть своего положения.

— Боюсь, мой друг, — прошептала префект Леополиса. — Даже наше близкое знакомство не спасет вас от скандала... — и, недовольно поджав губы, обратилась к императорскому советнику: — Советник Димитрий... раз вы уже оторвали меня от дел и вернули в этот кабинет... не соблаговолите ли проводить к полковнику Мидлтону? Подозреваю, у нас произошел саботаж.

— Саботаж под внушением, — поправила свою госпожу настоящая Марта Лэйн, все еще с интересом разглядывающая то бледнеющего, то краснеющего следователя.

— Боюсь, в данном случае внушение только отягощает содеянное, — процедил советник Димитрий, соглашаясь проследовать к некоему Мидлтону. Дверь за ними захлопнулась. Марта позволила себе расслабиться и села на край стола.

— Не печальтесь, следователь Свон, — улыбнулась она, насмешливо потрепав его по торчащему крашеному ирокезу. — Всякое бывает.

Он уныло посмотрел на ее невзрачное лицо, бледное, со скучными карими глазами и тонкими губами.

— Как вы сняли внушение? — недоверчиво спросил следователь. Марта лишь криво усмехнулась.

— Я расскажу, как-нибудь. — И, чуть наклонившись, добила: — После того как вас с позором уволят.

Кэйт Свон сокрушенно опустил голову на стол и закрыл глаза. Тело сотрясала нервная дрожь от неудовлетворенного возбуждения и случившегося казуса. Все верно. Человеку, подвластному чужому внушению, не место в полиции.

— Но-но, — усмехнулась Лэйн, явно забавляясь его конфузом. — Не будьте так строги к себе. Вы ведь проходили тесты и знаете, что никто и никогда не мог вам внушить.

— И что? — он наконец оторвал голову от стола и непонимающе взглянул ей в глаза.

— А то, что повстречавшийся вам телепат по силе превосходит всех, известных нам, — пояснила она. — Однако, несмотря на это, вы ответите по всей строгости. Вы ведь понимаете?

Кэйт понимал, как никто другой. Этот случай сто процентов предадут огласке. И простые обыватели пуще прежнего начнут выискивать между знакомых тех самых скрытых телепатов, которые шутя могут испоганить жизнь кому угодно...

* * *

Леополис был городом небольшим, всего семьсот тысяч жителей. Но по меркам послевоенного времени и это крайне много. Стоял он на вершине горы, окруженный крутыми обрывами. В три разных стороны от него уходили широкие арочные мосты, по центру каждого неспешно двигались фуникулеры. Там, где эстакады соприкасались с каменной грядой, были смотровые площадки. Желающие могли подняться по каждому из мостов самостоятельно, по ступеням. Далеко внизу раскинулся хвойный лес. Он стелился плотным сизым ковром до самого горизонта. В особенно ветреную погоду с высоты птичьего полета создавалось впечатление, что это и не лес вовсе, а настоящее море. А стоило верхушкам покрыться снегом, внизу разгорался настоящий шторм.

Пристроив машину на ближайшей к восточному мосту парковке, женщина вытащила из бардачка парик с длинными белобрысыми волосами и привычно напялила его. Вскоре в сопровождении молчаливого Райго она уже спускалась вниз по склону в смердящем мочой нутре фуникулера.

Как она и планировала, они покидали этот город без преследования. Потому она без нервов наслаждалась пейзажами из окна сто семьдесят третьей кабины. Других пассажиров не было, они остались ждать на станции следующего рейса, уверенные, что транспорт еще не подходил. Райго сидел рядом, всё так же замороженный и молчаливый. Женщина лишь надеялась, что на этом ее приключения закончатся, и вскоре она, передав Райго шефу, спокойно растянет ноги на своем любимом диване с миской картофельных чипсов в руках.

Пейзаж за окном не менялся. Куда ни посмотри — одно небо да тучи. Казалось, они ползли еще медленнее проклятого фуникулера. Если подумать, то от подножия к городу

расстояние — полтора километра. Но переезд растянул этот путь аккурат в два раза. Собственно, восточный мост был длиной в три километра, и фуникулер, подпитываемый солнечными батареями, покрывал их за час. Если учесть, что остановки были на каждой смотровой площадке по пять минут, а в общей сложности из насчитывалось шесть, то полтора километра изначальной высоты превращались в те самые полтора часа поездки.

Скосив глаза в сторону камеры наблюдения, вмонтированной точно над ее правым плечом, женщина еще сильнее склонила голову, пряча лицо за волосами. Оно, конечно, без особой надобности. Ее всё равно не узнают. Но лишних улик оставлять не хотелось. А вдруг кто смекалистый догадается, что блондинка и лысая — одно и то же лицо?

Вагончик остановился уже на второй по счету смотровой площадке. Двери лениво разъехались в стороны. Кто-то вошел. Наверное, отстал от предыдущего рейса. Женщина продолжала смотреть в пол и удивилась, когда аккуратные лакированные туфли замерли прямо перед ней. Резко вскинув голову, она в ужасе отшатнулась...

* * *

Выйдя из кабинки, человек вытащил трубку и привычно набил ее табаком. Мужчина был высок и не слишком молод. Одет в черный костюм в продолговатую серую полосу и широкополую черную шляпу с антикварным шерифским значком на тулье. Из-под ее полей выглядывали длинноватые черные волосы, заплетенные в куцию косичку. В левой руке он сжимал саквояж, выполненный из чистой кожи и отделанный по углам раритетным силиконом. В карих раскосых глазах мужчины привычно застыла холодность. За его спиной остановился Иссиа Райго. Сознание медленно возвращалось к нему: шальная улыбка сползала с лица, подавляя проснувшийся разум новыми впечатлениями.

Первое, что он увидел, — это небо и шевелящееся сосновое море внизу, подернутое дымкой сизого тумана. Солнце нежно грело плечи, выбеливало аккуратное ограждение вокруг смотровой площадки. Выполнено оно было из белого камня, а может, и просто из цемента, покрытого белой краской. Райго не был в этом силен. Смерив фигуру мужчины взглядом и узнав его, неуверенно подошел и встал рядом у ограждения. Взгляд скользнул вниз, к каменному обрыву.

— Нан, как ты меня нашел? — тихо спросил он, обращаясь к нему старым детским прозвищем. Ветер чуть усилился, направив душистый дым табака в его сторону.

— Маяк сработал, — прошептал мужчина. — Тот, который тебе отец вживил...

— Думал, я от всех избавился, — прошептал юноша и тяжело вздохнул. Человек, который стоял рядом, пугал его больше всего на свете. Не потому, что тот был сильным и мог запросто убить, а потому, что знал о Райго такое, о чем он сам помыслить не мог...

— От этого не избавишься, — искренне улыбнулся Нан, и его лицо сразу сделалось моложе. Улыбка всегда преображала его.

— И что ты будешь делать? — вопрос Райго не был просто сказанным вслух для разрядки обстановки. Парня действительно волновало, что будут делать... к примеру, с ним самим? Нан ведь мог, да и должен был, убить. Невольно коснувшись рукой своей шеи, юноша тяжело вздохнул. Он так долго бежал от этого.

— Живи себе, — глубоко затянувшись, мужчина вытряхнул трубку через парাপет и, сунув ее куда-то в карман, направился назад к колее, сверху уже спускался очередной фуникулер.

Райго обернулся, смотря мужчине вслед с содроганием сердца. За Наном по белоснежной каменной поверхности площадки тянулись грязно-бурые следы.

Тем временем автоматизированный вагон остановился и разинул свой абсолютно пустой зев. И только когда прошли положенные пять минут, Нан зашел внутрь, а дверь за его спиной закрылась.

— Нан! — выкрикнул Райго, все же не совладав с собой. — Ты же не просто так здесь?!

— Просто стало любопытно, как живет младший брат, — тихо ответил мужчина, прекрасно зная, что тот не услышит.

Проводив вагон взглядом, Райго еще раз осмотрелся и с ужасом осознал, что вся его одежда заляпана чем-то неприятно липким, руки так вообще были красны от крови. Быстро стащив с себя куртку, он кое-как обтер ею оказавшееся грязным лицо. Сердце kloкотало, напоминая, что так может быть, только если рядом убили человека. Плюя на руки и вытирая щеки, парень с ужасом смотрел на рыжеватую слюну. В конце концов он просто свернул свои шмотки в комок и швырнул в пропасть. Сам же направился вверх по ступеням. Там был дом, деньги и еда. К тому же это не он убежал. Его похитили. Кто? Незнакомец. А почему отпустили?

Сцепив зубы, Райго ускорил шаг. Пока дойдет к станции, точно что-то придумает.

* * *

Кабина тихо ползла по колее. Унылый пейзаж и вовсе не радовал. Мысли полностью занимала незапланированная встреча с братом.

Впрочем, об этом можно подумать и дома.

Вытащив платок, Нан аккуратно отер лаковый ботинок от капельки крови. После открыл саквояж и, поставив его на пол, деловито залез внутрь ногами. В следующий миг чрево фуникулера озарила вспышка осуществляемой телепортации.

Когда медленный вагончик докатил до подножия горы, внутри уже никого и ничего не было. На самой же станции царил суматоха. Работники уже оградили часть площади, на которой толпились люди. Местный патрульный вызывал по рации оперативную группу, с ужасом заглядывая в кабину сто семьдесят третьего автоматизированного фуникулера, где на полу в луже крови на фоне забрызганных алым стен лежало обезглавленное женское тело. Головы рядом не наблюдалось.

* * *

Металлическое жужжание раздражало, прогоняя очень приятный сон. Попытавшись зажать уши, Нана сладко зевнула и крепче зажмурилась. Но когда это жужжащее начало щипать за ногу, терпение лопнуло. Взмахнув оной, девушка резко села и непонимающе уставилась на огромного робота-уборщика. Собственно, ничего в самом роботе странного не было. Металлический корпус, снизу механизм на колесах, по бокам четыре членистые руки. Две с четырьмя пальцами, а две — с клешнями. Вот только это была уличная модель размером в два человеческих роста и, похоже, имеющая виды именно на Нану. О последнем робот сообщал, тыкая своими механическими руками в ляжку девушки.

— Вон пошел! — крикнула она. Робот замер и отъехал чуть в сторону. Показалось, или решетка куда-то пропала? Потерев сонные глаза, девушка уперлась правой ладонью в шершавый влажный пол и нахмурилась, устремив взгляд вниз...

Асфальт под ее пальцами был бурым от крови. Тонкий красный ручеек утекал куда-то в сторону, огибая девушку, словно живой, обладающий зачатками разума. Сглотнув, Нана поджала ноги и проследила за его направлением. Едва удержалась, чтобы не закричать. Рядом, раскинув руки в стороны, лежал Тарис Лаен. В его голове аккурат по центру лба зияла кровавая дыра, к которой, собственно, и устремлялся алый ручеек. С таким же успехом

кровь вытекала из его затылка. Лицо парня искажала болезненная улыбка, а широко раскрытые воспаленные глаза слезились. Властвовать над двумя ранами генномодифицированный, видимо, не мог. Так ему долго не протянуть.

Робот-уборщик опять подъехал, но теперь потянул клешней за край штанины Лаена.

— Вон, я сказала! — взвизгнула Нана, подпрыгивая с места и пытаясь оттянуть робота от парня. — Не труп это! — ударила она ладонями по корпусу. — Иди отсюда!!!

Уборщик натужно зажужжал, взмахнув «руками», но опять послушно откатился. Нана же, нервно закусив кулак, чтобы хоть как-то привести мысли в порядок, быстро огляделась.

Какой-то тупиковый проулок, перерабатывающая отбросы станция. Слышно было шум людной улицы неподалеку. Все правильно, здесь работают только механизмы. Человек сюда никогда просто так не сунется... а вот для убийства...

Сколько лет прошло от последнего в Леополисе убийства?

Не время...

«Не время думать об этом, Нана», — мысленно прикрикнула она на себя, стараясь не думать о невесте куда подевавшейся тюремной камере.

Склонившись над раненым Тарисом, инстинктивно провела ладонью по его волосам, словно хотела успокоить. Хотя и сама не знала, зачем это сделала. Наверное, натура правозащитника выиграла.

— Ты продержись еще, — прошептала она, смотря в воспалённые синие глаза. — Я за помощью. — И, поднявшись, снова повернулась к роботу-уборщику: — Выключайся!

После чего самодовольно отметила, как робот, опустив руки, отъехал к стене и умолк. Дождавшись его полного отключения, Нана бросилась со всех сил к виднеющемуся в двухстах метрах от нее арочному проходу.

Согласно «Правилам поведения при обнаружении истекающего кровью человека», надо было выполнить следующее: первое — проверить наличие жизненных реакций, второе — отключить все чистящие механизмы, третье — связаться с управлением полиции и «скорой помощью».

Правила так плотно засели в голове девушки, что она даже толком не осознавала быстроты своих действий.

Фурией выскочив из арочного прохода на проспект, она закричала во всю глотку, пугая прохожих не только визгом, но и своим внешним видом. Длинные рыжие волосы висели мокрыми плетями. Порванная и частично прожжённая одежда была заляпана кровью. И только аккуратные черные замшевые туфельки, пропитанные специальными растворами для ухода, сияли безукоризненной чистотой.

* * *

Шаг у Клэр дэ Руж был тяжелый. Была ли это привычка, или сказались события прошедшего дня — старый советник не знал. Стараясь не отставать, он следовал за этой женщиной и удивлялся. Как она, будучи втрое старше него, могла так легко порхать на каблуках в экстравагантном зеленом платье, сшитом по последней моде?

— Это даже хорошо, что вы приехали, — выдала префект, не сбавляя скорости. Они шли вдоль больничного коридора третьего этажа в сторону реанимации. Широкая юбка женщины разлеталась при ходьбе, то и дело оголяя аккуратные ноги выше колена. — Возможно, ничего плохого еще не случилось.

— Почему вы так думаете? — пропыхтел Димитрий, не поспевая за ней. Женщина резко свернула в один из коридоров, и какая-то секретарша в испуге выронила папку с

бумагами... Последние десять минут Димитрий наблюдал такое не единожды. Людные коридоры пустели перед Клэр. словно врачи и медсестры боялись попасться на глаза разъяренному префекту.

Советнику неожиданно стало интересно: может, дэ Руж сейчас метает молнии глазами? Или выражение ее злости более утонченное? Ведь неспроста все по кабинетам прячутся.

Клэр тяжело вздохнула.

— Без вас мне сложно будет объяснить нашему начальству, что произошедшее не бред моей фантазии... — остановившись у двери из матового стекла с табличкой «Главврач Швецов А.В.», она поправила волосы и отворила.

Небольшой кабинет был заставлен стеллажами с горами документов. Слева виднелось узкое окно, а справа — рабочий стол. Напротив двери же висело огромное фотографическое изображение человека в разрезе. Сам Алек Швецов оказался неказистым, с классической славянской наружностью. На круглом упитанном лице устало поблескивали светло-карие глаза. Мелкий нос его привлекал внимание легкой горбинкой из-за старого перелома. А ведь сейчас такое за десять минут лечат... Главврачу навскидку было лет сорок. Общую картину дополняли коротко стриженные жиденькие волосики и лишний вес, столь необычный в их время.

В тот момент, когда титулованные визитёры зашли, Швецов сидел у себя за столом, жевал простой бутерброд и что-то набирал на клавиатуре.

Честно говоря, Димитрий думал, главврач сейчас подавится. Но упитанный мужичок ничуть не смутился. Молча спрятал свой бутерброд в выдвижной ящик стола и, вытерев руки платком, поднялся с кресла.

Клэр дэ Руж взирала на это молча, словно так и должно быть.

— Чем обязан? — не растерялся он. — Неужели опять жалобы от граждан? — при этих словах взгляд врача скользнул в сторону советника.

— Швецов, — мягко улыбнулась Клэр, — боюсь, вопрос о вашей профпригодности будет поднят на городском совете и без соответствующих жалоб.

— Вы о чем? — нахмурился мужчина, смотря то на префекта, то на неведомого гостя из императорской канцелярии. — Приказ свыше?

Тяжело вздохнув, женщина взглянула на императорского советника и только после этого начала:

— ГМО помрет, вот и будет разбирательство...

Главврач все еще не понимал. Какой к черту ГМО? И почему сразу помирать? У него в больнице еще никто просто так не умирал. Разве что от глубокой старости...

Клэр, поняв его замешательство по-своему, уточнила:

— Минут сорок назад к вам «неотложкой» поступил модифицированный человек со сложной черепно-мозговой травмой. Вместе с ним была девушка, рыжая, с нервным срывом. Собственно, состояние обоих меня и интересует.

— А... эти... — задумчиво протянул Швецов, хмуря жиденькие брови, и быстро нашел на столе стопку заполненных бланков. Просмотрел и констатировал: — Парень на операции. Девушка в психиатрическом отделении, палата номер пятьсот сорок...

Не успел он договорить, как Клэр резко развернулась и покинула кабинет, направившись в указанном направлении.

Советник поспешил следом.

— Вы в реанимацию? — пропыхтел он сзади, догоняя.

— В психиатричку, — ответила Клэр. — Надеюсь, ее не успели обколоть успокоительным.

— Думаете, она что-то знает? — хмурился Димитрий за ее спиной. Он чувствовал, что вспотел. Еще одного такого марафона может и не вытерпеть. Клэр, словно услышав его мысли, свернула к лифту.

— Вряд ли знает, — скривилась женщина, входя в кабину. Дождавшись, когда старик поравняется с ней, нажала кнопку пятого этажа. — Но кое-что важное помнить может. А это даст пути к решению вопросов.

— К примеру, каких?

Косо взглянув на мужчину, женщина пояснила:

— К примеру, почему в тихом Леополисе, не выдавшем убийств последние лет сто, произошло сразу три, да еще с участием одних и тех же лиц.

Помрачнев, старик опустил голову.

— Три? — удивленно взглянул на нее мужчина. Он и сам никогда не сталкивался с такими преступлениями.

— Преподаватель академии, ГМО, который точно не выживет, и женщина, найденная в фуникулере, — пояснила она. Лифт аккуратно остановился, и массивная дверь отъехала в сторону.

В коридоре стояла молоденькая медсестра в белом халате с десятком пустых пробирок и шприцов на подставке, которую держала в трясущихся руках. Отскочив в сторону и пропустив префекта, медсестричка прошмыгнула в кабинку и нажала кнопку подвального этажа, где находился морг.

Клэр прошла еще несколько шагов, прежде чем удивленно остановиться... С каких пор медсестры психиатрического отделения едут в морг с пробирками?

Глава 3

Мне всегда казалось, что надо быть послушным и чётко следовать правилам. Достаточно оставаться не особо заметным и не слишком невидимым, и тогда всё сложится хорошо. А если случится нечто непоправимое, лишь покорно опустить голову перед палачом.

Странно, оказалось, я не умею плыть по течению, ведущему к обрыву. Я из тех лягушек, которые будут барахтаться и даже в топях найдут сухой клочок земли.

Запись в дневнике Наны Вагнер

Тридцатый день Зелёного календаря

317 год от Перелома

Этот день был воистину ужасающим. Один длинный кошмарный сон, которому, казалось, не будет конца. Умыв лицо, Нана тяжело взглянула на своё отражение. Широкое зеркало показывало достаточно, чтобы понять: она устала не только морально, но и физически. И дело даже не в царапинах и не в разбитых коленях. Даже не в сорванном голосе. Что-то изменилось в её взгляде. словно мир больше никогда не станет прежним.

— В конце концов, я стала свидетельницей двух убийств, — вздохнула она, опустив взгляд к умывальнику, на который опиралась обеими руками. Тарис не выживет. С такими ранениями не выживают, или всё же?.. Тёплая вода текла из крана жидкой струйкой, которая автоматически истончалась с каждой секундой, пока совсем не иссякла. Было бы прекрасно, если бы с ней в водосток ушло и всё беспокойство: за странного Тариса с дыркой в голове и похищенного Райго. За мёртвого преподавателя и оконфуженного следователя Кэйта Свона. В конце концов, за предстоящую встречу с префектом Клэр дэ Руж и советником Димитрием, прибывшим из имперской столицы, Сельвы.

Вытерев мокрое лицо больничным полотенцем, Нана взяла серенький хлопчатый халат, выданный ей медсестрой, и задумчиво надела его.

Не хотелось выходить из душевой, тем более зная, что за дверью её ждут только очередные проблемы.

Душевая примыкала к одиночной палате, которую выделили девушке. Охраны не приставили, так что при желании Нана могла уйти и скрыться. Но, проучившись на юридическом всего один год и едва закрепившись на втором курсе, она уже прекрасно понимала: бегство от системы не выход. Это неблагоразумно и глупо. Так или иначе, всё, чем ей грозят последние события, — это одиночным заключением на два-три года в Эйпонской тюрьме строгого режима. Возможно, кто-то додумается отправить её на исправительные работы в Кальтеней, где проводят генетические опыты. Это, конечно, менее желательно. Но стоя перед выбором: выступить против системы и стать модифицированной, — Нана выбирала второе.

Хотя второе напрочь отрежет её от семьи...

Она даже не заметила, как села на больничную койку в своей палате и принялась методично расчёсывать длинные рыжие волосы, уже отмытые от крови. Перед глазами опять всплыло скалящееся лицо Тариса с широко раскрытыми глазами. Ручейки слёз и беспрерывно текущая кровь, пытающаяся втиснуться обратно в дырку в его лбу.

Нана сглотнула, пытаясь прогнать накатившую тошноту... Нет, быть таким чудовищем

не хотелось. Ей вполне хватало своей абсолютной нормальности и соответствия генетического кода стандартам гомо сапиенс.

Неожиданно послышался стук, и дверь тут же отворилась. Подняв глаза на вошедшую медсестру, Нана вздрогнула. Это была Айша.

Девушка, такая же рыжая, как она сама. Она непринуждённо оставила поднос с пробирками и уже полными шприцами на прикроватную тумбочку и улыбнулась.

— Привет, сестричка, — сев рядом, заглянула в опарашенные зелёные глаза и удивлённо вскинула брови. — Ты меня не ждала?

— Что ты здесь делаешь? — удивилась она, скользнув взглядом по девушке.

— Работаю, — улыбнулась та. — А после того как убью тебя, уеду домой.

Нана попыталась встать, но крепкая рука Айши, ухватив её за запястье и, больно вывернув его, быстро вернула жертву на место.

— Не стоит никуда торопиться, сестра, — прошептала она на ухо и скривилась, — глупая, порочная тварь. Тебе мало было пойти против главы клана и полезть учиться в этот гнилой город... ты ещё и с ГМО связалась.

— Ты не так поняла, — голос Вагнер дрожал уже не столько от пережитого, сколько от страха.

— Я прекрасно поняла, — зло процедила Айша, — или ты думала, клан не следил за тобой? — она ещё больней вывернула руку, и Нана зашипела, сгибаясь от боли.

— От-пус-ти, — надо было кричать, а не шептать, но ужас сковал, не давая и шевельнуться.

Сестра, да какая сестра, клановая надзорная, не дающая жить спокойно, лишь усмехнулась:

— Смирись, ты и так сделала достаточно. — Айша же без лишних церемоний взяла шприц и сняла зубами колпачок с иглы. Нана все же попыталась вывернуться. Но сил не хватало даже на это. Игла уверенно вошла в руку. Жидкость колючим холодом потекла по вене. А в следующий миг сестра ее отпустила.

— Это лучшее, что наш отец может тебе предложить, — прошептала она, укладывая резко ослабшую Нану обратно в кровать. — Тебя медленно поглотит апатия, ты так расслабишься, что просто задохнёшься, не желая работать лёгкими, — и, заботливо погладив ее по волосам, Айша улыбнулась. — Конечно, ты всегда можешь ускорить процесс... Прощай.

Потом, словно ничего не случилось, молча покинула палату, не забыв прикрыть дверь.

Беззвучно всхлипнув, Нана сползла на пол и сжалась в комочек.

Отчего-то вспомнилось, как два года назад девушка приехала в Леополис западным фуникулёром. Была середина голубого календаря, весна по старому летоисчислению. Шёл дождь, и, несмотря на то, что накануне пригревало солнце, на краях луж схватывался лёд. В тот день, оторванная от семьи, оставив на прощанье лишь письмо матери, Нана хотела исполнить свою мечту. Стать независимой от своего клана с его архаическими устоями и взглядами на мир.

Теперь, оказывается, она питала напрасные надежды. Она не сбежала. Её никто и никогда никуда не отпускал, неустанно следя за каждым шагом. Если бы не утреннее происшествие, кто знает, сколько бы ещё пришлось тешить себя надеждами.

Перед глазами опять всплыло лицо модифицированного парня, сквозь слёзы и немой смех сопротивляющегося собственной смерти.

Сжав кулаки, Нана зашипела, борясь с поглощающей её апатией и холодом. Слёзы отступили так же резко, как и пришли. По телу разливалась нега. Блаженство, в котором так легко уснуть... Навсегда...

Неужели она, чистокровный человек, слабее животного?

Нет...

Чёртова Айша... Думала, достаточно обколоть неудачницу этой дрянью?

Заставив себя встать, Нана пошатнулась и зло смахнула прилипшие к лицу влажные волосы.

— Значит, это я порочная тварь, да? Никогда... Иначе я не Нана Вагнер!

Образ глупого ГМО подсказал ей, что делать. Кое-как замотав волосы в пучок и забрав с тумбочки подставку с пробирками и шприцами, она на негнущихся ногах вышла из палаты. В голове соревновались два оглушающих желания: перестать двигаться и идти дальше, несмотря ни на что.

Выход есть всегда, из любой ситуации. И шанс спастись остается даже тогда, когда в твоей крови течет черное зелье, отмеряющее время до последнего мгновения твоего существования.

* * *

Райго никогда не думал, что путь по лестнице может занять так мало времени. Его знобило от ужаса, пришедшего после встречи с родным братом. Тошнило от вида размазанной по коже крови, так и не стёртой до конца. А больше всего страшило, что каждый увидевший его будет понимать, что это человеческая кровь.

Солнце всё ещё стояло высоко, когда он, уставший и голодный, дошёл до восточной станции фуникулёра. На вершине его ждала высокая женщина, одетая в военный костюм. На бирке, пришитой к груди, значилось: «Адьютант Марта Лэйн».

Это была та самая пресловутая помощница префекта Леополиса, о которой на историческом факультете ходили легенды. Такая и в горящую избу зайдёт и не только коня на скаку остановит, но и взбешённого ГМО щелчком пальца приструнит. Не женщина, а бой-баба. И славу свою она получила не зря. Как и префект, Марта Лэйн отличалась долгожительством, удивительным даже по нынешним меркам. Говорят, такой уникальностью отличались лишь несколько человек. И все они вполне заслуженно стали весьма известными личностями, так как были живыми носителями настоящей истории.

Лэйн стояла у самого края ступенек, надменно, совсем не по-женски выпятив подбородок и сложив руки перед собой. За её спиной, навтыжку, застыли четверо модифицированных со значками местной полиции. Трое парней и одна девушка. То, что это генно-модифицированные, Иссиа понял лишь по наличию тех самых пресловутых ошейников на фоне чёрной полицейской формы. Лица их были полны безразличия. Совершенные тела, застывшие в одинаковых позах «вольно», кипели от дикой, нечеловеческой силы.

Остановившись на несколько ступенек ниже, Райго выжидающе взглянул на адьютанта. И последнему дураку было ясно, что она ждала его со всей этой свитой.

Усмехнувшись краешками губ, Марта молча развернулась и пошла на стоянку, расположенную неподалёку.

Иссиа, не издав ни звука, последовал за ней, даже не пытаясь предугадать её действий. Глупо, тем более что ГМО окружили его, словно телохранители императора.

Только когда они сели в машину, и Марта вырулила на дорогу, ведущую в местный парк,

Райго напрягся. Он расположился сзади, отделённый от водителя решёткой. Модифицированные, как истуканы с отмороженными лицами, бежали следом, непринуждённо увеличивая скорость вместе с их транспортным средством. Как-то всё это походило на муторный сюжет третьесортного триллера.

— Госпожа Лэйн, куда вы меня везёте? — тихо поинтересовался Иссиа. В зеркале заднего вида отразились карие глаза Марты под длинной курчавой челкой.

Немного добавив скорости, она с едва уловимым весельем протянула:

— Следует спрашивать не куда, а зачем, мой юный друг. — И, вывернув руль, заставила машину съехать с дороги, нырнув в зазор между высоких деревьев местного леса. Их сразу же подкинуло на ухабе.

Испуганно вцепившись в ручку на левой двери, Райго закричал:

— Вернитесь на дорогу, мы же разобьёмся!

Теперь в салоне раздался уже откровенный смех долгожительницы. Обернувшись, она весело подмигнула и вновь крутанула руль, объезжая корягу.

— Ну ты и истеричка, — протянула она и резко ударила по тормозам.

По инерции обоих бросило вперёд. И всё же они стояли, что не могло не радовать. Не успел Райго с облегчением вздохнуть, как тут же почувствовал знакомое напряжение, такое бывает, когда другой телепат пытается залезть в мозг и что-то внушить. Попробовал выбраться из машины, и сразу же один из ГМО, массивный рыжий парень, сверкнул на него страшными глазами с вытянутым зрачком.

— Советую не дёргаться, — прошептала Марта, не оборачиваясь и следя за его действиями через зеркало. — Ребятам отдан приказ действовать на поражение. — В зеркальном отражении мелькнула её улыбка. — Это значит, что тебя могут убить.

— П-пер-рестаньте, — заикаясь, прошептал он, чувствуя, как мозг начинает медленно закипать. Казалось, ещё чуть-чуть — и он потечёт через уши.

— Расслабься... и дыши глубже, — посоветовала Лэйн, всё так же не оборачиваясь. — Я всего лишь посмотрю, что она с тобой сделала.

— Она? — Райго сглотнул, жмурясь от нахлынувшей боли, не понимая, о чём говорит адъютант префекта. Он помнил лишь брата.

И Марта каким-то образом поняла это.

— Твой похититель, женщина двадцати шести лет, лысая, с бионическим усилителем мозговых волн, встроенным в череп. Сомневаюсь, что ты ещё что-то разглядел в тот миг, когда она взяла тебя под свой контроль.

— Я не помню, — уже еле слышно вымолвил Райго, обессилено повалившись на сиденье. В глазах рябило, в памяти всплывали странные образы. Всё это страшным калейдоскопом мелькало на фоне поглощающей пульсирующей боли, ввергая юношу в пучину сомнений.

Перед глазами неожиданно мелькнуло то странное, полное обаяния лицо. Оно скалилось жестокой улыбкой, выстреливая из допотопного оружия в голову какому-то человеку. Боль умирающего тут же пронзила тысячами иголок. Мускулы сжались от ужаса, тело скрутило судорогой. Но стоило чуть отдышаться, как перед глазами застыла отрубленная голова, из которой Райго собственными руками выдирает био-имплантат с монотонно мелькающей красной лампочкой...

Марта Лэйн точно знала своё дело. Спустя пару минут она уже сидела рядом с юношей и, положив его голову себе на колени, заботливо гладила по волосам, помогая расслабиться.

ГМОВцы всё так же стояли вокруг машины, замерев на некотором отдалении от неё.

Райго был в отключке, поглощённый собственными воспоминаниями. Лэйн же медленно считывала их, методично отпечатывая в собственном сознании. Наконец, закончив своё чёрное дело, она приспустила перчатку на левой руке и включила коммутатор, тонким браслетом охватывающий её запястье.

— Задание выполнено, госпожа. Иссиа с нами, — выдохнула она, коммутатор задрезжал и выдал ответ довольно-таки знакомым голосом:

— Чудесно, — проговорил префект. — Вези его в больницу.

В следующий миг все четверо генно-модифицированных забрались в машину. Двое прижали Марту со спящим Райго по бокам, остальные заняли места спереди. Рыжий парень с по-кошачьи вытянутым зрачком сел за руль и плавно повёл машину к трассе.

— Клэр дэ Руж знает, что вы телепат? — как бы невзначай поинтересовался он. Остальные полицейские сидели молча, но их интерес прямо ощущался в воздухе. Марта улыбнулась, задумчиво пропуская сквозь пальцы чёрные, не слишком длинные пряди Райго.

— Можешь быть спокоен, Виктор, — загадочно улыбнулась она, — эта женщина в курсе всех моих приключений.

— Впредь не применяйте ко мне и к моим людям свои таланты, — рыжий ничуть не удовлетворился её ответом. — Я не хочу, чтобы моя карьера пошла прахом из-за вашей неосторожности.

Марта не ответила. Откинувшись на спинку кресла, она тяжело вздохнула, окунаясь в чужие, ставшие уже её частью, воспоминания. Ей было неинтересно, что думают о её телепатии окружающие ребята. Вскоре они забудут о случившемся, как о дурном сне, и ей, долгожительнице Лэйн, будет абсолютно безразлично то, что из их жизни пропадёт это глупое приключение.

* * *

Коммутатор, встроенный в браслет, затрещал. На его поверхности заискрилось имя Марты Лэйн. Префект, не раздумывая, включила связь и тут же услышала сообщение:

— Задание выполнено, госпожа, Иссиа с нами, — голос Марты был уставшим, словно она только что пробежала целый марафон. Но Клэр прекрасно знала, что причины совсем иные.

— Чудесно, — вздохнула она и недовольно поморщилась, думая, что же сказать советнику, стоящему рядом. — Вези его в больницу.

Коммутатор, встроенный в браслет, отключился, оставив Клэр дэ Руж наедине с Димитрием и пустой палатой, в которой должна была находиться Нана Вагнер.

Теперь всё встало на свои места. Не зря её так удивила шарахнувшаяся медсестра с пробирками. Резко развернувшись, женщина направилась назад к лифтам.

— Вижу, у вас неудачный день, госпожа префект, — усмехнулся советник, явно поняв то же, что и Клэр: Вагнер сбежала. — Куда на этот раз?

— В морг, — без колебаний ответила дэ Руж и снова включила коммутатор, теперь уже связываясь со Швецовым. — Команду санитаров в морг, срочно. Ищем Нану Вагнер.

— Представьтесь, пожалуйста, — прошептал по связи девичий голосок, явно секретаря.

— Это префект, дура, — раздался следом за ним грубый бас главврача, и тут же отчеканило: — Будет исполнено!

Отключив девайс, Клэр дэ Руж невозмутимо следила за тем, как советник вызывает

лифт.

— Напомните мне, господин Димитрий, — она внимательно взглянула на старика, — на кой вам наши преступники?

— О-о-о, — усмехнулся мужчина, — понимаете ли, император желал с ними отобедать...

— С преступниками? — скептически вскинула брови Клэр.

— Именно с вашими, — усмехнулся Димитрий и вошёл в отворившуюся дверь подъехавшей кабины. Префект шагнула следом и нажала кнопку нулевого этажа.

— Его величество получил утреннюю сводку о преступлениях и тут же решил поглазеть на убийц?

— Судя по всему, его величество даже порывался явиться сам, но Альков впервые единодушно проголосовал «против».

— И почему я не удивляюсь, — выдохнула Клэр.

— Не стоит ехидничать, госпожа дэ Руж, — поморщился Димитрий, — нам ещё не хватало потакать прихотям молодого императора.

— Ну да, конечно... — покачала головой Клэр.

Прошло уже полтора года, с тех пор как император Фердинанд вступил в права наследования. И если бы с его восхождением на трон было все так просто... Предыдущий император скончался еще лет пятнадцать назад, и все это время правил Высший совет. Сам Фердинанд славился крайним равнодушием к своим обязанностям. И тут, оказывается, совет не хочет потакать его прихотям...

Лифт остановился и отворил двери, но никто не шелохнулся: разговор продолжался.

— Если бы он поинтересовался финансами страны, Совет облегчённо вздохнул бы. Но Его величество с завидным постоянством приглашает к себе лишь правонарушителей.

— Почему вы мне это говорите? — нахмурилась Клэр, пристально взглянув на советника и поймав на себе такой же внимательный взгляд.

— Потому что вы особенная, госпожа дэ Руж, — посерьёзnel Димитрий, — никто в этой империи не переживал троих императоров. И уж тем более никто из всех мне известных уникамов не был вхож в личное пространство правителей.

— Кроме меня? — она усмехнулась. — Не бойтесь ошибиться, говоря мне это?

— Вы долгожитель, — словно этим всё сказано, пояснил Димитрий. — Вам бы следовало сидеть в алькове мудрецов вместе со своей помощницей...

Фыркнув, Клэр вышла из лифта и огляделась. Коридор был светлым и чистым. В воздухе витал слабый запах формалина.

Людей, кроме них двоих, не было. Поднеся руку с коммутатором к лицу, префект гаркнула:

— Швецов, мать твою, где санитары?! — не успела закончить фразу, как из коммутатора донеслась крепкая ругань:

— Простите... — басовито выдохнул Швецов, — у нас... ГМО взбушевался... ошейник не срабатывает!

— Какой к чёрту ГМО?!

— С дыркой в башке!

В следующий миг Клэр уже ничего не слышала, оглушённая разразившейся воем сиреной.

— Да, — выдохнул советник, зажимая уши, — без моего подтверждения император вам

точно не поверит...

Клэр его не слышала. Нервно поведя плечом, она двинулась по единственному коридору.

Лифт стоял в тупике, и единственный коридор, воняющий формалином, вёл именно в морг, коим и заканчивался. Никакие коридоры или лифты на парковку не вели. Зато тут имелась морозилка, в которой санитару «принёс — загрузил» даже при острой необходимости находиться дольше положенного было невыносимо. Слишком холодно. Так что поиск рыжей дурынды не должен был занять много времени. Конечно, оставалась вероятность, что девчонка поняла ошибку и успела добраться до второго этажа, где находилась общая приёмная и спуск на больничную парковку. Уверенно пройдя мимо морозилки, Клэр дэ Руж проверила оба пустующих кабинета и зашла в патологоанатомическую лабораторию, в которой, кроме двух абсолютно чистых операционных столов да тумбочки с приборами, ничего и никого не было.

Растерянно оглянулась. Вот же ж...

Оставались только санитарные шкафы. Пройдя вдоль лаборатории, женщина уверенно нажала на скрытую панель. Створка, ничем не выделяющаяся в стене, отъехала в сторону. Внутри висела парочка водонепроницаемых халатов и био-защита, больше ничего.

Клэр тяжело вздохнула и, потеряв уставшие за день глаза, мотнула головой, ещё раз оглядывая лабораторию. Значит, студентка сбежала.

Сирена стихла через миг, и тут же из коридора послышался взволнованный оклик Димитрия. Нахмурившись, Клэр поспешила к нему и едва сама не охнула от увиденного.

За полупрозрачной заиндевевшей дверью морозильной камеры чётко виднелся человеческий силуэт, прижавшийся к створке с другой стороны.

Отворили дверь без особого труда, и тут же на пол плюхнулось дрожащее от холода тело той самой «медсестры», ранее шарахнувшейся от них. Только сейчас Клэр обратила внимание, что халат не особо похож на врачебный, к тому же он был заляпан кровью. Нана, находясь в странном оцепенении, прижимала к груди изрезанную руку и тяжело, натужно дышала.

Нахмурившись, Клэр опять вызвала Алека Швецова по коммутатору.

— Сейчас в морге появится первый больничный труп за последние шестьдесят лет. Если тебя такая перспектива не вдохновляет, двигай булками.

— Это шутка?

— Я тебе ухо вместо носа пришью, вот это будет шутка! Санитаров и носилки в морг быстро! Здесь переохлаждение!

* * *

Райго очнулся спустя минут пятнадцать, когда машина уже вырулила на дорогу, ведущую к госпиталю.

— Клэр дэ Руж знает, что вы телепат? — повторяя вопрос Виктора, спросил Иссиа. Лэйн вздохнула и помогла ему сесть.

— Есть вещи, которые может сделать только телепат, Райго, — пояснила она, видя, как наострили уши окружающие их полицейские. — К примеру, проверить, не запрятали ли в твоё тело каких-нибудь опасных подарков.

Иссиа непонимающе нахмурился и чуть повернул голову, пытаясь увидеть глаза Лэйн.

— Опасных? — переспросил он.

— Взрывоопасных, — уточнила Марта и зевнула, — биологически опасных... Они

разными бывают.

Сглотнув, парень поёжился.

— Это потому меня в лес привезли?

— Увы, уничтожать зазря единственное бомбоубежище никто не намерен, — извиняющимся тоном пояснила адъютант и снова зевнула. — А твой брат очень интересный человек. Познакомишь нас на досуге.

— Хотите и в его голове порыться? — поморщился Иссиа, представляя, как бы отреагировал Нан на его месте.

— М-м-м... нет, мне бы его для других целей, — потянулась Марта и, в третий раз зевнув, пристально взглянула на модифицированного, сидящего возле неё. Райго мог руку дать на отсечение, что мысленно отдала приказ. Потому что в следующий миг машина остановилась около подъезда к госпиталю. Все четверо генно-модифицированных выбрались наружу и застыли, как истуканы, в том же положении, в котором ранее бежали. Марта же невозмутимо перебралась на водительское место.

— Я думаю, всем стоит очнуться, — прошептала она едва слышно и тут же сказала громче: — Как хорошо, что вы мне помогли, капитан!

Рыжий подошёл и, нагнувшись к окну с её стороны, широко улыбнулся:

— Делов-то, дитё со станции забрать, — подмигнул он и, прищурив глаза, прошептал: — Моё предложение в силе, Марта. Я жду тебя вечером.

— Мой ответ тот же, — осклабилась адъютант, — после дождика в четверг!

— Эх-х... только нервы треплешь, — картинно вздохнул рыжий и отошёл от машины. За ним поплелись его подчинённые, обсуждая нелепую поездку к восточной станции.

Райго тактично молчал, понимая, что ГМО ничего не помнят с того момента, как его встретили.

— Вы не боитесь, что я разболтаю? — поинтересовался он. Марта обернулась и смерила его насмешливым взглядом.

— Видишь ли, — ехидно протянула она, — я-то проверку пройду даже после твоего языка, а вот ты её не переживёшь. Ощущаешь разницу?

Райго нахмурился.

— В тюремных камерах что, прослушка стоит?

Лэйн прыснула. Отвернувшись, снова завела машину, направляя её к стоянке, которая раскинулась под зданием огромным полуподвальным залом.

— Ну ты и балбес, Райго, — покачала Лэйн головой, проезжая через пропускной пункт. — Я только что рылась в твоей голове. Думаешь, этого недостаточно, чтобы узнать о тебе всё?

— Нет, — нахмурился Райго, внутренне холодея от страха.

— Ну да, — вздохнула Марта, — о твоём брате в памяти только один кровавый эпизод... и даже лица не видно. Поэтому действительно не всё. Так что с тебя знакомство.

Райго упёрто отвернулся к окну. Даже если его просила адъютант префекта, почти двухсотлетняя тётка, телепат со стажем, вертящая ГМОшниками как марионетками... Он не познакомит её с братом, как бы она ни хотела.

— Жаль, — вздохнула Лэйн, нагло читая его мысли. — Он мне понравился.

— Перестаньте так делать!

— А то что? — она остановила машину и, заглушив мотор, вышла. — Пожалуйтесь друзьям? Есть ли они у тебя? — она выжидающе посмотрела на него, молчаливо предлагая

выходить.

Райго промолчал. Что тут скажешь? Он ничего не мог противопоставить Лэйн.

* * *

Ютясь на шаткой табуретке в собственном кабинете, главврач Алек Швецов волком поглядывал на Клэр дэ Руж. Темнокожая женщина хмурилась и нервно постукивала длинными ухоженными пальцами по его рабочему столу, за которым устроилась. Рядом расположился императорский советник Димитрий со странным одухотворённым выражением лица. Слева, у окна, стоял следователь Кэйт Свон, мрачный, как грозовая туча. Его шеф, Мидлтон, топтался рядом с не менее пакостным настроением. Дверь отворилась, и в кабинет втокнули Райго, он был в одних брюках, перемазанных чем-то бурым, смутно напоминающем кровь. Следом за полуголым парнем вошла грозного вида женщина. Швецов поёжился, поймав на себе её оценивающий взгляд.

— Что ж, — начала Клэр, — советник Димитрий, мы собрали всех, каковы теперь ваши пожелания?

— Я всё ещё намерен забрать эту троицу в столицу.

Поморщившись, префект уставилась на застывшую у двери Марту, словно та могла высказать парочку аргументов против.

— Увы, император обратился в управление быстрее нас, госпожа, — развела руками адъютант. Райго растерянно начал оглядываться, понимая, что говорят о нём и остальных двух соучастниках.

— В данном случае императорский запрос приоритетнее, — мрачно сообщил Мидлтон, пятидесятилетний подтянутый мужчина в полицейской форме. Его безбровое лицо выглядело обрюзгшим, особенно сейчас, когда у полковника не было настроения. — К тому же полицейское управление уже одобрило запрос. Вы сами слышали.

— А вы что скажете, Швецов? — обратилась префект к главврачу, нагло покачиваясь в его рабочем кресле. Мужчина сглотнул, чувствуя себя не в своей тарелке. Точнее, нагло вытуренным из неё.

— М-м... жизни Наны Вагнер ничто не угрожает, — неуверенно начал он, — к утру будет стоять на ногах. Резаные раны, нанесённые, судя по всему, скальпелем, мы зашили. Яд нейтрализовали. Если не будет напрягаться, сможет покинуть больницу к завтрашнему обеду.

— А Лаен? — поинтересовался Свон. Райго у двери напрягся. Он понимал, что никто в комнате не шутит. И тогда как он отделался лишь испугом, с ребятами случилось нечто страшное.

— С ним сложнее, — выдохнул Швецов и поморщился, подбирая нужные слова. — Он ведь модифицированный. К тому же с повышенным пси-фактором. Ускорена физическая регенерация, осознанное управление собственными клетками на высшем уровне, но... — он сглотнул, — тип ранения необычен, я с такими не сталкивался. Мы хотим установить патронаж над ним до полного выздоровления, для сбора информации.

— Но он уже может ходить? — встрял Димитрий.

— Он это продемонстрировал сразу по окончании операции, — пожал плечами главврач. — А вот что в его голове творится, ещё под вопросом. С мозгами шутки плохи, господин советник, тем более с гемовскими после ранения. Лично меня волнует, будет ли он говорить, будет ли понимать речь, будет ли адекватен. Потому что в противном случае...

— Что ж, прекрасно, — перебила его префект, не давая договорить и обращаясь уже к

советнику. — Не смею вас задерживать, Димитрий. Можете забирать этих, кхм... правонарушителей хоть сейчас, — решила Клэр и откинулась на спинку кресла с таким видом, словно так и должно быть. Она скользнула взглядом по напряжённому, побледневшему Райго и посмотрела на советника. — Как будете добираться? Телепортом, или вы на фуникулёре?

Казалось, Димитрий сейчас запрыгает от радости. Но прошёл миг, а на его лице проскользнула лишь озадаченность. Видимо, о транспортировке старик не подумал.

— Не считите за наглость, — обернулся к префекту Мидлтон, — но согласно правилам проведения телепортаций преступников запрещено транспортировать таким способом, — напомнил он.

— Ну что вы, — вклинился Димитрий, — мне будет достаточно личного транспорта и сопровождения парочки модифицированных. К примеру, вертолёт... — и тут же нахмурился, встретившись с хитрым прищуром Клэр дэ Руж.

Улыбка префекта стала ещё самодовольней, обнажая острые контрастно-белые зубы.

— Господин советник, — женщина поднялась и, обойдя стол Швецова, встала перед стариком. — На балансе Леополиса нет воздушного транспорта. Так что ничем не могу помочь, — она обернулась к полковнику. — А вы, Мидлтон?

— Аналогично, — процедил тот.

Алек Швецов решил промолчать, его и не спрашивали.

— Но хотя бы парочку ГМО...

— А вот насчёт последних вы сами виноваты, что не подумали заранее, — оборвала его дэ Руж. — Согласно Правилам передвижения ГМО, находящихся на службе Сакской империи, без разрешения императора ни один генно-модифицированный не может войти в столицу без соответствующего запроса совета или императора. А отправить людей в командировку, где пунктом прибытия будет чистое поле, увы, запрещает Инструкция о служебных командировках в пределах Сакской империи и за её границы.

— Но...

— Всё своими силами, господин Димитрий, — не стала слушать его возражений Клэр. — Согласуйте выписку ребят с главврачом. Райго можете забирать хоть сейчас.

На этих словах префект Леополиса подбадривающе похлопала старика по плечу и в сопровождении своего адъютанта покинула кабинет главврача, оставив старого советника наедине со вжавшимся в стену Иссиа и не менее мрачными Своном, Мидлтоном и Швецовым.

— Вы уверены? — тихо спросила Марта, когда они подошли к лифтам. — Как бы он не посчитал ваши действия саботажем.

— Мне всё равно, что он подумает, — нахмурилась Клэр в ответ. — Они не покинут город, пока мы всё не расследуем.

— А если покинут?

— Флаг в руки, — лифт раскрыл двери, и дэ Руж уверенно зашла внутрь, — посмотрим, как он будет сражаться с бюрократическими заморочками.

Кабина лифта выплюнула двух хмурых женщин на седьмом этаже, где находилось хирургическое отделение. Светлый широкий коридор резко контрастировал с тёмными полотнами дверей. Большая часть палат пустовала. Обычно больные не задерживались здесь дольше, чем на три часа, и разъезжались по другим этажам ещё засветло. Так что единственной наблюдаемой этой ночью была Нана Вагнер.

Марта не спрашивала начальницу, для чего они здесь. Это и так было очевидно. Не иначе как дэ Руж захотела ещё раз воспользоваться способностями своей строгой помощницы.

Проходная расположилась сразу у лифтов. Дежурная медсестра удостоила их лишь кратким взглядом и вернулась к своим делам. Больше ни одного свидетеля их пребывания здесь не наблюдалось.

Гулкий коридор разносил эхом каждый шаг женщин. Дверь палаты, к которой они направлялись, по правилам оставалась без замка. Сквозь её матовое стекло тускло светила настенная лампа.

Женщины зашли внутрь молча, не сговариваясь и не переглядываясь. Клэр прикрыла дверь и придавила её спиной. Марта же прошла в глубь палаты и остановилась у изголовья кровати.

Нана спала. Её кожа казалась болезненно бледной. Рыжие волосы были аккуратно заплетены медсестрой в косу, дыхание контролировалось аппаратом, закрывающим нижнюю часть лица полупрозрачным колпаком.

Придвинув к себе единственный стул, Лэйн опустилась на него и привычно коснулась ладонями висков пациентки. Прикрыла глаза и отправилась в своеобразное мысленное путешествие.

Клэр не говорила, что хочет узнать. Её личному адъютанту и без вопросов было понятно, что надо искать. Проведя подле своей начальницы почти пятнадцать лет, женщина научилась понимать её желания, даже не получив ни единой подсказки.

* * *

Алек Швецов, взяв шефство над Райго, повёл несчастного в больничный душ отмываться. Так что в его тесном кабинете осталось лишь трое нервных мужчин.

Взглянув на часы, Мидлтон недовольно поморщился. Было уже полседьмого вечера, а он привык в это время ужинать с семьёй. Увы, сегодня в связи с чрезвычайной ситуацией приходилось исполнять роль шефа городской полиции дольше, чем положено. Свон стоял рядом — не менее хмурый. Конечно, если учитывать все его дневные злоключения, это неудивительно, но лично Мидлтону не хватало сейчас хорошего настроения подчинённого.

Советник Димитрий, в свою очередь, задумчиво поглядывал в окно и что-то периодически бурчал себе под нос. Он был зол.

— Полковник Мидлтон, вы должны мне поспособствовать. Я обязан доставить эту чёртову троицу к императору.

— Но я же не могу вместо вас отправить запрос в столицу на ввод в её пределы леополиских ГМО, — возразил тот самый полковник.

— Но...

— Блин, старик, — вспыхнул Кэйт, — неужели так сложно действовать по закону?

— А вы... — побагровел Димитрий, не привыкший к такому обращению и уж тем более не терпящий оного. — Очень-то сегодня действовали по закону!

— Хватит, Свон, — одёрнул Мидлтон Кэйта. — Ты сегодня и так отличился. Советник вправе на тебя жалобу накатать, не сделал он этого исключительно из милости.

— Я ж не запрещаю, — стушевался тот. Как ни крути, а обстоятельства их с советником знакомства станут прямо местной легендой, причём крайне колоритной.

— Не буду я строчить жалобу, — в свою очередь, совсем по-детски прошептал Димитрий. — Но я не против, если бывший следователь Свон сопроводит меня до ворот Сельвы и присмотрит по дороге за тремя участниками инцидента.

Кэйт удручённо взглянул на Димитрия. И тут Мидлтон неожиданно расхохотался.

— А ведь знал, что красивой родословной недостаточно для работы в императорской канцелярии, — прокомментировал он и шумно вздохнул. — Да я, собственно, не против такого предложения, советник... Но вот что после этого делать самому Свону? Получается, он будет ГМО-беглецом, который во время следствия покинул город.

— Но вы же ещё не начали следствие, — нахмурился старик.

— Так утром начну, — пожал плечами Мидлтон. — И на проверку его отошлю, посмотрим, насколько он способен противостоять телепатическому внушению. То, что он здесь такой красивый и отстранённый от дел стоит, не значит, что он уже уволен и о нём как о полицейском можно забыть.

Молча отвернувшись к окну, Димитрий ещё больше помрачнел. Ему определённо ставили палки в колёса. Вот только и придраться было не к чему.

Швецов зашёл в кабинет, как всегда, в хорошем расположении духа. Следом за ним плёлся Иссиа Райго в больничном халате, «благоухающий» казенным мылом.

— Кстати, — продолжил Мидлтон, — раз стоит вопрос с передвижением ГМО, так почему бы именно ГМО не исключить из вашей делегации? Возьмите Иссиа, Вагнер и переправляйтесь телепортом прямо во дворец. Тем более, судя по запросу, императора Фердинанда интересуют именно убийцы. В данном случае Вагнер ему подойдёт идеально. А Райго так, за компанию, как очевидец события.

— Но ведь Лаен начал всю катавасию.

— Однако он не убийца и не намеревался убивать, — не вытерпел Кэйт. — Иначе сработал бы ошейник! — и раздражённо одёрнул свой. В его понимании это и так было очевидно. И странно, что советник никак не мог взять сей простой факт в толк.

— Я не желаю пользоваться телепортом, — неожиданно подал голос Иссиа. — И, насколько мне известны мои права, этого вполне достаточно, чтобы его избежать.

— В таком случае пиши письменный отказ, — усмехнулся Мидлтон, видя, как напрягся советник. Однако комментария со стороны Димитрия не последовало. Более того, он неожиданно выпрямился. От Мидлтона не скрылась и странная улыбка, промелькнувшая на его старческом лице.

Отчего-то полковнику подумалось, что этот хрыч не так безобиден, как кажется, и таки добьётся своего, причём очень быстро.

* * *

Вечер был удивительно тихим. Темнота уже опустилась на дневные владения, однако это всё, чем она могла похвастать. Не пели птицы, не горели уличные фонари. По старым дорогам не шатались пьяные шумные компании. А меж кустов не шастали голодные кошки. Не работали ночные клубы. И уж точно прекрасно сохранённую автотрассу не рассекал

мчащийся на всех парах автотранспорт.

Зевнув, император Сакской империи, Фердинанд Первый, вытащил из кисета самокрученную сигарету и, запалив её кончик раритетной зажигалкой, затянулся. Тяжёлый ароматный дым неочищенного табака привычно заскрёб горло.

Балюстрада полукольцом охватывала седьмой этаж его дворца, возвышающегося над остальным миром, словно гигантский перезрелый гриб. С неё было хорошо наблюдать, чем, собственно, император и занимался в свободное время.

Опершись на перила, он задумчиво рассматривал безмолвную звёздную тишину. Луна острым серпом незаметно плыла по ночному небу, окружённая тысячами ярких мерцающих точек. Ближайшие дома светили тусклыми жёлтыми огнями лишь в нескольких километрах отсюда, создавая дивную картину продолжения Вселенной на земле. Правда, из-за этого у Фердинанда порой создавалось впечатление, что живёт он не во дворце владыки, а как минимум в тюрьме для особо опасных преступников.

Анекдотичность сравнения крылась в том, что и количество особо тяжких преступлений с каждым годом становилось всё меньше. Такие поступки для современного человека становились странными, непонятными и непостижимыми исключениями, скорее радуя прожжённый разум молодого императора, нежели огорчая.

Жить стало просто. Есть вода, есть еда. Крыша над головой. Удобства доступны, желания осуществимы. Никто не умрёт от рака лёгких и уж точно не отдаст концы из-за ранения или врачебной ошибки. А главное, у каждого человека есть цель, достойная исполнения. Правда, одна на всех и ставшая национальной идеологией. Причём сей факт достоинства цели нисколько не умалял.

И всё благодаря решимости прадеда его величества. Первого императора и первого долгожителя. Он передал власть своему сорок седьмому сыну, деду Фердинанда, почившему пятнадцать лет назад и уступившему трон единственному внуку. Единственному, потому что все остальные его отпрыски и потомки безвременно ушли в мир иной вместе с ним.

Выдохнув сизый дым носом, мужчина закинул голову, разглядывая холодное, затягивающееся облаками небо.

Да... тогда ночь была такой же тёмной и тихой. Ужас, всколыхнувший в те далекие дни сознание многих, до сих пор будоражил. Фердинанду казалось, что то кровопролитие не сравнилось бы даже с чёрными извращениями последней войны, не только переломившей сознание человечества, но и изменившей путь развития цивилизации.

Люди отказались от многого и позволили себе недопустимое ранее. Тогда они буквально заткнули визжащую мораль под пятую точку своих нужд.

Тогда же первым императором было введено новое летоисчисление, увенчав целую веку истории названием: «Перелом».

Триста семнадцать лет. Прошло не так уж много. Но общество больше не понимало, что такое болезнь и огнестрельное оружие, что такое преступность и насильственная смерть. Им было неведомо, что такое нефть и всемирная информационная сеть. И уж тем более они не знали, что такое войны за экологию и инфляция.

Или об этом забыли ещё раньше?

Затушив сигарету, Фердинанд отбросил её в мусорный бак, стоящий рядом. Тот замелькал красными огоньками, уничтожая мусор.

— Господин... Советник Димитрий просит аудиенции, — послышалось за спиной. Обернувшись, он увидел секретаря из общей канцелярии. Девушка была молодой, всего лет

двадцати, не особенно высокой, стройной, с аккуратно уложенными каштановыми волосами. Серый деловой костюм смотрелся на ней слегка нелепо. Такой барышне стоит лёгкие платья носить, а не запикивать себя в душную канцелярскую форму.

— Переведи звонок в мой кабинет, — решил он, не раздумывая. Его личное рабочее пространство было недалеко. Всего-то выйти с балюстрады и сделать шагов тридцать. С правой стороны за красивыми сводчатыми дверьми был не только кабинет, но и личные апартаменты.

Если называть дворец его собственным пространством, можно слукавить. Здание служило домом не только для него, но и для многих других представителей правительства. Разница была лишь в том, что входящими на императорскую территорию оставались единицы. Два секретаря да охрана.

Фердинанд неожиданно усмехнулся. А ведь только ему и известен страх перед смертью. Никто другой в Сакской империи не видел крови своих родных. Он один, да...

Посреди кабинета синеватым маревом вспыхнула голограмма, вмиг очертив силуэт советника. Мужчина топтался на месте, словно был в чем-то не уверен или крайне озадачен.

— Ваше величество, — сразу начал Димитрий, глубоко кланяясь. Вид у владыки был уставший и потрепанный. Длинноватые русые волосы распущены, светлая рубашка расстёгнута и слегка помята. Под серыми глазами залегли тени, так, словно он не спал... или же прокатился парочку раз телепортом.

Прогнав ненужную мысль, советник выпрямился и мягко улыбнулся. Он глубоко уважал своего правителя, и ему невольно хотелось хоть улыбкой подбодрить его.

— Ваше величество, в связи с некоторыми неучтёнными событиями я пока не могу выполнить ваше поручение.

Фердинанд никак не отреагировал на это заявление. Просто направился к своему рабочему столу и опустился в удобное кресло. Закрыв глаза, он откинулся на удобную анатомическую спинку и тяжело вздохнул. Димитрий решил пояснить:

— Когда я прибыл, участники утреннего правонарушения были похищены неизвестным лицом, обладающим телепатическими способностями высшего уровня. На данный момент все трое найдены и находятся в Леополиской больнице. Первый объект и зачинщик инцидента, Тарис Лаен, ГМО, после тяжёлой черепно-мозговой травмы находится под наблюдением главврача Швецова. К транспортировке телепортом непригоден по статусу. Уровень адекватности после травмы неизвестен. Второй объект, Нана Вагнер, стандартный генотип, помещена в психиатрическое отделение с признаками переохлаждения после неудачной попытки самоубийства. На данный момент проходит медикаментозную чистку организма от неизвестного нейротоксического вещества. Третий объект, Райго Иссиа, в полном моём распоряжении, но телепортироваться напрочь отказывается, причин не указывает.

— Меня не интересует Райго Иссиа, — вздохнул Фердинанд и наконец открыл глаза. Смерив голограмму пристальным взглядом, выпрямился в кресле. — Я ясно выразился, мне нужен только убийца преподавателя. Райго Иссиа, судя, по моим сведениям, таковым не является. — Император помрачнел. — Модифицированный, в свою очередь, физически не может быть убийцей, думаю, не стоит напоминать почему...

— Полагаю, вашему величеству будет интересно узнать, что, по мнению некоторых служащих Леополиского департамента полиции, ошейник Тариса Лаена неисправен. К тому же после похищения парень был ранен в голову из неизвестного типа оружия.

— Хватит, — перебил Фердинанд тоном, не терпящим возражений. — Если к завтрашнему полудню вы с правонарушителями не явитесь во дворец, я подниму вопрос о вашей профпригодности, советник Димитрий. Аудиенция закончена.

* * *

Смущённо почесав затылок, советник Димитрий ещё пару минут смотрел на потухший видеозэкран местного стационарного телефона. Ощущение неправильности происходящего взывало к его благоразумию и требовало оповестить Альков мудрецов о странных приказах императора. Но в то же время чувство самосохранения советовало лишний раз не рыпаться и сделать так, как говорят. Раз императору нужна только студентка, он так и сделает. Оставалось лишь связаться с властью имущими этого города и попросить открыть телепорт в столицу.

С этой целью Димитрий связался с Мартой Лэйн. Ему показалось, что звонить в столь позднее время префекту будет верхом непочтительности.

Адъютант ответила на звонок не сразу, в голосе ее слышалось недовольство. Хмурое выражение лица откровенно давало понять, что звонок посреди ночи — решение очень и очень опрометчивое.

— А-а... это вы, советник, — разочарованно протянула женщина. Стало ясно, что сводить счеты с советником она не станет, такие вещи чреватые весьма неприятными последствиями. — И что вас вынудило звонить мне в столь поздний час?

— Его величество желает видеть меня прямо сейчас, — начал было Димитрий, но его сразу же перебили:

— Я-то здесь при чём? — зевнула Марта. И советник с удивлением отметил, как её пышная кучерявая шевелюра начала сползать с макушки, обнажая лысый череп. Проследив за реакцией собеседника и только после этого поправив парик, Марта Лэйн недовольно скривилась: — Так что вы от меня хотите, советник?

— Активируйте телепорт...

— Исключено. Если мы это сделаем, то обесточим больницу. Но если император откроет его из своего дворца, так уж и быть, вы им непременно воспользуетесь.

С этими словами адъютант префекта Леополиса преспокойно отключила связь.

Димитрий в это же время упал на стул и глубоко задумался. С каких пор обесточенность больницы на пару минут является уважительной причиной так бесцеремонно прерывать связь? Скривившись, он набрал номер Клэр дэ Руж и приготовился излить на нее словесный поток негодования, все то, что уже кипело в его организме.

* * *

Телефонный звонок заставил её буквально подпрыгнуть в кровати. Чертыхнувшись, Клэр подняла трубку и чуть не поперхнулась собственным «Слушаю».

— Добрый вечер, госпожа дэ Руж, — поздоровался с ней до ужаса знакомый голос. От осознания того, кто именно звонил, пальцы ее похолодели, а тело пробила нервная дрожь. Глава Имперского бюро расследований и правая рука предыдущих двоих императоров всегда пугал её до икоты. Мужчина тем временем продолжал: — Давайте без излишеств... просто Нан.

— Что вам нужно?

Что здесь ещё можно сказать? Голос Нана согнал с неё сон. Впрочем, как всегда.

— Я хочу вашего содействия. Вы помните утренний инцидент? Помогите Димитрию. Клэр судорожно сглотнула.

— К-как пожелаете... Нан. — Его детское прозвище отчего-то далось ей с огромнейшим трудом, комок первобытного ужаса буквально застрял в горле.

— И ещё... Я хочу встретиться, неофициально.

— Когда? — Она заметалась взглядом по комнате в поисках ежедневника.

— Будьте готовы прервать свои дела в любой миг. Пообещайте мне.

— Я-я обещаю, — перед глазами поплыло от нервного напряжения.

— Надеюсь...

Короткие гудки неожиданно прервали разговор. Отложив трубку, Клэр дэ Руж медленно опустилась на пол и едва перевела сбившееся дыхание. Только этого ей не хватало.

Всё внутри трепетало от сумбура чувств. Здесь был и страх, и предвкушение, и даже необъяснимая радость. Так, словно ей давно уже не хватало опасности в столь длинной и нудной жизни. Что ж, господин «Нан» обеспечит ее адреналином — сполна. В этом она была полностью уверена.

Стоило об этом подумать, как телефон снова зазвонил. На этот раз её драгоценное спокойствие нарушил сам Димитрий, что ж... И, как бы ей это ни претило, придется сотрудничать.

* * *

Отключив видеосвязь, Марта развернулась на сто восемьдесят градусов и пошло улыбнулась.

— И на чём мы остановились? — заискивающе поинтересовалась она, скользя взглядом по полуобнажённой фигуре Кэйта Свона. Мужчина делано зевнул и улыбнулся:

— Ты собиралась снять свои трусики, — напомнил он и откинулся на подушку, сложив руки за головой. Марта удивлённо вскинула брови.

— Я думала, ты хотел сначала сбросить мой халат, — напомнила она, поигрывая концом мягкого атласного пояса, завязанного на талии.

— М-м... нет, я передумал, — с лёгкой хрипотцой прошептал Кэйт.

— Даже так? — Марта усмехнулась и слегка резковатым движением развязала поясок. Атласная ткань всё ещё прикрывала её тело, не давая увидеть самое интересное. — И это случилось до или после звонка? — она заискивающе улыбнулась, чуть склонив голову набок.

— Наверное, после того как с тебя сполз парик, — уточнил Свон. — Надо признать, без него ты выглядишь лучше.

Марта хохотнула.

— А ты у нас, видимо, фетишист...

Она уже была готова продолжить развлечение, как опять раздался звонок. На этот раз связи требовала сама префект Леополиса...

Пояс халата безжалостно вернулся на своё законное место.

Хмурая Клэр дэ Руж сразу отметила состояние своей подчинённой и неодобрительно покачала головой:

— У тебя десять минут, — без всяких пояснений процедила она, — отправишь Димитрия по адресу и тогда можешь хоть со всеми модифицированными Леополиса развлекаться.

Раздосадовано скривившись, Марта покосилась на не менее разочарованного Свона и пожала плечами:

— Но мы же не можем включить телепорт... там же больница.

— Организуй фуникулёры и команду сопровождения. Выполнять!

Связь отключилась.

— Через двадцать минут вернусь, не расслабляйся, — вздохнула Марта, одеваясь.

— Есть, мэм, — насмешливо отсалютовал Кэйт, так и не встав с постели.

Фыркнув, Лэйн натянула штаны, водолазку и, не забыв хлопнуть дверью собственной квартиры, ушла помогать Димитрию.

И пусть сами потом разбираются, кто и в чём виноват.

* * *

Отнюдь не приятное пробуждение Тариса Лаена произошло в палате. Он лежал на левом боку. Пол был мягким и плавно переходил в такую же мягкую стену. Казалось, он находился внутри огромной подушки. Всё это было бы весьма весело, если бы не наличие металлических цепей. Они сковывали руки за спиной, не давая пошевелиться. И даже обхватывали ноги в коленях и щиколотках, полностью исключая любые действия.

Да здравствует человеколюбие. Что же мы, цепей не видели? Видели, правда, со стороны...

Тарис попытался напрячься. Обычно длительное вздутие мышц и поднятие температуры тела позволяло пережечь верёвки, которыми Тарис связывала сердобольная воспитательница в детдоме. Однако с цепями Тарис ещё не работал. Зря, наверное.

Звенья не поддавались. Да и температура, достаточная для верёвки, для металла была недостаточной.

Помрачнев, Тарис попытался рассоединить скованные за спиной руки. Возможно, был шанс разорвать наручники, однако и это оказалось ему под силу.

Тяжело вздохнув, юноша решил не унывать и попросту расслабился. В конце концов он был сильнейшим среди однокашников. Если надо, то и в цепях побежит или запрыгает... Это уж как получится. Даже если для этого придётся задействовать все свои резервы.

Неожиданно вспомнилась фраза про семь минут. Внутри тревожно дрогнуло сердце. Нахмурившись, юноша попытался понять, к чему, собственно, эти слова относились. Но воспоминание было стёрто, словно свежая краска рукой. Зато припомнилась странная барышня, пытающаяся внушить мысль о том, что препод плохой и его стоит убить. Это было давно... Или недавно?

Вздрагнув, Тарис неожиданно сел. Как так получилось, сам не заметил. Смахнув с глаз упавшую чёлку, отметил раскалённый наручник на руке с обрывком дымящегося звена. Вот же ж, опять контроль ни к чёрту. Сорвав голыми ладонями раскалённые браслеты и отбросив их в сторону, заставил себя забыть о неприятном жжении. Надо было освободить ещё и ноги. Однако нервное напряжение уже спало — и цепи на ногах не хотели поддаваться так просто.

Потянуло палёным. Растерянно оглянувшись, Тарис нервно сглотнул: за его спиной, на пружинистом полу, уже начал разрастаться костерок.

Наверное, не стоило бросать туда раскалённые браслеты...

— Опять напортачил, — прошептал он сам себе и попытался вспомнить, что стоит делать в таких случаях. Отчего-то в уме нарисовался только праздничный торт, украшенный яркими свечами, да улыбчивая воспитательница со своим смешным подначиванием: «Дуй, Тараська, дуй!»

Не особо заморачиваясь раздумьями на тему, а правильно ли будет так поступать, Тарис набрал полные лёгкие воздуха и подул. Пламя взметнулось и... полезло на стену, Лаен отшатнулся. Наверное... дуть не следовало.

* * *

Эти сутки Алек Швецов запомнит надолго. Главврач основной и единственной Леопольской больницы не просто знал это. Он был в этом уверен на все сто процентов. Потому что не каждые сутки, да и не каждый год, здесь происходят такие забористые происшествия. И дело даже не в визите советника, шефа полиции и префекта, не в отмывании студента исторического от чужой крови и попытке самоубийства рыжей девчонки.

Стоя на автобусной остановке поздно ночью, главврач Швецов удивлённо смотрел на пожар, вспыхнувший на седьмом этаже его родной больницы. Яркие языки пламени вырывались сквозь единственное узкое окошко палаты психиатрического отделения...

Кэйт Свон лежал в кровати ровно до тех пор, пока за Мартой не захлопнулась дверь, а шаги не стихли.

Её квартира ничем не выделялась среди прочих жилых помещений. Три комнаты, одна из которых отведена под спальню, а другая под кабинет. Третья была гостиной. Многофункциональная мебель не самой дешёвой модели. Спрятанный в широкий шкаф кухонный гарнитур, наталкивал на мысль, что хозяйка готовила редко. А убиралась ещё реже. Кабинет обрадовал книжными полками и пылью, толстым слоем лежащей даже на рабочем столе. Заходили сюда нечасто. Можно было решить, что квартира не её, но одежда, грязная посуда и полный холодильник полуфабрикатов говорили об другом.

А пыль мешала. Ни к чему не притронешься, в ящик не глянешь. Книги особенно привлекали внимание. Старые, потрёпанные. Некоторые с подпалинами, словно пережитки прошлого.

Не удержавшись, без пяти минут бывший следователь потянул одну из них и осторожно открыл. Пожелтевшая бумага казалась хрупкой. Но легкое, не шершавое скольжение под пальцами явно говорило о том, что книга обработана фиксирующим раствором. Едва различимый химический запах был тому подтверждением.

Рыться в комнатах долгожителей Свону ещё не приходилось. А причина была веской. Всё никак не шло из головы то, как Лэйн сняла внушение.

Ответ на это был один и совсем не радужный. Если присобачить к нему предположение дэ Руж и её нездоровое желание повременить с рапортом о телепатических воздействиях... вырисовывается неприятная картина.

Свон нахмурился... Об этом стоило доложить куда следует. Но сможет ли он подтвердить свои слова к следующему утру? Вдруг голову отрубят, как той красивой незнакомке? Кто-то же это сделал, даже города покинуть не успела.

А что, если это свои? Хоть та же Лэйн или дэ Руж. Может ли эта чёрная феминистка отмахнуть кому-то черепушку? Он невольно коснулся собственной шеи и сглотнул. Перспектива так себе. К префекту и его адъютанту не подкопаешься просто так. Долгожителям многое спускают.

Дэ Руж, к примеру, единственная сидит на своей должности бессрочно и не сменяется уже которое десятилетие. В других полисах такого никогда не наблюдалось. Кэйт не спорил. До недавнего времени в Леополисе соблюдался порядок, жаловаться было не на что. Хотя имелось одно «но»: Клэр дышала в затылок каждому. Она меняла неугодных людей как перчатки, тасуя и перетасовывая, пока не добивалась идеального послушания. Всегда брала на должности мужчин и мяла своим каблуком с особым упорством.

Нравилось? Нет. Кэйт прибыл под её руководство совсем недавно, всего полгода назад. Но ощутил давление в полной мере. Теперь же непонятно куда и податься. Застрял.

Внимательно перелистав книгу, Свон отправил её назад на полку и нахмурился. Увиденное оказалось исторической сводкой столетней давности. Тема — «Экологические войны и Перелом». Все триста страниц отпечатались в его памяти так, словно он учил их не одну неделю. Теперь же полученная информация медленно переваривалась мозгом. Чисто на автомате он сравнивал ее с остальными сводками об этом периоде. Разнилось многое, и это слегка озадачивало. Сменилось только два правителя, а уже столько несоответствий в

основных моментах прошлого. Подмена истории, политика.

Чему же будут учить ещё через сто лет? Потянул следующий томик и невольно нахмурился, увидев дату. Эта книга оказалась намного старше и, похоже, была мемуарами...

Кэйт Свон оглянулся и присел за рабочий стол. Осторожно раскрыл книгу перед собой. Мемуары он копировать не любил. Их хотелось читать и думать. Вклинивая в свою идеальную память собственные соображения по мере прочтения.

Образ величественных городов раскрывался перед его внимательными глазами. Война дышала гарью и болью. Чужая жизнь проживалась как своя собственная, и казалось, нет ничего, кроме ужасов, наблюдаемых обычным немодифицированным человеком. Первые генетические опыты уже вошли в обиход. Сеть интернет начинала сбоить в работе. А юные уродцы наполнили человеческие армии.

Автор так и писал, словно выплёвывал: «Уродец».

Человеческий уродец был сильнее андроида. Он обладал той гибкостью ума, которой не могла похвастаться даже самая сильная самообучающаяся система. Уродцы плодились и порождали ещё большие уродства. Телепатия, внушение, телекинез, пирокинез... Это была малая часть того, что влилось в экологическую войну и рассекло историю пресловутым Переломом...

Результаты его перерабатывали даже сейчас, уничтожая остовы городов один за другим, перебирая их по кирпичику и вытаскивая всё ценное, что могло ещё сослужить службу. Человечество уже давно ничего не создавало, только перерабатывало, живя муравейниками на оставленных предками свалках.

Уродец...

ГМО — так говорили теперь. Мозг человека вышел за пределы своих пяти процентов работы. Люди наконец задумались о чём-то еще, кроме своих прихотей. Кэйт Свон сам был генно-модифицированным. Никто не спрашивал, хочет он того или нет. Каждый второй ребёнок семьи должен послужить обществу. Каждая чета должна дать как минимум двоих детей. Исключением были союзы, созданные самими ГМО. Их дети, если таковые выживали, вливались в общество как люди с улучшенным геномом. Они не носили ошейников и были полноправны, как и классические хомо сапиенс. Единственное, что было под запретом для обладателей улучшенного генома, — модификация. Впрочем, это их не пугало, взамен у них было право на семью... Которого не имелось у модифицированных. Детдома стали обиталищами «уродцев». Кто-то блистал разумом, кто-то сжигал сам себя. Кому-то отрывал голову ошейник... Каким будет результат улучшенного генома, не каждый мастер скажет. Всегда имелись нюансы и казусы.

Кэйт не любил вспоминать время, проведённое в детдоме. Но любил книги, которые стали ему семьёй. Печатные издания он ценил, особенно старые. И, надо признать, библиотека Марты Лэйн внушила ему благоговение. Это было интереснее обещанного секса с улучшенной бессмертной лысой молью...

Вот только, когда Марта улыбалась, о том, что она лысая, почти не думалось. Сейчас, отвлекаясь от чужих мемуаров, Кэти Свон осознавал, что, похоже, опять находился под внушением. И это заставляло искать пути противодействия. Нырять в ресурсы собственного организма и раз за разом перетасовывать свои возможности в надежде найти хоть что-то, способное заблокировать его разум.

Увы, его безграничная память и скорость обработки информации были единственным, что он мог ей противопоставить. Сила в деталях. Сколь бы внушение Марты ни было

незаметным, пока её нет рядом, он может думать свободно и прогнозировать, влиять.

* * *

Ощущение беды, словно маячок, запульсировало в голове, заставляя подпрыгнуть с кровати. Отерев вспотевшие ладони о больничный пододеяльник, Райго нервно сглотнул, прислушиваясь к собственным ощущениям. Казалось бы, ничего непривычного в чувстве нет. Вот только... он сам не заметил, как побежал вдоль коридора в поисках лестницы.

Пульсация в висках усиливалось, а ноги несли его всё быстрее, заставляя перепрыгивать ступеньки по несколько шгук. Давно такого не было. Словно не Райго управлял своим телом, а кто-то другой дёргал за нитки, заставляя двигаться в непривычном диком темпе.

Запах гари ударил по осязанию не сразу, а пришёл вместе с осознанием происходящего.

Это пожар. И в эпицентре не кто иной, как Тарис Лаен. Только этого не хватало.

Дверь его палаты вздрагивала от ритмичных ударов — слишком медленных и непривычно слабых. Это не было похоже на модифицированного.

Его не зря поместили именно в эту палату. Система защиты здесь была отменная и иначе как извне дверь попросту не открыть.

Скривившись, Райго поддёрнул рукав выданной ему ранее слишком большой пижамы и коснулся рукой электронного замка-сканера.

На экране мигнуло привычное: «Высший приоритет. Подтверждаю». Толстая бронированная дверь моментально отъехала в сторону. В коридор хлынули ядовитые клубы дыма, а вместе с ними вылетел и сам Лаен. Смачно впечатавшись в стену, он изувеченной обожжённой грудой сполз на пол.

— Эй, ты живой? — Райго взволнованно склонился над ним, пытаясь оценить состояние парня. Откровенно мешал дым, пёкший лёгкие. Однако Иссиа не задыхался, словно угарный газ был лишь лёгким раздражителем, не требующим особого внимания.

Тарис выглядел неважно. Кожа пошла волдырями и чёрными обугленными пятнами, остатки одежды тлели. Волос и тех не было, словно его обрили заживо, не забыв при этом снять слой кожи. Только яркие синие глаза с тенью удивления и узнавания смотрели в упор. Впрочем, это в манере Тариса, регенерировать что-то одно... На что-то ещё его никогда не хватало.

— Живой, — сам себе ответил Иссиа и плюхнулся рядом на пол, касаясь ладонью обожжённой щеки Лаена. — Всё позади, активируйся.

В ответ лишь молчание и мысленное, едва слышное: «Я устал».

За спиной раздался отдалённый топот и взволнованные крики. Наконец-то среагировала служба безопасности.

«Позже отдохнёшь, — так же мысленно ответил Райго. — Я приказываю, активируйся. Тарис Лаен».

В следующий миг глаза несчастного потемнели, налились кровью и закатились. Тело выгнулось дугой, рот открылся в немом крике...

* * *

«...Пространство колыхалось в такт дыханию подобно тихой воде. Стоя на молочно-белом берегу и наблюдая за равномерностью движений окружающего мира, Тарис наслаждался.

Ему было комфортно и уютно. Дыхание гостя всколыхнуло его сознание, заставив на миг пойти непривычной рябью.

— Ишь ты, даже сюда добрался, — вздохнул модифицированный, не оборачиваясь. Он и

так знал, кто встал рядом. — Лучшие бы оставил всё как есть.

— Ты мне теперь по гроб жизни должен, — нахмурился Райго.

— Да пошёл ты, — Тарис только теперь взглянул на человека, вторгшегося в его подсознание. — Какого... пристал ко мне?

— Я к тебе не пристававал, — вздохнул Иссиа. — Мы просто связаны. Вот и всё.

Казалось, его и без того ледяные серые глаза стали ещё холодней, словно подёрнулись инеем, морозной поволокой.

Тарис долго молчал, обдумывая услышанное. В конце концов он пришёл к одному-единственному выводу, который и поспешил озвучить:

— Я тебя не понимаю.

— Это вне понимания, — вздохнул Райго. — Просто прими как факт... Когда тебе хреново, моя голова может взорваться вместо твоей.

Теперь Тарис смотрел на этого едва знакомого человека очень внимательно, пытаясь осознать услышанное. Вот только осознанию такая информация не поддавалась.

— То есть я могу не переживать за ошейник?

— Как-то так, — кивнул Райго.

— Но тогда умрёшь ты?

— Возможно, — процедил он, нервно приглаживая волосы. — Проверять не желаю.

— И как давно ты это знаешь? — Вопрос повис в безветренном воздухе без ответа. Иссиа мялся, словно не мог решить, говорить ли всё до конца или кое-что всё же утаить. И это его колебание отражалось в подсознании Лаена хаотичными, волнующими воображение волнами...

— Есть ещё кое-что...

И это что-то явно было тем, что произносить Иссиа боялся больше всего. Даже здесь, далеко от реальности, в чужом внутреннем мире...»

** * **

Марта вернулась в свою квартиру только под утро. Уставшая и пропахшая гарью, она не сразу вспомнила, что кое-кого оставила у себя дома. Сбросив одежду в коридоре, она прошла в ванную и разделась. Включила душ и с удовольствием встала под тёплые струи воды. Мысли путались. Она уже давно не ощущала такого напряжения вокруг. Словно опять наступили дни Перелома. Как давно это было. Могла уже трижды сыграть в ящик. Или раз десять. Гонения, развернувшиеся со становлением Сакской империи, удалось пережить только благодаря дэ Руж, которая вытащила её из Кальтэноя. Что ей тогда надо было, Лэйн до сих пор не знала. Но согласилась служить в обмен на тихую жизнь под полным её подчинением. Подчинением Клэр была не дружба и даже не уважение, а зашитая под сонной артерией капсула. Марта давно забыла о ней, приняв служение дэ Руж как данность. Прониклась, ощутила вкус жизни и раж.

Но стоило прочувствовать сегодня обожжённого Лаена, уловить его связь с Райго, как вспомнились былые времена и дышащая в лицо опасность. Что-то неведомое надвигалось на её мирную жизнь. Острое и беспощадное, как то оружие, которым отрубили голову самозванке.

Лэйн многое бы отдала, чтобы покопаться в её голове и узнать, кто за всем этим стоит. А на что бы пошла ради того, чтобы из её шеи исчезла смертельная капсула дэ Руж...

Дверь ванной отворилась, прерывая мысли. Женщина вздрогнула, увидев сквозь помутневшие стеклянные двери высокую фигуру Кэйта Свона.

Следователь Свон стал для неё проблемой, которую предстояло решить. Наличие трудности Лэйн ощутила, как только сняла с него чужое внушение. Этот модифицированный удивил её прекрасным вопросом, от которого захотелось сжаться. Не в пример остальным ГМО, которые внушения никогда не замечали. Умён, проницателен и принципиален.

Прекрасное умение для следователя. Но неудобное для неё самой и для дэ Руж в частности...

Улыбнувшись, Марта отворила дверь душевой и чуть склонила свою лысую голову в сторону:

— Присоединишься?

— Книжку почитаю, — хмыкнул Свон и непринуждённо помахал перед ней мелким обтрёпанным томиком. — Есть некое извращение — читать этот опус про уродцев.

Марта усмехнулась и, выключив воду, потянулась за полотенцем.

— Увы, мне твоё желание не понять. Как по мне, похоже на мазохизм.

— Вся наша система — сплошной житейский мазохизм, — прошептал Свон, скользя по ней взглядом. У Марты было ухоженное и сильное тело. Но грудь маловата и слегка терялась на фоне широкой грудной клетки. Бёдра узкие, талия невыразительная. Спортивна и несексуальна. Картину дополняли мускулы, перекатывающиеся под влажной кожей при каждом движении.

— Почему ты лысая? — задал он интересующий вопрос. Марта наконец обмоталась полотенцем, скрывая свою наготу. Молча вышла из душа.

— Считаю это неудачной эпиляцией, — отшутилась она. Впрочем, Свон и так понял — правды на этот вопрос он не получит.

— Это какой?

— Химической... Кэйт, — Лэйн протиснулась мимо него в коридор и ушла в спальню, одеться. — Дочитаешь, поставишь на место. Из дома не выносить!

Она не видела, каким взглядом её проводил Свон. А он не видел выражения её лица и точно не читал мысли.

* * *

Занимался рассвет. Клэр дэ Руж стояла посреди сгоревшей палаты. Пол был влажным и чёрным от гари. Стекло на единственном окошке лопнуло. Мелкий робот тихонько гудел в углу, очищая клочок стены от нагара.

Поддёрнув ногой подплавленные кандалы, валяющиеся бесформенной грудой, женщина сжала полные губы и сощурилась. Её тёмная кожа казалась ещё чернее, чем обычно. Строгость ожесточила лицо, делая его намного старше. Обычно отутюженные, выкрашенные рыжим волосы опять закрутились мелкими завитками.

Швецов застыл в дверях, привалившись к косяку. Его белоснежный врачебный халат был измазан сажей.

— Алек... Ты можешь объяснить, как это произошло? — тихо спросила она. — Я откровенно не помню ничего похожего за последние десятилетия.

— Есть предположение... — Голос его был непривычно тих, и всё же категоричность почувствовалась сполна. — Управление температурой собственного тела.

Женщина обернулась. На лице проскользнула знакомая усмешка.

— Тебя это не смущает? Как врача.

— Он ГМО.

— Ну да... видимо, это всё объясняет... — прошептала префект.

На самом деле модификация не объясняла ничего. Управление собственными клетками, управление температурой, скорость... триста процентов физической силы. Даже если его пси-фактор выше нормы, это не причина столь обширных умений. Скорее Клэр поверит, что этот парень — результат слияния нескольких поколений ГМО... ребёнок улучшенных... Но ошейник... Ошейники индивидуальны и делаются под каждого модифицированного в Кальтэное... И никак иначе.

— А труп... уже провели вскрытие?

— Если хотите, можем спуститься в морг и посмотреть.

Клэр ещё некоторое время смотрела на кандалы, а потом кивнула. Этой ночью многие не спали. Город был взбудоражен. Люди напуганы. Неудивительно, что кто-то решил поработать ночью.

— Идём.

* * *

Морг в городе был один и обычно использовался не по назначению. Разве что кого-то костлявая прямо на улице забрала к себе в небесные апартаменты.

Сейчас же, стоя в этом очень чистом и крайне стерильном помещении, Клэр понимала, что лет сто пятьдесят назад жизнь была намного веселее и неопишумей. Никакой уверенности в завтрашнем дне.

Было весело, конечно, по злему весело. Не то что сейчас. Хотя... молодёжи так нравится. Добрые и беззлобные все растут... обычно.

Обычно, потому что и обезглавленная дама, лежащая на столе, и человек, сделавший с ней это, явно выбивались из понятия «обычно». Префекту оставалось только решить для себя: происки ли это старой оппозиционной гвардии, давным-давно ушедшей в глубокое забвение, или же враг молод и неизвестен.

— Голову нашли? — спросила она наконец-таки вplyвшего в лабораторию судмедэксперта. Швецов встал у неё за спиной, молча следя за разговором.

— Правильнее сказать, что мы её собрали, — ответил эксперт на слишком высоких нотах, словно пропел фальцетом. И, поймав на себе пристальный взгляд женщины, пояснил: — Судя по всему, её сначала обезглавили, а потом раздробили саму голову. Робот восстановил уже часть черепной коробки и мозговой ткани, однако... — он на миг замешкался, сглатывая. — Судя по всему, на этом всё. Эта дамочка явно что-то носила в своей голове.

— Есть предположения, что это? — Клэр в который раз скользнула взглядом по телу, лежащему перед ней на столе. Ни шрамов, ни татуировок. Идеальное состояние, говорящее либо о молодости, либо о хорошем медицинском уходе.

— Увы, оба варианта противозаконны, — развёл руками мужчина, голос его на тон понизился, перестав резать слух. — Оба настолько абсурдны, что я даже не буду озвучивать.

Женщина хмыкнула, она прекрасно понимала, о чём идёт речь. Либо имплантат, либо посылка. Вот только и то, и другое она видела лишь на картинке в общем иллюстрированном курсе истории Сакской империи. И даже несмотря на двухсотлетний жизненный опыт это не укладывалось в голове. Было нормально использовать имплантаты на руках, ногах... но не встраивать их в мозг... Риск стать овощем слишком велик.

Что касается посылки...

— Почему два варианта?

— Прошу прощения? — встrepенулcя судмедэксперт и стушевалcя под пристальным

взглядом префекта.

— Мы оба знакомы с курсом истории, — фыркнула женщина. — Имплантат ещё кое-как можно принять как версию. Почему вы считаете, что она была курьером с чипом в голове?

— Да потому что ей мозги в фарш перетёрли! — возмутился он и поёжился. — Словно искали что-то. Если там и был имплантат, то его достаточно вырезать... а тут, — он резко прикрыл рукой рот и судорожно сглотнул.

— Ладно, — Клэр поспешила отвести взгляд. — Иди вышей чего... Отчёт Швецову в руки.

Мужчина удалился, а Клэр продолжала думать. Куча вопросов и ноль ответов. Действительно, а зачем мозг в кашу перетирать?

* * *

Рабочий день, как обычно, начинался в девять. Поток людей спадал и на улицах становилось пустынно. Молодые мамочки с детьми хлынут во дворы только к одиннадцати, тогда как в детдомах уже давно начался день, и юные ГМО проходили стандартные утренние процедуры. Леополис, как и вся Сакская империя, жил по одному-единственному принципу: человек должен работать. Пусть слабенько и не в напряг, но дело он должен делать. И если быть откровенно честным, система делала всё для исполнения этого правила.

Преступность как показатель неблагополучия, жадности, извращенности мышления, неправильности воспитания сдавала позиции с каждым поколением.

Клэр казалось, что придёт время и исчезнет само понятие «обмана».

Именно что казалось. И сейчас от понимания этого было неловко. Вчерашнее утреннее убийство, представлявшееся нелепым стечением обстоятельств и столкновением темпераментов, оказалось спланированной акцией, потянувшей за собой цепь ещё более непредсказуемых событий.

Дверь за её спиной тихо отворилась.

— Доброе утро, — голос Марты был, как всегда, учтив. Но нотки тревоги префект уловила сразу.

— Рассказывай...

Клэр оторвала взгляд от окна и наконец взглянула на своего личного адъютанта. Марта выглядела как обычно. Разве что синяки под глазами выдавали усталость.

— Я присяду... — прошептала она и, дождавшись кивка, опустилась на кресло.

«Свон умён», — это первое, что она выдала после. И фраза засела в Клэр как некая отправная точка, маяк, основа оценки событий.

Свон умён настолько, что чтение его во время бодрствования чревато неприятностями. А ещё следователь не спит, умеет обрабатывать огромные объёмы информации в считанные секунды и подмену собственной памяти может раскусить на раз-два. Быть разоблачённой Марте не хотелось, а дэ Руж тем более не желала отвечать за укрывательство телепата. Так что придётся либо задружиться с Кэйтом Своном, либо устранить его.

«Райго непрост», — это было второе, что засело в голове префекта Леополиса. Действительно телепат, действительно может внушать. Обладает мощными блоками на некоторые сферы памяти, которые не обойти, несмотря на посредственность дара. А ещё у него есть брат, до ужаса напоминающий начальника имперского бюро расследований. Нан.

Вживую Марта его не видела, но сопоставить личность не составило труда. С её умозаключением Клэр была согласна на все сто процентов. Это один и тот же человек. Нан

убил самозванку-похитительницу и, пользуясь состоянием брата, заставил делать мерзкие вещи. Впрочем, характеристика старого знакомого не удивляла префекта. Поражало другое — родство. Всех долгожителей на пальцах можно сосчитать, и среди них не было Райго Иссиа. Марта в точности передала разговор братьев, ещё больше приведя Клэр дэ Руж в замешательство. Ассоциировать человека, позвонившего ночью, с «братцем Наном» было неожиданно непривычно. Маяки, некий «отец»... страх Райго за собственную жизнь. Сплошные страсти.

«Нана Вагнер — тёмная лошадка», — это было третьим важным открытием. Нана обладала свойствами улучшенных. Слабыми и непонятно каким образом умещающимися в «стандарт». Похоже, девочка их не замечала. За Вагнер стоял некий лесной клан, придерживающийся радикальных взглядов и не подчиняющийся законам империи. Впрочем, империя лесных жителей обычно не замечала, предпочитая обмусоливать жизнь тех, кто жил внутри системы, а не за её пределами. Нану попытались устранить собственные родственники за помощь ГМО. Чем были продиктованы действия девочки в морозильной камере, оставалось загадкой, так как достаточно было обратиться с проблемой к первой попавшейся медсестре. Не состоявшуюся убийцу «Айшу» стоило найти. Проявление «лесных» в Леополисе ставило перед Клэр проблему, о которой она раньше и не задумывалась.

Красивая статистика внутри города, похоже, уходила в ноль за его пределами. И, скорее всего, так было всегда. Преступный элемент переместился туда, откуда действовать сподручнее.

Похоже, интерес Фердинанда именно к убийцам был не праздным любопытством. Что-то назревало. Как гнойник, который невозможно вскрыть, пока он полностью себя не проявит.

«Лаен — псих. Он слишком хаотичен внутри. Я не смогу его прочесть», — это было заключительное признание Марты. И Клэр дэ Руж безоговорочно ей поверила. Тощий мальчишка, Тарис Лаен, детдомовец неопределённого возраста. Его личное дело пестрело словами «подброшенный», «неуравновешенный», «обширные мутации». Ребёнок прошёл через Кальтэной с доброй руки Системы. Был ли он первым или вторым... родился от обычных хомо сапиенс или от гемовцев, история умалчивала. В Кальтэное, похоже, решили, что его генный набор можно менять, и поэкспериментировали. Хотели создать пожарника, получили воспламенителя. Семь минут были как благодать. Но если учитывать его скорость в эти семь минут... не реагирующий ошейник и регенерацию... то вместо защитника он превращался в стихийное бедствие.

Комичность ситуации была в том, что неизвестный враг, судя по всему, всего этого не знал. Как и не того, что рядом будет Иссиа, имеющий некий «маячок», Вагнер из лесного клана, Лаен с нереагирующим ошейником и дикой регенерацией. Роковая ошибка или глупое стечение обстоятельств?

Клэр прикрыла глаза... Ей бы хотелось разобраться во всём этом самой. Однако послушаться ночного приказа она не могла, да и не желала. Категоричность начальника имперского бюро расследований, Нандина Абэ, эффектно подкреплялась обезглавленной дамочкой в морге.

Нан, как он любил себя называть, был, как всегда, абсолютно безнаказан... И хуже всего то, что обещанной им встречи Клэр дэ Руж боялась даже больше, чем назревающего вокруг заговора.

— Мастер Ирраиль, мастер Ирраиль! — мальчишка орал во всю глотку, со всех ног несясь по узкой улице и едва успевая лавировать в тесном потоке прохожих. Кто-то шипел, кто-то оборачивался. Кто-то удачно прижимался к стенке.

Ребёнок бежал, едва касаясь ногами земли, пока не был поднят, как нашкодивший щенок. Грузный телохранитель ухватил его за рубаху и поднёс мальчика к своему лицу. Огромный, почти в два с половиной метра ростом, он смотрел на ребёнка единственным глазом, находящимся посреди широкого лба, и хмурился.

— Чего раскричался, уродец?

— Сообщение! — ребёнок совсем не испугался верзилы. — Сообщение с верхнего города для мастера Ирраиля!

— Голиаф, отпусти малыша, — прощамкал старик за его спиной и обошёл великана, шаркая сухими ногами. Спина его была полусогнутой, крючковатый нос венчала уродливая бородавка. Седые жиденький волосы касались худых плеч, а блестящий лоб перетекал в не менее блестящую лысину. — Чего раскричался, Ёжи?

— Сообщение с верхнего города, — прошептал малыш. — Вито убили. Имплантат украли... Господин Биби хочет видеть вас...

— Хочет, пусть сам приходит, — нахмурился мастер, возвращаясь в свою берлогу. Выдолбленное в породе помещение напоминало именно нору. Скучная приземистая мебель, потолок без углов, цепляющий взгляд неровной зубчатой поверхностью. Вместо кровати — ниша в стене, закиданная тёплыми шкурами. Но Ёжи хорошо знал, это обманка. Спрятанный под шкурами люк вёл в лаборатории. И спускался в них только мастер и его материал для работы. В такие моменты его тело выпрямлялось и проявляло истинные силы. Лицо выражало жёсткость и цепкость. Старческая мягкость исчезала, словно её никогда и не было в худом изощрённом мастере.

— Господин Биби зол, мастер... — прошептал Ёжи... — Если сам придёт, то...

Недобро сверкнув глазом, Голиаф вновь ухватил пацанёнка за шкуру и сощурил свой единственный глаз.

— Зашвырну, кости переломаешь, оно тебе надо?

— И будете искать другого посыльного, — ничуть не испугался мальчишка.

— Я услышал тебя, Ёжи. Теперь услышь меня и возвращайся к своему господину, — прошептал Ирраиль, опускаясь на пол возле низенького столика, едва достающего до колена. Голиаф отпустил мальчонку и нырнул головой в нору мастера.

— Лица на вас нет, хозяин...

Хозяин Ирраиль не ответил. Он хмурился. Малышка Вито была его пятой работой, сделанной по заказу господина Биби. Продержалась она меньше всех. И потеряла имплантат... Где ж он столько их наберёт... Хоть кради обратно.

— Найди мою коляску, Голиаф, — решил он, — я сам поеду к Биби.

Великан нахмурился. Его единственный глаз щурился, лоб прорезали морщины. Голиаф был недоволен, но перечить мастеру не стал. Механическая коляска тут же была им найдена на верхнем этаже норы, куда он попросту запустил огромную ручищу и пошарил. Опустив её на землю, послушно дождался, когда мастер сядет и тронется с места. А после прикрыл все ставни и пошёл следом.

Мастер работал руками, крутя колёса. Текущая по коридору человеческая река расступалась, стоило издали замаячить высокой фигуре одноглазого монстра.

Ёжи, побоявшийся прийти к своему хозяину с плохой вестью, прятался в боковом тоннеле. Он с завистью смотрел на то, как народ откровенно уступает дорогу Ирраилью. Старику даже говорить ничего не надо было.

Каждый в их городе неугодных хоть раз, да обращался к нему. Абсолютно каждый за оказанную ему услугу был должен. Иногда даже по гроб жизни.

Исключением являлся господин Биби, у которого просто были хорошие деньги, первоклассные вещи и интересные штучки с поверхности. У пришедшего господина было то, чего жаждал их город. А у города был тот, кого хотел Биби, — мастер Ирраиль.

Коляска Ирраиля въехала на электрический подъёмник. Голиаф ступил следом и щёлкнул кнопкой на пульте. Края платформы обрамляла лишь низенькая сетчатая ограда. Механизм был полностью открыт и не оснащён даже подобием шахты. Установка плавно поползла вверх, минуя тесные этажи, муравейником пронизывающие бывшие рудники.

Ирраиль молчал, а Голиаф не осмеливался нарушить тишину. Он не любил нижние и срединные этажи. Там было пространства меньше. Лучше уж по дну ходить или по самой поверхности. Но порой дорогу выбирать не приходится.

Платформа ползла долго, и к концу поездки преодолела почти километр. Ирраиль хмурился, стуча пальцами по металлическому подлокотнику.

— Что бы ты ни увидел, молчи, Голиаф, — наконец прошептал он.

— Хорошо, хозяин, — отозвался великан и на миг прикрыл веко. Платформа наконец остановилась, открыв их взорам белые коридоры. Белыми они стали после прихода Биби. До этого были пыльно-жёлтыми, как жжёный сахар. Вмещали три этажа халуп. Сейчас же развалюхи, к удивлению Голиафа, были снесены, потолок источал свет, а пол устилало мягкое, поглощающее шаги покрытие.

Люди господина Биби уже ждали в полной боевой готовности. Оружие у них было странное, но о том, что это именно оно, говорили позы и выражения лиц ребят. Длинные чёрные палки-трубки со странными конструктивными деталями, ручками, держателями.

— Отвратительно, — прошептал мастер, а после поднял перед собой руку с раскрытой ладонью. — Я Ирраиль, пришёл говорить с господином Биби.

— Чучело твоё одноглазое пусть здесь останется, — кивнул один из мужчин на Голиафа и навёл на него автомат. Ирраиль помрачнел.

— Этого человека зовут Голиаф, пришелец. Уважай местных, и они будут уважать тебя, — процедил он, а после обратился уже к своему питомцу: — Ждать и молчать. Ты понял? Ни одного лишнего движения.

— Хорошо, хозяин, — кивнул верзила. Единственный его глаз заблестел от нахлынувших эмоций, но больше ничто не выдало напряжения.

Ирраиль же дальше уехал сам...

* * *

Было десять утра. На западной станции фуникулёра царило оживление. Машины с эмблемами городской полиции, парочка скорых. Клетки, ГМО, префект в сопровождении своего адъютанта и даже главврач Алек Швецов.

— Это немыслимо, — возмущался последний, — модифицированного нельзя транспортировать, он нестабилен!

Швецова никто не слушал, потому напрягался тот напрасно. Парочка техников

переоснащала грузовую кабину, крепила кресла, лампы, припаивала к стенкам грузовой кабины клетку.

У советника Димитрия дёргалось лицо. Периодически оно застывало, и тогда вверх-вниз ходили только брови. Он смотрел вниз, на убегающий в пропасть мост, увенчанный рельсами, на кабель питания, слегка колыхающийся под порывами ветра.

— Префект... Госпожа! Мудрейшая из долгожителей, — издали начал он, обращаясь к Клэр дэ Руж. — Я всё же взываю к вашему разуму! Они преступники, впереди три дня пути почему не телепорт?!

— Потому что преступники, — цедила в ответ порядком обозлённый полковник Миддлтон. Вчера ему не только не дали домой прийти вовремя, ему и спать положенные восемь часов не позволили. Безбровое лицо полковника хмурилось, отчего его подчинённые нервничали и периодически ёжились.

— Ну а внизу, как мы поедem дальше?!

— Вас будет ждать грузовик, — выдала Клэр дэ Руж, давя не менее нервный и раздражённый смешок.

— Но это моветон!

Клэр расхохоталась, а потом резко умолкла.

— Это не моя забота, советник Димитрий. Ребята в полном вашем распоряжении, даже ГМО, всё как вы хотели. Сопровождение мы вам организуем. Можете благодарить господина Абэ... дальше меня не касается...

Старик кипел, плевался, сокрушённо качал головой, но деться никуда не мог. Раз уж Нандин Абэ ввязался в это дело, крыть здесь было нечем.

Он нервно скользил взглядом по людям, по пейзажу и в полной мере ощущал, как неведомый ранее груз ответственности ложится на его неопытные плечи.

Это утро, как ни крути, выдалось неважным. Небо затянуло тучами. Ветер совсем не полетному был холодным и порывистым, даже немного колючим. Отчего-то старому советнику Димитрию думалось, что так бывает, только если дела идут из рук вон плохо. Вот как сейчас у него. Тем не менее они шли. Спешные приготовления были закончены, и все разбрелись по своим местам. Колонна из фуникулёров двинулась вниз.

Сев у окна и пристегнувшись, старик поёжился. Впереди, за окном, изрядно покачивало грузовую кабину, в которую завели троих преступников. Казалось, ещё миг — и её колёса оторвутся от рельсов. Но не отрывались, и кабина продолжала катиться. Что происходило внутри, одному богу известно. В любом случае Димитрию точно не хотелось оказаться сейчас рядом с той злополучной троицей. Особенно со спятившим модифицированным.

О ночном пожаре, учинённом этим сумасшедшим, уже гудел весь Леополис. И немудрено. Пожарная служба впервые за пятьдесят лет приняла вызов о бедствии. И то приехала после того, как всё потушила больничная служба безопасности.

Два модифицированных бойца, выделенных департаментом полиции для охраны его советнической персоны, застыли у фронтального окна и даже не думали шевелиться. Они продолжали стоять и вглядываться в панорамные окна кабины.

Закрыв глаза, советник откинулся на спинку не слишком мягкого сиденья и попробовал расслабиться. Сказать, что у него получилось, — значит соврать. В голову то и дело лезли нехорошие мысли по поводу всего происходящего. К тому же старика мучила сонливость. Ведь этой ночью спал он крайне мало, проведя часть положенного времени в телефонных звонках.

Но он добился своего, что откровенно радовало.

Вот только... Стоили ли достигнутые результаты его усилий?

Качающаяся впереди них кабина навевала на Димитрия серьёзные сомнения по этому поводу.

* * *

Кабина фуникулёра, в которую засадили Нану, Райго и Тариса, была необычной. Во-первых, грузовой и не рассчитанной на людей. От ассоциации с контейнером не спасали даже наспех привинченные кресла, к которым Нану и Райго попросту приковали. Во-вторых, в ней отсутствовали окна и стационарное освещение. В-третьих, роль светильника выполнял ГМО. Другими словами то, что делал этот человек, попросту не описать. Сейчас он был похож на демона с двумя прожекторами вместо глаз и сияющей, словно неон, кожей. Светиться он начал после того, как лампа, наспех прилепленная к потолку, лопнула. Для чего в геном человека включили люминесценцию, для девушки оставалось загадкой. Лично она такого новшества не желала.

Остальные двое сопровождающих стояли возле единственного выхода и тихо перешёптывались. Как Нана ни старалась, услышать, о чём они говорят, не могла. Но подозревала, что всё о том же, о пожаре и убийствах.

Что же касается Тариса... То ему не повезло больше всех. Его кресло разместили в клетке на другом конце грузовой кабины. На нее был брошен чёрный не просвечивающий тент. Судя по приглушённому рыку и глухим ударам, Тарис сумел освободиться и теперь раз за разом бросался на прутья, пытаясь выбраться. Сказать, что было страшно, — это ничего не сказать. С каждым его ударом кабину кренило, тент слегка качался, а в воздухе разливалось тепло, словно от пышущей жаром печки.

ГМОВцы переглядывались, но подходить к клетке не решались. И их можно было понять. Никто не хотел оказаться сейчас в свободном полёте к пропасти или же разодранным заживо. Весть о сломанном ошейнике Тариса уже переходила из уст в уста в их генно-модифицированном коллективе.

— Я не понимаю, — вздохнула Нана. — Вчера, когда я нашла его с дырявой головой, он был вполне адекватен.

— Да неужели? — удивился Райго. — Ты с ним говорила?

Она хмуро перевела на него взгляд:

— Для оценки адекватности говорить необязательно. Тебе ли не знать.

Иссиа всё равно услышал, тихо фыркнул в ответ и рассмеялся.

— Быстро же ты изменила своё мнение о Лаене.

— Он был адекватен, — удручённо прошептала Нана. Кабину опять качнуло, и девушка нервно сглотнула. — Я не верю, что он потерял остатки разума, пока его латали.

Райго промолчал, решив не комментировать и не заводить разговор в ненужное ему русло. Нана не знала, что именно произошло ночью. Соответственно, попросту не понимала, что именно происходит с их общим знакомым в это мгновение. Да и откуда? Тарис и для обычного ГМО был слишком нетипичен. И этому имелись свои объяснения, о коих Райго, естественно, не собирался распространяться. Тем более сейчас. Ему было о чём подумать. К примеру, о том, как остановить фуникулёр... Или как выбраться из империи, не попав на глаза императору.

Прикрыв глаза, он настроился на волны, почувствовал тепло каждого присутствующего. Мысленно нашёл яркий сгусток эмоций Лаена. Быть привязанным к этому уродцу... что

может быть хуже?

«Действуй, Тарис», — мысленно приказывал он, уже безошибочно устанавливая с каждым часом крепнущую связь.

Под тентом затихло. Заглушилось рычание. Наконец кабину перестало раскачивать. Воздух начал ощутимо нагреваться. Тент неожиданно вспыхнул. В воздухе потянуло гарью. Райго слышал, как шумно сглотнула Нана, резко сжавшись. Чувствовал, как напряглись модифицированные. Каждый из них приложил руку к своему ошейнику, находя хорошо скрытую кнопку, подавая запросы относительно нештатной ситуации. Никому из них не хотелось остаться без головы.

Тарис взревел, его тело полыхало пламенем. Кожа пузырилась и заживала одновременно во всех местах. Ожившая жуть, не иначе. Клеть, уже освобождённая от ткани, начала раскаляться, медленно краснея и начиная светиться...

— Не переживай, — выдохнул Иссиа, косясь на Нану, — главное, не привлекать его внимания семь минут...

Модифицированные попятнулись, переглядываясь. На их запросы всё ещё не было ответа. Тарис же сотворил с лицом нечто противоестественное и оскалился: один его глаз теперь смотрел в потолок, второй чётко на Вагнер:

— Богиня... — прорычал он. Девушка всхлипнула, а бешеный ГМО тем временем ухватился за раскалённые прутья и растянул их в стороны, открывая себе проход.

— Ну... ничего, не сожрёт же, — хихикнул Иссиа. Лаен тем временем двинулся на неё, а бедняжка Вагнер от ужаса и вовсе потеряла сознание.

Райго помрачнел. Ошейники остальных ГМО зажглись синими огоньками, свидетельствуя, что штаб дал добро на запросы. Становилось откровенно весело...

* * *

— Зачем мы здесь стоим? — спросил курчавый юноша в серой спецовке техобслуживания. Его непослушные волосы, наверное, были единственным элементом, что привлекал внимание ко всей тройке. Они топтались на смотровой площадке довольно долго и пропускали уже пятую по счёту кабину. Его коллеги дружно переглянулись. Им и самим было интересно узнать, из-за чего высокое начальство организовало сбор всех ремонтных бригад и расставило ребят вдоль линии сообщения.

— Может, дело в ночном пожаре? — не унимался курчавый. — Или во вчерашнем убийстве? Хотя, как по мне, здесь не ремонтники, а патрули гмошников нужны. Что ж они зря казённый хлеб жрут?

— Сказали ждать, — лениво вздохнул самый старший, высокий и худой мужчина, которому уже изрядно надоело слушать сослуживца.

Стоило ему сказать это, как внимание всех троих привлёк странный вагон, едва виднеющийся вдали. Его пошатывало. Хотя нет, не так, его изрядно качало. Гибкие усы кабины то и дело тянули за собой толстый кабель. Причём так сильно, что было видно невооружённым взглядом. И это несмотря на то, что впереди болтающейся кабины ехали другие, которые частично скрывали её от любопытных взглядов и тормозили кабель.

— Чтоб я так жил... — прошептал кучерявый.

— Нет... Так не надо, — сплюнул третий ремонтник, низкий и лысоватый. — Я так понимаю, пока эта хрень не сорвалась, наши услуги не надобны. Давайте от края отойдём, что ли?

И действительно, чем ближе оказывалась импровизированная колонна из кабин, тем

очевиднее становился тот факт, что происходит что-то неординарное.

Ветер встрепенулся, неистово трепля на мужчинах спецовки. Небо посерело от медленно наступающего вместе с фуникулёрами пылевого облака. В какой-то миг первая из трёх кабин, обозначенная временной наклейкой «Служба безопасности», аккуратно проехала мимо. Вторая же, грузовая, которая пугающе раскачивалась и постукивала корпусом о каменные бортики пути, резко притормозила на остановке и раскрыла двери, словно опасную зубатую пасть. Дыхнуло горячим воздухом. Раздался дикий рёв и скрежет. В следующий миг из неё выскочил горящий человек, неся на руках девушку. То, что произошло после, мало поддавалось описанию.

* * *

Советник Димитрий сразу почувствовал перемену настроения своих охранников. Открыв глаза, он ошарашенно уставился в окно. И на то были причины. На его глазах грузовая кабина, в которой везли троих преступников, резко накренилась, остановилась на несколько мгновений, а потом, словно гофрированная коробка, просто смялась. Из её покорёженного чрева выпрыгнул пылающий рыжим пламенем белокрысый паренёк с девчонкой на руках. Он кричал так, что слышно было даже сквозь шумоизоляцию кабины.

Нажав стоп-кран, один из гемовцев, охраняющих советника, выставил руку. Ладонь его с характерным лязгом подалось вперёд, обнажая аккуратный стальной срез на запястье. Внутри раскрывшейся щели зажужжала автономная система и натянула резиновые трубки. В тот же миг на пальцах мужчины вспыхнуло беловатое свечение. Второй гемовец, в свою очередь, отошёл ко второму окну и тоже приготовился атаковать.

Лезть на рожон они не собирались. Согласно поставленной задаче, им полагалось лишь оберегать Димитрия.

Наверное, единственным, кто сохранял абсолютное спокойствие, был Райго Иссиа. Покинув грузовую кабину после Тариса и оценив ситуацию, он самодовольно улыбнулся. Это настолько не вязалось с его поведением в кабинете Швецова, что Димитрия перекосило. Он смотрел на почти незнакомое лицо парня, но отчего-то видел в нём отражение совсем иного человека. Чудился ему Нандин Абэ, и Димитрий руку бы дал на отсечение, что сейчас на смотровой площадке его молодая копия. Райго отошёл к перилам и сосредоточился, смотря на бешеного ГМО. Модифицированный умолк. Опустил девушку на землю и обернулся. Из кабины, задыхаясь, уже выполз один из их охраны. Окровавленный и шатающийся гемовец коснулся своего ошейника. Тарис рыкнул, пригнулся, а после исчез.

Оба модифицированных, стоящих сейчас возле панорамного окна, не стовариваясь, коснулись своих ошейников.

Гемовца снесло назад, в грузовую кабину. Противоположная от выхода стенка прогнулась, словно резиновая.

Руки старика затряслись. А кабину впереди накренило от новых ударов. Колёса, примыкающие к смотровой площадке, всё же оторвались от рельсов. И кабина повисла над пропастью, держась за кабель тонкими усами...

Кабель нехорошо прогнулся и затрещал... А Тарис вылез через дверь и забрался на крышу. Огонь уже почти исчез с его кожи, обнажая непривычно тощее и тонкое тело в обгорелых кусках одежды. Димитрий с ужасом вжался в кресло, наблюдая за тем, как модифицированный взлетел на кабель и пошёл по нему, играючи удерживая баланс. Он приближался. ГМО в кабине продолжали спокойно смотреть...

И только когда на их ошейниках замигали синим мелкие маячки, гемовцы пришли в

движение...

* * *

Кабинет у господина Биби был основательным, внушительным и исключительно рабочим. Стол, техника неизвестной модели, странные мониторы. Всё белое и, похоже, стерильное. Воздух пах кварцевой лампой и спиртом.

Хозяин кабинета выглядел слегка нелепо на фоне белоснежной красоты. Ирраиль же был абсолютно равнодушен к тому, что сам он на её фоне смотрится как нищий оборванец.

«Биби» восседал за своим рабочим столом и в наглуемую рассматривал старика в инвалидной коляске.

— Мне понравились твои работы, мастер, — прошептал он. — Мои люди прекрасно освоились с усилителями, никто не помешался.

— Рад слышать, — выдавил старик, пытаясь запомнить незнакомца. Но, как и прежде, его лицо скрывала голограммная маска. Непривычная технология, как и всё вокруг.

Кто или что пряталось за завесой, для старика оставалось загадкой.

«Биби» чуть подался вперёд:

— Мне нужны ещё телепаты, проси любую оплату и любой материал.

— Ещё? — Ирраиль нервно сглотнул. Не заметил, как и сам потянулся навстречу, чужь касаясь ладонями высоких колёс своего кресла.

— У меня была одна девочка. Вы втянули её в свои игры, превратили Вито в обезглавленное нечто... а теперь хотите ещё?

— Да, — ничуть не смутился человек.

Старик поморщился.

— Мой список будет внушительным, оплата ещё внушительней.

— Не страшно, сочтёмся, — прошептал Биби, и Ирраилю на миг показалось, что этот человек сейчас победно улыбается.

Назад он возвращался в ещё более тягостном молчании, нежели когда ехал сюда. Подъёмник тихо скользил вниз. Голиаф шумно дышал за спиной. Взгляд выхватывал медленно ползущие мимо него этажи человеческого муравейника. Грязные люди, грязные дети. Вечная нехватка воды и еды. Тяжёлый труд на подземных плантациях. Мечты о солнце.

Биби был слишком радикален...

Но тот ярко белый цвет стен кабинета напоминал старому мастеру о времени, которого большинство жителей подземного города даже не знало.

Ему хотелось вновь увидеть стены белыми, а потолки ровными. Солнце через окно и еду, вольно растущую и пасущуюся под открытым небом, а не созданную на копировальной машине...

* * *

Отправив в глубокий нокаут второго по счёту модифицированного полицейского, Тарис по-звериному выгнулся и зевнул. Он уже порядком восстановился после вечернего обгорания. Свежая кожа радовала тонкими розовыми пятнами. Не нравился только запах, отчего Тарис недовольно наморщил нос. От трёх дрожащих мужских тел, забившихся в самый дальний угол платформы, воняло потом и мочой. Встряхнув головой, парень рывком сгрёб с земли бесчувственное тело Наны и перекинул его через плечо. Потом прошёл вдоль смотровой площадки и перегнулся через каменные перила.

Скальной обрыв убежал далеко вниз. Рейки фуникулёра врезались в него подобно застывшему ручью, по которому далеко внизу поднималась очередная жестянка с людьми.

Ветер усилился, ударил в лицо, и от этого парень, довольно зажмурившись, вздохнул полной грудью. Потом обернулся к Райго, который успел подойти на расстояние вытянутой руки, и весело подмигнул.

Иссиа не понял... А в следующий миг он был схвачен за шиворот костлявой рукой Тариса и опрокинут на худящее плечо, как и Нана.

Лаен же, прижав к себе покрепче два человеческих тела, прыгнул вниз.

Воздух ударил в лицо, трепля безразмерную больничную одежду. Чувство полёта охватило парня, когда он прыгал и бежал по почти отвесной стене. Тарис хохотал от удовольствия, кувыркался, ощущая, как одурманивающее ощущение свободы наполняет его до краёв.

А на руках что-то истерично кричал Райго и тихонько посапывала Нана. Их сердцебиения Тарис Лаен чувствовал между десятками восторженных мыслей и чувств, охвативших его всё ещё не пришедшее в абсолютную норму сознание.

Прекрасный сосновый лес приближался. Скорость становилась всё выше, заставляя подошвы дымиться, а камни брызгами выворачиваться из-под ног. Мощный ствол дерева вырос перед парнем неожиданно, смачно ударив в лицо, в надежде остановить заигравшегося человека. Тарису же оставалось только снести его лбом и покатиться кубарем, волоча за собой два живых тела...

Происшествие на западной станции было неожиданным, неспрогнозированным. Способ побега в голову не укладывался. Пришлось перекрыть линию сообщения. Спуститься в кабине до ближайшей остановки, а дальше идти пешком: что врачам, что следователям. Собственно, распоряжение было выдано сразу, как только в штаб начали поступать запросы об опасности. Ошейник можно было перевести в «спящий режим» или включить в нём соответствующую камеру. Увы, принятое в штабе решение не помогло, ни в общих чертах, ни в частности.

Ветер стал тише, но холод продолжал щипать кожу. Закутавшись в плащ, Марта Лэйн в сопровождении ещё десятка специалистов сбежала по ступенькам. Она почти никого не знала из набравшейся команды, кроме рыжего Виктора. А потому мысленно радовалась, что хоть в ком-то из сопровождающих уверена на все сто. Мозг его был податлив к внушению, к тому же Виктора очень удачно назначили ответственным за операцию. Марта, как всегда, — просто представительское лицо префекта. Как ни крути, ситуация щекотлива, потому интерес Клэр понятен.

Взгляд женщины скользил по рельсам, по прогнувшемуся кабелю, застывшим впереди двум покорёженным кабинам. Третья, та, которая ехала во главе колонны, остановилась ниже. Гемовцы, которые сидели в ней, уже успели подняться к месту происшествия, и теперь их фигуры чётко угадывались на фоне некогда белоснежной площадки. Сейчас же на ней пестрели чёрные подпалины. Рядом на земле лежало тело и признаков жизни не подавало. Однако это впечатление было обманчиво. Из сообщения штаба Лэйн знала, что все живы. Ещё трое пострадавших лежат в грузовой кабине, один в той, в которой находился Димитрий. Опасения вызывал сам советник. Его состояние гемовцы объяснить не смогли.

Натянув перчатки, Марта первой зашла в кабину фуникулёра, за ней двинулись врачи. Готовая увидеть что угодно, она пробежалась взглядом по панорамным окнам, брызгам крови, следам гари, ошмёткам палёной кожи. Гемовец с вывернутыми руками и ногами, без целого запястья лежал на полу и шумно дышал. Его искусственная ладонь валялась около ног Димитрия. Сам же советник был пристёгнут ремнём к одному из пятёрки кресел и сжимал подлокотники побелевшими от напряжения пальцами. Похоже, Лаен не обращал на обычного человека никакого внимания. Значит, был вменяем.

Марта Лэйн присела на корточки возле мужчины и поводила перед его лицом пальцами. Пощёлкала. Советник всё так же её не видел и продолжал таращиться мимо.

Ситуация складывалась странная, как ни крути. Впрочем, было время, когда Марта встречала такое зависание. Но то психически больные люди.

— Что же мне с вами делать? — прошептала она, оборачиваясь на врачей, пакующих гемовца на носилки. Вскоре они вышли. Заглянул Виктор.

— Всё хорошо?

— Мы говорим... выйди и обожди, — прошептала Марта, внимательно на него взглянув. Рыжий кивнул, вытянутые зрачки слегка дрогнули, и он поспешил покинуть кабину.

Марта же коснулась лба советника, погружаясь в его мир.

— Ну же... откройся...

Она чувствовала, как Димитрия бьёт тремор: начиная от кончиков пальцев рук и ног и

кончая клетками мозга. Старый советник сам не понимал, может ли дрожать его мозг в принципе? Зуб на зуб не попадал. Сердце срывалось в неровном ритме, он в полной мере чувствовал свою тахикардию. Как и Марта, которая тоже проваливалась в чужое спутанное сознание и в полной мере разделяла шок.

Жуткий оскал взбесившегося модифицированного всё ещё стоял перед глазами. ГМО ломал гемовцев размером вдвое больше него, как сухие прутья. Дмитрий прокручивал его образ в голове. Сопоставлял только что увиденное с собственными воспоминаниями. А ещё он бесконечно боялся. Не за жизнь... за последствия.

Марта же читала его страх, пропускала сквозь себя и начинала бояться вместе с ним, осознавая в полной мере то, чего знать доселе не могла. К ней, как и к Дмитрию, медленно приходило воспоминание, что регенерация — это не стандартное умение ГМО. Это нечто большее. Чисто привилегированное. Уникальное, регламентированное на высшем уровне. Для большинства — запрещённое.

Дмитрий всё ещё продолжал видеть перед собой Тариса. Хотя сам парень уже давно успел скрыться.

Стоящий перед глазами советника оскал модифицированного теперь повис и перед её внутренним взором. Изможденное лицо Лаена наливалось характером. Оно становилось старше, грознее, хитрее. Оно повзрослело, оформилось во власть... в управляющую длань. Марта видела эту длань, испещрённую старыми шрамами и морщинами. Видела кольца на ней. Видение было абсолютно непонятно, как и мысли Дмитрия, касающиеся этого образа.

Длань снова стала тощей и сильной, снова сделалась оскалом, потом старой улыбкой.

Понимание поглотило её, словно взрыв, волна. Это было сравнение... Советник повис на сравнении...

— С кем вы его сопоставляете, Дмитрий? — шептала Марта, продолжая распутывать шоковый узел в его голове. Сознание старика поддавалось нехотя. Оно обнажало старые воспоминания с натугой, словно то была самая страшная тайна...

Советник неожиданно застонал. Испуг стерся с его лица, а пальцы разжали подлокотники.

Лэйн отдернула руку и отшатнулась. Снова пощёлкала пальцами перед его глазами.

— Советник Дмитрий, вы меня слышите?

— Адъютант Лэйн... — наконец прошептал он и моргнул, удивлённо скользя взглядом по кабине фуникулёра... — Мне показалось.

— Нет, не показалось, — припечатала Марта, поднимаясь на ноги. — Ваши преступники сбежали.

— Мои? — удивился он.

— Ваши, мы передали их вам по акту... Забыли?

Старик сокрушённо опустил голову, чем-то напоминая сейчас опозоренного Свона. Вот только, в отличие от симпатяги Кэйта, Дмитрий жалости не вызывал. В его памяти скрывалось нечто такое, что могло пошатнуть весь их мир одним махом.

Марта Лэйн поджала губы, а после мысленно позволила Виктору заглянуть в кабину.

— Как он? — спросил полицейский гемовец.

— Просто лёгкий шок, — прокомментировала Лэйн, не сводя взгляда с советника. Об увиденном стоило рассказать префекту. А ещё лучше показать, если она будет не против, конечно...

* * *

«Опять этот сон. Маленькие ноги несут вдоль коридоров... Слышен крик, стон. Кровь. Тарису порой казалось — он никогда не видел столько крови. Она была на полу, на стенах, на мебели. Впитывалась в красивые одежды и мягкую обивку, красила ковры и постельное бельё... От неё даже собственная кожа была красной.

— Его тоже! — голос был непривычно жёстким и холодным, лезвием резал воздух. Тарис же бежал. Ноги были маленькими, руки детскими... А враг оставался большим, словно великан, и жестоким, словно... демон.

Демоны обступали. Демоны ловили его. Демоны... они везде...»

Тарис открыл глаза и застыл. Небо взирало на него сквозь тучи и раскидистые сосновые лапы. Солнечные лучи изредка пробивались вниз, высвечивали лёгкую пыль и золотили покрытую мхом и пожухлыми иголками землю.

Рядом сидела девушка. Её рыжие волосы были спутаны. Лицо слегка оцарапано. Полные губы недовольно сжались... На белой блузке оторвалось несколько пуговиц, отчего её грудь виднелась сквозь ворот. Зелёная плиссированная юбка окутывала бёдра мягкими складками... Туфельки на ногах — замшевые.

Девушка с картинки. Рядом с ним. В лесу.

— Богиня... — прошептал он...

Низких, хриплый голос пробрал до дрожи. Словно и не человек говорил вовсе. Открыл глаза, она повела взглядом в его сторону. Застыла на миг, а после печально вздохнула.

— Я Нана ...

— И что мы делаем здесь... Нана? — тихо спросил он. Девушка поморщилась, а потом кивнула в противоположную от себя сторону.

— Ждём, когда главный кукловод очнётся.

Лаен повернул в указанную сторону голову и удивлённо заметил рядом с собой давешнего парня. Райго, кажется.

Как ведь точно подметила. Кукловод...

— Что снилось?

— Не помню... А что?

— Ты кричал, — пояснила Нана. Про то, что он звал маму, решила не упоминать. Слишком ядовито получится. А она не хотела ядовитости. Как ни крути, для Тариса она всё ещё незнакомый человек. Впрочем, как и он для неё.

Затянулось молчание. Он продолжал лежать. Его полуобнажённая грудная клетка вздымалась в такт дыханию. Рёбра просвечивали сквозь тонкую кожу. Можно было проследить каждую вену. Вагнер успела рассмотреть его в полной мере за всё то время, пока ждала их пробуждения.

Признаться, она не понимала, где находится. Не помнила, что произошло. Последнее её воспоминание было странным и диким одновременно. Чудился Лаен, объятый пламенем, и его вращающиеся глаза, словно у андроида, а не у живого человека.

— Я Тарис... Лаен, — представился он, продолжая лежать и не двигаться. — Шёл на вступительные экзамены на военный факультет. Вроде даже сдал. Дальше не помню.

Нана опять перевела на него задумчивый взгляд. Вот как просто всё, оказывается. Не помнит он. Вагнер тоже многого не помнила. К примеру, как очутилась в переулке, как Лаен получил дырку в голову. Как обгорел ночью или что делал, после того как разогнул прутья клетки.

Незнакомая птица затянула приятную трель. Она вплеталась в тихое шуршание сосновых веток.

— Слушай... а где мы? — он наконец сел. Оглянулся, осмотрел свои лохмотья и почесал голову.

Вокруг был лес. Подножие скал, где стоял Леополис, было здесь же, рукой подать. Знал ли об этом Лаен? Наверное нет. ГМО обычно не выходили за пределы своих городов до окончания обучения и полной социализации. Сказать, что Тарис был социализированным, Нана не могла. Она видела его всяким за эти два дня. Да и не говорила с ним ни разу, кроме этого момента.

Девушка задумчиво наблюдала за его движениями. Они были необычно плавные и лёгкие. Сейчас модифицированный напоминал ей дворового кота. Вроде и спокоен, но тронь — пружину спустит, когти выпустит.

Впрочем, у Тариса не было когтей... У него имелось пламя, регенерация и периодическое бешенство. Периодическое, потому что сейчас он опять выглядел вполне адекватным. Как и тогда в переулке, с дыркой во лбу.

И надо было признать, оттого делалось немного страшно.

— Познакомимся? — тихо спросила Нана, и парень тут же вскинул на неё свои синие глаза. — Расскажи о себе, Тарис. А я расскажу о себе.

— Зачем девушке вроде тебя знать обо мне?

Теперь задумалась Нана. Действительно, зачем? Лаен был безобразен, страшен и опасен, нечеловечески силён. Даже сейчас, когда его можно лёгким дуновением ветерка опрокинуть, сила, скрытая в тощем теле, внушала опасения... Социализирован или нет?

У её отца на такой случай был один ответ: «Не уверена в своем превосходстве над врагом, тогда приручи его». Кажется, только сейчас она поняла, что он имел в виду.

Лаена надо было приручить, пока есть возможность. А вдруг тогда его периодическая дикость не будет на неё распространяться? Ведь не всегда Райго окажется рядом. Хотя зачем всё это чернявому — тоже было непонятно.

— Тогда, я не расскажу тебе, что произошло после вступительного на военный факультет...

Лаен насупился, задумался.

— А я у Райго спрошу...

— Он соврёт... — Нана не знала этого наверняка. Но Иссиа определённо мог это сделать. — Он же телепат, управляет тобой постоянно... Проснётся, и ты снова станешь куклой.

Лаен задумался. Его эмоции столь отчётливо отпечатались на лице и в движении, что Нана невольно устыдилась. Подтянув к себе колени, обняла их руками и спрятала в них лицо. Её стыд был слишком ярким, даже немного нервным. И это оказалось ещё непонятнее. Ведь Нана не соврала, ни капли.

Тарис тем временем остановился над спящим Райго, скользнул по нему взглядом, отпечатывая в памяти целиком.

Кукловод? То, что описывала невольная знакомая, называлось манипуляцией, внушением, телепатией. Вот только, в отличие от Наны, лицо Райго было смутно знакомым, словно тот уже не единожды отметился в его жизни. Тарис чувствовал странную связь, когда смотрел на спящего человека, и это заставляло его думать и вспоминать. Порой мелькающее за оградой детдома лицо. Порой следующего по пятам человека, порой, добродетеля,

привозящего сиротам симпатичные игрушки и кроссовки... Тарис постоянно сжигал подошвы и каждый раз получал ещё одну пару... и каждый раз они пахли одним и тем же человеком.

Райго Иссиа. Кукловод со знакомым запахом. Мысли Наны были отчётливы и понятны, как и небо, возвышающееся над головой. До последнего сомнения. Вот только Тарис не собирался в этом признаваться.

— И что же, по твоему мнению, произошло?

Нана вздрогнула от его хриплого голоса. Как вообще на такой вопрос отвечать? События прошлого дня промелькнули в её голове все разом. Тарис же смотрел на неё пристально и непривычно спокойно, словно все эмоции стёрли с его лица. Робот, андроид, бесчувственный мертвец... Страшное лицо и страшный взгляд.

— Многое, — наконец ответила она. — Просто расскажу по порядку...

Тарис молча кивнул. Подошёл и присел напротив, уверенно и пронизательно смотря в глаза.

— Я... слушаю, — прошептал он, и этот его вечно скрежещущий голос отчетливо пошатнул ее самообладание.

* * *

На улице было холодно. Покинув штаб, расположенный в департаменте полиции, Клэр дэ Руж в который раз за сегодня пожалела, что не надела чего потеплее. Странности продолжались. Убийства, попытки убийства и самоубийства, поджоги и бегство. Добавить к этому списку странную заинтересованность императора Фердинанда — и вершина айсберга готова. Страшно нырнуть под воду и глянуть вниз. Марта, связавшаяся с ней по коммутатору, дала слишком чёткое определение всему. Происходящее не заговор, а его отстроченный результат. Что она увидела в голове Димитрия — можно было только догадываться. Что ж... будет время уединиться — так и сделают.

Узкий тротуар уводил от Департамента к проезжей части по прямой. Ветер усилился, и Клэр поспешила застегнуть плащ. Справившись с пуговицами, она подняла взгляд и, к своему удивлению, увидела знакомую фигуру, стоящую по другую сторону широкой дороги. Мужчина, как и всегда, был в чёрном костюме и широкополой шляпе, бросающей тень на лицо. В левой руке он держал свой неизменный саквояж, правой же слегка приподнял шляпу в знак приветствия.

А ведь не прошло и суток после его звонка, и это ещё больше выбивало из равновесия. Клэр дэ Руж, первый и единственный префект Леополиса, боялась этого человека до дрожи, до нервной ломоты в костях.

Быстро перебежав не особо загруженную дорогу, Нандин Абэ протянул правую руку и уверенно пожал ладонь женщины.

— Рад вас видеть, Клэр, — мягко улыбнулся он и чисто по-джентльменски подставил ей локоть. Женщина не менее привычно взяла его под крепкую руку.

— Не могу сказать то же самое с полной уверенностью, — обречённо вздохнула она, хмурия чёрные брови и понимая, что нервы ничем не помогут в данной ситуации. Мужчина рассмеялся, чуть запрокинув голову. Он явно был в хорошем расположении духа.

— А вы ни капли не изменились с прошлой встречи. Мне нравится эта ваша напускная бравада, — последнее он сказал уже совсем невесело, как-то незаметно став серьёзным: — Жаль, что вы так и не отправили ребят телепортом.

— Как мне помнится, вы не ставили таких условий, — так же резко сосредоточилась

префект, уже не впервые принимая эти его правила игры. — Димитрий с моей стороны получил всё, что я могла себе позволить. Всё в рамках закона, вы же понимаете.

— Ваше содействие было недостаточным, Клэр, — мягко вымолвил Нандин, после того как внимательно и не перебивая выслушал её оправдание. Он остановился и повернул к ней бледное, затянутое лёгкой сеткой едва заметных морщин лицо: — Студенты сбежали, госпожа префект, по вашей вине. Вам не удастся повесить это на Димитрия.

— Каков же ваш интерес в этом? Их сила, личности? Дело ведь не в преступлении, — Клэр дэ Руж, впервые взглянула в карие глаза. Черты его лица стали ещё жёстче.

— Можно и так сказать, — ответил он и снова молчаливо предложил взять его под руку. Неспешной поступью они уходили всё дальше от Департамента Леополиской полиции по направлению к тихим улицам города. — Есть вещи, которые мне не хотелось бы говорить вам. Даже учитывая ваш возраст, Клэр, заслуги... достижения.

— Вы уж решите, нечего ходить вокруг да около, — твёрдо и как-то устало попросила Клэр. Взгляд её скользил по редким прохожим, гнущимся под порывами ветра деревьям, слегка облупленным стенам старых зданий. Появилась нелепая мысль, что эту улицу давно не ремонтировали и этим стоит заняться прямо сейчас. К примеру, для того чтобы отвлечься.

Нандин Абэ молчал слишком долго. И если бы не прозвучавший в конце концов ответ, дэ Руж бы приняла его кричащее молчание за конец разговора. Возможно, она бы даже обрадовалась такому исходу.

Но, как оказалось, всё было не так просто.

— Мы хотим вашего содействия Клэр, — наконец вымолвил он, осторожно подбирая слова, — просим вашей помощи и ваших решений.

— Неужели эре спокойствия пришёл конец, и на горизонте назревает новая война? — пошутила она и, не услышав ответного смеха, в который раз взглянула на своего вынужденного собеседника.

— Боюсь, достопочтенная Клэр, вы недалеки от истины.

Ноги вывели их в небольшой сквер, утыканный мелкими миленькими беседками и лавочками, словно любовное гнёздышко перьями.

Зайдя в первую же свободную и предложив женщине сесть, Абэ поставил на колени свой саквояж и открыл его. В изящные руки префекта Леополиса был молчаливо передан аккуратный свёрток из старой газеты.

Развернув его, долгожительница лишь хмыкнула. Путаница проводов со следами спёкшейся крови и ошмётками мозговой ткани была не чем иным, как недостающей частью головы лежащего в морге трупа.

— Это то, что я думаю? — её голос непривычно дрожал.

— А что вы думаете? — начальник Имперского бюро расследований улыбнулся.

Клэр замялась:

— На посылку не похоже.

— Это усилитель мозговых волн, — пояснил он без особого энтузиазма. — Судя по вчерашнему происшествию в Департаменте полиции, вполне работоспособный.

Теперь дэ Руж смотрела на имплантат совсем по-другому, словно тот мог сказать ей нечто большее, чем живой собеседник.

— Есть ещё такие? — она снова взглянула на мужчину, страх перед ним отошёл на второй план, уступив место животному интересу.

— Скорее да, чем нет, — прошептал он, а после опять улыбнулся, обманчиво и мягко: — Пока что вы единственные столкнулись с этой группой лиц напрямую. Обычно они не действуют так опрометчиво... — резко прервавшись, он вскинул левую руку и взглянул на свой коммутатор, беззвучно мигающий синей лампочкой.

— Обычно? — Клэр дэ Руж всё же хотела услышать продолжение.

— Не сейчас, Клэр, — широко раскрыв саквояж, Нан опустил его на пол беседки и привычно забрался внутрь двумя ногами. — Постарайтесь найти беглецов, уверен, за ними явятся. До встречи.

— До...

В следующий миг её ослепила вспышка мгновенного портативного телепорта. Когда глаза начали видеть, рядом уже никого не было.

В руках продолжал лежать окровавленный имплантат. Поджав полные губы, женщина осторожно завернула его в газету и спрятала в сумочку.

Придётся постараться. Деваться некуда.

* * *

Свон смотрел в окно, когда заметил, как к дэ Руж подошёл незнакомый человек. Зрачки его фокусировались, картинка приблизилась. От него не укрылось её резкая остановка, ладонь, нервно сжавшая ляжку лаковой бежевой сумки. Поджатые губы... Чёрное лицо посерело, выдавая испуг. Пока незнакомец подходил, Клэр успела справиться с собой. Уходили они вместе, но Свон всё равно чувствовал напряжение женщины, которое сквозило в её движениях.

Это нельзя было просто так оставить.

Коммутатор на его руке послушно установил связь с полковником.

— Шеф... я отлучусь ненадолго.

— Будь на связи, — решил Мидлтон. — Ты можешь понадобится...

В голосе чувствовалась непривычная озадаченность. И Кэйт прекрасно понимал почему. Абсолютная неготовность к происшествиям такого рода. Отсутствие практики, незнание инструкций, упразднение многих функций на государственном уровне за ненадобностью... Грубо говоря, Департамент полиции не может выполнять свои функции, когда дело доходит до спланированного убийства.

Они привыкли к мелким нарушениям, клептоманам... дракам с лёгкими царапинами и зачастую уже прошедшими через медкапсулу жертвами. К несанкционированным раскопкам и нелегальным имплантам. К контрабанде, перепродаже просроченных продуктов, консервантов. В конце концов, к борьбе с сезонными поджогами травы, вырубкой деревьев, разведением костров в черте города для шашлычка. К браконьерству, нелегальному фермерству. Перечислять можно было до посинения... Там не было убийств, побегов, прыжков в пропасть. Максимум попытка убийства без смертельного исхода... В ста процентах случаев нападавшим оказывался сорвавшийся ГМО. Ошейник срабатывал всегда. Жертва отделялась испугом и совместимыми с жизнью ранениями.

Кэйт видел смерть, не раз. Обычно она выглядела как развороченная выжженная шея, болтающаяся на ошметках ткани голова. Модифицированных не было жалко, несмотря даже на то, что он сам мог оказаться на их месте. Свон считал себя достаточно уравновешенным и дальновидным, чтобы не попадать в такую ситуацию.

Нырнув рукой в шкаф и накинув на плечи куртку, следователь выбежал на улицу и быстро определил, куда скрылась перепуганная префект с незнакомцем.

Его зоркие глаза быстро нашли отдаляющуюся пару, и уже в который раз Кэйт Свон отметил скованность префекта. Он бы сейчас многое отдал за то, чтобы послушать их разговор, или хотя бы проследить за губами. Расстояние же играло не на руку. А ноги, в отличие от ног сбежавшего Тариса Лаена, не могли развивать настолько дикую скорость. И всё же Кэйт побежал — так, как мог, и насколько хватало его дыхания.

Пара становилась ближе, но и опасение, что его заметят, росло. Парк, в который они стремились, был весьма кстати, и Кэйт, свернув на соседнюю улицу, поспешил в его сторону, намереваясь если не обогнать, то хотя бы незаметно их настичь.

Когда через двадцать минут беседку осветило вспышкой телепорта, а Клэр осталась одна, Свон пришел в замешательство.

Разговор засел в его голове до единого слова, а оставленный незнакомцем имплантат был спрятан в её сумку.

Клэр дэ Руж продолжала сидеть и смотреть на неё, обхватив тонкими пальцами. Светлые ладони контрастировали с тёмной внешней поверхностью кистей. Если подумать, он давно не видел такой кожи. Люди смешались, светлее, темнее... но вот таких чётких, как незнакомец или дэ Руж, не осталось.

Она была настолько погружена в себя, что даже не заметила того, как Свон вырисовался рядом.

— Он долгожитель? — тихо поинтересовался Кэйт. Клэр вздрогнула и вскинула на него чёрные глаза. Не испугалась.

— Нандин Абэ, начальник Имперского бюро расследований, — не сразу ответила она, а после закинула ремень своей лаковой сумки на плечо. — Есть ещё вопросы?

— А вы ответите? — он смотрел на неё спокойно и уверенно, спрятав руки в карманы. Ирокез смешно подёргивался на ветру, а на лице не дергался ни единый мускул.

— Вопросов нет... — сощурилась она и двинулась к выходу из парка. — Поисковую группу собрали?

— Собирают, — Свон поспешил следом. — Случай нетипичный. Нужна команда ГМО а их долго анализируют и проверяют на устойчивость к внушению.

— Я слышала... Придешь в мой офис, я дам тебе пакет документов, передашь Мидлтону и снова поступишь в моё личное распоряжение...

— Простите? — Кэйт растерянно остановился.

Клэр усмехнулась и повернулась к нему.

— А что тебя смущает? Ты же хочешь быть в центре событий? Побудешь моей правой рукой.

Никогда не знаешь, сколько в округе браконьеров.

Что-то было общее в образах мужчин, сидящих друг напротив друга за небольшим круглым столом для чаепитий. То ли выражение лиц, то ли жесткость, проскальзывающая во взглядах. Впрочем, наблюдателей в комнате не было, если не учитывать замершую у входа секретаршу, настолько привыкшую к подобным встречам, что ее можно было назвать скорее отсутствующей, нежели присутствующей.

Оба человека были одеты согласно дресс-коду в темные костюмы, накрахмаленные светлые рубашки, неяркие галстуки и начищенные до зеркального блеска туфли на шнуровках.

Ветер врывался в просторную светлую комнату, развевал легкие белоснежные занавеси, делая общую картину слишком воздушной и контрастной.

Отставив опустевшую чашку на стол, Нандин Абэ, а одним из описываемых субъектов был именно он, вальяжно откинулся на спинку деревянного, выкрашенного в белый, кресла. Его взгляд скользнул по увлеченно читающему газету Фердинанду.

Время близилось к обеду. И, как ни странно, многое уже успело произойти.

— Мой император... что в этой газетенке есть такое, чего не знает внутренняя разведка?

— Не надоело спрашивать? — ничуть не удивился каверзному вопросу Фердинанд и задумчиво перевернул широченную страницу.

— Вы ни разу не ответили...

Он наконец поднял взгляд на своего личного помощника и по совместительству начальника имперского бюро расследований. Газета тут же была отложена в сторону. Секретарь беззвучно поставила перед ним маленькую фарфоровую чашечку, благоухающую настоявшимся кофе. Поднеся ее к губам и медленно сделав глоток, единый властитель Сакской империи наконец соизволил обратиться к Абэ.

— Однако рука у префекта Леополиса довольно крепкая, — сменил он тему, делая еще один глоток и наслаждаясь неповторимым вкусом. Как истинный ценитель он радовался, что в дворцовых лабораториях удалось заново воссоздать живое кофейное зерно. И как ревностный обыватель с собственническими наклонностями все еще не был уверен, стоит ли возвращать сей дивный напиток в массы после столетий забвения. Они вроде прекрасно обходятся просроченным сублиматом...

— Я бы сказал иначе, мой император, — возразил Нандин, — просто не нашлось рьяного газетчика, рискнувшего посетить ее город хотя бы на десять минут.

А возможно, последних разворачивали еще на подступах к Леополису. Расположение у него было удачным, как у крепости. Когда дэ Руж решила остепениться, она лично выбрала место для своих владений и в носу имела мнение кого-либо. Впрочем, предыдущие императоры ей благоволили. Наверное, не за просто так. Потому ее желание было исполнено. Леополис раскинулся на вершине первой подходящей для этой цели гряды. О чем не было известно рядовому обывателю, так это о частичной искусственности этой вершины.

Фердинанд, об особенностях внутреннего устройства «скал», скорее всего, не знал. И

Нандин не видел причин вообще затрагивать эту тему.

— Это о многом говорит...

Газета исчезла так же резко, как перед этим появилась кофейная чашка.

Взгляд императора скользнул по помощнику, выхватывая помятости на костюме, едва заметные пыльные пятна. С виду мягкое и ухоженное лицо имело признаки недосыпа. Да, последние месяцы Нандину явно не хватало времени на себя. Но он точно в этом не признается. Таков этот человек.

— Рассказывай, — наконец позволил властитель и отставил пустую чашку на стол. Голограмма в тот же миг была отключена, и пространство вокруг них пришло в движение, преобразаясь. Чайный столик вытянулся, обрел массивность. Занавеси исчезли, уступив место металлическим шкафом. Комната отдыха, как по мановению волшебной палочки, превратилась в кабинет. Секретарь, стоявшая у входа, вежливо поклонилась и тихо удалилась, прикрыв за собой массивную дверь.

— Что ж... — Абэ не любил ходить вокруг да около. — В этот раз они подстроили убийство преподавателя военного факультета Леополиской академии. Как и в предыдущих случаях, никаких видимых связей. Однако... — на столе сразу появилась пачка с фотографиями и несколько информационных накопителей, — они прокололись с исполнителями, по всем параметрам.

Взяв пачку фотографий, Фердинанд внимательно рассмотрел каждую. Это были многочисленные изображения мест, где произошли убийство экзаменатора и покушение на несостоявшегося убийцу Тариса Лаена, а также точка побега троицы. Последние три карточки оказались фотографиями трех ребят: ГМО, свободного и обычной... — явно вытащенными из полицейских дел.

— Эти твари с каждым разом подбирают людей все моложе, — процедил он, внимательно изучая изображение рыжей девчонки.

— На этот раз есть интересные нюансы, — заметил Абэ. — Во-первых, для убийства был выбран ГМО, чего раньше не происходило. И если раньше непосредственного преступника они устраняли, то на сей раз рассчитывали на ошейник, который не сработал. Впрочем, если бы он среагировал как надо, не факт, что убийство вообще удалось бы. Во-вторых, вмешались неучтенные нашими оппонентами лица. Вагнер, Иссиа...

Фотографии были отброшены на стол. Фердинанд потянулся за накопителями. Разноцветные кубики привычно начали переливаться радужными гранями при соприкосновении с человеческой рукой.

— Противник нагл... — продолжал Нандин, — вошли в Департамент, представились чужими именами, взяли под контроль местного следователя и похитили исполнителей. О дальнейших мотивах можно только догадываться. ГМО как свидетель внушения мог помнить их лица. Почему не устранили обычную и свободного, трудно сказать, но есть предположения... Впрочем, они в подвешенном состоянии.

— К примеру?

— Восприимчивость Вагнер к внушению может быть ресурсом, который реально использовать вновь, — пояснил Абэ, хмурясь. — А свободный с улучшенным геномом и способностью к телепатии может стать союзником в их деле. Я решил пока не устранять его. Он хорошая приманка.

— Подозреваю, Райго не обрадуется сему факту, — мрачно усмехнулся Фердинанд, не оценив ход помощника, назвавшего своего брата просто обезличенным «свободным». Нан

никак не отреагировал на это замечание, более того, продолжил рассказ.

— Если бы женщина убила всех троих, ей бы удалось скрыться. А так мы получили в свое распоряжение усилитель мозговых волн.

— А толку? — император недовольно поморщился. — Дал бы им уйти, мы бы уже нашли их логово.

— Сомневаюсь. Женщина, может, и была глупа, но не ее союзник. Я предпочитаю сам смастерить ловушку, а не совать голову в готовую. Имплант я передал в руки префекта Леополиса.

— И что она? — Взглядом Фердинанд снова скользнул по разъехавшимся по столу фотокарточкам: сначала мазнул по изображению худосочного блондина, потом зацепился за рыжую девчонку. Невольно коснулся пальцами ее изображения.

— Согласилась, — от Абэ не укрылся его интерес, и он криво усмехнулся. — Узнать больше о рыжей?

— Нет смысла, — Фердинанд откинулся на спинку своего кресла, — я догадываюсь, кто она. И если я прав, вскоре наш враг познакомится с третьим заинтересованным в игре участником.

* * *

Глава клана Фён Вагнер задумчиво разглядывал тренирующихся на плацу бойцов. Всего ребят было тридцать. Несмотря на юный возраст, каких-то четырнадцать лет, все до единого мальчики были не по годам поджарыми и развитыми физически. Командовал тренировкой второй помощник Фёна, Ганн Вагнер. Мужчине давно было за шестьдесят, но ни на коже, ни в движениях, ни в волосах не сквозило и намек на совсем не юный возраст.

В дверь за спиной постучали.

— Входите, — привычно властным тоном позволил Фён. Дверь тут же скрипнула, впуская посетителя.

За спиной замерли и явно в коленопреклонённой позе. Обернувшись и ничуть не удивившись, мужчина внимательно рассмотрел рыжеволосую девушку. Стоя на колене, она покорно смотрела в пол, не смея поднять взгляда.

— Айша... — выдохнул глава клана, наконец узнав барышню. — Ты немного изменилась... Поднимись.

Девушка покорно встала, и только теперь пораженный мужчина оценил метаморфозу. Кожа стала белой и румяной, как у городских жительниц. Волосы пышной волной струились по плечам, словно застывшее пламя. Ранее подтянутое тело теперь было непривычно мягким.

— Ты не тренировалась?

— Я слилась с толпой, — уверенно ответила Айша и подняла на главу клана взгляд медовых глаз. — Вы вправе наказывать меня.

— Что с Наной? — перебил ее мужчина, недовольно хмуря брови. Ему отнюдь не понравилось преображение лучшей исполнительницы среди юных женщин клана. Впрочем, она два года провела в стенах Леополиса, не стоило и ожидать иного.

— Нана Вагнер вчера получила прощальный подарок, — не отводя взгляда, ответила Айша.

— Причина? — голос Фёна дрогнул, но лицо ни капли не изменилось. Повисло напряжение, от которого девушке захотелось поёжиться. Но она не сделала этого. Просто ответила на поставленный вопрос, продолжая смотреть ему в глаза.

— Помощь ГМО.

Кивнув в знак одобрения, Фён отвернулся к окну и снова скользнул взглядом по тренирующимся бойцам. Теперь парнишки разбились на пары и отрабатывали броски через плечо.

— Сообщи ее матери об утрате, — немного помолчав, велел он. — После явишься к своему учителю для проверки навыков. Ступай.

— Слушаюсь, глава Фён, — учтиво склонилась Айша и поспешила убраться из кабинета.

Стоило ей прикрыть за собой дверь, как там что-то треснуло. Облегченно вздохнув и порадовавшись, что злость сгоняли не на ней лично, девушка неспешно направилась к матери Наны... На ее лице играла бравая полуусмешка, а в глазах плясали смешинки. Увы, на душе было скорее тягостно, нежели весело. Если глава клана еще соблюдал приличия и нормы морали, то его третья жена такими качествами не обладала. Эта спокойно слушать о смерти единственной дочери не будет.

* * *

Каменные джунгли превратились в холмистый лес. Новомодные городские квартиры — в пещеры, обжитые лесными тварями, а то и просто в каменные насыпи, расплзающиеся в разные стороны, словно горные хребты. Канализации обратились в подземные реки и убежища для таких созданий, о которых лучше и не слышать.

Асфальт давно покрылся мхом, потрескался, прорастая миллионами травинок и цветов. Воздух медленно возвращался в норму, в отличие от среднегодовой температуры, которая на поверхности земли все еще была чрезмерно высока. И все же не так уж много времени понадобилось, чтобы природа забыла о существовании старого и глупого гомо сапиенса, захватив все пространство вокруг.

Нана смотрела на окружающий пейзаж отсутствующим взглядом. День был в самом разгаре. А ее аккуратное личико уже побледнело и осунулось. Глаза устало блестели в свете полуденного солнца. Длинные рыжие волосы теперь вместо аккуратных локонов висели неопрятными космами. Девушка все еще не могла поверить, что все, чего она с таким трудом добилась, безвозвратно утрачено. Не будет ни академии, ни юридической профессии. Даже многообещающая встреча с императором Фердинандом останется всего лишь упущенной возможностью. А все из-за этого гребаного телепата, даже понятия не имеющего о том, как выжить вне города. Что еще сказать? Она устала кричать и спорить о поспешности и неподготовленности их побега. Увы, люди, не бывавшие за пределами городов, никогда не поймут, что там, где начинается лес, кончается Сакская империя и власть их правителя. К сожалению, о том, что из этих «лесов» не убежать, пришлось узнать и прочувствовать на собственной шкуре. Клан не отпускал никогда, а ведь она так надеялась и наивно верила в это... И сейчас, когда вокруг нее, Наны Вагнер, нет защитных стен Леополиса и прелестей цивилизации — устранить ее, неуютную, будет в разы проще.

А разве в Леополисе это сложно?

Скрипнув от досады зубами, Нана сглотнула. Айша прошла в ее палату как ни в чем не бывало. Просто и без преград. Да еще и принесла яд в шприце прямо на подносе, у всех на виду...

Где теперь-то прятаться?

Райго неожиданно вскинул голову и внимательно взглянул на девушку, так, словно видел ее впервые. На самом деле он внимательно читал ее мысли, хотя Нана этого и не

замечала.

За ее спиной, метрах в десяти, присел на камень Тарис. Скажи ей, что Лаен сейчас и Лаен утром в фуникулере — это один и тот же человек, не поверила бы.

Слишком спокоен и чрезмерно тактичен. Отстраненный. Стоило Иссиа проснуться, как Тарис захлопнул рот и больше не сказал Нане ни слова. Опять подконтролен, или дело в другом?

Впрочем, какая разница? Все эти проблемы ничто по сравнению с надвигающейся на них реальностью. Воды нет, еды нет. Трое людей в диком лесу. Красота и песня.

Посмеявшись про себя над ее открытыми, ничем не замаскированными мыслями, Иссиа задумчиво уставился на Лаена, точнее, на камень, на котором тот сидел.

— Что ты увидел? — не особо заинтересовано спросила Нана Вагнер, все еще раздумывая о своих печалях.

— Судя по всему, раньше это место было более многолюдно, — неуверенно начал Райго, потом нахмурился и поскреб пальцем валун, на котором восседал белобрысый.

— И откуда у тебя такие соображения? — недоверчиво спросила девушка, сверля взглядом его спину. Тарис же вообще не отреагировал на сообщение, полностью уйдя в свой внутренний мир.

Бесцеремонно отодвинув тощую ногу модифицированного в сторону, Иссиа усмехнулся.

— Точно, рукотворное, — и, поднявшись, отряхнул ладони. — Скорее всего, остатки памятника. Видишь надписи?

Прищурившись, Нана уставилась на испещренную трещинами и следами от корней темную гранитную поверхность. За свою жизнь она успела повидать много таких и ничего удивительного в них не замечала, особенно надписей.

— И что это за памятник?

— Надгробие, — меланхолично заметил блондин, все так же восседая на нем и нисколько не волнуясь по этому поводу.

Нану перекосило, и Тарис поспешил исправиться.

— Он так думает! — ткнул он пальцем в сторону Иссиа. Райго, не веря своим ушам, резко взглянул модифицированному в глаза.

— А ты это слышишь? — отрешенно поинтересовался он и прищурился, напрягая извилины.

— Да не помогает твой ментальный блок... — прошептал Лаен, отвечая на невысказанный вопрос и болезненно морщась. — Фонишь здесь как старый радиоприемник...

— Супер... два телепата... — совсем не по-девичьи сплюнув, Нана развернулась к Райго и схватила его за руку. Потатила куда глаза глядят.

— Пошли. Раз здесь кладбище, значит, есть склепы, — пояснила она очевидное.

— А не боишься ночевать рядом с костями? — удивился Иссиа.

Девушка фыркнула. Опять двадцать пять...

— Ты когда о побеге думал, о провизии позаботился? — сарказм так и лился из нее. — Нет... Ни еды, ни воды... ни самой непримечательной емкости.

— Только не говори, что решила в вазах для цветов супа наварить... — прошептал Иссиа.

Нана промолчала. В ее понимании, при наличии под боком нестабильного ГМО, читающего мысли коварного телепата, этими помыслами управляющего, суп в погребальной

вазе — меньшее из всех зол.

Словно в ответ на такое невысказанное заявление Тарис за их спиной тихо засмеялся, отчего несостоявшаяся правозащитница, едва не подпрыгнув, ускорила шаг.

Проводив ребят взглядом, Тарис Лаен спрыгнул с каменной плиты и потянулся. Голова его все еще гудела от откровенной истории Наны Вагнер, которую она рассказала, пока Иссиа спал. С ее слов складывался крайне забавный взгляд на произошедшее. А главное, было с чем сравнить, а заодно и оценить навязанную спутницу. Вагнер не врала. И это, наверное, было самое главное в том, что она рассказала. Отдельным моментом в ее словах была телепатия Райго Иссиа. Тарис не помнил этого. А потому был растерян. С этим стоило разобраться. Но вываливать все свои претензии на Райго Тарис тоже не спешил. Предупреждение Наны о том, что этот парень уже не единожды контролировал его ментально, он принял как неоспоримую данность. Девушка верила в то, что говорила, а значит, сомневаться в сказанном было глупо. Даже если он этого не помнил. Потому Тарис был послушен и молчалив, пока ситуация позволяла. Позволяла ровно до тех пор, пока он глупо не проговорился. Впрочем, Лаен не умел сожалеть о чем-либо. Даже если это «что-либо» было крайне глупо им сделано.

Над головой ухнуло, и парень вмиг прищурился, ища взглядом сову. Время для этой птицы было раннее. Быстро найдя среди ветвей пернатого хищника, Тарис размял шею, парочку раз присел, а потом, с разбегу взлетев по стволу дерева, в два счета словил птицу.

Вскоре нашлась и причина беспокойства хищницы: белки.

Нана Вагнер с ужасом взирала на свалившиеся к ее ногам трупки.

— Ужин, — пояснил Тарис, указывая на двух белок со свернутыми шеями и сову с расплющенной головой.

— Я... я это есть не буду, — запнулась она, осторожно делая шаг назад.

— Есть никто не заставляет, — пожал плечами Лаен. — Ты, главное, приготовь...

— Но...

— Я-то и сырое есть могу, — не принимая возражений, продолжил блондин, — но вряд ли вам такое понравится.

Слотнув, девушка оглянулась на Райго, который сооружал шалаш из веток, и, не заметив в нем и капли тревоги, брезгливо подняла тушки. Наверное, стоило найти ручей, а потом уж свежевать добычу.

— Я надеюсь, у кого-то из вас есть нож? — поинтересовалась она, неожиданно поняв, что разделять тушки, в принципе, нечем. Райго выпрямился с таким выражением лица, словно кислоты напился. А вот Тарис, наоборот, улыбнулся неожиданно тепло, хотя на его лице сейчас любая гримаса выглядела жутко.

— Ножа нет, но есть стекло, — уверенно заявил он, — очень старое, крайне грязное и тупое стекло...

И сказано это было с такой миной, что девушка неожиданно для себя сдалась и устало протянула руку:

— Давай стекло, — просипела она и сама удивилась, насколько упавшим в этот момент был ее голос. Вот она, Нана Вагнер, самолично, самовольно и, главное... добровольно помогает ГМО. Во второй раз или уже в третий?

Фразочка: «Будешь мне должен», — едва не сорвалась с губ. Тарис посерьезнел, а после

легко кивнул головой:

— Буду должен за все три раза, — заверил он.

Второй раз за день Вагнер пожелала очутиться подальше от этого генномодифицированного. И второй раз подряд, ускоряя шаг, услышала за спиной довольное ржание белобрысого хмыря.

Стоило девушке скрыться из виду, как Райго тут же забросил свое занятие и с укором взглянул на Лаена.

— Я надеюсь, все мои мысли прочел? — без особого удовольствия поинтересовался он. Тот усмехнулся:

— Так и хочется съязвить в ответ...

Райго странно покосился на него, а потом глубоко вздохнул. Ваяние шалаша было окончательно заброшено.

— Опущу вертящиеся на языке ругательства, — дипломатично начал он. — Но у нас серьезная проблема в лице моего брата.

— Ты хотел сказать, у тебя? — в голосе модифицированного все еще звучали несоответствующие начавшемуся разговору смешинки. Иссиа опять глубоко задышал, пытаясь справиться с накатывающим раздражением.

— Слушай, он реально маньяк и, вообще-то, грохнет в первую очередь тебя.

— Я-то здесь при чем? — возразил Тарис и тут же удивленно умолк. — С хрена ему вообще за нами таскаться?

— Потому что... — не договорив, Райго пнул валявшуюся на земле палку, — не могу сказать. Блок.

Почесав висок, Тарис уселся на землю и, привычно сорвав травинку, начал крутить ее в пальцах.

— Слушай, я тебя знаю всего чуть больше суток, а тут оказывается, что мы связаны на каком-то сверхфизическом уровне. Ты запросто проникаешь в мою голову, читаешь мысли, внушаешь, управляешь действиями. Более того, отбросишь копыта, если меня грохнут. За тобой гоняется спятивший братец, тебя пытается похитить телепат... И ты в упор не знаешь из-за чего? Честно? Не верю. — Он скривился и недовольно отбросил травинку. Сутки были тяжелыми, а проблемы, пришедшие вместе с новыми знакомыми нерешаемыми. Правда, Тарис надеялся, что это ненадолго.

— Во мне маяк зашит... — дополнил озвученный список Райго и поник. — Если он захочет, то в любой миг придет...

— Ну, это уже совсем другое дело, — фыркнул окончательно раздосадованный Тарис, — теперь мы реально в пятой точке.

Стоя за деревьями, Нана задумчиво слушала их разговор. Тарис соврал о своем беспомоществе. Что ж... этого следовало ожидать. Откровения Райго звучали еще удивительней. Если она добавит к ним свое прошлое, то хоть смейся, хоть плачь. Пожав в конце концов печами, девушка удрученно взглянула на трупики в своей руке. Появилось чувство, что один неосторожный шаг — и вот такими тушками на съедение делается их наспех сколоченная троица.

ГМО, телепат и она... Нана Вагнер.

Все это очень походило на чью-то очень хорошо продуманную партию в шахматы. А если так, лучше поменять тактику поведения и смириться с тем, что эти два остолопа не вяжутся с ее мировоззрением.

Отточенным движением стукнув стеклом о каменный валун, девушка с удовлетворением отметила, как оно расколосось, блеснув довольно-таки острым краем.

— А вот сейчас ты вполне сойдешь вместо ножа, — усмехнулась она стеклу и оглянулась в поисках палки, подходящей под роль рукояти.

Таковая нашлась быстро.

Привычно приделав держатель к импровизированному лезвию, девушка уселась на траву и начала сдирать кожу с белки. Да так увлеклась, что не заметила, как за спиной истуканами замерли парни.

— А ты явно не впервые тушу свежуешь, — заметил Иссиа.

Нана вздрогнула и бросила короткий взгляд через плечо:

— Будешь много говорить, займешь мое место, — с этими словами она содрала с совы перья вместе с кожей и отбросила их в траву. Тушка же была вручена заморожено наблюдающему за ней Тарису.

— Думаешь, не смогу? — поинтересовался в ответ Райго.

Нана развернулась и задумчиво взглянула на него. Потом запястьем смахнула со лба мешающую прядь волос и непривычно дерзко усмехнулась.

— Ну почему же? Сделаешь, конечно. Вот только оно тебе надо, лишний раз в крови пачкаться?

Клэр дэ Руж стояла на краю смотровой площадки и, перегнувшись через каменное ограждение, смотрела вниз. Взгляд скользил по мосту, аркой оторвавшемуся от скальной породы, по отвесным базальтовым стенам, испещренным трещинами, по застывшим над пропастью каменным уступам.

Могли ли эти дети выжить?

Вряд ли. Но голос Абэ звенел в ушах, а имплант продолжал лежать в ее сумке... Если реально ее бессмертие и существует имплантация мозга без утраты навыков, то, может, и регенерация Лаена — это нечто большее, чем просто удачное свойство? Если нырнуть в прошлое, сколько таких бесшабашных, не укладывающихся в голову умений кануло в лету, было запрещено или специально забыто?

Облака плыли, а сосны беззвучно шумели далеко внизу, смазавшись в один бесконечный ковер. Голубое небо, как всегда, распростерлось над головой, словно пыталось обнять всех и вся, даже солнце.

— Поисковая группа выдвинулась. — Свон подкрался сзади незаметно.

Клэр выпрямилась и обернулась. В который раз за сегодня изучающе взглянула на него.

— Марта ушла с ними как ваш представитель, — продолжил он, не двигаясь с места.

Молча кивнув, дэ Руж жестом подозвала его к себе и снова отвернулась. Уставилась в свои ладони, резко контрастирующие с белым камнем ограждения. Кэйт оперся на локти и глубоко вздохнул, наслаждаясь чистым воздухом.

— Поразительный вид, — прошептал он. — Это правда, что вы сами выбрали место для города?

— Кто сказал? — решила уточнить Клэр. Свон продолжал смотреть перед собой.

— Просто местная легенда. Ходит среди шпаны.

— Шпана, видимо, детдомовская... начитанная... — прошептала она, отсутствующим взглядом смотря перед собой. Вопрос Кэйта вызвал ненужные воспоминания. И, как бы странно это ни звучало, резанул там, где болело.

— Детдомовская... — подтвердил он, — начитанная...

— Правда только то, что мы привыкли считать правдой, Кэйт, — прошептала она. — То, что легло в нашу голову как основа, то и будет правдой. Фундаментом для общества и личности. Убери этот фундамент и получишь полный крах. Мировоззрение рассыплется как карточный домик, а с ним и личность, и социум, сформированный за счёт этих личностей. Чтобы подменить основу, нужны годы упорного труда.

Свон перевел на нее задумчивый взгляд.

— К чему вы клоните? — Его вопрос не был следствием непонимания. Скорее отображал глубину анализа. Клэр дэ Руж явно почувствовала десятки ответов, в единый миг выстроившихся в его голове. Вот только что из них выбрать — Свон не понимал. Молод еще.

— То, что определено как местная легенда, — прошептала она, — должно этой легендой оставаться. Я просто префект, пришедший на должность. Для следующего поколения я останусь все тем же префектом, пришедшим на все ту же должность.

— Префекты не возводят города?

— Префекты не создают неприступные крепости, столетиями готовясь к войне, Кэйт... По крайней мере, не в Сакской империи. Люди, живущие в Леополисе, не видят очевидного,

потому что привыкли смотреть на это каждый день.

На это или сквозь это. Объяснять очевидное так же трудно, как вникать в непривычные формулы.

— Видимо, раз вы это говорите, пришло то самое время.

Как же четко он подмечал все. Не зря Марта побоялась его читать. И не зря дала ему столь высокую оценку. То самое время не просто пришло. Оно ворвалось в их мир диким галопом. Вот только Клэр, раздобревшая за долгие годы, все еще не могла свыкнуться с этой мыслью.

Мужчина продолжал смотреть на открывающийся перед ним вид. Мужчина в меру высокий, в меру подтянутый... в меру сильный и в меру умный. Идеальное творение мастеров Кальтэноя.

Порабощенный зверь.

— Я должна быть честна с тобой. Твой ошейник будет отключен от системы Штаба. Ты будешь существовать на правах гражданского.

— Я читал ваш пакет документов, — меланхолично заметил Свон. — Это интересное испытание.

Так просто? Слишком спокойно Кэйт это говорил. Отчего становилось муторно.

— Ничего личного... — прошептала Клэр, словно оправдывалась.

— Само собой... госпожа дэ Руж. — Он снова перевел на нее абсолютно спокойный взгляд. Блеклые серо-зеленые глаза не выражали абсолютно ничего.

Просто нечитаемый человек. Если бы Клэр могла, она бы провалилась сквозь землю на месте. Но это малодушное желание столь же быстро исчезло, как и появилось.

Отключенный от системы ошейник — это все равно что граната без чеки, танковая мина. Любой его нервный срыв будет равен сигналу к ликвидации.

Свон был слишком спокоен, принимая ее предупреждение. И это была сама страшная из реакций, которых она от него ожидала.

Родись Свон двести лет назад, он бы не знал, что такое ошейник. Возможно, даже не дорос бы до своего возраста. А может, засел бы в штабе на правах генерала или, как Нандин, встал за спиной будущего императора.

Клэр же все равно осталась бы собой, обычной долгожительницей, коих в то время было слишком много...

* * *

Тарис, как оказалось, был даже немного полезен. Он без напряжения создавал огонь. Нагревая собственные пальцы. Как он это делал, парень объяснить не мог. Да и нужно ли было это объяснение, если повторить это умение физически невозможно?

Соорудив над костром конструкцию из более-менее влажных веток и разместив на них куски бельчатины, Нана самодовольно улыбнулась:

— Не стоит благодарностей, главное, мясо не пересушите! — И, передав парням эстафету в приготовлении походного шашлыка, девушка помахала ладошкой: — Пойду пройдусь.

Подхватив пластиковую вазу, кое-как отчищенную от паутины и пыли, девушка направилась в сторону виднеющегося неподалеку оврага. Идти в туфлях было неудобно. Каблуки то и дело проваливались в почву, и Нане приходилось двигаться на носочках, чтобы не сломать супинаторы или тонкие каблочки. Из-за этого стопы и ноги начинали ныть. Похоже, завтра она просто не сможет встать. Волновалась ли Нана по этому поводу? Нет.

Она была слишком уперта, чтобы обращать внимание на физический дискомфорт. Он будет завтра, а жажда есть сейчас...

Усталый взгляд зеленых глаз выхватывал гранитные обломки, кое-где виднеющиеся из-под земли, а ноющие ноги несли вниз.

Вид был привычен. И все же новое знание, оформляющее местность в понятие «кладбище», заставляло усиленно думать. Леса были усеяны этими «кладбищами» и «памятниками». И Нана знала это не из учебника, а видела воочию. Заросли простирались на много километров вокруг заброшенных городов. Раньше Нана думала, что это всего лишь показатель старых жилищ. Кто-то тащил камень, тащил и бросил... Кто-то раньше, кто-то позже... Ей это казалось нормальным. Камень собирали, били, мостили им дороги, клали в фундамент, резали на декоративную плитку. Теперь же «недотащенный кем-то камень» превратился в прожитую кем-то жизнь.

Предки любили оставлять по себе камни. За ней же не останется даже чурки... Сакская империя не хоронила людей, она их перерабатывала на нужды: кому руку, кому почку, кому кровь. Даже советник Димитрий когда-то уйдет в переработку. И это, наверное, единственное непреложное правило империи, с которым Нана была полностью согласна. Человек должен служить своему обществу без остатка и без вреда для окружающей среды... а не плодить камни....

Спускаясь вниз, она с надеждой прислушивалась к лесному шуму, пытаясь уловить журчание. Однако ничего такого не было. Но стоило пройти еще с десятков метров, как впереди замаячила мошкара.

— Утопленникам и новичкам везет, — прошептала себе под нос Нана и улыбнулась. — Резкий перепад высот есть, мошкара есть, осталось найти влаголюбивые растения и сам ручей.

Ручья не было... была лужа.

— Блин, — со вздохом присев на корточки, девушка задумалась. А после опустила ладони и зачерпнула прозрачной воды. Ее движения были предельно осторожны, чтобы не поднять черный ил и сосновую смолянистую гниль.

Стоило помыть вазу где-то подальше от этой лужи, но для начала ее требовалось наполнить...

* * *

Техническая служба справилась хорошо. Западная линия транспортного сообщения заработала уже к трем часам дня. Поврежденные вагоны сняли, новые встали на пути. Людской поток не прекращался. Желаящие уехать из Леополиса или посетить его было всегда. И неважно, поиск ли это нового рынка сбыта или праздный туризм, система продолжала работать.

Их команда, состоящая из десяти человек, выдвинулась в спешке, наплевав на снова курсирующие фуникулеры. Время играло против них. А потому десяток самых быстрых модифицированных летели вниз по ступеням, словно были легкими перышками, несомыми ветром. Лэйн поспевала. Ей не оставалось ничего другого, кроме как подстроиться под чужой ритм. За спиной болтался наплечный рюкзак, на поясе — портативная рация. Гемовцы могли похвастаться такими все до единого. Основную часть их выделил Департамент, трое человек были врачами, служащими в Леополиской больнице.

Было ли трудно Марте двигаться в общем темпе? Нет. Мастер, работавший с ней, творил ее тело не из праздного любопытства и не для любования. Марта была машиной для убийств

— в том далеком прошлом высчитывающая врага на раз-два.

Сейчас же, в ленивом течении жизни Леополиса, похоже, она откровенно смягчилась. А может, ее сломали еще раньше? В лабораториях Кальтэноя?

Взглядом Марта выхватывала чужие спины, макушки, резкие движения. Скользила вниз. Конец лестницы оказался близко, можно было уже многое разглядеть.

У подножия скал раскинулись транспортное депо, автовокзал, кассы, пара гостиниц и парки. Лаконичная дверь лифтовой кабины вводила в торговый центр, размещенный под землей. Несколько исполинских тоннелей огромными круглыми пастями выныривали из-под земли, приглашая в подземный скоростной путь по Сакской империи. И если один из них был классически автотранспортным, то два других оказались пневматическими. «Автобусные» пневмокапсулы, рассчитанные максимум на шесть человек, ждали своих пассажиров двадцать четыре часа в сутки и перемещали их в любом доступном направлении сквозь разветвлённую, тщательно продуманную сеть.

Люди сновали между проложенных парковых дорожек, словно муравьи. Прогуливались, отдыхали и даже тыкали пальцами в сторону транспортной линии фуникулёра. Так, словно отдых и тыканье пальцами — единственное дельное занятие в этой жизни...

Но... Марта знала, что все это лишь картинка. Под их ногами, под тоннелями прятались фабрики и заводы, соприкасающиеся с окружающей средой через десятки фильтров. Там были подземные плантации, фермы и совсем другая, отличная от их империи жизнь. Подземная, жестокая и отвратная. Со своими правилами, законами и мировоззрением... Жизнь, над которой Фердинанд не имел власти, и при этом позволял себе собирать сливки трудов того общества...

Кем были для него люди, выбравшие для жизни свободу и землю? Никем... Лишь чудаками, портящими общий воздух...

* * *

Ноги неожиданно вынесли к полю. Нежно-зеленые колосья плотным ковром устилали пологую равнину. Небо нависало над ней сине-розовой волной, словно замершей в замедленном кадре. Пели вечерние птицы, помаленьку просыпались ночные насекомые и о чем-то своем шушукались полевые мыши, замерев у самой кромки плотных амарантовых зарослей. От неожиданности Нана застыла, во все глаза смотря на чудесную картину. Ей уже давно не доводилось видеть таких просторов.

Далеко на горизонте виднелось что-то похожее на город... или каменную гряду. Нахмурившись, девушка присела на пригорке, припоминая карту, висевшую когда-то в кабинете отца. Там однозначно не было полей, да и городов вроде не наблюдалось.

Увы, мысли о карте потянули за собой воспоминания об Айше. Бессильно застонав, она на миг спрятала лицо в ладонях, а после пригладила растрепанные волосы.

Подогнув коленки, опустила на них подбородок и задумалась. Если бы вчера утром ей кто-то сказал, что эту ночь она проведет в компании двух парней, да еще и в лесу, никогда бы не поверила. А вон как оно все обернулось.

— И маме не позвонила, — печально вздохнула, наблюдая за тем, как недалеко от нее над высокими разноцветными метелками амарантовых побегов порхает бабочка. Сорвав какой-то мелкий листочек, задумчиво скрутила его в трубочку. Непрошенные слезы подступили к глазам.

А ведь она действительно не задумывалась над тем, что делала.

Перед глазами опять ярким пятном встал огромный вестибюль, разбитое стекло, мелкой

крошкой разлетевшееся по полу, и разъяренный Тарис, впечатывающий обрюзгшего мужчину прямо в стену. Человек сначала ругался, дергался, потом обмяк, словно из него выпили все силы. Кровь мерно капала на пол, и от этого разум охватил дичайший ужас. И тут Райго, непонятно откуда взявшийся и кричащий о полиции, ликвидации и спокойствии.

Вот только то, что это все было мысленным, Нана поняла уже после того, как одна-единственная со всей дури бросилась на тощую спину Тариса и начала его душить. Райго тем временем протиснулся между ним и жертвой. И при этом кричал, кричал, кричал... где-то глубоко в ее голове.

— Хватит грузиться. — Иссиа неожиданно присел рядом, Нана тут же напряглась, не зная, как реагировать. — Согласись, твое поведение вчера далеко от уравновешенного, это недостойно судебного защитника.

— Это была одна-единственная ошибка...

— Которую ты сделала случайно, — передразнил он ее, вспоминая оправдания в кабинете следователя.

— Ладно я, — прошептала она, все же отодвигаясь от парня, — но тебя-то почему поперли с исторического?

— Испугались, что я откопаю древнее оружие и стану непослушным, — усмехнулся он и, сорвав травинку, пихнул ее меж зубов.

Нана непонимающе уставилась на него.

— Это что, шутка?

— Если бы. — Лицо Райго стало каким-то непроницаемым, ожесточенным, словно он вспомнил что-то, а потом попытался забыть и не смог. — Мы живем на развалинах древнего мира, Нана. Поверь, откопать двухсотлетнюю пушку не так уж и тяжело. А то, что я, не боясь, полез на взбесившегося ГМО, делает меня не совсем удобным для системы. Ученые не должны бросаться в драки, историки тем более.

— Так говоришь, словно можешь в любом месте откопать ножик и пойти пырнуть им кого-то, — улыбнулась Нана, взглядом находя в траве копошащихся насекомых. Измятый листочек полетел в их сторону. Насекомые не отреагировали.

— Ножик вряд ли, — пожал плечами Иссиа и откинулся на мягкую траву. Взгляд его скользнул по нависшим над головой ветвям дикой яблони, багровым облакам, парящей далеко в небе птице. — Мину вполне.

— Не знаю, что это.

— Да лучше и не знать, — прошептал Иссиа и вздохнул полной грудью. — Запрещенного к использованию много. Химикаты, яды, консерванты, удобрения. Техника компьютерная. Правда, я еще не находил ничего работающего. Так что последний запрет странный, как ни крути.

— А зачем искать технику, если мы сами можем ее создавать?

— Для изучения. — Райго внимательно взглянул на девушку, а потом перевернулся на бок. — Слушай, а чему учат на юридическом?

— Как чему? — удивилась Нана. — Законодательству, системе права, государства, — начала перечислять она и запнулась, увидев скривленную рожу. — Ну что опять?

— Я думал, будет что-нибудь более приземленное и нужное.

— А кулак мой тебе не подойдет? — девчонка рассержено помахала перед ним сжатой ладонью с аккуратными коготками.

— Как сказать, в лесу глупо говорить о законах, — он резко поднялся с земли и

протянул руку, чтобы помочь собеседнице.

— Зато мы не попадем впросак в незнакомом городе, — огрызнулась Нана, игнорируя джентельменский жест. Вскочив, резко повернула в лес, назад к их стоянке.

— Кстати, — крикнул вдогонку парень, уперев руки в бока, — ты где свой стеклянный нож спрятала?!

— В интересном месте! В отличие от тебя, я хоть знаю, что с ним делать! — показав неприличный жест, девушка скрылась за деревьями.

* * *

Ночь в лесу всегда наступает быстрее. Заглатывает последние лучи солнца и черными непроглядными тенями отбрасывает силуэты исполинских деревьев. Тихо перекрикиваются редкие птицы, жужжат насекомые, скрипят мощные вековые стволы. Неискушенному человеку может почудиться в это время все что угодно. Но эта ночь была спокойной. Впрочем, ребята не слишком много знали о лесе, полагая, что тут вряд ли можно встретить что-то опаснее взбешенного ГМО, а потому не слишком тревожились.

Свернувшись калачиком между двух парней на устланной ветками земле, Нана уныло рассматривала изнутри построенный Райго шалаш.

Холодный как лед Тарис тихо посапывал. Он повернулся к девушке спиной. Но даже так под мешковатой одеждой было видно, как неестественно сильно раздувается его грудная клетка. Так, словно он мог набрать воздуха и задержать дыхание не на полминуты и даже не на три, а на целых полчаса.

— Тебя это так сильно беспокоит? — тихо спросил Райго.

Нана вздрогнула от неожиданности. Она-то была уверена, что телепат давно спал.

— Да ладно? — вздохнул Иссиа и придвинулся к ней еще ближе. Хотя, казалось, куда еще больше?

— Я слышала ваш разговор, — неожиданно для себя прошептала она и едва сдержала судорожный испуганный вздох, когда рука парня скользнула по ее талии.

— Знаю, — в его голосе проскользнул смешок, хотя и так ясно было, что нет в этом разговоре ничего забавного.

Сглотнув, Нана заставила себя расслабиться. В конце концов, она Вагнер или кто? Сколько можно бояться?

— Кто ты? — его вопрос взбудоражил.

— Что ты имеешь в виду?

— Не прикидывайся, — слова Райго, опять резанули по ушам. — Ты слишком часто равняешься на свою фамилию. Клан это, клан то... Сестра-убийца, отец-тиран... К чему такому тебя готовили, что ты решила сбежать в Леополис?

Девушка невольно поджала губы.

Все-то он знает, словно видит насквозь... Господи, ну конечно же, видит, с его-то способностями!

Неожиданно для себя она горько улыбнулась и устроилась поудобнее, не забыв мысленно отметить, как участилось дыхание ее собеседника.

— Ты же телепат? — прошептала она с нескрываемым нарастающим с каждым мигмом самодовольством. — Вот и разбирайся сам со своими вопросами.

Райго долго молчал. Дольше положенного. Нана уже подумала, что разговор закончен, но Иссиа все же ответил:

— Дело не в том, что я могу узнать, покопавшись лично... — он на миг умолк, словно

подбирал нужные слова, — а в том, что ты готова открыть мне сама.

— Только тебе? — она съязвила, хотя и не хотела этого, а Райго, как по волшебству, понял.

— От Тариса ни мне, ни тебе ничего не скрыть. Особенность у него такая — слышать.

— Он тоже телепат?

— Нет... то есть, — парень снова задумался, — он не внушает, не может внушить и сам восприимчив, как последняя рыжая шлю...

Тарис проснулся неожиданно, от странного чувства дискомфорта. Сначала он даже не понял, что именно его не устраивает. Лежит на мягком лапнике. Кое-какая крыша над головой, хоть и в виде шалаша. Дождь не капает, ветер не задувает...

— Сволочь!.. — взревела где-то над головой Нана, и только теперь Лаен сообразил, что его новоиспеченные товарищи с ожесточением мутузят друг друга, катаясь по земле и при этом то и дело его пихая. Точнее пихал Райго, а уже сверху на нем сидела Нана, осыпая отработанными ударами то левой, то правой.

— Блин, Райго... — простонал он едва слышно, — ну неужели ты не мог выбрать другого эпитета, кроме рыжей шлюхи?

— Что-о? — взвывла фальцетом девушка и тут же несостоявшийся историк отлетел в сторону, дав свободу и дыханию, и рукам несчастного ГМО...

Лаен перекатился на спину и в ночной темноте заметил, как взблеснули белки глаз разъяренной девчонки.

— Да он Айшу имел в виду! — едва успел выкрикнуть блондин, прежде чем острый кулак попал ему аккурат в нос.

Тарис тихо взвыл...

* * *

Сбросив одежду на стул, глава клана Вагнер устало размял плечи и опустился на край кровати. Объяснять что-либо не хотелось. Да и не было смысла.

Жена сидела у окна, обняв плечи, и невидяще смотрела прямо перед собой. Тягость молчания с каждым мигмом становилась все невыносимей, делая пропасть, образовавшуюся между ними, еще глубже и непреодолимей.

В конце концов, завалившись на свою половину кровати, Фён растянулся во весь рост и уставился в потолок. Перед глазами опять была невероятно румяная Айша, отчитывающаяся за результаты своего задания.

— Ты жесток, — неожиданно прошептала Маока, все еще хватая судорожными пальцами свои обнаженные молочно-белые плечи. — Необычайно жесток и беспощаден.

— Мао...

— Она и твоя дочь! — выкрикнула женщина и наконец повернулась в его сторону. — Тебя что, ни капли не тревожит это? Ты бесчувственная гнилая скотина!

— Она нарушила правила... — обессилено прошептал он. Его, как она выразилась, бесчувственность, высосала из него последние силы, заставляя держать нос высоко и бесстрастно... Так, чтобы каждому в клане неповадно было повторять судьбу бедняжки Наны.

— Будь то моя дочь или чья-либо другая, правила едины для всех, Маока. Мы не поддерживаем связи с империей, мы не помогаем ГМО и уж точно не спасаем им жизни.

Жена тихо рассмеялась, и в голосе ее прозвучали отголоски и едва сдерживаемых слез,

и нескрываемой боли, и обиды.

— Что ты знаешь. Тебя же там не было.

Да, не было, и он не знал, что такого должно было произойти, чтобы его Нана помогла кому-то из генно-модифицированных монстров... Но она это сделала, этого уже достаточно. Остальное просто неважно.

— Маока, ложись спать, — прошептал он едва слышно, — мне нужно... чтобы ты легла рядом.

— Фён... — тихо заплакала она... — Они переработают ее... пожалуйста, ради меня... не допусти хоть это...

"Он никогда не думал, что может быть одновременно столько крови повсюду. Она течет ручейками, собирается лужами, пропитывает своей влагой и запахом. Остается на одежде, на руках... в памяти. Как несмываемый штамп, татуировка, вбитая под кожу. Консервант, который схватывает все в одночасье, чтобы сохранить для будущих поколений. Глубокая и окончательная заморозка чувств и отношений, которые мешают идти дальше.

В том законсервированном ошметке памяти мать лежала на спине. Ее синие глаза были широко раскрыты, едва приоткрытые губы мелко дрожали. Кровь очерчивала их, стекала по щеке. Дыхание было шумным и прерывистым. Алое пятно расползлось под ней, словно констатация факта. Еще миг — и ее жизнь прекратится.

Он знал это так же отчетливо, как и то, кто виноват в этом ее состоянии.

— И его тоже... — рука, украшенная чужими кольцами, вскинулась. Палец указал на мелкого мальчишку, застывшего над ее телом.

— Уверен? Его просто не станет... — шептал демон. Его раскосые карие глаза были равнодушны. Фальшивая улыбка неизменно сохранялась на холодном лице.

— Выполняй...

Мальчишка оскалился словно звереныш. Взгляд у него был совершенно дикий. Лицо измазано в ее крови. Мокрая одежда липла к детскому телу, отчего казалось, что с него содрали кожу...

— Умрешь! — вскрикнул он. — Как все, умрешь!

Сквозь кошмар лился хохот. А управляющая длань, усеянная кольцами, вершила намеченное. В этот миг ей единственной были подвластны демоны...»

Острый серп луны бросал сквозь жалюзи тонкие пятна света. Тяжело дыша, Фердинанд сполз с кровати и босой побрел в кабинет. Холодный каменный пол охлаждал ступни. Мягкие ковры, наоборот, ласкали прикосновением. Коридоры были обманчиво пустынные.

Почему он не понял этого вчера днём? Неужели это было так трудно?

Синие детские глаза стояли перед его взором. Тихое проклятие, отголоском ночного кошмара катилось вслед. Полное ненависти и холодной решимости. словно не малец говорил, а прожжённый убийца.

Ворвавшись в свой кабинет, Фердинанд хлопнул ладонью по выключателю и уткнулся взглядом в свой рабочий стол. Пачка фотографий, принесенная Нандином, все еще лежала на нём.

Быстро преодолев разделяющее их пространство, он с непонятной тревогой еще раз пересмотрел изображения. Пальцы непривычно дрожали.

Нана Вагнер — дочь Фёна Вагнера, главы лесных кланов. Райго Иссиа — клон Нандина Смения фамилию, изменил лицо. Но все тот же стервец, убежавший пятнадцать лет назад. И все эти годы сидевший тихо. И тут неожиданно оказался замешанным в некоем правонарушении...

Он не мог сглотнуть. Это было целенаправленное решение. И причина была только одна. Досадно, что не понял этого сразу.

Глухой стон вырвался из груди, когда он опять взглянул на виновника. Тарис Лаен.

Скелет, обтянутый кожей, каковым он являлся, мало напоминал живого человека. В

этом лице не было ничего знакомого... В его имени не слышалось даже намек на прошлое. Но этот дичайший синий цвет глаз опять окунал в кошмар...

Кошмар, контролируемый смертельным ошейником...

— Какая насмешка судьбы... — прошептал Фердинанд, отбрасывая фотокарточку на стол... — Ты все еще жив, засранец...

* * *

Нежная птичья трель разрезала предрассветную тишину ровно в пять утра. В тот же миг серые облака в небе начали наливаться багровым, словно раненые. Птицы просыпались одна за другой, метили пением свои территории. Под легкими порывами ветра тихо шептали сосны. И казалось, в этом прекрасном мире нет ничего лишнего.

Тарис, раздетый до оборванных подпаленных штанов, сидел около разведенного костра и вертел на ветке трёхкилограммовую тушку. Спал он этой ночью мало. Да и не особо хотелось. Потому ночь прошла в праздности и воздаяниях собственному любопытству.

Лаен как раз вспоминал ночную прогулку, когда чужой ужас резко ударил по его сознанию. Он невольно вздрогнул от неожиданности. Ветка в пальцах треснула от слишком сильного натиска. Тушка плюхнулась в огонь. Он молниеносным движением подхватил ветку за обломанный край и свободной ладонью притушил уже гуляющий по мясу огонь.

— Мамочки... — захныкала Нана, вылезая на четвереньках из шалаша, — мои ноги...

Это она источала то дикое чувство. В голосе ее было столько печали, что Тарису на миг показалось, ее конечности как минимум отрубил. Впрочем, Нана именно так и думала. Кое-как втиснув свои многострадальные стопы в изрядно потрепавшиеся замшевые туфельки, она опять захныкала, представляя страшное приспособление для пыток. Лаен завис. Он откровенно не понимал ее мыслительного потока. Более того, ее красивые ножки были на месте и явно здоровы. Потому парень недоуменно взирал на ползающую на коленях и постанывающую от боли девушку. В какой-то миг, опершись о скользкую от росы траву, девчонка потеряла равновесие и шлепнулась лицом грязь.

Разволновавшись, парень быстро воткнул палку с тушкой в землю над костром. Подскочил к Нане и попытался поставить ее на ноги. Те упрямо подкашивались. Вагнер откровенно страдала.

— Не понимаю, — нахмурился модифицированный, — вчера нормально шла...

— У-у-у, — завывала рыжая, размазывая по лицу обидные слезы, — отрубите их!

— Вы очумели? — тихо прошипел Иссиа, вылезая из кустов. — Утро, какого расшумелись?

— А ты там спал? — удивилась Вагнер, неожиданно забыв о терзающей ее боли. Райго выглядел забавно. Грязный, растрепанный, с влажными пятнами на одежде и мелкими травинками в волосах.

— Нет, я там о смысле жизни думал, — огрызнулся чернявый, разминая затекшие плечи и внимательно разглядывая напарников. Белобрысый выглядел лучше, чем вчера. Розовые пятна свежей кожи побледнели, да и обожжённые прошлой ночью волосы стали чуть длиннее. Однозначно, метаболизм Лаена работал на бешеной скорости, как и регенерация. Рыжая, наоборот, чучело чучелом.

— Чего орешь с самого утра?

Разозлившаяся из-за такого обращения Нана оттолкнула Тариса, намереваясь уйти, но режущая боль буквально прострелила ее ноги от пяток до самих ягодиц. Коленки снова подкосились, и она, невзначай взмахнув ручками, просто начала заваливаться в сторону. От

нелепого падения уберег Тарис, своевременно ее поймав.

Взгляды их встретились. Лаен смутился, а Нана вся сжалась. Проскользнувший между ними эмоциональный разряд трудно было не заметить. Вот только окраска его оставляла желать лучшего.

Райго нахмурился, прочувствовав испуг. Нана все еще боялась белобрысого. И ее чувства опять имели отношение к ее клану. Наверное, с этим стоило разобраться. Увы, из ночного разговора было ясно, что сама она ничего не расскажет.

— Ты перетрудилась вчера, — прошептал он, пытаясь разрядить повисшее напряжение. — Но есть дельное средство...

Объяснять, какое именно, было лень. От посланных им картин, которые буквально затопили мысли обоих ребят, Лаен зарделся. Нана же стала блее белого.

— Глупая шутка, — сглотнула она, с каким-то замиранием сердца наблюдая, как Иссиа снимает с себя ветровку, обнажая покатые плечи, ничуть не скрытые простой белой майкой. Мускулы у Райго были, это точно.

Зачем историку мускулы? Лопатой работать? Иссиа фыркнул от этой ее мысли. Лаен еще больше завис, переводя взгляд с одного на другую...

— Эй... Райго, что вообще происходит? — поинтересовался он. Нана в его руках отчего-то задрожала.

— Проявляю асоциальность, — ничуть не смутился Иссиа. И, отбросив в сторону ветровку, начал медленно развязывать шнурок на поясе своих штанов.

— А это так называется? — хмыкнул Лаен. — У меня в голове пошлые картинки мелькают с вашим участием. Последняя прям вверх издевательства...

Взвизгнув, как ужаленный поросенок, Нана что есть силы рванула из его рук. Забив и на туфли, и на распатанные каблуки... и на боль в ногах...

— Чертовы телепаты! — донесся ее обиженный возглас из-за деревьев.

Райго заржал. Пожав плечами, Тарис Лаен подкинул дровишек в костер.

— Я так и не понял, что у нее с ногами...

Отсмеявшись, Иссиа уселся рядом с огнем и смачно зевнул.

— Крепатура, — улыбнулся он и, увидев непонимающий взгляд ГМО, пояснил: — Отстроченная мышечная боль. В конце концов, наша юристка не привыкла ходить на каблуках по мягкой почве. Утренний бег быстро приведет ее в норму.

— У меня ничего не болит, — снова пожал плечами Лаен, вороша палкой угли и мешая их с хворостом. Мелкие язычки пламени заалели на сухих ветках.

— Ты ГМО, — ничуть не удивился Иссиа. — Пройди ты сто километров, все равно не перетрудишься бы. А Вагнер почти обычная. Подозреваю, ее модификации даже из нормы не выпадают. В остальном она прям как классический гомо сапиенс.

В его памяти снова всплыло то, как Нана без проблем касалась решетки, находящейся под электрическим напряжением. Тарис понял без лишних слов. С ним, как всегда, было легко. Иссиа почти забыл это чувство. Теперь же, когда можно не скрываться и не прятаться, оно опять возвращалось. Жаль... он не может Лаену многое сказать.

Говорить было важно. Мысль остается мыслью. А слово не мысль, это показатель дела.

— Не думал, что она тоже... модифицированная, — прошептал Тарис. От Иссиа не укрылся мимолетный жест, которым парень коснулся собственного ошейника.

— Возможно, для тебя это будет открытием, но гомо сапиенса давно нет. Как и классического генома, — тихо вымолвил Иссиа. — Твои дети, Лаен, станут свободны, если

будут жизнеспособны и психически здоровы. А их дети, возможно, уложатся в пределы нормы. А может, и нет...

Или не будут психически здоровы. А может, вообще, окажутся не жизнеспособны... Быть ГМО отвратно. Но отстрадав сейчас, можно дать детям то, чего гомо сапиенсы были лишены.

Лаен поднялся на ноги и на миг скрылся за деревьями. А после выволок на поляну объёмный сверток из клеёнки. Присев на корточки, он вытащил из него полуторалитровую пластиковую бутылку с водой и начал пить.

Сказать, что Иссиа удивился, — это ничего не сказать. Он завис, разглядывая настоящий раритет в руках Тариса. Пластик был тонкий, помятый и мутный от царапин. С одной стороны даже почерневший и сморщившийся. Но он был цельный и с крышкой. Да на черном рынке такая баклага стоила целое состояние.

— Не отдам, — сощурился Тарис, наконец отлипнув от бутылки, и протянул ее напарнику. — Но пить можешь.

Когда он нашел ее? Да и что делал всю ночь? Вряд ли спал.

— Не переживай, положенное время отдохнул...

— Странно, — Райго все же взял протянутую баклажку в руки и отпил. — Ты пробиваешься в чужие головы играючи, но сам мысленно не можешь и слова сказать. Читать тебя сложно, но легко управлять. А вот Нана — открытая книга и слышит меня, только когда я этого хочу.

Он задумчиво покрутил бутылку в руках, разглядывая доньшко, похожее на цветок. Потом снова взглянул Тарису в глаза.

— Что из тебя делали в Кальтэное? Ошейник ведь заводской.

— А я не знаю, — улыбнулся белобрысый. — По официальной версии, пожарника. Это есть в моем личном деле.

— А по неофициальной? — это уже спросила Нана. Она вернулась и застыла за его спиной, привалившись плечом к дереву. Тарис знал, что ее ноги все еще болят. Теперь он это чувствовал, как и она, крайне отчетливо. Прямо до издевательства. Если бы Нана хотела, она наверняка смогла бы пытаться его своими ощущениями.

— Воспитательницы знали, что меня, полуживого, подобрал какой-то пацан на одной из свалок. Он меня и сдал в органы... А дальше никто не парился. Провели анализы, вывели уровень модификаций и надели ошейник, — он многозначительно поддел пальцем металлический обруч у себя на шее.

— И сколько тебе было?

— Говорят, пять, — Лаен уставился куда-то в сторону, словно вспоминая, — но, может, и больше.

— То есть... ты можешь оказаться просто свободным потомком, как Райго? — удивилась Вагнер. — Не генно-модифицированным?

— Или из инкубатора, — пожал плечами Тарис, забирая у Иссиа бутылку и завинчивая крышку. — Или нелепым экспериментом очередного лишенного лицензии безымянного мастера.

— Тогда в городе работал только один мастер, — прошептал Иссиа и сразу заставил себя подумать о чем-то другом.

— Это неважно, давайте завтракать... — свернул разговор Лаен и, поднявшись, склонился над уже изрядно прокоптившимся мясом. — А ты, — он прищурился, взглянув на

Иссиа. — Если не хочешь чего-то говорить, то даже не думай об этом... раздражает.

Повисшее между ними молчание сгладила Нана.

— Откуда вещи? — поинтересовалась она, осторожно приближаясь к костру и морщась при каждом шаге.

— Ходил к городу, пока вы спали. — пожал плечами Лаен и снял тушу с импровизированного шампура. Отломав ногу, насадил на подготовленный заранее прут и протянул Нане. — Ешь...

— Спасибо... — улыбнулась девушка, с благодарностью принимая протянутое ей угощение. — Тебя могло завалить... Это ведь опасно.

— Не завалило... — второй кусок он выделил помрачневшему Иссиа.

— А одежды там не было? Или кроссовок? — не унималась Нана, вгрызаясь зубами в мясо. — Слушай, давай пойдём туда опять, а вдруг шкаф найдем?

— Зачем шкаф? — удивился Райго, принимаясь за еду. Мясо было жёстким. Но выбирать не приходилось.

— Ну как... Тариса одеть надо... — замялась девушка, — мне переобуться.

— Расслабься, Нана, — Иссиа хихикнул, — предки были помешаны на консервации, но вряд ли они пытались сохранить шмотки...

— Хорошо, поищем шкаф и магазин, и трехсотлетний торговый центр... — согласился Тарис, читая сумбурные девичьи мысли, потоком наводнившие его голову. — И обувь без каблучков...

Что ему было сейчас до знаний мрачного Иссиа, если Нана раскрывала перед ним целый девичий мир?

* * *

Солнце взошло недавно. Старый искусственный лес радовал ровными рядами посадок. Лиственницы перемежались с соснами. Сосны с елями. Ели с пихтами. Лиственницы попросту не было. Но странным было не это, а чистота леса. Лэйн не замечала больных деревьев и в который раз думала, что это, скорее всего, еще один признак генных модификаций.

Место, где приземлился Тарис, нашли еще несколько часов назад и теперь продвигались вперед, ориентируясь по следам, оставленным ребятами. Судя по последним, выжили все трое. Кое-кто даже не сломал каблучков. Поразительное везение.

У кого-то была тяжелая поступь. Глубокие вмятины намекали на то, что человек обладал огромным весом. Однако никого тяжелого среди сбежавшей троицы не было. Потому Марта склонялась к мысли, что вмятины все же не от веса, а от прилагаемой силы. Скорее всего, странные глубокие следы принадлежали Тарису Лаену.

— Сюда... — указал Виктор, возглавляющий их цепочку. Команда вереницей следовала за ним. Замыкал отряд Кирк, самый старший из них, массивный мужчина лет сорока от роду. Команду подбирали не только быструю, но и сильную, ориентируясь на данные, зафиксированные в личном деле Тариса Лаена. Почему этого не сделали перед передачей ребят Димитрию, Марта объяснить толком не могла. Сказалась неготовность к побегу как таковому. Обычно никто не убегал. Да и преступники были проще.

Марта двигалась в середине цепочки между двух тощих врачей. Женщин, кроме нее, в их поисковой команде не было. Впрочем, пол не учитывался при подборе. Главное было нагнать и выстоять в противостоянии с Лаеном, если он будет жив. По этой же причине людей было не трое, а десятеро.

Этой ночью, когда они остановились на отдых, Марта успела прощупать каждого из временных напарников. Теперь она хорошо знала, с чьими мозгами поиграть можно, а к кому лучше не лезть. Виктор все еще оставался ее предпочтением. И проверку от внушения запросто проходил, и слушал ее беспрекословно. Остальные явно были сильнее в этом плане. Даже врачи.

— Они довольно долго не меняют скорости, — заметил Кирк, когда они остановились и сделали привал. Глаза у этого ГМО были карие, темные волосы коротко острижены. Лицо, как и большинства ему подобных, доведенное до идеала, четко очерченное и красивое, без изъянов и шрамов. Мастера Кальтэноя знали свое дело.

Кирк разложил на земле карту и теперь пристально ее изучал. Прикладывал к ней то палец, то мелкую складную металлическую линейку. Хмурился и подсчитывал.

Кто-то развел костер, кто-то распечатал свой паек. Виктор отправился на охоту. Сказал, что хочет мяса. Марта лишь пожалала плечами и склонилась над разложенной картой.

Компас лег сверху. Кирк, подровнял под ним карту. Простым графитовым карандашом отметил пройденный путь и местоположение. Приблизительный разрыв между ними и беглецами был существенен.

— Даже если так, все равно они сделают привал. С ними обычная девчонка на каблуках. Это вчера она шла... Сегодня будет ползти, если вообще сможет идти. Они будут вынуждены ждать ее.

— А могут бросить, — заметил кто-то из врачей.

И это был еще один повод поспешить. Могли бросить, могли убить. Много чего могли сделать такого, что казалось невозможным в стенах Леополиса.

В старом искусственном хвойном лесу на Марту накатывало странное ощущение, ее мучила то ли ностальгия, то ли ненужные аналогии с прошлым. Казалось, нет больше Леополиса. Есть только лес. Бесконечная чаща, продуцирующая озон. Неисчерпаемый источник воздуха и озонового шара.

И разгромленные города, полные пепла...

Запах жареного мяса издевательски ударил по ноздрям.

Виктор, как и вчера ночью, вертел на ветке тонко нарезанные полоски мяса какого-то неопознанного зверька. Остальные разбрелись меж деревьев, готовя спальные мешки.

— Слушай... — Марта смутилась, поймав на себе взгляд его по-кошачьи жёлтых глаз. — А почему ты паек не ешь? Это же проще, чем... — Она сглотнула, пытаясь подобрать нужное слово. Модифицированный молчал, не отрывая взгляда от мяса. Нос прямой, губы четко очерчены. Не такой, как Кирк, и все же аналогично красив. С Виктором она познакомилась давно и, чего душой кривить, предпочитала работать только с ним. Удобен. Наверное, если бы он не был столь удобным в своем восприятии, она бы давно что-то с ним закрутила.

Невольно подумалось, что женщина, оставившая Вагнер живой, думала так же. Удобных людей становилось все меньше. Их выпиливали из общества с тем же усердием, как и людей, умеющих внушать.

— Паек ограничен, — наконец выдал парень, голос его дрогнул, и это не укрылось от женщины. — А раз паек ограничен, едим то, что дает лес, — закончил он свою мысль.

— Главное, не превышай уровень потребления, — добродушно заметил Кирк, подмигивая. — Иначе придется по возвращении вешать на тебя статью о браконьерстве.

Виктор хмыкнул. Лицо осветила веселая улыбка.

— Без проблем, ты и пришьешь...

Отдыхали, разлегшись по персональным спальным мешкам. Как и в прошлый раз, потратили на это ровно два часа, исключительно в горизонтальном положении и лишний раз не болтая...

* * *

Солнечные лучи пробивались сквозь густые сизые тучи тонкими искрящимися полосками света. Утро было наполнено суетой слуг, секретарей, должностных лиц. Они сновали по кабинетам, изображали работу и делились друг с другом бюрократическими заморочками. Звенели стационарные телефоны. Бесшумно мигали лампочками коммутаторы.

Фердинанд курил, опираясь локтями на тонкое ограждение балюстрады. Он не носил коммутатор, и на часы ему было плевать. Браслеты раздражали. Они оттягивали запястья. И сколь бы легкими они ни были, сколь бы свободно ни болтались, казалось, они жмут чрезвычайно сильно, до немоты суставов и пальцев.

Неприятное ощущение после сна все еще не отпускало. Табак прекрасно снимал нервное напряжение, которое приходило с ночными кошмарами. Но он не мог стереть воспоминания и наводнившие голову мысли. Видит ли кто-то в его империи столь реалистичные поганые сны? Сталкивается ли с ожившим прошлым? Чувствует ли запах смерти, видит ли ее демонический оскал?

Прошлое продолжало дышать в спину и издевательски напоминать о себе.

Секретарь, как всегда, тихонько вышла на балюстраду и остановилась у двери. Голос у нее был чистый и звонкий.

— Господин... — позвала она, — техслужба готова открыть телепорты во всех направлениях. Ждут вашего решения.

Кинув окурок в мусорный бак, Фердинанд вздохнул полной грудью и повернулся. Девушка из общей канцелярии была знакома, она стояла все в том же мешковатом сером костюме, все с той же нелепой прической. Двадцатилетняя пигалица...

— Разрешаю активировать. — наконец выдал он, после того как барышня смутилась под его пристальным взглядом. — Найди Абэ. Как только будет свободен, пусть явится.

— Будет сделано, господин.

* * *

Тарис, перекинув через плечо свою полиэтиленовую котомку, непринужденно сбежал вниз и застыл, вдыхая воздух полной грудью. Он так и щеголял в своих подпаленных штанах и с голым торсом. За его тощим силуэтом виднелась ровная линия пути, ведущая далеко к горизонту. Амарантовые побеги гнулись от нее поломанными стеблями. И ведь вчера этого не было.

Присев на пригорке, как и прошлым вечером, Нана покачала головой, смотря на проложенный им путь. Наверное, минувшей ночью Тарис шел через амарантовое поле, как исполинский паром через океан. Или как танк на массивных гусеницах...

— Словно пневмопушка, — заметил Райго, замирая рядом с ней.

— Как такое вообще возможно? — прошептала она, вскидывая голову и смотря на его. Иссиа молчал, правда, хмурился слегка. Наверняка думал о чем-то еще более пространным. Словно в подтверждение, Тарис обернулся к ним.

— Эй, Райго, только не вздумай ей говорить, как мы к подножию Леополиса спустились, — окрикнул он снизу, а потом махнул в сторону виднеющегося на горизонте

города. — Двигаемся!

Райго, к удивлению Наны, послушно захлопнул рот и спрыгнул вниз. Обернулся и снова протянул ей руку.

Поморщившись, Вагнер поднялась на ноги и с ненавистью посмотрела на собственные порядочно испортившиеся туфли. А после нагнулась и с благодарностью оперлась о предложенную ладонь.

— Спасибо!

Прошлое всегда идет по пятам. Его нельзя просто забыть.

Дверь кабинета скрипнула привычно и почти беззвучно. Даже сидя с закрытыми глазами, Фердинанд первый, император Сакской империи, узнал человека, застывшего в полутора метрах от него, прямо перед столом, разделяющим их.

— Доброе утро, мой император. Земля слухами полнится. — В голосе Нандина Абэ, как обычно, сквозила легкая издевка. Фердинанд расслабленно лежал перед ним в своем кресле. Голова была откинута, серые глаза закрыты. На столе исходила паром полная до краев чашка. Густой аромат натурального кофе витал в кабинете, и Абэ невольно поморщился с непривычки. Вокруг чашки были разбросаны фотографии, словно свидетельства чужой несостоятельности.

— Какими? — тихо спросил Фердинанд, не шевелясь. Настроение и у него было паршивым, что не укрылось от начальника Имперского бюро расследований.

— Что вы созываете экстренное собрание префектов, — пояснил Абэ, внимательно рассматривая человека, которым опекался последние пятнадцать лет. Впрочем, опекался только семь из них, дальше Фердинанд ускользнул из его рук, как и его дед, в какой-то момент показав зубы. — Подозреваю, с этой целью искали и меня?

— Нет... — отрезал уже не юный император и наконец открыл свои серые глаза. Тяжелый взгляд скользнул по стоящему перед ним долгожителю. — Скажи мне, Нан, почему ты служишь моей семье уже которое поколение?

Это было неожиданно. Каверзный вопрос венценосного воспитанника перетек в не менее каверзный ответ.

— Осмелюсь уточнить, служу исключительно императору или его наследнику. — Абэ, как обычно, улыбался и слегка шурил раскосые карие глаза.

— Вон оно как... И наследника уже определил? — прошептал он. Фердинанд не просто был недоволен или рефлексировал, он был зол и едва сдерживался. Нандин откровенно забавлялся ситуацией. Как ни странно, злость шла его императору. Однако в чем была причина? Взгляд Нандина опять скользнул по рабочему столу, по разбросанным фотокарточкам. Выхватил изображение брата. Вряд ли причина плохого настроения в нем. Но чем черт не шутит?

— Я не могу читать вас, мой император. Сжальтесь и просто объясните, что вас раздражает.

— Объяснить? — он наконец отлип от своего кресла и подался вперед. Вечно холодное лицо перекошилось от негодования. — Пятнадцать лет назад ты засвидетельствовал смерть всех моих родных и подконтрольных им уродцев. Как ты тогда сказал? Ни деда... ни родителей, ни братьев, ни их семей, ни их охраны. Вся наша многочисленная родня была уничтожена в течение считанных минут.

— Не стоит мне напоминать о столь прискорбном факте нашей биографии, мой император, — предупредил Нандин. Он уже знал, куда клонит Фердинанд. Если его так бесит Райго, так уж и быть... придется заканчивать с ним и выбирать другую приманку.

— Не смей, тебе неведома скорбь, — прошептал Фердинанд, копируя интонации Нана и поднимая изображение Тариса Лаена. — Никого не напоминает, а?

— Нет, — ответ Абэ был категоричен... А его воспитанник тем временем еще больше распалялся.

— Синие глаза, Нан... Эти синие глаза ходят за мной следом полжизни, — продолжал гнуть свое Фердинанд. Поднимаясь и наваливаясь руками на стол. — Я хочу его крови. Он должен исчезнуть.

— Любой каприз, мой император, — Нан был непробиваем. Он мог поверить во что угодно, только не в то, что кто-то из погибших братьев жив. — Могу зарезать его как поросенка у вас на глазах. — И, чуть сощурившись, добавил: — Но этот парень вам не родственник...

— Тогда почему твой клон ввязался в это дело?

Абэ промолчал. Здесь ему крыть было нечем.

В дверь постучали, и в кабинет тихо проскользнул личный секретарь:

— Все порталы активированы, господин. Ваши распоряжения? — поинтересовалась женщина средних лет, застыв в дверях. От нее не укрылось напряжение, повисшее между обоими мужчинами. Да и злость императора слишком явно отражалась на его лице.

— Прекрасно, — прошептал Фердинанд и снова взглянул Нандину в глаза. Фотокарточка упала на стол. — Как поросенка. Здесь... иных способов не приемлю.

Фердинанд первым покинул свой кабинет, словно сбежал. А Нандин завис над столом, смотря на фотокарточку своего брата и ГМО.

Он мог поверить во что угодно, только не в то, что кто-то из погибших братьев Фердинанда жив.

* * *

Яркость белого потолка слепила. Привычная гладкая поверхность не радовала, но и не раздражала. Абсолютная бездушность изнутри. Монитор компьютера горел белым. Черные буквы складывались в очередной отчет доверенного лица.

Маркус лениво читал его, периодически прикрывая глаза. На поверхности уже властвовало утро. А здесь, под землей, время никогда не разделяли на сутки. Люди жили по сменам. Ели по сменам. Общались, женились и даже спали, ориентируясь исключительно на время своей смены.

Ирраиль, чей список Маркус сейчас читал, был нагл. Слишком много требовал он от «Биби». словно пришлый господин был должен ему за все те неудобства, о которые успел споткнуться старый мастер на своем пути.

Впрочем, список был реален. Старик даже имплантов не требовал, всего лишь их составляющие, из которых подземные умельцы сами смастерят то, что надо.

Ирония жизни. В прошлом изощренные умы могли управлять миром, диктовать курсы развития и потребления. Теперь же их умелые потомки были загнаны в норы, как кроты. Обслуживали технику, щурили полуслепые глаза, не привыкшие к яркому свету, и мечтали о натуральных, несублимированных помидорах.

В дверь постучали.

Маркус даже не дернулся. Он прекрасно знал, что голографическая маска скрывает его лицо.

Женщина, зашедшая в его кабинет, была жилистой и лысой. Невысокая, левый глаз ее светил бельмом. Правый уже был смнен на мощный объектив, отличающийся от натурального лишь неестественной чернотой искусственной зеницы. Лысый череп был татуирован. На левом виске маячила знакомая лампочка импланта. По сравнению с Вито

работы Ирраиля эта женщина была сделана более качественно. Увы, ее мастер скончался, а новый еще не набил руку.

Впрочем, это дело наживное.

— Вито ушла в переработку, — с ходу начала Дэйла. — Использованные ею люди сбежали.

Она смотрела на голографическое лицо «Биби» непринужденно. Стоя перед ним навтытяжку, словно солдат.

— Давно?

— Прошлым утром, — ответила она не мешкая. — Судя по свидетельствам, ГМО прихватил с собой двух других ребят и спрыгнул с пятой смотровой площадки западного пути.

— Вито должна была его убить...

— Она убила, выстрелом в голову. Просто парень попался не простой. — Дэйла привычно обошла стол и склонилась над мужчиной. Взгляд ее скользнул по ожогу, изуродовавшему некогда приятное лицо, по синим глазам с поплывшими изувеченными веками, по здоровой части головы, очерченной мягкими русыми волосами. — Он выжил после выстрела в голову, потом устроил пожар. Едва не сгорел и в итоге спрыгнул вниз с площадки, утащив с собой двух живых. Там несколько сотен метров высоты.

— Невозможно...

— По слухам, которые наводнили больницу, — продолжала шептать она, — у него регенерация и способность к управлению клетками и к повышению температуры.

Маркус мрачнел с каждым ее словом, но женщина даже не думала умолкнуть.

— А еще его ошейник не срабатывает. Этот мальчишка может убивать безнаказанно. Никого не напоминает?

— Он должен быть мертв, никто не выжил тогда...

— Кроме Фердинанда... и тебя... — прошептала она, наклоняясь еще ближе к его обезображенному лицу. — Маркус, это еще не все... Телепатом, которого пыталась увести из города Вито, был человек азиатской наружности. И, не поверишь, кто наведалься в Леополис после убийства... — она слегка коснулась его губ своими и жестко улыбнулась: — Демон Абэ.

* * *

Котомка оттягивала плечи Райго, и он тащил ее на себе, скрипя зубами. Лаен вырвался вперед, подхватив на руки девчонку и позволив чернявому подумать о том, чего, видимо, сам слушать не желал.

Райго же злился. В первую очередь на себя. Откровенность Лаена насчет собственного прошлого сворачивала мысли в ненужное русло. Простота и легкость, с которой он это говорил, стягивала нервы в тугий комок, до дрожи. Тарис не должен был знать о том, как появился в Леополиском детдоме... Не должен был знать, о чем думают воспитатели, глядя на него. И уж точно, он не должен был понимать, что нарисованное в Кальтэное дело — липа от начала и до конца. Нелиповый только ошейник, к которому он будет привязан до самого конца.

Но на хорошо продуманный вопрос Тарис Лаен дал четкий и исключительно верный ответ... которого не должен был знать...

Слышал ли Тарис сейчас его метания? Понимал ли скользкость всей той информации, которую Райго просто скрывал от него?

Его силуэт мелькал впереди, среди высоких зарослей амаранта. Гибкий позвоночник, словно гребень диковинного животного, натягивал кожу. Ребра неестественно вздувались при каждом вздохе... Нана лежала на его руках, крепко обхватив шею, склонив голову на его плечо. Идти она могла, но Лаен, похоже, имел свои соображения на этот счет.

Город приближался быстро. Врезался в небо мертвым остовом. Райго смотрел на него и пытался мысленно нарисовать то, как он выглядел раньше. Но не мог.

Перед глазами стояла кровавая драма, устроенная в императорском дворце. Боль, страх и дикость в один миг осиротевшего хозяина...

Хозяина, в мгновение ока превратившегося из разумного существа в одичавшего зверя...

— Полковник... есть что-то новое по делу препода? — поинтересовалась Клэр.

Часы только пробили девять утра. Рабочий день начинался привычно, без спешки и гонки. Травяной настой уже дымился в ее излюбленной чашке. Стол был завален бумагами и горками информационных носителей. Мягкое кресло слегка поскрипывало от того, что женщина в нем раскачивалась.

Выгнутая фаянсовая трубка телефона была зажата между плечом и ухом. Обмотанный шнуром провод тянулся к массивному аппарату с дисковым циферблатом. В отличие от аналогичного домашнего телефона этот не был оснащен видеосвязью. Женщину такое положение вещей вполне устраивало. Казенные деньги, как всегда, были крайне ограничены, а трат на «представительство» бюджет не предусматривал.

— Провели обыск, ничего интересного, кроме семейных фотоальбомов, не нашли, — ничуть не удивился вопросу Мидлтон.

Отчего-то Клэр показалось, что в этот момент он плюет в потолок. Сразу вспомнилась вчерашняя встреча с Абэ. Он бы еще и позу Мидлтона в этот момент расписал.

— И что же в них интересного?

— Похоже, у нас под носом жил незарегистрированный долгожитель, госпожа дэ Руж. — поделился своими соображениями Мидлтон. — Или очередной клон...

— Хочу глянуть на этот альбом.

— Да без проблем, префект. Инфоноситель уже должен быть у вас на столе...

Клэр скользнула взглядом по царящему перед ней бардаку и взяла в руки чашку... Сокрушенно вздохнула.

— Нет, я хочу живой альбом посмотреть, полковник.

Коммутатор на ее левом запястье тихо защелкал, оповещая о входном звонке.

— Мидлтон, подождите на связи, пожалуйста, браслет маячит... — отложив трубку на стол, она щелкнула кнопкой на коммутаторе.

— Слушаю...

— Госпожа префект, — Алек Швецов говорил едва слышно.

— Почему ты шепчешь? — удивилась она. Мужчина, словно не слыша ее, продолжал:

— Телепорт активировался прямо во дворец императора. Вас просят присоединиться к обсуждению... немедленно. — В голосе его сквозили взволнованность и напряжение. — Оттуда людей вышло... много. Очень много. Все военные, многие в ошейниках... Я знаю, вы не любите телепорты, но... Там целая делегация за вами пошла...

Дрожащими руками поправив документы, Клэр медленно поднялась и обошла свой рабочий стол. Ноги словно одеревенели, не слушались и не гнулись. Швецов очень сильно сгладил ее отношение. Не просто не любила. Она ненавидела телепорты. Уж слишком

отчётливым в памяти было то, как они кромсали людей на куски.

— Госпожа... — Алек тем временем все так же продолжал шептать. — С той стороны сказали, что дверь будет открыта целый день, вы сможете вернуться в любой момент. Но мы столько не вытерпим. Поторопитесь, а то мы без света как бы не работаем...

— Ты же говорил, вы починили генератор...

— Мы отправили запрос на детали, а их еще не прислали, — разнервничался Швецов... — А еще у меня в штате теперь недостает троих толковых врачей. У вас там на балансе города никакого био-генератора нет? Очень надо...

— Био-генератор? — она нервно сглотнула. — В упряжку запрягу, сам им станешь, Швецов.

Отключив связь, схватила трубку стационарного телефона.

— Ты здесь?

— На связи, — Мидлтон все еще был спокоен.

— Телепорт открыт, — сходу начала она, не давая полковнику сказать и слова. — В больнице опять генератор накрылся. Найди кого-то, способного подключить их к вашей станции. И удвойте патрули! Нет, утройте! Найди Свона, пусть проследит за Димитрием. Поиски троицы под твою личную ответственность. И свяжись с горсоветом...

Дверь в кабинет отворилась резко, впуская внутрь тройку поджарых, одинаковых на лицо гемовцев. Следом за ними ступил Фердинанд. Одетый в серый деловой костюм, с аккуратно зачесанными волосами, он и близко не напоминал того сорванца, которым она его помнила.

— Да вы никак к войне готовитесь? — насмешливо прокомментировал он.

Трубка под его пристальным взглядом опустилась на телефонный аппарат.

— Ваше величество. — Клэр, почтенно склонила голову, стараясь не выдавать своего неконтролируемого страха перед предстоящим путешествием. — Чем обязана?

Фердинанд не шелохнулся, медленно обвел кабинет взглядом. Размером в двадцать квадратов, стол, кресло, пара стульев и шкафы с документами. Напротив входа, стену за столом украшало прелестное панорамное окно с полупрозрачной глянцевой росписью по краям. Особенно привлекали внимание стоящий в дальнем углу глобус со старой картой мира и парочка фотографий на стене. На пожелтевших от времени бумажках угадывались лица предыдущих императоров.

— Вижу, ничего не изменилось с прошлого раза, — хмыкнул он. — Как было уныло, так и осталось.

— За десять лет многое произошло, — не согласилась Клэр, внимательно следя за, казалось бы, расслабленным мужчиной. Сколько ему лет? Тридцать два, или еще нет?

— Прошло как минимум пятнадцать, — вздохнул Фердинанд, меряя шагами комнату. — Привычно провел пальцем по спинке одного из стульев, на котором когда-то в детстве нацарапал свое имя. Рядом с его корявым росчерком красовался еще один. Не менее кривой и витиеватый. Мужчина задумчиво обвел его пальцем.

Не думал, что наткнется здесь на старое воспоминание. Мелкий вечно метил мебель. Впрочем, они были похожи в этом.

От Клэр не скрылся его жест. От осознания того, о чем этот мужчина сейчас может думать, ее передернуло. Трагедия, случившаяся с его семьей, не должна была тогда произойти.

Но, если подумать, наверно, именно она его сделала таким, каким он являлся.

Холоднокровным и жестким... интересующимся преступниками.

— Я подумал, будет правильно проводить вас во дворец лично, — наконец разрушил он обоюдную тишину. Обернулся к ней и мягко улыбнулся. — Вы ведь не доверяете телепортам, я прав?

Улыбка, полная фальши, как и у Нандина Абэ. Впрочем, Абэ его воспитывал и защищал, пока Совет изображал правление до его вступления в права наследования.

Император Фердинанд многое перенял от этого долгожителя, главное, чтобы среди качеств не было беспринципности, которой порой страдал Абэ.

Мысль была затолкана поглубже. Фердинанд подставил локоть, и Клэр дэ Руж не раздумывая взяла его под руку.

— Буду весьма благодарна, если составите мне компанию, — уже более расслабленно улыбнулась она, позволяя увести себя к ненавистному телепорту.

После событий десятилетней... нет, пятнадцатилетней давности она и думать боялась о том, что Фердинанд обратит на нее внимание. Но нет, обратил, сначала прислал Абэ с имплантом, попросил содействия, а теперь и сам пришел. Чтобы увести ее, двухсотлетнюю старуху, на свою территорию.

Отчего-то показалось, что она глупый заяц в зубах хищника. Так что оставалось только надеяться, что Мидлтон четко исполнит все ее указания.

Дверь телепорта находилась глубоко внизу, на самом последнем этаже здания.

Будучи управленческим комплексом, эта резиденция вместила в себя не только кабинет префекта, но и зал заседаний городского совета, судебный корпус, исполнительные службы. В подземных помещениях были архив и библиотека, сортировочный пункт почтамта, телефонная станция, радиостанция и, собственно, сам телепорт.

Размещался он в самой дальней комнате, в тупике. Его конструктивные детали простирались на многие километры, опоясывали здание больницы и питались от десятка генераторов, в том числе и от больничного. С виду же, глядя на округлую арку «двери», трудно было представить, насколько этот агрегат сложен. Когда присылали срочное письмо, внутри арки на миг вспыхивала молния, прямо как в далеком ночном небе. И из нее на пол падал конвертик, словно только что уроненный кем-то, проходящим мимо.

Сейчас же телепорт был раскрыт на полную. Внутри арки воздух искрился едва уловимыми всполохами и дрожал, словно водная гладь.

Фердинанд положил ладонь поверх ее собственной, которой она нервно цеплялась за его локоть, и успокаивающе прошептал:

— Я надеюсь, вы не забыли о вашем проступке, совершенном пятнадцать лет назад?

— Нет, не забыла, — сглотнула Клэр. Увы, этого позора она не забудет, даже прожив тысячу лет.

— В таком случае я не буду напоминать вам, о чем именно надо молчать.

* * *

«Казалось, оскал зверя преследовал его и не давал открыть глаза. Раненый, взвинченный, он заживал на глазах и снова горел и орал.

— Хотя бы эту ночь продержите его, — шептала точная копия Нандина. Вот только парень был слишком юн, чтобы оказаться тем самым неповторимым Абэ. Димитрий согласился. Открыл двери в подвал и позволил занести ребенка.

— Что произошло, парень?

— Не смогу сказать, — прошептал он, а потом уверенно взглянул в глаза. — Выгоните

слуг, отправьте отдыхать семью... В подвале никого нет...И забудьте меня. Вы никогда не видели здесь Нандина Абэ.

Димитрий смотрел на него молча и думал. Он прекрасно знал, что это внушение. Видел кровь на одежде парня, видел мучающегося ребенка. Тон, которым говорил парень, постановка вопроса — все кричало от том, что они в бегах... Но именно в тот момент Димитрий понял, что лучше послушаться молодую копию Нана. У него их не будут искать.

Потому просто забыл, а на утро вспомнил и позвонил мастеру... Бега бегами, но система ищет людей не по лицам, а по генам. Очень легко и качественно...»

Его разбудила вонь сублимированного пойла.

— Как вы себя чувствуете?

Димитрий всякого ожидал, но только не того, что Кэйт Свон будет сидеть возле его кровати. Опозоренный позапрошлым днем следователь преспокойно развалился на стуле рядом с его кроватью. Он листал какую-то книжку и пил из стеклянной кружки отвратную черную жижу.

— Где я? — сипло спросил старик, осторожно садясь. Он не чувствовал слабости. Наоборот, тело было полно сил. Кажется, даже руки помолодели. Исчезли привычные морщины. Советник растерянно покрутил ладони, рассматривая их, а потом огляделся. Взглядом выхватил бледно-зеленый цвет стен, плотно зашторенное окно, сквозь которое просвечивало утреннее солнце. Скучную мебель в виде углового шкафа и двери со значком уборной.

— Леополиская больница, — пояснил Свон, делая глоток и отставляя чашку на прикроватную тумбочку. Не обращая внимания на скривившегося советника, он облизнул палец и перевернул страницу. — Вы были под медикаментозным сном. Здешняя медсестра напортачила, выполняя планы по омоложению, потому вы теперь слегка лучше выглядите...

— А сколько...

— Девять утра, — не дал закончить модифицированный, отрываясь от чтения и прикрывая книгу. На обложке красовалась фривольная картинка с полуобнаженной девицей, и советник неожиданно поймал себя на мысли, что разглядывает ее. — Среда. Вы проспали почти сутки. Госпожа дэ Руж даже успела пообщаться с Абэ насчет происшествия.

Голос у Свона был мягок и дружелюбен. Лицо спокойно. Вместо вчерашней формы сегодня он был облачен в хлопковые джинсы и темную водолазку. Ошейник резко контрастировал с ней, как вычурное ожерелье. Значок полиции, как ни странно, отсутствовал.

— Я оплошал... — он наконец перевел взгляд на лицо следователя.

— Все мы плошаем время от времени, — прошептал Свон. — Хотите, я вам почитаю?

— О чем? — Димитрий все еще находился мыслями во вчерашнем происшествии и в собственном сне. А потому не мог понять, чего сидящий рядом мужчина добивается.

— Это из местной библиотеки, репродукция фэнтезийного романа прошлого. — Кэйт повернул книгу к старику, демонстрируя обложку во всей красе. Название было под стать изображению: «Любовь демона».

— Не думал, что вам интересны эти извращения...

— Никогда не смотрел на этот жанр как на извращение. Полет мысли и желаний, но не более. Если подумать, наш мир прекрасно вписывается в фантазии прошлого. — Кэйт снова открыл книгу.

— Каким боком? — надо признать, странный разговор действительно отвлекал. Димитрий наконец начал расслабляться.

— Умениями, — ничуть не смутился Свон. — Победа над болезнью и смертью, над собственным телом. Мутация и трансмутация. Бессмертие и свободная к использованию энергия тела... Безграничная любовь с обязательствами и без. Предки называли это магией и колдовством, чувствами. И, надо признать, их упорство в осуществлении желаний неподражаемо. Чего стоит долгожительство некоторых современных людей... или частичное омоложение...

— Предки обманывали себя, — возразил Димитрий. — А особо удобоваримую ложь сохраняли на века как средство контроля над массами.

— К примеру?

— К примеру, тот сублимированный кофе, что вы пьете... В нем нет кофеина. Через полчаса вы захотите спать. Но желудочная боль даст знать о себе быстрее.

— У меня не бывает желудочной боли, — усмехнулся Свон, снова беря с тумбочки свою чашку и ополовинивая ее. — Мой кишечник готов глину переваривать, а если понадобится, и опилки...

— Издевательство над геномом, — покачал старик головой и опять лег. Взгляд скользнул по идеально ровному потолку.

— Наверно... — голос сидящего рядом модифицированного неожиданно стал бесцветным. Димитрия ни капли не волновало то, что он сболтнул лишнего. Думал он о другом:

— Сбежавших нашли?

Кэйт опять оторвался от книги и внимательно взглянул на старика.

— Последнее сообщение гласило, что они выжили после падения и ушли в лес.

— Немыслимо, — сокрушенно прошептал советник. Следователь усмехнулся.

— Говорю же... как в фэнтезийном романе... Даже нашел похожий момент.

Он снова умолк, а Димитрий нервно пожевал губу, пытаясь осознать сказанное. Впрочем, это не поддавалось осознанию. Он отчетливо помнил пропасть, над которой двигался фуникулер. Если Лаен выжил, то он монстр. А монстры империи не нужны. Даже печально. Парень так сражался за жизнь, и ее просто отберут... Разделают и пустят на запчасти для нуждающихся.

Был ли Тарис тем паренюком, которого прятал клон Абэ?

Глупые... глупые мысли.

— А знаете, прочтите мне, — прошептал Димитрий. Хотелось на самом деле сказать другое. К примеру: «Отвлеките и развеите сомнения».

— Она смотрела на это исчадие ада своими влажными от слёз глазами... Все в душе бедняжки трепетало от ощущения его неподражаемой силы, — начал Кэйт с выражением. — О мой бог сумеречных земель. Держи меня крепче и никогда не отпускай... Огонь преисподней окутывал их, и не было ничего ласковей в тот откровенный момент...

«Наверное, тот, кто сочинял эту книгу, имел богатый опыт», — думалось Димитрию. Тот самый фривольный опыт невозмутимый следователь тоже озвучивал. Паршивец. Все же стоило накатать на него жалобу.

Зеленый календарь, как говорили теперь, включал в себя все летние месяцы. Райго откровенно не понимал, зачем было менять названия времен года. Но, увидев однажды на столе брата разноцветный календарь, расчерченный на четыре части и окрашенный в белый, голубой, зеленый и желтый цвета, осознал: люди попросту забыли названия... Проще было ткнуть в цвет, нежели в надпись. Учиться читать не требовалось. Прискорбный факт падения. Темная сторона любой войны. Наверное, если бы под руками в то время был круг, разделенный на сектора, то и слово «календарь» стерлось бы из памяти, став сектором или долей... А потому вместо лета именно Зеленый календарь радовал жизнью: трелями между ветвей, шорохами в траве, стрекотом и порханием.

Поле, которое их тройка пересекала, не было диким. Скорее оно просто забытое до сбора урожая. Посевная культура, использованная здесь, так называемый амарант, была прекрасным источником белка и минералов. Зерно, сосредоточенное в соцветиях-метелках, занимало лишь малую часть растения. Длинные толстые стебли и нежные ромбовидные листья величиной с ладонь — хоть с виду они казались просто ненужной биомассой, на самом деле были съедобны как для человека, так и для животных. Потому в итоге в производство шло почти все растение.

Сейчас, в середине лета, посевы уже оформили свои соцветия. Кое-где они даже налились красным, вытянулись вверх, выше головы, но все еще были неспелыми. А вот листья могли пойти в салат уже сейчас. Потому, пока Тарис шел вперед, Райго, не раздумывая, рвал их, решив, что на одном сухом мясе долго не протянешь. Ещё несколько суток — и система пищеварения начнет давать сбой, требуя жиров и клетчатки. И сколь бы ни модифицировали эту часть человека, одно остаётся неизменным — без нормального питания ферментная система даёт сбой... А сбой дает болезнь. Взгляд Иссиа тут же скользнул по вышагивающему впереди Тарису. С его анорексией однозначно что-то надо делать...

Взгляд серых глаз устремился дальше, к возвышающимся впереди старым постройкам. Отчасти их прикрывали низкие деревья. И не абы какие, а плодовые.

Они обрамляли почти все поле. словно исполинские кусты. Старые перекрученные ветви нависали над землёй, изгибаясь под неестественными углами так, словно долгое время на них висели грузы, оттягивающие ветви вниз. По центру крон можно было спокойно гулять, столь плотно были переплетены искореженные садоводами кроны. Молодые же побеги тянулись вверх, творя из этих деревьев некое подобие исполинских чаш. Райго смотрел на них и понимал, что и девчонка на руках Лаена тоже вот так цепляется за них своим вниманием. Тянется к ним неприкрытыми мыслями.

Ее ощущения лились нескончаемой рекой, пронизывали насквозь, заседали в мозгу. Бесконечный радиопоток с неубиваемой вышки предков. Только вместо металла живое тело, живой мозг, живое желание. Оказывается, Нана любила наблюдать за тем, как мелкие плоды за время Зеленого календаря превращаются в наливные сочные фрукты. Любила вгрызаться в спелые яблоки зубами и наслаждаться истинно летним сладким, слегка терпким вкусом.

От Вагнер невольно хотелось избавиться. Ее мысли были слишком неприкрытыми. Сбивали внутренний настрой и ощущения. Позавчера это забавляло, вчера воспринималось как данность. Но сегодня с каждым часом все больше раздражало. Райго не мог отгородиться

от нее. И это обескураживало. Раньше он не сталкивался с такой проблемой. В Леополисе все прекрасно получалось. Была ли причина в особом ментальном фоне, глушителях или в самих Нане и Тарисе? Возможно, дело в его спутниках. Эдакий пси-фактор, действующий помимо человеческого желания? Ментальный фон?

Райго продолжал хмуриться, а Нана смотрела на него, лениво положив голову на плечо Тариса. Взгляд у нее был как у кошки: довольный, чистый, с легкой паволокой самодовольства.

Сам же Лаен шагал бодро и только раз дернулся, когда девчонка открыла рот и что-то прошептала ему на ухо...

Похоже, Вагнер прекрасно отвлекала Тариса от мыслей Райго. И это играло на руку самой девчонке. Как бы Райго ни мешали ее мысли, Иссиа понимал, что без нее он останется один на один с Лаеном. Нана сама по себе была мощным фактором.

* * *

Тарис любил смотреть в небо. Из окон, с балюстрад, лёжа в траве или занимаясь упражнениями. Цвет неба был хорошим и понятным. Таким же, как его глаза, когда он спокоен... когда он измучен и зол. Когда вечерним небом стелились красные облака, казалось, что оно так же устало, как и он... А когда утром поддевалось золотым, ему приходило на ум, что солнце опять в хорошем настроении.

Это помогало собрать себя в кулак и двигаться дальше. Не смотреть вокруг, не оглядываться назад, дружить, следить за чужими мыслями и отвечать исключительно на хорошее. Выстраивать отношения в приятном тоне и не лезть на рожон. Что же в этом процессе изменилось?

Его память покромсали и вывернули. Сколько бы Лаен ни рылся в событиях прошлых дней — он не мог понять, когда прозвучал тот роковой приказ. Когда появилась женщина с маячком в голове? И почему он, послушав ее, пошел на ненужный вступительный экзамен. Почему вспылал тогда, после отказа ни в чем не повинного экзаменатора?

Телепатия... Бич нынешнего человечества. Свойство, выведенное во время минувшей войны и до сих пор не искорененное. Читать мысли зазорно и неэтично. Если читаешь — ты молчишь и не подаёшь виду. Этому учат, это вдалбливают в голову до посинения, покуда простая истина не станет частью твоего восприятия... То, что умел Иссиа или та женщина, было ещё хуже. Полное подчинение, которое пугало большинство современных людей и с которым Тарис сталкивался последние несколько дней... Что делать с Райго, он не знал. Но сделать с ним хоть что-то, прогнать или отпустить, ему тоже не хотелось. Сказывались тайны, что нес в себе этот человек. Тайны, о которых он умел не думать... и при этом врал о блоках.

Если бы Тарис сейчас спросил его о кроссовках, Иссиа бы тоже соврал. В этом не было сомнений.

— Не могу понять, сколько тебе лет, — неожиданно прошептала Нана ему на ухо. Тарис вздрогнул от того, как ее теплое дыхание скользнуло по его шее. Это было странно и неожиданно. Он почти не ощущал ее веса на своих руках. Шел, словно ее не было рядом. А тут прочувствовал... дыхание. И все мысли услышал разом, хотя и не хотел.

Город тем временем приближался. Уже можно было разобрать ряды построек между деревьев и просветы улиц между них.

Ответ на ее вопрос не находился. Лишь стандартная отмазка.

— Зачем такой девушке, как ты...

— Знать что-то о таком парне, как я... — передразнила она его и чуть приподняла голову, заглянула в синие глаза. — Может, потому что такой парень, как ты, несет такую девчонку, как я?

Тарис промолчал. Молчала и Нана, рассматривая его вблизи и дыша ему во впалую щеку.

Странно было за ним наблюдать. Просвечивающая вены кожа, прощупывающиеся кости. Непривычно ощущать его движение, как шевеление иссушенного дерева... И при этом понимать, что это дерево слышит каждую ее мысль и каждое сравнение.

Этот модифицированный оставался поразительно спокоен. Куда делась та взбешенная тень, пылающее пламя, вращающееся под невообразимым углом белки глаз? А главное, почему Райго веселился, намекая на семь минут проблем?

Спohватившись, решила перевести тему.

— У тебя руки жесткие. Костлявые и не мягкие совсем. Я думала, тебе лет пятнадцать, ну, семнадцать... Но в тебе нет максимализма и категоричности, присущей этому возрасту. Словно все свои кризисы ты уже пережил... — говорила она.

Если бы только Тарис не читал мысли... Он бы подумал, что она издевается. Но нет, Нана Вагнер была предельно серьезна и открыта сейчас. Ее мысли были многослойными, разными... она тасовала их, думала, что сказать, как проявить себя. Абсолютно без злобы.

Он наконец перевел на нее взгляд.

— Ты сейчас хочешь соврать мне, — словно не слыша ее, заметил он. Нана удивленно замерла, а он продолжал: — Думаешь, что сказать о своем возрасте.

— Да ну... И что же такого я собираюсь о нем солгать? — Вагнер не потешалась, не удивлялась. Скорее просто не верила. И Лаен очень четко это ощутил. Но ни молчать, ни увильнуть от ответа не собирался. Пусть после этого она вздрогнет. А она точно вздрогнет и нахохлится, словно промерзшая птица.

— Тебе девятнадцать, а по документам двадцать один... — прошептал он. — Документы ты делала в десятом подземном городе на нижних уровнях. Бежишь от семьи... А еще ты умирала позавчера, из-за меня... Я тебе должен.

Просто должен: за переулочек, за своевременную помощь, за открытый взгляд и откровенное наплевательство на правила ее клана...

Нана скривилась. Дернулась в попытке спрыгнуть с его рук, но Тарис держал ее слишком крепко... и смотрел на нее слишком внимательно. Поняв, что ей не выбраться, Вагнер опять расслабилась и положила голову на костлявое плечо. Скользнула взглядом по виднеющейся между зарослей фигуре Райго. Она видела его напряженные движения. Хмурое лицо... полиэтиленовую котомку, которая огромной массой лежала на его плечах. Нана не могла ее поднять. Даже понять не могла, чего Тарис туда нагреб.

— Мне неудобно, — наконец прошептала она, говоря обо всем и ни о чем одновременно.

Но Тарис даже это понял. Или, может, просто сказал то, что более всего подходило ситуации:

— Я знаю... Но у тебя болят ноги, а это еще неприятнее. — Голос его, как обычно, дрожал, был низким и хриплым. Она поймала себя на мысли, что начала разбирать интонации в непрекращающемся дребезжании и хрипе. А еще — настроение. Даже странно.

— Откуда тебе знать, ты же ГМО...

Думала при этом она о другом. Лаен опять начал улыбаться и Нана содрогнулась от

того, насколько жуткая у него улыбка.

— Слушай... ну хоть скажи, отчего худой? Не может быть, что тебя не кормили... — попросила она, опять разглядывая его лицо. Удобнее обвила шею руками. Лаен как-то сдавленно вздохнул. Но увилить от ответа не стал:

— Кормили, конечно. Метаболизм нарушен, слишком быстрый. К тому же мой расход энергии далек от среднестатистического... — пояснил он. Взгляд его уже скользил по окнам ближайших построек, по поросшим травой насыпям давно раскрошившегося кирпича. Асфальта он не наблюдал. Его давно раздробили и растащили.

Нана продолжала смотреть на своего спутника, отчего становилось откровенно неловко. Он уже наперед знал, что она скажет. И какой будет интонация. Без доли издевки или непонимания. Лишь констатация факта и немножко жалости, смешанной с натуральным интересом:

— Грубо говоря, тебя недокармливают, ты потому сырое мясо готов жрать? — Подытожила она и тяжело вздохнула. — Что же с тобой делать...

От девчонки откровенно начало тянуть «заботой» ... Не липовой, а словно от нянечки в детсаду... Была у них в отделении для мелких одна сердобольная и тревожная...

— Мне двадцать... — невпопад ответил он, нервно дернув плечом.

Нана фыркнула.

— Ты... нарочно, да? — возмутилась она.

— Конечно. — пробубнил Тарис, останавливаясь. Разговор неожиданно стал слишком сложным для него... — Я же псих, наивен, глуп и крайне расчетлив одновременно...

Это тоже было в ее мыслях... В какой-то из них — вчера или позавчера...

А сейчас Нана обиделась, услышав их отражение.

— Короче, засранец он, — встрял Райго, догоняя их.

Они наконец пересекли поле. Можно было заметить куски асфальта, еще не прикрытого землей, а кое-где даже виднелись старые вывески магазинов... нарисованные прямо на стенах... То, что было привинчено, приклепано, приварено — уже давно сняли. Спилили дорожные знаки, убрали кабель, до которого могли достать. Вырыли трубы... и несли все, что плохо лежало.

* * *

Пройдя сквозь телепорт префект Аллота, Казимир Руф внимательно осмотрелся. Под сводчатым гранитным потолком разместился целый десяток телепортов. Каждая арка могла принять как минимум пять направлений одновременно. У каждого стояли техники в спецофках. У стен застыли изваяниями гомовцы в синих военных формах. Лица у них были одинаковые, что говорило о пущенном на поток удачном образце генома.

Другие префекты, кто привычно, кто осторожно, выходили из телепортов и озирались по сторонам. В отполированных до глянца каменных помещениях было сумрачно, даже несмотря на прекрасное освещение. Темные стены съедали яркость, поглощали ее и отражали происходящее, словно старые поблекшие зеркала. Единственный коридор уводил из зала телепортаций. Лаконичные белоснежные таблички направляли прибывших в зал заседаний по давно не меняющемуся маршруту. И вдоль всего пути встречались одинаковые ГМО, застывшие изваяниями около стен. Несмотря на абсолютное спокойствие последних, от них веяло опасностью и силой.

Сам зал заседаний напоминал амфитеатр. Он был полностью выстроен из дерева, с трибуной в центре и уходящими вверх от нее одиночными столами и креслами,

расставленными концентрическими рядами. С противоположной стороны рядов над трибуной на трехметровой высоте разместился трон. На широком, обтянутом красным бархатом кресле, увенчанном пышной бархатной подушкой, лежали каменные скипетр и держава. Отлитые из гранита, они были свидетельствами истинной мощи технологий прошлого. Попробуй отлить их сейчас... Вряд ли нынешние заводы смогут добиться нужных температур...

Многоярусные ряды столов, расположившихся напротив трона, были привычно размечены флажками с символикой полисов. Люди рассаживались нехотя. Да и сам Казимир был не в радужном настроении от предстоящего совещания. Во-первых, о нем никого не предупредили. Во-вторых, тема совещания была неясна. Ну а в-третьих... Фердинанд, который свое правления начал с лаконичного видеообращения, присланного через телепорт на инфоносители, не вызывал доверия. Впрочем, последнее могло быть решением Совета, который все еще не собирался отдавать императору бразды правления.

Гемовцев не было в зале. Но, зная причуды предыдущего императора, Казимир подозревал, что зал и так полон скрытых сюрпризов.

Быстро найдя синий флажок с изображением телескопа, префект Аллота занял положенное ему место и начал осматриваться. Почти сотня наземных городов. Под началом каждого полиса десятков подземных селений, фермы, плантации, заводы, лаборатории.

Время тянулось. Место, находящееся рядом с Казимиром, пустовало. Мелкий белый флажок с изображением львиной головы четко указывал на личность опоздавшего — префект Леополиса. Впрочем, отсутствие именно этой дамы никого не волновало — она не являлась на собрания уже лет пятнадцать, ссылаясь на болезни, возраст и прочую чепуху. А вот отсутствие его величества императора Фердинанда навевало ненужные вопросы. Царило нетерпение. Кресла скрипели, велись тихие разговоры, слышались обмены любезностями.

Появление префекта Леополиса, вызвало волну шепота среди собравшихся. Он прокатилась от нижних рядов к верхним и привлёк пристальное внимание всех собравшихся. Старейшая из присутствующих, одетая в старомодное бежевое платье, с черной, как кофе, кожей и курчавым рыжим бардаком на голове, это была Клэр дэ Руж собственной персоной. Она плыла под руку с самим императором, гордо вздернув подбородок и поджав полные губы.

Ничем не выказав своего удивления, Казимир медленно поднялся со своего места и вежливо склонил голову, приветствуя владыку. Движения у него были отточенные. Кто быстрее, кто медленнее, но действовали все вместе и почти одновременно.

— Ваше величество, наше почтение... — нестройным хором пронеслось по залу, гулким эхом отбиваясь от стен.

— Приветствую, подданные, — Фердинанд важно кивнул и указал долгожительнице на ее место. Женщина невозмутимо направилась к лестнице и быстро заняла свой стол. Молча протянула Казимиру руку для пожатия, и он так же без лишних слов ответил на ее приветствие.

— Надо заметить, и этот император не заставляет старуху спешить, — послышалось за спиной. Казимир нахмурился. Клэр продолжала сидеть с каменным лицом и смотреть на пустую трибуну. Сам Фердинанд поднялся на свое место, находящееся в самом верху с противоположной стороны зала. Один против всех... И все против одного...

Разговор за спиной продолжался.

— Господин Арания, я бы советовала вам поубавить пыл, — послышался тонкий голос

Марии Волковски, префекта Полоники. Арания, префект Маврикии, не согласился с ее замечанием.

— Мой пыл прекрасной консистенции, пани, — хмыкнул он в ответ, — могу продемонстрировать после аудиенции, например.

— Ох, избавьте мои уши от этих пошлостей, — вклинился в разговор префект Дэльфинии

— Господа, уверен, обсуждаемые вами пошлости не касаются моей личности, — неожиданно откликнулся Фердинанд, наконец заняв свое место. — Вам повезло быть приглашенными, — криво улыбнулся он. Двери в зал резко захлопнулись и послышался щелчок замка.

После этих слов Казимир нахмурился и наконец осмотрелся внимательней. Нет... все префекты были на месте, но все равно замечание нового императора заставило думать.

Зал молчал.

— Что ж, — положив тяжелый скипетр себе на колени, император обвел присутствующих цепким взглядом, — на повестке дня есть пара вопросов. Первый из них, что делать со свободными ГМО? — И предупреждая назревающие у префектов вопросы, Фердинанд поднял руку, призывая всех слушать. — На данный момент генномодифицированные поделились на три группы. Первые — подневольные, принадлежащие частным гражданам, в том числе и мастерам. Вторые — свободные в выборе, но подконтрольные империи, и третья группа... дети ГМО, которые приравнены в правах и свободах к обычным жителям. Вы как главные представители полисов должны знать о настроении граждан по отношению к ГМО. И уже иметь кое-какие соображения по этому поводу. Потому прошу озвучить их.

— Простите, мой император, — неожиданно поднялась со своего места Мария Волковски, префект Полоники. Женщина молодая, лет тридцать отроду. Она была коротко острижена и по-деловому одета. — Чтобы иметь соображения, нужно видеть цель, увы, вашей цели вы еще не поведали.

— Хотите цель? Хм... — Фердинанд оперся на подлокотник, внимательно осматривая женщину. — Тогда я вам напомню, почему были позволены эксперименты с человеческим геномом. Во-первых, чтобы повысить продолжительность жизни. — Он начал загибать пальцы, перечисляя. — Во-вторых победить болезни. В-третьих, устранить злокачественные мутации генома. Точка. На данный момент мы уже отказались от долгожительства как от неперспективной для социума ветви развития. Болезни подконтрольны. Да и нынешние работы мастеров сильно отклонились от этих целей.

— Но ГМО... — Мария явно не хотела сдаваться, но слов от охватившего ее возмущения просто не хватало. Казимир тяжело вздохнул и сам поднялся.

— Мой император, — тихо начал он, будучи уверенным, что даже скажи он это беззвучно, все услышат. — Как бы мы ни хотели этого, нам уже не вернуться к первоначальным целям. — Он обернулся, взглядываясь в застывшие лица коллег по профессии.

— Вспомните, нашими предками было принято решение уничтожить все боевые орудия, каким бы они ни были. На замену ему пришли человеческие боевые единицы, уродцы, ГМО. С их помощью закончилась война. Но уже прошло триста лет с момента Перелома, а мы продолжаем насиловать наши семьи, отдавая каждого второго ребенка на нужды Сакской империи. Не потому, что нам это нравится. А потому, что другого варианта

нет. ГМО остаются основной боевой силой любого города. Они выполняют самые сложные операции, лезут в труднодоступные места, могут действовать там, где обычный человек бессильен. Будь это затопленные помещения, бушующий пожар или радиоактивная местность. Они нужны абсолютно везде. Их статус сейчас идеален. — Казимир сглотнул, не находя в зале ни одного одобрительного взгляда, будто уже все было давно решено. Голос дрогнул. — Люди жертвуют своими детьми ради общего блага, лишь бы не повторить того ужаса, а сейчас вы пытаетесь всех их и их потомков сделать подневольными? Разве к этому стремится свободное общество?!

— Я слышал, в начале этого года ваш второй сын потерял голову... — усмехнулся Арания. Плотный, с лоснящимися щеками префект Маврикии.

Казимир проигнорировал выпад, повернулся к Фердинанду и четко, ровно произнес:

— Обычный человек многим обязан ГМО, мой император. Если вы загоните всех гомовцев в подневольные, среднестатистические граждане откажутся от добровольных модификаций и уровень жизни упадет. Наша экономика застынет. Если же дать свободным ГМО больше преференций, это поставит точку на существовании классического генетического набора. Боюсь, как бы натуральный человек не стал изгоем общества. К тому же опять встанет вопрос о подневольных генно-модифицированных. То, что эти ребята научены послушанию и пожизненному служению, не значит, что у них нет гордости. Потому я бы не советовал вообще менять сложившийся порядок. Более того, почему бы не определить для всех ГМО срок службы, после которой они получают свободу от ошейника и полные права? Эти ребята не виноваты в том, что государство отдает их на эксперименты. Вся их вина заключается в очередности рождения. — В зале поднялся гул, и, повысив голос, мужчина продолжил: — Еще хочу напомнить о категории ГМО, выращенных в пробирках и инкубаторах, клонах. Они встречаются как среди свободных, так и среди подневольных...

Фердинанд улыбнулся, едва заметным жестом прекращая речь.

— Спасибо за интересную мысль, префект Аллота, мы учтем ваши пожелания в своем решении.

Учтиво поклонившись и сев, Казимир не без напряжения вслушивался в поднявшееся в зале обсуждение. И неудивительно. Только благодаря генной инженерии человек смог управлять силами природы и наконец приблизиться к воспетой древними магии. Вряд ли потомкам первых уродцев понравится, что их хотят заклеить. Если император пойдет по этому пути, новой войны не миновать.

Взгляд зацепился за молчаливую дэ Руж, которая смотрела на императора тяжелым взглядом из-под полуопущенных ресниц. Ее брови хмурились, лоб прорезали морщины. Пальцы правой руки отстукивали ритм по лакированной поверхности стола.

Раньше дэ Руж никогда не молчала, теперь же она даже рот не открыла. Ни единого слова. Словно ей хвост прищемили.

— Господа, мы должны определиться к концу дня и не позднее, от вашего решения зависит курс Единого союза полисов на ближайшие пятьдесят лет.

Его последние слова опять всколыхнули собравшихся, подняли гул голосов. Уже лет сто никто не величал Сакскую империю старым названием. Это значило только одно. Император, похоже решил, упразднить Совет и взять правление полностью в свои руки.

Видимо, пора искать союзников. Казимир в который раз скользнул взглядом по залу заседаний и остановился на сидящей рядом женщине.

Подумал и снял с пальца печать с символом Аллота. Чуть подался вперед и молча

положил перстень на стол.

Порой слова не нужны. Клэр дэ Руж долго смотрела на кольцо, а потом молча надела его на палец. Этим было все сказано. Она слышала его слова и была согласна. Что ж... У Казимара был один союзник — и это радовало.

*Он сказал, что устал и дальше не пойдет.
Потому подле него собрались все.*

«Многочисленные родственники ошивались во дворце уже третий день, съехавшись в Сельву со всей империи. Мрачные и одетые в черное...

Братья, тети, дяди... Старые и молодые. Коридоры были заполнены людьми, целыми семьями. Эдакие поминки без похорон и смерти.

И при каждой семье, при каждом мальчишке по модифицированному охраннику. Все до единого с одним лицом. Даже в их мелкой семье была тройка казенных близнецов. По одному на брата. Дин, Дан и Ден. Клоны.

До вчерашнего дня Маркус даже не представлял, сколько их. Ему казалось, принадлежащие их семье ребята уникальны, эксклюзивны, как почесть. А теперь увидел, что и их семья, жившая вдали от дворца, не является единственной. Осознание того, что сорок седьмой сын первого императора не был последним и, кроме него, еще множество семей претендовало на трон, было неожиданным.

Конечно, Маркус и не надеялся занять место деда. Их мать была его пятой дочерью... А ведь имелись и многочисленные сыновья. Тети и дяди... И их дети. И вот теперь все это обширное, многолюдное, многослойное семейство впервые за столько лет собралось и знакомилось друг с другом. Слушало тихую унылую музыку, обсуждало жизнь в полисах, сравнивало условия и выискивало нюансы и различия. С виду даже и не скажешь, что все они родственники.

Время от времени в зале появлялся оригинал многочисленных клонов — Нандин Абэ. Он обводил разношерстную публику цепким взглядом и выбирал очередного счастливицу для аудиенции с венценосным предком.

Маркус как старший представлял интересы их скромной семьи. Фердинанд тенью кружил рядом и хмуро косил взглядом по сторонам. Кривился, когда замечал очередной ошейник. Тогда его рука вскидывалась к собственной шее, а кадык гулял от нервного глотка... Если бы к его модификациям добавили еще пять процентов, он бы тоже носил ошейник. Но отец хорошо приплатил в свое время за отсутствие этих пяти пунктов. Увы, он погиб на производстве сразу после рождения третьего сына, Теодора, их последнего и самого мелкого брата. Тео все эти три дня, позабыв о своей врожденной непоседливости, провел рядом с непривычно тревожной матерью.

Их мать за все это время не сказала ни слова. Она молча слушала, молча жала руки новоявленным родственникам и все больше мрачнела. И все три дня крепко держала ладонь Теодора. Все три дня ей было плохо. Она морщилась, касалась головы, когда считала, что ее никто не видит, а иногда судорожно сжимала виски и крепко зажмурилась от боли. Она была красива, их мать, даже когда чувствовала себя до отворачивания плохо.

Император звал к себе по одному — за плотно закрытую дверь. И каждый раз, когда очередной родственник выходил и Абэ выхватывал из зала следующего, мать судорожно сжимала пальцами плечи.

Маркус не понимал происходящего. Закон писал, что наследует первый сын из первой ветви, но первые давно прошли. А его мать вообще была дочерью... Когда Абэ пришел за

ним, мама спрятала лицо в ладонях. Теодор, сидевший у нее на коленях, нахмурился. Обнял ее руками.

— Все будет хорошо, мам, — прошептал он. Хотя сам сидел непривычно хмурый. Куда делась задорная улыбка?

Абэ ждал, а Маркус не мог сдвинуться с места. Наконец потрепал мелкого по голове и положил руки на плечи мамы.

— Тебе плохо?

Она мотнула головой и коснулась ладонью его щеки.

— Просто... много отвратительных мыслей вокруг... сын. Страшных.

В этих словах было слишком много всего. Он нервно повел плечом и поднялся. То, что мама слышала, не было секретом в их семье... Но она никогда прежде не говорила об этом столь открыто. То, что она чувствовала, скорее было страшным, и это нервировало.

— Иди, парень, последнее наставление от деда, — подогнал Абэ и коснулся его плеча.

Собственный охранник дернулся в их сторону, но взглянул Нандину в глаза и отступил.

— Расслабься, Ден, просто наставление, — прошептал Маркус и кивнул Фердинанду.

Младший брат понял все правильно. Присел возле матери и начал ее успокаивать.

— Мам... перестань... все хорошо, мы все рядом... — уверенно начал он.

Это было последнее, что услышал Маркус, прежде чем ступить за долгожителем в дедовы покои.

Взгляд скользнул по пышной обстановке, яркой мебели. Остановился на широкой кровати, на которой полусидел-полулежал его родной дед.

Он был стар. Омолаживающие процедуры давно не справлялись ни с его кожей, ни со зрением. И вот теперь он решил, что пора прекращать с жизнью. Фердинанд всегда с содроганием смотрел на то, в какую развалину превратился их дед. А Маркус смеялся над его разговорами о старости и понимал, что лет эдак через пятьдесят они сами будут вот так же выглядеть.

Чего он не мог себе представить, так это того, что время конца дед определит себе сам.

Его личный помощник, правая рука, цепной пес, Нандин Абэ застыл за спиной Маркуса и бесцеремонно подтолкнул в спину. Юноша, недовольно дернувшись, подошел к кровати. Опустился на колени рядом с дедом. Старик молча приподнял свою руку и положил ее Маркусу на голову, сдавил...

В глазах помутнело от чужого вторжения в мысли. Он дернулся. Но тут же ощутил чужие руки на собственных плечах. Демон Абэ...

— Это Маркус... Первый сын пятой дочери, норма, — представил его Нандин, словно вещь в магазине. Дед кивнул, и Маркус неожиданно понял, что тот даже имени дочери не знал. Просто номер...

Все кончилось быстро, а парень продолжал ощущать прохладную морщинистую руку у себя на лбу.

— Крепок... — недовольно прошептал дед, отнимая руку. — Кто-то еще есть, Нан?

— Двое. ГМО семнадцати лет и совсем ребенок.

— Маркус... как зовут твоих братьев? — шепотом спросил старик.

— Фердинанд и Тео... Теодор, — рассеянно ответил он. В голове все клубилось, словно туман. Язык ворочался сам, и непонятно было, управляют этим языком, или же его сознание само выворачивает все свое нутро перед стариком.

— Я слишком устал... Нан, уведи его. Если и ГМО не подойдет...

Что будет, если не подойдет, Маркус не узнал. Ноги, словно не его, унесли его прочь из покоев. Он был рассеян и плохо соображал. Но отчего-то не мог оторвать взгляда от заплаканного лица матери. В коридоре тихо переговаривались родственники. Кто-то подавил смешок, кто-то зевоту. Фердинанд сидел мрачный. Хмурил светлые брови и о чем-то сосредоточенно размышлял. Его охранник Дан нервно мерил шагами пространство за спиной. Дин что-то рассказывал Теодору. Ден же замер возле дверей, ожидая Маркуса.

Абэ застыл в дверях и подозвал Фердинанда. Брат уверенно поднялся на ноги и без промедления подошел к нему. Взглянул Нандину в лицо и решительно вошел внутрь.

Маркус хотел было его остановить. Но тот дикий, трепещущий в неистовстве нерв слишком сильно был окутан в безразличие. Что-то происходило вокруг. Эта что-то было до ужаса противным...

Последнее, что отчетливо запомнил Маркус, — это как следом за младшим дернулся Тео... А после его память и чувства погрузились в беспроглядный мрак...»

Маркус любил, когда подобранная им команда работала как хорошо налаженные часы. Вот и теперь, когда Вито облажалась, ее куратор быстро взял ситуацию свои руки. Проследил, оценил, оповестил Дэйлу, организовал слежку, просчитали ход событий. Разветвлённая сеть их организации позволяла сделать многое.

Теперь же, когда беглецы сами вошли на помойку, их можно было с лёгкостью наблюдать самим. Техническое оснащение объекта позволяло.

— Они довольно беспечны, — заметила Дэйла. Она пыталась высказать свое мнение в любой ситуации. И настоящий момент не стал исключением. Вот только Маркус не спешил верить ей на слово.

Они продолжали свое нехитрое действие из тщательно спланированного штаба, из личного кабинета, сидя за столом, скрытым от посторонних глаз голографической маской «Биби».

Откинувшись на спинку кресла, он без лишних комментариев наблюдал за тем, как женщина настраивает картинку на мониторе. Дэйла была подключена к аппаратуре толстым проводом через мозговой имплант. Полушлем закрывал часть ее лица и шеи, фиксируя их и сковывая большую часть движений.

Связь со спутником была нелегальной, а потому стоило думать до того, как устанавливать ее. Впрочем, кибернетическая составляющая этой дамочки позволяла многое, в том числе и думать, когда надо, и обходить вездесущие ловушки.

Монитор моргнул, показал картинку. Глинистая местность, поросшая жидкой травой, часть постройки, закрывшей всю левую половину экрана.

— Ну же... — Дэйла хмурилась и смотрела на графическую карту, где красной точкой отображалось перемещение маячка. Изображение на экране опять поменялось, и наконец одна из камер уловила движение.

Мелькнули чужие ноги, картинка съехала в сторону — и мимо опять кто-то прошел.

— Слишком низко объектив камеры, есть как поднять? — поинтересовался Маркус. Взгляд скользнул к манипулятору, который женщина держала в руке.

— Это тебе не городской чистильщик, — прошептала она, — радуйся тому, что есть.

Дэйла не любила шлем, а потому по обыкновению ворчала, как только начинали сыпаться замечания на ее работу.

— Просто смени глаза. Возьми те, что дальше.

И те и другие «глаза» принадлежали миниатюрным роботам, по строению напоминающим муравьев или гусениц. Глазастые твари занимались разбором древних построек и сортировкой накапливающегося в ходе работ мусора. К ним его подруга и подключалась, выискивая беглецов.

— Попробуем, — выдохнула Дэйла, и ее пальцы быстро запорхали над клавиатурой. Экран замелькал, ракурсы менялись, пока картинка на порядок не уменьшилась. Сколько кодов она сейчас сломала и через сколько роботов прошла — Маркусу было неизвестно. Его интересовали исключительно объекты наблюдения.

По центру качественной цветной картинки наконец появилась интересующая их троица. Дэйла выпрямилась и отошла в сторону. Маркус же подался вперед, рассматривая людей на экране. И чем больше он смотрел, тем больше хмурился. Все трое были ему незнакомы. Ни чернявый азиат, ни белобрысый анорексик, ни рыжая девчонка, которая сидела у тощего на руках и все время оглядывалась, не вызывали никаких ассоциаций.

Девушка вскинула руку и указала в сторону, что-то сказала с требовательным выражением на лице. Белобрысый оглянулся и уверенно пошел. Словно и не он, полудохлый ходячий труп, нес упитанную девчонку на руках.

— Звука нет... — наконец посетовал Маркус. Ребята говорили, и очень хотелось узнать, о чем. Разговор мог открыть многое.

— И не будет, — отрезала женщина. — Если бы не ошейник, мы бы вообще их отследить не смогли.

— Я думал, он нерабочий...

Нерабочий ошейник на ошибочно принятом за ГМО парне — вот о чем он думал на самом деле. Но парень на экране был модифицированным. Об этом говорило все в странном строении его тела. Слишком далек он от принятых идеалов моделирования внешности. Да и какого он еще жив — непонятно.

— Насколько он нерабочий, Ирраиль скажет... — Дэйла продолжала дерзить. — Маяк в нем работает отлично.

Откинувшись на спинку кресла, Маркус задумчиво поскреб подбородок. Мысленно подсчитывая, сколько у него людей в том районе и что у них есть из оснащения.

В принципе, можно было попробовать взять его. Идея казалась заманчивой. Устранить всегда успеют.

— Ты его оповестила, Ирраиля? — наконец поинтересовался он. Дэйла кивнула.

— Отправила Ёжи.

Маркус хмыкнул, мелкий крысеныш, слишком быстро втерся в доверие к его ребятам. Впрочем, что мог разболтать ребенок, Маркуса не волновало.

— Пусть берут их живьем... хочу посмотреть ближе на этого модифицированного.

* * *

Кирк задумчиво осмотрел поляну и присел возле затушенного костра. Пепел все еще был теплый, а значит, прошло совсем немного времени. Виктор и остальные быстро прочесали окрестности. Тройка врачей, воспользовавшись перерывом, присели прямо на траву и вели неспешный разговор. Марта же быстро определила на поляне следы ночевки и, порывав в ближайших кустах, нашла помятый лапник, исполнявший, скорее всего, роль лежанки. Тройка беглецов не особо заморачивалась сокрытием следов. Это и сокрытием не было, просто поверхностная уборка за собой. Поразительная беспечность, как следствие

абсолютно тепличных условий их жизни.

Гемовцы вернулись довольными.

— Они ушли в старый город, — пояснил Виктор, указывая направление на северо-восток. — Не более часа назад. Следы свежие, но нечеткие. Они не спешат.

— Думаю, мы спокойно можем отдохнуть двадцать минут перед последним маршброском, — заметил кто-то из мужчин. И Лэйн была полностью с ними согласна. Беспечность, которую проявляли беглецы, давала возможность для маневра и время для принятия решений.

— Я не помню города в той стороне... — Кирк нахмурился и полез в свой рюкзак за картой.

— Не ищите, — остановила его Марта, присаживаясь рядом на землю и пытаясь расслабить мышцы. — Он не обозначен.

Мужчина удивленно взглянул на нее, а потом застегнул рюкзак и отставил его в сторону.

— Вам известно, что там? — удивился он.

— Древние развалины, — Лэйн вскинула голову, уставилась на клочок синего неба над головой. Птицы пели, а солнце нежно грело кожу. — Сейчас их обозначают исключительно на технических картах, как промышленные свалки или помойки. Просто ресурс для строительства.

— Я слышал о таких, но не думал, что рядом с Леополисом можно наткнуться на нечто подобное, — прошептал кто-то из врачей.

— Они всюду есть, — пожалала плечами Лэйн, переводя на мужчину взгляд. — Просто их решили скрыть от общественности. Эдакая защита от черных копателей, любителей старины.

Правда, скрыть то, что пронизывает весь континент, как паучья сеть, удалось только после того, как все дороги ушли под землю. Черные тоннели пути вместо яркой зелени и неба. Небо над головой стало доступным лишь в полисах и его окрестностях. Если же ты был жителем подземных нор, то и небо тебе не было доступно. Жизнь там вообще текла иначе. Другой воздух, другие традиции, другая пища. Даже болезни там были другие.

А тем временем старые города шли в переработку. Медленно и непрерывно переваривались новым обществом для производства неломаемых вещей. Марта еще помнила эру потребительства. Гонку за артефактами, аукционы за право обладания вещами из этих необъятных могильников. Теперь же черный рынок ушел в подполье, а точнее, в подземелья.

Сколько Марта помнила, дэ Руж никогда не боролась с ними. Посмеивалась и говорила, пусть люди играют.

— А у этого... было название? — опять спросил кто-то из врачей. Все как-то вмиг оказались ближе. Готовые слушать, застывшие, словно хищники перед прыжком.

От внимания становилось неловко. Марта тяжело вздохнула и, подтянув колени, уперлась в них руками. А преследовавший с утра запах гари и пыли снова всплыл в памяти.

— Последний раз его называли городом диких, — вспоминала она, продолжая смотреть в просветы между облаков и деревьев. — Когда я родилась, часть из того, что ныне называется промышленными помойками, уже была разрушена войной. Часть еще трепыхалась и пыталась как-то сводить концы с концами. Сейчас те события называют просто Переломом... Для нас же это была нескончаемая борьба за выживание. Все вокруг жили бартером и оружием. Образованность населения упала до критической отметки, и

названия городов беспрерывно менялось... в зависимости от банды, которая брала контроль в свои руки. Говорили, что перед Диким его звали Ярый, а еще перед этим... Львиным логовом, Львиными головами... — она на миг умолкла, сглатывая набежавшую слюну, — Леополис перенял их название, выбрал их трубы, камни, колорит... Перенял черты, словно ребенок от родителя.

Родителей у Леополиса было много. Они были вокруг него, большие и мелкие города, городишки, селения...

Лэйн не заметила, как умолкла, и никто не спрашивал больше. Озвученная ею официальная версия была щедро приправлена горечью. Она сквозила в голосе, словно граница, отделяющая правду от лжи.

Дикий в то время уже затухал. Банд было много — с разным оружием. А после пришли группы зачистки, состоящие из одних лишь уродцев. Их, глупых свободных людей, сгоняли в резервации. Полная свобода от условностей. Разврат и дети... Много-много новорожденных детей, которых забирали не пойми куда. Но понятно зачем... Этого не скажет учебник истории. Этого не скажет никто, кто там был... Даже дэ Руж не поймет, потому что не видела резерваций изнутри.

Двадцать минут, отпущенных перед последним броском, протекли неожиданно быстро.

Перед глазами раскинулось поле с наплевательски протоптанной дорогой. Она уводила к Дикому, словно стрела, четко обозначая путь, которым скрылись беглецы...

Глупые-глупые дети. Автоматизированный город напрочь отучил их думать о том, что бывают следы.

Двигались быстро, все той же цепочкой. Перед глазами долгожительницы маячили чужие спины, а в памяти стояли родные стены.

Казалось, гарь стала запахом и вкусом целой эпохи. Марта помнила, как взорвали Дикий и как кружил горячий искрящийся пепел от вездесущих пожаров. Ее голова тогда была похожа на исполинский колокол, в котором звенели тысячи чужих мыслей. Отбраковки, эксперименты, селекция... и наблюдения. Одной Вселенной известно, сколько уродцев вышло из ее собственного тела, чтобы продолжить свой генетический поход в этот изувеченный предками мир...

И сколько раз она пыталась уничтожить себя, только бы прекратить исключительно научные изыскания над своим телом...

* * *

Заседание префектов продолжалось, и Клэр все острее чувствовала растерянность и раздражение.

Что задумал Фердинанд? Ведь его странный вопрос о курсе Сакской империи не был праздным. Что-то серьезное стояло за ним. И, похоже, этот человек решил в наглуую прощупать почву, прежде чем внести предложение. Самодовольство, которое раз за разом проскальзывало на его лице, было тому подтверждением. Фердинанд, как кукловод, с наслаждением взирал на то, как все играют заданную пьесу...

Работа шла... Префекты поднимались по очереди, говорили свое мнение по заданной Фердинандом теме, и Клэр неожиданно для себя понимала, что все хотят изменений. Не желающих их меньшинство. Наверное, сыграло роль брошенная Фердинандом фраза о союзе полисов.

Умен, засранец. Что еще можно пообещать полисам, как не самоуправство?

И только глупец не поймет всей анекдотичности ситуации. Полисы слишком зависимы

друг от друга. Сделай их самостоятельными экономическими единицами, и их ждет если не мгновенный коллапс, то крайне тяжелые времена.

У каждого полиса свои карты, и не всегда среди них имеются тузы... Взять хоть тот же Кальтэной, чьи лаборатории клепают ГМО для всей империи. Но они не производят продуктов. Отключи им продуктовые поставки, и что станет с ними через неделю? Монополия на каждом шагу и во всем... Крайне глупое положение вещей.

Она не заметила, как начала крутить на пальце кольцо. Символ Аллота раздражал. Зачем взяла, спрашивается? Ведь могла просто вернуть. Не вернула. У жеста Казимира Руфа была своя цель, и она стоила уважения. Отдать свою печать, все равно что проявить высшую степень доверия. Это было неожиданно. Но Клэр знала Казимира не первый год. Она помнила его вступление на должность префекта и его ясный, не затуманенный интригами взгляд. Сейчас же... он услышал слова императора и без раздумий отдал свою печать не кому-либо, а ей.

Казимир продолжал верить именно ей. Клэр не любила обманывать чужое доверие. И сейчас было непривычно тяжело от мысли о том, что она продолжает молчать. Чертово предупреждение Фердинанда.

Должок, упомянутый им, был до сих пор ей непонятен. Подачка или подарок? Некая до конца не оформившаяся фикция, напротив которой обосновалось доверие и возможный союз Аллота.

Казимир был грамотным префектом, он впросак, как Кальтэной, не попадет, если случится непоправимое...

— Префект Леополиса, ваше слово? — с легкой улыбкой поинтересовался Фердинанд, выдергивая ее из раздумий. — Вы ведь хотите что-то сказать?

А прозвучало это как: «А вам вообще есть, что говорить? Молчите, Клэр, иначе просто будет еще одно печальное повторение событий пятнадцатилетней давности».

Умен... и скользок как змея.

Клэр молча поднялась со своего места, задумчиво обвела взглядом присутствующих и снова взглянула на мужчину, занявшего трон.

На самом деле ей было что сказать.

— Мой император, с вашего позволения... я выступлю на трибуне, — голос непривычно дрожал.

Фердинанд неопределенно махнул рукой, и Клэр под аккомпанемент поднимавшегося шума спустилась вниз. Помнится, раньше не было ничего зазорного в том, чтобы встать за трибуну. Пусть все смотрят тебе под ноги, а кто-то желает упасть. Нет ничего странного в том, чтобы повернуться спиной к императору. Но дед Фердинанда не любил спин. Он обожал, чтобы все смотрели ему в лицо. Нервничал, если не видел взгляда и выражения лица говорившего.

Фердинанд же не его дед. И потому Клэр сейчас уверенно взошла на трибуну. Чувствуя, как жжет взгляд юнца ее спину. Как давит кожу кольцо Казимира и пронзают взгляды каждого префекта, присутствующего здесь.

— Многое сказано и про отмену обязательных модификаций, и про устарелость существующего порядка. И про оставить все как есть, и про ужесточить контроль... Обязать свободных или загнать их в подземные города... Брать для производства ГМО только детей свободных... — начала она, обводя всех тяжелым взглядом. — Будем откровенны, господа, ваши слова — это результат двойных стандартов империи и частичного сокрытия

информации о реальном положении дел. Правда в том, что среди нас нет гомо сапиенсов. Последние настоящие люди погибли в дни Перелома от радиации! От кислотных дождей и массовых химических отравлений. Когда на одного нормального ребенка приходилось пятьдесят больных с врожденными отклонениями. Наша генетическая норма давно не норма. Наш мир — это другой мир. Мир человека для природы, а не природы для человека.

Она вскинула руку, обводя жестом всех присутствующих.

— Разве в ваших семьях нет ГМО, или, может, кто-то из вас не делает генно-моделирующие прививки? Хотите отпустить вожжи? Пожалуйста, отпускайте, только для начала спросите префекта Кальтэноя, сколько в его лабораториях производится генетических правок ежедневно на эмбриональном уровне. — Она взглянула на мужчину, сидящего в первом ряду. — Префект Такебир, скажите, почему молчите?

— В ста процентах случаев зачатия мы ведем весь эмбриональный цикл и вносим правки, — лениво ответил он, хитро прищурился.

Клэр невольно усмехнулась. Именно такого ответа она и ожидала. Такебир со странным именем Мёбиус был красив и атлетичен. Но не внешние достоинства славили его. Он, в первую очередь, всегда был честен во всем, что касалось его работы. Человек без изъязнов, не стесняющийся испытывать идеи на себе. Тонкий обруч последней модели охватывал его шею как напоминание о том, что сам он как мастер несет такую же ответственность, как и его многочисленные модифицированные пациенты.

Его честный ответ погрузил зал в звенящую тишину. Но хуже было даже не неверие присутствующих, а то, что представитель Кальтэноя сказал после этого:

— Я уже внес в императорскую канцелярию проект закона. — Мёбиус продолжал сидеть, не заботясь о приличиях. — И осмелюсь анонсировать его всем присутствующим. Кальтэной готов предоставить модели рабов, верных слуг и даже любовниц. Модель человека с любыми требованиями заказчика по принципу выращивания как в натуральном цикле взросления и воспитания, так и в ускоренном. С натуральным процессом формирования и, наоборот, с искусственно смоделированной личностью на базе натурального человеческого мозга. Я против смены политики относительно ГМО, я сам в ошейнике, мне претит эта мысль... Но я за то, чтобы гражданам империи предоставили возможность покупать качественный генетический продукт на основе человеческого генома. Также я как мастер ратую за то, чтобы ужесточить контроль ГМО свыше пятидесяти процентов. В том числе ввести запрет на формирование ими семей и на воспитание жизнеспособного потомства. Для всех свободных потомков ГМО, которые несут в себе нестандартные генетические коды, ввести обязательную превентивную меру в виде сдерживающей системы.

— Префект Леополиса, — насмешливо позвал Фердинанд, продолжая наблюдать за женщиной со своего места. — Вам есть еще что сказать?

Она обернулась. Злая, едва сдерживающая гнев... Старуха, так и не поумневшая за свою длинную жизнь.

— Мой император... Нельзя просто взять и начать продавать людей. Это не нужно Сакской империи.

— А союзу полисов? — на его лице заиграла дерзкая улыбка. Он откровенно насмеялся. — Идите... сядьте на свое место... Клэр.

А зал опять шумел. Клэр не заметила, как поднялась по ступеням и присела за свой стол. Казимир молчал, погрузившись в свои мрачные мысли. Фердинанд продолжал

веселиться. Клэр тяжело прикрыла глаза, вслушиваясь в крамольные речи.

— Давайте проведем эксперимент с испытательным сроком... — послышалось за спиной предложение господина Арании. — На базе пары городов...

— Я против! — Полоника... Обманчиво молодая дама, зациклившаяся на процедурах внешнего омоложения.

— Я за эксперимент... — Эйпон, город-тюрьма... Кто бы сомневался.

Шум... сплошной шум и гам. И все «против», и все «за» ...

Клэр не видела, как Фердинанд довольно улыбнулся, встретившись взглядом с префектом Такебиром. Она снова взяла себя в руки, только когда молодой император поднял руку:

— Префект Кальтэноя, Такебир Мёбиус, сформируйте команду из префектов и внесите прозвучавшие сегодня предложения в ваш проект законодательного акта. Встретимся через неделю для обсуждения... А вы, префект Леополиса, готовьтесь принять эксперимент.

Мертвый город навевал гнетущее впечатление. Обрушенные здания, пустые окна и витрины. Давно осыпавшаяся штукатурка. Время от времени можно было найти на стенах технические метки, обозначающие квадраты и блоки, на которые была поделена древняя территория. И если первый километр был относительно убранным, дальше город все больше напоминал дикую чащу. Трава становилась мельче, мох гуще. Толстые деревья возвышались между стен, перекошенных и покрытых глубокими трещинами. Мелкие побеги виднелись даже внутри зданий. Прорывались ветвями сквозь окна, трещины. Корни впивались в них, словно вены, а ветви, наоборот, устремлялись вверх, разрывая постройки на части. Несмотря на то, что солнце поднялось высоко и время уже клонилось к обеду, здесь царили глубокие тени. Слезши с рук Тариса, Нана осторожно разулась и теперь ходила по старым улицам босиком, с непривычкой касаясь стопами мягкого мха. Взгляд скользил по серо-зеленым разводам лишайников, затянувшим черную поверхность обожжённого камня, по мелким растениям, которые раскинулись пышными розетками поверх темного зеленого ковра... по ярким шляпкам грибов на тонких, хрупких ножках. Слышался щебет птиц. То и дело на глаза попадались насекомые... И ни стёклышка, ни пылинки.

Старая промышленная свалка была чище леса. Периодически в поле зрения попадали маленькие юркие роботы. Некоторые, плоские, как ленточные червы, умудрялись передвигаться как гусеницы, вздыбливая срединные части вверх. Другие, составленные из трех концентрических корпусов, орудовали тремя парами конечностей, острыми, как иглы, с мелкими крючками на концах, и при этом многосуставчатыми и гибкими. «Муравьи» порой останавливались и, орудуя этими отростками не хуже, чем настоящее насекомое лапками, заталкивали себе в брюхо очередную находку и убегали. Куда они устремлялись с добытыми сокровищами — неизвестно, но при желании никто не запрещал проследить за чистильщиками.

Путь им перегородило поваленное дерево. Оно прочертило пространство чуть выше головы, придавив стволем стену близлежащей постройки.

Райго сбросил под ноги котомку, которую нес, и забрался на поваленный ствол. Полиэтиленовый сверток упал вниз, звякнул, наталкивая на мысль о металле внутри. Вагнер поморщилась от звука, но не прокомментировала. И так услышат. Причем оба. Ее внутреннее напряжение то увеличивалось, то уменьшалось. И двое «независимых» слушателей ее метаний вряд ли могли с точностью в сто процентов выделить важное.

Девушка пыталась подружиться и понять. Можно считать это ее стремление новым витком саморазвития, после того как клан решил ее ликвидировать за измену идеалам... Впрочем, дважды за одно и то же не судят...

Райго прав со своими замечаниями, она слишком равняется на отказавшихся от нее предков...

— Никогда раньше не была на промышленной свалке, — наконец поделилась Нана, заталкивая поглубже все еще будоражащие ее обиды. Осмотрелась. — Здесь довольно опрятно, правда, пустынно. Удивительное место.

Райго улыбнулся. Сейчас, когда Нана намного ближе, ее мысли тоже четче. Восемь метров — ее радиус вещания. Дальше мощность спадает, а мысль превращается в отдельные выкрики... Пока шел за ребятами по полю, ощутил все эти радиусы в полной мере. Как и все

диапазоны чувств, вспыхивавших по этому поводу. Осталось перепроверить и подумать, как использовать.

Посмотрев сейчас на Иссиа Райго, и не скажешь, о чем он думает. Взгляд его скользит по диковинному пейзажу, по сочной растительности... по стенам, черным от копоти, так и не стершейся со временем. На лице — безмятежность. Но на самом деле он сосредоточен. Детали многое могут сказать об окружении. То, что парень видел сейчас, было далеко от естественного затухания жизни.

Угольно-черные поверхности стен, а внутри серый или оранжевый... Прямое свидетельство пожаров. В прошлом город не просто горел... Он пылал. Почти каждый дом был снесен наполовину. Конечно, всегда можно сказать, что крыши просто сгнили, их разобрали люди, растащили роботы на детали. Но крыши так не гниют. Природа не съедает здание сверху или с середины. Дома оседают... их фундаменты трескаются, стены расходятся трещинами... а стены плывут вместе с перекашивающимся утопающим или выдавливающимся землей фундаментом, накрываются и обрушиваются. Робот-чистильщик же соберет вокруг каждую крошку, достанет каждую деталь... А потом медленно, монотонно, аккуратно отсоединит от постройки каждую и унесёт ее как величайшую драгоценность, сокровище.

Но разрушения были иными. Дома, цельные снизу и полуснесённые сверху. словно кто-то просто взял и смахнул высокие шпили огромной безжалостной рукой... Или заплевал камнями. Обваленных частей не было видно, они легли между зданий как причудливый неровный ландшафт. Успели частично перегнить, переработаться, осесть песком, жженой глиной, осыпавшимся цементом... затянуться мхом. Внешний вид построек только подтверждал наблюдения. Некоторые окна уходили под поверхность земли наполовину, некоторые на четверть, некоторые угадывались лишь по специфическим признакам. Бывало, ряд окон вырывался из земли ровным рядом, и сколь бы вокруг здания ни кружил — дверей все равно не было... Одни окна. Сидя на поваленном дереве, свесив ноги, Райго понимал, что вернись сюда жизнь, здания укрепили бы... некоторые снесли бы... достроились бы крыши, двери, окна...

Появятся люди — появятся планировки и проекты. Помещения, ушедшие под землю, быстро станут километровыми подвалами, туннелями... или катакомбами. А через несколько десятков поколений люди и войну забудут... и насыпи полуобрушенных зданий назовут культурным слоем...

И все же, несмотря на все эти странные мысли, Райго не мог не согласиться с Наной. Место действительно было удивительным. Люди сюда не вернуться. А природа превратит его в очередной диковинный ландшафт. В котором с первого взгляда будет сложно распознать искусственное происхождение. Часть рассыплется, часть сгниет, часть сольется с природой. Город, который природа просто переварит, как и любую другую способную к распаду вещь.

От мыслей отвлек мелкий металлический муравей, закопошившийся впереди.

— Смотрите, что-то нашел, — Райго вскинул руку, указывая на озадаченного робота. Муравей вспорол своими острыми лапками пушистую поверхность мха и живенько выколул на свет черный кругляш. Мох был аккуратно возложен на место, даже след остался незаметен. Брюшко робота вжикнуло, обнажая полость, в которую и был затолкан кругляш.

— Похоже, монета... — прошептал Райго, все еще смотря вперед и не замечая, как парочка роботов начала косить глазами-камерами в сторону полиэтиленового свертка. Тарис

подхватил мешок и быстро разогнал их, притопнув ногой. Чистильщики, словно мелкие живые твари, бросились врассыпную.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Нана, отводя взгляд от робота, спрятавшего себе в брюхо кругляш. Райго прыгнул на землю и выпрямился, наблюдая за тем, как робот с монетой убегает.

— Я на историческом учусь... учился... — пожал Иссиа плечами. Нана фыркнула. Чернявый сейчас был такой важный, словно исторический факультет давал навыки ориентировки на промышленных помойках.

— О да, это многое объясняет, — сыронизировала она.

— Тебе, видимо, нет... — Райго, как-то неожиданно весь подобрался, не желая больше говорить. Нана снова фыркнула и отвернулась. Уперлась взглядом в своего второго спутника. В отличие от выпятившего грудь Иссиа, рассматривающего округу как владелец, Лаен пытался стряхнуть со штанины металлического муравья. Ушлая тварь размером с ладонь шевелила своими антеннами-усами, вжикала камерой, впечатанной в литую морду, и пыталась добраться до котомки.

Девчонка хихикнула, а потом подхватив робота пальцами, отставила его на землю.

— Спасибо, — прошептал Тарис, как-то странно на нее посмотрев.

— Да... не за что, — улыбнулась Вагнер, заправляя рыжую прядь за ушко.

— Мне тоже ничего не объясняет... — хриплый голос Лаена привычно пробирал до мурашек. Но что-то теперь иное звучало в нем. Нана захлопала ресницами, понимая, что зависает. Тарис не отводил взгляда, смотря ей прямо в глаза, как гипнотизер.

— Прием, живые есть? — нырнул между ними Райго, переводя взгляд с одного на другого. — Видимо, нет живых...

— Нет, мы просто...

— Просто мы...

— Вопрос генетического шовинизма больше не поднимается, да? — наконец прекратил их растерянные ответы Райго. — Это хорошо, легче, когда разногласий нет. Давайте на этом отдых закончим. Обуем Нану, оденем Тариса и уберемся отсюда.

— Действительно... — вздохнула Нана и покосилась на свои босые ноги. — Тарис, ты где ночью рылся?

Неловкость момента ушла сама по себе. Тарис отвернулся от девушки, уверенно указывая рукой в нужную сторону.

— Нам в туда. К центру пошел, где разрушений больше, — пояснил он, закидывая мешок на плечо, — за мной.

Братъ Нану на руки он больше не собирался. Она хорошо себя чувствовала и явно получала удовольствие от хождения по мху.

* * *

Нандин перехватил Клэр на выходе из зала и сразу взял под руку, не давая ей убежать. Хотя женщина и не собиралась. Их пара привлекала внимание торопящихся на выход префектов. Люди задерживали на них оценивающие взгляды, кто-то кривил лицо, кто-то, наоборот, давил смешок. Им, смертным, было доступно лишь частичное внешнее омоложение, пересадка органов, прекрасное медицинское обслуживание, но не долгожительство. Люди давно сломали смерть. Нашли ее код и даже умудрились пустить процесс вспять... Сделали жизнь доступной для человеческой массы... И погребли сами себя. Устроили глупые извращенные войны, довели до гибели эпоху процветания... Сакская

империя же ставила строжайший запрет на возраст. Нет, долгожителей не убивали и не искореняли. Просто время ставило все на места. Кто-то погиб, кто-то ушел сам... Те немногие, что остались, были перечислены и собраны в Альков мудрецов, как редкие животные в зоопарке.

Ни Клэр, ни Нан, которые приложили руку к запрету таких, как они сами, не желали продолжения глупой затеи. Но... и лицемерно врать о том, что длинная жизнь грозит исключительно гибелью общества, они не собирались.

Просто некоторые вещи не подходят под определенные типы мышления. Первый император, основатель их общества, показал на своем примере, в каких именно случаях может быть полезной длинная жизнь.

Жизнь как нескончаемый ресурс памяти, жизнь как нескончаемый ресурс опыта и осмысления ошибок. Но не как предмет потребления. Прошлая цивилизация смогла развиваться только благодаря победе над болезнями. Когда опыт позволил научить молодого гражданина большему, чем точение каменного топора. Знания накапливаются только в том случае, если их можно накопить, если хватает жизни их изучить и развить. Шаг за шагом. Вот в чем была реальная сила долгожительства. В итоге вместо прописной истины люди получили праздное глупое, погрязшее в лени общество...

Сейчас же... эти люди, наделенные властью, шли мимо. Клэр чувствовала их зависть, но... также понимала, что благо жизни на самом деле не благо. Общество должно меняться, старое обязано передавать знания молодому, гибнуть и освобождать место для нового поколения. Только так может правильно развиваться цивилизация.

— Эпичное выступление, — заметил Нандин, уводя ее по каменному коридору. Его молодые копии, облаченные в одинаковую темно-синюю форму, растянулись ровными рядами вдоль всего пути и не шевелились. Можно было подумать, что это восковые куклы. Но крылья их абсолютно одинаковых носов вздымались от каждого вздоха. Абсолютно синхронное дыхание. Поразительная точность, от которой даже рябит в глазах.

— Вы издеваетесь? — Клэр все еще была полна негодования. Ее горячо любимому обществу решили насадить рабскую силу. Это была глупость... Глупость, эксперимент, который не дадут провалить, что было хуже всего в сложившейся ситуации.

— Я констатирую факт. Вам незачем на меня злиться. — Нан был спокоен, и даже усмешка не искажала его лицо, как обычно. — Хотя буду откровенен, вы приятнее, когда злы, а не испуганы.

Просто разговор старых знакомых. Это было даже смешно и немного грустно. Нандину не хватало сейчас шляпы. Будь на нем этот неизменный аксессуар, он непременно коснулся бы пальцами тульи. Клэр знала это так же отчетливо, как и то, что симпатиям Абэ грош цена. Сейчас он любит, через секунду же сделает такую пакость, что врагу не пожелаешь...

— Вам что-то еще нужно от меня? — вопрос был резок, но даже это не смутило ее собеседника.

— Нужно разъяснить, — коротко ответил он и потянул ее в боковой коридор, подальше от людских глаз. Клэр послушно шла следом. Понимая, что, да — разъяснение ей не помешает. Да и страха, одолевающего ее рядом с Абэ, сейчас нет... Нан был все тем же монстром, но... более привычным, чем Фердинанд. Они не отошли далеко. Здесь тоже стояли гемовцы, которые за посторонние уши явно не считались.

— Хотите того или нет, вы готовитесь принять эксперимент, Клэр. — начал мужчина, остановившись посреди коридора. — Найдёте место для первого магазина, проведете

красивую пиар-компанию, воплотите в жизнь идею и посмотрите на реакцию толпы, — продолжал он.

— Я против! — Клэр недовольно осмотрела окружавших ее клонов, а потом снова взглянула на Нандина. — Не пробуйте меня переубедить.

— Вы согласились помочь и предоставить свой опыт, — гнул он дальше. Клэр же кипела от негодования.

— Помочь в расследовании... а не поддерживать этот фарс с союзом полисов и продажей граждан! — Смысла в крике на Нандина Абэ не было. Но дэ Руж отчаянно хотела кричать сейчас. Предложенное Такебиром было выше ее понимания. — Вы хоть понимаете, что мне предлагаете? — зло цедила она. — Я не буду продавать людей!

— Вижу, придется объяснить доходчиво, — вздохнул Нан. Он был хмур, а в голосе проскользнули те нотки обманчивого спокойствия, которых так отчаянно боялась дэ Руж. — Слушайте, Клэр, многие префекты из ныне присутствующих столкнулись с нетипичными нарушениями правопорядка. Леополис не единственный. Нападают свободные модифицированные без ошейников. Эти люди ищут восприимчивых, задают им команду, а после совершения преступления исполнителя попросту устраняют. Полисы столкнулись не с оторванными подпеченными шеями ГМО и живой испуганной жертвой, а с реальными спланированными убийствами. И каждый раз в центре событий свободные, потомки ГМО. Случай с Тарисом Лаеном пока единственный. Возможно, это был их неудачный эксперимент. Но этим стоит воспользоваться.

Клэр шумно выдохнула и отступила на шаг, признавая тем самым, что сказанное поняла. Намек был ясен.

— Я предполагаю, что существует некая преступная организация. По какому принципу они выбирают жертв, пока неясно. Но эксперимент точно не пропустят. Отнеситесь к предоставленной возможности со всей ответственностью, Клэр. Уверен, кем бы ни были наши нарушители правопорядка, они клюнут на магазинчик разумного генетического товара.

Но Клэр дэ Руж все еще оставалась при своем мнении. Хотя да, приходилось признать, что ход мыслей Нандина был интересным.

— Есть разница между липовым магазином и принятием закона. — Наконец выдохнула она, внимательно разглядывая его лицо. Хотелось понять, врет он или говорит правду. Но Абэ, как всегда, слишком хорошо контролировал свою мимику.

— Конечно, есть разница, — мягко улыбнулся он, понимая, что дэ Руж сдалась. — Не забывайте, мы не можем открыть такой магазин без соответствующего закона. К тому же именно это заседание вызовет резонанс у общественности. Префекты не смогут молчать. Они расскажут своим подчиненным, те по секрету передадут дальше. Для поимки столь хитрого зверя стоит ставить исключительно умные ловушки... К тому же ужесточение прав свободных на самом деле не слишком выгодно.

— Я вам не верю, вы-то свою выгоду найдете везде.

— Конечно... — не стал спорить Нан, — а еще я свободен и нетипичен, далек от нормы, — подмигнул он, — впрочем, как и вы, Клэр. Я отчетливо понимаю, что все мои братишки, — он кивнул в сторону рядов гемовцев, стоящих вдоль стены, — подпадают под новые нормы. И наш император это отчетливо осознает. А он, между прочим, тоже не слишком человек...

— Очень метко подмечено... — послышалось за спиной. Клэр вздрогнула. Нандин

посерьезнел и в приветствии склонил голову.

— Мой император...

Фердинанд подплыл незаметно, как всегда, в сопровождении своей охраны. И эти тоже были схожи с Нандином... Сплошные клоны. Просто отвратительно.

— Поскольку все кости уже перемыты, господа, вернемся к насущному вопросу, — процедил он и взглянул на женщину. — Конфронтация не ваш конек, и никогда им не была... А потому слушайте и внимайте... — голос его был тих, а интонации, как всегда, дерзки. — Вы проведете эксперимент, Клэр, иначе у Леополиса очень быстро поменяется префект.

Насладившись целым спектром эмоций на ее лице, Фердинанд обратился к Абэ:

— Проводи ее, Нан. И проследи, чтобы в этот раз госпожа дэ Руж не теряла по пути свои конечности.

— Как скажете, мой император, — Абэ чуть склонил голову.

Клэр же, чувствуя, как страх перед Нандином с новой силой начинает трепетать в ней, горько прошептала:

— Вам мало моих конечностей?

— Мне мало вашего благоразумия, Клэр, — возразил Фердинанд, — хочу полного послушания.

— Проще убить, — дэ Руж смотрела в его серые глаза. И не видела там ничего. На самом деле она и смотрела только для того, чтобы не видеть Абэ. Он оставался все тем же, несмотря на симпатии, готовым сделать что угодно и как угодно.

Лучше бы они тогда завершили начатое, а не добивали теперь, дав целых пятнадцать лет дышать спокойно. Как же ей сейчас хотелось назад в свою крепость, в свой Леополис.

— Убить? — удивился император. — Нет, Клэр, вас убивать нельзя. Ценность долгожителя в его опыте и знаниях. — Он подошел ближе и чуть склонился к ее уху, зашептав: — Вот скажите, Клэр, кем я вас заменю? Аранией или Такебиром? Может, Руфом? Альков мудрецов прозябает в праздности, и только вы умудрились построить город с нуля. Думаете, раз не трогал вас все эти пятнадцать лет, я не следил за вами?

— Не играйте со мной, — Клэр, в отличие от Фердинанда, не шептала.

— Хорошо... перефразирую... — он обернулся к Нану, — чтобы сегодня ни один волос с ее головы не упал.

Нандин неожиданно подобрался и повеселел.

— А завтра? — ничуть не смущаясь статуса собеседников, поинтересовался он, в то время как дэ Руж начало потряхивать.

— А завтра, — император отвернулся от Абэ и задумчиво взглянул ей в глаза, — посмотрим, как она будет себя вести.

* * *

Команда из десяти человек была экипирована основательно. Экзоскелеты плотно прилегали к телам. Шлемы защищали головы от ментального воздействия извне и трансляции мыслей в пространство. Маскировочные костюмы помогали затеряться среди пышной растительности. Встроенные в шлемы рации работали исправно. Зашкаливающие дозиметры были выставлены в беззвучный режим. Химические индикаторы молчали. На портативных голографических навигаторах, размещившихся на внутренней поверхности шлемов чуть выше глаз, была отмечена цель. Она мелькала красной точкой.

В трех блоках от места их дислокации ожидала пара грузовиков. Оставшиеся на месте

люди обязаны организовать безопасное возвращение. В десяти блоках от их местонахождения с восточной стороны двигалась группа Леопольдских гомовцев, отмеченная синими маячками на голографической карте.

В идеале тройку беглецов стоило взять незаметно. В противном случае их десятка вряд ли выстоит в открытом бою с модифицированными уродцами.

Рассредоточившись на одинаковом расстоянии, принялись ждать в засаде. В открытую против странного ГМО идти никто не желал. Не тот уровень.

— Прием, это пятый, цель ушла, направление на шесть часов, — послышалось в рации.

— По северной? — уточнил командир, рассматривая вид из окна. Он прятался в тени и старался лишний раз не высовываться, чтобы на шлем не упали отсветы солнца.

— Правее... прут прямо на батарее. — «Пятый» был предельно точен. Сообщение радовало, значит, коридор построили правильно. Цель шла аккурат в наспех разложенную ловушку. Чего им это стоило, можно было даже не говорить.

— Отвлекайте, мы не готовы, — отозвались ребята с той самой батареей. Это озадачило, но не смутило. Те самые батареи были старыми и порой запустить их становилось тем еще удовольствием.

— Ты всегда не готов... — фыркнул «Пятый». Послышался чей-то смешок, чье-то бурчание и мат.

— Тишина в эфире! — командир раздосадовано повел головой. Нос чесался, а шлем мешал его поскрести.

Придется ждать.

— Прием, седьмой, объект в четырнадцатом блоке. Квадрат семнадцать, — послышалось новое сообщение. — Прут аккурат на батарее.

— Вас поняли, — цедили все те же.

Командир продолжал вглядываться в просвет между домов. С противоположной стороны, чуть правее, в темном проеме окна дрогнул блик.

— Третий, мелькаешь... — предупредил он и опять уточнил: — Сеть?

— Еще не готовы... — ответ батареей был все тот же.

— Ждем сеть...

— Девятый, вижу объект.

— Третий, вижу объект...

Командир и сам видел этот объект. Тройка ребят шла цепочкой. Двое с виду нормальных людей и отвратительное нечто в драной одежде. Как зомби. Живой скелет, иначе и не скажешь. Нечто тащило полиэтиленовый куль вдвое больше него. Судя по тому, как натянулась клеенка, довольно тяжелый. Как такое существо вообще двигается, могли ответить лишь мастера, его создавшие. Дэйла четко дала понять, с этим ГМО надо быть предельно осторожным. Пси-фактор последнего был просто запредельный. Пси-фактор остальных не выходил из нормы.

Зачем Биби этот уродец? Любой из его команды запросто устранил бы этого ГМО прямо сейчас. Позиции и калибр патронов позволяли. Но нет, модифицированного стоило именно поймать.

Впрочем, на любого модифицированного всегда был один действенный способ.

— Сеть? — снова поинтересовался он.

— Запускаем генератор, шесть минут, — отозвалась «батарея».

Командир помрачнел, наблюдая за тем, как тройка остановилась, разглядывая

очередное полуразрушенное помещение.

— Приём, — кинул он в эфир, — ждем батарею. Без сети не выдвигаемся. Блокираторы не снимать. Кто снимет — башку снесу.

Белобрысый ГМО повернулся к девушке, что босиком двигалась следом за ним, а потом указал пальцем на что-то внутри здания.

— Есть сеть, — словно в издевку отозвалась «батарея».

— Готовность одна минута.

Под стеной валялся кусок кирпича. Казалось бы, подумаешь, кирпич, можно пройти мимо. Но на фоне темно-зеленого мха его свежие острые края выглядели слишком ярко. Нана, не раздумывая, подхватила его рукой. Увесистый кусок вряд ли уместилась бы в брюхе среднестатистического чистильщика, и тем не менее эти мелкие роботы не дали бы ему просто лежать.

— Еще долго? — поинтересовалась она, уверенно следуя за Тарисом Лаеном. Взгляд же прикипел к находке. Яркий оранжевый скол действительно был свежим. Это выглядело странно. Помойка была крепенькой. Все, что могло упасть, давно сняли. Тем более чистильщики не оставляли позади себя ничего плохо лежащего. Камень же был красной тряпкой посреди поросшего мхом пути. За него цеплялся взгляд и мысль.

Райго Иссиа буквально дышал ей в спину. Подбросив камень, Нана ловко его поймала двумя руками и обернулась к чернявому. Взгляд же скользнул дальше, за его спину, по молчаливым руинам. Откуда мог упасть кирпич, почему?

— Эй, Райго, а ну признавайся, тебе сколько лет?! — поинтересовалась она, опять подбрасывая кирпичик в руках.

— Официально двадцать, — не раздумывая, ответил он, наблюдая за ее манипуляциями. За ее спиной в одном из оконных проемов мелькнул блик. Можно было списать на робота, но те были матовыми и обычно в лучах солнца не отсвечивали.

— А неофициально? — Теперь девушка повернулась к нему полностью, уверенно делая шаги назад. Мысли ее были не менее занимательны, чем вопросы.

Парень усмехнулся. Похоже, Нане Вагнер палец в рот не клади, дай только узнать, что на практике, а что по факту, а что неофициально и между строк...

— Ты другой цифры не услышишь, так что не старайся даже, — осадил он Нану, обходя...

— Ты не выглядишь на двадцать... — не унималась девушка, едва поспевая за ним.

— Как и ты... — Вздохнув, Райго Иссиа, выхватил у нее из рук камень и, не раздумывая, зашвырнул окно, в котором что-то отсвечивало. Удар попал в цель, блик пропал. Даже почудилось поспешное шевеление тени.

Нана проследила за полетом булыжника, а потом обернулась и возмущенно прокомментировала:

— Эй! Это был мой камень!

Телепат ухмыльнулся и указал пальцем на осыпавшуюся крошку вдоль одной из стен.

— В чем проблема? Выбирай любой.

— Гад, — ёмко ответил она, подбирая увесистый глыш. В отличие от предыдущего, этот запросто умещался в брюхе муравья. Вездесущие роботы должны были его убрать, но почему-то снова этого не сделали. — Я, между прочим, от родных пряталась. Даже не представляешь, какие они...

Она свела свои тонкие брови домиком, а после замахнулась и тоже отправила камешек в полет. Улетел он за спину чернявого, скользнул меж ветвей деревьев и где-то там и исчез.

— Мне тоже надо было спрятаться, — пожал плечами он. — Моя персональная Айша немного злее твоей.

— Это ты о Нане? — поинтересовался Лаен, утирая засвербевший нос. Несло от домог

потом и это откровенно раздражало. Радовало, что хотя бы не мочой, как на смотровой площадке позавчера. Носителей неприятного запаха, помимо идущих следом Иссиа и Вагнер, был добрый десяток, и все, похоже, прятались. Зачем, спрашивается?

— О ком же еще, только о нем... — Иссиа поморщился. Он все еще был непривычен к тому, что Тарис попросту может читать его мысли, абсолютно незаметно и безболезненно. Обычно между телепатами чтение было затруднено. И Райго не нравилось чувствовать себя обычным в этом плане.

— Эй! Я логики вашего разговора не улавливаю! — возмутилась Нана и нахмурилась пуще прежнего: слева, над головой Тариса, почудилась мелькнувшая в окнах тень. Не раздумывая, она подняла еще один камешек...

Парни заулыбались, наблюдая за тем, как она снова целится. Девушка в короткой юбке, с оторванными пуговицами на блузке, даже грязная и с колтуном на голове выглядела миленько, особенно когда замахивалась и бросала камень.

— Просто игра слов, Нан. Нана... понимаешь? — начал объяснять Тарис, стараясь смотреть ей в глаза и не отвлекаться.

— Не сокращай мое имя... — возмутилась Вагнер, поправляя блузку на груди. — Мне не нравится.

— Нан от Нандин, — вздохнул Райго, обходя ее. — Нандин Абэ, мой генетический брат, родитель, называй как хочешь... правая рука Фердинанда первого, императора Сакской империи.

Девушка растерянно захлопала ресницами. Чернявый телепат уж никак не вязался с известным долгожителем.

— Круто... Так, а я не поняла, он же долгожитель, как он твоим братом может быть?

— Просто... — прошептал он, — я его клон.

— Но лицо...

— Очередная модификация, — он поднялся на горбок, увенчанный грибом, и осмотрелся. Бликов больше не наблюдалось. Нана, как ни странно, целилась очень метко, абсолютно при этом не думая. — Я в бегах Нана... Если откровенно, мы все были в бегах еще до того, как познакомились. Даже Тарис.

— А Тарис почему? — Нана удивленно взглянула на Лаена. Райго за ее спиной опять потянулся за камешком.

— Самому интересно, я же детдомовский, всю жизнь к Леополису прикреплен, — прошептал Лаен, а потом вскинул руку и указал пальцем на одно из зданий. — Мы на месте. Дальше пойдем под землей.

Впрочем, он слегка слукавил. Пойдут они только в том случае, если спрятавшимся в округе людям ничего от них не надо. В последнем Лаен сомневался. Если не надо, то зачем, собственно, прятаться?

Указанный им дом, как и большинство здесь, был на треть снесён. Земля засыпала широкие окна почти наполовину, наступая во внутреннее пространство здания плавным, едва поросшим мхом спуском. Помещение было странным само по себе. Ровные ряды цемента, словно соты, должны были держать кирпич. Но кирпича не было, вместо него с полупустых «сот» тянулись застывшие исполинские рыжие и черные капли. Нана смотрела на потекшую кирпичную стену огромными глазами, пытаясь понять, что видит.

— Жуть... — прошептала она. — Что здесь произошло?

Присев на корточки, она вытянула руку, осторожно потрогала пальцами ближайший

потек и нахмурилась. Гладкая поверхность скользила, словно стекло.

— Влияние высоких температур, полагаю, — Райго и сам согнулся в три погибели, рассматривая диковинные стены... — Похоже, это когда-то было кирпичом.

— Вот и я ночью обратил внимание, — Тарис навис над ними со своей котомкой. — Залез глянуть, а потом тоннель нашел.

— Как может оплавиться кирпич?! — Нана не верила... Казалось, стены покрыты потекшими каплями смолы, черного стекла, керамики... глазурью. О наличии кирпича свидетельствовала лишь ровная цементная сетка да оббитые каменные потеки, внутри которых обнаруживалась привычная глазу текстура.

Тарис смотрел на их спины, слушал неспешный разговор. Напряжение от ребят шло невероятное. Каждый по-своему понял, что происходит неладное. Но рушить момент понимания попросту не хотелось. Лаен вдруг осознал, что счастлив. Есть рядом люди. Они не смотрят на его ошейник, удивляются тому же, чему и он. Спокойно идут в ту сторону, куда укажет. И так вдруг захотелось, чтоб вот такая раскрепощенная атмосфера продержалась подольше.

Райго заговорил о их плачевном положении первый, мысленно. И при этом он продолжал вслух рассказывать Нане о кирпичках. Пугать девушку было чревато ментальными последствиями для обоих.

Мысль чернявого заставила сердце Лаена забиться чаще. А бояться уже не было времени. Нарастающий едва ощущаемый низкочастотный гул, устремившийся к ним, отвлекал. Даже не взглянув в сторону движущегося на него объекта, Лаен попросту подкинул вверх свою котомку, сбивая уже раскрывшуюся сеть.

* * *

— Приём, — прозвучал голос командира в эфире, — ждём батарею. Без сети не выдвигаемся. Блокираторы не снимать. Кто снимет — башку снесу.

Девять человек слушали предупреждение хмуро, без доли сомнения в том, что командир так и сделает... Засвеченный человек мигом станет подконтролен телепату. Все равно что усилить врага на одного человека и самим без боевой единицы остаться.

Три цели двигались с одинаковой скоростью, на равном расстоянии друг от друга. Не толпясь, но и не слишком далеко, чтобы успеть среагировать или скрыться.

— Есть сеть, — наконец обрадовала «батарея».

— Готовность — одна минута, — дал последнюю команду главный.

Время пошло... Командир отряда припал к окуляру прицела. В каждой из точек его люди сделали то же самое.

Троица тем временем шла. Их медленно движущиеся силуэты были частично скрыты ветвями деревьев. Никто не поднимал головы и не озирался, не искал засады или наведенного дула. Исключительно городские ребята, уроженцы тепличных полисов. Девушка на миг замешкалась и подобрала с земли камень, начала его перебрасывать из руки в руку. Ее речь не прекращалась ни на миг. Чернявый телепат был раздражен, отобрав у нее кусок кирпича, зашвырнул его. Бросок получился мощным, а результат неожиданным.

— Прием, третий, повреждена камера.

— Обратный, отчет пошел, — предупредила батарея. — Десять... девять... восемь...

Тем временем девушка внизу начала возмущаться. Телепат в ответ то и дело хмурился, периодически запрокидывая голову и вздыхая, словно пытался успокоиться. Уродец просто шел вперед, держа за плечом непомерную котомку. Судя по тому, как натянулась клеенка,

легонькой ноша не была. Девушка ещё пару раз бросала камни, словно кичилась.

Командир отряда, в свою очередь, хмурился, как тот телепат. Дело казалось плевым. Цели наконец остановились, разглядывая что-то внутри здания.

— Пуск...

Три беззвучных прицельных залпа стрелами рассекли воздух. Три заряженных капсулы распустились широкими наэлектризованными сетями в последний момент, полностью накрывая все три цели.

Модифицированный в последний момент подбросил котомку, сбивая ею раскрывшуюся над его головой сеть и ушел в сторону. Более того, исчез с радара. Чернявый, наоборот, пихнул девчонку внутрь здания и в немыслимом пируэте оттолкнулся от стены дома, улизнул из-под электрической ловушки. Автоматная очередь выбила каменную крошку у него из-под ног, двигаясь против часовой стрелки. Такая же нагнала его справа. Парень упал как подкошенный.

— Первый и седьмой не отвечают, — раздалось в эфире... Красный маячок опять появился на радаре. Десяток таких же синих сигналов стал на порядок ближе. Отряд гемовцев приближался слишком быстро. Времени было впритык. Командир резко сместил ствол автомата вверх, к верхушке дома. Белобрысый действительно оказался там. Ухватившись за голову, он скорчился в немом крике. Похоже, телепатия была доступна и ему. Мощный пси-фактор, кажется, так говорила Дэйла... Но какая разница, каков этот фактор, когда цель стоит? Недвижимая мишень — это всегда хорошая мишень. Мужчина уверенно навел прицел и нажал курок. Пуля вошла туда, куда и планировалось. Модифицированный упал.

* * *

Перед тем как отпустить домой, ей все же вручили два документа. В одном из них были детали эксперимента, который следовало воплощать в жизнь в кратчайшие строки. Второе письмо было адресовано Дмитрию. Что там, Клэр знала только на словах, эдакий перечень новых обязанностей для советника. Как сказал Нандин, эксперимент не может остаться без надзирателя, а советник вполне подходит для этого дела.

Фердинанд не сопровождал ее, Абэ тоже воздержался, за что Клэр была премного благодарна. Ее персональный страх был при ней, как и дыхание и сердцебиение, вместе со всеми ужасами и надеждами прошлого.

А потому решительно вступив в арку прохода, она в который раз за свою длинную жизнь почувствовала, как распадается на атомы, чтобы собраться воедино спустя миг через десятки тысяч километров.

Стоило женщине выйти из телепорта, как несуразность происходящего ударила по ее и так пошатнувшемуся самообладанию новыми вывертами реальности.

В подвале резиденции, в том самом глухом коридоре, заканчивающемся телепортационной аркой, в которую завел ее император Фердинанд, было неожиданно многолюдно. Полковник Мидлтон, бывший следователь Свон, советник Дмитрий и даже главврач Швецов сидели за шатким столиком сразу напротив арки. И ведь хватило сил и энергии притащить сюда мебель. Причем мужчин не смутило даже наличие двух императорских гемовцев, оставшихся сторожить пространственный переход от несанкционированного использования.

Дружной компанией мужчины листали альбом с фотографиями, комментировали изображения и попивали из кружек нечто, до одури пахнущее мятой. Клэр застыла,

удивленная: она и сама не отказалась бы сейчас от крепкого мятного настоя.

А тем временем молодой Димитрий неожиданно приветственно кивнул головой, Швецов, неопределенно махнул рукой. Свон и Мидлтон приподнялись со своих мест и привычно козырнули.

Императорские гомовци молча ушли в телепорт, и арка спустя мгновение перестала искриться. Проход схлопнулся, оставив лишь запах озона.

— Почему вы все здесь? — поинтересовалась Клэр, подходя ближе.

— Ждали вас. Господин советник был любезен сделать парочку звонков, и проход под больницей закрыли, — пояснил Швецов. — Надо признать, это сэкономило много нервных клеток медицинскому персоналу.

Уязвил, ничего не скажешь. Но права обижаться у нее не было. Как ни крути, дэ Руж не советник, чтобы забывать о бумажках. Ее просьбы никогда не заканчивались обычным телефонным звонком, да и не каждый десяток бумажек достигал поставленной цели.

— Спасибо, советник Димитрий, — искренне поблагодарила она, рассматривая мужчину и продолжая сжимать письмо, адресованное ему. — Но почему вы не ушли телепортом?

Вопрос не был праздным. Он мог уйти, сам получить на руки инструкции. Может, он просто знал, что все равно вернётся, а потому не спешил? Даже омолодился... Ее взгляд скользил по изрядно посвежевшему лицу, неожиданно гладкой коже. Изменения были слишком неожиданные и разительны. Словно и не старика встретила, а его великовозрастного сына. Да и назвать его стариком теперь язык не поворачивался. Картину изрядно портила залысина меж почерневшей шевелюры. Морщины сошли на нет, глаза стали ярче, и вообще, он как-то сразу серьезнее сделался. Красивый мужик, иначе и не скажешь.

— Меня случайно внешне омолодили, — начал было Димитрий. Клэр невольно вскинула брови. Похоже, с оценкой серьезности она поторопилась.

— Это несколько усложняет мое передвижение, — тем временем продолжал мужчина. — Стоит обновить удостоверение личности, провести коррекцию в базах данных. Это, увы, займет некоторое время... Обычно это делают во время процедуры... но вышла накладка, случайность.

Прозвучавшая фраза сама по себе была эпичной. Она откровенно злила. Мenee чем пятнадцать минут назад Фердинанд ей в глаза говорил о послушании и обязанностях, не чурался упомянуть о реальных наказаниях... Но, черти б его взяли, почему при всем сказанном он настолько несерьезен при выборе своих делегатов?

— Что ж... времени на это будет предостаточно. Особенно на нейрокоррекцию.

— Простите? — удивился советник.

— Прощаю, — отрезала Клэр. — Нейрокоррекция как необходимость, Димитрий. Видите ли, случайное или какое-либо другое омоложение кожи не убирает общей дряблости организма. А потому вы имеете все шансы совсем не случайно по-старчески шаркать ногами. Перспектива так себе, вы так не думаете? — тихо поинтересовалась она. Наверное, сказанное было слишком жестоким для старика, коим этот мужчина оставался. Димитрий привычно зарделся, смутился и даже слегка поник. Повадки у него остались те же.

Клэр же продолжала выплескивать агрессию, привычно метя свою территорию:

— Не переживайте, то ли еще будет... Наткнетесь на знойную красавицу и поймете все прелести подставы.

— Префект дэ Руж! — возмутился советник, не находя больше слов.

— Советник Димитрий, вы не в том состоянии, чтобы со мной пререкаться, — зло прошептала она, а после протянула ему тонкий конверт. — Это вам... новое назначение.

Поджав губы, мужчина выхватил конверт, сорвал печать и быстро пробежался по тексту глазами.

— Как это понимать? — прошептал он, вскидывая на Клэр глаза.

— Исключительно так, как там написано. Ни шага вправо, ни шага влево. Все вопросы наедине.

Мужчина кивнул и спрятал конверт во внутренний карман пиджака. Клэр же обошла стол с молчаливыми мужчинами и потянула к себе альбом с фотографиями.

— Что это? — ее взгляд скользнул по качественному изображению. Она невольно отметила, что так уже не печатают. Технология изменилась.

— Тот самый альбом, о котором я говорил утром, — пояснил Мидлтон, чуть расслабляя спину.

— Прекрасно, — кивнула Клэр, а потом закрыла его и прижала к себе. — Я отдыхать, мужчины, жду вас всех в три часа, в этом же составе, — привычно начала она командовать и, обернувшись к советнику, натянула фальшивую улыбку. — Вас это тоже касается, господин Димитрий.

Уходила в гордом одиночестве. За ее спиной была абсолютная тишина. Дэ Руж это ни капли не удивляло. Она даже представляла, каким ракурсом движутся мысли подчиненных. Стоит ей уйти подальше, и их разорвет разговор о феминизме и наглых женщинах. И будь Клэр трижды префектом, они все равно станут это говорить.

Собственный кабинет встретил ее тишиной. Взгляд скользнул по ручке кресла с выцарапанными на нем инициалами, а память подбросила события прошедшего утра. Кто знает, как бы изменилось сегодняшнее заседание, будь семейство Фердинанда живо. Увы, трагедии всегда шли за императорской семьей по пятам. Сколь бы эта семья ни плодилась и как бы ни разрасталась. Кто бы ни сидел на троне, всегда рациональный Маркус или малыш Тео, или любой другой парень из многочисленной императорской семьи, он все так же был бы в один момент охвачен горем. И никто бы не узнал, потому что для населения всегда имела одна легенда и один наследник...

Положив на стол альбом, женщина на миг задержалась возле окна, скользнула взглядом по площади, окружившей резиденцию. Четырехэтажные здания обрамляли ее ровным кругом. Они тянулись непрерывной стеной, плавно перетекая друг в друга. За ними такими же концентрическими кругами стояли следующие ряды построек. Они были уже на порядок выше и похожи одна на другую, словно части одного лабиринта. Так и было задумано. Заплутать вокруг резиденции можно было основательно. Прекрасное место для ненавистного магазина. Дополнить шлагбаумами, блокпостом... и яркой рекламой.

Отвернувшись от окна, она присела за стол и открыла альбом. Обычный, старый. Частью черно-белый, частью цветной, частью поплывший... а частью чрезмерно четкий. Фотографию, которую рассматривали мужчины, нашла быстро. В дополнение отметила еще парочку странных и требующих особого внимания. Но сначала та, первая.

Цепкий взгляд скользил по изображению: улыбающимся лицам, гордым вскинутым подбородкам, отличительным признакам. В общем, на изображении было пятнадцать человек в одинаковой форме. Обстановка отличалась торжественностью. А значит, фото не единственное, и можно найти аналоги. Придется по этому поводу связаться с Абэ. Но это потом.

Не глядя, потянулась рукой к выдвинутому ящику стола и, пошарив там, выудила увеличительное стекло. Раз уж ее нынешний удел — работать с этой фотографией, то нельзя пропустить ни одной детали. Но стоило ей приступить к делу, как внутреннее «я» издевательски напомнило о том, какие выгоды человеку дает обычный компьютер, особенно в обработке изображений.

Тяжело вздохнув, Клэр откинулась на спинку кресла и попыталась прогнать ненужные мысли прочь. Но, как назло, ее, словно издеваясь, наполнили далекие воспоминания. И вот она уже не префект, а обычный житель обычного допереломного города, с его привычным непрекращающимся движением резко удлинившейся жизни... и компьютерами. Такими маленькими, удобными, слишком умными и очень хрупкими аппаратами.

* * *

«Едкий дым от покрышек чернил все вокруг непривычными серыми тонами, затягивал небо непроглядной пеленой. Воздуха катастрофически не хватало. В боку колото от непривычного и быстрого бега. И таких оборванцев, как она, неожиданно обомжавшихся, был на этой улице добрый десяток. Из более-менее уцелевшего осталось лишь здание отеля, несмешиливо возвышающееся над полуразрушенным городом на добрых пятнадцать этажей. Слегка подсмоленная вывеска гласила «Интернациональ». А с окон несуразного здания, как с вавилонской башни, взирали десятки перекошенных и испуганных нездешних лиц. Особенно издевательски на всем этом фоне смотрелась парочка иностранцев, пытающихся запечатлеть себя драгоценных на смартфон».

— Госпожа? — Кэйт Свон осторожно потряс начальницу за плечо и, заметив, как дрогнули ее веки и вопросительно поднялись брови, сообщил: — Вы уснули.

Растерев ладонями лицо, дэ Руж сонно зевнула. Свон же продолжил:

— Швецов и Мидлтон уже здесь. Дмитрий будет через двадцать минут. У него канал связи со столицей.

— Сделай кофе, — попросила префект. Быстро найдя на столе увеличительное стекло, снова приступил к изучению фотографии. Картинка была очень зернистой, что сильно раздражало. Особенно бесил тот факт, что сколько бы она ни всматривалась в фотографию, никак не могла отделаться от увиденного во сне воспоминания. — Когда Дмитрий явится, зови всех на совещание.

До его прихода Клэр успела ополовинить чашку кофейного напитка, непортящиеся залежи которого лежали в катакомбах Леополиса уже второй век. Она уже и не помнила, когда в последний раз пила «это». Если ей не изменяла память, во время последней войны натуральный кофе еще был в ходу. К концу его распределяли меж солдат исключительно в порошковом и пакетированном виде. Вот и сейчас этот просроченный на две сотни лет продукт расходился исключительно среди солдат и полицейских. Остальным незачем. Это только блюстителям порядка иногда надобно недоспать.

Удивлению Дмитрия, когда он узнал непередаваемый запах черного варева, не было предела. Устроившись напротив префекта, он каждый раз морщил изрядно помолодевший нос, когда Клэр делала глоток. Мидлтон, наоборот, несколько раз пытался намекнуть Кэйту что тоже хочет кофейку, но был мягко послан и усажен слева от префекта. Швецова же, благоразумно промолчавшего о вреде просроченных продуктов, устроили посередке.

Деловито сделав глоток, Клэр, не спуская глаз с главврача, протянула ему фотографию:

— Можешь прокомментировать?

Альбом перекочевал в его руки. Мужчина взглянул на него мельком и задумчиво почесал бровь. Увиденное он уже успел обсудить с Мидлтоном и Своном. Но госпожи префекта там не было, а потому говорить они будут опять об одном и том же.

— Узнаю недавний труп. А этот на меня похож, — заявил он, тыкая пальцем в конкретных людей. — Когда вы вернулись, мы как раз пытались определить время съемки...

— Идеи есть? — перебила его Клэр, внимательно следя за мужчиной. Для нее на фотокарточке был изображен именно Швецов.

Димитрий слушал молча и не комментировал. Настроение у него было мрачным, и дэ Руж прекрасно понимала почему. Сама в таком перебивала.

— Подозреваю, что это мой дед, а может, и прадед, какое-то очень старое изображение, — продолжал тем временем главврач. Мидлтон чуть качнулся в кресле, а после поднялся и забрал альбом у Швецова. Положил его перед Клэр.

— Госпожа префект, обратите внимание, пожалуйста. — Он провел пальцем по изображению. — Это давешняя форма Леопольдской академии. Насколько я помню, у моего деда такая была, может, до сих пор в шкафу висит... Не знаю, с чего Швецов взял, что фото старое, но вся эта компания выглядит как с костюмированной вечеринки. Возможно, даже недавней.

— Я не откуда-то взял, — нахмурился главврач, — я зернистость оценил... Где вы сейчас зернистую фотографию найдете? Это же старые технологии, бытовая электроника, пиксели, типографическая печать и все такое.

Клэр удивленно взглянула на мужчину. И ведь правда, фото зернистое. Не размытое, не «нечеткое», а именно зернистое, словно сложено из микроскопических точек. Как же она могла забыть? И ведь не зря ей постоянно вспоминалась та ненормальная со смартфоном возле «Интернационаля».

— Швецов, а чем твое семейство занималось в прошлом? — вопрос соответствовал ситуации. Возможно, именно ответ на него прольет свет на убийство.

— Мои были ГМО, — выдал главврач. — Потомственные врачи. Погибли почти одновременно из-за превентивных систем, — без капли смущения объяснил он...

— Сочувствую, — выдохнул Димитрий.

— В бездну ваше сочувствие, — поморщился врач, а потом наклонился к альбому и перелистнул несколько страниц. — Вы вот здесь гляньте. Вроде другой человек, но специфическая форма ушей говорит о том, что это одна и та же личность. Просто видоизмененное лицо.

Клэр все равно не могла вспомнить этого человека, зато узнала стоящего рядом с ним... Вездесущий Абэ, мать его за ногу. Он сидел у нее в печенках.

Клэр устало массировала виски. Совещание затягивалось. Дневная норма кофе была выпита. Время обеда давно прошло, и часы показывали четыре.

Димитрий почти не принимал в нем участия. Просто слушал на правах советника, имея полный доступ к государственным тайнам. Кэйт Свон задавал каверзные вопросы. Алек Швецов увиливал. Мидлтон постоянно морщился и поглядывал на часы. Его день, как успел заметить советник, подчинялся исключительно четкому графику и несоблюдение последнего ввергало полковника в тоску. Хозяйка кабинета, Клэр дэ Руж, привычно хмурила черные брови. Ее темная кожа периодически розовела и покрывалась пятнами не то от злости, не то от раздражения.

— Я вас услышала, — наконец изрекла она. — Швецов, вы свободны.

Стоило главврачу уйти, как дэ Руж обратилась уже к Мидлтону:

— Отправь доверенное лицо в архивы. Нужна любая информация о Швецове, его семье, родословной. Подготовь документы для суда. Нужен ордер на обыск его имущества... — тихо перечисляла она, не обращая внимания ни на Кэйта, ни на Димитрия, которые враз обратились в слух. Полковник слушал внимательно, не отводя взгляда. Клэр продолжала: — Также подготовь детальный отчет и копию альбома для имперского бюро расследований. Времени тебе даю до утра...

— Будет сделано, — кивнул начальник городского департамента полиции и, не дожидаясь позволения, быстро удалился.

— Теперь вы, господа, — она обвела оставшихся мужчин тяжелым взглядом, собираясь с мыслями. — Димитрий... что вам сказала столица?

— Что вы посвятите в детали вопроса, — хмуро ответил он, не чураясь демонстрировать свое плохое настроение. Дэ Руж усмехнулась:

— Прекрасно...

А потом вытащила из кармана второе письмо, врученное ей Нандином Абэ.

— Это моя часть. Ознакомьтесь, — протянула она ему документ и взглянула на Кэйта. — Я так понимаю, что сведений от поисковой группы нет?

— Полная тишина... — покачал головой бывший следователь.

Димитрий же смотрел на конверт. Тот все еще не был распечатан. На сургуче красовался оттиск имперской канцелярии: змей, пожирающий свой хвост. В адресатах только имя долгожительницы. Похоже, префект намеревалась быть с ним предельно честной. Внутренние обиды за ее резкие слова там, возле пространственного перехода, угасли сами собой. Советник уверенно взломал печать и вскрыл конверт. Три желтоватых тонких листа из вторсырья были сшиты и пронумерованы. На каждом стоял гриф: «Только для внутреннего использования». То есть без разглашения посторонним лицам. С обратной стороны сшитого документа опять сургуч и печать с датой.

Димитрий читал документ внимательно и чувствовал, как его прошибает холодный пот. Клэр продолжала говорить с Своном, не мешая ему осознавать всю тяжесть надвигающихся на них социальных реформ.

С ума ли сошел император Сакской империи? Или, может, спятили префекты? Или это результат тотального телепатического контроля, как с Кэйтом Своном два дня назад? Его унижение ничто по сравнению с тем, что предлагалось воплотить в жизнь сейчас. Продавать

людей как мясо? Роботов? Овощи? Уравнять генно-модифицированных граждан с генно-модифицированными растениями? Неужели империя действительно хотела отобрать право выбора и те жалкие крохи свободы, которые еще были у ГМО?

Димитрий давно прочитал написанное и теперь оторопело взирал на императорскую подпись. Казалось, его голова сейчас взорвется от обуревавшей его мысли. Мозг свернется, вскипит, вытечет сквозь уши и ноздри.

— Отдайте письмо Кэйту, пожалуйста, — велела Клэр, обратив на него внимание. Сейчас взгляд ее необычайно темных глаз был, как никогда, строг и тяжел. Словно в нем сосредоточился весь груз той непомерной ответственности, что легла на ее не по-женски крепкие плечи.

— Я... не могу... — прошептал он, нервно облизывая свои губы. А потом растерянно вскрикнул. — Это противостоестественно!

— Не обсуждается, — строго отрезала Клэр, а потом взглянула на Свона. Быть безжалостной, вот чего сейчас от нее требовал ненормальный эксперимент. Быть черствой, готовой идти напролом, сквозь уже устоявшиеся нормы морали.

— Прежде чем это прочтешь, ты должен пообещать сохранять предельное спокойствие, — предупредила она. — Это важно.

Мужчина кивнул, а после молча забрал бумаги из дрожащих рук советника Димитрия. Пальцы его левой руки скользнули по ошейнику, а лицо помрачнело... Взгляд уверенно бежал по строчкам, а лицо даже не шевелилось. Неподражаемый контроль...

— Какова настоящая цель эксперимента? — наконец поинтересовался он, быстро отпечатав страницы в своем сознании. — Написанное здесь откровенно притянута за уши.

Забрав у него документ, Клэр молча положила его под пресс-папье.

— Расскажи мне сам, Кэйт, какова реальная причина и последствия. Можешь письменно, можешь вслух... Уложиться надо до утра.

* * *

Кровь бросалась в глаза. Бурые брызги были на стенах и на мхе... Знакомые следы от пуль очень хорошо ложились на услышанные ранее звуки.

Тел не наблюдалось. Зато были хорошо заметны множественные человеческие отпечатки. Их группа из десяти человек блуждала среди этих следов, отмечала их силу, глубину и понимала, произошло здесь что-то совсем не естественное. Странный бой, алогичный... и, похоже, аморальный.

— Виктор... — обратилась Марта к командиру группы, — видимо, мы опоздали.

— Вы знаете, что это было? — напрямую спросил он. Если кто-то и понимал, то только долгожитель. В их случае — адъютант префекта.

— Автоматная очередь, — пояснила Марта Лэйн и, увидев недоумение в глазах гемовца, уточнила: — Огнестрельное оружие.

— Разве оно не запрещено? — удивился один из тройки врачей. А сам коснулся пальцем подсохшего пятна. Зрачки его на миг расширились: специфические искусственные рецепторы выводили в мозг мужчины свою уникальную информацию. — Похоже, это кровь Иссиа Райго. Наблюдаю его код...

— Здесь тоже он, — заметил второй врач, проанализировав пятно неподалеку.

— И я хочу встроенный анализатор генома, — вздохнул Виктор. Марта фыркнула.

— Ребячество. Нужно осмотреться и зафиксировать все на камеры.

— Это не наше дело, — возразил Кирк, — следы уводят дальше.

— Ты прав, мы должны найти беглецов, несмотря ни на что, — осторожно начала Марта и взглянула Виктору в глаза, — но мы должны хотя бы зафиксировать и понять, кого ранили еще...

«Ну же, Виктор... послушай меня...» — мысленно взывала она.

— Адьютант Лэйн права, нужно изучить место преступления, — послушно возразил Виктор, взглянув на Кирка.

— Оставь часть... Двух будет достаточно, — не сдавался гемовец.

Пока они спорили, команда растянулась по древней улице. Кто-то уже изучал этажи, а кто-то нашел гильзы.

Мелкий муравей тем временем бежал по улице, собирая криво лежащие камешки. Заметив посторонний предмет, едва прикрытый мхом, робот быстро начал его отковыривать своими острыми, словно иглы, лапками.

Последовала вспышка — и взрывная волна прекратила споры одним махом. Слизнула горячим языком пятна, которые так легко анализировали врачи, уничтожила отпечатки обуви, которые могли привести по следам к штабу преступника ... коснулась она и леопольских ГМО, которых никто из боевиков не желал видеть в качестве преследователей...

Мир звенел, словно накрытый колоколом, шатался, как посуда на плаву. Густой непроглядный дым застилал слезящиеся от боли глаза, сужал пространство на длину вытянутой руки, плыл темными пятнами и едва уловимыми очертаниями.

Словно издеваясь, тишину прорезал один выстрел, потом второй. Тихий вскрик после и падение тела... Всхлипнув, Марта попятилась, касаясь руками стены. Память услужливо подбрасывала понятия из далекого прошлого: засада, зачистка, отстрел... Нащупав дыру в стене, не раздумывая, скользнула в нее, подвернула ногу на насыпи и покатила вниз, больно проехавшись руками по старым осколкам.

Выстрелы продолжали прорезать тишину, методично и с завидным постоянством. Чужая боль пронзала ее тело, ввинчивалась в мозг беззвучными криками. Бессильно спрятав лицо в липких от крови ладонях, Марта зажмурилась, задрожала. Слишком давно она не использовала силу таким образом. Сознание развернулось, словно полотно, обняло каждое существо, вспорол каждый ум, вбирая чужие мысли. Оно умирало, болело, трепыхалось в последнем вздохе. Черное пятно провала очертилось где-то внутри мысленного хаоса. Ее враг был один... а ближе всего к нему оказался не поддающийся внушению Кирк...

* * *

Мастер Ирраиль задумчиво смотрел в монитор, развернутый в его сторону. Он как раз наблюдал за тремя людьми, подвергшимися атаке. Съемка была замедлена, что позволяло оценить каждый миг движения.

— Забавный экземпляр, — наконец выдал он и указал пальцем на рыжую девчонку, которую втолкнули в окно полуразрушенного здания. — Вот эта девочка с запрещенной модификацией. Из беглых.

— Она норма, — заметила Дэйла. Ставя видео на паузу.

— Норма... — прошептал старик, чуть склоняя голову, — все мы норма в той или иной степени.

Его скрюченный палец снова коснулся поверхности жидкокристаллического экрана.

— Гляньте, где ее руки, в тот момент, когда парень ее отталкивает, она уже ухватила сеть... Вы видите реакцию на электрический разряд? — поинтересовался он. — Я вот не вижу. Отсутствие реакции тела на электрический разряд прямо говорит о модификации.

Назовись эта девушка хоть тысячу раз нормой, она такой не является.

То, что настоящая норма, гомо сапиенс, просто не сможет выйти из радиоактивной местности без последствий, он не сказал. Помнила ли об этом женщина — не факт. Киборги тоже к норме не имели никакого отношения. Без модификаций их слияние с машинами было крайне сложно и малоэффективно.

— Что скажете об остальных? — спросил Биби. Он, как обычно, сидел за своим столом.

— А что сказать, — пожал плечами мастер, — вы сами видите, что они вытворяют. Хотите больше, дайте их кровь. Проанализирую ДНК и выдам ответ.

— Мы должны понимать, чего ждать, — Дэйла не отступала, — как содержать, чтоб без проблем.

— Так же, как это делают имперцы, — пожал плечами Ирраиль, — клетка под напряжением. А вот для девочки придется найти что-то иное.

— Это все? — поинтересовался Биби.

Мастер задумчиво нахмурился, привычно пожевал губу, снова наблюдая за движениями людей.

— Я хочу их исследовать, — наконец ответил он, — поэкспериментировать.

— Нет.

— Если я расшифрую коды их модификаций, это поможет вашему делу, господин Биби, — ничуть не смутился он. — Хотите солдат, таких, как тот белобрысый ГМО? Его пси-фактор прекрасен сам по себе, но модификация неоткорректирована. Я могу расшифровать и отредактировать, а может, даже сделать его подконтрольным вам после стабилизации.

— Мы не работаем с ГМО, — отрезал Биби. В этот же миг спокойствие разорвал звук видеозаписи. Тройку атаковали из того странного оружия, что люди Биби постоянно носили в руках. Результат ошеломил.

Ирраиль шумно выдохнул, а после положил ладони на колеса своего инвалидного кресла и сдвинул его с места. Коляска послушно покатила назад.

— Мы друг друга слышали, господин Биби. Вы знаете, где меня найти.

Он покинул кабинет в гордом одиночестве. От белоснежных коридоров рябило в глазах. И это вносило свою лепту в общее нехорошее настроение старого мастера. Колеса послушно крутились под давлением его рук. Привычность окружающей действительности шла в абсолютное противоречие с тем, что творилось в его старой голове.

Пришлый господин был иррационален в своих утверждениях и взглядах. Теперь Ирраиль видел это так же отчетливо, как и белый цвет, в который были выкрашены стены убежища. Символизм там, где ему не место, всегда будет граничить с ложью и подменой понятий.

Если Биби этого еще не осознал, то грош ему цена.

Одноглазый Голиаф послушно ждал его рядом с подъемником. Тут же стояла пара людей со своим странным оружием. Действия последнего Ирраиль успел увидеть на записи. Легкость, с которой эти люди пользовались этими орудиями, поражала. Это даже боем нельзя было назвать.

Впервые Ирраиль подумал о том, что запрет на дистанционное оружие в Сакской империи есть нечто большее, чем прихоть. Хочешь убить — сделай лично, лицом к лицу, а не прячась, словно крыса, в надежде удачно метнуть дротик.

Хотя... ихогнестрельное оружие мало походило на дротики. Это было нечто худшее.

Более циничное, неожиданно простое и от этого еще более отвратное.

Биби неожиданно стал для Ирраиля олицетворением темной стороны империи. Рукой смерти, что стремится отнять у граждан их подобие жизни.

Коляска наконец въехала на подъёмник, и Голиаф привычно нажал на нужную кнопку. Их общий путь вел вниз, к трущобам подземного города. Жилые этажи медленно уплывали вверх. По многочисленным мостикам носились дети. Рабочие были заняты своей жизнью.

— Голиаф... представь, что у тебя есть палка... когда ты ею взмахиваешь, где-то кто-то страдает от увечий... или умирает от них. Будешь ли ты ею махать?

— Странные речи, хозяин, — прошептал Голиаф. — Зачем мне палка, которую нельзя использовать? Слишком высокая мысль... Возможно, господин Биби смог бы ответить вам... или любой другой житель поднебесных городов...

— И правда, слишком высокая, — выдохнул Ирраиль. Голиаф поймет кулак и нож. В крайнем случае удавку... Но вот оружие пришлых — поймет ли? Проникнется ли им?

Лучше бы Ирраиль не видел той видеозаписи. Теперь его разум был смущен, а сердце сбивалось с ритма. Иррациональность бытия сковывала его старый мозг и вводила в абсолютное безумие восприятие действительности. Это была новая граница, отделяющая его неидеальную вселенную от новых возможностей восприятия.

Пришлые были там, за рубежом его мира. Они диктовали свои желания и не хотели понимать, что сами для себя являются целью. Они не работают с ГМО, но используют палки, которые хуже модифицированных... И стоят у подъёмника со своими палками, словно вершители судеб.

Собственная нора встретила его, как обычно, незапертыми дверьми. Ирраиль сполз со своего инвалидного кресла и даже не обратил внимания на то, как Голиаф подхватил его одной рукой и закинул на второй этаж.

Путь старика лежал в лабораторию, спрятанную за плотной крышкой люка. Боль от того, что любимое дело было под запретом, колола сердце каждый раз, когда он плотно закрывал все двери, сворачивал тонкий матрас со своей лежанки и поднимал тяжелую крышку люка.

Голиаф в такие моменты стоял на страже, не пропуская никого внутрь. Сам же мастер спускался вниз, окидывал взглядом помещение, ища какие-либо изменения. И каждый раз, не находя их, мысленно благодарил своего префекта за предоставленную возможность творить.

Вот и сейчас, отрешенно осмотревшись, генетических дел мастер Ирраиль тихо радовался, что никто не рылся здесь, пока его не было. Он с любовью взглянул на висящие на стенах заготовки к имплантатам, чипы, микросхемы, связки проводов и уже готовые к использованию протезы. И все это добро громоздилось над пятью ровными рядами стазисных капсул, отдаленно напоминающих кровати, в которых беспробудно спали его живые, но все еще не законченные работы.

— Страшные палки ... — шептал старик себе под нос, глядя сквозь стекло на лица спящих девушек и парней, девочек и мальчиков. — Иррационально... не по-человечески...

Всего было двадцать девять работ, по шесть в каждом ряду. Не хватало лишь одной. Вито, которую он отдал Биби. Сердце старика снова сжалось. Его красавица была совершенной. И не прожила даже месяца. Печаль бытия. Можно было до посинения винить империю, прикончившую его драгоценную Вито. Правда состояла в том, что его девочка связалась с Биби и его палками... Наличие последних нивелировало все благородство целей пришедшего господина.

Убить его несложно, но это поставит под удар весь город. Мастер не был готов к такому повороту.

Заразу стоило уничтожить чужими руками... Лучше, если сама империя прочистит от нее свои норы.

Ноги сами вынесли его к нужной капсуле. Ирраиль знал кого будить. Под тяжелой стеклянной крышкой лежал юноша. Он был бледен и неестественно тонок. Мускулы и сосуды, туго обтянутые тонкой кожей, говорили о слишком высоком обмене веществ. Черные длинные волосы делали аккуратное лицо женственным, а внешность андрогинной. Если искать именно зверя, непригодного к сосуществованию с людьми, то... лучшего варианта не найти.

— Жаль, — вздохнул мастер. Он мечтал доработать этого ГМО и увидеть его осмысленный, полный жизни взгляд. Однако... умереть ради человечества, не узнав, в какого уродца превратился, тоже неплохо. Наверное, этому парню повезет так и не осознать той силы, которую влили в его организм. Тонкие морщинистые пальцы Ирраиля забегали по кнопкам панели. На мелкий экран был выведена структура человеческой памяти. Мастер методично загружал ее четко выверенными и смоделированными блоками: рождение и взросление, семья, друзья и личные цели, преграды, обиды и трагедии... Мысли, соображения... Четко продуманные диалоги из липового прошлого станут основой для личности и жизненного пути.

— Ты был хорошим мальчиком, — прошептал Ирраиль, насаживая на структуры все новые и новые нюансы, — любящим сыном... Ты не смог смириться с жестокостью мира... И стал квинтэссенцией зла... Как же ты прекрасен в своей злобе, Вито.

Последним штрихом была загрузка установок на будущее. Ирраиль не любил данный этап и зачастую не использовал. Но задуманное требовало внимания и к этой детали.

Работа заняла не один час, но она того стоила. ГМО проснется к утру, и, если все получится, вскоре империя встрепенётся, как ужаленный зверь.

Покинув совещание, Алек Швецов не пошел на работу. Впервые за многие годы он не доработал несколько часов. Застыв на автобусной остановке, он вдохнул полной грудью, припоминая все события сегодняшнего дня. Тихое утро, внезапно пропавший свет и открытие телепорта. Массу абсолютно одинаковых ГМО и даже его величество императора, с виду совсем молодого мужчину. Ему всегда было интересно, как это, быть отмеченным властью? Он наблюдал за дэ Руж уже многие годы и за Димитрием последние дни... За Миддтоном — периодически... Но вот императора видеть ранее не доводилось. Словно окунувшись в газетную новость, стал ее частью. Странное чувство.

И странный день, полный людей и их власти. Если бы не те фото, его даже не пригласили бы на удивительное по своей сути совещание. Ни тебе обсуждения генома, ран, гнойников, нетипичных повреждений. Дедукция вроде та же, наблюдение, анализ, синтез... но применено по-другому. Не в болезни, не в ране... Другой тип знаний и абсолютно иная жизненная практика.

Било на удивление интересно, чего с главврачом Леополиской больницы не случилось уже давно.

Автобус подкатил почти беззвучно, выбрасывая в воздух клубы водяного пара. Внутри было немногочленно. Прижав к датчику проездной, Швецов тихонько присел на ближайшее свободное место и привалился плечом к натертому до блеска окну.

Город привычно проплывал мимо него: зданиями, поворотами, подворотнями, ухоженными сквериками. Он даже помнил, как некоторые из них высаживались. Знал сколько труб подведено к ним, какая там система орошения и процедура отопления капризных корней. Клэр дэ Руж, как истинная домохозяйка, пыталась вести порядок даже в самом укромном уголке своих необъятных владений.

Настроение испортилось незаметно. К тому моменту, как автобус подкатил к нужной остановке, Алек Швецов, главврач Леополиской больницы, стал непривычно мрачен.

Произошедшее за последние несколько дней привело его к неутешительному выводу: тихой и мирной жизни пришел конец.

А потому пора подумать о переезде. Возможно, даже под землю. Дрызги империи никогда не заходили так глубоко. А в многолюдных норах всегда хватает работы для врачей: тихой, спокойной и монотонной...

* * *

Дом префекта Клэр дэ Руж стоял на краю Леополиса. Слишком далеко от резиденции. И чертовски близко к восточному пути. Сад нависал над пропастью. Вся восточная сторона смотрела на воздушную арку, падающую с края обрыва, рассекающую небосвод на две части. Уступ, на котором стоял ее дом, почти что висел над пропастью. Да, он был укреплен и крепок. Но, когда смотришь на него со стороны, кажется, что дом и сад, да и весь город возводил настоящий безумец.

Наверное, она действительно была безумна... Потому что не сделала в доме даже сигнализации. Жизнь, которая текла слишком долго, оставалась бесценной... Но... были люди, которых не остановит ни гемовец, ни мораль, ни приличия.

Незнакомый шорох пробился сквозь ночную тишину, сквозь звук заходящего в замочную скважину ключа.

Клэр чуть опустила голову. Ее пальцы все еще лежали на ключе. А мысль уже ушла вперед.

— Добрый вечер, префект дэ Руж, — мужчина выступил из темноты как тень. Женщина медленно развернулась, рассматривая его. Он был одет в черное, его голова замотана банданой, а лицо частично скрыто. Даже руки были затянуты в перчатки. А еще он был увешан оружием. Хоть и спрятанным под тканью, но очертания его не укрылись от Клэр даже в темноте.

— Убийца? — тихо поинтересовалась она.

Человек молча поднял руку к своему лицу, и приспустил пальцами платок, скрывающий его.

— Проситель, — пояснил он, выступая на свет и давая рассмотреть себя.

Лет сорок. Скуластый, с высоким лбом и неожиданно тонкими чертами лица. Рваный шрам под левым глазом. Светлые глаза непонятого оттенка. Косматые брови. Обычный, самый обычный мужчина. Без толики улучшений лица или сокрытия возраста.

Это было неожиданно, и объяснение имелось только одно.

— Ну заходите, проситель... — Клэр дэ Руж уверенно отворила дверь и прошла в дом...

Кто ты, человек без лица? Куда идешь и чем ты дышишь? Есть ли в твоём сердце место для тебя самого? Для надежд, целей, стремлений?

Есть ли в твоём сердце тот, кто может тебя обнять?

Или же оно полно страшной злобы, знай себе бьется, качает кровь и ни о чем не тревожится, кроме мести?

«Он оказался под рукой старика в мгновение ока.

— Не трогай его! — Фердинанд тяжело дышал, хватаясь за голову. Перед глазами застыла чужая ладонь, усеянная перстнями. Голова кружилась, а желудок сжимался, словно от морской болезни.

Тео полез на деда с кулаками. Дурак...

Старик же, скривившись от раздражения, вцепился крючковатыми пальцами в его белые волосы и потянул на себя.

— Щенок... — прохрипел он, — да ты идеален...

Тео забился испуганным зверем, но старому безумцу было все равно. Прижав ладонь к его лбу, он наконец окунулся в податливое сознание.

— Нан, мне нужен шлем...

— Отпустите его, — прошептал Фердинанд, пытаясь подняться на ноги. Телепатическое вмешательство, казалось, вывернуло его наизнанку. Перед глазами продолжало плыть, а походка была нетвердой.

— Вышвырни его, — процедил старик, надевая на мелкого массивную конструкцию. Абэ, не раздумывая, подхватил Фердинанда под руку.

— Ты расслаблен, — шептал он, — хочешь пить, спать и наслаждаться...

Как оказался в коридоре, рядом с рассеянным Маркусом, не понял. Но ни пить, ни наслаждаться ему уж точно не хотелось. Сознание показывало действительность стоп-кадрами, отрезая от главного — понимания происходящего. В какой-то миг поймал себя на том, что толкает брата, пытаясь докричаться.

— Марк... Маркус... — он пихал его в плечо раз за разом, а брат не реагировал. Собственные руки были непривычно вялые, словно вмиг оставшиеся без большей части нервов и мускулов.

— Дин... Ден?! — охранники тоже казались странно рассеянными, словно в их головах враз отключили все мысли. Зависание, прострация.

— Мама... — уже тряс ее.

— Бесполезно, — прошептала она, — Тео исчезает. Вместо него придет бессмертный монстр... И демоны пожрут каждую душу...

Сказала как ударила. Взгляд наконец прояснился, а мысль промелькнула внутри с

бешенной скоростью. Фердинанд попятился, осмотрелся и только теперь понял, что вокруг одни безумцы. Безумный смех, нелепые улыбки. Отсутствующие взгляды и разговоры с пустотой.

Каждый в зале был обработан Абэ... Одна огромная ловушка... отбраковка, отсеб. Вот чем оказались три дня. А подошел мелкий...

Выругавшись, Фердинанд резким движением перевернул ближайший столик. Посуда посыпалась на пол. Изящные канистры вмиг превратились в гору отходов. Выломал единственную ножку и решительно сжал ее в правой руке. Он снова собирался вернуться в дедовы покои, спасти мелкого. И, словно в насмешку, мать продолжала бубнить под нос несурезицы:

— Это недешевое решение, Фёрди... Ты останешься сам...»

Дверь была слегка приоткрыта, из приемной доносился шорох работающих механизмов, движение молчаливых секретарей. Фердинанд не замечал этого.

Личный кабинет всегда играл с ним злую шутку. Наверное, потому что его предыдущий владелец был ненавистен до нервных колик и икоты. Но какие бы ассоциации ни вызывало это помещение, император продолжал заходить в него с завидным постоянством. Воспоминания держали его разум в тонусе, необходимом для свершения задуманного. Подпитывали чувства и давали силы идти вперед. Вот и сейчас, откинувшись на спинку своего рабочего кресла, Фердинанд не заметил, как предался воспоминаниям.

Мать всегда словно в воду глядела. Слегка безумная, она обычно чуралась публики. Но те три дня просидеть взаперти в спасительной комнате было равноценно предательству, и она, вынужденная присутствовать на встрече неожиданно нарисовавшейся родни, медленно сходила с ума. Трудно сказать, сколько мыслей мелькало в ее голове одновременно, но то, что это убивало ее изнутри, было видно невооруженным глазом.

В тот роковой день она, обезумев... умудрялась говорить важные вещи. Никто не слышал. Маркус не понимал бормотания, считая его бессмысленным, а Тео просто был слишком мал. Фердинанд не мог читать мысль и порой ловил себя на том, что лучше бы умел. Возможно, тогда ему хватило бы смелости уйти из дворца раньше и увести семью. Но... он не умел, не знал, не понимал. Действовал резко и наобум, за что расплатился тогда каждый. Виной всему чокнутый дед со своим безумным планом.

Мысль Фердинанда уходила в далекое прошлое, а большой палец скользил по ободку императорского перстня, надетого на указательный. Красный искусственный камень искрился на свету, словно драгоценность. Он лично отобрал этот перстень... у того, кто некогда был его младшим братом, а после стал средоточием бушующего ужаса... Боль того дня зияла в сердце страшной бездонной раной. Он не соврал Нандину утром. Синие глаза Теодора действительно снились ему в кошмарах. Память услужливо подбрасывала картины прошлого, окрашивая каждый сантиметр пространства насыщенным красным цветом. Поднимая в ушах многоголосие чужих оборвавшихся жизней...

Фердинанд не заметил, как оказался не один. Лишь слегка вздрогнул, когда чужие руки скользнули по его плечам. Пальцы зарылись в волосы, повели по коже, мягко массируя ее.

— Вы уснули, мой император, — тихо вымолвила личный секретарь, стоя у него за спиной и продолжая свои нехитрые действия. Ее уверенные прикосновения расслабляли и снимали нервное напряжение. Знакомые движения непривычно контрастировали с ее голосом, который вроде бы и слышал, но точно не от нее... Объяснение этому было, и оно

тоже вносило свою лепту.

— И я опять не знаю твоего имени, — прошептал он, даже не пытаясь скрыть иронию. А потом чуть склонил голову в сторону, подставляя ей болезненный участок шеи.

— Тридцать девять, — невозмутимо представилась она, скользнув пальцами обеих рук по болезненному мускулу.

— Это не имя... — прошептал Фердинанд. Ладони тридцать девятой были нежнее, чем у предыдущей ее вариации, мельче. Это чувствовалось, как и ее миниатюрность...

Миниатюрная тридцать девятая... Фантазия ушла вперед. Плохие мысли улетучились, и ему начало казаться, что он сытый зверь, развалившийся на зеленой лужайке.

Женщина продолжала свое нехитрое действие молча. А когда закончила, просто обошла его и застыла в центре кабинета, аккуратно перед столом, словно робот, опустив руки по швам.

Фердинанд наконец увидел ее. Сквозь знакомые жесты проскальзывал не менее знакомый образ бывшего обладателя тела. Та новенькая девочка из общей канцелярии в некрасивых штатных костюмах... Чужая мимика, прическа, стиль изменили ее почти до неузнаваемости. Он снова поймал себя на мысли, что перестает различать особенности внешности, когда дело касается его личного секретаря.

— Тридцать девятая, значит, — прошептал он. Женщина, нет, теперь девушка, оставалась невозмутимой.

— Тридцать восьмая сделала свою резервную копию позапрошлым вечером, — пояснила она. — Я помню почти все.

— А... копии... личных разговоров?

— Все здесь, — снова коснулась указательным пальцем виска. — Если... за прошедшие сутки случилось что-то важное...

И голос ее теперь намного звонче и мягче. Шумно выдохнув, Фердинанд резко поднялся с кресла и обошел стол. Схватив ее за подбородок, взгляделся в безразличные глаза.

— Перестань говорить как робот... тридцать девятая... — прошептал он, — ты все еще человек.

Голос его неожиданно дрогнул, а девушка привычно скривилась.

— Ваши пальцы на моем лице... это неприятно.

Фердинанд отступил, в который раз. Вернулся за свой стол и упал в кресло, все еще блуждая взглядом по девушке.

— Смена тела плохо на тебя влияет, — наконец констатировал он то, что не прекращал говорить уже который год.

Тридцать девятая не смутилась. Ее вообще мало что смущало. Она всегда казалось роботом, даже в самом начале знакомства, полностью искусственным разумом на базе человеческого мозга. Нандин точно сказал бы, что так оно и есть. Фердинанд же продолжал общаться с ней как с человеком, а не с программой, загруженной в мозг. Но пройдет неделя, вторая — и человечность опять вернется к ней. Это проходили не единожды... как и приручение.

Она знает это, но все равно при знакомстве говорит каждый раз одну и ту же фразу, как мантру или древнее заклинание.

— Не путайте временную синхронизацию баз памяти со сменой тела, мой император. Через два квартала я забуду этот разговор, а сороковая будет опять устанавливать границы. Это неизбежно.

И каждый раз она портит ему настроение.

— Оставь меня.

Новенький старый секретарь послушно удалился из кабинета. Личные черты прошлой обладательницы тела стерлись. Фердинанд знал, это временно, но жуть от происходящего не отпускала. Если бы Тео также был просто слит с образом, синхронизирован с чужой памятью... Но нет... Дед хотел полную власть над его телом. Хотел молодость и еще одну жизнь.

Потянув со стола портсигар, пошел курить. Сигареты всегда успокаивали, и Фердинанд не чурался пользоваться ими для этого дела. Взгляд скользнул по ночному небу, звезд почти не было видно, значит, его заволокло тучами, вдалеке виднелись беззвучные сполохи молний.

Где-то бушует гроза. Это так далеко, что даже гром не слышен. Но в эпицентре, наверно, настоящая стихия...

Далекие молнии отвлекали от бури в душе. А следующий день должен был полностью поглотить его мысли. Начнется эксперимент, и неведомый враг уже не сможет думать холодно и логично...

* * *

Дом встретил темнотой и тишиной, привычным уютom.

Включив свет, Клэр дэ Руж беспечно швырнула ключи на тумбочку в прихожей и разулась. Ее неожиданный гость тоже разулся. Вроде обычное действие, но женщина почувствовала себя спокойнее.

— Вы голодны? — поинтересовалась она. — Или, может, пить хотите?

— Не стоит... — в голосе его сквозило напряжение, и Клэр невольно подумалось о том, что и ему ситуация непривычна. Наверное, представители лесного клана вообще редко общались с жителями полисов. От разногласий не спасал даже общий язык, почти не претерпевший изменений.

— Почему же... вы ведь с дороги.

— Госпожа дэ Руж, мой разговор не терпит отлагательств...

Клэр лишь улыбнулась про себя... Все не терпит отлагательств. Важные разговоры, мечты... Даже если у тебя в руках бесконечное время. Она больше не смотрела на него. Просто знала, что незнакомец в черном, следующий за ней по пятам, изучает каждый сантиметр ее дома. Все, до чего может дотянуться взгляд. Мебель, стены, окна, коридоры, двери... Наверное, и план в голове чертит.

Она же вела его на кухню. Туда, где ночной гость не сможет маневрировать. Туда, где можно будет диктовать правила, опираясь на привычные вещи. Незнакомцу ничего не оставалось, как идти следом. Вежливый, однако. От нее не укрылось, как растерянно он осматривался вокруг, застыв в дверях кухни.

Наверное, допереломная обстановка в его голове не укладывалась. Не дешевое подражание. Однако отказываться от привычных вещей Клэр не любила. Здесь было тесновато, но дэ Руж любила эту нарочитую тесноту.

— Присаживайтесь... я заварю травы, — кивнула она в сторону деревянного резного стола, а сама включила электрический чайник. Мужчина как-то вмиг растерял весь свой напор и серьезность. Меж бровей пролегли морщины, а в уголках губ образовались складки. В электрическом свете его глаза оказались зелеными, густые косматые брови рыжеватыми.

Невольно вспомнилось то, что подсмотрела Марта в голове Наны Вагнер в больнице. Лесные кланы были суровы к своим членам, а особенно к детям. Но это не умаляло их любви

к ним. Потому что не может не любить родители своего ребенка.

В сидящем напротив мужчине угадывались черты Наны Вагнер. Был ли он отцом или ближайшим родственником, кто знает. Но боль сквозила сквозь него, а еще безмерная тоска и отчаяние. Эмоции, граничащие с смертью. Скорее всего, он не знает, что девушка сбежала. А значит, пришел говорить о теле и его переработке... И вот сейчас гадает, как начать свой страшный разговор.

Лесные люди никогда никого не перерабатывали, они, как и до Перелома, продолжали тела сжигать, соблюдая свои ритуалы и обычаи. Ритуалов было огромное множество и касались они абсолютно всего... Не будь Клэр столь древней, она бы даже не знала об этом факте.

На полках в банках стояли сухие травы и ягоды... Комбинация сбора вспомнилась легко. Немного липы, немного шиповника, мелко нарубленные ветви смородины, ягоды земляники. Последние, к сожалению, сублимированные. Мёд.

Обязательно глиняная кружка. Увы, глиняной не было...

Фён сосредоточенно наблюдал за ее действиями и с каждым добавленным в посуду элементом все больше озадачивался. Дэ Руж не была похожа на человека, который не знает, что делает. И он надеялся, что не ошибается в ее оценке, потому что вместе с одурманивающим запахом свежесваренного травяного чая в его груди уже начала трепыхаться надежда.

Женщина поднесла к нему горячую кружку, как и полагается, на раскрытой левой ладони, чуть придерживая правой за ушко. Жест хорошей вести.

Он принял ее, обхватив пальцами, чувствуя, как жар опалает кожу. Клэр присела напротив и положила обе руки перед собой, ладонями вверх.

— Зачем вы вселили в меня надежду? — прошептал он, касаясь губами напитка и пристально наблюдая за ней.

— Считайте это моей прихотью, — чуть помедлив, ответила она и привычно сложила руки под пышной грудью. — Возможно, моя весть не та, которой вы ждете... но вы ее выслушаете от начала и до конца.

Мужчина, словно вторя ей, отставил чашку на стол и чуть сдвинул в сторону.

Ритуал завершен, можно приступать к конструктивному диалогу.

— Итак, я вас слушаю, проситель, — тон ее стал резче.

— Меня зовут Фён Вагнер, — начал он. — Вчера я узнал, что в Леополисе погибла моя дочь. Я пришел просить не подвергать ее тело переработке и вернуть семье, — голос мужчины не дрожал, словно он говорил обыденные вещи.

— Вы ведь понимаете, что время переработки давно прошло? — поинтересовалась Клэр. — Все погибшие в пределах больницы разбираются на донорские части почти сразу после констатации смерти.

Мужчина поджал губы и растерянно посмотрел на чашку, стоящую в стороне. И Клэр понимала его, ведь, заварив эту комбинацию трав, она пообещала надежду.

Был ли стыд за ранее сказанное? Нет. Она хотела, чтобы он почувствовал эту боль и разочарование. Эмоции, которые проскользнут на его лице следом будут неподражаемы, словно дорогое вино.

— Она жива, — прошептала Клэр, наслаждаясь произведенным эффектом. Мужчина резко вскинул голову. Глаза заблестели, даже рыжие брови дернулись вверх. Удивление, злость и надежда в непередаваемом сплетении. И следующая фраза заставит его выдохнуть,

то, что застыло в легких. — По крайней мере, вчера в десять утра она была полна жизненной энергии.

— Как это понимать? — взял себя в руки Фён Вагнер.

— Она в бегах, господин Вагнер, — префект говорила предельно просто, отмечая известные ей факты. — В самых обычных, наспех спланированных бегах. Без еды, воды и средств к существованию... В компании телепата и ГМО, которого спасла.

— То есть с двумя мужчинами... — прошептал он, и при этом его глаза недобро, совсем по-отцовски блеснули.

— Жители полисов нравственные, господин Вагнер, — улыбнулась дэ Руж, — от этих парней ей точно ничто не угрожает. Так что пейте свой чай и выдохните.

Мужчина с сомнением взглянул на чашку, стоящую в стороне, а потом залпом ее осушил, не постеснявшись сожрать даже листья.

Это заставило Клэр улыбнуться. Как говорится, о вкусах не спорят, о ритуалах тем более.

— Это хорошая новость, дающая надежду, — наконец выдохнул он и опустевшая чашка с силой стукнулась об резную столешницу.

— Прекрасно, — улыбка сползла с ее лица, — а теперь я накрою на стол и налью чего покрепче, господин Вагнер...

Мужчина нахмурился: крепость напитка обозначало только одно, проблемы... Большие и трудно решаемые...

Похоже, за хорошую новость придется платить.

* * *

Ирраиля разбудил звонок. Четвертая смена была в самом разгаре, а значит, на поверхности глубокая ночь.

Заснул он, сидя за рабочим столом, придавив информационные кристаллы, которые просматривал после загрузки личности в Вито. Телефон трезвонил. Номер на старом экране был незнакомым. Нахмурившись, он растер лицо ладонями и стащил трубку.

— Слушаю...

— Доброй ночи, — прозвучал мужской голос. — Меня зовут Димитрий, я советник имперской канцелярии. Ищу мастера Ирраиля.

Слотнув, старик дрожащей рукой оперся о рабочий стол, закиданный информационными носителями и блоками памяти, а потом посмотрел в глубь лаборатории с активированной капсулой жизнеобеспечения.

— Давно не слышал тебя... Димитрий, — выдохнул он, — чему обязан такой честью?

— Отставь язвить, старый друг, — фыркнул давний знакомый, — знаю, виноват... но мне нужна твоя помощь.

— Опять... — Ирраиль упал в свое рабочее кресло и смахнул волосы с лица. — В прошлый раз аналогичная помощь стоила мне практики.

— Не только тебе, Ирраиль, — возразил Димитрий, — теперь все официально. С бумажками, печатями и подписью Фердинанда.

— И чего хочет наш новый император? — взгляд Ирраиля опять прикипел к капсуле. Как говорили с незапамятных времен, вспомни черта — и тот явится. Хорошо хоть, Димитрий, а не демон Абэ. Последний на слова не разменивался и всегда рубил с плеча.

— Невозможного, Ирраиль, но, если сделаешь, считай, что сможешь вернуть не только частную практику, но место в Кальтеное.

— Пытаешься меня купить, — недовольно прошептал Ирраиль. Некстати вспомнились обязательства перед Биби. Их ведь тоже надо будет решить.

— Брось, старик. Я могу купить тебя только в том объеме, который ты готов продать... и не говори, что последние пятнадцать лет ты этого не делал. Ты не из тех, кто смотрит на запреты.

— Я не могу просто взять и покинуть нору, Димитрий. Надо мной и надзиратели, и коменданты, и даже префект... Бумажки легко идут только вниз, вверх они так быстро не поднимаются.

— Эти вопросы я решу сам, Ирраиль. За префекта не волнуйся. Она в курсе.

— Ее тоже реабилитировали?

— Ее и не наказывали, — прошептал Димитрий, — по крайней мере, я об этом не слышал.

* * *

«Говоривший человек был смазан голографической маской.

— Вы уверены? Она нелюдима, к тому же опасна. — Но голос... она бы узнала его из тысяч. Ее персональный мучитель. Генетических дел мастер. Марта помнила его личный код наизусть. Он пробивался сквозь квадраты голографического изображения, став для нее его лицом, четким, неизменным пятном на фоне белой одежды.

Сегодня голограмма была иной: шире, расплывчатей. За ней угадывалось два тела, и Марта с ужасом осознавала, что это либо ее новый мучитель... либо...

— Уверена.

Это сказала женищина. Женицин Марта не видела давно и почувствовала любопытство. Правда, легкое, страх же рос с необычайной скоростью. Женищины более жестоки. И менее читаемы.

— Мы не сможем заблокировать ее способность, вы ведь понимаете это? За столько лет так и не смогли.

— Это и не требуется. Она сама не захочет ими пользоваться...

Женский голос был самоуверенным, с жесткой ноткой. От ее категоричности бросало в дрожь. А потом гостья прошла сквозь голографическую преграду, словно вынырнула из водной глади. Марта вздрогнула и в ужасе отползла, уткнувшись спиной в холодную стену. А потом шумно выдохнула, осознав, что не понимает, почему испугалась. Перед ней стояла просто бледная чернокожая женищина... очень уставшая... Она была худая и тонкая, словно долгое время болела. Седые волосы, стянутые на макушке, огромные губы, плоский широкий нос, черные глаза и красноватые белки глаз, будто от недосыпа. Морщины почти незаметны... Но даже так было что-то запредельно далекое в ее взгляде. Словно смотришь в вечность. Марта еще помнила этот взгляд и теперь с удивлением понимала, что впервые за многие годы вновь встретила долгожителя. Отведя взгляд, она недоуменно уставилась на обрубок левой руки, плотно укутанный бинтами. Не хватало кисти и предплечья, локтя.... Женищина подошла и, склонившись, протянула здоровую руку.

— Вставай, не будем задерживаться, Марта.

— Кто вы? — голос Лэйн дрожал. Испуг от первого впечатления все еще держал ее разум. Женищина же улыбнулась, обнажая белоснежные зубы.

— Узнай сама, ты же можешь.

За ее спиной недовольно фыркнул надзиратель, так и не открывший своего лица. Марта шумно сглотнула, а потом схватилась за ее ладонь. Гостья не скрывала ничего.

Мысли незнакомки хлынули в нее оглушающим потоком, сильным течением, сметающим все на своем пути.

— Посмотри на мир за этими стенами... ты же хочешь выйти... — подначивая, шептала гостья... Нет, не гостья, а проводник в новую жизнь. Рука помощи, новый надзиратель и тонкий, очень длинный и качественный поводок...

Тем утром она впервые встретила Клэр дэ Руж. Впервые за многие годы прочла чью-то память и согласилась, что больше не захочет этого делать... Но Клэр солгала. Она, вытащила ее из Кальтэной только из-за ее способности. В тот знаменательный день она четко дала это понять. Марта нужна как теленок. Как верный человек, тень... рука, которой у Клэр больше не было.

Марте Лэйн хотелось лишь одного — увидеть что-то еще, кроме белых стен. Снова почувствовать себя человеком, а не животным...»

Гулкий вскрик совы прорезал тишину, словно взрывная волна. Сонное сознание встрепенулось, вскинулось, пробиваясь сквозь тяжелый сон. Открыв глаза, Марта еще долго не могла понять, где находится. Черная масса возвышалась над головой. В свете луны виднелись черные джуты, которые опутывали пространство над головой, как силиконовые трубки тяжело больного человека. Тонкие нити, свисающие с них, колыхались на ветру. Только спустя мгновение внутри появилось понимание, что это корни. Множество корней, сплетшихся вместе. Они прорвали потолок и стены, словно черви грунт, сплелись змеиным клубком, застыли в непрекращающемся движении роста. Слева же виднелся проем, а в нем звездное небо. На его фоне перед ее глазами едва взблеснула прозрачная преграда, и Марта от удивления вздрогнула. Под подбородком будто стянулась удавка. Дернулась правая рука — и тут же следом поднялась левая. Приглушенно звякнул наручник, сами же ладони от резкого движения начало саднить.

Воспоминания издевательски замелькали внутри рваными кусками событий: автоматной очередью, нелепым спором, взрывом и методичным отстрелом. И только после этого память услужливо напомнила, как Марта слепо пятилась и как падала, царапая ладони об острые осколки. Как пыталась оценить ситуацию с помощью своей врожденной силы впервые за многие десятилетия.

Больше память ничего не подкидывала, только сумбур чувств и боли... Комок чужих мыслей, который уже не распутать и не распределить по индивидуумам. Похоже, длительный перерыв в боевой практике печально сказался на навыках... И что теперь? Ни одной души вокруг? Перетрудилась или осталась связанная в полном одиночестве? Ни первый, ни второй вариант не был похож на правду.

Удавка, наручники, нечто выпуклое перед глазами... Как ни крути, ее снова кто-то прибрал к рукам, как интересный экземпляр генома. Коснувшись ладонями шеи, она все же нащупала ремешок. Тугой узел бугрился под пальцами и поддаваться не собирался. В конце концов она изучила пальцами конструкцию, опутавшую ее голову, и пришла к выводу, что ее способность изолировали с помощью шлема.

А еще она осознала другую вещь — ей не связали ноги. Значит, побега не ждут..., Получается, связали свои.

Кое-как поднявшись, она выбралась из помещения наружу и осмотрелась. И оказалась права.

Кирк не спал, сидел неподалеку, привалившись спиной к стене и вытянув ноги. Двое из

команды растянулись в спальнях мешках. У противоположной стены лежал скованный наручниками незнакомец. Его лицо скрывала дыхательная маска, но даже так наблюдалась внушительная гематома, искажающая всю правую часть лица. Взгляд зацепился за рюкзаки, выложенные в ряд у одной из стен. Из одного торчали человеческие руки: две правые... и две левые... Искусственные или натуральные — сложно было различить в темноте. Но, видимо, механизмы, спрятанные в них, были подотчетными. В прошлом это не глядя назвали бы мародерством, издевательством над мертвыми... но сейчас, когда тела шли в переработку, мнение члены социума смотрели на такие вещи совсем иначе.

Марту же это все еще коробило, как задевает невольного наблюдателя кража или насилие.

— Как вы себя чувствуете, адъютант Лэйн? — поинтересовался Кирк. Она отвела взгляд от рюкзаков и приподняла скованные запястья.

— Как думаете, нормально? — вопросом на вопрос ответила Марта, оценивая его расслабленную позу.

— Думаю, вполне хорошо, — ничуть не смутился он. — В отличие от некоторых.

— Я плохо помню, что произошло, — призналась она. Кирк ничуть не удивился и жестом пригласил располагаться рядом.

— Присядьте, вас шатает.

Лэйн послушалась и осторожно опустилась рядом. Мужчина ответил не сразу, продолжая смотреть на пленника в дыхательной маске. Человек в ответ уставился на него. Не надо было зваться телепатом, чтобы прочувствовать всю его ненависть к происходящему.

— Троиш он убил сразу. Двое еще помучились. На одном сработал ошейник... Благодаря вашей наводке, мы смогли обезвредить снайпера.

Сказал, словно отчитался. Но, благодарность на этом заканчивалась. Наручники и шлем были тому свидетельством.

— Я не враг вам.

— Вы телепат, этим все сказано... — Как отрезал Кирк. А потом, чуть помолчав, продолжил: — Виктор погиб...

Марта вздрогнула.

— Быстро?

— Нет... еще мучился...

Марта невольно поджала губы. В памяти пронесся их последний нелепый разговор... внушение. А потом десятки иных таких же внушений. Неожиданно стало больно. Она подтянула колени к подбородку. Отчего-то вспомнились его удобность, из-за которой их отношения всегда оставались на грани рабочих. А ведь могло быть иначе, он всегда хотел... иначе.

За Виктора хотелось мстить. Мысль объела разум и сдавила сердце стальными тисками.

— Я хочу прочесть незнакомца, — прошептала она.

— Нет. — Кирк был категоричен, а его ответ жесток.

— Дай ей прочесть незнакомца, — неожиданно отозвался один из спящих. Врач... Марта так и не запомнила его имя. — Он не доживет до Леополиса. Не с той дозой радиации, что уже получил.

— Это против правил.

Третий выживший молчал. Но смотрел хмуро, не поддерживая ничью сторону. Один из парней Виктора. А врач разозлился:

— Охота на людей тоже против правил! — он сел, а потом указал рукой на рюкзак с конечностями, — вон там результат нарушенных им правил. Так какая разница, сколько законов мы нарушим против него?

«Боевик, сжимая в руках автомат, с ненавистью сплюнул:

— Долгожители. — Слово пробилось сквозь шлем оскорблением, ударив по самообладанию. Его товарищ хмыкнул. Еще двое, сидя на капоте старого пикапа, не обратили внимания. Еще с десятков просто не слышали, заняв точки за домами. Длительное ожидание утомляло. Высоко поднявшееся солнце жгло, ветер отсутствовал. Полуразрушенный поселок молчал, лишь иногда с гулом пропуская сквозь себя всхлипы пленников...

Их собрали у здания местной школы, связали... и заставили стоять, не позволяя присесть даже на миг... Несколько женщин и мужчин, пару детей, много подростков... Всех, кто был старше тридцати, убивали на месте, объясняя все простым и понятным: «Долгожители» ...

Нандину повезло, что ему было семнадцать. Спортсмен, рекордсмен, отличник... получивший свою вечную молодость благодаря достижениям... Таким он был в прошлой жизни, теперь же стоял связанный в куче бессмертных неудачников, попав к ним исключительно за личные заслуги. Мучила жажда, а боевики продолжали маячить перед глазами, нервируя своим присутствием.

Они все, как один, были экипированы экзоскелетами. Стальные машины оплетали их тела, словно вторая кожа, не оставляя без поддержки ни одного мускула или сустава. Округлые шлемы скрывали головы, блокируя мысли и чувства, превращая их на общем ментальном фоне в черные пятна-воронки. Щитки скрывали лица, отзеркаливали усталые силуэты пленников и безоблачное синее небо. Дозиметр не переставал пищать. Кто-то из пленников всхлипнул, и короткая очередь в один миг выбила землю перед нестройным рядом людей. Связанная толпа испуганно колыхнулась, да и только. Убежать они все-равно не могли. В отличие от повстанцев, никто из них не имел радиоактивной защиты. Но деньги могли помочь встроить ее в организм и передать потомкам. Лишь бы было, чем заплатить. Собственно, кто не имел защиты, уже успел умереть... или переметнуться...

Очередная автоматная очередь, у самих ног. Нандин Абэ не отскочил. Не было возможности. Руки и ноги связаны. Да и за спиной девчонка с мальцом. Скорее придавит да испугает их до смерти, а результата будет меньше, чем крика. Да и повстанец, если захочет убить, все равно убьет. Знал он это так же хорошо, как и то, сколько людей вокруг него погрязли в отчаянии, а сколько ждут удобного момента для действия. Если бы только он мог передавать мысль на расстояние, они бы быстро скооперировались и приняли решение. Но для этого ему требовалось взглянуть в глаза, что в нынешней ситуации было трудновыполнимо. Хуже всего то, что он не мог прочесть повстанцев. Потому только и оставалось, что изучать их телодвижения и скорость, попутно наполняясь всеобщим страхом, ненавистью и болью, что витали в воздухе...

Мозг прострелило тонкой нитью ультразвука. Похоже, у боевиков заработала радиосвязь. Ближайший к нему человек повернулся в сторону, плечи напряглись... дуло автомата глянуло в землю. Черные нечитаемые пятна повстанцев, блуждающие в пространстве между домами, начали перегруппировываться. Неужели пришел очередной приказ? Нить радиосвязи перестала ощущаться. Они перехватили автоматы, переглянулись, кто-то повел головой в сторону пленников. Нандин напрягся, похоже, все-

таки будут убивать. И тут перед глазами мелькнула тень. Ближайшего повстанца сшибло. Шлем лопнул, окрасив землю тошнотворным месивом. Автомат отлетел в сторону. За ним размазало второго. Кто-то завизжал в толпе. Следом заорал ребенок. И тут же из-за угла школы выскользнула чернокожая девчонка. Она, не раздумывая, подхватила автомат, упавший на землю, и, опустившись на одно колено, привычно прицелилась и нажала на курок.

Автоматная очередь снесла бегущих к ним людей.

Рядом же тень продолжала сшибать боевиков одного за другим. Они отстреливались, а их шлемы лопались словно яичная скорлупа. Лицевые щитки вместе с алыми брызгами осыпались на землю, тела падали и больше не двигались. Последний, оставшийся на ногах, прятался за машиной. Что-то крикнул, а потом его отбросило и поволокло по земле. Экзоскелет заискрился. Тень наконец оформилась в понятные очертания. Невозможно худой парнишка впечатал пятку в кисть, сжимающую оружие. Послышался хруст, следом взвыл боевик, до скрежета стискивая зубы. Следующий удар подростка накрыл лицевой щиток, разбивая его вдребезги и сминая чужой нос... Брызнуло красным.

Нападавший был словно выбелен. Белоснежная кожа, почти неразличимая радужка глаз, красные зрачки. Альбинос. К тому же до умопомрачения быстр. Пока остальные пленники только поворачивали лица, искаженные от ужаса. Паренек сделал целую серию движений. Нандин видел эти движения, но отреагировать на них не мог. Зато могли другие. Ментальное пространство вокруг него всколыхнулось. Черные пятна задвигались в нем, резко направляясь к поверженному боевику. Голову опять прострелило тонкой нитью ультразвука. Опять радиосвязь... Где они? За домами, сожмут кольцом. Теперь точно не выбраться. Накроют.

— Уроде-ец, — простонал повстанец, гундося сквозь сломанный нос.

— Для тебя господин Уродец, — усмехнулся белобрысый. Резко поднял ногу и со всего размаху вдавил пятку в лицо повстанца, раздавливая его голову. Звук ломающегося черепа и разрывающейся ткани был ужасен. Расплывающееся красное пятно под замершим телом приковывало взгляд.

Он больше не исчезал. Размял шею и лениво окинул всех взглядом.

— Клэр, собери оружие, что ли, нам нужны еще руки, — спокойно велел он.

— Шутишь? Фил, здесь одна немощь! — крикнула чернокожая девочка, выуживая из одежды очередного трупа ножи и гранаты, забрасывая в невесть откуда взявшийся мешок флягу с водой. Нандин вздрогнул... Немощь? А сама? Мелкая, одетая в спецовку не по размеру. У нее были подвернутые рукава и штаны. И берцы, словно два кирпича, на тонких ногах. Слишком слабая, чтобы представлять реальную угрозу. И при этом достаточно смелая, чтобы ею стать. Она быстро собрала оружие и сморщила свой мелкий приплюснутый нос, когда вымазала ботинок в ошметках мозговой ткани... А потом взглянула на дома, меж которых уже можно было различить силуэты бегущих к ним людей.

Парень фыркнул, а потом обернулся на замершую толпу долгожителей. Выхватил из общей сутолоки испуганных людей Нандина и криво усмехнулся:

— Эй, азиат, пострелять хочешь? — Фил продолжал стоять на мертвом повстанце. Теперь его бесцветные с красными зрачками глаза смотрели прямо на Абэ. Они светились. И этот свет, похоже, пульсировал. Пробирал до мозга костей, заставлял не отворачиваться и не закрывать веки. Глаза заслезились, а в мыслях в мгновение пронеслась

вся его недолгая жизнь...

Нандин облизнул пересохшие губы и растянул их в кривой улыбке:

— Будет еще один автомат?

— Поклянешься не убивать меня до седьмого колена, будет все, — хохотнул уродец...

Седьмое колено? Так далеко? Да ладно...

— Соглашайся... Нандин, — словно издеваясь, продолжал Фил, неведомым образом узрев его мысли и имя.

“Тоже менталист”, — догадался Абэ. А потом понял, что этот подлец подчинил его до основания... одним лишь своим поразительным взглядом...»

Утро, как всегда, не принесло ни грамма спокойствия. Оно началось с груды дел. Идя следом за Фердинандом, Нандин невольно сравнивал его с Филом. Известным сейчас не иначе, как император Филиппус Первый, основатель Сакской империи. И, как любил говорить этот доморощенный философ, властитель каждой твари, ее клетки, крови и всего движимого и недвижимого имущества до седьмого километра вглубь, вширь и в небо... Наверно, причиной этого сравнения был ночной сон. Теперь старое воспоминание не давало покоя, пролезая в мысли буквально на каждом предложении властителя.

— Я хочу лично посетить магазин генетического товара, — вешал Фердинанд. — Нет, перерезать памятную ленточку его открытия. Уже представляю, какой резонанс вызовет это событие. Целую бурю. Шквал статей в прессе, целую лавину запретов цензуры... Закрытие журналистских артелей, завершение карьер не одного советника.

Абэ пропускал это мимо ушей. Думал о своем. Если уменьшить его на два десятка килограмм... высветлить кожу, выбелить волосы... Можно спутать с первым императором. Даже по части эгоистических замашек и эпатажности. Хотя... ему явно не хватало для этого ментальных способностей.

И хорошо, что Фердинанд не слышал его мыслей. Молодой правитель уверенным шагом влетел в канцелярию. Секретари, все как один, вытянулись перед ним, застыв словно статуи. А какой шквал эмоций поднялся внутри, поперхнуться можно. Мужчина на них даже внимания не обратил, проносясь мимо.

— Совет будет против, — заметил Нандин, прикрывая за собой дверь и слегка кивая. Секретари расслабились, эмоции ослабли. Фердинанд же этого не замечал, несясь в свой кабинет, а через него выходя на излюбленную балюстраду.

На миг застыл, вдыхая полной грудью, а после подошел к перилам. Солнце только встало. Воздух еще не прогрелся, отчего было слегка зябко. От влажной земли поднимался белесый пар, застилая все туманом.

— Совет? — переспросил он, а потом усмехнулся. — Брось, Нан. Совет будет грызться с альковом за кусок испорченного пирога, — возразил Фердинанд, всматриваясь вдаль. Утро было чудесным и многообещающим.

— Не думаю, что им понравится это дурное занятие, — прошептал Нандин. Он не разделял любви императора к утренним балконным прогулкам. Как и к куреву, к которому раз за разом тянулась рука бывшего воспитанника.

Фердинанд на миг помрачнел, всматриваясь вдаль.

— Когда эксперимент поглотит все полисы, а народные массы вместе с префектами уйдут в нравственные дебаты, им ничего другого не останется, — прошептал он, а потом обернулся и растянул губы в дерзкой улыбке. Сказал громко и уверенно: — Будут грызть

друг другу глотки, как пить дать! А знаешь почему? — он сощурился. — Потому что нельзя руководить тем, чем невозможно руководить. Они утонут в дрызгах, так и не поняв этого, а я соберу сливки.

Будь он телепатом... Но у него нет таких способностей, так откуда же эта уверенность? Нандин не понимал.

— Сливки с рабовладельческого общества? — решил переспросить он. На его памяти никого из предыдущих правителей так далеко не заносило. Когда встал вопрос наведения порядка и организации нового общества, о рабстве никто не говорил. Фил искал людей, организовывал быт, давал им установки, запрещал красть и убивать, насиловать. Люди слушались. Им достаточно было один раз взглянуть в его белесые глаза, чтобы больше не переступать через правила. Кто не подчинялся, либо уходил, либо ложился в очередную земляную яму. Становился кормом для растений и собак. Фил был беспощаден, творя свою империю, слишком философствовал, устанавливая свои правила. Год за годом. Десятилетие за десятилетием. Пока не выжал себя досуха. А потом правила просто заработали. Общество втягивало в себя все больше людей, которые были готовы жить по его принципам, действуя чисто по инерции, без внушения, как податливые овцы, идущие за вожаком...

Его вопрос должен был остаться без ответа. Но Фердинанд не был в этот раз столь беспечен.

— Чем человек лучше зверя, Нан? — тихо спросил он, смотря ему в глаза. — Он такое же животное, только более верткое и интеллектуальное. Не будь человека, не было бы всей этой истории. Твари продолжали бы плодиться, а жизнь существовать — до очередного уничтожающего метеорита. Мы просто пожираем то, что создали сами. Кислоту вместо воды в ручьях, радиацию в воздухе, вездесущий мусор. Сколько бы мы его ни перерабатывали, он останется.

Нан вздрогнул... Сейчас Фердинанд слово в слово повторил то, что говорил его дед, а перед этим и прадед. Наверное, некоторые мысли и взгляды все же передаются по наследству, как и геном.

Это все равно не объясняло его выходки на совете префектов.

— Почему Мёбиус?

— А почему нет? — Фердинанд лениво повернул голову и потянулся за своими сигаретами. Закурил, втягивая в легкие никотиновую отраву. — В его силах модифицировать кому угодно что угодно... Захочешь, и твои конечности будут отрываться и отрастать после, как у ящерицы. Шикарное умение...

— Я надеюсь, они не будут почковаться...

Фердинанд рассмеялся, выдыхая сизый дым.

— Это было бы забавно... — покачал он головой, стряхивая пепел. — Мне вспомнились те отрезанные пальцы возле телепорта... помнишь? А теперь представь почкование.

— Бессмертные пальцы... — прошептал Нандин, — вырастающие в пять дэ Руж? Мой император, упаси вас Вселенная, рассказать это Такебиру...

— Боишься отпочкованной Клэр?

— Боюсь, что на поставит себя на поток... — прошептал Абэ. — А если серьезно. Мы слишком отклонились от дела. Ругаться с дэ Руж сейчас нельзя.

Фердинанд прыснул... и как-то резко посерьезнел, хлопнув Нандина по плечу.

— Не бойся, тебя ей все-равно не переплюнуть, Нан, — сказал как отрезал. Абэ понял, что именно имел в виду его воспитанник. Правда была в том, что поток его собственных

копий исчислялся сотнями. И все до единого были подконтрольны ему, императору Сакской империи... А точнее, Филу... до седьмого колена. И если в будущем в его роду встретится очередной сильный менталист, кто знает, во что обернется его, Абэ, зависимость.

Если бы Фердинанд сейчас приказал, Нан и сотни таких же, как он, в один момент покончили бы жизнь самоубийством или убили бы кого-то другого.

Фердинанд же думал о чем-то своем, говоря эти слова. И Нандин, как бы ему это ни претило, отчетливо слышал каждое его мысленное слово.

Он думал о неподражаемом чувстве власти над чужой жизнью, шедшем как приятный бонус к императорской должности. За этой мыслью пришла другая. Вспыхнула кривыми росчерками на чужих телах, оформилась в немые крики из чужих разверзнутых ртов. Властителю вспомнился трон, на который он опустил свой тощий юношеский зад. Тогда сиденье было влажным от крови... как и путь, ведущий к нему...

Нандин чувствовал этот путь как свой собственный и тихо его ненавидел, вместе с очередным императором.

Тридцать девятая скользнула на балюстраду, как всегда, незаметно.

— Мой император, — с привычными интонациями начала новая исполнительница роли личного секретаря, — Калтэной на связи. Говорят, они наконец выделили ген агрессии. Просят Леополиских преступников для сравнительного анализа.

— Вот видишь, Нан, могут, если заставить... — усмехнулся Фердинанд, а потом невозмутимо подхватил девчонку под локоток. — О делах поговорим позже, у меня завтрак. Вы же присоединитесь к нам... тридцать девятая? Или как вас там?

Девушка промолчала.

Абэ за его спиной лишь закатил глаза. Каждый раз одно и то же. Стоит к базе данных подключить новую женщину, и Фердинанд сразу распушает хвост. Словно женщин нормальных вокруг мало...

Но ген агрессии... Триста лет назад Калтэной с таким трудом убирал его, а теперь... неужели будут возвращать назад? Просто издевательство.

* * *

Вито стоял посреди моста, соединяющего два крыла улицы, задумчиво задрал голову. Широкая шахта уходила далеко вверх. Ее пересекали десятки мостов почти на каждом ярусе подземного города. По их днищам сновали мелкие роботы. Люди же, ходившие по ним, отбрасывали множество теней. Сотни мелких желтых лампочек высвечивали каждый закуток. Ни грамма мусора, ни пылинки, ни паутинки... Медленно опустил голову, изучая каждый сантиметр попадающего в глаза пространства. Не сказать, что было многолюдно. Движение вокруг можно было назвать людской рекой. Математической структурой, в которой каждый элемент движется по четко заданной траектории с определенной скоростью.

Внизу, под мостом, виднелись такие же ярусы города и такие же мосты. Каждый ярус, в свою очередь, делился на отдельные уровни, местные звали их этажами. Так же виднелись три лифтовые шахты. Говорят, по городу подъемников много, но они никогда не едут выше десяти ярусов. Внутри меж этажами подъемников нет. Люди так бегают. А вот таких подъемников, которые пересекают весь город, от силы десятков наберется. И все в плачевном состоянии из-за ненадобности.

Люди все так же шли и все так же отбрасывали многочисленные тени. Шум, скрип, дыхание... свист из вентиляционных коллекторов. Бухтение производственных турбин.

Запах машинного масла, резины и сотен тел...

Ни ростка... Ни сверху, ни снизу.

В памяти всплывали слова о грязной помойке, но юноша задумчиво осматривался и не находил даже к чему придраться. Цвета добавить бы... неба, растений, да и только...

Люди сновали мимо него, все до единого в рабочих комбинезонах и кепках. Оранжевых, синих, желтых, черных, коричневых... одноцветных и двухцветных. С нашивками, нашьепками, рюкзаками, тележками и коробками. Кто с папками, а кто с бумажками, кто с механизмами и сканирующими пространство датчиками.

Словно роботы-муравьи. Даже дети, и те постоянно куда-то двигались. И Вито видел, эти малыши не играют, по мелким делам бегут.

— В сторону! — крикнул кто-то, и парень почувствовал толчок в спину. Ограждение моста опасно вдавилось в бок, и тут же перед глазами заискрилось силовое поле. Вито опасно уперся в невидимую преграду плечом и резко выпрямился. Тележка, которая наехала на него, накренилась и коробки, которые лежали на ней, посыпались.

Поймав коробки, он надавил ногой на приподнявшийся угол тележки и прижал его к земле. Рабочий облегченно выдохнул.

— Не стой на дороге, парень, — ворчливо заметил он. — Промзона не место для прогулок.

— А полицейский департамент где? — поинтересовался он.

— Ты что, из капсулы только вылез? — удивился он... а потом четко указал в нужную сторону. — Тебе в северное крыло, а там у людей переспросишь. И не замирай истуканом, здесь такого не любят.

Кивнув, Вито направился в указанную сторону. Промзона закончилась резко, уступив место жилым кварталам. В отличие от чистого рабочего пространства, здесь несло жизнью: спертый воздухом, едой, потом и отходами. Похоже, вентиляционная система не справлялась.

Высокие каменные коридоры были усеяны прижатыми к их бокам лестницами и тонкими мостиками, позволяющими пройти по ним от силы двум людям одновременно. Шершавые каменные стены были исполосованы ровными рядами окон и дверей. Стекол не было, но взгляд улавливал рябь силовых полей. Иногда не было даже дверей, отчего казалось, что очередное жилище — лишь продолжение общей улицы. Внимание зацеплялось за ажурные ставни. И сразу выпорхнуло воспоминание о том, что верхние уровни богаче городского дна. А на дне мусора больше, ставни не такие красочные... Хибары налезают на городскую улицу, делая ее непомерно узкой и мрачной. Как раз на два разворота плеч... или одну инвалидную коляску...

Вито уже ходил среди этих бараков, он даже помнил удивительно яркое ощущение от бумаги, которую сжимал в пальцах. В тот миг собственные шаги отдавались в мозгу набатом, сливаясь с воспоминанием о сотнях других таких же шагов, записанных в его искусственную память как данность. От настоящих шагов он чувствовал истинные волнение, удивление и грусть. А поверх этого непривычное чувство эйфории и свободы.

Люди продолжали нестись мимо него, а он не заметил, как остановился, поглощенный ощущениями.

— Эй... не заблудился? — незнакомка махнула рукой перед его лицом. Женщина была в респираторе, закрывавшем большую часть лица. На глаза были нахлобучен прозрачный щиток. Резиновые перчатки на руках. Серая спецовка.

Вито кивнул, задумавшись над тем, откуда он знает, что это женщина. Ведь непонятно. Память насмешливо начала подбрасывать мысль. Движение, формы тела, тембр голоса.

— Вы женщина? — спросил он, а потом мысленно обругал себя за бестактность. Она хохотнула.

— Ты что, из капсулы вылез? — И резко вскинула руку, увидев, что парень уже открыл рот, намереваясь ответить. — Это не вопрос! Вопрос сейчас задам... Заблудился?

— Я ищу полицейский департамент, — растерянно начал он.

— Руку дай, — велела она, а потом резким движением сняла перчатку. Ее острый ноготь коснулся его раскрытой ладони. — Запоминай дорогу...

Когда она ушла, Вито все еще растерянно смотрел на свою руку. Как ни странно, он помнил каждое движение ее пальца на своей коже и сухой комментарий из мер и цифр. Удивительное чувство и очередное волнительное воспоминание, отдающие в теле дивным покалыванием.

Департамент он нашел спустя пятнадцать минут, в глубине жилого крыла. Занимал тот все три этажа этого яруса и радовал взгляд зеленой поверхностью стены. На зеленом фоне красовалась голова льва — символ префектуры. Рядом была нарисована десятка — номер подземного города. Читалось это как десятый город Леополиской префектуры. А вместе с этим откуда-то пришло знание о том, что местные свой десятый называют Ио.

Двери не было. Из широких проемов лился яркий свет ламп дневного освещения. Люди в ошейниках, как муравьи, сновали то выходя, то заходя, кого-то затаскивая внутрь силой, а кого-то, наоборот, выставляя вон.

Здесь кипела какая-то иная форма жизни, не такая, как в промзоне. Яростная, что ли... Наплевательская... снисходительная.

Вытащив из кармана своего комбинезона записку, врученную ему отцом Ирраилем, Вито в который раз ее прочитал, а после нетвердым шагом вошел внутрь.

Перед ним стояла нелегкая задача: получить удостоверение личности. Почему отец не захотел заняться этим сам, парень не знал. Ведь за него, только пробудившегося, отвечал он. Но, наверно, в этом был свой смысл. Как выразился одноглазый Голиаф: «Так выглядит самостоятельность, парень. Ею надо уметь пользоваться».

Движение внутри Департамента подхватило его, как щепку... Кто-то что-то спросил, кто-то заглянул в оставленную отцом записку. Кто-то прошелся по ушам крепким словом. Мазали пальцы черным цветом и делали отпечатки. Сканировали лицо, брали кровь для анализа, заполняли свои базы данных. Без лишних объяснений, но зато с кучей вопросов.

Фраза «Из капсулы» с каждым разом все больше била по самолюбию, становясь в один ряд с насмешками и ругательствами. Перемежаясь с понятиями о низшем классе, втором сорте, искусственном интеллекте... и многими другими, граничащими с человеческим шовинизмом.

Хуже было только то, что Вито осознавал чуждость этих мыслей. Все, что было в его голове, являлось абсолютной ложью, на которой, словно памятник человеческим достижениям, стояло его собственное осознанное «Я».

— И кто ты? — поинтересовался очередной незнакомец с ошейником, в синей спецовке полицейского. Он пил смердящую черную жижу из приспособления, называемого чашкой. Был аккуратен, по меркам общества, симпатичен. Лет сорок. Всю жизнь на одной должности. Его это устраивает, видно по лицу, об этом говорит загруженный в Вито опыт. Однако... что-то в искусственной памяти было не так. Однобоко. Выборочно.

Вито устало смотрел на полицейского сквозь голографический экран компьютера и пытался осмыслить короткий вопрос. Кто он? Вито? Новорожденный, или только из капсулы? Творение мастера... или сын отца?

Знакомство с процессом оформления документов вымотало окончательно, и вопросы, которые возникали в его потяжелевшей голове, не находили ответов.

— Любовница... — прошептал он, явно наткнувшись мыслями на очередную установку своего мастера Ирраиля.

«В этот раз сон был иным. Словно полудрема. В ней можно было подумать, рассмотреть, обернуться. Вот и сейчас Тарис осмысливал себя отдельно от своего извечного кошмара. Стоял в стороне и наблюдал. И проникался всеобщей жутью. Слишком много близнецов вокруг. Ковер под ногами хлюпает от крови. Его цвет не разобрать. Удушливый запах смерти. Не такой, какой ощущаешь, когда взрывается чужой ошейник. Иной. Страх, ужас, испражнения... вспоротые животы... или синие от удушья лица. А еще сломанные шеи и позвоночники... Это воспринимается отдельно от людей, прочувствовавших это. Ментальный фон — сплошная какофония звука: немого крика, боли... страдания.

А еще в этом сне есть его копия. Ребенок: мелкий, хрупкий, с гордо поднятой головой. Он взирает на кровавое безумство с недетским торжеством, а десятки демонов, подконтрольных его длани, вершат жуть, превращая живых людей в изломанные куклы. Взгляд мальчика прикован к одному из них. Тарис и сам смотрит в ту сторону не в силах оторвать взгляд. Молодой мужчина. Сильный, мощный, со знакомыми чертами лица. Он мысленно называет себя Маркусом и цепляется за это имя, разгоняя туман, который наслан на его разум. Глаза у него такие же синие, как и у Тариса. Он прорывается сквозь близнецов, несмотря на собственные ранения. Настигает, расшвыривая людей в стороны, как медведь...

— Тео! — кричит, подхватывая мальчика, поднимая. — Очнись!

Но вместо ответа маленькая копия Тариса просто кладет ладонь на лицо брата. Под его пальцами разгорается пламя, в один миг сжигая чужую кожу.

Лаен никогда не видел этой части кошмара и теперь стоит посреди него и странным образом пытается осмыслить происходящее. Множество вопросов роится в его голове. Но ни на один нет ответа. Кто этот малыш, а кто человек, так нелепо получивший ожёг? Почему у мальчика такая же способность, как и у него, Тариса?

Что за демоны-близнецы вокруг танцуют свои кровавые танцы?

Пока он думает об этом, обожжённый человек успевает ухватиться за лицо, отступить к окну. Тео его просто толкает, и тот опрокидывается.

Ребенок хохочет. И тут же получает возмездие за свою кровожадность... Словно ураган, на него налетает другой человек... Отбрасывает в сторону, силясь мощным ударом. Ребенок же поднимается, словно ничего не произошло. Рассеченный лоб начинает заживать сам по себе. Близнецы наступают со всех сторон, повинувшись его воле.

— Поздно, Фёрди, ты его не вернешь! — смеется он... — Теперь здесь я, а не твой брат!

Парень, на десяток лет старше его, лишь горько усмехается, стирая с лица кровь. Он уже знает больше. Его мысль раскрывается в пространстве, словно цветок. Тарис читает ее, вздрагивает, осознавая в один миг весь ужас произошедшего. А за спиной Фердинанда в этот миг вырастает долгожитель. Он скользит взглядом по ухмыльнувшемуся мальцу, а потом кладет руку на плечо Фердинанда.

— Довольно, мой император. Это больше не ваша забота. — А потом демон вкладывает в ладонь парня кольцо. Алый камень мерцает красным в свете электрических ламп. — Это просто символ, мой господин. Однако... мне приятно, что он будет у вас...

— Ты выбрал не то тело, дед... — покачал головой Фердинанд, сжимая кольцо в кулаке. — Увы... я сильнее, чем Тео...

— Прикажете, мой император. Властитель должен быть только один... иначе мной смогут управлять все...

Фердинанд лишь кивнул и наконец надел на палец врученный ему символ власти.

— Устраняй всех... — прошептал он, а потом кивнул на Тео. — И его тоже... — И ни на миг не прикрыл своих серых глаз, пока говорил это.

Сейчас Тарис спокойно может встать напротив него, рассмотреть. Почти в одинаковом возрасте... Одежда на нем окровавлена, а за спиной его тенью стоит старик... Долгожитель Нандин Абэ.

Напротив них ребенок, внутри которого одновременно сидят две личности. Они бьются за право бодрствования. Мысли их смазаны. Эмоции смешаны. Это действительно больше не Тео... и не его дед...

— Уверен? Его просто не станет... — прошептал Абэ. Интонации его страшны, полны предвкушения. Он наслаждается моментом. Любит ли убивать, или причина его воодушевления в ином? Тарис не может понять... Он все еще стоит спиной к Абэ. Но все равно знает, что его раскосые карие глаза сейчас равнодушны к чужой жизни. И улыбка на холодном лице фальшива. Он жаждет этой расправы.

— Выполний... — решил Фердинанд...

Брат? Тарис снова смотрит на него, ощущает его внутреннюю боль и не понимает. Может ли такое сказать брат?

Чей брат, его или Тео?

Откуда он вообще взялся? У Тариса Лаена нет братьев...

Кошмар становился все безумнее... Взгляд выхватил на полу тело умирающей женщины, которую хотелось назвать матерью... нашел лица близнецов, которые должны были охранять мальчика, а теперь наметили его своей целью...

Сплошное безумие.

— Умрешь... Как все, умрешь! — с ненавистью процедил мальчишка. Он не кричал о предательстве. Он о нем думал. Что Тео, что гость в его теле.

Хотелось плакать... Может ли такое говорить ребенок? Могут ли такое говорить друг другу братья? Тарис схватился за голову, пытаясь осознать то, что видит... А сотканный из сна Фердинанд скривился, всего на миг... пропуская в пространство целый клубок собственного ужаса. А потом снова закрылся. Вмиг став нечитаемой каменной глыбой.

Старик обошел его, скользнул сквозь Тариса, словно его и не было в этом сне, потянул к ребенку руки. И десятки его копий, словно ожившие мертвецы, сделали то же самое.

И в тот же миг пространство закрутило воронкой, затягивая его в тело мальчика. Но он смотрел не на надвигающегося убийцу, а на собственного брата, ощущал его братом. И словно посторонний наблюдал, как его губами движет чужой разум. Знакомый незнакомец, без спроса поселившийся внутри...

Голова взрывалась от его мысли. А мозг кипел не в силах обработать два разума одновременно. Кто-то должен был уступить.

Страх поглотил, а вместе с ним от ужаса начала пылать кожа.

Чужак внутри наконец ослаб. Испугался, не понял. Свернулся от ужаса. А ему, ребенку, достались последствия навороченных им дел...»

Кошмары одолевали его последние несколько часов. Охватывали разум тисками, заставляя переживать заново дикие мучения. Боль преследовала. Впивалась острыми иглами в тело. Будоражила память, поднимая из ее глубин давно забытые видения о чужой смерти. Будь это последний вздох взбешенного модифицированного или попавшего под его руку человека — неважно. Боль была всегда... Она поднимала из закутков настолько странные моменты, что казалось, он выдумал их.

Но стоило открыть глаза, как он забыл все разом, получив взамен лишь усталость от длительного тяжелого сна. Воспоминание прошедшего дня взбудоражило. Ноги, начавшие болеть вчера, все так же продолжали ныть. Единственная попытка встать закончилась неудачей. Так что теперь только и оставалось, что лежать и изучать пространство.

Камера, в которой он находился, была небольшой, без удобств. Шага три на три... Потолок оказался каменным, выдолбленным. Он плавно перетекал в три стены. Настолько плавно, что вокруг не было ни одного четкого угла. И ни одного окна. Четвертая стена отсутствовала. Вместо нее темнела плотная решетка из толстых прутьев. Встать и посмотреть, что за ней, Лаен не мог. Колени, несмотря на то, что зажили, продолжали болеть при каждом движении. Ни постоять, ни пройти. Один-два шага еще можно стерпеть. Но ведь надо больше... Ни ускориться, ни напрячься. Потому он лежал, медленно впадал в уныние и пытался разложить незнакомый ему воздух по составляющим запахам... Спустя некоторое время это получилось.

За стеной, в соседней камере, кажется, был Райго. Его мыслей впервые за четыре дня не было слышно. Так же тихо беззвучно сидела Нана. Тарис не мог понять, почему не слышит их. Но радовался, что чувствует вибрации от их движения, нервных шагов... А еще различает душок невымытых тел. Никогда не думал, что будет радоваться этому.

Заговорить, что ли?

— Райго, Нана... — позвал он, — слышите меня?

В пространстве всколыхнулись черные пятна... зашевелились, оформились тенями. Но без мысли.

— Жив, Тарис! Я здесь! — это всхлипнула Нана. Тарис прочувствовал, как ее пятно переместилось. Ему даже показалось, что она ухватилась в этот момент за решетку. — Райго увезли, а ты не отзывался! Думала, я одна здесь...

— Он тут, — успокоил ее Тарис, — спит. Ты знаешь, что произошло?

Нана опять всхлипнула.

— Я никогда такого не видела. Эти штуковины просто скосили вас... Сначала Райго... потом тебя. Ты вообще падал!!! С высоты! Ты мог умереть!

— Не умер бы... — выдохнул Тарис.

— Ты просто не видел этого так, как я! — Она на миг умолкла, справляясь с эмоциями. — Не знаю, кто тебя мастерил...но я благодарна, что он это придумал. Если бы никто не мог умирать. Это же было бы круто.

— Бессмертие ведет к вымиранию... — раздался тихий голос Райго. — Это я вам как историк говорю...

— Райго! — вскрикнула Нана. — Ты живой? Что с тобой? Твои ноги, они...

— Я не слышу тебя... — вторил ей Тарис. — Ты как тень... И Нана пятном...

— Да завалитесь оба, — простонал он. — Жив, лежу... И очень хочу побыть в тишине.

Нана опять всхлипнула, а потом послышался удар о стальные прутья.

— Гребаный ток... Не будь его, Тарис, ты бы точно уже вылез отсюда, — простионала она.

— Ты, главное, к прутьям одеждой не прикасайся, — посоветовал Райго, — а то снова сожжёшь.

Тарис невольно улыбнулся, вспоминая ее в Леополиской камере. Нана что-то обиженно буркнула. Повисла тишина. И теперь она казалась более дружелюбной, чем миг назад, хоть и с таким же неоднозначным будущим. Их поймали и как-то заблокировали. Стоило ли убегать с Леополиса, чтобы попасть в руки невесть кому?

— Слушайте, — начал Райго. — Тот, кто нас поймал, как-то блокирует ментальное пространство. И, может, даже подслушивает речь. Потому, что бы ни случилось, не говорите того, что может вам навредить. Помните это.

— А если я не знаю, что может мне навредить? — тихо поинтересовался Тарис.

— Тогда ты в глубокой заднице... — разозлился Райго. — Никто тебе не поможет, если не включишь мозг...

Его голос потонул в лязге. Нана громко охнула. Несколько человек тяжелой поступью прошлись вдоль камер, и спустя пару мгновений остановились возле той, в которой закрыли Тариса.

— Ну что, уродец, прогуляемся? — усмехнулся один из них, тыча сквозь прутья пушкой. Лаен нахмурился, приподнимаясь на руках. И тут же растерянно взглянул на дротик с проволокой, впившийся в его грудь. Разряд прошелся по телу обжигающей волной...

* * *

Маркус задумчиво смотрел на экран компьютера, примостившегося на мелком столике его спальни. На поверхности уже несколько часов как взошло солнце. Здесь же, под землей, всегда властвовала темнота... Три видеоокна отображали движения пленников. Девчонка уже несколько раз успела продемонстрировать свою невосприимчивость к току. Чернявый просто лежал. Колени ему успели прооперировать. Пули вытащить. Но в медицинскую капсулу не помещали. Само заживет. И, судя по всему, выздоравливал он как обычный человек. Другое дело тощий уродец. Этот регенерировал сам... И теперь лежал, стараясь лишний раз не шевелиться. То видео, показывающее, как пленный резко встал с койки, а потом упал как подкошенный, до сих пор стояло перед глазами. Он не кричал, хотя, судя по искажившемуся лицу, боль была ему очень даже понятна.

Теперь же обезвреженного уродца волокли вдоль коридора. Чернявый зло скривился, проводив их взглядом, но с кровати не двинулся. Девчонка же ухватилась за прутья и начала орать.

— Страдаешь? — Дэйла подкралась незаметно. Маркус вздрогнул от неожиданности, а ее пальцы уже скользнули по его шее.

— Я думал, ты спишь...

— Не люблю спать одна, ты же знаешь... — ее голос все еще был охрипшим спросонья. А пальцы уже внаглую забрались за ворот. Она всегда так делала, когда хотела пошалить. Сейчас это отвлекало, потому Маркус не спешил реагировать. Мысли все еще были заняты происходящим на экране. — Так чем же ты занят?

— Думаю, — вздохнул он, отводя ее руку. — Глаза у него синие, волосы белые. Это да, похоже на Тео. Но лицо... Ты когда-нибудь видела столь тощего человека?

Дэйла прекратила, но застыла за спиной, буквально дыша в затылок.

— Видела, и ты видел. Вспомни лицо первого императора. Он тоже был тощий.

— Но не настолько же. — Маркус обернулся и шумно выдохнул, буквально уткнувшись носом в ее обнаженную грудь. Дэйла тихо рассмеялась, а потом чуть отошла, давая ему возможность разглядеть ее полностью. Даже повернулась вокруг своей оси, красуясь. На ней не было даже мелкого лоскутка ткани. На рельефной спине выделялась татуировка с замысловатыми цветами и птицами. Крепкие ягодицы манили, как и плоский не по-женски подкачанный живот.

— Может, он просто недоедает? — вскинула брови Дэйла, возвращая его разум к насущной проблеме. Потом медленно подошла и забралась ему на колени, обхватив его бедра обнаженными ногами. Стащила его футболку, а потом склонилась и прикусила зубами шею. Как зверь...

Маркус шумно выдохнул. Дэйла любила кусаться... до боли, порой оставляя синяки на коже.

— Ты тоже, судя по всему, — он обхватил ладонями её бедра и улыбнулся.

— Я изголодалась, Марк... — она нашла его губы своими и совсем тихо выдохнула: — Ты же не оставишь меня голодной?

— У нас не так много времени, — возразил он, оглаживая ее спину. — Вскоре Ирраиль займется уродцем.

Женщина тяжело вздохнула и, опустив подбородок ему на плечо, задумчиво взглянула на монитор.

— Ты пустил его в нашу лабораторию?

— Пустил.

* * *

Лаборатория, выделенная Ирраиллю пришлым господином, была сделана по последнему слову техники.

Старик дернул руками колеса и проехался вдоль абсолютно пустых капсул. За ним пополз робот-чистильщик, скрупулёзно стерилизуя пол. Глаза старика резало от этой вопиющей новизны. Ни тебе старых полупроводников, ни капсул, переделанных из ракетных корпусов. Все было свеженькое, заводское. Он растерянно скользил взглядом по помещению, не в силах поймать ни одну из тех сотен мыслей, что в один миг зароились в его голове.

Местные врачи, облаченные в белые комбинезоны, стояли перед ним навтыжку. Они взирали на него сквозь прозрачные стекла очков и периодически переглядывались, едва сдерживаясь, чтобы не прокомментировать его нахождение здесь. Ирраиль их даже не заметил, полностью поглощенный окружающими его аппаратами.

— Такебир, небось, штук двадцать чистых тел за это добро попросил, — наконец пробубнил он, растерянно водя ладонями по пыльным колесам своей инвалидной коляски. Дэйла хмыкнула, представив себе это.

— Тела не так уж и дороги, мастер Ирраиль, — снисходительно заметила она. — Префект Кальтэноя, увы, на обычные тела не разменивается. Его запросы более изысканны.

— Что же вы ему предложили?

— Не вашего ума дело, — отрезал Биби, вынырнув из боковой двери. — Теперь вы работаете здесь. И если хотите исследовать белобрысого, делаете это здесь, в компании моих людей.

— Господин решил пойти на уступки? — оскалился Ирраиль. Лицо Биби явно дернулось, хотя маска смазала резкость движения.

— Сейчас вам лучше помолчать, мастер, — тихо вымолвил он, после чего резко развернулся и, подпернув руками штанины, уселся на одно из кресел, стоящих возле стены. — Я буду наблюдать. Это не обсуждается.

Ирраиль лишь недовольно поморщился. Ясен пень, возражать против такой постановки вопроса никто не будет. Но... диктовать правила может не только Биби. Других мастеров в Ио нет и не предвидится.

— На все воля господина, — прошептал он. А в следующий миг уже наблюдал, как в его новую лабораторию двое мужчин за руки заволокли уже знакомого белобрысого парня. Пленник был без чувств и бледен. Из одежды на нем оставались лишь остатки серых брюк. Обе штанины были окровавлены и разорваны до колен, обнажая свежие специфические шрамы. «Наверное, от пуль», — подумалось Ирраиллю. Мысль застопорилась на этом. Где-то внутри опять разыгралась ненависть к этим изуверам. И сразу потеплело от мысли, что его Вито уже принялся за свое черное дело.

Голос же не отобразил ни одной из этих эмоций. Натура исследователя взяла свое:

— Сколько времени прошло с ранений? — поинтересовался он, осторожно подъезжая ближе. Дэйла кинула взгляд на предводителя и, получив кивок в ответ, невозмутимо ответила:

— Пятнадцать часов. — И, чуть помедлив, добавила: — Регенерировал сам, в дороге.

— Пули вытаскивали? — тут же продолжил Ирраиль, скользя взглядом по тощему телу.

— Не успели, — это уже подал голос Биби.

Старик фыркнул. Даже выделенные ему помощники колыхнулись разом от возмущения. Вопиющее безобразие.

— Мне нужен мой помощник, — наконец решил старик. Полностью игнорируя предоставленных ему людей.

— Любой мой человек к вашим услугам. — Биби повел рукой в сторону пятерки врачей. Ирраиль поморщился, оценив их белые комбинезоны, и резко крутанул колесами в сторону развалившегося в кресле Биби.

— Мне нужен мой помощник, — повторил он, делая акцент на слове «мой». — Мой Голиаф, и это не обсуждается. Своих можете убрать.

Биби хмыкнул, а потом перевел взгляд на Дэйлу.

— Выполняй.

Мастер тем временем подъехал к рабочему столу, невозмутимо пересмотрел находящиеся на нем пузырьки и инструменты... Нашел медицинские перчатки и, не раздумывая, натянул их на свои тощие ладони.

— Может, руки хотя бы помоете? — возмутился один из проигнорированных им врачей, с брезгливостью наблюдая за стариком.

— Это ГМО, неуч, к тому же регенерирующий, — процедил Ирраиль. — Захочет мутировавший стафилококк будет на завтрак жрать без последствий... Обезболивающие, транквилизаторы, анестезия? Или аналоги? — спросил он, даже не оборачиваясь к ненужным ему наблюдателям...

— Шокер, электрический, — хмыкнул Биби, откидываясь на спинку кресла и забрасывая ногу на ногу. Ему было откровенно весело. Особенно с перекосившегося лица врача, которого назвали неучем.

— Нелюди... — прошипел Ирраиль, найдя наконец коробку с инструментами.

— Мастер, что происходит? — Голиаф вплыл в лабораторию, как слон в посудную

лавку, за ним последовала Дэйла.

— Операция, мой Голиаф, — процедил Ирраиль, — по извлечению мелких инородных тел... Возьми вот этого и расположи на столе... — указал он на валяющегося на полу парня.

— И главное, держи крепко, да не поломай. Мне он нужен целым, а не калекой...

Голиаф даже не запыхтел, подхватывая парня, как пушинку. Ирраиль же проковылял к операционному столу и недовольно буркнул:

— А этих студентов уведите, уведите отсюда! — обернулся он, тыча во врачей. — Хотя нет, неуча оставьте, пусть болтает...

— Вы об этом еще пожалеете, — возмутился тот самый «неуч», пока его друзья, возмущенно галдя, покидали лабораторию.

— Поговори мне еще, на одной ноге всю операцию стоять будешь, — проворчал мастер. — Иди мой руки, работать будешь.

* * *

— И кто ты? — поинтересовался хозяин кабинета. Голографический экран заступал его лицо почти полностью, смазывая черты и делая их неузнаваемыми.

— Любовница, — почти без промедления ответил Вито. Мужчина, сидевший напротив, как раз присосался к чашке с густой чёрной жидкостью и от неожиданности поперхнулся. Чёрная субстанция упала на клавиатуру и заляпала часть информационных кристаллов, лежавших в раскрытом боксе.

— Уверен? — на всякий случай переспросил он, а потом, нахмурившись, отставил чашку, поднял клавиатуру и небрежно ее отряхнул.

Вито медленно кивнул, все больше хмурясь. Память из структурированной системы начала напоминать тот бедлам, что творился у полицейского на столе. Значения слова «любовница» в голове почему-то не было. Неужели придется учить это самому? Спросить, что ли? Не успел, гемовец опередил его.

— А для кого, знаешь? — поинтересовался он, быстро заполняя на клавиатуре очередной пункт анкеты.

Вито вздохнул. Он знал ответ на этот вопрос так же хорошо, как и то, что этим утром открыл глаза впервые.

— Его величество Фердинанд Первый, император Сакской империи...

Гемовец что-то нечленораздельно булькнул. Потом прочистил горло протяжным: «Кхм».

— Заказ, подарок, подстава? — наконец спросил он, бросая на парня косые взгляды сквозь голографический экран.

Вито нахмурился, касаясь тонкими пальцами гудящей головы.

— Заказчик господин Биби...

Больше вопросов не было. Последние строки анкеты полицейский набирал особенно громко, усердно отстукивая по кнопкам. Потом выхватил пустой инфокристалл из бокса и вставил его в приемник.

По его лицу было непонятно, веселится он или раздражен. Работу он делал быстро, не подкальывал, за что Вито был откровенно благодарен. Насмешек ему сегодня хватило.

— Не советую тебе покидать Ио, а тем более в сторону Сэльвы, — наконец сказал он. — О цели не распространяйся, многие не поймут. Да и нашему мастеру будет проблема. Понял?

Вито молча кивнул. А гемовец подхватил со стола аппарат, который быстро приобрел в

мыслях парня название «маркировщик», и велел обнажить плечо. Стоило ему коснуться кожи своей машинкой, как ее обожгло болью. Электрический разряд прошелся по мускулам, выбивая непривычную дрожь. Полицейский не удивлялся, и Вито решил последовать его примеру. Лишь скользнул взглядом по предплечью и отметил разрез на коже, да бугорок под ней. Из разреза тонкой струйкой текла красная жидкость. Кажется, название ее — кровь.

— Чип номерной, — начал объяснять мужчина. — Закреплен за твоим генетическим кодом. Удалишь, впаяют штраф. Большой, за пару лет не откупишься. Советую пройти курс адаптации и получить иную профессию. Потому что твоя цель, мягко говоря, неадекватна. И имя... Кроме имени есть фамилия. Поскольку ты искусственный, фамилия положена стандартная, захочешь, через пять лет поменяешь. Захочешь, допишешь себе отчество... Но это вряд ли, — говорил он и, отложив маркировочную машинку на стол, наклеил пластырь поверх пробитой насквозь кожи.

— Спасибо... — растерянно прошептал Вито, поправляя на себе одежду.

— Иди уже... Вито Лаен, — отмахнулся гемовец... — на выходе из департамента зайдешь в терминал, там пройдешь контрольное сканирование и свободен.

Стоило парню покинуть его кабинет, полицейский ухватился за трубку стационарного телефона. Код шефа нащелкал по памяти и, стоило тому поднять трубку, сразу перешел к делу.

— Шеф... Старик Ирраиль, похоже, спятил. У нас здесь искусственник со скандальной целевой установкой. Анкета уже в базе данных...

Вито вышел из Департамента в полном одиночестве. Голова раскалывалась, а в теле чувствовалась слабость. Пальцы сжимали ворох рекламных проспектов о социальных коучах и курсах адаптивного поведения.

Прокручивая назад разговор с последним гемовцем, он все никак не мог понять, зачем рассказал. Ведь можно было просто соврать. Но нет, он сказал, словно в самом произнесении этой странной по своей сути фразы крылась вся его жизнь. Ему было тяжело вставать с того стула и тяжело двигаться. Оттого, закрыв за собой дверь кабинета, Вито застыл, собираясь с мыслями. А потом сквозь тонкую преграду до него донеслась фраза о спятившем мастере.

Что значит «скандальная целевая установка»? К чему говорилось «анкета уже в базе данных»? Что означает набор букв «шеф»? Это слово или аббревиатура?

В этот миг Вито ненавидел своего мастера так же яростно, как и любил, когда впервые открыл глаза.

Увы, Вито не мог понять, что чувствует именно ярость. Он знал, как чувства выглядят со стороны... Но... как они играют внутри тела, ему было неизвестно. Должен ли он сейчас кривиться или изображать радость, или удовлетворение? А может, это испуг, хитрость, самодовольство, обида?

Его сердце стучало чуть сильнее, кровь бежала по венам чуть быстрее. Мысль металась в мозгу, словно... птица в клетке?

Шаблонная мысль шаблонного человека...

— Эй... парень из капсулы, — позвал знакомый голос незнакомки, — нашел, что искал?

Вито устало поднял на нее взгляд и подумал, что, наверно, как раз время изобразить улыбку. Девушка была без маски и рукавиц. Рабочий комбинезон сменило яркое цветастое

платье, а плотные сапоги уступили место туфлям. Каштановые волосы вились, глаза блестели, а на лице играла улыбка.

— Так заметно? — в голове четко отобразилось слово «смущение». Наверное, четко, потому что иным его чувство быть не могло. Девушка подошла вплотную, и только сейчас стало ясно, что она чуть выше. От нее пахло. Запах заполнил пространство вокруг Вито, и он опять не мог понять, как к этому отнестись. Да он и не знал, плохо она пахнет или хорошо.

— Есть у старика одна паршивая забава, — она ничуть не удивилась вопросу, — отсылать пробужденных в Департамент с запиской. Ребята часто теряются. У вас взгляд как у младенцев... полон немого восхищения и торжества. Странно наблюдать такую реакцию по отношению к Ио. Мы все Ирраиллю что-то да должны. Но его отношение к вам... Странное. Это ещё мягко говоря. Потому просто помогаем, находя потеряшек, потому не надумай себе невесть чего.

— Правда, что он спятил? — невпопад спросил Вито. Она пожала плечами.

— Ио изменился, когда пришел старик... спятил или нет... какая разница, мы все равно его любим. — Она ухватила Вито за руку и потянула за собой. — Идем, покажу действительно что-то интересное...

Человек перестал дышать к утру. Врач, Берг Лаен, привычно отобрал пробы ДНК. Подтянул к себе рюкзак с торчащими из него руками и потянул за одну. За ночь они почти не изменили своего вида, и только теперь стало понятно, что они полностью искусственные. До последнего волоска. Даже на ощупь они оставались теплыми, словно настоящие человеческие руки. Внутри были целые переносные лаборатории. Мелкая крио-камера для пробирок, иглы, набор инструментов... Страшно подумать, что все три модифицированных врача абсолютно добровольно лишились рук, чтобы надеть на себя эти протезы.

Отобранные образцы тканей были аккуратно сложены в пробирки и спрятаны внутрь. Упаковав искусственную руку обратно в рюкзак, Берг протяжно вздохнул и покачал головой, думая о своем.

Кирк не обращал на его вздохи внимания. Марта, которую все же допустили к считыванию памяти пленника, наоборот, не могла отвести от него взгляда. Она видела его внутренние метания и не могла понять, что этого мужчину тревожит.

Юл Кович, единственный, кто остался из команды Виктора, тоже периодически поглядывал на Берга. И тоже молчал, занятый тем, что паковал трофейный экзоскелет в рюкзаки и нанизывал лямки последних на шнурок, словно бусы. Само же тело Кирк затащил в один из подвалов разрушенного дома. Отловил стальную гусеницу и кинул поверх. Мелкая машина знала, что делать. Та же участь постигла тела их товарищей. Металлические муравьи и гусеницы просто разобрали их на части. Что-то прикопав, что-то удобрив, а что-то утащив на свой склад. Они работали быстро, уничтожив тела на считанные минуты, не дав им сгнить и отравить воздух смрадом.

Нерешенным оставался только один вопрос: что делать дальше.

— У нас не так много вариантов, — говорил Кирк, поочередно взглянув на каждого. Даже Марта удостоилась его тяжелого взгляда. — Либо идем дальше по следам, либо возвращаемся в Леополис. Первое предпочтительно по инструкции, но не факт, что доберемся к цели. Да и что вернемся.

— А что говорит Леополис? — не поняла Марта. Несмотря на то, что ей дали прочесть снайпера, она снова сидела в его шлеме и со связанными руками.

— Связи нет, — вздохнул Юл. — Мы остались одни.

— Может, выведена из строя радиоточка? — предположила она. — Покрытие в этом районе неплотное. Уверена, дело в этом. А как только найдем сеть, доложим и примем дальнейшие указания.

— Если они ждали нас здесь, то и там могут запросто устроить ловушку, — нахмурился Кирк. — Вы ведь понимаете, что второй мины мы можем и не пережить. Тем более если в их руках огнестрельное оружие.

То самое оружие теперь было замотано в полиэтилен, найденный здесь же, на полуразрушенной улице, и прикреплено к рюкзаку Кирка.

— А в ваших руках я, — ничуть не смутилась Марта, не заботясь о том, что прозвучало это двояко. — Рассказать, для чего предки вывели менталистов?

— Незачем. Я не сниму больше с вас шлем. Даже и не надейтесь, — нахмурился Кирк. — Мне хватило наблюдений затем, как вы высосали силы из того человека.

— Мысли... — фыркнула Марта. — Я читаю мысли и только. Я не могу убить, только

подумав об этом! Зато могу почувствовать этих людей на порядочном расстоянии и предупредить вас. Если не хотите такого козыря, тогда возвращайтесь в Леополис и сдавайте меня в соответствующие службы!

— Есть еще одна проблема, — заметил Берг, отвлекая их. — Заряда в моем протезе надолго не хватит. Да и остальные почти на нуле, — он подтянул рюкзак с биопротезами к себе поближе. — Еще сутки — и образцы их тканей испортятся. Это может стать очень большой проблемой для нас. Погибшие ребята были хорошими представителями, потерять их коды... — он покачал головой и скривился, едва сдерживая эмоции.

Юл подбадривающе сжал его плечо. Но Берг лишь отмахнулся, взяв себя в руки.

— Может... зарядить? — тихо предложила Марта. — Это ведь промышленная помойка. Здесь роботы, где-то же они заряжаются? Кирк... что скажете?

Она взглянула на мужчину и вздрогнула от его пронизывающего взгляда.

— Хорошее предложение, — наконец выдавил он с таким выражением лица, словно съел кислятину, — хотите снять шлем и отследить роботов?

— Смеетесь? — опешила Марта. — Они же не люди... Мы просто пойдем следом.

— Это может занять время, — засомневался Юл.

— Любое наше решение займет время, — прошептал Берг, прижимая к себе драгоценный рюкзак. — А так хоть не утратим образцы. Они... ведь были хорошими людьми, с прекрасными показателями. Результат многовековой селекции. Что бы вы ни решили, Кирк, утратить их или кого-либо из вас — это наплевать на работу людей, давших нам возможность жить. — Он печально взглянул на Кирка и неожиданно перевел стрелки. — Это касается и адъютанта Лэйн. Она долгожитель. Ее создавали, когда запретов на вмешательство в ментальное пространство еще не было, когда от ее скрупулёзной работы зависело выживание человеческих масс. Так имеете ли вы право ее судить?

— Она и вас обработала, Берг Лаен?

— Она в шлеме, Кирк, — покачал головой Юл Кович. — Прекращайте, это уже не смешно. Берг прав. Лэйн долгожитель, она при дэ Руж уже многие годы, если она прокололась здесь, думаете не допускала ошибок раньше? Уверен, дэ Руж знает.

Слова Ковича сделали то, чего не могла вся образовательная система Сакской империи. Они просто смели уверенность Кирка на корню.

Что есть правила, как не границы собственной свободы, дающие определение нормам морали. Модель поведения истинного человека, разумного существа, социально направленной особи.

Кирк всегда считал себя грамотным человеком, удачливым гемовцем, гражданином с высокими моральными ценностями.

В выстроенном им взгляде на мир не было места телепатам, долгожителям, предателям, да и вообще иной точке зрения.

Но неожиданно он остался один на один со своими взглядами. А рядом стояли такие же люди, как и он сам, с совершенно иными мыслями. Все их внимание сконцентрировалось в одной точке, на одном человеке, и игнорировать его не представлялось возможным.

Против него было трое выживших из их большой команды. А за спиной шестеро погибших ребят, чьи тела, словно обезличенные куклы, были отданы муравьям на переработку.

— Мы идем за роботами, — наконец решил Кирк. — А потом вернемся в Леополис. Надеюсь, наше решение окажется правильным. — Потом его взгляд опять задержался на

женщине. — Пожалуйста... не снимайте шлем. Вы меня раздражаете.

— Наручники хотя бы уберите, — тихо попросила она и вздрогнула, когда спустя мгновение его пальцы коснулись ее рук...

* * *

«Дом советника Димитрия встретил Ирраиля темнотой. Не привыкший к конспирации мастер нахмурился, переступая порог огромного особняка. Но с причудами богатых не спорят. Да и хозяин дома был не просто очередной богач, пожелавший невесть каких услуг. Он был другом. По крайней мере, Ирраиль так думал до последнего момента. Теперь же он сидел в кабинете пригласившего его человека и пытался справиться с раздражением.»

Димитрий расположился в кресле напротив Ирраиля, проигнорировав рабочий стол. Говорил он быстро и уверенно, давя на больные точки. Мастер же слушал его и чувствовал, как закипает от озвученной ереси.

— *Побойся Вселенной, Димитрий, — наконец не вытерпел он, — во что ты пытаешься меня втянуть? На дворе глубокая ночь. Я собрался наспех и ожидал чего угодно, но только не претендента на незаконные эксперименты!*

Димитрий оглянулся на плотно зашторенное окно кабинета, а потом наклонился к другу:

— *Я просто прошу как человека, — прошептал он Ирраилю, — сделай с ним хоть что-то, чтобы его геном больше не могли узнать или сравнить.*

— *Как человек человеку я тебе говорю откровенное и окончательное «нет», — мастер был зол и все же пытался сдерживать интонации, терпеливо объясняя. — Такие вещи не делаются второпях на ночь глядя, пойми. Тем более этому мальцу как минимум пять, модификация сожрет его память в ноль. А учить пятилетнего ребенка с нуля намного тяжелее, чем младенца. Скорость восприятия не та. Нет.*

— *Слушай... пусть так, — Димитрий вздохнул, — если его найдут, просто отправят в переработку, понимаешь? Только, потому что жив.*

— *Нет, не понимаю. Тебе какое дело, кто он вообще?*

Ирраиль хмурился, а Димитрий мялся.

— *Один из внуков императора, — наконец прошептал он, почти беззвучно. Но Ирраиль услышал и нахмурился еще сильнее.*

— *Один из? Смеешься? У императора лишь один внук... это все знают.*

— *Это официально... А неофициально у императора Сатоира только дочерей более десяти. Сыновей в два раза больше. И почти у каждого свои дети. — Он на миг умолк. — Я не прошу верить, ты просто посмотри...*

Ирраиль не поверил, но согласился взглянуть. Наверное, в душе он уже тогда был изобретателем... Потому что ребенок просто вскружил ему голову, не как человек... как материал, годный к использованию... >>

Палата была маленькой даже по меркам Ио. Хотя и одиночная, она все равно оставалась неудобной. Каталку нормально не подкатишь, да и капельница едва умещается между кроватью и каменной стеной. Именно поэтому старый мастер оставил свою инвалидную коляску в коридоре за дверью, а вместе с ней и Голиафа, и прилипшего к их компании «неуча». Молодой врач, как всегда, вещал о каких-то непонятных вещах и сыпал новыми терминами. Ирраиль отмахнулся и захлопнул перед его носом дверь палаты.

Окон здесь не было. Электрическая лампа круглой тарелкой прилипла к потолку.

Никакой мебели. Вместо кровати постамент, выдолбленный умниками прямо из камня, поверх него простой матрас, набитый прессованной шелухой. К постаменту были прикреплены ремни из суперпрочного материала. Последние фиксировали тело пациента, не давая тому шелохнуться. Правда, умники обхватили этими ремешками еще и руки. Польза от этого была мнимая. Старик Ирраиль уже наперед знал, что ремни этот ГМО разорвет без особых усилий. Более того, при желании использует их вместо оружия.

Рядом с кроватью на стене висел монитор, он же отображал большую часть жизненных показателей. Под ним пульт управления, такой же жидкокристаллический, но зато реагирующий на прикосновение.

Оценив мерно вздымающуюся грудную клетку пациента, раздающуюся до неестественных объемов, Ирраиль поджал губы и отвел взгляд к монитору. Пальцы запорхали над пультом, и на экране тут же развернулись результаты генетического анализа. Старику хватило беглого взгляда. Нырнув в глубь кода, он лишь усмехнулся. Вложенные в него способности оказались неожиданно знакомыми. Когда смотрел на него вчера, по видеозаписи, не чувствовал этого. А теперь, столкнувшись напрямую, все сразу понял. Узнал и манеру заживления тканей, и ее скорость... и даже скачки температуры на поверхности кожи, вызывающие точечные ожоги, а за ними такую же точечную регенерацию. ГМО Тарис Лаен оказался тем самым ребенком, которого он модифицировал когда-то по просьбе Дмитрия. Наплевав на этику, запреты и прочие вещи. Активировав его спящие возможности, перерисовав генетическую картину его родства с императорской семьей до полного неузнавания. Последнее, что той ночью сделал Ирраиль, — это извлек его чип с личным кодом. Они с Дмитрием решили поместить его в пустое тело... Вот только бюро расследований слишком быстро его нашло... А дальше случилось то, что случилось: конфискация имущества, запрет медицинской практики и досрочное прекращение лицензии. Два года в Эйпонской тюрьме. Потом Ирраиля просто отпустили, не оставив гроша за душой. Одно хорошо, он мог выбрать, где поселиться. И даже выбрал, а потом понял, что возобновить практику без покровителя невозможно. Запрет есть запрет, и не каждое должностное лицо закроет на него глаза по доброте душевной.

Пришлось искать... Или это его нашли? Сейчас, возвращаясь к тем событиям, он не мог вспомнить многого. Словно кто-то хорошенько покопался в его памяти и подчистил важное. Это обескураживало.

Один из датчиков запищал. Ирраиль нахмурился, изучая показатель, а потом чертыхнулся, поняв, в чем дело. Осторожно повернул голову в сторону модифицированного и вздрогнул, встретив его взгляд.

Повисло неудобное молчание, которое разбавляло лишь его шумное дыхание да тихий писк системы оповещения. Парень не шевелился и даже не моргал, давая в полной мере рассмотреть свои неестественно синие глаза. Ирраиль же забыл, как дышать. Это не глаза Вито, наивные и детские. Не пустые глаза чистых тел, зачатых в пробирке и до нужного момента не мыслящих вообще. Перед ним был осознающий себя человек. С морем эмоций внутри. Ужасная ирония, даже эти глаза он, мастер, когда-то изменял.

Тарис вздрогнул и на миг прикрыл веки, а Ирраиль наконец выдохнул, прогоняя нахлынувшие воспоминания.

— Как вы себя чувствуете, господин Лаен? — поинтересовался он.

— Скван, — настороженно прошептал Тарис, не отрывая взгляда и не шевелясь... — Это слегка смущает, господин...

Ирраиль же вздрогнул, впервые услышав его голос. А потом вспомнил, что сам изменил его связи, переписав их код. Вроде мелочь, но на генетическую картину влияет сильно, как и увеличенный на генном уровне объем легочной ткани. Он многое тогда видоизменил...

— Мастер Ирраиль, — подсказал старик, развернулся всем корпусом и подошел ближе. — Я сейчас просто спрошу, а ты ответишь, хорошо? Без нервов, слез и соплей. В идеале, да или нет. Понял?

— Да, — осторожно кивнул Тарис и шумно выдохнул, внимательно следя за движениями старика.

— Ноги чувствуешь? — сразу начал Ирраиль, склонившись и ощупав сквозь ткань тощие бедра, а за ними и икры.

— Да, — Тарис продолжал за ним наблюдать. А мастер продолжал думать над тем, что еще из изменений проявилось: длина пальцев, удвоенная печень, лишняя почка, утолщенные кровеносные сосуды, больше клапанов... Мелочь... люди живут с таким, даже не подозревая о своих мутациях.

— Стопами шевелить можешь? Боль есть?

— Да... нет, — односложно ответил Лаен, продемонстрировав то самое шевеление, и даже не поморщился.

Старик остался доволен.

— Прекрасно, но... на этом все. Вставать не рекомендую. Ни при каких обстоятельствах. Захочешь по-маленькому, либо в судно, либо топай на руках в туалет. Я найду позже.

Парень смутился, скользнув взглядом по сковывающим его тело и руки ремням. Ирраиль и сам почувствовал неловкость, нахмурился и повернулся к нему спиной, намереваясь выйти из палаты. И вздрогнул, когда на его запястье ощутимо сжались пальцы модифицированного, крепкие, словно стальные тиски. Резко тормознул и медленно повернул голову. Тарис продолжал лежать и держать его, неведомым образом вытащив из-под ремня руку.

— Расскажите мне... Мастер Ирраиль... то, что вспомнили, — тихо попросил он, опять встретившись с ним взглядом.

Старик покосился на собственное запястье, сжатое длинными пальцами модифицированного, а потом поднял глаза на парня.

— Нечего рассказывать, — тяжело вздохнул он и покачал головой. — Я просто мастер без лицензии. А ты просто ГМО, или уродец... Думай о себе так, как тебе удобно. И тебе лучше отпустить меня, если не хочешь проблем.

На лице парня заиграли желваки, глаза опасно заблестели, но пальцы он все же разжал. А потом вывернул собственную руку, скользнув ею назад, под перехвативший тело ремень...

— Говорят, мой ошейник барахлит... — сменил он тему, смотря на монитор, отображающий его физические показатели. — Вы что-то знаете об этом?

Ирраиль раздосадовано скривился и скользнул взглядом под потолок в поисках камеры. Но то ли ее не было, то ли она была хорошо спрятана — записывающих устройств он не заметил. В любом случае неудобно здесь разговаривать, как ни крути.

— Ошейник не может барахлить, — наконец ответил он, заводя руку за спину и хватаясь за ручку двери. — Все, что барахлит, находится в твоей голове, Тарис Лаен. Помни это. Ошейник — лишь считывающее устройство, превентивная мера, предохранитель от бури в твоём разуме. Один раз дашь себе волю, и возможности подумать еще раз не будет, —

сурово пояснил старик, изучая его лицо.

Сорвется, нет?

Лаен поджал губы, а потом повернул голову к стене.

— Извините... за вопросы, — раздосадовано выдал он.

Мастер лишь хмыкнул в ответ. Не сорвался, хороший ГМО... А в голос сказал совсем другое:

— Сегодня тебе вставать запрещаю. Ноги — это твой инструмент, отнесись к ним со всей ответственностью, — напутствовал он, а потом спокойно отворил дверь и с чувством выполненного долга захлопнул ее уже за спиной.

Голиаф продолжал стоять в коридоре, словно пес, охраняя его инвалидную коляску. Ирраиль нетвердой походкой проковылял к ней и с облегчением присел. Откинул голову на спинку, прикрыл глаза и сложил руки на коленях.

— Голиаф... — позвал он, не размыкая век, — если я когда-нибудь снова получу лицензию... и захочу преступить закон... Напомни мне об этом дне.

— Тяжелый разговор? — поинтересовался одноглазый питомец.

— Скорее неразрешимые ошибки, которые продолжают идти по пятам, — пожаловался старый мастер.

— Но... — пожал плечами Голиаф, толкая коляску с восседающим на ней хозяином вдоль коридора, — как это без ошибок? Без них жить скучно, вспоминать нечего... Вот вы сделали одну ошибку, зато смотрите, как расцвел Ио. И уважаемы вы здесь, только благодаря той ошибке...

Ирраиль тихо рассмеялся. Голиаф был неисправим. Впрочем, его точка зрения всегда веселила старого мастера.

* * *

Дверь за мастером Ирраилем закрылась тихо. Но шлейф эмоций был непередаваем, как и мысли, поселившиеся в голове, словно рой взбешенных ос. Сложно разобраться в каждой, найти начало и конец, взаимосвязь, контекст... отделить реальность от фантазии, осознанное от подсознательного. Разложить по полочкам и темам в хронологическом порядке. Даже при том, что мастер отказался говорить, он подумал о многом таком, что Тарис без нынешней встречи вряд ли узнал бы... и даже если бы узнал, не факт, что поверил бы. Уж слишком много лжи его окружало. И, бывало, отделить ее от правды, найти истинную форму произошедшего становилось абсолютно невозможно. Ведь человеку свойственно додумывать, а некоторые индивидуумы способны даже переписать собственные воспоминания незаметно даже для себя самих: добавив деталей и эмоций, утрировав то, на чем даже не стоило заострять внимание.

Но память мастера Ирраиля была чиста от примесей, логична и структурирована, словно база данных. Его оказалось очень легко читать. Тарис прокручивал старый диалог, вспомнившийся Ирраилю. Вертел его в голове раз за разом, смотрел с разных ракурсов на всплывшие картинки и образы. И с каждой минутой его все больше охватывала горечь. Это была истина для старика, от начала и до конца. Без примеси фантазий и эмоций. Просто факт, пересмотренный стариком не единожды за многие годы.

Истина, от которой просто горько, как на нее ни смотри... от которой сразу захотелось избавиться.

Вытащив из-под смехотворных ремней руки, Тарис завел их за голову. Взглядом впился в крашенный белый потолок. Можно было изучать его до посинения, зацкливаясь по

отдельности на каждой царапине или выемке. Даже соединить их и получить рисунок, который на что-то да будет похож или не напомнит ничего, кроме каракуль да загогулин... Вот так, наверно, и мастер работал с ним... Просто что-то сделал, ведь главное в тот момент было изменить генетический код до полной неузнаваемости... А для Ирраиля это оказалась сущая мелочь: слегка сместил рисунок сетчатки, пальцы удлинил, легочную ткань удвоил... Словно в магазин сходил да овощами отоварился, теми самыми, генно-модифицированными. Как будто и не человек у него в основе эксперимента, а тыква... Захотел и сделал. И теперь в его руках это только с виду тыква, а внутри свекла... Стоит захотеть, и вырастет новый ГМО-продукт на яблоне или украсит розовый куст. Это уже давно не работа над генами ради выживания. И это даже не творчество. Обычное проявление большого разума. Извращение.

И вот он, Тарис Лаен, впервые в жизни понял, как чувствует себя жертва чужого профессионального извращения.

Горло сдавило нервным спазмом. Ошейник мешал больше обычного, не столько впиваясь в кожу, сколько раздражая своим наличием. Правда ли то, что он мог его не носить? Правда ли, что его жизнь могла быть абсолютно иной? Или он мог уйти в переработку по чьему-то велению?

Прикрыв веки, Тарис раз за разом прокручивал в голове мысли старика. Пытался найти хоть какой-то намёк на обычную фантазию. Но нет, тот не предавался иллюзиям, он реально вспоминал. И это его проклятое воспоминание уж очень хорошо ложилось на то, что Тарису удавалось выхватить из чужих мыслей ранее: липовое личное дело, которое не факт, что было заведено в Кальтэное. Ошейник, который надет не тогда, когда положено, модификация в необычном возрасте... Постоянное слежение человека, назвавшего себя Райго... Будь сейчас Иссиа рядом, Лаен спросил бы о многом. И, наверно, даже не сумел бы сдержаться.

Но его рядом не было... Лишь узкая камера, удобная кровать да куча беспроводных датчиков, наклепленных на тело. Смехотворные ремни, хрупкие, словно швейные нитки. Тарис Лаен с радостью сорвал бы их вместе с датчиками. Но понимал, что стоит начать это делать, как его мнимое одиночество прекратится и станет достоянием общества незнакомых людей. А возможно, его снова посадят в камеру, за решетку с током. И хорошо, если не используют свое странное оружие, дробящее колени.

Потому Тарис лежал и относился со всей ответственностью к своим прооперированным ногам, как того и просил старый мастер Ирраиль.

Знал ли старик, что его мысли будут прочитаны, понял ли? Лаену на самом деле было безразлично. Как и то, за кого его принимают: за уродца или ГМО...

Правда была в том, что он продолжал себя осознавать таким, каков он есть, Тарисом Лаеном, а не психом с хаосом в голове... Он оставался человеком, в этом Тарис был уверен на все сто.

«Прохладное утреннее солнце медленно поднималось над крышами домов. Оно стелило дрожащие тени, подсвечивало туман, медленно очерчивало лучами ровную вытоптанную поверхность. Площадь была расположена в самом центре селения, не огражденная и не уложенная плиткой, без каких-либо опознавательных знаков, памятных скульптур и надписей. Словно кто-то взял и вырезал ровный квадрат, не пожалев ни садов, ни построек. Под ногами лишь голая вытоптанная земля. А вокруг деревья, да крыши домов виднеются из-за ограждений. В будни жители почти не пересекали площадь, всегда обходили ее по краю. И неважно, вели они скотину на выпас или гнали гусей к речке.

Сейчас же, ранним утром, лучи коснулись голов тренирующихся людей. Ребята, выстроенные в пять рядов, синхронно двигались в такт ритму, который их учитель привычно отстукивал тростью по сапогу.

— Хо! — многоголосый звук пронесся над их рядами, обозначая связку движений. Вместе с ним зашелся криком петух, взлетев на плотную ограду двора единственного в клане сапожника. Ему вторил другой, важно прохаживаясь вдоль дороги в окружении пестрых кур. Калитка была распахнута, а сам сапожник, выйдя со двора с длинной палицей наперевес, пытался согнать с черешни тройку шумных сорок. Птицы стрекотали, периодически перепрыгивая с ветки на ветку. Бросать спелое лакомство из-за вредного человека они не собирались. Очередной маневр старика закончился тем, что он приложил палицей сам себя.

Кто-то из ребят прыснул, Нана и сама была не прочь посмеяться, наблюдая за сапожником. Но, увы, палка была не только у него.

— Хо! — новая связка с поворотом. Ганн Вагнер, все так же отстукивал едва уловимый ритм по сапогу. Как дирижёр перед оркестром. А ребята, словно музыканты со своими хитрыми инструментами, двигались в такт. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего вздоха. Абсолютная синхронность двух десятков бойцов. Но стоило кому-то ошибиться, этой тростью прилетало по мягкому месту.

Ладонь Наны Вагнер привычно рассекла воздух, легкие сжались в выдохе. Поворот, наклон под четко выверенным градусом, удар ногой. Вдох... Смена позиции. Тот же прием противоположной рукой, наклон, удар ногой. Воображаемый противник упал еще от первого удара. А реальный, скорее всего, уклонится, может, еще сделает движение назад, поднырнет под ногой да ударит под колено. Или собьет подножкой, нарушив устойчивость.

— Разворот! — гаркнул Ганн Вагнер, ходя вдоль рядов тренирующихся ребят и продолжая размахивать палкой. Острым взглядом он выхватывал четкие движения ребят, выискивал ошибки, асинхронность. Но все были до неприличия идеальны.

Еще один уклон, мостик, удар в прыжке. А следом упражнение с ножом. Нана всегда относилась к тренировке как к танцу и иногда мысленно напевала мелодию или представляла скрипку. Порой в ее внутреннее равновесие врывался щебет птиц, а порой крик старика Ганна. Или, как сегодня, залиvistые петушиные крики.

Темп тренировок делался быстрее, а воздуха стало не хватать. Возле Ганна вырисовался глава клана, Фён Вагнер, в компании незнакомца. Тот был высокого роста, почти метр девяносто, русский... и до неприличия безобразный... В какой-то момент он натянул на голову капюшон, притороченный к легкой куртке, скрыв за ним свое уродство.

Но не это привлекало внимание. На плече мужчины весел непонятный удлиненный предмет, увенчанный тонкой трубкой. Другой, похожий, но явно поменьше, был у Фёна Вагнера в руках. Ганн присвистнул, поздоровался с наблюдателями, перекинулся с ними парой слов, а потом ткнул тростью в сторону учеников.

— Нана, Айша! В центр, остальные в круг, — велел он. Девушки переглянулись, тяжело дыша. Ребята расступились, замкнув их в кольцо, тем самым отгородив их от главы и незнакомца. Вот только вместо спарринга неожиданно начался блиц-опрос.

— Айша... сколько типов имперцев существует? — поинтересовался учитель Ганн, выходя в центр круга и вставая перед девушками. Нана уже наперед знала, что за этим вопросом последует. Двоюродная сестра, как всегда, отделается шуткой, основное внимание достанется ей, единственной дочери главы Фёна.

— Три... — односложно ответила девушка, ухмыляясь и загибая пальцы. — При смерти, мертвый и переработанный... — По площадке прокатился хохот. Ганн поморщился, гость хмыкнул. Глава промолчал, никак не отреагировав. Айша тем временем мило улыбнулась: — Я что-то не так сказала?

— Сказала правильно, но не ответила на мой вопрос, — отрезал учитель и взглянул на ее оппонентку. — Нана, отвечай:

— Норма, свободные и ГМО, — на одном дыхании вымолвила та, уловив на лице отца едва протелькнувшую улыбку.

— Что собой представляют свободные? — продолжил сыпать вопросами учитель Ганн. Заложив руки за спину, он медленно начал обходить девчонок по кругу.

— Потомство от ГМО, — выдохнула Нана, — в отличие от родителей, ошейников не носят, визуально не отличаются от нормы. В праве модифицироваться ограничены.

— А если хорошенько подумать? — гнул свое учитель. Остановившись перед девушкой, он скользнул взглядом по ее поджарой фигуре и улыбнулся. — Знаешь?

— Любое проявление пси-фактора выше нормы считается признаком модификации. Если человек без ошейника, он либо норма, либо свободный.

— Телепатическое внушение? — не унимался он.

Допрос же не прекращался, Ганн ждал ответа.

— Умение, выведенное во время экологических войн. С момента становления Сакской империи это запрещенная модификация. Обладатели преследуются законом. Официально для изоляции, неофициально уходят в переработку.

— А если ГМО потребуется помощь, что ты сделаешь? — поинтересовался незнакомец. Нана скользнула взглядом по отцу и, получив в ответ чуть заметный кивок, выдала стандартный ответ:

— Проигнорирую, — сказала она и покосилась на не менее озадаченную Айшу. — Мы не помогаем модифицированным.

— Хорошо, — одобрительно кивнул Ганн, — Айша, а если...

— К чему этот допрос, учитель Ганн?! — не дала договорить она. — Неужели решили правила поменять? Или у нас смотрины по части социальной нравственности?

Незнакомец тем временем наклонился к Фёну Вагнеру и что-то прошептал. Глава кивнул, а после они, все так же тихо переговариваясь, удалились.

Ганн же отреагировал на дерзость Айши хлестким ударом. Девушка едва успела уклониться от трости, а спустя пару секунд уже валялась на песке и отплевывалась.

Учитель развернулся к ней спиной и недовольно проворчал:

— Нана, Айша, в стойку. Учим новую комбинацию...

Он умотал их до посинения, до отказа легких и нитя мышц. И вот когда колени уже совсем подкашивались, опять вернулся незнакомец. Он тащил с собой табурет. Поставил его на краю площади и нагло уселся. Отец же, который следовал за ним с сумкой в руках, поманил к себе Ганна и передал ему в руки свою ношу.

— Учебные, Ганн, но от оригинала не отличить, — выдал он тогда странную, непонятную фразу...

То, что происходило дальше, было выше понимания. Ребят заставили сооружать мишени, а потом стрелять...»

Почему вспомнилась именно эта сцена из ее прошлого? Сколько ей тогда было, пятнадцать? Все, казалось, логично и просто. Веселое время, не обремененное заботами. А потом закрутилось. Бешеный адский год. И первые задания. Ребята уходили с уродливым незнакомцем и больше не возвращались. Отец говорил, так надо. Однажды ушла Айша. А когда вернулась — она захлеб рассказывала о странных жителях полисов, отожравшихся словно ленивые свиньи. Нане тогда впервые стало противно. А когда настал ее черед уйти, она поняла, в чем дело. Посвящение. Задание было запечатано в белоснежный конверт, служащий символом ценности миссии. Внутри был чип, который следовало носить при себе и снежно-белый лист бумаги с выведенным от руки заданием.

Той роковой ночью Нана Вагнер читала его несколько десятков раз и понимала: не сможет. Это выше ее сил.

Ей никто не помешал уйти, вот только уже тогда Нана знала, что не вернется. Ее путь лежал в Аллот. Чип она держала, как и советовали, приклеенным на руке. Идентификация далась ей без проблем, а после она отыскала свою цель... долго наблюдала за ней, а после ушла, так ничего и не сделав.

Изменилось ли сейчас хоть что-то в ее взглядах? Девушка не могла сказать. Ей казалось, она все та же трусиха, что была два года назад. Вот только теперь она была дважды беглая, дважды пойманная. Пару раз почти убитая... Глупые мысли разогнал лязг металлических решеток и шаги. Спустя мгновение у ее решетки остановились трое. Невысокая лысая женщина и двое мужчин с автоматами за плечами. Нана даже не шелохнулась, продолжая сидеть на своей койке, поджав босые ноги.

— Вагнер, на выход, — первой заговорила женщина. Один беглый взгляд на незнакомку сказал о многом: левый глаз ее был слепым, правый — явно искусственным. На левом виске, маячила красная диодная лампочка. Имейся у женщины волосы, ее было бы незаметно.

Лампочка говорила об импланте в голове. Но была ли она частью искусственного глаза, или чего-то иного — Нана не могла сказать.

Мужчины молча застыли по обе стороны от нее и сохраняли молчание. Решётка тем временем отъехала в сторону. Девушка молча слезла с койки, неуверенно касаясь босыми стопами холодного пола.

Стоило выйти из камеры, как один из незнакомцев подхватил её под локоть и подтолкнул вперед.

— Без сюрпризов, — посоветовал он.

Нана промолчала, лишь повернула голову и скользнула взглядом по рядам решеток, ища камеру, в которой находился Иссиа Райго, но, увы, ракурс был неудобен. Клетки не просматривались.

Спал ли Райго или затаил дыхание и вслушивался в происходящее — девушка не знала. Куда увели Тариса и что с ним сделали, тем более не могла знать. А потому, следуя за женщиной, поджатая с двух сторон вооруженными мужчинами, Нана не забывала все предельно точно изучать: считать количество шагов, людей, ответвления коридоров и черные точки камер под потолками, замаскированные вентиляционные люки, через которые можно пролезть, специфические звуки, двери. В голове медленно разворачивалась карта, в ней четко фиксировался каждый элемент, отмечалось затраченное время и каждый поворот, количество людей в том или ином коридоре или за открывающейся и закрывающейся дверью. И хоть вокруг не было отличительных знаков и ни одного названия не красовалось на дверях, Вагнер знала: если надо, она эту дорогу повторит. Единственное, что ее смущало, — это непередаваемая стерильная, слепящая белизна. Место не просто было белоснежным, если так вообще можно выразиться, говоря о помещении. Пол, стены, потолок, двери, наличники, ручки, решетки... все было словно обезличено этим цветом. Даже люди вокруг, и те все до единого были в белом. Лишь черные точки камер, словно мухи, выделялись на чистом фоне, привлекали внимание и раздражали.

Взгляд зацепился за старика в сером застиранном комбинезоне, которого вез в инвалидной коляске настоящий циклоп, словно сошедший с пожелтевших книжных страниц. Вот только у мифологического циклопа явно не было яркого синего комбинезона. Стоило встретиться с ним взглядом, как сердце неистово заколотилось. Был ли то ужас или полное неприятие странного создания, Нана не знала. Казалось, она провалилась в чужой взгляд, утонула в нем. И в тот же миг была атакована дичайшей мыслью о том, что все предрешиено судьбой. Словно в этом мире есть место только покорному фатализму. Она даже остановилась, засмотревшись на странную пару. Очередной толчок от сопровождающих привел в чувства, и девушка поторопилась обратиться с дороги ГМО и инвалида.

Когда двое мужчин стали по обе стороны очередной безликой двери, а женщина поманила за собой пальцем — Нана не знала, чего именно ждать. Но даже так она не была готова увидеть раздевалку. И опять все белое. Пол, выложенный плиткой, и потолок, непривычно глянцевоый. Ряды шкафчиков с рельефной гравировкой номеров и имен. Между рядами — лавки. Вдоль дальней стены зеркало, умывальники и сушилки. И еще одна полупрозрачная матовая дверь, около которой суетился мелкий робот-уборщик, вытирая лужу.

— Помойся, — велела женщина, нырнув в один из шкафчиков и выудив оттуда стопку вещей, увенчанных куском мыла. — И не трать время зря, отсюда не убежать. У тебя десять минут.

Нана лишь молча приняла от нее вещи и отрешенно прошла за полупрозрачную дверь. Кабины были без створок. Впрочем, душевая оказалась пустой, стесняться здесь было попросту некого.

Вода казалась скорее прохладной, чем ледяной. Керамические стены отражали ее силуэт словно зеркало. Мыло без отдушки ударило по обонянию резким натуральным запахом. Мыть таким волосы — чистое извращение. Но Нана все равно мыла, с неким отстранением отмечая, как в сток под ногами убегает грязная вода. Последний раз она принимала душ в больнице. Дни смазались. Теперь трудно было вспомнить, был ли то понедельник или вторник. Сколько времени прошло с тех пор? Всего ничего. Но казалось, как минимум неделя. Что слишком много. Закрыв глаза, она начала вспоминать, как очнулась над трупом преподавателя... Была среда, третий день шел отборочный экзамен на

военный факультет. Расписание сместили, выгнав студентов из привычных аудиторий. А поток желающих учиться не прекращался, словно они стянулись сюда со всей империи... И вот, казалось бы, просто учебная тревога, а в следующий миг Нана уже сидит на шее у ГМО. Вокруг кровь и стоны. Рвота. Вывернутый пол и выбитые окна. Полиция, задержание допрос, камера. И страшное обвинение в убийстве. Словно кто-то взял и перечеркнул два года ее новой жизни без оков клана... А после откровение Райго о телепатии. И вот миг — и она вместо камеры просыпается, лежа на раненом Тарисе. Бешеный поток времени, из которого, словно в насмешку, выныривает Айша. Поняла ли сестра, что ничего не получилось, Нана не знала. Да и плохо помнила то, что было после укола. Смешанность сознания, навязчивая идея спастись и убежать. Страх, что дежурная медсестра — тоже клановый человек... Или что Айша заметит ее возле дежурной и закончит начатое более радикальным способом. Сейчас же Нана Вагнер понимала, что действовала крайне опрометчиво. Да, она выжила. Но если бы ее не нашли в морге, она попросту замерзла бы. Не иначе как ангел-хранитель тем днем оберегал ее...

Второй день, четверг? Что было тогда? Нана помнила запах гари по этажам, и то, как их паковали в товарный вагон фуникулера. Тариса, взбешенного, с горячей кожей, прикованного к стулу, клетку, легко поддающуюся его напору. Райго, нетерпеливо озирающегося по сторонам, нервного и полного неприкрытого ожидания. А дальше что? Опять очнулась лежа на Лаене. А вокруг следы вывернутой земли да поваленные деревья, словно мелкий ураган прошелся. Долгие споры с ребятами о том, куда идти, и о том, что побег всегда тянет за собой последствия. Хорошо хоть, она знала, как ориентироваться в лесу, еще лучше, что Тарис умел поймать что-нибудь на ужин. А если бы не умел?

Бесцельные сутки в лесу, без какого-либо плана и промышленная свалка, на которой, как тогда казалось, можно затеряться. Не затерялись. Их просто ждали. Парни не признались, но ведь что-то они чувствовали. И о чем тогда только думали, нет бы повернуть да свалить... Или их восприятие формируется не так просто, пока внутрь ловушки не зайдешь, не поймешь?

Впрочем, о чем говорить, если даже она, обучаясь, почувствовала ловушку слишком поздно... И непонятно даже, что послужило решающим фактором: неопытность, усталость или непривычный темп? А может, все разом, да еще и сыграло свою роль наличие двух парней рядом?

Три бешеных дня, иной раз столько переломных событий не происходит даже за месяц. Словно рутинная потерялась в каком-то из нелепых углов, отдав бразды правления стремительному хаосу.

Тихое покашливание отвлекло. Дернувшись в испуге, Нана наткнулась взглядом на лысую, застывшую в дверях душевой. Похоже, время истекло. Десять минут прошли незаметно. Одеваться под чужим взглядом в чужую одежду оказалось крайне неприятным занятием. Но белоснежный комбинезон был чистым, а обувь на удивление удобной, хоть и великоватой.

Застегнув все замки и клепки, Нана растерянно посмотрела в зеркало на свое отражение. Мокрые волосы обрамляли усталое лицо, словно гнилые водоросли, пускали на ткань влажные пятна. У правого виска виднелась содранная кожа. Получилось случайно во время падения, когда Райго вытолкнул ее из-под сети. А вот справа на лбу была шишка. Это ее приложил один из нападавших. После того как подстрелили парней. Нана поджала губы. А ведь одного она даже успела вырубить... Получилось, все зря. Будь на месте лысой учитель

Ганн, он велел бы идти так. Но местные, похоже, были заинтересованы в опрятном виде пленницы.

Покосившись на замершую у противоположной стены женщину, Нана включила автоматическую сушилку и подставила под нее голову. Лысая хмуро взирала из своего угла, словно считала волосы ненужной привилегией. Нана же усиленно думала обо всем происходящем. Пытаясь охарактеризовать все, что уже увидела.

По пути сюда не было ни единого окна. Зато много вентиляционных шахт. Значит, все эти помещения под землей. А вот насколько глубоко — неизвестно. Может, это старые бункеры, или вообще подземный город? Говорят, под Леополисом около пятнадцати городов. Может, это один из них? С специальными помещениями для задержанных телепатов? Если бы она только не потеряла сознание... Она бы знала больше.

Стоило волосам подсохнуть, как лысая выдала очередную фразу: «Заканчивай». А потом они снова шли. Поднимались по ступеням, перебирались по мостам через бездонную пропасть, и даже ехали на старом обветшавшем подъёмнике. Покуда перед ними не показались плотные герметичные двери. А за ними еще одно помещение, теперь уже с круглым люком два метра в диаметре. В помещении было полно комбинезонов и шлемов, тяжелой обуви и металлических экзо-скелетов. Мужчины и женщина облачились в них в мгновение ока. Каждый переобулся в тяжелые сапоги и надел на голову шлем, полностью скрывающий лицо. Под конец были перчатки с кнопочными панелями на удлиненных манжетах. Только тогда женщина подошла к панели кодового замка и набрала комбинацию... Люк медленно отворился, впуская внутрь свежий лесной воздух и солнечный свет.

— Внимание, повышение уровня радиации, — раздался обезличенный голос из громкоговорителя, — на... тридцать... четыре... процента. Внимание, повышение уровня радиации на...

Словно вторя компьютерной программе у всех троих запищали комбинезоны. Все, как по команде, хлопнули себя по левому плечу, отчего сигналы стихли.

Нана сглотнула, растеряно осматриваясь. Ей шлема или комбинезона никто не предлагал. Более того, ее просто подтолкнули в спину к люку.

— Вперед, — пробубнил сквозь шлем мужчина. Голос у него был приглушенный радиосвязью. Нервно поведя плечом, Вагнер скользнула на улицу и от удивления остановилась. Они находились на глубине лесного яра. Стволы деревьев здесь были поистине исполинские. Но не это привлекло ее внимание. Напротив люка стоял человек. Мужчина застыл к ней вполоборота, с заведенными за спину руками. Он не был экипирован, как эта троица, наоборот, на нем как влитой сидел самый обычный классический костюм-тройка, а к нему добавился еще и галстук, и туфли, неудобные для продвижения по лесу. Лицо незнакомца было скрыто. Перед ним, словно пелена, распростерлась голографическая маска. Она смазывала черты пикселями, делала их неузнаваемыми... Но...

Как-то так он стоял, что можно было видеть часть шеи, даже кусок скулы. Кожа там была обожженная. Нана не могла спутать это ни с чем иным. И теперь, визуально оценивая его вес, рост и приблизительную силу, думало о том, что, похоже, уже видела его раньше и не раз.

Повернув голову в их сторону, он чуть заметно кивнул, и троица рассредоточилась вокруг. Отойдя на приличное расстояние, чтобы не слышать разговора, но при этом хорошо просматривая их пару, чтобы вовремя среагировать.

Он продолжал молчать и делать вид, что все идет, как задумано. Наверное, в этом был некий смысл, притащить ее сюда под звуки предупреждения о радиации. И хоть Нана его не улавливала, все равно молчала, не решаясь заговорить первой.

Что ему надо, этот человек все равно скажет. А пока молчит, можно запомнить местность и хотя бы оценить глубину яра. И ведь место какое хорошее: по дну не побежишь, сучьями завалено, да и земля слишком вязкая. И наверх не заберешься, поймают быстрее или применят свои автоматы. Хотя... у Тариса, наверное, был бы шанс.

— Сила Кальтэноя неподражаема, — начал мужчина. — Даже не подумал бы, что все вокруг полностью реконструировано из уничтоженных семян.

— Где мы? — Нана спросила прежде, чем успела подумать. Но, к ее удивлению, мужчина ответил без промедления.

— Недалеко от Леополиса, — пояснил он. — Немного севернее Дикого.

— Дикого? — непонимающе переспросила Нана. Мужчина наконец повернулся к ней лицом. Но положения рук не изменил.

— Вы... модифицированные уродцы, называете это промышленными помойками... — пояснил он, приближаясь.

— Прекращайте обзывать, — прошептала Нана, чувствуя, как начинает все больше нервничать. — Вы ведь такой же гомо сапиенс, как и я...

— Увы, — он остановился в двух шагах от нее. Его тень упала ей на колени, солнце продолжало светить в глаза. Смотреть на него с такой позиции, да и еще сквозь голографическую маску было неудобно.

— Говорите, что вам надо... — сглотнув, попросила Нана, шурясь, — или возвращайте меня в камеру.

Он вздохнул, а потом медленно поднял руку к шее. Пальцы скрылись за голографической преградой, а через миг она свернулась, выставив на обозрение знакомое, частично изуродованное ожогом лицо.

Паук плетет сеть, чтобы поймать добычу.

Человек плетет интриги с той же целью.

Наверное, мир слишком тесен.

Как только мужчина снял маску, все встало на свои места: и автоматы, и обычные люди, и убийства в Леополисе. И даже невозможный белый цвет стен нашел свое место в этой головоломке.

Маркус Биби, собственной персоной. Нана узнала бы его лицо из сотен тысяч в одно мгновение. Вот и сейчас девушка даже не усомнилась в том, что за человек перед ней.

Маркус усмехнулся и сделал еще один шаг, даже чуть наклонился, словно пригласил рассмотреть свое уродство и удостовериться: нос, часть левой щеки, глаз и даже уголок рта были изуродованы старым ожогом, — он собственной персоной. Левая бровь все так же отсутствовала. Ожог заходил за линию роста волос, словно пятно краски или нелепая наклепка на здоровое лицо.

— Не нравится? — поинтересовался Биби и улыбнулся. — Выражение вашего лица, госпожа Вагнер, неожиданно сосредоточенное.

— Думаю, с какой стороны врезать, — с напускным спокойствием ответила Нана. — Но, куда ни глянь, сплошное паскудство.

Будь здесь дядя Ганн, он за такой ответ прошёлся бы по ней тростью. Но его не было, а Маркус лишь привычно хмыкнул и тихо заговорил, не отводя от неё пристального взгляда:

— Я мог бы сказать, что вас испортили имперцы. Но, увы, дорогая моя, они не отличаются столь витиеватой иронией... — Он обошел ее по кругу, внимательно рассматривая. Отмечая то, что обычному жителю империи не пришло бы в голову. Девчонка, похоже, последние два года не тренировалась. Пропала сухость тела, присущая выходцам из ее клана. Чем же она занималась все это время? Впрочем, этот вопрос мог подождать, как и многие другие. — Не ожидал увидеть вас по другую сторону баррикад. Но, видимо, так судьбой решено, что каждой семье положено иметь по паршивой овце.

Девушка промолчала, проигнорировав выпад.

— Даже не обидитесь? — поинтересовался Биби, остановившись и опять заглянув в ее зеленые глаза.

— На правду не обижаются, — честно ответила Нана. — Я лучше буду паршивой овцой в отаре паршивых овец... Но хотя бы при своем мнении. Главное, чтобы пастух устраивал...

Теперь промолчал Маркус. Нана всегда отличалась удивительными сравнениями. Вот и сейчас она не изменила себе. Подняв голову, он начал разглядывать просвет неба между чёрными колышущимися росчерками ветвей и пятнами листьев. Он долго не возобновлял беседу, а Нана молчала в ответ, не смея нарушить тишину. Ненужные темы продолжали вертеться на языке Биби, отодвигая главный вопрос этой встречи все дальше.

— Так какова разница между свободным и нормой, теперь сможете сказать? — поинтересовался он. — Помнится, при нашей первой встрече вы плохо ориентировались в этой теме.

Девушка нахмурилась.

Наверно, то утро было переломным, узловым для целого вороха событий. Иначе почему

оно запомнилось не только ей, но и ему, Маркусу Биби?

А ведь тогда Нана была уверена, что она натуральный гомо сапиенс. Носитель истинного генома. Она верила в это еще сутки назад. Пока Райго не сказал Лаену ту фразу: гомо сапиенса давно нет, как и классического генома. Нана подслушала, фыркнула, посмеялась и... немного смутилась. Но вот вокруг нее тройка ребят с автоматами, которые живут под землей за бункерной дверью и опасаются радиации. Эти трое не норма, принятая Кальтэном как эталон гомо сапиенса. Эти трое и есть представители тех настоящих гомо, населяющих планету до Перелома, создавших с природой то, что привело их на путь вымирания...

Конечно, всегда можно усомниться и решить, что все вокруг лишь грамотная постановка. Но смысл? Нет гомо, нет бункера, нет странных речей Биби. Есть только актерское мастерство, удачно включенный проигрыватель с предупреждением о радиации и прекрасно задекорированная комната под склад защитных костюмов. Но зачем для какой-то Наны, сбившейся с пути «истинного» заблудшей дочери главы клана Вагнер, устраивать такую постановку?

Абсолютная бессмыслица.

Маркус опустил голову и теперь внимательно смотрел на нее, не подгоняя и тем не менее ожидая ответа. Слова вертелись на языке Наны. Но они были другие. Не те, которые говорили в империи или в клане. Среди множества догадок, подозрений, неверий, страхов и надежд, не имевших никакого отношения к вопросу, родилось нечто иное. Это говорило только о том, что теперь Нана не плавала в вопросе... Она просто понимала ответ, ей не надо было над ним думать, чтобы выдать.

— Свободные — это новый облик человека, — наконец тихо ответила она, поймав его взгляд и думая о том, что глаза у Биби чисто синие... как кобальтовая краска, нет, не краска, они такие, как у Тариса Лаена... — В то время как норма — это не гомо сапиенс, это все та же модификация. Необходимый минимум для выживания в агрессивной среде современной природы.

Ответ был правилен. Нана знала это, чувствовала. Но почему-то каждое слово отдавало на языке горечью и камнем оседало в сердце. Кто она сама, норма... Или свободная? Почему её клан с самого начала учил лжи. Почему ее родные ненавидят ГМО? Сплошные, бесконечные «почему»...

Маркус кивнул и снова поднял взгляд на небо. Вот теперь и его профиль начал напоминать Лаена.

Нана невольно сглотнула, понимая, что начинает слишком часто о нем думать и попросту переживать. Маркус Биби ненавидел модифицированных, ГМО, империю и все, что с ней связано. То, что он поймал Тариса, наводило на мысль, что парень зачем-то ему нужен. Однако, если цель такая же, как и пару дней назад. Очередное убийство на очередном экзамене, форуме, симпозиуме со свободным входом для всех, то участь Тариса незавидна. И это отчего-то очень страшило не меньше, чем и сама скороспелая привязанность к странному парню.

— Я, наверное, соглашусь с таким ответом, — вымолвил Маркус, продолжая их неспешный высокоинтеллектуальный разговор. О чем он думал сейчас, было непонятно. Может, о том, что говорил, а может, как и Нана, о своих проблемах и планах.

— Кстати, вы заметили, что здесь нет птиц? — снова спросил он. Девушка озадаченно моргнула, осматриваясь. Маркус же продолжил: — Есть несколько причин, и все упрутся

в Кальтэной. Честно говоря, слишком много всего с ним связано, — он поднял руку и начал загибать пальцы. — Новый облик человека, новый облик природы, продукты питания, отсутствие болезней любой природы. Будь то бактерия, вирус или генетическая мутация, хромосомная поломка. Облик имперского жителя загнан в рамки. Все могут есть то, что и остальные. Нет такого, что один умирает от непереносимости белка, второй от фруктозы, а третий от недоразвитого сердца... Люди перестали бояться сахара и укусов змей...

— Зачем бояться змей, если в живой природе их не осталось? — тихо прошептала Нана... Маркус усмехнулся.

— Как и птиц... Нана, а вы знали, что, если уничтожить Кальтэной, вся империя рассыплется, как картонный домик. И тогда человек, как и задумано было природой, начнет выживать, а не жить. И выживут только те, кто норма или свободные, или ГМО... Остальные так и будут существовать в скафандрах, пока не вымрут или не смешают свой геном с модифицированными, и то не факт, что потомство их выживет. Селекция человека происходит каждый день, они модифицируют модифицированных, их детей, внуков, правнуков... В то время как под землей остаются тысячи людей, не имеющих даже шанса выйти на поверхность.

Нана скривилась, размышляя над сказанным.

— Какова тогда ваша цель? Если вы уничтожите генетический центр империи, то просто ввергнете империю в хаос, но ничего не дадите тем тысячам, что под землей. Вам ведь это не нужно...

Её слова потонули в птичьей песне. Только теперь стало ясно, насколько безмолвен лес. Настолько, что собственное дыхание стало подобно набату, колоколу, бьющему тревогу. Маркус вытащил из кармана странный прямоугольный прибор, из которого лилась трель, и провел по нему пальцами. Звук исчез.

Мужчина снова взглянул на Вагнер, чуть щуря синие глаза:

— У вас будет час, Нана, подготовиться. — В голосе зазвенели стальные нотки. Он, не глядя спрятал странный поющий предмет во внутренний карман пиджака и кинул взгляд на женщину, стоящую в отдалении. Кивнул.

— К чему?

— К обеду, — он вновь ответил без промедления. — Будем есть под звуки чудесной увертюры «Виват империя»... Если правильно ответите на вопрос, ваши друзья пострадают меньше, чем планировалось. А если ответите неправильно... — он сделал паузу и жестко улыбнулся, — я подумаю над тем, стоит ли вообще продолжать наше общение с вашей чудесной троицей.

— Это шантаж?

— Скорее приглашение ко взаимовыгодному сотрудничеству, — без тени издевательства ответил он. — Время пошло.

Нана скривилась. Его люди вернулись. Вновь обступили её, чтобы куда-то повести. На обед? Чтобы принимать пищу или слушать ненужные чтения морали, посвящение в омерзительные цели?

— Вы отвратительны...

— Как и весь мир вокруг, — прошептал он. — Надеюсь, через час вы будете более рассудительны, Нана, — кинул он ей напоследок, а потом размашистым шагом зашел внутрь помещения.

Женщина подтолкнула Нану следом. Девушка недовольно дернулась, но выбора не

было, пришлось идти. Похоже, что проблемы только начинаются. Впереди её ждала ещё большая игра, нужная всем, кроме неё самой. Маркус вынудит действовать так, как он того хочет, Нана была уверена в этом.

Спустя пятнадцать минут Нана Вагнер была предоставлена сама себе. Помещение оказалось разделенным на две комнаты, с санузлом, мощной системой вентиляции и даже кое-какой мебелировкой. И все в том же диком белом цвете. И ни одного окна, даже липового.

На единственном столе лежал белый конверт, а внутри лист бумаги со знакомым текстом, написанным знакомым подчерком. Хватило беглого взгляда, чтобы его вспомнить.

Закрывшись в ванной, девушка растерянно взглянула на собственное отражение в узком зеркале. На лице застыло отрешенное выражение. Перенапряженные мускулы болели, искажая лицо, делая черты более тяжелыми и нервными.

Нана не питала надежд. Какой бы ответ она ни дала Маркусу, результат для парней все равно будет один и тот же: их не отпустят. Этот человек слишком сильно ненавидит модифицированных, чтобы играть с ними.

Схватившись за голову, она с силой сжала ее, пытаясь не впасть в отчаяние и истерику. Надо что-то делать. Обязательно, и чем быстрее, тем лучше...

* * *

Экскурсия по подземному городу была увлекательной. Вито побывал со своей новой и самой первой подругой у сортировальной станции, куда роботы свозили мусор со всего города, у водоочистительной станции, прошвырнулись возле квартала развлечений, прошли по подземному парку, раскинувшему свои чудные клумбы под куполом из фитолампам. Каждый сантиметр растительного уголка был залит плотным розовым светом, из-за чего начинали болеть глаза. Милки Вэй, а звали девушку именно так, бросила в стальной ящик при входе несколько монет, и машина тут же выплюнула пару очков.

— Надевай, вот так, — продемонстрировала девушка, нахлобучивая конструкцию из металлического ободка и двух округлых стекол на свой нос. Вито последовал ее примеру и тут же удивленно взглянул на синее небо, раскинувшееся над головой, на деревья, приобретшие свой истинный цвет.

— Это виртуальная реальность? — любопытствовал он, оглядываясь. Сквозь очки были видны птицы и насекомые. Но, если скосить глаза в щели меж стекол, все вокруг оставалось розовым и мертвым.

— Растения живые, а все остальное виртуальная реальность. Людям с поверхности неудобно, ну а у нас никогда не спрашивали. Как по мне, это прикольно, — честно ответила Милки.

— Почему?

— Ну как почему? — передразнила его девушка, а потом спохватилась, вспомнила, что Вито попросту не понимает этого. Сколь бы ни был искусен мастер Ирраиль, он не сможет продумать и предусмотреть абсолютно все. — Не бери в голову. Просто местные привыкли к такому порядку вещей. Нас устраивает.

— Очки вместо неба? — удивился он. В его искусственной памяти небо было прекрасным, необычайно нежным, глубоким, бесконечно-голубым. Сквозь ветви деревьев виднелись комковатые облака, словно скатанные из хлопка шарики. А солнечный свет прорывался сквозь плотные кроны мощных деревьев тончайшими лучами, золотя траву под ними и подсвечивая мельчайшую пыль. Ветер шелестел листьями и травами, словно то были

струны. Музыка, творимая природой, была непередаваемой, идеальной... беспрерывной.

— В старых книгах можно найти упоминание о розовых очках, — поделилась она и искренне улыбнулась. — Они писали, что тот, кто видит мир в розовом свете, — мечтатель. А у нас наоборот, очки от розового света. Мы смотрим на них и мечтаем, окунаемся в иной мир, словно в забвение, и платим за это деньги, как за развлечение. Забавно, не находишь? И ведь мечтателями нас не назовешь. Скорее мы смотрим на это искусственное голографическое небо как на наказание за ошибки, совершенные предками.

Вито молчал. Он смотрел на девушку, назвавшую себя Милки Вэй. Сравнивал ее имя с Млечным путем на небе и думал, что у того, кто ее назвал, было паршивое чувство юмора.

Какой из Милки путь? Она ведь человек, а не дорога, и не звёздное скопление, не бездонная пропасть Вселенной. Милки была просто улыбчивой девушкой с двумя руками и двумя ногами. Парой ушей и глаз, со всеми зубами, волосами без залысин... с абсолютно женской фигурой, как в книге писано.

И вот вопрос... его это мысли, или опять вложенные мастером Ирраилем?

— Давай покажу тебе плантации, там вход свободный, — тем временем продолжала Милки. — И можно овощей да мяса прямо с грядки прикупить...

— Мяса с грядки? — переспросил Вито, представляя себе огромные коровьи ноги, растущие как гроздья мелких томатов.

Девушка подмигнула, ухватила Вито за руку и потянула за собой.

— Идём, сам увидишь. А потом уж прокомментируешь да расскажешь, как это, по мнению мастера, называется.

Вито вспыхнул, устыдившись её слов. Ей-то легко говорить, каждая её мысль собственная. У него же личного опыта только пара часов. И сколько бы при этом книг он ни помнил... Ни одной из них он на самом деле не читал.

* * *

Тарис Лаен лежал, заложив руки за голову, когда его одиночество опять было нарушено. Человек, вошедший в палату, был снабжен все тем же непонятным оружием, плюющим дротиками да электричеством.

— Не двигаться, — велел он, направляя на Тариса «ствол».

Лаен покосился на него, не меняя позы, оценил «дуло», палец на «спусковом крючке», в голове его пронесся десяток мыслей, начиная от «утреннего поноса» до «уродца вместо обеда». Чужой внутренний монолог пестрел эпитетами и аллегориями на тему причинных мест, что слегка обескураживало не привыкшего к «крепким выражениям» детдомовца. Одно было ясно: человек в белом крайне раздражен. И хоть Тарис уже прикинул, как сойти с траектории полёта дротика, и рассчитал скорость этого уклонения, он решил послушаться вооружённого незнакомца. Колени у него одни. Да и мастер Ирраиль был крайне убедителен, говоря о бережном отношении к ним хотя бы сегодня. Завтра сутки кончатся, тогда можно будет и показывать финты.

За спиной вооруженного бандита появился новый человек. Он был на полголовы выше. Явно одного роста с Тарисом. Лицо же его скрывала голографическая маска. Это очень смутило Лаена, и он даже на миг отвлекся, рассматривая его.

Незнакомец, который в мыслях вооруженного парня четко обозначился словом «босс», «мутант» и «Маркус Биби», тем временем начал командовать:

— Отставить, — велел он, отодвигая своего «бойца». — Выйди. Никого не впускай.

Тот недовольно скривился, подумал о разном в картинках, уже без эпитетов, но

перечить не стал. Сделал, как сказали. Тарис же с интересом посмотрел на мужчину, с которым остался наедине: в отличие от предыдущего бойца, его окружала полная тишина. Ни одной мысли. Наверное, опять какой-то глушитель.

Новый посетитель застыл у двери, не сделав ни одного шага ближе. Словно все еще находился в размышлениях или нерешительности. А может, просто искал подходящие слова. Лаен в свою очередь просто ждал и рассматривал его. Думал над тем, насколько тот важен в местной иерархии. И сколько «боссов» находится над ним. Решил, что человек стоит выше многих, но не всех. Потому что на нем костюм-троечка, в руках нет странного оружия, слово же его имело вес, достаточный для управления вооруженными бойцами. Но вряд ли это просто местный царек. Скрытое технологичной маской лицо наталкивало на мысль о не последнем человеке в империи, возможно, он при хорошей правительственной должности. Не верилось Тарису, что такое можно повернуть без высших чинов государства. Последним аргументом в теорию заговора лёг запах, окруживший незнакомца. От него несло лесом, словно он своими каучуковыми подошвами топтал пахучие еловые шишки. Причем совсем недавно.

Это настолько ярко выделяло его на фоне всего прочего, что стало эталоном для сравнения. На стороне босса Маркуса Биби лес. А в противовес ему — палата без окон, выдолбленная в массиве породы. Нагнетаемый очищенный сухой воздух, пропитанный людскими запахами и вонью машинного масла. Эта палата не на поверхности, она под землёй. И пусть взорвётся Вселенная, если он, Тарис Лаен, неправ. Самое интересное то, что они так и не убрались далеко от Леополиса.

Человек коснулся рукой шеи, скрытой голографическим экраном. Пальцы в один миг расплылись квадратами. Сначала ничего не происходило. А потом плоское изображение словно облепило чужое лицо, создавая ему внешность. Последняя ничего Тарису не говорила. Обычное лицо, близкое к понятию утвержденного эталона красоты. Среднестатистические русые волосы, недавно остриженные. Только вот глаза синие, и такого оттенка, который Тарис обычно наблюдал в зеркале, в своем отражении. На миг мелькнула мысль, что у них одинаковая модификация, а может, и вообще весь код. Но мысль сразу разбилась о свежие воспоминания мастера Ирраиля. Тарис невольно нахмурился. Если он и был когда-либо похож на этого человека, то в далеком прошлом. Сравнивай их хоть тысячу раз, они уже не будут одинаковы.

— Меня зовут Маркус, — наконец представился он, не двигаясь с места и подтверждая мысль ушедшего бойца. — Я не каждому называю свое имя.

Тарис напрягся. Начал этот Маркус Биби так, словно ему что-то надо. Впрочем, они лечили его колени, может, действительно что-то надо. Но ведь можно было по-человечески как-то подойти. А не калечить, потом лечить...

Воздух в палате начал тяжелеть: сквозь хвою пробилось напряжение. Похоже, хождение по шишкам имело определенную цель. Обмануть обоняние. Эта мысль раздосадовала до такой степени, что даже голос задребезжал больше, чем обычно:

— И что тебе нужно... Маркус, который не каждому называет свое имя? — Тарис нарочито медленно сел в кровати. Тонкое одеяло сползло на пол. Ремень, сковывавший его талию, лопнул и разлетелся в стороны. Лаен же, словно ничего удивительного не произошло, развернулся к Биби всем корпусом и свесил босые ноги с кровати.

Маркус помрачнел, рассматривая непринуждённую позу пленника и болтающиеся ремни. А ведь мастер Ирраиль ворчал о бредовости ремней. Отметил знакомый цвет глаз,

отцовские уши... глубокие тени под глазами. Полупрозрачная больничная рубашка почти не прикрывала тонкого костлявого тела. Розоватые пятна молодой кожи, облепившие его тело, от ушей до кончиков пальцев рук и ног. Повязки с колен уже были сняты, а на теле красовались свежие ярко-розовые рубцы.

Тарис лишь вскинул бровь под его пристальным взглядом.

— Можешь создавать огонь на коже? — наконец поинтересовался Маркус, подходя ближе. Вопрос стал неожиданным. Лаен задумчиво уперся руками в кровать и вскинул подбородок, смотря на местного царька снизу вверх.

— Нет, — категорично ответил он. Он понимал, чего хочет этот Маркус. Но в здравом уме Тарис никогда не поджег бы себе ни руку, ни палец, ни даже сантиметр кожи. Хотя да, поджечь себя он мог, как и сгореть, как и регенерировать после.

Маркус некоторое время смотрел на него, а потом неожиданно склонился и прошептал:

— Когда врешь, левый глаз у тебя дергается... вот и сейчас дергается, значит, врешь.

— В моем личном деле даже такое есть? — не отводя взгляда, поинтересовался Лаен.

Маркус Биби выпрямился и задумчиво осмотрел палату, потер подбородок. В который раз застыл, усиленно размышляя. Лаен же помрачнел, ожидая ответа и пытаясь понять, что происходит? Слишком много неожиданностей за последнее время. Райго, который как-то связан с ним, потом Ирраиль и вот теперь нечитабельный Маркус. И все трое знают о нем что-то такое, о чем он даже не догадывался.

— В твоём личном деле есть многое, уродец, — прошептал Маркус. Тарис Лаен же понимал, что этот человек попросту врет. Потому что свою папку в пять листов он знал наизусть. Пусть незнакомцу известно многое, но работы через ложь не выйдет... никакой.

— Я не буду сотрудничать ни при каких условиях.

— Прострелю колени твоей подружке, — перебил Маркус, склоняясь к нему, ничуть не боясь ни удара, ни чего-либо еще. — Как думаешь, она будет терпеть или кричать? А сколько ее мыслей уйдет в пространство? Стерпишь ее боль так же, как боль Иссиа на крыше того обваленного дома?

Тарис усилием воли унял дрожь в руках. Произошедшее на промышленной свалке казалось кошмаром, жутким дополнением к мучившим его снам.

— Вы этого не сделаете...

— Я могу сделать многое, Тарис Лаен, — процедил Маркус ему в лицо, — и от тебя зависит, будет это нечто хорошее или до дикости страшное.

* * *

Тарис Лаен так и не дал ответа. Его шок от озвученных перспектив был столь выразителен, что Маркус попросту разозлился. Он не любил недопонимания и непослушания от подконтрольных ему людей. А здесь он и сам не совсем понимал, как говорить. Проще было ГМО устранить, как обычно с ними и делали. Без разбирательств, знакомств и вникания в их личностные качества. Маркус и помыслить не мог, что когда-либо будет искать общения с кем-то из них. Для него чрезмерные модификации ставили уродцев в один ряд с мусором, паразитами, от которых следует избавиться. Он не понимал, почему существует целый пласт населения, который не может даже вздохнуть без фильтра, и при этом существует множество существ, мнящих себя людьми, интеллектуалами, а на самом деле ничем от бионических роботов не отличающихся. Многие их возможности для настоящего человека немыслимы. Тарис Лаен был квинтэссенцией мысли, результатом работы больного генетического гения. Хуже то, что, похоже, его вырастили из Теодора...

Как растение, селекционный эксперимент, единственный экземпляр...

Сам факт того, что данное существо когда-то было его братом, вводил Маркуса в ступор. Он не знал, что делать с Тарисом. С одной стороны, надеялся, что это реально его брат. Достаточно было увидеть, как дергается его левое веко, когда тот лжет. Но, с другой стороны, это был совсем другой человек, с отличным от Теодора генетическим кодом. Он был модифицированным больше чем на пятьдесят процентов. То есть нечеловеком. Можно ли такое создание все еще считать собственным братом или проще, как и всех их, убить, чтобы он не осквернял пространство своим присутствием?

Черные мысли поглощали его разум сантиметр за сантиметром. Маркус не видел, как неся по коридору, даже не сняв с лица былую внешность.

Он не заметил и Дэйлу, которая ждала его на повороте.

— Чего ты добиваешься? — нагоняя его, поинтересовалась она. — Сначала велел привезти его сюда, потом подлечить, теперь пугаешь расправой над девчонкой. Я уже молчу о том, что девчонку ты тоже страшал расправами над этим парнем.

— Над двумя, — чисто механически поправил ее Биби, не сбавляя скорости. Женщина поспешила следом.

— Только не говори, что третьему ты тоже что-то скажешь. Маркус, успокойся, прошу. Объясни хотя бы...

— Слушай... — Мужчина резко остановился, — тебе прослушки не хватает в его палате? Может, тебе место под диктофон выделить в моем пиджаке?

— Не злись, я просто не понимаю твоих мотивов, — она нежно коснулась ладонью его руки.

— Поругать их надо, пока есть возможность, — прошептал Маркус. — Вагнер, ее стоит вернуть в клан. Фён многое сделает за такой подарочек. Телепат нам нужен будет для дела, сотрудничество должно быть стопроцентное...

Дэйла нахмурилась, обдумывая услышанное.

— А ГМО?

Биби помрачнел еще больше.

— Ждем результат генетического анализа. Если он действительно мой брат, буду думать...

— А если нет?

Маркус поднял на нее тяжелый взгляд и скривился.

— А ты как думаешь?

Женщина поежилась от его тона, застыла. Маркус же двинулся дальше по коридору и скрылся за поворотом. Наверное, не стоило затевать сейчас этот разговор. Но наблюдать за тем, как он сам себя пожирает, было невыносимо.

Подумав, Дэйла двинулась следом за Биби. Она собиралась услышать, о чем он будет говорить с Райго Иссиа. И отчего-то ее сознанием все больше завладевала мысль о том, что разговор этот ей не понравится.

Новый знакомый, Варф Ломэ, которого Ирраиль прозвал Неучем, развернул старика у самого подъемника. Как оказалось, у господина Биби появилось очередное странное желание. Прихоть, которую этот безумец хорошо оплачивал. Увы, Голиафа пришлось оставить в одиночестве. Ирраиль не противился такому положению дел и без препирательств позволил Неучу толкать свою коляску, а заодно вполуха слушал его умозаключения о предстоящей работе.

— Господин Биби желает полный генетический анализ, — вещал Варф. — Он хочет видеть перечень всех проведенных генных модификаций, отдельно список унаследованных мутаций. Если это клон, то господин Биби хочет знать полную генетическую картину родителя. По идее, все то же самое, что и с Тарисом Лаеном.

— Для этого мне нужен только образец его тканей, зачем мне его осматривать? — удивился Ирраиль.

— Желание господина Биби, — пожал плечами Неуч, толкая коляску мастера. Ирраиль задумался, невольно отмечая каждого вооруженного человека, прошедшего мимо.

Работа была непыльной и несложной, если не брать во внимание тот факт, что объект исследования владеет телепатическими способностями и содержится не в больничной палате, а в камере под охраной. К тому же напрягали вездесущие вооруженные люди. Это нервировало старика.

Неуч Ломэ больше ничего не говорил и молча вез мастера к тюремному блоку. А Ирраиль в свою очередь все больше хмурился, раз за разом прокручивая в голове сложившуюся ситуацию. Ему не нравилось то дело, в которое он влез. Свою роль сыграло предложение Димитрия и возможность возобновить официальную практику. Увы, ни в первом случае, ни во втором отказаться от работы уже невозможно, чревато неприятными последствиями. В случае с подпольной организацией — бесповоротными. Оставалось надеяться, что выпущенный на свободу Вито сделает то, для чего был задуман. И ситуация разрешится с той стороны, с которой ни Биби, ни его боссы не ожидают.

Тюремный блок встретил абсолютной тишиной и вооруженной охраной. Единственное место, так и не выкрашенное белым. То ли краски не хватило, то ли Биби не собирался им пользоваться вообще. Узкий коридор с одной стороны мог похвастаться абсолютно глухой стеной, а с другой каменными нишами и крепкими толстыми решетками. Единственный охранник выглядел привидением на фоне голой породы, отбрасывал глубокие тени в тусклом свете светодиодных ламп.

Варф невозмутимо катил коляску мимо пустых камер, направляясь к вооруженному человеку. Наконец он остановился перед охранником и молча продемонстрировал свой пропуск. И только после этого двинулся дальше. Они миновали еще несколько пустых камер, прежде чем достигли цели.

— Он, — шепнул Варф, указывая на дремлющего за решеткой парня, и развернул коляску. — Иссиа Райго, двадцать биологических лет. Официально свободный гражданин Сакской империи.

Старик чуть кивнул, принимая озвученное к сведению и думая о превратностях судьбы. Он был готов ко всему, но только не к этому. Когда он видел этого человека на видео, бегущим, подкошенным пулями, и подумать не мог, что знаком с ним. Теперь же этот факт

был очевиден: за толстыми прутьями камеры лежал еще один пациент из предыдущей безбедной жизни. Искусственный человек, клон Нандина Абэ с видоизмененным лицом. Очередная совершенная им ошибка, неожиданно выплывшая из забвения, и которая, скорее всего, так же неожиданно туда канет.

В который раз за сегодня Ирраиль подумал о том, что мир действительно слишком тесен. Прошое, каким бы оно ни было, все равно всплывает и дает о себе знать в самых неожиданных и неподходящих для этого ситуациях.

— Двадцать, говоришь...

— Да, по предварительным оценкам.

Цепкий взгляд мастера скользнул по внешности пленника, отметил, как воплотилась в жизнь собственная работа. Ирраиль помнил юнца, едва успевшего покинуть свою пластиковую утробу, младенца в юношеском теле с искусственно заданной программой поведения, существо, ничем не отличающееся от бионического робота. Сейчас же, спустя годы, перед ним был обычный взрослый человек. Черты его лица значительно изменились, подвергшись гормональной перестройке. Бледная кожа, покрытая испариной, все еще оставалась детской, искажая визуальную оценку возраста, тело, наоборот, вошло в окончательную свою форму. Ему не было двадцати, ему было ровно столько, сколько он прожил. Пятнадцать, ни днем больше, ни днем меньше. И несмотря на это, он был прекрасен. Мысль о том, что результат превзошел все его ожидания, необычайно потешила самолюбие старика, наполнила душу чистой детской радостью и легкостью.

Еще некоторое время понаблюдав за дремлющим парнем, мастер стукнул носком по решетке, привлекая внимание. Пленник дернулся и взглянул в его сторону без особого интереса.

— Добрый день, господин Иссиа, как вы себя чувствуете? — поинтересовался Ирраиль, взирая на парня сквозь прутья решетки.

— Как экспонат кунсткамеры, — процедил пленник, не двигаясь с места. То, что он чувствовал себя паршиво, было видно невооруженным взглядом.

— Состояние консервации — вполне приемлемый вариант существования, — умилился старик и обратился к охраннику. — Откройте камеру, я его осматрю.

— Не положено.

— «Ложить» ночью будешь, малыш, куда хочешь и как хочешь, а мне надо его осмотреть, — процедил Ирраиль, не меняясь в лице.

Охранник резко перехватил автомат. Сопровождающий старика врач, в свою очередь, печально вздохнул:

— Это не займет много времени, задание господина Биби, — пояснил он.

Охранник нахмурился, а после включил рацию. Получив на свой вопрос однозначный ответ, фыркнул и опустил оружие.

— Оперативно, ГМО опасны, — процедил он, открывая камеру и пропуская посетителей.

— Он не опаснее безногой курицы, малыш, — фыркнул старик, крутанув колеса.

Райго же напряженно взирал, как Ирраиль въехал на своей коляске внутрь. Мастер окинул его опытным взглядом с головы до ног, отмечая каждую черту внешности.

— Рад вас видеть все еще живым, господин Иссиа, — прошептал он и усмехнулся, — но, к величайшему моему сожалению, даже спустя годы вы продолжаете вляпываться в неприятности.

— Разве мы с вами знакомы? — нахмурился Райго. Старик лишь усмехнулся и откинул рукой тонкое покрывало, обнажая перебинтованные голени парня.

— Повязки следует поменять, — проигнорировал он вопрос пленника и обратился к Варфу: — Неуч, иди-ка сюда, попрактикуешься.

— Меня зовут Варф Ломэ! Я доктор наук, к вашему сведению... — возмутился врач, недовольно входя в камеру.

— Да-да, я все понимаю, Варфоломей, стажируйся, пацан... — Ирраиль хлопнул его по спине и снова обратился к Райго: — А вы, господин Иссиа, лишний раз не дергайтесь, иначе век ваш будет не слишком долог.

— Это угроза?

— Констатация факта, — абсолютно спокойно ответил Ирраиль, — моему нанимателю интересна исключительно ваша послушность и даже в некотором роде разумная преданность. Если вы не будете удовлетворять сию малую потребность, то, увы, станете попросту неуютны.

— Насколько сильно неуютен? — нахмурился Райго, пытаясь привыкнуть к манере речи старика и при этом не упускать из виду манипуляций второго врача, наносящего какие-то растворы вокруг ран.

— До состояния полной переработки на удобрение, — прокомментировал Варф, вклиниваясь в их разговор. — Господин Биби не любит генно-модифицированных, с ними разговор короток. То, что вы все еще живы, ничего не означает на самом деле.

Иссиа помрачнел. Ирраиль же развел руками, демонстрируя тем самым полное безучастие в сложившейся ситуации.

— Увы, господин Иссиа, но в борьбе модифицированного и огнестрельного оружия пока что выигрывает последнее. Убьют, пикнуть не успеете, так что просто будьте послушными и полезными.

* * *

В какой момент появился еще один наблюдатель, Иссиа не понял. Но факт оставался фактом: под чужим пристальным взглядом он был перевязан, чем-то обколот и даже остался без нескольких миллилитров крови. Боль, терзавшая его уже несколько часов, отступила, сознание же оставалось затуманенным, взгляд рассеянным. При этом чувствовал он себя использованным и даже изнасилованным.

Врачи удалились, охранник отступил подальше от решетки, внутри камеры же остался непонятный субъект с голографической маской на лице. Райго смотрел на него и чувствовал себя старой больной овцой перед сытым хищником. Может отпустить, может убить, а может просто развлечься.

— Поговорим, — начал незнакомец, отлипая от решетки. Голографическая маска видоизменилась, делая его лицо узнаваемым. Прошрое всколыхнулось в глубинах памяти, но Райго нашел в себе силы справиться с эмоциями. Был ли человек перед ним действительно тем, кем себя демонстрировал, или просто украл лицо — Иссиа не знал. А потому и показывать, что внешность ему знакома, не собирался.

— Я Маркус Биби, — представился мужчина, внимательно следя за реакцией менталиста. — А ты Райго Иссиа, в прошлом один из безликих клонов Нандина Абэ.

Начало разговора уже не нравилось. Если это действительно Маркус, все равно непонятно, откуда он знает о родстве Райго с Нандином? Может, это просто догадка?

— Я искусственный человек, может, и клон, кто знает, — прошептал Иссиа, — вам-то

какая разница? В условиях выживания человеческой расы за счет модификаций, быть генетическим шовинистом неблагодарное дело.

— Генетический шовинист, говоришь... — Маркус поддернул рукава пиджака, обнажая татуировки. Четко различимая вязь имен опоясывала оба его запястья, словно браслеты. Райго сглотнул, не узнать или не увидеть знакомые среди них было сложно: отец и мать, братья...

Маркус же сжал правую ладонь в кулак и замахнулся. В следующий миг Райго откинуло на стену, брызнула кровь. Тут же последовал еще один удар и еще.

— Все не могу понять, кто ты... Дэн, Дин или Дан? — тихо и размеренно продолжал он, наконец прекратив избивать, смотря сверху вниз, наблюдая за тем, как медленно Райго отлипает от стены. — В новом лице сложно узнать старую мимику...

Тупая боль всколыхнулась в Райго с новой силой, бередя старую рану, порождая все новые волны страшных воспоминаний. А Маркус продолжал цедить горькие, пропитанные ядом слова:

— Не помню, кто из вас троих отвечал за Теодора. Признаться, мне даже все равно, просто хочу уничтожить ваше племя вместе с вашим единственным неповторимым старшим братцем. Кажется, так вы зовете этого ублюдка...

Райго кое-как сел, даже не пробуя прикоснуться к разбитому лицу. Кровавое пятно на стене и так говорило, что ничего хорошего он там не нащупает.

— Говори, или я за себя не ручаюсь.

Клон Нандина поднял на него тяжелый взгляд. Кровь сочилась из разбитого носа, с рассеченного лба. Разбитые губы начали наливаться синевой и опухать. Клон, как и Абэ, не мог соврать никому из потомков первого императора, Маркус знал это.

— Мне нечего вам сказать, — прошептал Иссиа. — Я очнулся подростком с багажом знаний, с абсолютной свободой действий и лишь одной задачей — следить за Теодором, сохранять его жизнь и беречь от возможных ошибочных действий. Я не помню, как видоизменилось мое лицо, и не знаю, что побудило меня очнуться.

— Вот, значит, как... — прищурился Маркус, потирая разбитые костяшки. — Где ты очнулся, обстоятельства?

Райго ответил не сразу.

— Под Леополисом, в старых технических помещениях.

Ответ менталиста озадачил. Очнись он в императорском дворце во время заварушки или хотя бы в одном из частных домов Сэльвы, это не вызывало бы вопросов. Но подземелья Леополиса... Возможно, часть памяти Райго Иссиа была просто стерта, но и это не объясняло места его пробуждения.

— Кто был с тобой, кто следил за пробуждением? Где был Теодор?

Райго нахмурился, но больше не медлил с ответом.

— Я был сам, — честно ответил он. — Это обрывочные воспоминания. Моменты пробуждения и моменты заданных четких программ с алгоритмами действий. Я помню, что сам пришел туда и что у меня была задача. Выполнил ли я ее тогда, не могу сказать. Очнулся намного позже.

Биби нахмурился, ситуация выглядела еще запутанней, чем казалось на первый взгляд.

— А мой брат?

— Блок, закрытая информация, — Райго не отводил взгляда. Маркус скривился.

— Блок, значит... Что тебя связывает с Тарисом Лаеном?

— Я нашёл его на свалке и отнёс в детдом, — Райго ответил без промедления. — Периодически следил, чтобы он ни в чем не нуждался, это заложено в меня как цель существования.

— Ты нашел его до того, как очнулся, или после? — последний вопрос Маркуса поставил Райго в тупик.

— Не знаю, — прошептал он, касаясь ладонями резко потяжелевшей головы.

— Тарис — мой брат? — человек, имевший над ним странную власть, смотрел прямо в глаза. Райго не мог отвести взгляда. Слова дались тяжело. Казалось, в этот миг все тело начало отдавать болью, каждый мускул сводила судорога.

— Блок. Закрытая информация...

Маркус отшатнулся, опять скривился. Больше он ничего не спрашивал, просто ушёл. За его спиной лязгнули двери камеры, щелкнули замки.

Прошла не одна минута, прежде чем спазмы отпустили и Райго обессиленно упал на койку. В голове творился кавардак, словно по мыслям прошелся менталист. Но Маркус никогда не обладал такими способностями, кто же тогда рылся в голове Райго, кто ставил блоки? Кто заставлял следить за Тарисом и выполнять роль няньки?

Тяжело прикрыв глаза, Иссиа Райго не заметил, как в камеру вернулся один из ранее навещавших его врачей. Не понял, как провалился в беспмятный сон, в котором не было ни мыслей, ни прошлого, лишь черная безмятежная темнота...

* * *

Досада, злость и разочарование — вот что Маркус Биби чувствовал сейчас.

Дэйла опять ждала его, но больше с вопросами не лезла. Она слышала произошедший диалог и была озадачена не меньше.

— Может, он соврал? — предположила она чуть позже, прикрывая за собой дверь кабинета.

— Оставь меня... — прошептал Маркус и присел за рабочий стол, — я должен подумать.

— Как скажешь, пойду кофе сделаю. — Дэйла ничем не выказала недовольства и плотно прикрыла за собой дверь. Биби шумно выдохнул и откинулся на спинку кресла. Лучше бы Райго Иссиа соврал. Но, увы, он говорил правду, и Маркус понимал это так же отчетливо, как и то, что у Тариса Лаена при лжи дергается веко.

Взглядом он вперился в идеально-белый потолок. Пятнадцать лет прошло, с тех пор как чокнутый дед и его подручный Нандин Абэ уничтожили всю его семью. Маркус давно смирился с тем, что в теле Фердинанда сидит совсем другой человек. Увидеть живым младшего брата Теодора он даже не надеялся. Для него мелкий давно погиб, а жизнь обрела смысл лишь на пути к возмездию.

Но, как говорится, судьба любит преподносить сюрпризы. Похоже, в событиях прошлого больше неизвестных моментов и заинтересованных лиц, чем предполагалось ранее. Кто-то вынес Теодора из той бойни, кто-то поиздевался над его геномом и отправил в Леополис... возможно, личность клона перепрошили. Все указывало на то, что есть еще один игрок, который вносит свои коррективы в события. И кто этот человек, только предстоит узнать.

Решив, что не будет ожидать результатов от Ирраиля, Маркус начал набирать на компьютере текстовое сообщение. Личные вопросы пусть таковыми остаются, но вопрос о третьих заинтересованных лицах стоило поднять перед главами их подпольной организации

как можно скорее.

Пальцы порхали над сенсорной клавиатурой, а мысли были заняты признанием пленника. Как он мог очнуться в Леполисе? Был он туда доставлен или просто завершил там свою основную программу действий? Сам стер свою память, или над ней работал кто-то иной?

В чем загвоздка и как вообще такое возможно? Наверное, на это запросто ответит среднестатистический работник Кальтэнойских лабораторий, а может, свет на заданный вопрос прольет старик Ирраиль...

Дверь кабинета скрипнула, пропуская внутрь его помощницу.

— Слушай, может, он сам себя подчистил, некоторые телепаты и такое умеют, — Дэйла вернулась с двумя чашками кофе и осторожно поставила их на стол.

— Может и так, — пожал плечами Маркус, продолжая набирать текст письма. — Я боюсь, что в этом деле замешан еще кто-то, и он до сих пор имеет свои рычаги влияния.

— Спустя пятнадцать лет? — переспросила она. — Это слишком большой срок.

— Ровно столько ждал Фердинанд, чтобы взойти на трон, — Маркус не разделял ее сомнения.

— Но здесь другая ситуация.

— Абсолютно та же, — отодвинув клавиатуру в сторону, он внимательно взглянул на Дэйлу.

— Мы ведь не просто устраняем неудобных лиц. Мы расшатываем всю систему, заставляя Абэ метаться из города в город, оставляя Фердинанда без надзора. Мой брат тем временем начинает совершать ошибки, выискивая людей с дефектными, как он считает, злыми генами, не понимая, что собирает наших же у себя за спиной. Вопрос времени, когда он узнает Теодора в Тарисе Лаене.

— И что с того, что узнает?

— Ничего, — пожал плечами Маркус, — возможно, мы не случайно вышли на него как на исполнителя, скорее всего, так было задумано кем-то изначально. Возможно, третьим лицом. А возможно, и остальными членами организации. Я напишу им письмо, а там увидим.

— Я бы придержала информацию.

— А завтра ты бы не проснулась и оставила меня одного, — возразил Маркус, проводя ладонью по ее щеке, задевая пальцами холодную пластину имплантата. — Никто не будет терпеть непослушания, Дэйла. Ни империя, ни остальные члены подполья. Примеров вокруг предостаточно.

Она поджала губы, но промолчала, потерлась щекой о его ладонь. Конечно, у нее на этот счет было свое мнение, и Маркус Биби прекрасно понимал это. С другой стороны, она тоже понимала, что ее любимый мужчина, как всегда, прав: непослушания не терпят нигде. На каждого индивидуума есть свои способы влияния. И неважно, обычный человек ты или ГМО.

Повисшее между ними молчание разрушил сигнал входящего сообщения. Маркус отвернулся, провел пальцем по сенсорной панели компьютера и вывел его на экран. Это оказалась фотография с небольшой текстовкой: адрес, имя, место работы, личный код. Под текстовкой красовалась электронная печать организации: стилизованная нарисованная красным мишень, опоясанная названием. «Архиат», похоже, определился с новой целью.

— Однако, как много неучтенных долгожителей в Леполисе, — прошептала Дэйла за

его спиной, рассматривая простоватую внешность главврача Леополисской больницы. — Словно Клэр дэ Руж каждого из них специально пропихивает на интересные должности...

— Странно, обычно они не выбирают цели в одном и том же городе, — нахмурился Маркус. Дэйла задумалась:

— Может, хотят расшевелить Леополиского префекта? Или бросить на нее тень?

— Или обратить внимание на нас.

Они переглянулись. Короткая встреча взглядами, не более. Но тревогу друг друга они прочувствовали в полной мере.

— Маркус, может, не стоит спешить?

— Пустая трата времени, Дэл. Наша задача... — договорить он не успел, отвлек еще один сигнал входящего сообщения.

На этот раз это была фотография некоего документа с подписью Фердинанда.

— Твой брат псих... — выдала Дэйла, дочитав. Маркус не ответил. Он знал, кто псих на самом деле. Но сейчас ему казалось, что мир вообще сошел с ума. Вряд ли Фердинанд решил ввести рабовладение всерьез, это нонсенс. Но, если подумать, что в его теле находится сознание их чокнутого деда...

Нет, невозможно, бессмысленно.

— Это приманка, Дэйла, — уверенно сказал он и резко поднялся из-за стола. — Глупая, паршивая и абсолютно примитивная приманка.

— Тогда мы на нее просто не реагируем, — осторожно ответила она, видя, как Маркус опять начинает закипать. Она боялась, когда он бывал в таком состоянии, страх превозмогал все прочие чувства к нему.

— Отчего же... — он зло усмехнулся, — мыотреагируем по полной программе. Сотрем его в порошок. Если понадобится, вместе со всем Леополисом.

* * *

Время близилось к обеду, когда в кабинет Фердинанда тихо проскользнула тридцать девятая.

— Мой император, срочное донесение. Десятый город, Леополиская префектура.

Отложив отчет в сторону, Фердинанд улыбнулся:

— Что опять стряслось у почтенной Клэр дэ Руж?

— У вас будет любовница мужского пола, — выдала тридцать девятая, ни капли не изменившись в лице.

Фердинанд нахмурился:

— Повтори-ка, что ты только что сказала, — переспросил он, — я ослышался. И поподробнее, не сокращай...

— В десятом городе Леополиской префектуры сегодня в одиннадцать часов семнадцать минут зарегистрирован Вито Лаен, человек искусственного цикла создания. Физический возраст — семнадцать лет. Пол мужской. Жизненная цель — любовница императора Фердинанда. Заказчик Маркус Биби, исполнитель мастер Ирраиль. Лицензия отсутствует...

Фердинанд шумно выдохнул и озадаченно взглянул на тридцать девятую...

— Похоже, у кого-то выиграло сногшибательное чувство юмора, — хмыкнул он, — выясни о них все. Я хочу знать об этих шутниках каждую деталь, как можно скорее.

— Информацию предоставить письменно, устно или на носителе? — невозмутимо продолжила секретарь и чуть отклонилась в сторону, когда Фердинанд навис над ней.

— Можешь расписать отчетом бюстгальтер, сам проверю, а теперь уйди.

Девушка невозмутимо развернулась и исчезла, оставив после себя лишь аромат донельзя знакомых духов.

Фердинанд же раздраженно вышел следом. Ноги опять несли его на любимую балюстраду. Вид привычно умиротворял. Воздух успокаивал дыхание. Глупая шутка, позволительная между близкими людьми, не более. Был ли этот Маркус близким человеком? Отчего-то от этой мысли сердце забилось сильнее. Будь его брат, Маркус, жив, он бы давно дал о себе знать, искал бы встречи, а не ограничивался глупой шуткой спустя пятнадцать лет. И Фердинад рад был бы встретиться с ним. Он, император Сакской империи, отдал бы все, чтобы вернуть свою семью. Но, увы, это невозможно. Последний представитель из его рода носит в себе сознание чокнутого деда. И как бы это ни было больно, Фердинанд убьет его сам...

Абэ появился спустя десять минут. Похоже, тридцать девятая успела донести и ему чудную весть.

— Собираетесь отомстить за оскорбление? — поинтересовался он.

— Дело не в этом, — мотнул головой Фердинанд, прикуривая сигарету. — А в издевательском отношении к жизни, в цели, которую они определили созданному ими Вито... Ведь он будет одержим ею до самого конца.

— Разве не то же самое пытается сейчас узаконить Кальтэной?

— Это не то же самое, — возмутился Фердинанд.

— Абсолютно одно и то же, — Нандин был непреклонен. — Все то же неуважение, как вы говорите. Заведомо запрограммированная зависимость, рабство.

Фердинанд нахмурился.

— Ты же знаешь, зачем мы это сделали. Мы ловим на живца.

— Вот и вас кто-то ловит на живца, все теми же методами, — подытожил Абэ. Отмечая крайне раздраженное состояние своего воспитанника. — Это не просто шуточка, это спланированное заявление о себе. Вито — лишь инструмент, письмо, которое вы уже получили и верно восприняли. И вы действуете так, как они того хотят, — остро реагируете.

— Что ты предлагаешь?

— Действовать тихо и без шума, — ничуть не смутился Абэ и мягко улыбнулся, — как хищник на охоте. Не более и не менее. Вам посодействовать, или сами поохотитесь, мой император?

Фердинанд докурил сигарету и бросил бычок в урну.

— Поохотиться, говоришь... — вымолвил он, раздумывая над сложившейся ситуацией. — Свяжись с дэ Руж... пусть поторопится с открытием магазина, у нее неделя.

— Она не успеет.

— А меня не интересует, успеет она или нет, пусть свой воздух отрабатывает, — прошептал Фердинанд, — я обедать.

Абэ проводил его взглядом, а потом уставился на открывшиеся с балюстрады просторы. Решение Фердинанда было слишком спешным. С другой стороны, когда же ему делать ошибки, как не сейчас?

— Значит, придется еще и тихонько посодействовать, — решил Абэ. Впрочем, это была нетрудная задача. Трудней успеть все сделать в заданные Фердинандом сроки.

— Ждешь здесь, Кэйт, — велела Префект Клэр дэ Руж, остановившись возле кабинета Алека Швецова. А после начала расстегивать браслет коммутатора. — Без надобности не входить, на звонки не отвечать. И следи за тем, чтобы сюда никто не заглядывал. Неважно по какому делу.

— Даже если это будет советник? — удивился Кэйт. Женщина фыркнула и наконец и вложила ему в руку свой коммутатор.

— Особенно, если это будет он, — подтвердила она, вспоминая вредного омоложенного старика. — Если Марта выйдет на связь — сразу дай знать. Все, не скучай.

Дверь за ней закрылась беззвучно. Щелчка не последовало.

Оставшись в одиночестве, Кэйт привалился спиной к косяку и перекинул дорогую безделушку в другую руку. Вес был ощутим и не совсем приятен. Так, словно и не мелкое связное устройство, а добротный кирпич. Перекрутив ее пару раз на пальце, он лениво натянул браслет на руку и застегнул.

Дэ Руж была нервной с самого утра. А после звонка начальника Имперского бюро расследований Нандина Абэ и вовсе заметалась как ужаленная. За каких-то полчаса она перетрясла душу всем, до кого дозвонилась. И вот теперь полная непонятной холодной решимости префект Леополиса закрылась в кабинете с Швецовым.

Взгляд бывшего следователя скользнул вдоль коридора, отмечая легкую расслабленность прохожих. Речи их были чуть громче, а движения резче. Некоторые девушки цеплялись за Свона взглядами и хихикали в ладошки или друг другу на ушко, словно заметили что-то смешное.

Впрочем, Кэйта мало волновало, что рассмешило этих пташек. Все его мысли были заняты событиями последней недели. Экстренным вызовом в Высшую Военную Академик Леополиса, убийством, самозванкой, похищением задержанных ребят. А после нестандартные события нарастали как снежный ком: огнестрел, покушение, обезглавливание, пожар, побег и визит императора. В итоге в Леополисе проведут дикий эксперимент. Была ли это кульминация? Или, может, снежный ком все еще катится по наклонной и наматывает на себя все больше событий?

Кто знает... Ответа все еще не было. Возможно, стоило вернуться к началу и проверить все вновь. И ведь он, обладатель идеальной памяти, мог сделать это в любой момент.

Задумавшись, Кэйт Свон листал собственную память как книгу, вспоминал встречи, разговоры, места событий... Стоны, кровь, страх и непонимание прокрались в его мысли незаметно, воскрешая страшную картину того первого кошмарного дня до последней его составляющей...

«Спортивный зал Высшей Леополиской Академии был огромен. Сводчатый потолок упирался краями в колонны, рядами стоящие у стен. Ажурные розетки широким поясом тянулись под ним, играли на свету причудливыми тенями от каменных листьев и цветов.

Матовая белая краска скрывала большую часть красоты, но взгляд то и дело цеплялся за нее, находил, отмечал. Красота помещения дивным образом будоражила, добавляла свою долю в охватившее тело волнение.

Стоило опустить взгляд, как он натыкался на абсолютно противоположную картину: изгвазданные кровью стены, покорезженные столы, уничтоженная проверочная полоса.

Каменный пол был в колдобинах, словно его обработали отбойным молотком. Прошло всего полтора часа с момента убийства. Кровь еще не успела высохнуть, а мебель — покрыться пылью. Штатный фотограф целил объективом в каждый угол, а криминалисты параллельно методично обрабатывали поверхности порошками в поисках отпечатков пальцев. Кто-то брал образцы крови из красноватых луж, а кто-то опрашивал свидетелей.

Кэйт застыл на том месте, где в последний раз стоял на своих двух погибший человек. Прикрыл глаза, припоминая же просмотренные видеозаписи.

В тот момент не ощущалось суеты. Вступительный экзамен был в самом разгаре. Ряды столов, за каждым экзаменаторы. Секретари сновали меж них, передавая папки с личными делами кандидатов на вступление на военный факультет.

Нестройные шеренги абитуриентов. Лаен выделялся среди них: был выше, тоньше. Он в нетерпении тер ладони о футболку, переминался с ноги на ногу, как будто едва сдерживался.

Открыв глаза, Кэйт Свон сделал пару шагов и поддел носком кусок пробки. Скорость триста четыре процента... Пси-фактор выше нормы... Время максимальной нагрузки — всего-то семь минут...

Развернувшись, Кэйт опять принялся блуждать между обломков, обходя кровавые пятна. Как его могли остановить двое обычных ребят?

За спиной послышались шаги, и Кэйт обернулся. Мужчина, стоящий перед ним, был без ошейника. Крепок, с изящной, но ненатуральной внешностью. Об этом свидетельствовал едва заметный маячок голографической маски. Последнее изобретение было исключительно серийным продуктом, подотчетным инструментом, созданным для тех людей, кто по какой-то причине родился без лица и не мог перекрыть свою внешность до нормального состояния.

— Следователь Свон? — уточнил он, протягивая ладонь.

— Директор Соболевски... — не остался в долгу Кэйт, пожимаемая протянутую руку. — Давайте найдем место потише...»

Свон не знал, почему ему вспомнилась именно эта сцена из того дня. Соболевски не сказал ничего важного. Возможно, в этом и было все дело. Директор заведения должен знать больше о своем подчиненном. С другой стороны, что можно еще сказать, если даже исполнители ничего не знали.

И все же что-то не отпускало. Какая-то странная, определенно лишняя деталь. Мысль, что он что-то упустил, пульсировала, как та красная лампочка, мелькавшая из-под голографической маски...

Коммутатор неожиданно завибрировал, информируя о входящем звонке. Сбившись с мысли, Кэйт Свон нажал на кнопку и поднес динамик к уху. Личный код слетел с языка без наименьшей запинки.

— Код принят, есть подтверждение личности, адъютант Кэйт Свон, — глухим голосом начал оператор, — примите сообщение, адресованное Клэр дэ Руж...

* * *

Была середина дня. Леополис, как обычно, радовал отсутствием чрезвычайных происшествий. Молодые мамочки спешили увести детей подальше от палящего солнца. Поток машин увеличился, сигнализируя о начале обеденного часа пик.

Служащие лениво переговаривались в столовых и кабинетах. Недавние происшествия, которые, словно град, посыпались на обычных граждан, начали стираться из памяти, как

странный и непонятный сон, кошмар, не имеющий никакого отношения к реальности. Лишь в немногих стенах местного правительства продолжало царить непривычное напряжение.

Тяжёлая атмосфера витала и вокруг самой Клэр дэ Руж, делая разговор неприятным.

— Ваш адъютант, Марта Лэйн, так и не вышла на связь? — поинтересовался Алек Швецов, ковыряясь в механизме старого протеза.

— Нет, — покачала головой женщина, отстранённо следя за его действиями. Префект заявила к главврачу Леополиской больницы перед самым обедом, вынудив мужчину оторваться от уже начатого бутерброда. Последний теперь был оставлен на тарелке, положенной поверх стопки каких-то исписанных бланков.

Почти всю столешницу занимали запчасти от разобранного протеза. Они были разложены вдоль стола ровными рядами. Последнее было исключительно прихотью Швецова. Клэр прекрасно знала, что, будь они сложены в общую кучу, он все равно бы не запутался и собрал механизм правильно.

— Это странно, я б на вашем месте отправил кого-нибудь вдогонку, — нахмурился он, высматривая что-то внутри стального каркаса.

— Увы, мой друг, любые догонялки теперь жестко регламентированы, — протянула она. — С одной стороны, это крайне паршиво, а с другой — иначе быть не должно. Я не могу разбрасываться людьми направо и налево по первой прихоти.

Швецов задумчиво кивнул, собирая ее искусственную руку.

— Деталь заменил, механизм смазал, батарею перезарядил. Месяца на два хватит, — подытожил он, натягивая на механизм искусственную кожу.

— Мало, — поджала губы Клэр, наблюдая за привычными действиями Алека.

— Ее вообще пора сменить. Сейчас есть много достойных вариантов, — пожал он плечами. — Как говорится, на любой вкус и цвет.

— Мне нужна эта.

— Клэр, будем откровенны, — он внимательно взглянул ей в глаза, — я не буду ремонтировать ваш протез вечно. Он сгниет, да и я не буду ездить в Леополис ради него каждые два месяца. Меняйте руку или отрастите себе новую, сейчас это вполне реально.

Дэ Руж не ответила, молча протянула ему свой обрубок, давая надеть механизм назад. Алек привычно насадил протез и защелкнул держатели, впаянные в предплечье.

— Пошевелите пальцами, теперь мизинцем, кулаком, — велел он, Клэр исполняла, он внимательно следил за работой суставов и наконец удовлетворенно кивнул. — Прекрасно. Ну что, я надеюсь, вопросов больше нет?

— Может, останетесь, где я найду вам замену, Швецов? — тихо попросила дэ Руж. Мужчина вскинул жиденькие брови, а потом хохотнул.

— Да чтоб все мои носки стали белыми, Клэр, вы серьезно? — поинтересовался он, весело щурясь.

Женщина недовольно поджала полные губы, Алек тут же резко одернул себя и прочистил горло.

— Извините, нет, не хочу. Мне не нравится сложившееся положение дел и давление, оказываемое на меня, — с расстановкой ответил он, не отводя взгляда. Клэр недовольно нахмурилась, оглаживая здоровой рукой искусственную ладонь, разминая каждый палец.

Алек продолжал:

— Клэр, серьезно, я уезжаю. Мне нечего здесь делать, — он умолк и отвел взгляд. Не в силах играть с ней в гляделки.

— Это из-за проведенного допроса? — голос Клэр опять дрожал.

— Не в этом дело, — прошептал он, понимая, что даже если бы очень хотел, вряд ли смог бы нормально объяснить.

— Тогда в чем?!

Их разговор прервал стук в дверь, и тут же внутрь кабинета заглянул Кэйт Свон.

— Префект дэ Руж, группа Кирка вышла на связь. Они возвращаются.

Шумно выдохнув, Клэр кинула последний взгляд на Швецова и ткнула пальцем ему в грудь.

— Запомните, Алек, эта тема еще не закрыта, не смейте покидать город без моего позволения.

* * *

Вернув Префекту её коммутатор, Кэйт привычно спрятал руки в карманы. Натянув устройство на искусственное запястье, дэ Руж молча направилась к лифту, невольно отмечая, как Свон двинулся следом. Он напоминал ей безмолвную тень. Как обычно, предельно спокоен, словно ничего не произошло. Но Клэр понимала, будь оно так — он не прервал бы её ради двух предложений.

Зайдя лифт, она нажала кнопку второго этажа и только после этого взглянула на подчинённого.

— Говори, — велела она, как только кабина пришла в движение.

— Шестеро погибших, — без предисловия начал Свон, ни капли не меняясь в лице. — Нарвались на мину. Из команды только четверо выживших. Лэйн считала личность захваченного стрелка, прежде чем он погиб... Сейчас она сама на правах пленной.

Сказанное неприятно удивило.

— Так и сказали, считала стрелка? — переспросила она, рассматривая мужчину.

Лифт остановился, выпуская их наружу.

Свон молча кивнул. Комментарии были излишни — Лэйн раскрыла себя. Случилось это до гибели команды или после, на самом деле неважно. Факт оставался фактом, ситуация полностью вышла из-под контроля...

Обеденное солнце ударило по зрачкам ярким светом. Сощурившись, префект поправила на плече мешковатую сумку и о смотрелась.

— Пойдём пешком, Кэйт, заодно и поговорим.

Свон в который раз молча кивнул. Пешком так пешком. Сообщение, услышанное им по коммутатору, угнетало. Проветрится действительно стоило.

* * *

У Клэр дэ Руж не было своего автомобиля, пользовалась она представительским транспортом изредка. Чаще гуляла по городу пешком. Это позволяло ей опуститься до нужд обычного жителя и увидеть свою работу не с высоты должности, а с точки зрения обывателя. Из-за её яркой внешности, на неё часто обращали внимание. Другое дело, если она натягивала на руки перчатки, чтобы спрятать цвет кожи, а на голову надевала шляпку с вуалью.

Сегодня, как и всю последнюю неделю, она не заморачивалась конспирацией. Выкрашенные в рыжий волосы были затянуты в тугий узел, вместо костюма на ней красовалось лёгкое льняное платье с длинным не по погоде рукавом.

Раньше Свон не обращал на это внимание. Теперь же, после услышанного из-за дверей кабинета главврача, взгляд бывшего следователя тянулся к её рукам.

Дэ Руж продолжала идти вперёд, в сторону городского совета. Кэйт легко следовал за ней, отставая буквально на полшага. Неосознанно рассматривал искусственную руку, отмечая её движение, цвет, структуру. Она была неотличаема от натуральной. Коммутатор стальным браслетом опоясывал её запястье, не вися, но и не пережимая кожу.

Нажав пару кнопок на панели коммутатора, женщина прижала запястье к уху и остановилась, прислушиваясь. А спустя мгновение нахмурилась и опустила руку.

— Кэйт, — её голос прозвучал резко, — почему не доложил сразу?

Свон замялся.

— Двадцать минут в данном случае ничего не меняют. Группа не ждала дальнейших указаний. А вот испортить работу господина Швецова несвоевременным появлением было бы глупо. Да и коммутатор вы отдали мне не просто так, а чтобы не отвлекаться на рабочие вопросы.

Хмыкнув, Дэ Руж опять смерила его взглядом, а потом развернулась в сторону городского совета.

— Швецов увольняется, — недовольно сообщила она, прибавив шаг. Ей не хотелось терять этого человека. Он так часто перебирал механизм ее протеза, что мог бы сделать это с закрытыми глазами одной рукой. Кем его заменить, женщина не знала. Но говорить это кому-либо, кроме Алека, не собиралась, тем более Свону.

Они быстро пересекли улицу и нырнули в проулок между двух магазинов. Узкая дорога вилась тонкой змейкой сквозь внутренние дворы, арки и проходные подъезды, то поднимаясь вверх по ступенькам, то ныряя по ним вниз. Путь к центру города был недлинный. Клэр знала дорогу как свои пять пальцев и даже не задумывалась над тем, как и куда идти, чтобы достигнуть цели.

Кэйт не отставал, отпечатывая каждый поворот и каждую дверь в памяти.

— Мне не нравится поспешность, с которой он убегает, — спустя несколько переходов выдала Клэр. Им осталось пройти совсем немного. Очередная арка вывела в глухой сквер с игровой площадкой. Детская суета и скрип стальных качелей сделала её речь почти неслышной. — Чует моё сердце, он знает больше, чем хочет говорить.

— Мы можем проследить за ним, — Кэйт был серьезен. Взгляд серых глаз скользил по фигурам детей, отмечая наличие ошейников почти на каждом. Оград не наблюдалось, но закрытый квадратный двор с четырехэтажными домами и четверкой зарешеченных арок говорили сами за себя. Похоже, они попали в один из интернатов. Пересекши двор, женщина открыла самые обычные деревянные двери и скользнула по пустынному коридору. Свон отметил расписание занятий, висящее на стене, и ряд пронумерованных дверей, прежде чем префект свернула на лестничную площадку.

Уровень земли резко сменялся за зарешеченным окном, словно сквер, который они перед этим пересекли, находился в глубокой яме.

— Проследить? — Клэр задумалась. — Швецов неглуп. Уверена, он в два счета заметит слежку.

— Мы можем задействовать Мидлтона, — продолжал Свон, отмечая проходную, выход и здания. В костюме охранника сидела женщина. Взгляд ее был прикован к книге, которую она держала левой рукой. Правой же дежурная оглаживала собственный ошейник, причём делала это так непринуждённо, словно это было драгоценное ожерелье. В принципе, он действительно мог считаться баснословно дорогим, ценой в целую жизнь, а может, и того больше.

Женщина кинула на них лишь взгляд и вернулась ко своему занятию. Клэр, в свою очередь, прошла мимо, словно её там и не было.

— Возможно, у полковника найдётся пара глазастых ребят, — согласилась она, — но успеем ли мы пройти бюрократические ступеньки, прежде чем сможем заняться делом? Боюсь, Швецов сумеет убежать за это время...

— Думаю, если не попробовать сделать хоть что-то, он точно сбежит, — подытожил Кэйт, прикрывая за собой последнюю дверь. А когда обернулся — озадаченно моргнул. Они наконец вышли к ратуше. Северная башня возвышалась над головой на несколько десятков метров, а площадь, окружающая все здание по кругу, пестрела цветами, вывесками и ярко разодетыми прохожими.

Путь, которым провела его Клэр дэ Руж, сэкономил время почти вдвое.

Клэр на миг остановилась, а потом прибавила шаг.

— Похоже, Абэ звонил не только мне, смотри, Кэйт, — она указала пальцем вперед, и только после этого бывший следователь заметил рабочих, которые меняли вывеску. — И Димитрий тут как тут, глаза мои его б не видели...

— Неужели Абе настолько влиятелен, что ему достаточно звонка? Это ведь всего лишь служащий империи, человек.

Дэ Руж кинула на Свона странный взгляд, а после поджала губы, бросая едкий комментарий:

— Он просто... очень убедительный человек.

— Мне кажется, или вы его боитесь? — не умолкал Свон. Клэр же поняла, что попросту не может говорить на эту тему. Забытый страх перед Наном поднимался внутри новой волной, сжимая горло стальными тисками.

И это было неправильно. Здесь и сейчас ей, Клэр дэ Руж, нужно только спокойствие и ничего более...

«Сердце дэ Руж колотилось как бешеное.

— Нет... Пожалуйста... Нан... — голос отдавал диким надрывным эхо. Он звенящей волной катился по коридору, скрадывая шорохи и стрекот открытого энергетического прохода.

— Я спрашиваю в последний раз... где человек, прошедший телепортом? — Нандин был непоколебим... Арка телепорта светилась перед ними. Клэр стонала, зажатая захватом как тисками. Ее тело дрожало. Она действительно не понимала, чего от нее хотят. Абэ это не останавливало. Он верил, что даже самый сильный ментальный блок может снять обычная физическая боль.

— Нет!!!

Он втихнул ее руку в искрящую поверхность перехода и безжалостно нажал кнопку пуска. Проход схлопнулся. Клэр взвыла, падая на колени.

— Куда направился человек, прошедший телепортом? — спросил он еще раз.

Префект вскинула на него заплаканные глаза. Зрачки ее были расширены, лицо перекошено. Губы дрожали... Ее глотку свело спазмом, она не могла уже отвечать. Проход опять заискрился и пошел рябью...

— Клэр... я окуну туда каждую часть твоего тела, пока не ответишь... — голос Нандина звучал до ужаса спокойно. Он действительно мог сделать то, о чем говорил.

Женщина остервенело улыбнулась... заполняя голову менталиста целым потоком

мыслей... Там было что угодно, только не ответ на его вопрос. Боль не помогла ей вспомнить. И, судя по всему, она и не пыталась искать ответ на заданный вопрос.

Рука, оставшаяся без запястья, опять нырнула в арку перехода...

— Что будет дальше, Клэр? Другая рука или нога... или, может, сразу обе?

— Чертов ублюдок... — она нервно рассмеялась, тихо и хрипло, — отрежь мне голову... я не знаю, о чем ты спрашиваешь...

Сцепив зубы, Нан, схватил ее за спутавшиеся волосы... и окунул голову в переход. Его ни капли не заботило, что вместе с ней через грань нырнула его собственная ладонь.

Его жертва больше не дергалась. Наоборот, замерла не то в ожидании, не то от охватившего ее ужаса.

Клэр же больше не могла воображать. В веки словно спичек натыкали — глаза не сомкнуть. А взгляд скользит, схватывая каждый момент бешеной реальности как самый драгоценный кадр. Там, на другой стороне перехода, через тысячи километров на полу лежали обожжённые обрубки ее собственной конечности: кусок кисти... фрагмент запястья, обхваченного ремешком коммутатора, край предплечья. Фердинанд стоял над ними до безобразия спокойный и бездушно смотрел на лицо женичины, ослепшей от боли. Без интереса отмечал руку Нана, удерживающую жертву за волосы крепко и непринужденно... Клэр смотрела на него и понимала, что он последнее, что она вообще может увидеть... Голова здесь. Тело там... Нажал кнопку, и современная гильотина сработает без заминки...

Но вот юноша поднял с пола часть ее руки, молча высвободил коммутатор, а после прошел сквозь телепортационную арку:

— Отпусти ее... — посмотрел он Абэ в глаза. Нандин тут же дернул женичину назад. Клэр упала на холодный пол, нелепо взмахнув обрубком. Он не кровоточил, но выглядел донельзя жутко.

Присев на корточки, Фердинанд мягко вложил коммутатор в единственную оставшуюся целой ладонь.

— Через ваш телепорт прошел убийца императорской семьи. Вы помогли ему и позволили стереть себе память. Вы должны быть казнены, — холодно чеканил он слова ей в ухо. — Но... останетесь живы. Считайте это моей милостью, вы теперь должница, дражайшая Клэр дэ Руж... префект Леополиса».

— Молчите? — удивился Кэйт, разглядывая лицо начальницы, посеревшее от нервного напряжения.

— Просто мне нечего тебе ответить, — тяжело вздохнула Клэр и опять поймала себя на мысли, что пристально разглядывает собственные руки. Искусственная кожа ничем не отличалась от натуральной. Такая же на ощупь, такая же по силе и ловкости... Но ощущений от нее ровный ноль целых и ноль десятых. Абсолютно бесчувственная рука. — У нас личные разногласия с Нандином Абэ. Моя прямая обязанность служить Сакской империи и Фердинанду.

— Не народу?

— Ты, как всегда, понимаешь все верно... — усмехнулась она.

Кэйт нахмурился, обдумывая ее ответ и понимая, что еще больше запутался.

— Каким боком в этом замешаны Лэйн и я? — наконец спросил он, пытаясь сопоставить услышанное с фактами.

— А вы моя личная тайная прихоть, Кэйт, — жестко улыбнулась она, жестом пресекая ответные вопросы, и направилась в сторону будущего магазинчика биоматериала.

Солнце было уже высоко, когда старый потрепанный электрокар остановился возле станции подзарядки. Деревья здесь были вырублены. Солнечные панели молчаливо подставляли свои чёрные кремниевые поверхности под теплые лучи. В своём роботизированном стремлении выбрать наилучший угол для приёма солнечной энергии они напоминали гигантские подсолнухи-переростки.

Фён ждал. Старая станция работала натужно, а батарея его машины заряжалась медленно. Солнце тем временем нещадно жарило плечи, пробираясь сквозь ткань плотной чёрной водолазки горячими душными щупальцами.

В который раз проверив уровень заряда, мужчина присел на горячий капот и прищурился, рассматривая окрестности.

Клан Вагнер всегда жил обособлено. Селение их не имело никакого названия и находилось вдали от пневмопутей, местоположение его даже на имперской карте не значилось. Именно поэтому чужих людей в поселке никогда не было. А сами жители могли заниматься своими делами без какого-либо внешнего контроля.

Иной раз это благо казалась наказанием. То муравьи щебенку с дороги растащат, то станция подзарядки даст сбой. Последняя, кстати, находилась в десяти километрах пути от клана. Дорога была частично уничтожена роботизированными мусорщиками. Ближе к клану, где поставили электромагнитные глушители, ситуация была намного лучше. Однако, как ни посмотри, это все равно оставалось неудобством, с которым приходилось мириться.

Нырнув в машину за флягой, Фён направился к автоматизированному колодцу. Здешний водяной насос качал воду из скважины, поднимая её на поверхность почти из пятидесятиметровой глубины. Жидкость была перенасыщена сероводородом и даже проходя через систему фильтров, оставалась не самого лучшего качества. Впрочем, выбирать не приходилось. Утолив жажду, мужчина невольно вспомнил ночной разговор с долгожительницей.

Надо отдать должное префекту Леополиса. Эта старая лиса понимала, что говорить и как подать, более того, похоже, знала о клане Вагнер больше кого-либо другого в империи. Играть на два фронта было не ново. Но никогда ещё он не лавировал сразу между тремя тиграми. Не сказать, что это смущало. В сложившейся ситуации выбирать не приходилось.

«Клэр дэ Руж застала его врасплох.

— Нана Вагнер жива, и, если вы хотите сохранить этот её секрет, я могу помочь.

По двум граненым стаканам уже был разлит тяжёлый напиток. Как раньше любили говорить, горячительный. Но первое ощущение быстро сменялось лёгкостью мысли и движения, а потом общей слабостью и недомоганием. Отрава, предназначенная для отвлечения, а не для принятия решений.

Фён, лишь слегка качнул головой, давая понять, что пить не будет. Взглядом скользнул по расслабленному лицу долгожительницы. Он даже отметил парочку мелких морщин, приемлемых для тридцати лет, но не более. Под тёмной кожей, непривычной внешностью, скрывался непередаваемый опыт закулисных интриг. Он не рискнул бы играть с ней, если бы не сложившаяся ситуация.

— Что вы предлагаете?

— Взаимопомощь, не более, — улыбнулась она и непринуждённо отпила из своего

стакана.

— Гарантии?

Вопрос позабавил Клэр. Она качнула стакан в руках и взглянула на собеседника сквозь янтарную жидкость:

— Могу выдать вам искусственное тело, реплику. Хотите живую, хотите изначально неодухотворенную. Похороните по вашим обычаям, закопаете или сожжете... Обложите камнями...

Предложенное неприятно кольнуло.

— А взамен?

Клэр посерьезнела. Фён не спешил соглашаться.

— Взамен, я хочу, чтобы вы держали меня в курсе всех дел с Фердинандом.

Озвученная цена была слишком высокой и совершенно неравноценной услуге. Мужчина задумался, а после отпил из своего стакана. Как назло, на ум пришло лишь заплаканное лицо жены и ни одного конкретного контраргумента.

— Играть со змеей чревато неприятными последствиями, — наконец нашелся он, уже понимая, что согласится на поставленные условия.

— А вы не дразните змею, — посоветовала Клэр и допила свою порцию спиртного...»

Фён добрался в клан только к обеду. Уставший и почти не спавший, он сразу направился к собственному дому, разместившемуся в центре большого селения. По пути встретил Ганна Вагнера и велел собрать глав семей через час в общей трапезной. Сам же он собирался потратить этот час на сон.

Маока находилась дома. Что-то готовила на кухне, поминутно вздыхая над кастрюлями. Дом был не то что вычищен, он оказался вылизан. Что явно свидетельствовало о ее бессонной ночи и сильном нервном напряжении.

Услышав звук закрывающейся двери, она резко вскинула голову и, на миг встретившись взглядом с мужем, нервно сглотнула, прикладывая ладони к груди...

— Ты привез ее? — тихо спросила она. Голос ее звучал надтреснуто. Глаза были воспаленные, похоже, она всю ночь плакала.

Уставший Фён качнул головой и тут же пожалел о сделанном. Женщина пошатнулась и начала оседать.

— Маока! — успев подхватить, он осторожно вынес жену в гостиную и уложил на диван, провел пальцами по волосам. — Послушай меня.

— Ты же обещал, — тихо прошептала она, а потом спрятала лицо в ладонях, — обещал...

— Послушай, Маока. Нана жива, — прошептал он ей на самое ухо, отчего женщина заплакала еще сильнее, теперь от облегчения. — Дышит, ходит по земле. Справилась с последним подарком лично.

Плечи женщины затряслись.

— Она теперь нас ненавидит, потому не захотела вернуться?

Фён опустил на колени подле жены, взял ее ладони в свои, сжал, пытаясь согреть дрожащие пальцы. Разговор с Маокой был сложнее, чем с Леополиской долгожительницей.

— Я не могу этого знать, Маока. Нана сбежала из Леополиса с друзьями. — Теперь уже собственный голос показался надтреснутым. Здесь, рядом с женой, относительное спокойствие вспыхнуло и исчезло, словно мотылек в пламени. Оно осталось где-то там, в

далеком прошлом, когда было понимание ближайшего будущего. Теперь же и этого не осталось. Достаточно было один раз обречь дочь на гибель, потерять ее... и обрести шанс увидеть вновь. И вот он, черствый человек, в один миг стал трепещущим подростком, не способным совладать с эмоциями.

— Я боюсь за нее, — всхлипнула жена и крепко обняла его.

— Лучше пожелай ей удачи, толку ей с твоего страха?

Погладив ее по волосам, Фён осторожно коснулся губами виска. Слишком мало страха сейчас было в ее сердце. Глава клана Вагнер понимал, что теперь причин бояться намного больше. Но, как ни странно, сам оставался спокоен. Наверное, осознать и свыкнуться с новым положением вещей позволяла банальная усталость.

* * *

Обед не отличался разнообразием: кувшин с очищенной водой, местные тепличные овощи, рассыпчатая гречневая каша и порция желе, обогащенного протеином.

Еда была привычной для Наны, но аппетита не чувствовалось. Его напрочь убила одна немаловажная деталь: у Маркуса Биби были разбиты костяшки. Набухшие розоватые капли сукровицы на его правой кисти то и дело притягивали взгляд Наны.

Об кого он разбил их, догадаться было нетрудно, и оттого кровь стыла в жилах.

— Могу сказать, госпожа Вагнер, что отец начал вас искать лишь спустя две недели, когда стало известно, что префектуру Аллот вы покинули, не выполнив задания. Он даже дал вам несколько дней форы, ожидая вашего появления и объяснения... Но вы не пришли... — Маркус говорил между делом, перемежая слова с едой. Его мало волновал тот факт, что вынужденная собеседница за последние пятнадцать минут ни слова не обронила, да и к еде не притронулась. — Хотите или нет, но вы выполните условия посвящения и вернётесь в клан как полноправный его член.

Проследив наконец за ее взглядом, мужчина усмехнулся, а потом промокнул салфеткой набежавшие капли сукровицы. По белоснежной бумаге сразу отпечатались розовато-жёлтые пятна.

— Вам что с того, ищет меня отец или похоронил? — голос Наны дрожал. Лоб прорезала тонкая, не по-девичьи глубокая морщинка. Глаза чуть покраснели от нервного напряжения.

Ее вопрос был столь наивен, что Маркус не сдержал улыбки.

— Влияние... Ничего больше. Благодарный Фён Вагнер — послушный Фён Вагнер.

— Это шутка? — Нана фыркнула. Маркус же еще шире улыбнулся, отчего опять напомнил ей Тариса Лаена, сбивая мысли в бесформенную кучу.

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете Нана, — прошептал он, задержав на ней взгляд синих глаз. — Думаете, что вас списали как неудавшуюся особь. Думаете, что вы больше никому, кроме генно-модифицированного урода и менталиста, не нужны. Но поверьте, это не так. Ваши родные многое отдадут, чтобы вас вернуть.

— Ложь...

— Вы не были родителем, Нана. Не растили детей, не воспитывали. Вы не знаете, что чувствует родитель, когда ребенок не может оправдать ожиданий. Предательство, раздражение, часто неконтролируемую злость и желание проучить. Иногда жажду убить. Увы, эти чувства чаще сильнее разума, а сделанное не повернуть вспять.

— Демагогия от человека, который не имел детей...

— Я был на вашем месте Нана, — спокойно пояснил Биби. — И я есть на месте вашего

отца. Увы, некоторые решения мы должны принимать, исходя из сложившейся ситуации и обязанностей перед обществом, и, к сожалению, часто личные чувства не должны играть никакой роли. Вы просто заложница ситуации, Нана...

— Да неужели, что же такого произошло с вами, что вы так свободно рассуждаете об этом?

Он не должен был ответить. Нана ждала, что собеседник увильнет, переведет стрелки, скажет в общих чертах. Но Маркус словно ждал вопроса.

— У меня было два брата, Нана. Когда отец погиб на производстве при странных обстоятельствах им едва исполнилось шестнадцать и четыре. Дело сразу засекретили. Мать сильно заболела и начала психически сдавать. Так что мне пришлось очень быстро повзрослеть... А потом мой средний брат возомнил себя богом и уничтожил нас. Выжил только я. По крайней мере, я так думал до недавнего момента.

— Ваш брат спятил?

— Нет, он просто стал императором Сакской империи...

Сказанное не уложилось в голове ни спустя час, ни спустя два. Обед давно закончился, а разговор с Маркусом Биби все не отпускал ее мысли. Собеседник рассказал многое из своего далекого прошлого. Но девушка не могла ни осознать услышанного, ни поверить, ни опровергнуть.

К сказанному можно было просто отнестись как одной из версий происходящего, которая не имеет ни начала, ни конца, но может вынудить почувствовать ситуацию определенным образом. Хотел ли Маркус вызвать в ней жалость или сожаление — непонятно. И да, Нана признавала, что определенное чувство жалости в ней зародилось. Однако стоило ли потакать ему, этому чувству?

Наверное, она была слишком похожа на своих родителей. Сопереживание Маркусу на самом деле не играло никакой роли. Он убийца, готовый ради своих непрогрессивных идеалов обречь десятки врагов и соратников на гибель. И, похоже, Сакской империи повезло, что на трон вступил именно Фердинанд, а не Маркус...

Каким мог быть их третий брат, погибший в те далекие времена, даже думать не хотелось. Дети... кто бы их ни воспитывал, всегда остаются детьми, величайшей ценностью любого времени. Мог ли человек, взявший правление в свои руки, просто приказать убить ребенка? По сути, малыша...

Нана не верила этому. Не хотела. Здесь, не кривя душой, она с уверенностью могла сказать, что ей попросту лгут. А если неправда здесь, то и остальному нельзя верить.

Очередная удобоваримая ерунда от подполья для Наны Вагнер на фоне разбитых костяшек и искусственной белковой еды. Были ли те руки разбиты о лица Райго или Тариса? Как бы Маркус ни старался, Нану больше волновало, что будет с этими ребятами, чем произошедшее с ее родителями.

Смотря в единственное зеркало своей новой комнаты, девушка думала о том, как сбежать, о том, где спрятана камера видеонаблюдения, а где вентиляция? Где находятся основные шахты воздушного снабжения, а где могут быть системы отопления? В каком месте подъемники, и вообще, каковы координаты этого подземного убежища. Есть ли в этом месте ещё обычные люди, которые могут дышать на поверхности?

Рваться наружу тем путем, который ей так благодушно показали, Нана опасалась. Слишком странным было то место, в которое выводила бронирования дверь. Абсолютная тишина хвойного леса навевала тревогу и вызывала чувство опасности. Да и предупреждение

о радиации пугало не меньше.

В идеале можно найти союзника, знающего местные нюансы. Но кем он будет и где его искать, увы, Нана не имела ни малейшего понятия.

Отвернувшись от зеркала, она в который раз скользнула взглядом по белоснежному помещению, по краям ненавистного конверта с целью. Возможно... если бы она согласилась на это действие и опять попробовала сбежать, что-то да получилось бы?

Но... сыграет ли дважды та самая уловка... вряд ли...

* * *

— Это отвратительно... — Кинув на стол очередное распоряжение Фердинанда, Мария Волковски, префект Полоники, вскочила со своего рабочего кресла и нервно зашагала по просторному кабинету. Было такое чувство, что её смешали с грязью.

Наконец, схватив со стола панель голографического телефона, она быстро нащелкала персональный номер префекта Аллота, Казимира Руфа.

Голографическое изображение развернулось перед ней полупрозрачной бесплотной субстанцией. На лице уже давно немолодого мужчины застыли вопросительное выражение и лёгкая озадаченность.

— Мария? Чем обязан?

— Вы видели? — Волковская брезгливо помахала перед голографическим изображением официальной бумажкой. — Вас и нас назначили контролировать процесс создания магазина с живым интеллектуальным товаром.

— Под «нас» вы имеете в виду определённый круг лиц или лично себя? — словно издеваясь, поинтересовался он.

— Префект Руф! Это возмутительно! Мы, префектура Полоника, не согласны.

— Стоило быть активнее на собрании, госпожа Волковская. Увы, теперь мы ничего сделать, кроме как проконтролировать, не можем, — покачал он головой.

— А может, устроим референдум? — женщина задумчиво потерла подбородок. — Голосование всех категорий граждан. Это ведь должно сработать...

Казимир лишь горько усмехнулся. Он прекрасно понимал метание коллеги, он и сам метался по кабинету в поисках адекватного решения, но увы. Он его не видел.

— Мария, их лет сто уже не проводили.

— Но не отменили же...

— Не отменили. — Префект Аллота задумался и откинулся на спинку своего кресла. — Мы можем обратиться в Альков мудрецов, к долгожителям, за официальной оценкой сложившейся ситуации, указать в обращении на аморальность и асоциальность происходящего, на нарушение конституционных прав генномодифицированных.

Мария задумчиво взглянула на голограмму префекта Аллота.

— Это вариант, но... Может, лучше, чтобы это обращение сделала префект дэ Руж? Она, кажется, тоже была против?

— И не только она, — улыбнулся Казимир Руф. — Думаю, лучше просить её составить прошение, она лучше знает, какие слова использовать, обращаясь к долгожителям.

— Я звоню... — закусив губу, женщина быстро нащелкала номер Клэр дэ Руж и выжидательно уставилась на экран телефона. К сожалению, голографический аппарат префект Леополиса купить так и не удосужилась. Пришлось довольствоваться лишь её голосом, что всегда раздражало Марию Волковски.

— Мария? Чем обязана? — без каких-либо приветствий начала разговор

долгожительница, чем сразу повысила уровень раздражения коллеги.

— Наши приветствия, — сразу дал о себе знать префект Аллота. — У нас предложение к вам, госпожа дэ Руж.

— Я вас внимательно слушаю, Казимир, — ни капли не удивилась Клэр.

Мужчина изложил дело быстро и чётко, Мария лишь напряжённо кивала в ответ, забыв о том, что дэ Руж в принципе не может этого видеть.

— Вы думаете, эта стая старых маразматиков сможет помочь? — сарказм так и сочился в голосе Клэр. — Сильно в этом сомневаюсь.

— Но им же не может быть настолько все равно! — взвилась Волковски и снова заметалась по своему кабинету. — Они же долгожители!

— Мария, кроме меня и моего адъютанта, вы кого-то из них видели лично? Я абсолютно уверена, что нет. — Клэр на миг умолкла. — Я напишу письмо, но не ждите от Алькова хоть какой-то реакции.

* * *

Раздражение, вот и все, что почувствовала Клэр от разговора с Казимиром и Марией.

Свон сидел молча напротив неё и теперь сверлил взглядом трубку телефона, из которой доносились короткие гудки.

— Почему вы так сказали? — наконец поинтересовался он.

— Как «так»? — женщина подняла на него тяжёлый взгляд. Мужчина, как всегда, был спокоен и сдержан.

— Что Альков ничего не сделает.

— Потому что... у этих людей не было выбора, — ничуть не смутилась дэ Руж, — либо показательное служение, либо плановая ликвидация.

Похоже, ей все-таки удалось пошатнуть самообладание Кэйта. Мужчина нервно сглотнул, после чего, скорее всего, неосознанно коснулся рукой ошейника.

— Никогда не слышал о таком, — тихо прошептал он.

— Это было слишком давно, — раздраженно ответила Клэр, — как последний отголосок экологических войн, на заре Перелома... как часть программы уничтожения старого порядка. Именно тогда многие долгожители начали скрываться и замечать следы. И именно тогда некоторые вышли на первый план и заявили о своем праве служить новому человечеству.

Как просто было говорить это сейчас. Память уже не была столь яркой, а чувства столь болезненными. Но, смотря на прошлое сквозь новый порядок вещей, Клэр понимала, что тогда было принято правильное решение. Нескончаемые возможности, может, и делали отдельных индивидуумов счастливыми, но большинство так и оставалось в своей социальной яме, не в силах ничего изменить. Ни детей, ни возможностей, лишь бесконечная жизнь в одной и той же роли. Жесткий порядок вещей на фоне умирающей планеты и выродившейся расы.

— Вы, я так понимаю, были среди вторых? — голос Свона вытянул ее из мыслей на поверхность. Была ли она среди вторых?

— Нет, — голос дрогнул. Так некстати вспомнился белобрысый паренек Филл, умеющий внушить что угодно, даже толком не взглянув на человека. — Я просто была одной из тех, кто стоял рядом с первым императором.

Кэйт задумался и снова спросил. Кто бы сомневался. Казалось, у Свона вообще никогда не заканчиваются вопросы.

— Много вас было таких, долгожителей?

Подтянув к себе лист бумаги, Клэр молча принялась за письмо в Альков. По старому обычаю она указывала каждого участника, каждое имя и фамилию.

— Много, Кэйт... Было много.

За триста лет Альков значительно поредел: чей-то жизненный путь просто прекратился, а кому-то помогли его прекратить. Новые лица в Алькове не появлялись. Не было долгожителей. А с последним ушедшим упразднят и этот имперский орган, как ненужный пережиток прошлого.

— Но ведь сейчас преследования прекратились? — Кэйт все не унимался.

— Теперь другая ситуация. — Прощение ложилось на лист ровными строчками, давно не употребляемыми оборотами и словами. — Мораль современного человека сильно изменилась. Сейчас среднестатистический житель полиса в принципе не понимает, что такое убийство. Максимум, что он ощущает, — это срабатывание ошейника, и даже при этом нет понимания злого умысла. Чувства к человеку прекращаются, стоит ему умереть. А тело как оболочка представляет исключительно материальную ценность. Не более. Человек прошлого пришел бы в ужас от такого положения вещей.

— А житель нижнего города?

— Тем более житель нижнего города. Подземные жители наивнее детей, уж поверь мне, — уверенно ответила она. — Если наш злоумышленник где-то прячется, то только не там.

— Почему?

Клэр перестала писать и подняла на него взгляд.

— Потому что... — наконец ответила она. — Жители нижних городов не способны выйти на поверхность, Кэйт. Они попросту не смогут дышать.

— И все же? Ведь возможны исключения?

— В нашем мире возможно все, — тяжело вздохнула Клэр и вернулась к письму.

* * *

— Как прошёл твой первый день, все сделал? — поинтересовался Ирраиль, скользнув взглядом по Вито.

Парень сидел напротив него за столом. Голова высоко поднята, спина ровная, ни одного лишнего движения. На фоне одноглазого гиганта он казался слишком тонким и хрупким, почти прозрачным, словно младенец. Если отступить от всех условностей, состояние его жизненных систем действительно было именно младенческим. Впереди его ждут десятки вакцин, неучтенные при моделировании тела пищевые непереносимости и аллергии. Возможно, будут необходимы доработки по органам чувств и по гормональной системе. Но все это Ирраиль собирался сделать позже, а ещё лучше, в случае острой необходимости.

Голиаф, согнувшись в три погибели, разлил по тарелкам похлебку. Умостившись на полу, огромный циклоп начал есть из казанка, ничуть не заботясь о приличиях и удобствах.

— Зарегистрировался, — тихо и размеренно ответил Вито, отрывая взгляд от циклопа и теперь неспешно изучая лицо своего отца, — получил идентификатор личности, заполнил много анкет и прошёл парочку устных собеседований.

Ирраиль мешал ложкой похлебку, слушая приятный голос парня. Информационные системы империи работали как часы. Если базы данных до сих пор синхронизируют с секретарями его величества, то данные Вито уже лежат на столе Фердинанда. Более того, скорее всего, на заказчика и исполнителя уже собирают информацию.

— Это все? — поинтересовался старик, принимаясь за поглощение безвкусного варева.

Вито и сам приступил к еде, следуя его примеру.

— Я познакомился с девушкой. Она назвала себя Милки Вей, — задумчиво ответил Вито, вспоминая утро. — Был в подземном саду с розовым освещением, на плантациях, видел, как выращивают мясо...

— Эта девушка, Милки Вей, — старик внимательно взглянул на парня. — Она сама подошла, или знакомство было твоей инициативой?

Это не был праздный вопрос. Ирраиль хотел понять, насколько Вито инициативен или, наоборот, покладист.

— Сама, — Вито отложил ложку на стол. Аккуратно заправив за ухо тонкую прядь тёмных волос, внимательно взглянул на мастера. — Это был хороший опыт.

— Что ж, это радует, — удовлетворённо кивнул Ирраиль и вернулся к еде. — Ешь. Через час проведём диагностику, а вечером отправимся на поверхность.

— На поверхность? — переспросил Вито. Его голову тут же наполнили десятки липовых воспоминаний, казалось, он на миг даже объял целый спектр запахов и ощущений.

— В Леополис, — пояснил Ирраиль. — Нас ждёт интересная работа.

Вечер всегда наступает неумолимо. Ставит точку в произошедшем и пускает в этот мир сумерки. Закрывает замок в очередной книге, определяя ее на полку истории. Там за облачными палитрами небосвода запирается очередной день, проигравший в карты все, чем обладал. Туда уходят беды и надежды, свет, страх, свобода... бесконечная борьба за жизнь, непрерывное творение смерти. Взамен бескрайняя ночь открывает перед измученным взором вселенские просторы, показывает, насколько мал человек в ее огромном, бездонном мире. Она, словно старая умелая шаманка, манит к себе в безмятежную черно-синюю глубину, наполненную миллиардами мерцающих звезд. Манит, чтобы наполнить разум дикими образами снов, чтобы одурманить, вдохнуть безмятежность или ужас, поиграть с чувствами, напомнить обо всем, что было, и обо всем, что может случиться... чтобы пробудить и окунуть лицом в реальность, и растоптать, словно букашку, превратить душу в кровавое пятно, ничем не отличающееся от обычного следа краски, мусора на мостовой... В ночном небе можно утонуть, словно в озере, затеряться мыслями и мечтами. Прохладный ветер будет баюкать, пение птиц и цикад — одурманивать, покуда четыре стены собственного дома не укроют от внешнего мира, как убежище от врага. И тогда не будет ни птиц, ни цикад, ни бесконечного звездного неба... тихая, уверенная жизнь без ненужной свободы...

Из дневника Марты Лэйн 115 год от Перелома

Деревья плотной рощей тянулись к небу. Мягкая трава приятно прогибалась под подошвами, а дикие звери проносились мимо, нисколько не боясь человека. Им были безразличны двуногие. Как и четверке генно-модифицированных было наплевать, сколько животных их окружает. Их стремительный путь вел назад, в Леополис, в царство человеческой инфраструктуры и законодательной власти. В мир ожидаемых происшествий, где человек бережёт природу и творит мир на земле, возрождает виды, кормит каждое живое существо и не воюет за свои права. По крайней мере, именно таким видел Кирк идеальный человеческий мир.

Но стоило столкнуться с иной формой мировоззрения, прочувствовать угрозу его существованию, как все вокруг наполнилось противоречием. Казалось, чужое отношение к жизни схватило его за горло и душило, не дает дышать и думать, раз за разом возвращая мыслями в события прошедших суток. Кирк не раз видел смерть. Он знал, что такое взорванный ошейник, и понимал, что такое не случается без причины. Этот предмет защищал всех и вся от опасности, которую нес в этот мир каждый генно-модифицированный. Но, Кирк никогда не думал, что может быть иначе. Что можно убивать просто так, за наличие ошейника или иного генома, за другие взглядов на жизнь. Кому-то, оказывается, нравится жить иначе. Нравится выслеживать, убивать, заводить врагов и сталкивать их друг с другом ради минутной забавы и прогнозируемой выгоды. Кому-то нравится притворяться и подстраиваться, пряча внутри волчий нрав. Кому-то приходится работать зверем, заталкивая поглубже заячью душу. Человеческая масса, доселе казавшаяся однородной инертной субстанцией, вдруг предстала клоакой, кишасей заразой. Природа, которую с таким упорством восстанавливали, оказалось, приютила врагов системы. Что это, как не насмешка самой Вселенной? Мысли крутились в этом сумбуре уже который час.

Злость медленно закипала. Кирк упорно ее давил, пытаясь найти хоть какие-то аргументы для спокойствия. Увы, единственным адекватным оказался совершенно аморальный — ему захотелось увидеть, как неизвестного врага растащат на запчасти муравьи. Как говорили древние, зуб за зуб — или палец за палец. Генетические коды тех архаичных нелюдей явно смогли бы послужить прогрессивному обществу. Мысли и мир наполнились красным.

Солнце садилось, подсвечивая облака всеми оттенками алого. Огромные деревья царапали верхушками низкие кровавые облака. Последние солнечные лучи очерчивали лес красными светящимися столпами, искрились на пылинках, углубляли тени. А потом резко стало холоднее. Облака потемнели и налились чернотой. Влажный ветер ударил по щекам, рассказывая по секрету, что совсем рядом пошел дождь.

— Привал, — скомандовал Кирк, сбрасывая свой перегруженный рюкзак наземь. — Берг, каково состояние батарей?

Его голос звучал глухо, тая в себе все сдерживаемое внутри раздражение. Взгляд скользнул по застывшей рядом Марте Лэйн. Шлем, снятый с умершего незнакомца, скрывал ее лицо, не давая даже отдаленного намека на то, в каком настроении эта женщина.

— Заряда должно хватить на двенадцать часов, — тихо проинформировал врач, сверяясь с показателями своего импланта. В отличие от Кирка Лаена, свои рюкзаки он опустил на землю осторожно, словно те были полны хрусталя. Порывшись в одном из них, извлек сух паек и, не раздумывая, распечатал.

— Должны успеть, — решил Кирк, отворачиваясь от Марты и поднимая взгляд к небу, — отдыхаем два часа. Юл на страже, разбуди меня через час.

Кович молча кивнул и, покосившись на застывшую рядом Лэйн, наконец сбросил с плеч свою ношу — разобранный экзоскелет. В отличие от Берга Лаена, он решил начать с воды, а не сух пайка. Опустившись на сырую землю, Юл жадно припал к фляге и буквально ополовинил ее в пару глотков.

Марта же не шелохнулась. Она вслушивалась в свои ощущения. Для неё мир молчал. Шлем не позволял услышать чужие мысли, внешние звуки казались чуть приглушенными. Это напоминало жизнь в Кальтэное, где её личная Вселенная сузилась до четырёх стен белоснежной палаты.

В то не столь отдаленное время единственными звуками ее персональной Вселенной и полной несвободы были те, что создавало её тело: дыхание, сердцебиение, собственный голос, иногда крик, порой всхлип. Среди них где-то на подсознательном уровне записались иные звуки: скрежет ногтей по стене, треск рвущихся волос или скрип до боли стиснутых зубов. Лязг замка и бесшумность тяжелой двери, свист резиновой дубинки в воздухе, или ее глухое постукивание по стене...

В тот день, когда Клэр впервые вывела Марту на улицу, она тоже заставила надеть шлем. Все для того, чтобы новоприобретенная игрушка не спятила.

Тогда Лэйн смотрела через затемненное стекло на небо и думала, что мир навсегда останется для неё невзрачным и серым, с отсветом отпечатков на выпуклом стекле.

Шутка ли, спустя пятнадцать лет опять видеть его приглушенным, вылавливать на шлеме мутные следы чужих пальцев и понимать, что вскоре Вселенная снова сузится до четырёх стен очередной камеры в ненавистном Кальтэное.

Эта мысль словно музыкальный фон крутилась в её голове, а взгляд скользил вокруг, привычно задерживаясь на каждой поверхности. На каждом дереве и травинке, вылавливая

признаки безопасности, или отсутствия таковой... она осмотрела лохматую макушку Юла, посеревшее в сумерках лицо Берга... напряженные плечи так и не пришедшего к равновесию Кирка.

Наверняка он сейчас ее ненавидит. Скорее всего, успел приравнять к напавшим на них пришельцам, еще и надумал поверх всякого.

Сожалела ли Марта о том, что раскрыла себя? Она не могла сказать стопроцентно. В тот момент она не принадлежала себе, а просто действовала по ситуации, как сотни раз до того. Скорее всего, некоторые натренированные в юности привычки не исчезнут даже спустя сотни лет. Сейчас Марта могла с легкостью обругать себя за то, что они все еще управляют её телом. Но вчера она не думала об этом. Просто старалась успеть, пока не стало поздно... И успела, и помогла, насколько хватило сил.

Увы, команда Кирка была не подготовлена к такого рода нападению и к таким типам оружия. И уж тем более никогда не имела дела с самым натуральным человеком и его абсолютно натуральным животным отношением к какой-либо жизни.

Печаль, вот что она чувствовала. Ее время уходило, утекало, как песок сквозь пальцы, быстро и неумолимо.

— Адьютант Лэйн, отдохните, — тихо вымолвил Берг, — правды в ногах нет, путь еще неблизкий, да и в Леополисе отдохнуть не дадут.

С этими словами он покосился на Кирка, развалившегося поверх спального мешка. Командир их поредевшего отряда прикрыл глаза и, похоже, пытался провалиться в быстрый сон.

— Увы, дорогой мой друг, я не смогу уснуть, — прошептала Марта. Встроенный в шлем микрофон искажил ее голос, добавил помех и скрипа.

— Тогда сядьте, — подал голос Юл. — Расскажите что-нибудь о прошлом.

— Что-нибудь? — Марта растерянно взглянула на него.

— Да, о днях Перелома или еще о чем-то интересном, о таком, о чем в книгах уже не пишут, — поддакнул врач и раскинул по земле свой спальный мешок. Жестом пригласил присесть.

Марта смутилась, а потом опустилась на жесткую ткань мешка.

О чем она могла рассказать им, о голоде, ядовитой воде? Или, может, о голой, пустынной земле? Чрезмерно жарком лете, от которого плавился старый асфальт в полуразрушенных городах? Или, может, поведать о костях животных, которые ценились дороже доживающих свой век гаджетов?

Кирк неожиданно открыл глаза и повернул голову в ее сторону. Его лицо не выражало абсолютно ничего: ни ненависти, ни заинтересованности, ни раздражения. Все же справился, успокоился.

Это хорошо, значит, обратный путь пройдет без ненужных разговоров. А может, он для нее лично, закончится где-то здесь.

Было бы хорошо, если бы ей позволили уйти. Но не позволят. Марта понимала это так же отчетливо, как и то, что на улице день.

— У меня было пять сестер, — начала она свой рассказ, — и девять братьев. Родителей у нас было много. По сути, каждый, кто жил в нашей общине и мог держать в руках топор, был для нас в равной степени отцом и матерью, братом и сестрой, товарищем и другом, единомышленником. У нас была огромная семья, которая в неделю съедала по несколько кабанов и парочку ведер кореньев. Мы были уверены, что миром правит разруха, в то время

как некоторые города все еще сохраняли цивилизацию. Среди увенчанных сединами даже ходили поговорки типа «как встретишь пришельца, так спасешься от свободы» или «стены есть, да не у нас, наш мир лесом покрыт, чужой в четырёх стенах торжествует». Когда стала старше, я даже начала различать этих людей из высшего общества с их особенным миром. У них был другой запах, иные мысли. Станные и непонятные нам, потому что думали они другими образами и иными категориями. Употребляли абсолютно незнакомые нам слова.

К ним нельзя было приближаться, а уж тем более прикасаться. Наказание было жестоким и стремительным... окончательным.

— Они убивали? — тихо спросил Юл.

Марта усмехнулась, микрофон же транслировал в окружающий мир тишину.

Образы прошлого бились перед ее глазами за право быть описанными. Но Марта не могла о них рассказать. Только не Юлу и Бергу... и даже не Кирку. Жестокость ее мира была вне их понимания. Рэйди отборы и отсевы, охота за интересными экземплярами с уничтожением носителей ненужных генетических вариаций.

— Они искали одаренных, — наконец выдала она, стараясь отстраниться от навязчивого воспоминания, — мы были их контролируемым экспериментом. Все мои сестры, братья, отцы и матери были лишь результатом продолжительной работы. Наша дикая свобода оставалась такой лишь потому, что их четыре стены были слишком велики. Все, кто выпадал из эксперимента, становились ненужными. А все, кто подходил по параметрам, двигались дальше, в новый этап исследований.

— Звучит так, словно проводилась искусственная селекция, — тихо пробубнил Берг, рассматривая свою механизированную руку.

— Тогда госпожа Лэйн — лишь результат чьего-то больного воображения, неудачный эксперимент, жизнь из чьей-то прихоти, разве не насмешка судьбы? — выдохнул Кирк. Взгляд его вперился в почерневшее небо.

Повисло молчание. Настроение пропало.

Поджав колени к подбородку, Марта плотно обняла их руками и застыла.

Кирк слишком емко описал ее никчемную жизнь. Слишком длинную и по сути прожитую под вечным наблюдением.

— Все мы есть и существуем, благодаря чьей-то прихоти, — возразил Берг, — не впадать же из-за этого в отчаяние. Неважно, родители это, мастера или «система», жизнь дана, чтобы заниматься полезным делом, а не гадать над ее смыслом и тем, какой она могла бы быть, если бы в нас вложили иные исходные данные. — Интонации его были непривычно жесткими и уверенными. Берг Лаен определенно верил в то, что говорил. — Вот просыпаюсь я впервые, у меня нет детства и юношества, нет за плечами института, я просто знаю, что являюсь врачом. У меня по умолчанию в голове находится нужная база данных. В противовес полный ноль в мышечной памяти. У меня заведомо нет руки, потому что будет имплант. У меня заведомо дополнительные анализаторы в нервной системе. Я просыпаюсь и знаю, что спроектирован под госзаказ, под конкретную профессию. И знаешь что, я рад этому, потому что заведомо создан из стабильного и здорового генома. Мне дана полноценная жизнь и прекрасное здоровье, мои честные восемьдесят лет, которые я не собираюсь тратить на никому не нужную ерунду и нытье о смысле и цели в жизни.

— Может, потому что тебе эту цель вложили? — усмехнулся Юл Кович. Берг смерил его продолжительный взглядом, а потом махнул рукой.

— Юл, я человек, а не машина. Я могу передумать и перехотеть так же легко, как и

любой другой. И если захочу поменять профессию, непременно это сделаю.

Повисло молчание. Юл, так и не ответив, пристроился возле ближайшего дерева и собрался охранять. Кирк, похоже, все-таки позволил себе уснуть. Берг занялся очередной проверкой имплантов. А Марта вновь осталась один на один со своими страхами. Увы, Берг был неправ. В их мире никто не свободен в выборе. Всё та же клетка, только шире и чуть не заметнее.

* * *

«Плановая ликвидация», — эта фраза преследовала Кэйта Свона весь остаток дня. Он не раз видел планы, нормы выполнения, на месяц, на квартал, на год или на несколько лет. Обычно они касались очистки участков земли от мусора или какого-либо химиката. Но вот чтобы там писали количество человеческих голов — никогда. Оттого шок, поглотивший его разум в первые секунды после того, как он осознал сказанное долгожительницей, так и не отпустил.

Свон даже пытался представить, как кто-то такой же, как полковник Мидлтон, нажмет на кнопку, и десяток гемовцев упадут бездыханными. Образовавшаяся в воображении картина была столь иррациональной, что казалась абсолютно невозможной.

Об этом, похоже, стоило почитать. Хотелось понять, каков должен быть психологический портрет человека и его окружения, чтобы такое действие в принципе стало реальным.

Что должно быть нормой для такого индивидуума? Какой уровень допустимого насилия?

Какова кривая личных границ, критерии общения?

Задумавшись, он не сразу сообразил, что застыл напротив двери ресторана. На фоне вечерних сумерек обычная витрина выглядела как портал в иной мир со своими правилами и законами.

Ярко обставленное помещение с рядом диванчиков и столиков привлекло внимание, а живот предательски заурчал. Спohватившись, Кэйт толкнул полупрозрачную дверь вошёл внутрь.

— А смотри это тот самый... — хихикнула девчонка, склоняясь к своей спутнице за столиком. Не обратив на них внимания, бывший следователь прошёл к стойке.

Очереди не наблюдалось.

— Питательный набор тринадцать и перекусочный набор номер три, — сделал он заказ.

Миловидная официантка за стойкой задумчиво взглянула на Свона, потом прыснула со смеху.

— Что-то не так? — поинтересовался Кэйт. Девушка попыталась унять эмоции и сдавленно прошептала:

— С вас двадцать стандартных единиц... Следователь Свон.

Шумно выдохнув, он прижал к сенсорной панели считывателя большой палец и уныло проследил за тем, как аппарат отсчитал сумму.

— Спасибо за заказ. — Коробки с едой тут же были ему переданы.

Забрав их, он вернулся в городской совет, попутно ловя на себе взгляды. Где смешливые, где недовольные, где просто удивлённые. Благо, стоило зайти в городской совет, всеобщее удивление сошло на нет.

Странность, с какой стороны ни посмотри. Отдав дэ Руж её ужин, он присел за рабочий стол Марты и быстро развернул коробку. Скрученная в трубку вечерняя газета сразу

полетела в мусорное ведро, а огромный бутерброд был зажат зубами.

— Кэйт... поужиной сначала, потом газету почитай, — раздалось напутственное по громкой связи. Переживав, Свон задумчиво взглянул на ведро, которое уже успело утилизировать брошенный туда сверток.

— Прошу прощения, я её утилизировал, не читая.

— Нестрашно, там всего лишь описание твоего позора, детальное... С фотографией... — раздалось невозмутимое из громкоговорителя. Не прошло и минуты, как дверь в приёмную открылась и туда кто-то заглянул... Посмотрел и ушёл.

Сценка повторялась трижды. Кэйт невозмутимо доел свой перекусочный набор номер три, откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу и выжидательно уставился на дверь.

Следующего, кто откроет, ждал сюрприз — бывший следователь Кэйт Свон в полной боевой готовности, правда, уже без фривольного рукоприкладства.

* * *

Голографическое изображение его величества Фердинанда развернулось в центре казенных апартаментов неожиданно, вынудив Дмитрия поперхнуться.

— Ваше величество, извините за мой вид, был не готов, — прощамкал Дмитрий по привычке, что вовсе не вязалось с его новой внешностью. Фердинанд некоторое время рассматривал Советника, после чего изрек:

— Вы даму под столом прячете, или ваша неготовность выражается другим образом?

Дмитрий поспешно затянул распушенный по привычке пояс штанов и приосанился.

— Я обедал.

— Чудненько, а я уж было подумал, вы решили взять пример со следователя Свона.

— Простите?

— Ничего особенного, советник Дмитрий, просто забавное совпадение. Местная цензура посчитала статью о рукоблудствующем офицере полиции вполне приемлемой для еженедельной газеты... — Фердинанд лениво осмотрел комнату. — Как дела с вашим заданием, беженцев нашли?

— Ну... Как вам сказать, группа поиска отправлена и, похоже, возвращается с пустыми руками. Префект дэ Руж не сильно вникала в подробности, видимо, ребята нарвались на асоциальные формирования и их некорректные действия.

— Это вы мину некорректным действием обозвали или наличие стрелка? — сарказм так и лился из императорских уст.

— Я не особо понял, ваше величество. В сообщении, которое прислала мне Клэр дэ Руж, сказано старыми понятиями, мне, увы, недоступными.

— Перешли сообщение Нандину Абэ. И закрой свои хвосты к концу недели. Это предупреждение.

* * *

Тридцать девятая зашла в кабинет Нандина Абэ, как обычно, без предупреждения. Стопка бумаг, принесенных ею, привычно опустилась на край дубового стола. Рядом с ними, разместился блок записывающих устройств.

— Сводка, — одним словом изрек начальник тайной полиции, даже не подняв головы.

— Общая Сводка, — тут же начала девушка, — сейчас три часа дня, место расположения — Живой континент, город — Сельва. Концентрация озона без изменений, на тридцать процентов ниже нормы. Температура внешней среды — двадцать градусов, влажность — пятьдесят семь процентов. Радиоактивный фон — ноль целых восемь десятых

микрoзиверт в час. Состояние холодильных установок отменное, кривая вымирания без изменений. Кривая восстановления экосистемы западного региона без изменений. Кривая потребления возобновляемых ресурсов без изменений... Кривая...

Нандин наконец поднял голову и недобро взглянул на секретаря:

— Каждый раз одно и то же... — процедил он.

Девушка даже не смутилась. Её взгляд был пуст, как обычно это бывает в первую неделю после синхронизации. Период адаптации пройдёт, и разум красотки наконец привыкнет к потоку поступающей информации. Сейчас же приходилось мириться с тем, что есть.

— Вопрос неясен, уточните, пожалуйста, — голос, лишённый эмоций, прозвучал, как всегда, ровно.

— Сядь, тридцать девятая, и пиши, — Нандин кивнул на стул, а когда секретарь выполнила его указание, молча вручил ей чистый лист бумаги и ручку.

Откинувшись на спинку кресла, Абэ начал диктовать:

— Пиши, тридцать девятая. Общая сводка для Нандина Абэ. Первое, уровень агрессии в порядке уменьшения, только касательно мест возникновения. Второе, уровень незначительных нарушений, третье... Местоположение Фердинанда, четвёртое — моё местоположение...

Телефонный звонок прервал его речь звонкой трелью.

— Да, — Нандин включил связь, не глядя, и тут же напрягся, услышав голос своего бывшего подопечного.

— Зайди, Нандин, и прихвати тридцать девятую. — Фердинанд был раздражен и, похоже, едва сдерживался.

Нет предела человеческим желаниям, как нет свободы без ограничений. Где два желания сталкиваются и создают противоборство — там начинается конфликт и пролегает граница между двумя жизнями. Вседозволенность не свобода, это попытка идти по чужой территории и пить из чужого колодца, не более.

Сказание о прошлом

Время публикации неизвестно

Старый подъёмник отвратительно скрипел. Чем-то он напоминал инвалидную коляску мастера Ирраиля: такой же ветхий, выдавший лучшие времена.

Голиаф не поехал с ними. Он остался внизу и провожал взглядом единственного глаза, покуда не затекла мощная шея. Вито и сам не мог перестать смотреть на него. Ему казалось, Голиаф не взглядом, а лазером прожигает и вот-вот спалит дотла. Скорость увеличивалась, и ветер обдал щеки резким порывом. Юноша пошатнулся.

— Не смотри вниз, — посоветовал мастер Ирраиль, удержав его от падения, — голова закружится.

— Простите? — растерянно переспросил Вито, переводя взгляд на мастера. Старик убрал руку и поудобнее устроился в своей коляске. Нахмурился, думая, как объяснить доступнее.

— Чрезмерная стимуляция зрительного нерва с одновременной стремительной сменой положения тела в пространстве чревата неприятными последствиями, Вито, — наконец ответил он, поняв, что понятно не получится. — К примеру, временным отключением вестибулярного аппарата, слабостью нервных сигналов в конечностях.

— Я не понимаю... — Вито растерянно захлопал ресницами. Старик тяжело вздохнул. Перестарался.

— Ты же ощущаешь это, — он взглянул парню в глаза, — как трясутся твои колени и чувствительность покидает стопы. Слабость как результат выброса в твою кровь кортизола.

— Мне это ни о чём не говорит, — растерянно прошептал Вито, а потом задрал голову.

Искрящийся лампочками тоннель уходил горизонтально вверх, сквозь десятки жилых уровней. Края этажей плыли от движения воздуха, пыли, проходящих мимо людей и тварей, роботов всех возможных размеров.

Ирраиль раздосадовано покачал головой. Взглядом он скользил по проносящимся мимо этажам, по сменяющимся друг за другом жилым кварталам, ровным желтоватым коридорам. По бесконечному потоку представителей рабочего класса.

Чем выше неслась платформа, тем аккуратнее казался десятый город Леополиской префектуры. Путь в тридцать этажей закончился быстро. А дальше их ждала пересадка.

Они сменяли подъёмники несколько раз, пока не добрались до самого верха.

Ирония, единственный официальный пневмопуть из Ио в Леополис был в противоположном крыле от базирования банды Биби. Ирраиль подозревал, что Биби вряд ли брезгует пользоваться этим видом транспорта: удобство и скорость последнего никто не отменял. К тому же был ещё один немаловажный момент — в отличие от электрокаров и персональных авто, пневмопуть был бесплатным и сверхскоростным.

Имелась и ложка дегтя, как и любой государственный транспорт, он был оснащен

видеонаблюдением. По правде говоря, Ирраиль надеялся, что Биби успел здесь засветиться, а еще лучше привлечь внимание, как это вскоре сделает Вито Лаен. Ирраиль не сомневался, что так и будет. В конце концов он специально создал этого мальчика по принципу красной тряпки для быка.

Вход на вокзал был оснащен детектором. Устройство никак не отреагировало на Ирраиля. А вот перед Вито, как и ожидалось, опустился силовой барьер, напрочь отрезав парня от внешних звуков. По дрожащей поверхности скользнуло лицо штатного оператора.

— Приветствую вас, Вито Лаен. На связи оператор межрегионального бюро внутренних передвижений, номер две тысячи триста сорок семь. Объясните цель вашего перемещения, пожалуйста.

— Леополис, прогулка вместе с мастером Ирраилем, — неуверенно ответил Вито, находя взглядом старика. Его создатель застыл невдалеке от Вито и, казалось, задремал в своем инвалидном кресле.

— Согласно межрегиональной инструкции о внутренних перемещениях ставлю вас в известность о небезопасности посещения поверхности. — Ничуть не удивился ответу оператор. — Во избежание нежелательных последствий, рекомендуем по прибытии на место назначения пройти обследование в учреждении охраны здоровья населения и получить программу по поддержанию вашего организма в корректной для существования форме.

— Хорошо, — кивнул Вито, по сути, ничего не разобрав из вышесказанного, уж слишком быстро говорил этот оператор.

— Подпишите уведомление, поставьте отпечаток на соглашение... Примите инструкцию, пожалуйста. Верните бумаги в приемный лоток, пожалуйста...

Вито растерянно подписывал все, что выплевывала стена ему в руки, и послушно складывал в образовавшуюся слева в стене нишу. Документы появлялись одни за другими и так же быстро исчезали.

Когда барьер отключился, парень был взбудоражен, сердце его колотилось, а голова шумела. Мастер, в свою очередь, успел вздремнуть, у прохода даже образовалась небольшая очередь. Больше барьер никого не останавливал.

— Бюрократия, — изрёк Ирраиль и многозначительно взглянул на своего подопечного, — запомни это слово, Вито, и свяжи с этим моментом.

— Бюрократия охраняет здоровье? — решил уточнить парень, рассматривая единственную квитанцию, которую ему сказали беречь.

Вопрос вогнал старого мастера в уныние. Этому ребенку предстояло ещё очень многое выучить, на что он надеялся, создавая его, тем более делая мишенью для Фердинанда? Чем в итоге обернется эта поездка в Леополис? Впрочем, своему творению он не мог рассказать об этих тревогах. Либо не поймет, либо поймет и испугается, а там и до потери контроля над ситуацией недалеко.

— Нет, парень, бюрократия его съедает, — подумав, ответил старик. — Это обоюдный процесс и не всегда приятный.

Вито в который раз за этот день задумался, пытаясь анализировать все произошедшее. Ему беседа с оператором не казалась вредной для здоровья. Наоборот, из разговора он понял, что определенную опасность несет эта поездка.

Но с мастером не спорят. А если мастер неправ, то пользуются первым правилом. Кто вложил в него это знание, не было секретом, но жаловаться на это юноша не собирался. Тем более своему создателю.

Ирраиль крутанул колеса и направился в глубь просторного зала. Вито Лаен ещё некоторое время стоял, нервно сжимая в руках тонкий лист квитанции, полученной от оператора межрегионального бюро внутренних передвижений, и лишь потом оглянулся. И вот он снова почувствовал слабость в коленях и головокружение. Огромный зал был абсолютно не похож на все то, что он видел до этого в Ио. Да и сколько он видел? Все его воспоминания были ничто по сравнению с искусственной базой картинок в голове. Но даже так зал поражал: облицованный камнем, обставленный гладкими, отполированными до блеска колоннами, с исполинскими шестиметровыми окнами и огромным сине-розовым куполом над головой. Каменные твари застыли в движении, обрамляя ячеечный глаз купола плотным кольцом. Казалось, их тела сплелись в живом танце и на миг застыли в объективе фотокамеры.

— Не спи, Вито, — окрикнул его старик. Он уже успел добраться до противоположного конца зала и теперь с раздражением следил за Лаеном, задравшим голову к потолку, раскрывшим рот от удивления и разглядывающим старое здание словно неповторимое чудо техногенного мира. Парень спохватился и поспешил к нему.

— Это ведь окна? — спросил он, размахивая руками и настигая старика. — Почему они чёрные там ночь, а наверху, это фонарь, почему он сине-розовый?

Очередной детский вопрос. И в который раз Ирраиль тяжело вздохнул, бросая косо взгляд на ближайшее стекло в шестиметровой раме.

— Это фальшивые окна, Вито. За ними лишь порода. Единственное настоящее окно находится у нас над головой, — и он указал пальцем вверх, — как видишь, там действительно начинается ночь...

* * *

Разговор с Дмитрием не принёс ясности. Похоже, старый советник полностью отбил от рук. Чего только его омоложение стоило.

Зачем, спрашивается? Разум от этого не посвежел, нисколько. Раздраженно фыркнув, Фердинанд уперся взглядом в коробку с кристаллами, полными под завязку. Всего двадцать две штуки, каждая подписана именем из прошлого.

Маркус.

Отчёт, который тридцать девятая приложила к коробке, свидетельствовал о том, что в префектуре Леополис не так уж много людей, носящих это имя. Ещё меньше Ирраилей. А значит, искомый шутник обнаружится очень скоро.

Подхватив первый ближайший кристалл, Фердинанд начал просмотр. На записи оказался некий тощий подросток, за которым, в принципе, наблюдать было лень. Мог ли этот паренёк стать заказчиком Вито? Однозначно нет. Кристалл был изъят из ретранслятора, на его место встал другой. Ещё один подросток, ещё один Маркус...

В основном это были записи с камер слежения. Нудные видео, фиксирующие нужные объекты не в самом лучшем ракурсе.

Время шло, кубики менялись одни за другими, пока очередной «Маркус» не заставил императора обратиться во внимание. Непродолжительная запись показывала, как двое мужчин всего лишь пожали друг другу руки. Все чинно, ничего особенного. Вот только это была запись с места убийства в Леополиской академии. Более того, одним из заснятых был бывший следователь Свон, которого ещё в начале недели так бестактно обвел вокруг пальца менталист.

Простукав пальцами по ретранслятору, Фердинанд вывел запись в пространство и

теперь с напряжением следил за незнакомцем.

Изображение растянулось огромной серой голографической плоскостью, люди на нем выросли до человеческих размеров и наполнились объёмом. Не хватало цвета. Казалось, Фердинанд смотрит на них сверху вниз, хотя на самом деле это они висели перед ним в таком ракурсе.

— Следователь Свон? — поинтересовался мужчина, демонстрируя на камеру свою макушку. Светлые волосы были аккуратно расчесаны. Крупное телосложение, около правого плеча что-то постоянно мелькало, но что это, Фердинанд не мог увидеть, пока объект не обернётся или хотя бы не отойдет чуть дальше. В отличие от последнего, Кэйт Свон выглядел вполне знакомо и прилично. Спокоен, уверен. При исполнении.

— Директор Соболевски... — следователь пожал гипотетическому Маркусу руку. — Давайте найдем место потише.

— Думаю, там будет вполне удобно, — Соболевски указал в сторону ближайшей подсобки. А потом наконец развернулся к камере лицом...

По спине пробежался холодок. Фердинанд и сам не заметил, как остановил запись. Теперь стало понятно, что мелькало: маячок голографической маски. Маски были дозволены в их обществе, имели серийные номера. Вёлся учёт владельцев. Это никого не смущало.

Вопрос был к использованному для этой маски лицу...

На него смотрел его отец. Такой, каким Фердинанд запомнил его до смерти.

Коробка с записывающими кристаллами полетела сквозь голографическое лицо. Следом с письменного стола в неистовстве было сметено все, что на нем лежало. Ретранслятор упал на пол, и только тогда голографическое изображение исчезло.

Найдя в сотворенном бардаке телефон, Фердинанд быстро набрал номер Нандина:

— Да... — спокойствие Абэ резануло по самообладанию. Только теперь император понял, что едва сдерживается.

— Зайди Нандин, — процедил он, — и прихвати тридцать девятую.

Нандин Абе был не готов. Стоило зайти в императорский кабинет, как все спокойствие смело напроць. Чужие чувства и мысли одолели его, перевернув все с ног на голову. Резко застыв у захлопнувшейся за спиной двери, Абе придержал рукой тридцать девятую, не давая ей подойти ближе. Взгляд скользнул по разметавшемуся по полу документам, опрокинутому телефонному аппарату, поблескивающим среди ворса ковра острым граням кристаллов памяти. Сам хозяин кабинета склонился над своим столом, упершись в него руками. Дышал тяжело, а смотрел еще тяжелее.

Дело пахло жареным.

— Скажи-ка, тридцать девятая, — тихо вымолвил Фердинанд, рассматривая невозмутимую секретаршу. — Когда ты вытаскивала из базы данных информацию обо всех Маркусах, тебя ничто не смутило? — поинтересовался он.

Голос его дрожал от перенапряжения. Нандин мог руку отдать на отсечение — император был на грани. Одно неосторожное действие или слово — и он сорвется. Мало не покажется. Тридцать девятая, увы, этого не понимала, а повлиять на неё Нандин не мог. Не сейчас.

— Запрос был на поиск всех обладателей имени, — ничуть не смутилась женщина. — Иных критериев озвучено не было. У вас есть особые пожелания к предоставленному

списку? Могу сделать выборку по половому признаку...

Фердинанд покрылся красными пятнами и перевёл взгляд на Нандина.

— Какого черта происходит, Нан? По Леопосу ходит человек в маске с лицом моего отца, пользуется именем моего брата? Да у него фамилия моей матери... — он медленно выпрямился и обошел стол. — Нан... Ты издеваешься надо мной?

— Мой император, уверен, всему есть объяснение...

— Молчать! — вскрикнул Фердинанд, отчего Абэ вмиг захлопнул рот. Связки послушно расслабились, полностью подконтрольные взбесившемуся Ферди. Император тем временем продолжал, опять заговорив тихо, почти на выдохе:

— Не ври, что это прошло мимо твоего внимания. Ты не мог это упустить, не с твоими возможностями...

Фердинанд подходил ближе, а Нандин не в состоянии был ответить: его колени подогнулись, тело опустилось на пол. Император желал этого, и его требования безропотно выполнялись.

Истинно первый император, который заставил слушаться своих потомков до седьмого колена, был жесточайшим из менталистов. Слишком сильным, слишком беспринципным.

Мысли Фердинанда о быстрой расправе, смерти, самоубийстве, казни наполнили голову. Абэ ничего не мог поделать, кроме как исполнить, не мог даже взывать о милости. Сердце нещадно колотилось от понимания: еще миг — и его собственные руки исполнят желаемое императором.

— Так мне сделать дополнительную выборку? — поинтересовалась тридцать девятая. Фердинанд медленно обернулся, не веря своим ушам. Женщина оставалась невозмутимой. Она, как и полагалось, все еще пребывала в спасительном процессе синхронизации и попросту не ощущала эмоций. Это и спасло Абэ. Потомок первого императора отвлекся, и Нандин вздохнул с облегчением, чувствуя, как чувства возвращаются в норму. Тридцать девятая, сама того не ведая, спасла его если не от гибели, то от увечий. Произойди эта сцена неделей позже, и девчонка, скорее всего, уже забыла бы, как дышать, а он занялся бы качественным самоустранением.

— Выборку? — переспросил Фердинанд.

— По половому признаку, — продолжала гнуть свое тридцать девятая.

Фердинанд опять взглянул на Нандина, оценил его посеревшее лицо, после чего фыркнул:

— Уберись здесь, тридцать девятая... — После чего поднял ретранслятор с пола и снова включил запись, ввергнув его в неистовство. — Любишься, Нандин, похоже, это и есть наш шутник... Смешнее не придумаешь.

* * *

Провал в памяти. Это первое, что осознал Райго, стоило ему открыть глаза. Так, словно последняя пара часов напрочь стерлась. А может, и целый год. Внутренние часы упорно говорили о том, что где-то произошел сбой. Тело болело каждой своей клеткой. В горле пересохло от жажды. Но хуже всего было положение, в котором он находился. Райго лежал, руки и ноги были прикованы, голову фиксировали ремни, грудь туго перетянута. Не шелохнуться. Он видел ровно столько — насколько хватало обзора. И то, что он наблюдал, не нравилось ещё больше собственного состояния.

Похоже, это была операционная. Несколько человек в белых комбинезонах занимались своими делами. Их фигуры находились чуть дальше ног. В обозрение попали и

хирургические инструменты, от вида которых прошиб холодный пот. А еще Райго не слышал ни одной чужой мысли, так, словно утратил это умение, оглох.

В чьих-то руках промелькнул скальпель, и Райго бесполезно дернулся, чем привлек внимание.

Незнакомая женщина неожиданно склонилась перед ним и посветила в левый глаз фонариком. Лысая, с татуировками и металлической пластиной вдоль черепа. Райго не мог сказать, справа эта пластина или слева. Что-то странное творилось с его головой, словно в ней рылись не один час, перепутав местами основные понятия.

— Как ты себя чувствуешь, Райго? — поинтересовалась она. В её голосе проскользнул неподдельный интерес и участие. За ее спиной столпились остальные, рассматривая его, словно экспонат. Это обескураживало.

— Где я? Что происходит? — собственный голос был сиплым, словно он кричал не один час.

— Ио, десятый подземный город префектуры Леополис, — не стала скрывать незнакомка. — Мы слегка подлечили твои ноги. И да, ты действительно кричал. Наши обезболивающие тебе не подошли. Извини. Я стерла это.

Райго тяжело взглянул на неё. Сердце начало танцевать в груди. Мозг судорожно искал ответы на вопросы, а их не было.

— Как ты здесь оказался? — опять прочитала она его. — Это неважно.

— Дэйла, не затягивай, — послышалось позади, толпа за спиной Дэйлы рассредоточилась и пропала из поля зрения. Райго напрягся. Что-то должно было произойти. Но что, он не знал. Не мог пошевелиться, не мог читать эту женщину, ни кого-либо другого в этой комнате. От понимания безвыходности ситуации едва ли не тошнило.

Женщина, которую назвали Дэйлой, выпрямилась и взглянула на говорившего, посерьезнела.

— Тебе лучше уйти.

Человек хмыкнул, а секундой позже за целой вереницей чужих шагов хлопнула дверь.

Дэйла ещё некоторое время смотрела в ту сторону, а потом снова опустила взгляд к своему пленнику.

— Я сейчас буду работать с твоей головой, Райго. Не утруждай себя запоминанием происходящего, — посоветовала она, склоняясь над ним и заглядывая в глаза. Райго нервно дернулся, увы, снова безрезультатно. Женщина никак на это не отреагировала, продолжая свой монолог. — Не думай о том, что уже случилось, в этом нет никакой пользы. Ты все равно не вспомнишь... Извини, так надо.

Холодные пальцы сдавили виски, и в тот же миг чужое сознание коснулось его. Иссиа застонал. А менталистка спокойно взгляделась ему в глаза, проникая все глубже в его мысли.

— Расслабься, Райго, и не бойся. Я умею быть осторожной...

От её слов стало жутко. Он чувствовал, как она роется в его памяти, перекладывает там воспоминания в только ей известном порядке. Это не было грубое вторжение Марты Лэйн с целью просто посмотреть. Манипуляции Дэйлы были легче дуновения ветра, нежнее птичьего пуха. Она жонглировала его мыслями, вытягивала их на поверхность. Хуже всего было то, что она видоизменяла их. Вписывала в его чувства себя, словно константу существования, нерушимую неизбежность, исходную данную, с которой придется теперь жить и считаться.

— 3-зачем? — Собственный голос показался чужим, словно эхо из прошлого.

— Чтобы ты был послушным, Райго Иссиа, — выдохнул она, касаясь дыханием его губ.

Слишком жестокая правда, которая ядом растворилась в нем. Слишком откровенное действие, чтобы сохранять остатки самообладания.

Мир сузился до невозможности. Чужое дыхание стало единственной нитью, связующей с собственным сознанием. Райго хватался мыслью за эту нить, держался за неё, как за спасательный круг. Тонул и забывался. А потом снова всплывал на поверхность и дышал... Дышал сильно, рывками, чтобы набрать побольше воздуха в легкие и не забыться вновь, не исчезнуть навсегда во время сильнейшего мозгового штурма...

«

— Я вот все не могу понять, какого ты делаешь в моей голове... — Возмутился Тарис Лаен сквозь абсолютную черноту. — Ходишь, бродишь, как у себя дома. Своей черепушки мало, или собственные гости надоели?

Фраза была столь иррациональной, что Райго от неожиданности открыл глаза. Было темно. Серый цвет клубился вокруг него, словно дым. Слабый свет подсвечивал его насквозь, пронзал лучами, словно острыми лезвиями, намекая на полную ирреальность происходящего. А потом пришло воспоминание: некая лаборатория и мозговой штурм, устроенный незнакомкой. Но когда это происходило?

— Вообще-то это сейчас происходит, — поделился информацией модифицированный и многозначительно повел бровями. Откуда Иссиа знал об этом, он и сам не мог сказать. Да и волновало это в последнюю очередь. Лаен тем временем продолжал. Его голос перемещался, словно белобрысый ходил вокруг. То отдавал эхом от стен пещеры, то глухотой, как сквозь воду.

— Похоже, твоя пассия решила сделать в твоей голове генеральную уборку.

— Она не моя пассия, — возмутился Райго, оборачиваясь на голос. Бесконечно-серое пространство вмиг сузилось и превратилось в больничную палату из какого-то фильма ужасов. Тарис лежал на койке, распластавшись, словно морская звезда. Ноги перебинтованы, а к телу присоединено с десяток датчиков и электродов.

Ошейника не было. Райго зацепился за эту мысль, и помещение снова исчезло, превращаясь в серое месиво из света и темноты.

— Она почти что лежит на тебе и дышит в губы, — возразил Тарис. — Расслабься и поспи, нечего у меня над душой стоять.

— Ты сказал, она все еще в моей голове, так почему моё сознание здесь?

— А я почём знаю? Ты сам пришёл и теперь дышишь мне в мозг, словно людоед какой-то озабоченный, — сказал как отрезал.

Иссиа не нашёлся, что возразить, да и не стоило оно того.

Райго покрутился, а потом все же присел, сложив ноги по-турецки. Дым продолжал клубиться и приносил спокойствие. Лаена не было слышно, словно он вообще не здесь. Но это было обманчивое впечатление. Он на самом деле был всюду и одновременно, словно Райго действительно вторгся ему в голову.

— У нас проблемы, Тарис, — сказал Райго спустя некоторое время. — Я не знаю, как выкрутиться из сложившейся ситуации.

— Попробуй поспать, — зевнул Лаен. — Двух зайцев убьешь. Отдохнёшь и незнакомку свою удовлетворишь.

— Знаешь, как-то не горю желанием, — прошептал Иссиа. — Она мою память сейчас моделирует, буду ли я собой, если просплю все это?

— А будешь ли ты собой, если станешь за этим наблюдать? — вопросом на вопрос ответил Тарис и присел рядом, будто стоял над ним все это время.

— Нет... — качнул головой Райго. Свет, который доселе проникал сквозь дым, теперь проходил и через него. Собственное тело становилось прозрачным.

Тарис наблюдал за этим без ненужных комментариев. А когда Райго уже не угадывался, почти растворившись в сером цвете этого подсознательного мира, резко ухватил за прозрачную руку и потянул за собой...»

Надо быть честным с собой. Любая сотворенная твоими руками ошибка влияет не только на тебя, но и на каждого, кого это действие касалось. Если ты изворотлив, то выйдешь сухим из воды и почти не почувствуешь отдачи. А если честен, эта твоя ошибка будет тянуться за тобой как злобная черная тень, кусая, отдирая по куску от твоего спокойствия на каждом неудачном повороте, выводя из равновесия, порождая внутри неуверенность, тоску и сожаление. Неверный взгляд на жизнь — это тоже ошибка... но узнать ты этого уже не сможешь. И только когда изойдешь пылью под трехметровым шаром грунта, кто-то из будущего поколения скажет: «Эй, ребята, вот этот человек был неправ...» Но все это возможно лишь при условии, что тебя будет за что вспоминать...

Из закрытого цензурой

Время написания неизвестно

Дверь была заперта, а открыть ее оказалось нечем: ни ключа, ни шпильки, ни паршивого дротика. А выйти из вынужденного заточения хотелось. Вооружившись открученным в ванной комнате краном, Нана Вагнер застыла около двери, рассчитывая врезать первому, кто ее откроет. Конечно же, можно было взять табуретку для этого дела, но держать ее на весу представлялось крайне сомнительным удовольствием.

В простом плане Наны Вагнер было несколько слабых мест, что сводило его результативность к нулю. Во-первых, она так и не нашла никаких следов видеонаблюдения, однако это не значило, что таковое отсутствовало. Так что, вполне вероятно, ее боевая готовность для кое-кого была сейчас не более чем потешной сценой на экране телевизора. Во-вторых, если ей все же удастся кому-то врезать краном по голове, это не значит, что она сможет убежать. В-третьих, ее физическая форма была не на высоте. Гипотетический противник, в отличие от беглянки Вагнер, не только регулярно тренировался, но и огнестрельным оружием пользовался без зазрений совести. И если взять в руки оружие для Наны не проблема, то вот сможет ли она нажать на спусковой крючок — большой вопрос. Пулю выпустить — это не краном по носу съездить.

Последним аргументом не в ее пользу был обыкновенный голод. Живот крутило, и девушка в который раз пожалела, что не притронулась к еде, когда была возможность. Часы в комнате отсутствовали, поэтому Нана не могла сказать, сколько времени прошло после разговора с Биби. Если тогда был полдень, то сейчас, скорее всего, уже поздний вечер, если не глубокая ночь. А значит, с каждым часом она становится слабее. Что, опять же, не лучший вариант для ее задумки. Увы, хорошая мысль всегда приходит позже, или не приходит вовсе. Из размышлений ее выдернул приглушенный хрип за дверью. А потом постучали. Перехватив металлическую трубку крана поудобнее, она выкрикнула:

— Уходите! — сама же приготовилась бить, уверенная, что ее не послушают.

Замок щелкнул, и дверная ручка медленно опустилась вниз. Нана подняла руки к потолку, отвела трубу подальше для более качественного удара и досчитала до трех. В тот момент, когда дверь приоткрылась, импровизированное оружие как раз вошло в образовавшуюся щель и должно было попасть по воображаемой цели. Вот только что-то пошло не так. Труба описала дугу над упавшим под ноги человеком и едва ли не попала Тарису Лаену по зубам. А потом белобрысый исчез. Нану снесло с места. Труба звякнула об

пол. В тот же миг девушка нырнула спиной в ворох подушек, разбросанных на кровати... Тарис навалился сверху и недовольно сощурился:

— Мягкий приём, однако... — сипло прошептал он, шумно вдыхая. Кончик носа на миг коснулся её щеки, а дыхание обожгло губы.

— Ты... ты... с ума сошел? — сдавленно прошептала она, застыв от неожиданности, чувствуя, как его тонкие пальцы внаглую скользнули по её бедрам.

— Есть немного, — ничуть не смутился он, а потом крепко охватил её и перекатился. Удар об пол пришелся ему на спину. Теперь Нана оказалась сверху, но сбежать не успела. Тарис прижал ее голову к своей груди и заполз под кровать. Вагнер даже осознать происходящее не успела. Послышался топот. Потом кто-то хлопнул дверью.

— Здесь! Мать его, он жив вообще? — послышалось совсем рядом. Увы, кровать полностью закрывала обзор и не давала проследить, что же происходит.

— Стерва... Эй, в лазарет его.

Опять звякнул снятый с рукомоЙника кран, совсем рядом шаркали подошвы.

— Похоже, сбежали, — сказал кто-то. — Уроды чертовы... Надо было сразу пристрелить.

— Без самодеятельности, — оборвали его. — Объекты нужны живыми. Ты — осмотришь здесь, ты — за мной! Если повезёт, босс ничего не узнает до утра.

— А не повезёт?

— Лучше тебе его злым не видеть, не понравится.

Тарис и Нана тихо переглянулись. Ситуация была щекотливая. Впрочем, раз их не собирались убивать, значит, имелись шансы побороться. Незнакомец прошел по комнате, не особо заглядывая по углам, что играло только на руку.

Нана молча просчитала в уме возможные варианты действий, Лаен едва уловимо качнул подбородком, не соглашаясь и не потрудившись разомкнуть объятия. Девушка разозлилась и ярко представила, как бьёт Лаена табуреткой. Тарис неожиданно улыбнулся и пожал плечами. Почувствовав, что он ослабил хватку, Нана беззвучно сползла с него на пол и осторожно выглянула из-под кровати. Входная дверь была приоткрыта. Незнакомец как раз зашел в уборную. Последовавшее следом журчание заставило девушку покраснеть до кончиков ушей. Похоже, он решил, что находится здесь один. Опробетчиво с его стороны, но крайне вовремя.

Получив ощутимый толчок от Тариса, Нана быстренько выбралась наружу и тихонько подняла за ножку ближайшую табуретку. Осторожно подошла к двери ванной и приготовилась опустить ее на человека, когда тот выйдет. Задуманное было качественно исполнено спустя пару секунд. Мужчина в сером комбинезоне с глухим стоном упал на пол. Лаен, не мешкая, потащил его назад в ванную. Там друзья его и обыскали, а потом крепко связали снятой с кровати простыней.

Пока Вагнер прятала по карманам трофейный пропуск, зажигалку и белковые батончики, изъятые у жертвы, Тарис прошёлся по комнате и стащил со стола конверт. Ознакомился с содержимым и, не раздумывая, пихнул его за шиворот своего комбинезона.

— Нана, я буду бежать, — наконец сказал он, разминая плечи и делая растяжку. — Твоя задача не кричать и не думать. Справишься?

Девушка даже не взглянула на него, полностью поглощённая трофейным пистолетом.

— Я не поняла, ты меня здесь одну оставляешь, что ли? — поинтересовалась она, пытаясь запихнуть оружие в карман штанов. Рукоять не помещалась и теперь глупо

перевешивала вниз, отчего пистолет норовил выпасть.

— Нет, перебрасываю через плечо и изображаю пневмопоезд, — парировал Тарис, закончив разминку. — Я тебя несущу, а ты не мешаешь мне раздумьями. Задача ясна?

Вагнер озадаченно взглянула на модифицированного. Недвусмысленный ответ был отчётливо написан у нее на лице...

— Да ладно, — развел руками Тарис, — ещё скажи, что не хочешь отсюда выбраться.

— Хочу! Но не в роли мешка с картошкой, — недовольно огрызнулась она, — и вообще, у меня свои ноги есть. Сама могу и идти, и бежать...

Не дав ей договорить, Лаен в долю мгновения оказался рядом и перекинул ее через плечо.

— Ты главное не визжи, а то еще оглохну ненароком...

* * *

«Мир в глазах расплывался, делая два человеческих силуэта почти незаметными. Они пятнами стояли перед глазами, почти неосязаемые и неосязаемые.»

— *Пить... хочу пить... — собственный голос был похож на нечто механическое, иссушенное.*

Тихая речь незнакомцев едва улавливалась и была полностью лишена смысла... А главное, не решала его проблем. Не говорила ни о его имени, ни о месте, ни о времени суток. Не утоляла жажды.

— *Пить... — попросил, протягивая к ним руку, но дотронуться не смог. Пятна колыхнулись и отдалились.*

— *Так должно быть?*

— *Ничего страшного, он не замечает нас... Адаптация еще не завершена, часть жизненных систем работает в базовом режиме и войдет в полную силу лишь через пару часов.*

— *Что тогда?*

Более яркое пятно отдалилось, голос стал глуше.

— *Всё как договаривались, сработают настройки, и он будет соответствовать заданной цели. По исполнении задачи будет предоставлен сам себе, с одним лишь ограничением. Не сможет выйти из города. Не сможет отдалиться от жизненной цели.*

— *Помогите... — кое-как поднялся на ноги, протянул руку, чтобы прикоснуться к говорящему, но не смог, человек снова ускользнул.*

Попытался сделать навстречу шаг, но зацепился носком за что-то и упал как подкошенный. Густая пыль забила в рот, оставшись на зубах безвкусной скрипящей субстанцией. Голова закружилась, словно он лежал в центре несущейся на бешеной скорости карусели.

Люди уходили от него и уносили с собой непонятный разговор. Полная чернота, лишь изредка озаряемая красной мелькающей лампочкой, еще долгое время ласкала его саднящие глаза, пока не посерела, не сошла на нет, превратившись в угрюмое утро...

Его полное пробуждение случилось на свалке, в горе строительного мусора. И только спустя пару часов он понял, что над головой бетонное перекрытие, а под пальцами запылившийся от старости пол. Тело было изранено. Длинные волосы спутались, влажная от крови одежда липла к коже. Рядом сидел растерянный пухлый белобрысый мальчуган и смотрел перед собой невидящими голубыми глазами.

Ребенок не реагировал на него. Раскачивался из стороны в сторону, обхватив тонкими

пальцами свой золотой ошейник...»

Маркус ждал в коридоре, привалившись спиной к стене. В голове одна за другой всплывали картины прошедшего дня. Разговор с модифицированным братом, с Наной, с копией Нандина. Странное стечение обстоятельств и судеб, которому не было объяснения.

Решение по итогу всех этих разговоров далось непросто. И все же он его нашел и вывел как единственно правильный результат математического уравнения.

Копия Абэ станет прекрасным подспорьем в его деле. Райго Иссиа, кем бы он ни был на самом деле, послужит их движению каждой своей стволовой клеткой. Станет сырьевой базой для вращения пушечного мяса. Можно подорвать доверие Фердинанда к Абэ... а можно подменить каждого клона в его личной охране. Окружить своими людьми, вывести на чистую воду и показать всем гражданами империи истинное лицо человека, правящего ей.

Дверь отворилась беззвучно. Дэйла вышла в коридор и устало взглянула на Маркуса.

— Как прошло? — поинтересовался он. На ее губах проскользнула слабая улыбка.

— Не гладко, — ответила она, прикрывая за собой дверь. — Клон Абэ силен. Умеет ставить блоки, барьеры и копировать сам себя. Как луковица. Пока не пройдешь тысячу слоев, не доберешься до середины. А там и забыться можно, и потеряться. Хуже всего то, что он ставит обманки. Я не знаю, что из его воспоминаний правда, а что ложь. Все слишком размыто.

Маркус кивнул, принимая сказанное как данность, факт, с которым не поспоришь.

— Распишешь все, а там будем разбираться, — решил он. — Курить будешь?

— Спать хочу, вымотал он меня, — прошептала она. — Скажи, пусть поставят охрану.

Его нельзя трогать до утра. А там изымем клетки.

— Ты уверена, что он больше не подконтролен Фердинанду? Что его слово не станет для парня побуждением к действию?

— Утром проверишь. Сейчас все, что нам остается, — ждать, что мои установки в нем приживутся... — она резко прервалась, почувствовав легкое движение его пальцев вдоль позвоночника, и перевела взгляд на Маркуса. — Что?

— Как оно, прикасаться к здоровому лицу? — на полном серьезе поинтересовался Биби.

— Как к дереву, ничего особенного, — хмыкнула она, гадая, как долго он за ней подсматривал.

— Скажи, что не понравилось, — ладони по-хозяйки сжали ее талию. Дэйла шумно выдохнула, а потом взглянула на Маркуса из-под полуопущенных ресниц.

— Сначала работа, потом развлечения. — После чего вытащила из его кармана телефон и нашла в базе данных нужный номер. Привычно набрала и приложила аппарат к уху. — Добрый вечер, мальчики, поставьте двух ребят возле третьей лаборатории.

Вернув телефон Маркусу, она нарочито медленно отстранилась от него и улыбнулась.

— Ну а теперь можно и поиграть.

* * *

Изнутри пневмопоезд был похож на опрокинутую вентиляционную шахту. Труба без окон. Строгие ряды кресел сложной конструкции были оснащены пятиточечными ремнями. Мелкие плоские лампочки освещали помещение. Вдоль выпуклых стен тянулись трубы воздухопроводов, представляющих лишь малую часть системы внутреннего микроклимата.

Все это Вито Лаен отметил до того, как поезд двинулся. Проводники помогли мастеру

Ирраиллю пересест в кресло, пристегнули его, после чего откатали коляску в грузовой отсек. Когда каждый пассажир был устроен, обездвижен и проинструктирован, служащие удалились, и после протяжного звукового сигнала пневмопоезд сорвался с места. Грудь сдавило от резко возросшей нагрузки. Затылок вмяло в пружинистый подголовник. Они мчались на дикой скорости вдоль прямого пневмотоннеля, без поворотов, развилок и станций. Под приятную музыку и отчаянный стук сердец.

Поезд доставил их к пункту назначения за двадцать минут. Вито с радостью покинул его глухое, похожее на опрокинутую шахту нутро. Собственная походка была нетвердой. Но, несмотря на дискомфорт, внутри зародилось странное, непривычное волнение. Юноша в который раз поймал себя на мысли, что ему не терпится увидеть мир, который прячется за огромными дверьми Леополиского вокзала. Будет ли он походить на то, что видел сквозь розовые очки, гуляя по подземном саду вместе с Милки Вэй? Или же, наоборот, будет похож на искусственные воспоминания, вложенные мастером Ирраилем?

Но внутри ждал очередной коридор. Как выразился старик, бюрократическая кишка Леополиской префектуры. Попросту говоря, пропускной пункт, связавший десятки пневматических тоннелей. За толстой прозрачной перегородкой расположились непрерывные ряды рабочих мест, они были словно соты, огражденные стенками и набитые госслужащими. Штатные операторы, все как один сидели в очках, с тонкой дугой микрофона перед губами. Каждый вел свою беседу, непрерывно что-то объяснял, инструктировал, информировал, предупреждал и брал согласие. Приемный пункт кишел чужими разговорами.

Старик Ирраиль не обращал внимания на происходящее вокруг, катил свою коляску в глубину помещения. Там прозрачные кабины операторов плавно перешли в такие же стойки. Сами работники межрегионального бюро внутренних передвижений работали уже с прибывшими, а не отбывающими, находящимися за десятки и сотни километров от них.

— Вито Лаен, десятый город Леополиской префектуры, подойдите к сто пятнадцатому окну, пожалуйста... — прошелестел громкоговоритель, и мастер сразу же подтолкнул юношу в нужном направлении.

— Иди. Просто очередной разговор, это быстро, — успокоил он парня. — Буду ждать у выхода.

Быстро не получилось. Инструктаж, несмотря на вечернее время, провели по полной программе: без сокращений, ускорения речи и остальных непонятных бюрократических фишек. С каждой минутой Вито Лаен распознавал в своей голове все больше встроенных туда эпитетов, относящихся к процессу делопроизводства. Подписывая энную бумажку, ничем не отличающуюся от той, что была ранее, Вито впервые выудил из своей головы фразу «бюрократические жернова». Она была подкреплена изображением мясорубки и падающих в нее людей. От пришедшей на ум картинки стало нехорошо, пересохло в горле, а сердце зачастило еще больше..

Уже позже, сев в фуникулер и не замечая вокруг ничего, кроме чёрного оконного пятна, Вито спросил у мастера о смысле той картинки.

Ирраиль долго не отвечал. Жал свои тонкие губы, шурил мелкие бесцветный глаза над крючковатым носом и уперто не поднимал взгляда на мальчишку.

— Это иносказательность, Вито, — наконец начал он, смотря в черное окно. — Система работает и доводит до единого знаменателя всех, кто попадает под её рабочие жернова. Делает всех похожими и более-менее равными.

— Я не хочу быть перетертым в фарш.

Ирраиль усмехнулся одними кончиками губ.

— Тогда тебе стоит лично взяться за шестеренки системы, Вито. И крутить их, и повелевать.

— Это как? — парнишка не понимал. А Ирраиль хотел объяснить так, чтобы больше этой темы не касаться.

— В любой системе есть механизмы, детали, — ударился в рассуждения он. — Все эти госслужащие на вокзале такие же люди, как ты и я, и они тоже в своих жерновах. Надо стоять над ними, чтобы не оказаться под. Вот и все.

Больше они не говорили. Ирраиль вскоре задремал, а Вито Лаен просто сидел и изучал его изрезанное морщинами лицо. Думал о том, что будет таким же старым и сморщенным и, возможно, умным...

Они вышли из кабины поздним вечером. Стоило бросить беглый взгляд вокруг, чтобы потерять дар речи. Город сиял, сливаясь с абсолютно чистым звездным небом. Это было изумительные розовых очков Милки Вэй.

У самого края платформы их ждал человек. Выше среднего, молод и непривычно одет. Вито зацепился за него взглядом. И лишь спустя пару мгновений Ирраиль резко затормозил коляску и буквально вскинулся.

— Димитрий... — процедил он сквозь зубы.

— Сколько лет, сколько зим, Ирраиль, — улыбнулся незнакомец, подходя ближе. Ни один, ни второй не спешили пожимать друг другу руки, и это выглядело странно. — Ты не один, как я понимаю.

Взгляд его неприязненно скользил по Вито, словно взвешивал и оценивал.

— Мой воспитанник, — не стал возражать мастер, — Вито.

— Что ж, этого следовало ожидать, — ничуть не смутился советник. — Идём, машина недалеко.

Он резко развернулся, и Вито ничего не оставалось, кроме как подтолкнуть коляску с мастером, догоняя.

Ехали молча. Димитрий и Ирраиль сверлили друг друга взглядами, и отчего-то Вито казалось, что он в их немом общении лишний.

Догадка подтвердилась, стоило им зайти в здание резиденции.

— Иди вперед, Вито, — резко выдал мастер. — Шестой этаж, правое крыло, конец коридора, а там сам разберешься, — велел он. А едва Вито скрылся, Ирраиль резко крутанул колесо и развернулся в сторону Димитрия. Долго смотрел на него оценивающим взглядом, после чего разочарованно покачал головой. — А ты совсем не изменился. Как был щеглом, так им и остался.

Димитрий смущенно улыбнулся. Оправдываться за случайное омоложение было глупо.

— Давай оставим прошлое там, где ему полагается быть, Ирраиль, — наконец ответил он. — Есть работа и есть шанс вернуть официальную практику, получить назад лицензию, так, может, лучше посвятить время этому, а не старым разборкам?

Старик нахмурился и откинулся на спинку своего кресла.

— Говори, я внимательно слушаю.

— Не здесь, — Димитрий многозначительно обвел пространство взглядом, — коридор не самое подходящее место для принятия решения. К тому же нас ждет префект дэ Руж.

Крайне занятная особа.

Мастер напрягся.

— Я думал, ты цену набиваешь.

— Вовсе нет, — самодовольно усмехнулся Димитрий. — Это действительно госзаказ, Ирраиль, первого уровня секретности.

* * *

Дверь скрипнула протяжной обычной. Так, словно отворяющий ее сам боялся. Кэйт задумчиво посмотрел на то, как в щели показалась чернявая макушка, а за ней любопытный нос на миловидном лице. Волосы у гостя были густые и длинные, по пояс. Глаза, обрамленные пушистыми черными ресницами, оказались невообразимого фиолетового оттенка, что даже по сегодняшним меркам было крайне дорогой модификацией. Плотный серый комбинезон закрывал все остальные прелести красавицы. Причем окутывал он даже шею, словно спецовка рабочего из нижнего города.

Барышня неуверенно вступила внутрь, а потом уставилась на Кэйта во все свои фиолетовые глаза, изучая его буквально по сантиметру. Свон от столь пристального внимания даже в кресле заерзал. Собирался проучить очередного любопытного, а тут столь наглое поведение аж из колеи выбило.

— Добрый вечер, — наконец выдала она тяжелым мужским басом, продолжая смотреть на Кэйта и по-девичьи хлопать ресницами. Бывший следователь слегка ошалел от столь вопиющего контраста и еще раз внимательно взглянул на вошедшую. Заметил нашивку со значком десятого подземного города и призадумался.

— Добрый, а вы кто?

— Вито Лаен, — неуверенно ответили ему, что не внесло особой ясности. Кэйт подпер голову рукой и еще глубже задумался. Ну не спрашивать же напрямик о поле, это как минимум нетактично. Как максимум не по-мужски.

— А можно праздный вопрос, Вито, — зашел издалека Кэйт, — кто вы по профессии?

— Любовница... — все тем же басом ответили ему, не забыв при этом покрыться ярким румянцем. Кэйт Свон прочистил горло и растерянно оглянулся. Похоже, это уже был чей-то прикол. Но вот камера, камера где?

Где-то там, за синими облаками живет солнце. Когда у него хорошее настроение, оно ласкает поднебесный мир. А когда плохое, безжалостно убивает, испепеляя землю дотла.

И сколь бы ты ни искал — под злым солнцем нет места воде и нет места жизни.

Надо измениться самому, чтобы вместо ироничной улыбки светила рассмотреть собственную зацикленность. Надо стать безразличным, чтобы увидеть в солнце такое же безразличие. Потому что оно не живет за синими облаками. Оно вообще не живет.

Оно существует внутри твоего сердца исключительно таким, которым видишь его ты. Преображается в нужную тебе тварь исключительно под твоими руками.

Автор неизвестен

4750 год н. э. / 130 лет до Перелома

Маркус как раз просматривал на экране своего компьютера результаты генетического анализа, присланного мастером Ирраилем, когда целая цепочка взрывов разорвала тишину подземного убежища. Завыла тревога. Наскоро нацепив на голову гарнитуру, он включил связь. После чего быстро оделся, вооружился и запустил на своем персональном компьютере программу самоуничтожения. Дэйла, не выбирая выражений, пыталась натянуть на себя комбинезон.

— Взрывы на площадке Л-пятнадцать, — гундосил оператор в наушник. — Камеры не работают. Снесена стена на Б-восемь. Цепочка движется на север. Коридор С-пять не задет. Коридор С-семь не задет. Снесена стена на площадку К-двадцать три.

Маркус резко остановился и взглянул на Дэйлу.

— Что?

Говорить не было времени. Озвучивать свои мысли тем более.

Но, похоже, кто-то собрался уничтожить клона Абэ. Что за оружие использовалось, сказать было трудно. Когда минировали — тем более. Без помощи изнутри такое проверить сложно. Тем не менее Маркус собирался повоевать за этого щенка. Исключительно из принципа.

Нажав в основание гарнитуры, включил микрофон:

— Кто возле третьей лаборатории? Эвакуируйте пациента. Оператор, сворачиваемся, — выдал он.

— Общая эвакуация. Программа самоуничтожения на десять минут. Никого не ждем.

— Что делать с остальными? — поинтересовался штатный оператор. Маркус помрачнел и вышел в коридор. Сквозь наушник было слышно непрекращающийся грохот.

— Ликвидировать, — не раздумывая, выдал он.

Дэйла с возмущением уставилась на него.

— Он твой брат...

— Мой брат... мертв, — с ненавистью прошептал Маркус, вспоминая отчет Ирраиля. — И я клянусь, Фердинанд проживёт не многим больше своего ГМО...

— Общая эвакуация, — затрещали громкоговорители, перебивая его, — десять минут. Эвакуация...

Дэйла не ответила на выпад Биби, спорить было бесполезно.

— Ты слишком веришь этому мастеру, убей в себе имперца наконец, люди никогда не

являются тем, чем кажутся, особенно если они модифицированные, — ее слова прозвучали чрезмерно отчетливо в резко повисшей тишине.

Маркус не ответил. Взвел курок и мотнул головой:

— Идем, все претензии позже, — процедил он, но Дэйла не услышала. Его слова утонули во вновь поднявшемся грохоте взрывов.

* * *

— А кто вы по профессии? — поинтересовался незнакомец. Последний раз нечто подобное у Вито Лаена спрашивали во время регистрации в полицейском отделении. Казалось, в этом странном мире только и делают, что спрашивают и ставят перед фактом. Причин не отвечать не было, а если и были, Вито о них попросту не знал.

— Любовница... — ответ слетел с губ уверенно. А вместе с ним на ум пришло объяснение, чего не было утром. Кровь прилила к щекам от неожиданного понимания сказанного.

— Супер... — прочистив горло, прошептал мужчина, в который раз окинув Вито изучающим взглядом. — А зачем пришли?

— Может, представитесь для начала? — выдохнул Вито, пытаясь справиться с собственными эмоциями. — То, что я стою здесь, такой неопытный, и, похоже, выбиваюсь своим «предназначением» из общественной морали, не значит, что я не требую элементарного уважения к собственной персоне и соблюдения общепринятой этики.

— Прошу прощения, я Кэйт, — стушевался мужчина и, поднявшись со стула, протянул ладонь для пожатия. — Бывший следователь Кэйт Свон. На данный момент личный помощник префекта Леополиса, Клэр дэ Руж. Вы сейчас в ее приемной, господин Лаен.

Вито кивнул и молча ответил на жест. В его искусственной памяти не нашлось никакой информации о подобном ощущении. Рукопожатие Кэйта Свона было крепким, а лицо озадаченным. Но думать об этом не оставалось времени. Внутри впервые зародилась злость. На себя, на мастера, на ситуацию. Отец знал, что из него делал, и имел полное понимание того, что программировал. Он даже эмоциональные реакции закладывал. Собственная искусственность неожиданно встала поперек горла.

— Не считите за бестактность, Вито, — тем временем осторожно продолжал Кэйт, — но что вы здесь делаете? Сейчас десять вечера. Резиденция закрыта для посещений, значит ли это, что у вас пропуск, или причина вашего пребывания здесь иная? Учтите, версия о том, что это вышло случайно, не принимается.

— Я прибыл с мастером Ирраилем, — честно ответил Вито и оглянулся на дверь, через которую вошел. — Он вместе с советником Димитрием остался на первом этаже. А меня попросили ждать здесь. Похоже, мои уши были лишними в их разговоре.

Кэйт молча кивнул, не найдясь, что ответить. Ситуация обрисовалась с неожиданной стороны. Парень, пол которого он не смог определить с первого взгляда, похоже, являлся экспериментальным образцом. Проектом для будущего магазина, живым товаром. Как он сам выразился «любовницей». Отвратительная ситуация, как ни крути.

Вито продолжал стоять, сосредоточенно изучая кабинет. Чтобы хоть как-то снять повисшее напряжение, Свон предложил человеку присесть и выпить кофе. Вито растерянно захлопал ресницами, нахмурился и даже задумался. Чисто как девчонка. Похоже, его мастер Ирраиль имел извращенное чувство юмора.

— А что такое кофе? — прервал его мысли встречный вопрос Вито и присел на предложенный стул. Эта нехитрая на первый взгляд фраза стала апогеем сложившейся

ситуации. Бывшему следователю сделалось совсем неловко. Ответ, объясняющий все происходящее, был лишь один. Возраст Вито исключительно номинальный. Перед ним ребенок. Словно в подтверждение его догадки парень раздраженно дернул ушко молнии вниз, освобождая белоснежную шею от толстой ткани. На коже под правым ухом стояло клеймо мастера и обозначение города. У самого плеча виднелось раздражение, буквально кровавая натертость, оставленная швами. По-девичьи тонкие пальцы мягко прошлись по покраснению, похоже, эта дрянь реально болела. И это было нормой только в одном случае, если человек только вылез из инкубатора.

— Когда вы пробудились, Вито? — очередной вопрос не заставил себя ждать.

— Пятнадцать часов назад, — ответил Лаен. Кэйт растерянно почесал затылок, размышляя над сложившейся ситуацией. Нужна была аптечка. А вот кофе отменялся. Не лучший напиток для незнающего человека. Тем более для младенца, которому меньше суток.

— Кэйт, Дмитрий еще не вернулся? — раздалось по громкоговорителю. Вито дернулся от неожиданности, Свон в свою очередь многозначительно ткнул пальцем на установку, размещенную около окна.

— Это динамик, начальство через него указания раздает. Практикуется последние шестьдесят лет как способ открытости власти.

Вито кивнул. Понял он или нет, Кэйт не знал, да и не до того было. Бросив очередной взгляд на скучающего парня, Свон нырнул в кабинет начальницы и плотно прикрыл за собой дверь.

— Там это... советника еще нет, но пришел, кгм... объект продажи для магазина. Имя Вито Лаен.

Клэр удивленно уставилась на него.

— Вито Лаен? То есть как пришел, сам, что ли? — переспросила она. Свон пожал плечами:

— Не сам. Сказал, Дмитрий и его мастер на первом этаже решают свои дела, — ответил Кэйт и нахмурился. — Госпожа дэ Руж, у вас аптечки не найдется?

— Зачем тебе?

— Да там... — Кэйт замялся, — парню кожу до крови растерло от одежды. Говорит, пятнадцать часов как проснулся.

Клэр и сама помрачнела. Ситуация не требовала лишних разъяснений. Пятнадцать часов — это всего ничего. Обычно это время входит в долгий период адаптации. И, похоже, Вито Лаена лишили этого срока. Что является чистой воды преступлением.

— Я дам тебе аптечку, Кэйт, — подумав, ответила дэ Руж, — только с тебя одолжение. Ты не спускаешь с мальчишки взгляда до тех пор, пока я не позволю. Понял?

Кэйт еще больше стушевался:

— А не могли бы вы...

* * *

Ирраиль имел полное право злиться. Даже спустя пятнадцать лет Дмитрий понимал это в полной мере и не спешил разглагольствовать на эту тему. Им не было оправдания перед системой, перед империей, да и перед друг другом.

Правда была в том, что они натворили тогда дел. Не было конкретной цели учинить членовредительство или вставить палки в колеса. Просто кое-кто пытался выжить и нуждался в помощи. Дмитрий же мог эту помощь предоставить в кратчайшие строки. Все было продумано до мелочей: модификация Теодора, чтобы он не засветился в поисковых

базах, модификация самого клона Абэ. Перекройка физических показателей, изменение установок. Самым сложным той ночью стала доставка ребят в Леополис, под чуткое крыло дэ Руж. Димитрий был уверен, женщина, знавшая семейство Соболевски едва ли не с младенчества их прародителей, поможет. Но префекта Леополиса на месте не оказалось. А по пятам пошел сам Нандин. Пришлось выкручиваться. Увы, процесс так и остался незаконченным. Это вылезло еще одной проблемой, первый же сканер, мимо которого пройдет мальчишка, мог поднять тревогу, и тогда за дело взялся бы Кальтэной. Грубо говоря, от ошейника невозможно было отвертеться. Пришлось надевать и разделять его структуры, создавать видимость работы, но без последствий. Димитрий не знал, смог бы кто-либо иной из мастеров повернуть тогда подобную авантюру и сумел бы после того отмолчаться на следствии. Но Ирраиль все это сделал и покорно ушел в тень, в глубь подземных городов, где продолжал творить, что вздумается, но уже неофициально. Ирония судьбы в том, что выбрал он для этого префектуру Леополис, словно надеялся еще когда-нибудь увидеть, во что превратились Теодор и отличившийся клон Абэ.

Пятнадцать лет. Димитрий и думать забыл про произошедшее. Согласившись на странное задание Фердинанда, он рассчитывал заработать пару баллов себе в копилку, выслужиться, а не столкнуться с проблемой из прошлого. Подумать только, он даже не вспомнил этих ребят. Стоял, смотрел на них, а вспомнить не мог, покуда модифицированный Тарис Лаен не взбесился. Кому сказать, не поверят. Да и стоило оно того?

Что сделает Фердинанд, узнав, что его доверенное лицо, советник имперского секретариата, замешан в событиях, о которых и знать не положено? Обрадуется или закончит начатое? То, что произошло тем вечером в императорском дворце, было известно лишь по сумбурному рассказу клона Абэ. Димитрий помог... Но, как ни крути, это измена. И караться она будет согласно закону.

В лифте поднимались молча. Все, что можно было сказать, уже прозвучало. Приоритеты были расставлены. Коридор встретил пустотой. Колеса инвалидной коляски скрипели, оставляя грязные следы на ковровой дорожке.

В приемной префекта нашелся Вито в компании Свона и самой дэ Руж. Женщина невозмутимо обрабатывала кожу парня и наклеивала пластыри на алые кровоподтеки. Бывший следователь был явно не в духе, Вито раздражен. Что здесь произошло, только предстояло узнать.

* * *

Сначала один коридор, потом второй. Каменная крошка летела во все стороны, выдалбливая из стен целые куски, разбивая объективы камер и ранив людей, застигнутых врасплох. В каменном полу оставались овальные выбоины. Поднявшаяся пыль оседала медленно, ухудшая видимость и делая уцелевшие камеры бесполезными.

Следом хаос поднялся во втором коридоре. И только секундами позже по ушам ударила сирена, поднимая тревогу.

Бойцы Маркуса Биби мелькали то справа, то слева. Но не было времени ни смотреть на них, ни оборачиваться, ни проверять их живучесть.

Тарис бежал. Впервые за неделю он мчался так быстро, как только мог. Это был не экзамен в чертовой Леополиской академии и не попытка уклониться от странного, пробивающего тело насквозь оружия. Сейчас Тарис знал что делает и понимал, за что отвечает. Нана не думала, как и обещала. Зажала глаза, обхватила голову руками и застыла,

позволив делать с собой все, что сейчас надо и как надо. Ее сердцебиение превратилось в тяжелый, тягуче-медленный гонг, словно ток, подгоняющий двигаться еще быстрее.

Тарис ускорился. Чувствовал, как крошится и проваливается под ногами пол, как острая крошка бьет по коленям, впивается в кожу, разлетается на дикой скорости, как свистят смертоносные железные шарики из палок со странным названием «пули».

Тарис боялся. За Нану, застывшую в его объятиях и забывшую, как дышать. За Райго, который, похоже, проиграл свой ментальный бой и мог исчезнуть. Тонкая нить, связывающая его с Иссиа на каком-то невообразимом мыслительном уровне, на миг стала отчетливее. Невольный знакомый, с которым непонятно что связывало, был все ближе. Лаен боялся тормозить, чтобы осмотреться и удостовериться. А как только связь начала истончаться, решил бить сквозь стены. Лишь спустя мгновение подумал, что пора уничтожать камеры. Люди вокруг него застыли в своих движениях. Тарис мчался мимо, не обращая на них никакого внимания, и, лишь когда был почти у цели, слегка расслабился и тут же промахнулся — снес часть стены вместо двери. В его течении времени все замерло. Двое вооруженных застыли с бесчувственным Райго в тот момент, когда собирались зафиксировать его в инвалидном кресле. Сам Иссиа не подавал никаких признаков сознания. Связь же была отчетливой и показывала всю глубину бездны, в которую он упал.

Сбив камеры и спеленав несопротивляющихся, вряд ли что-то понявших людей простыней с больничной койки, Тарис впервые остановился. В воздухе плотной стеной стояла пыль. Тело дрожало, а Нана, похоже, сделала первый вздох после того, как он начал движение.

В запасе осталось шесть с половиной минут, прежде чем он сам упадет без памяти от истощения.

Оставалось только выбраться и не забыть прихватить за компанию двух человек.

— Общая эвакуация. Десять минут... — раздалось отовсюду. — Эвакуация...

Глубоко вздохнув, Тарис еще раз осмотрел лабораторию, прислушался к потоку мыслей, витавших в пространстве, подхватил свободной рукой Райго, как тогда, на смотровой площадке, и повернул в ту сторону, куда советовал общий ментальный фон: «На выход». И чем скорее, тем лучше.

* * *

Нандин не верил в судьбу, а уж тем более в случайность и стечение обстоятельств. Любому результату всегда предшествует действие. К каждому действию есть противодействие, которое порождает последствия. Судьба человека — это всего лишь результат борьбы его и его окружения. Друг с другом, с миром, с системой, с жизнью... Кто борется активней, кто слабей, кто идет на пролом, а кто плывет по течению. Каждый ежедневно, ежесекундно, непрерывно, всю жизнь испытывает на себе результаты стечения тысяч судеб и обстоятельств. На протяжении своей, бесспорно, слишком долгой жизни он лично испробовал на себе каждый из путей и понимал: все они равносильны и одинаково действенны в достижении тех или иных целей.

Произошедшее в кабинете Фердинанда все так же стройно ложилось в его теорию. Вот только вопросов от этого становилось не меньше.

Со слов тридцать девятой, Маркус Соболевски был зарегистрирован пятнадцать лет назад, немногим позже официальной гибели всех родственников Фердинанда. С тех пор он работал директором Леополиской академии, носил маску, к которой было прикреплено одно лицо, и оно мало чем напоминало образ, зафиксированный камерой... Официально маска

настраивалась под отдельно взятого пользователя, вмещала два изображения. После того как надобность в ней отпадала, она переходила к новому пользователю и только тогда перенастраивалась. База данных хранила в себе все зарегистрированные изображения. Но вот странность, внешность директора Соболевски в ней отсутствовала.

До этого момента Нандин был уверен, что Клэр не замешана в произошедшем. Он видел ее прошлое, рылся в памяти. В конце концов пытал ее... Но результат получал все тот же: дэ Руж была чиста и пострадала исключительно из прихоти его величества...

В те далекие дни префект Леополиса действительно не понимала, за что её наказали. О произошедшем эта женщина узнала лишь спустя неделю, когда по сводкам прошла информация о переработке семейства Соболевски почти в полном составе. Тогда старуха Клэр впервые со смерти Фила, первого императора Сакской Империи, надела траур, вышла на связь и чистосердечно принесла соболезнования. А еще через месяц прошла процедуру омоложения. Нандину тогда впервые подумалось, что она простила им свою руку. Однако он слишком долго жил, чтобы поверить в подобное. Клэр была слишком щепетильной, чтобы просто закрыть на произошедшее с ней глаза.

Сейчас же, смотря по десятому кругу видеокادر с незнакомцем в маске, Нандин Абэ понимал — дэ Руж действительно может быть замешана в происходящем. Вот только создала ли она этого человека с нуля, или это действительно все тот же Маркус? В последнее Нандин не верил. Маркус не мог выжить. Первое больше походило на правду. Но тогда, получается, у дэ Руж были и средства, и доступ к технологиям, чтобы повернуть такое.

— Маркус Соболевски, бесспорно, отлично понимает, что стоит около камеры, — прошептал Фердинанд, прерывая ход мыслей Нандина Абэ.

Злость уже покинула его, оставив лишь невероятную усталость. Нандин ощущал ее как свою собственную. Смешанность чувств, абсолютная нечитабельность десятков нечетких мыслей, перемешанных с давними воспоминаниями...

Он остановил запись. Человек с украденным лицом смотрел аккуратно в объектив. На губах застыла усмешка, скользкая, мимолетная, но Фердинанд успел ее заметить. Он чувствовал эту насмешку и вскипал. А Нандин понимал, что да, это издевка, как она есть. Неприкрытая. Он также был согласен и с тем, что человек на стоп-кадре и Маркус Биби — один и тот же субъект. Ведь наличие Вито — это тоже насмешка, открытый вызов. Как приглашение: «Приди, хочу тебе показаться».

— Естественно, записи процесса проведения криминалистических действий никто не смотрел, ведь нет надобности, — император продолжал рассуждать, стоя перед голографическим лицом. — И так все, что можно, найдут, соберут в детальный отчет, поднесут на блюдечке. А не доверять спроектированным по идеальному образцу следователям и криминалистам непривычно...

Нандин в который раз промолчал, спорить было безрассудно, да и незачем. Фердинанд прошёл сквозь голографическое изображение, отчего контур его тела на миг вспыхнул белым. Он остановился с противоположной стороны и снова посмотрел на изображение. На глаза, причёску, скулы, рот, нос... На шею, охваченную воротником рубашки, аккуратно завязанный галстук.

Прошлое опять колыхалось в нем взволнованным морем, массой эмоций и злых непоследовательных действий. Всё это одновременно пробивалось в интонации.

— Я хочу знать об этом Маркусе все, Нандин, — прошептал он. Взгляд опять был

обращен на долгожителя. — Хочу встретиться с ним.

Абэ вскинулся, понимая, куда тот клонит.

— Мой император, я все же уверен, что это ловушка. Вас выманивают, вам уже формируют мнение, возможно, ошибочное. Боюсь, как бы это ни было отвлекающим маневром.

— Так проверь, Нан, — Фердинанд не повышал голоса, он говорил тягуче и медленно, словно пропускал каждое свое слово через километры воспоминаний, насыщая эмоциями. — Узнай, какое отношение он имеет к моему отцу... Есть ли это отношение? И если это просто игра...

Остальное озвучено не было. Но Нандин понял. Понял так же отчетливо, как и то, что время жизни шутника будет оборвано собственной рукой под пристальным наблюдением Фердинанда, под звуки оркестра и с обязательной видеозаписью...

Однако подразумевался в этом немом приказе и другой вариант развития событий.

Фердинанд сомневался. Он допускал мысль, что смотрит сейчас на своего старшего брата. Запрещал себе думать об этом и одновременно хотел того. Еще час назад он был уверен в смерти Маркуса. А сейчас его разрывало от предположения, что старший брат может быть жив.

В отличие от Тариса Лаена, который порождал в Фердинанде лишь желание мести.

— Слушаюсь, мой император... — Абэ впервые за многие годы склонился перед ним. В голове бушевала целая гамма эмоций. Кем бы ни был этот Маркус Соболевски, его игра была крайне опрометчивым решением.

Покинув кабинет императора, Нандин Абэ закрылся в своём рабочем пространстве. Дело недельной давности снова было разложено на столе. Фотографии участников заняли центральное место. Нандин долго смотрел на изображения, покуда не убрал фотографию Наны Вагнер и не положил на её место изображение с видеокамеры.

Маркус Соболевски. Скорее всего, он же Маркус Биби. Неведомый ранее игрок Человек, имеющий отношение к серии убийств, всколыхнувших всю империю и сам Леополис в частности.

Был ли он на каждом месте событий? Скорее да, чем нет. Попадал ли на камеру? Было ли у него то же лицо? Технически их количество может быть бесконечным. А значит, стоит поднять записи и просмотреть все заново.

Последней на стол легла фотография семьи Фердинанда, ещё до гибели последних. Отец, мать, трое братьев.

Был ли Тарис и Маркус теми же Маркусом и Теодором? Генетический анализ вопил, что Тарис не Теодор. Однако этот мальчишка был слишком странным для обычных проектов Кальтэноя. Возможно, в этом имелось свое зерно. Провести модификацию, чтобы спрятать. Ведь кто-то же тогда прорвался в Леополис сквозь имперский телепорт. Маркус? Зная, что от мальчишки осталась лишь оболочка, а сознание подменено? Или же один из клонов, назвавшийся Райго Иссиа? Почему он защитил Тариса?

У Фердинанда было много причин думать, что этот мальчишка его брат. Но факт оставался фактом. Генетика у этого человека была иной.

Стоило посоветоваться с мастерами. Увы, такие вопросы кому-либо не поставишь. На ум приходил только префект Кальтэноя, Мебиус Такебир. Если кто и мог расставить все точки над «i», то только он.

Телефон опять звонил.

— Слушаю.

— Я хочу записи, — тихо проговорил Фердинанд, — все: с той ночи и с предыдущей, и с последующей...

Нандин шумно выдохнул. Под «той ночью» его бывший подопечный всегда имел в виду только одно событие. Единственные экземпляры хранились в сейфе Абэ. Даже тридцать девятая не имела к ним доступа.

— Когда?

— Сейчас, Нандин. Я хочу посмотреть их сейчас. И, Нандин... — он на миг умолк, тяжело дыша в трубку, — не трогай дэ Руж пока. Она слишком на виду. Пусть так и остается.

Короткие гудки обозначили конец разговора. Нандин на миг прикрыл глаза, справляясь с эмоциями. Похоже, ночь предстояла длинная и болезненная. Ведь раньше малыш Ферди записи именно «той ночи» не смотрел...

Мы не то, чем мы кажемся.

Мы всего лишь вода, которой можно придать любую форму и любое состояние. Так почему бы этим не воспользоваться? Человек может соответствовать своим стремлениям, исходя из возможностей собственного генома, не загромождая при этом пространство вокруг ненужными гаджетами. Человек способен стать той константой, которая сможет возродить мир. Но для этого стоит изменить самого человека, а не мир вокруг него.

Из избирательного радио-интервью Клэр дэ Руж

Второй день Синего календаря

30 лет от Перелома

Выход — понятие растяжимое и многогранное: дверь из подвала или из дворца, из ситуации или из состояния. На самом деле результат один — переход одного положения дел в иное. Развитие, непрекращающийся путь.

Было страшно. Мир орал об этом со злобой, звенел каждым натянутым нервом как струной, шептал всем своим многоголосием. Тарис, как радиоприемник, слушал, вникал и шел за зовом, «на выход» на всей доступной ему скорости, несмотря ни на что...

Человек, назвавшийся Маркусом Биби, двигался в том же направлении — Тарис слышал его. Мысли Биби хоть и были поверхностны, но достаточно отчетливы. Наверное, виной тому было их общее состояние, напряжение и желание действий. Вот только, в отличие от Лаена, в Биби кипела ненависть. Нерушимой константой звенело желание получить то, что ему не принадлежит. Рядом с Маркусом находилась женщина, она впитывала в себя информацию, словно воронка, образуя вокруг плотную стену из абсолютной тишины. Трудно было не узнать в ней менталиста. Еще труднее — скрыть себя от нее.

Дэйла и Маркус бежали на выход, как и все. Тарис промчался рядом, окатив их градом камней. Лишь на миг повернув голову, чтобы взглянуть Биби в глаза, увидеть свое отражение и оказаться на десятки метров дальше... И не слышать, как крошка впивается женщине под кожу... как разрезает мужское лицо.

А потом он остановился. Огромный вертикальный зев шахты разверзся перед ним, едва не поглотив.

Нана наконец решила открыть глаза и растерянно обвела взглядом шахту. Она помнила только, как Лаен обхватил ее крепче и, не слушая протестов, перекинул через плечо. А потом все вокруг смазлось и взорвалось, превратившись в один непрекращающийся каменный гейзер. Пробивающий ткань одежды, забирающийся под кожу, превращая ее в изрезанное полотно. В тот первый миг движения она в ужасе зажмурилась, закрыла руками голову. А теперь и Райго рядом, и место другое. Скорость Лаена была дичайшей.

Тарис осторожно поставил девушку на ноги и крепче перехватил бесчувственного Иссиа. До ушей уже доносился топот ног.

— Нана... вспомни, — велел он. — Ты видела выход. Куда тебя вели?

Девушка лишь растерянно мотнула головой и вытащила из кармана пистолет. Сомнений, сможет она выстрелить или нет, больше не было.

— Там опасно, Тарис, радиация, — не согласилась она, взводя курок и оборачиваясь в сторону единственного ведущего сюда коридора. — Ты, может, ничего и не почувствуешь, но я не уверена ни за себя, ни за Райго.

— Тогда я прыгну вниз, — предупредил он. Нана нервно прикусила губу, взглянуть на него не решилась. Взгляд зеленых глаз впился во все еще пустой проем коридора.

— Ты ведь делал это, да?.. Тогда на смотровой площадке.

— Я не помню.

— Не ври! — Она чуть мотнула головой, а после нервно навела дуло пистолета на проход. Преследователи приближались.

Лаен нахмурился, а потом обхватил ее талию крепкой рукой и прижал к себе.

Посмотрел на шахту и виднеющиеся напротив нижние ярусы. Тарис наскоро рассчитал траекторию и время. У него оставалось три минуты. По-хорошему стоило разбежаться. Но...

Нана вздрогнула и прижалась к нему боком.

— Стой! — крикнул Маркус за спиной, наводя пистолет. Раздался выстрел — и из-под ног выбило крошку.

— Тарис! — перебивая вскрикнула Нана и выстрелила в ответ. — Делай уже!

Лаен прыгнул, утаскивая Нану и Райго за собой... и словно прорвал чужой мыслительный барьер. Биби... раскрылся. Ненависть и желание отошли на второй план, показав все его нутро.

Тарис не мог видеть, как тот бежит к краю площадки. Все его внимание было сосредоточено на том, как приземлиться на нижнюю платформу, развернуться и прыгнуть еще ниже.

Нана не видела того, что делал Тарис. Все ее внимание было направлено на Маркуса Биби и на нажатие ставшего бесполезным спускового крючка. Громкие выстрелы больше не раздавались и не оглушали. Время снова стало тягуче медленным. Однако... мысли оно все равно не останавливало. Чужое прошлое будоражило сознание, как никогда прежде, и что-то в этом прошлом было до жути знакомо. Как ночной кошмар, снявшийся многие годы подряд. Как нелепые тайны Райго, которые он так умело скрывал. И как теплое тело Наны, которое было самым живым в его объятиях....

* * *

Их путь закончился спустя три минуты. Огромная подземная плантация странным образом напоминала хвойный питомник. Ели и сосны высились под металлическим потолком насколько хватало взгляда. Сине-красные лампы освещали их, делая картину до невозможности сюрреалистичной.

— Все... — прошептал Тарис, падая на колени посреди хвойного великолепия, — время вышло.

Отпустил Нану, уложил рядом с собой Райго и уткнулся в металлический потолок.

Девушка некоторое время еще стояла на коленях подле него, а потом упала наземь, отбрасывая пистолет в сторону. Белоснежные рукава ее комбинезона были изрезаны и пропитались кровью. Состояние Райго было похуже, у него пострадали не только руки, но и лицо. К тому же он оставался без сознания.

— Ты... чертов псих, Тарис — прошептала она, удивившись, насколько визгливым оказался собственный голос. — Ты... сделал это.

Тарис лишь улыбнулся и распластался на полу, усеянном пожелтевшими иголками. Тело гудело. Семь минут его персонального скоростного режима закончились. Сейчас он с

удовольствием устроил бы поздний ужин. Иначе восстановиться будет крайне сложно.

Собственная мысль неожиданно рассмешила.

А в следующий миг по ладоням загуляли мелкие языки пламени, которые Тарис уже не мог контролировать. Они плыли по коже, жгли щеки, губы, пальцы... он чувствовал их жар под тканью одежды и понимал, что все еще жив. А потом наткнулся осоловелым взглядом на взволнованное лицо Наны. Она была испугана. Касалась своими сухими ладонями его пылающего лица, звала. Теперь она казалась чрезвычайно быстрой, и Тарису это было крайне странно наблюдать.

— Тарис, не пугай меня... — взволнованно попросила она. — И перестань гореть, это ненормально!

— Сейчас, отдохну и перестану, — улыбнулся он. — У меня в ушах звенит... и, похоже... пить хочется.

— Тарис... — она на миг запнулась, — у меня нет воды... Но я могу поискать, подождешь? Я, знаешь ли, спец по поиску воды в подземных питомниках, особенно ночью, в разгар охоты на себя любимую...

Сжав ее окровавленную ладонь пальцами, он посмотрел ей в глаза. Блестящие и — в сине-красном свете — совсем не зеленые.

— Все нормально, просто надо отдохнуть... остыть, — прошептал он, рассматривая ее лицо и пытаясь поймать хоть одну мысль. Увы, усталость брала свое. Тарис больше не слышал ее. Наверное, это было к лучшему.

— Тот человек на платформе... который с маской вместо лица. Маркус Биби... ты знаешь его?

Нана нервно кивнула и сжала его ладонь в ответ.

— Знаю... он плохой человек, Тарис. Очень.

— Когда я прыгнул... Он раскрылся. Похоже, он мой брат... Нана, — прошептал Лаен. Голос звучал глухо. — Этим странным днем я узнал много такого, чего вообще не должен был знать...

Удар собственного сердца показался до невозможности тягучим. Взгляд скользнул вверх по стволам деревьев. По ветвям, расчертившим искрящийся потолок, словно искусное кружево. Нана, похоже, что-то еще говорила, а может, и кричала. Но Тарис уже не слышал. Слабость окутала его. Мускулы, словно деревянные, отказались двигаться. Ноги гудели, напоминая режущими болями о том, что старик Ирраиль советовал не двигаться как минимум сутки.

Шумно выдохнул и позволил себе расслабиться, утонуть в собственной усталости. Сознание сковывал сон и даже твердый стальной пол показался мягким...

— Маркус не может быть твоим братом. Он... — тем временем прошептала Нана и зажмурилась, а потом крепко обняла его истощенное тело. — Тарис, тебе не нужен такой брат, не думай о нем ничего хорошего. Он убивает таких, как ты. Слышишь?

В ответ раздался храп. Нана моргнула и встряхнула Тариса за плечо, но он не реагировал, провалившись в крепкий и глубокий сон.

— Ты издеваешься?! — взвыла она. А потом нервно подпрыгнула на ноги. Растерянно оглянулась на лежащего рядом Райго и только теперь поняла, что, похоже, крепко влипла. Спрятаться в незнакомом подземном питомнике с двумя тяжелыми бесчувственными парнями было нереально.

* * *

Стоило зайти в кабинет префекта Леополиса, как Ирраиль тут же посерьёзnel, собрался и взял себя в руки.

— Знакомьтесь, госпожа дэ Руж, — начал было Димитрий, — мастер Ирраиль.

— Наслышана, — улыбнулась женщина, пожимая старику руку.

— Впечатлен, — не стал скрывать Ирраиль, — у вас поразительный оттенок кожи.

Такой и не встретишь больше.

— Отголосок прошлого, — отмахнулась Клэр от сомнительного комплимента.

— Или предвестник будущего, — не согласился Ирраиль. — Мода на цвет кожи так же легко внедряется в массы, как и цвет глаз. Не хотите стать законодательницей нового стиля?

Женщина рассмеялась.

— Торговать кодом?

— Почему бы и нет, — хитро сощурился Ирраиль, — мы же для этого собрались.

— Почти, — его ирония была оценена по достоинству. Клэр многозначительно взглянула на имперского советника.

— Дмитрий, вы посвятили мастера в суть вопроса? — поинтересовалась она, вытаскивая из папки приказ.

— Я думал, вы это сделаете лучше, госпожа префект, — смутился советник.

— Что ж, — Клэр не стала комментировать и без каких-либо предисловий передала документ Ирраилю. — Ознакомьтесь, пожалуйста, лично, во избежание недомолвок.

Старик читал вдумчиво, и чем отчетливее узнавал суть задания, тем глобальнее казалась вставшая перед ним проблема.

Наконец, сжав пальцами подбородок, он озадаченно уставился на размашистую императорскую подпись.

— Нет... — решил он и возвратил Клэр бумагу, — я не согласен. Нельзя программировать человека как собственность, это неэтично.

— Что ж, я уважаю ваше мнение, — как бы невзначай начала Клэр, прерывая размышления мастера. — Спасибо за честный ответ...

Входящее сообщение прервало её речь тонким звоном. Она взглянула на свой коммутатор и нахмурилась. Сообщение прислал полковник Мидлтон, что, в принципе, было ему несвойственно.

Ирраиль тем временем молча поднялся с кресла и поковылял к входной двери. Он даже ухватился за ручку, когда женщина окликнула его.

— Мастер Ирраиль... Мы ещё не закончили, — прервала его она. — Прошедшим утром по внутренним каналам связи была поставлена задача первого уровня важности, а именно, проследить за передвижением некоего Вито Лаена, уроженца нижнего десятого города префектуры Леополис, работы Мастера Ирраиля. — Она внимательно взглянула на замершего старика. — Так как этот человек все ещё под вашей опекой, я должна его изъять у вас и задержать до решения генетической комиссии.

Ирраиль поджал тонкие губы. Он рассчитывал, что проверка пройдёт негласно, а не так, в лоб. Тем более он не рассчитывал на шантаж.

Обернулся и озадаченно уставился на абсолютно спокойную, можно сказать, даже скучающую женщину.

— Чего вы хотите?

Клэр даже в лице не изменилась, оставаясь до безобразия равнодушной.

— Плодотворного сотрудничества, — её карие глаза сощурились, — с гарантированным

возобновлением лицензии, конечно.

— Проблема не в том, что я не хочу сотрудничать, — устало пояснил старик. — Дело в общественной этике, госпожа дэ Руж. Человек не вещь, он не может лежать на прилавке вместо работа.

— А изготовление из парня любовницы для Фердинанда вполне в вашу этику вписывается, — ничуть не смутилась Клэр. — Если я не ошибаюсь, мальчик, находящийся в приёмной, и есть тот самый подарок для императора. Мне его передать, или он сам доберётся?

— Госпожа дэ Руж, — сокрушенно выдохнул Ирраиль. — Вито наделён собственной волей. И у него достаточно мозгов, чтобы не следовать своей установке. А торговля живыми объектами наличия этой самой воли не предусматривает. Да и... — глаза старика нервно забегали, — это был специфический заказ от...

— Меня это не интересует, — перебила его дэ Руж. — Вы либо работаете, либо нет.

Мастер хмурился. Предложенное дэ Руж ничем по тяжести преступления не отличалось от совершенного ранее.

Он не сомневался, что вырастить тело и задать базовые функции возможно. Но так же понимал, что здоровый человеческий мозг рано или поздно перешагнет эти функции, и личность, какой бы скудной она ни была, разовьётся. Спонтанный процесс самоосознания станет препятствием для задумки... А значит, человек должен изначально взращиваться в отождествлении себя с вещью. Он должен испытывать счастье от факта принадлежности хозяину.

Увы, преданность программированию не поддавалась.

— Я понял.

Дверь за мастером беззвучно прикрылась.

— Он согласится, — неуверенно промямлил Димитрий.

— Хорошо, если так, иначе у нас огромные проблемы, — недовольно процедила Клэр, после чего включила громкую связь. — Свон, размести господина Лаена на ночлег. Он под твоей полной ответственностью до открытия магазина.

Димитрий закашлялся. Ирраиль, несомненно, её сообщение слышал. В конце концов для его ушей оно и предназначалось.

— Я, конечно, все понимаю, но зачем господину Свону играть в няньку?

— Затем, господин советник, что иначе эту няньку сыграете вы, — парировала Клэр и включила голосовое сообщение.

— Швецов пакует вещи, — прозвучал искаженный ретрансляцией голос полковника. Короткая фраза вызвала досаду.

— Я пойду, — решил Димитрий. Клэр мотнула головой и набрала номер Мидлтона.

— Подождите, советник, — и сразу же переключилась на разговор с полковником. — Вы где?

— Перекрёсток третьей и шестой улиц, — прошелестел коммутатор. — Сняли засаду. Один ушёл, менталист.

Подавив внезапно вспыхнувшее раздражение, Клэр сбросила звонок и набрала на коммутаторе один из личных кодов. Короткое смс на номер Абэ. Увы, облегчения совершенное действие не принесло, только ещё больше досады.

— Димитрий, переигрываем. Отвечаете за Вито и Ирраиля, можете поселить в гостиницу. И отправьте сообщение Абэ по своему каналу. Я беру Свона и еду к Мидлтону.

* * *

Кристалл вошёл в ретранслятор легко, как и положено. Изображение было чётким. Кадры — сухими. Приветствия, расшаркивания, общее приподнятое настроение. Передача власти, выбор приемника. И около тридцати семей в полном составе. Женщины и мужчины, мальчики и девочки. Клоны персональных охранников с одинаковыми лицами и серийными номерами на щеках. Все аккуратно одеты. Но небогато. Класс властителей канул в небытие, как и класс бедняков. Императорские отпрыски, все до единого, были рабочими. Почти равная часть прибыла из нижних городов. Это наблюдалось по формам их одежд, по стилям причёсок, бледности кожи. В конце концов по типу лиц и тел.

Семейство Соболевски в полном составе. Фердинанд только сейчас вспомнил, что отец тоже очень часто ходил в комбинезоне. А ещё у него была установка, которую он постоянно носил на плечах.

И это все, что Фердинанд мог вспомнить о его работе. По официальной версии, его отец погиб, исполняя должностные обязанности. Но информация о том, где и когда, была под грифом «Запрещено к разглашению». Даже встав на самой вершине империи, Фердинанд так и не смог узнать, что же тогда произошло. При его деде, императоре Сатоире Первом, все, что уходило под этот гриф, уничтожалось до последнего экземпляра. Такая же участь ждала записи, которые теперь непринужденно крутил ретранслятор. Цель прозаична, не оставить потомкам даже намёка на несовершенство системы.

Подтасовка истории, как ни крути. Сколько таких уже произошло с легкой руки Фердинанда?

Вечно работающие жернова цензуры и формирования общественной мысли.

— Спустя пятнадцать лет все выглядит иначе, — прошептал Фердинанд, а потом поднялся из-за стола и отвернулся к окну. В руках щелкнула зажигалка. Он закурил и глубоко затянулся.

— Время скрадывает многое, — тихо ответил Нандин. — Даже вчерашний разговор сегодня будет восприниматься иначе. А вчерашний вопрос предстанет в новом ракурсе и смысле. Да и вы... изменились. Боль как зверь, она не может питаться одним и тем же кормом вечно.

— Очень удобная философия... — Фердинанд снова затянулся. — Скажи, Нандин, если я прикажу тебе умереть, ты ведь повинешься?

— Всенепременно, — Абе даже в лице не переменялся, взирая на спину императора...

— А если я запрещаю тебе быть менталистом, сможешь исполнить? — Мужчина обернулся и внимательно взглянул на своего подчиненного.

Абе нахмурился.

— Сейчас это не самое грамотное решение. Менталисты все еще скрыты среди масс. Глупо оставаться без ружья во время охоты.

— Но мы ведь это изменим?

Абэ промолчал. А Фердинанд снова взглянул в окно. Небо было черным и беззвездным. Похоже, собирался дождь. На душе было погано.

Он многое бы отдал за то, чтобы больше ни одна безумная тварь не смогла перезаписать себя в чужое тело. Мелкий силуэт Теодора опять стоял перед глазами. Родные черты лица, искаженные чужой, не свойственной ему мимикой. Совсем не детский взгляд и творящиеся по его воле страшные вещи. Старая запись стерпела все.

Хотел ли дед жить или просто шел таким путем к иной цели? Этого Фердинанд уже

никогда не узнает.

Коммутатор на руке Нандина тонко пискнул. Фердинанд обернулся, наблюдая за Абэ без особого интереса.

А вот Абэ переменялся в лице.

— Это от дэ Руж, — выдохнул он и удивленно взглянул на императора. — Ожидают нападения. Замечен менталист.

— Иди, Нан... — кивнул Фердинанд и снова уставился в окно... — и будь осторожен.

Дверь за Абэ хлопнула.

Повелитель Сакской империи усмехнулся, в который раз затягиваясь и смакуя дым. Показалось, что ему снова врут: Абэ, записи, дэ Руж. Все превратилось в странную круговерть из наслаивающихся на друг друга образов.

Империя представлялась ему огромным гнойником, который стоило вспороть острым ножом и прочистить. Впрочем, скоро это произойдет. А пока длится подготовка, долгожители могут еще играть в песочницах и расставлять своих оловянных солдатиков.

Выкинув окурок в окно, Фердинанд потянул со стола трубку телефона и быстро набрал номер.

— Да...

— Мёбиус, только не говори, что спишь...

— Готовлю тела к отправке, — ничуть не смутился префект Кальтэноя. — Не знаю, где они нашли этого мастера, но его решения заставляют мой мозг сворачиваться в трубочку.

Фердинанд усмехнулся, слушая восторженную речь генетических дел мастера. Этот всегда был не от мира сего.

— Он классик и экспериментатор одновременно. Это просто прелестно. Хочу его в свою команду.

Восторженные речи мастера можно было слушать до утра, а на это не оставалось времени.

— Я хочу знать результаты анализов, Такебир.

Мёбиус на миг умолк, раздумывая над ответом.

— Странная конструкция. Многие аллели задвоены, многие отсечены. Однако возраст соответствует. Строение черепа идентично. Физические параметры внешности сохранены. Я не могу сказать стопроцентно, что этот человек был вашим братом, мой император. Да и вывести время модификации тоже. Однако могу уверить, любая глубинная модификация стирает личность. Если ее провели в пять, от его памяти ничего не осталось.

— Ясно...

* * *

Последний пневмопоезд отправлялся в двенадцать вечера. Чемодан был собран. Только все самое необходимое. Заявление об увольнении отправлено официальной почтой с описью.

Осталось просто закрыть дверь своей квартиры и уйти.

Отныне бывший главврач Леополиской больницы снова считался безымянным человеком. План был прост. Уехать в соседнюю префектуру, затеряться в одном из нижних городов, стереть чип и, взамен, создать новый образ, с иными персональными данными. Алеку было не впервой поступать так, но от этого не становилось легче. По правде говоря, ему нравилось в Леополисе, там было удобно. Удобной для него стала Клэр, Марта,

Мидлтон. И должность, и положение вещей, и скорость событий.

Увы, ничто не вечно. В очередном периоде жизни надо ставить жирную точку. Алек не хотел раскрывать себя. Опасался огласки и внимания Алькова Мудрецов. Не для того он прятался столько лет, чтобы враз взять и объявится. Да и понимал, что случайно обнаружиться ему не дадут. Когда создавался Альков, было четко определено, либо вы с нами, либо мы без вас. Что означало лишь одно: переработку несогласных на нужды империи. Конечно, для умершего это почетный финал. Но не для живого.

А жизнью Алек дорожил.

Замок входной двери привычно щелкнул, реагируя на поворот ключа. Проверив последний раз ручку и убедившись, что все заперто, он подхватил свой старенький чемодан, обернулся... и замер.

Клэр стояла, привалившись к стене. Напряженная, с усталыми покрасневшими глазами. Полные губы были недовольно искривлены, а тонкие руки обхватывали ее тело так, словно она пыталась удержать саму себя от необдуманных действий. Рыжие курчавые волосы торчали в разные стороны в творческом беспорядке.

Алек невольно сглотнул. Сам не заметил, как поставил чемодан на пол.

— Давно вы здесь?

Она молча взглянула на запястье, охваченное коммутатором, высвечивающем время, и лишь после этого кивнула.

— Минут десять, — тихий ответ эхом отозвался в коридоре.

— Бежали, значит.

— Я на машине, Алек. Последний поезд отправляется через час. Я подумала, вы захотите прогуляться, — она грустно улыбнулась. — Решила составить компанию. Подвезти.

* * *

Кэйт Свон хмурился, наблюдая за происходящим сквозь камеру видеонаблюдения. Точная копия Клэр дэ Руж стояла напротив Алека Швецова. А вот оригинальная версия сидела на заднем сиденье их машины. Или же все было наоборот?

Клэр была напряжена, как никогда. Непривычно молчалива. Кривила полные губы, как и женщина на экране, а ещё, похоже, была готова сорваться с места и разобраться с самозванкой лично.

— Ждем, — цедил полковник Мидлтон в рацию и настороженно косил взгляд на префекта.

На экране разыгрывалось удивительно романтическое действие:

— Клэр, это слишком неожиданно. Здесь идти всего ничего. То есть, — смутился Швецов. — Я хотел сказать спасибо... Клэр. Я с радостью воспользуюсь предложением.

— Не хватает поцелуя, — недовольно процедила настоящая дэ Руж, косясь на экран со своего места. Свон должен был признать, что в ее словах крылась доля правды.

Полковник на такое лишь возмущенно фыркнул. Он-то, по обыкновению, жалел, что не дома и не спит, как то положено в одиннадцать вечера.

Во дворе пятиэтажного дома было около десятка машин, среди которых их электрокар абсолютно ничем не выделялся. Из арочных окон жилых квартир лился свет, сливаясь с отблесками уличных фонарей. Слышалась музыка, смех и тихие разговоры — обычная, абсолютно расслабленная обстановка. И тем не менее работа шла полным ходом.

Низкие клены нависали пышными кронами над стальными крышами автомобилей. Они отбрасывали кружевные тени, идеально скрывая от посторонних глаз присутствие трех человек. Остальные представители Леополиской полиции засели кто где, равномерно рассредоточившись в радиусе сотни метров.

Клэр дэ Руж расположилась на заднем сиденье машины. Мидлтон и Свон устроились на переднем. Все трое следили за происходящим через видеомонитор, встроенный в приборную доску электрокара. Изображение было так себе, то и дело подергивалось шумом. К тому же гулкое эхо делало прослушивание затруднительным.

— Я не понимаю, какого черта происходит, — наконец прошептала Клэр дэ Руж, глядя на своего двойника.

— Вас скопировали, — выдал очевидное Свон. Мидлтон и усмехнулся, а вот Клэр ещё больше взвинтилась.

— Я заметила! Цель?

— Добровольно увести Швецова, возможно, скомпрометировать вас, а может, еще что-то, — предположил бывший следователь. Происходящее в голове не укладывалось. Наглости преступнику точно было не занимать.

— А может, у него что-то важное в чемодане... — внёс свою версию Мидлтон, — нечто, требующее либо предельной осторожности, либо содействия. В таком случае спокойствие жертвы будет главным условием похищения.

Клэр переменилась в лице. У долгожителей действительно было что-то важное. Только не в чемодане. Увы. Геном. Уникальный код. Вот только требовался ли им живой долгожитель, или просто возникли проблемы с доставкой подходящего материала?

Мужчина на экране как раз подхватил чемодан и прошёл за самозванкой в лифт.

— Подключитесь к чертовой камере в кабинке, — тут же выдала дэ Руж. Свон и Мидлтон понимающе переглянулись. Префект сейчас откровенно мешала.

— В этом лифте нет камеры, — устало вздохнул Кэйт, напоминая. Префект в нервах дернула ручку двери, намереваясь выскочить наружу.

— Не порите горячку, — прошипел Мидлтон, оборачиваясь и хватая её за руку. — Если эта женщине не убила его в коридоре, то в лифте с ним тоже ничего не случится.

— В коридоре была камера, — процедила Клэр, выдергивая руку.

— В любом из случаев на ней ваше лицо, — невозмутимо вклинился Свон. — Если бы она хотела повесить на вас убийство, она бы это сделала, там у нее был шанс. Она им не воспользовалась. Так что предлагаю расслабиться и понаблюдать.

Клэр помрачнела. Говорить мужчинам о своих страхах было глупостью.

Неожиданно в дверь возле водительского сиденья постучали. Причем сперва за стеклом никого не оказалось, а в следующий миг там словно из ниоткуда появился Нандин Абэ.

— Какая милая зачарованная тройца, — улыбнулся он, — как вы собираетесь ловить вражеского менталиста, если даже меня не заметили?

— Садитесь уже, — процедила Клэр с заднего сиденья.

Абэ не торопился, внимательно взглянул на Мидлтона и Свона.

— Пересядьте в другую машину, господа, и отъедете на четыреста метров на север, — мягко улыбнулся он. А после того, как двое загипнотизированных мужчин покинули салон, преспокойно уселся за руль и бросил свой саквояж на соседнее кресло.

Замки на задних дверцах щелкнули, блокируя выход.

— Что вы себе позволяете? — Сказать, что Клэр впала в бешенство, — это ничего не сказать. Ее откровенно начало колотить. От ситуации в целом и от присутствия Абэ рядом.

— Давай на «ты», как в старые добрые времена, — прошептал мужчина, расстегивая пиджак. Поправив зеркало заднего вида, он выключил видеомонитор и уставился на входную дверь подъезда.

Клэр следила за его действиями молча. В конце концов она раздраженно откинулась на спинку пассажирского кресла. Чертов засранец, как всегда, был в своем репертуаре.

Алек Швецов и точная копия долгожительницы вышли из здания спустя пару минут. Что происходило внутри подъезда было непонятно. Но рассуждать на эту тему, тем более с Абэ, не хотелось. Алек и самозванка почти одновременно сели в электрокар, а потом их машина аккуратно двинулась с места, вырулила со двора и скрылась из виду.

— Вы собираетесь за ними ехать или нет? — недовольно прошипела дэ Руж, ее так и подмывало высказать ему все, что она думает о сложившейся ситуации. Абэ лениво взглянул в зеркало заднего вида и усмехнулся.

— На ты... Клэр.

Это было похоже на издевательство.

— Чертов ублюдок...

Нандин тихо рассмеялся и запустил мотор электрокара.

— Так-то лучше.

Под его чутким контролем машина плавно тронулась. Дорога, увы, оказалась пустынной. Клэр сникла.

— И что теперь делать, их нигде не видно.

— Мы на допустимом расстоянии, — нисколько не волнуясь, ответил Нандин. — Я чувствую их. И здесь главное, чтобы они не чувствовали меня.

— Мне это не нравится, — процедила Клэр.

— Слежка — дело тонкое, — многозначительно изрек Абэ. — Особенно если противник обладает телепатическими способностями. Неужели ты забыла, как оно бывает?

— А если его убьют?

— А если приведут к штабу? — Нандин взглянул на ее отражение в зеркале заднего вида. — Чувства излишни, Клэр. Алек Швецов скрывался слишком долго. Это, наталкивает на мысли определенного рода.

— Какого?

— К примеру, он может быть заодно с нашим противником.

Дэ Руж фыркнула. Она не верила, что Алек мог сотрудничать с кем-либо из них. И все же доля правды в словах Абэ была. Алек скрывался слишком долго, а система такого не прощает. Женщина нервно закусил губу и не заметила, как на ней выступила капля крови.

— Только не говори, что ты с ним спала... — прошептал Нандин. — Иначе не понимаю твоей нервозности.

— Заткнись, — ее голос предательски дрогнул. Они въехали в промышленную часть

города. Широкие улицы здесь перемежались с узкими тупичками, предназначенными больше для роботов, чем для машин.

Абэ повернул руль, осторожно разворачивая электрокар в очередной едва видимый поворот. Маневр вынудил отстать еще больше. Впрочем, ментальный фон Швецова был достаточно ярким, чтобы проследить его.

— Хочу предупредить, — меж тем тихо продолжал Абэ, переводя тему в иное русло, — не играй против Фердинанда. Будь предана, иначе рука покажется приятной прелюдией.

Клэр тихо рассмеялась. Нервы сдавали. А темы, поднимаемые Нандином, были одна другой хлеще.

— Власть настолько ударила в голову?

Абэ некоторое время молчал, прежде чем ответить. За окно все чаще мелькали заброшенные комплексы.

— Я не должен тебе этого говорить... Но пока нет прямого мысленного приказа, могу кружить, Клэр. — Он внимательно посмотрел на нее через зеркало. — Я предупредил. В следующий раз у меня будет другая установка в мозгах, я не смогу быть другом постоянно.

Женщина покачала головой.

— Нан, ты уже давно не друг, — констатировала она очевидное. Невольно коснулась искусственной руки. — Имей ввиду, когда в следующий раз будешь делиться секретами.

— Хоть честно...

— А смысл врать? — Она вскинула голову, и теперь сама ловила его отражение в зеркале. — Все равно любую мысль читаешь. И страх, и нервы. Еще и наслаждаешься этим.

— Я пытаюсь быть вежливым хотя бы... — возмутился он. — Мне жаль... за руку. Там могла быть и моя в равной степени.

— Вместе с моей головой, Нандин. Ты держал меня за волосы, когда впихнул головой в этот чертов портал! Знаешь, в этом есть разница. Без руки можно жить, а без головы...

Абэ резко остановил машину.

— Я их потерял...

— Чудесно, — нервно процедила Клэр. — Ищи теперь, телепат чертов! Мне нужен Алек, живой!

Абэ не комментировал. Молча застегнул пиджак, подхватил свой чемоданчик и вышел на улицу.

Его план был прост. Покружится в телепорте в радиусе километра. Два-три прыжка и он их поймает. Или найдет то, что осталось. Правда дэ Руж об этом знать не следовало.

* * *

Машина плавно притормозила. Алек вышел и остановился. Некоторое время растерянно смотрел на слабо освещенную улицу, прежде чем понять, что происходит нечто неправильное. И главное в этом неправильном то, что он абсолютно не знает свое местоположение.

Клэр вылезла из машины следом и тепло улыбнулась.

— Нам туда, — указала она на темный проулок. — Вещи придется немного нести.

— И что там? — Швецов озадаченно уставился в указанную сторону. Темная улица мало напоминала Восточную станцию фуникулера, а уж тем более ведущие к этой станции улочки. А гулять в каком-либо ином направлении было чревато опозданием на поезд.

— Удобный и тихий выход, — заговорщицки подмигнула она. — Это лучше, чем светится перед камерами.

Согласившись с доводом. Швецов вытащил из багажника свой чемодан и решительно взяв Клэр за ладонь, отправился в указанном направлении.

Промышленный район обычно был безлюден. Хотя перерабатывающие установки работали постоянно. Механические комплексы мигали лампочками и тихо шуршали механизмами. Иногда можно было заметить пробегающего мимо роботизированного паука, или струящуюся по земле стальную многоножку. Сюрреалистический вид этой части города мало чем вязался с привычными зелеными садами и принятыми в жилой части архитектурными решениями.

Можно было сказать даже, что эта часть города дышала началом Перелома и восхождением императора Филадельфа. То было странное время.

Сейчас же Алек с высоты своего полета видел, что то неоднозначное время было необходимо. Воплощение мысли первого императора было невероятным. Цель чудесной...

Вот только... долгожительству в этой цели не было места. Увы.

Стоило признать, ему импонировало предложение Клэр обойти камеры. Попасть в нижние города иным от официального путем, было самым лучшим решением.

— Сюда, — потянула она его в очередной проулок. Швецов на миг замешкался, но стоило ей переплести их пальцы, как мысли начисто вышибло из головы.

Первым что попало на глаза, это промышленный мусороперерабатывающий комплекс. Он был больше, чем стандартный городской, да и явно не старой модели. Шустрая машина ворошила своими крючковатыми щупальцами в горе мусора и планомерно отправляла выуженную добычу в свой полный острых лезвий зев. Судя по тому, что мусор исключительно исчезал, он либо попадал куда-то в подземный контейнер, либо сжигался в одном из отсеков этого комплекса.

За установкой виднелось голое пространство метров тридцать в длину, не более, дальше стена. С виду тупик, да и только.

— Клэр... а куда дальше?

Она не ответила. Высвободила руку и отошла на пару шагов.

— Больше никуда... Алек. — Лицо ее поплыло, превратившись в бледное и лысое нечто. А за спиной выступила еще парочка людей в рабочих комбинезонах.

— Ты долго... — констатировал один из ребят.

— Он не поддавался внушению, — поморщилась та.

Алек шумно выдохнул. А в следующий миг швырнул в троицу чемодан.

Любимый скальпель, так предусмотрительно брошенный в карман еще дома, теперь очень удобно лег в руку, а потом как же легко вошел в чужое тело. Запах крови ударил по ноздрям и опьянил.

Противник явно не ожидал от него прыти. Ни один, ни второй.

А потом его оглушил выстрел. Живот пронзило острой болью. Женщина оскалилась и снова выстрелила, тыча ему в живот револьвер.

Ноги подкосились. Медленно опустился на землю, не веря в то, что произошло.

— Урод, — с ненавистью процедила самозванка и подняла с земли его скальпель. Мусорщик за ее спиной потянулся своими щупальцами к его чемодану, и начал планомерно его разрезать, выуживать одежду и тут же ее утилизировать в своих недрах.

— Что ты задумала тварь...

Собственная кровь хлестала сквозь пальцы. В глазах темнело от боли и неверия в происходящее.

— Да какая тебе разница? — в ее руках мелькнул скальпель. В следующий миг женщина скрутила его, резво вспорола рукав его правой руки и вонзила острое лезвие в его предплечье. Алек взвыл, дернувшись. Женщина же без зазрений совести вытащила из-под его кожи тонкий чип-идентификатор. После чего повернулась к безмозглому мусорщику и приказала:

— Убрать биомусор.

Основная часть работы была сделана. Осталось проследить, чтобы тела были утилизированы полностью.

То, что Алек при этом все еще оставался жив — женщину абсолютно не волновало.

* * *

Вспышка портативного телепорта на миг охватило все пространство. Нандин привычно снял черные очки, поднял с земли свой саквояж и огляделся.

Ночные фонари тускло освещали пустынную улицу. Какой-либо мыслительный фон отсутствовал. Однако запах крови настораживал. Осмотревшись, мужчина свернул в темный неосвещенный переулочек. А спустя пару шагов вынужденно прикрыл нос рукавом. К крови добавилась и вонь вспоротых кишок. Асфальт под ногами начал хлюпать, Абэ критически осмотрелся вокруг, ища источник вони. К его сильнейшему раздражению, несло отовсюду, а глаза привыкали к темноте не так быстро, как хотелось бы.

Порывшись в кармане, выудил фонарик и подбросил над головой. Стеклошарик завис в воздухе и вспыхнул неярким светом.

Как оказалось. Абэ стоял в самом центре алой лужи.

Слева один на другом, лицами вверх лежали два трупа. У одного была вспоротая шея, второй, походу получил удар меж ребер. Сработано было явно с одного удара. Чуть дальше, рядом с роботом-уборщиком были еще одни останки. Назвать их телом уже язык не поворачивался.

Де Руж оказалась права. В который раз уже. Стеклошариком глазами на Абэ взирал сам Алек Швецов. Уборщик планомерно поглощал его, явно озадаченный конкретной целью.

Подавив в себе раздражение, Нандин ступил ближе к трупу.

— Прекратить уборку. Отключение, — велел он. Робот послушно замигал лампочками и отъехал в сторону. Металлическая тварь успела расчленивать и сожрать всю левую часть бывшего главврача Леополисской больницы. Но даже так, было ясно, что умер он не своей смертью. Уцелевшая рука явно демонстрировала кражу идентификационного чипа.

Краем глаза заметил, как от дальней стены отделился чей-то силуэт. Движение озадачило. Ментальный фон был девственно чист и, похоже, обманчив.

Женщина перегородила выход из тупика. Самая обычная, симпатичная даже. Только скальпель в руке портил все впечатление. На Клэр она была похожа разве только ростом да открытым синим платьем. Лысый череп, бледная, почти белая кожа, вздутые синеватые вены. На правой ключице виднелся характерный шрам от встроеной в тело голографической маски. Как ни странно, световой маячок отсутствовал.

— Добрый вечер, господин, — почти-что пропела она и забавно начала раскачивать свое мелкое оружие в руке. Абэ полностью обернулся, без каких-либо эмоций разглядывая ее. — Давайте познакомимся.

— С едой не знакомлюсь, — задумчиво ответил он, ища в женщине признаки имплантации усилителя. У предыдущей "красавицы" хотя бы маячок в виске был. Эта же дамочка либо его замаскировала, либо... уже внушила что его нет. Хотя... Он же еще

движется... И вроде бы даже мыслит адекватно.

— Вы считаете меня едой? — удивилась она. Скальпель все так же раскачивался в руке, подобно маятнику и жутко раздражал.

— Убийство, это удел твари... — прошептал Абэ и неожиданно осклабился, — а твари — это лучший деликатес.

Из рукава в ладонь выпал тонкий гибкий стальной прут. Лазерное лезвие вспыхнуло синеватым свечением, а в следующий миг Нан бросился вперед и, не раздумывая, отсек незнакомке ладонь с зажатым скальпелем.

Женщина взвыла, ударив в пространство ментальной волной. Вот только чужая боль лишь раззадорила Нандина. Удар стальным носком обуви пришелся даме в живот. В последний раз взглянув на труп Швецова, Абэ ухватил поверженную красавицу за талию пяткой раскрыл свой чемоданчик и залез в него ногами. Яркая вспышка поглотила их обоих...

* * *

Белоснежные стены приемных покоев генетического центра были слишком яркими после черноты переулка. Женщина взвыла, с ужасом тараща обожженные глаза. Её кожа, казалось, вскипела.

Несколько человек сразу же опрыснули её из установки и, не церемонясь, впихнули в переносной бокс. Подключили атмосферную установку, подгоняя состав воздуха под нужды ее организма.

Она упала на дно огромной колбы, продолжая вопить и извиваться.

— Сколько раз говорить, они не выдерживают радиацию во время мгновенного перемещения, — возмущенно прогундосил кто-то из дежурных мастеров, с ног до макушки запаянный в защитный костюм.

— Предлагаете везти этих тварей общественным транспортом? — скептически прокомментировал Нандин и не получив вразумительного ответа, поинтересовался: — Мастер Такебир ещё у себя?

— В соседнем помещении. Десятая лаборатория.

Знакомая лаборатория нашлась быстро. Ее наполняли ровные ряды инкубаторов. И лишь в дальнем конце, в самой глубине помещения, маячила тонкая фигура Префекта Кальтэноя.

Мебиус Такебир, одетый в белоснежный халат поверх такого же белого комбинезона, как раз колдовал над базами памяти.

— Доброй ночи, — окликнул его Нандин, сбрасывая с плеч пиджак. — Здесь довольно душно.

— Какими судьбами, Нандин? — Такебир оторвался от своего занятия, лишь когда Абэ поравнялся с ним.

— Привез образец. Менталист. Довольно агрессивная дама...

— Дама — это хорошо. Женский геном более стабилен, — пробубнил Такебир, забывая в установку очередную характеристику. Абэ следил за его действиями с особым интересом. Как не крути, от того, что сейчас нажмет Мебиус, зависело каким получится человек.

— Вижу работы тебе не занимать.

— Крайне интересное дело, — не стал спорить мастер и улыбнулся. — А ты знаешь, я люблю веселые задачи.

— И в чем суть веселости?

— В том, что им возвращен агрессивный ген, — поделился своей радостью Такебир.

Абэ подошёл к одному из инкубаторов и задумчиво устался на лежащее внутри тело. Внешность все-ещё не была сформирована. Подкожный жир отсутствовал, из-за чего человек внутри был похож на кусок сырого мяса.

— Ты просто зашёл, или с вопросом? — тем временем продолжал префект Кальтэноя.

— Вопросы, у меня всегда только вопросы.

— Так озвучивай. Могу проверить на месте.

Нандин выложил на стол перед Мебиусом микросхему, изъятую у самозванки.

— Хочу знать, что это и зачем это вырезали. Изначально был уверен в краже идентификационного чипа, но... выглядит эта вещь, мягко говоря, нестандартно.

— На паспорт не похоже, — согласился Такебир, беря пластинку, покрытую запекшейся кровью. — Напоминает банк памяти, однозначно модель старая... я бы даже сказал, древняя.

— То есть это записывающее устройство?

— Вряд ли, скорее автономная интеллектуальная система. А вот что она делает, непонятно.

Мебиус потянул со стола окуляр и начал разглядывать пластинку.

— Из кого ее извлекли?

— Из заурядного глав врача.

— Вот даже как, — задумчиво протянул мастер, продолжая изучать находку. — А глав врач, видимо, долгожитель, или я ошибаюсь? — предположил он, зачарованно смотря сквозь линзу. Наконец отставив окуляр в сторону, он вернул чип Нандину. — Название корпорации присутствует. Крайне старая разработка. Такими уже и не пользуются. Если твой обладатель скрытый долгожитель, то скорее всего это устройство обычная обманка. Какой-нибудь генератор генетического кода, или его электронный образ. Хотя... я могу ошибаться. Точный анализ займет время.

— Сколько?

— Трудно сказать, — пожал плечами Такебир. — Два часа, три, а может более суток. Так что же произошло с обладателем?

— Скормили мусорщику, — не стал вдаваться в подробности Абэ и задумчиво взглянул на микросхему.

Были ли еще такие? Скорее да, чем нет.

Могла ли именно эта вещица, стать причиной последних убийств?

Последнее стоило проверить.

* * *

Часы били полночь. Последний пневмо-поезд, на который так спешил Алек Швецов уже тронулся в путь. Место преступления было оцеплено. Трупы обведены мелом, после чего доставлены в городской морг. Мусороперерабатывающий комплекс был изъят и доставлен в лабораторию для экспертизы. Криминалистические действия на месте все еще продолжались.

Клэр дэ Руж куталась в свой плащ и устало взирала на происходящее.

— Нандина Абе вышел на связь, — проинформировал Мидлтон. — Просит вас.

С этими словами он протянул рацию Префекту дэ Руж.

— Слушаю.

Связь была плохой. И тем не менее голос Нандина Абэ узнала сразу.

— Клэр, проверь тело преподавателя на наличие идентификационной системы, — без предисловий начал он.

— А это не может подождать до утра? — возмутилась она. Нервы сдавали. Хотелось выпить, а не прыгать с места преступления в морг.

— Нет, — отрезал Абэ, — Мебиус считает, что у Швецова был украден генератор генетического кода. Возможно, это и есть основная причина нападений.

Клэр нахмурилась. То, о чем говорил Нандин, звучало как полная несуразица. Как можно вообще генерировать код? С другой стороны, как-то же Алек планировал прятаться.

— Хорошо. Проверю, — наконец сдалась она. — Мне какие плюшки с того?

— Хочешь сладкого? — Абэ откровенно издевался. Увы Клэр было не до смеха.

— Это не смешно. Ты виноват в смерти моего врача, — зашипела она в трубку. — Мы могли избежать этого!

— Могу его заменить на денёк-второй, исключительно в развлекательных целях... — оборвал ее нервный крик Нандин, а потом резко переменялся в голосе. — Оглядывайся иногда по сторонам, Клэр. Виноватым бываю не только я.

Связь оборвалась и Клэр едва сдержалась чтобы не выругаться. Что он имел в виду — оставалась только догадываться.

"Время ожидания тянется невыносимо долго. И не важно что в этот момент ты делаешь, идешь по безжизненному искусственному лесу, покрытому лишь толстым ковром мха и опавшими еловыми иголками, или же заперт в четырех стенах, словно дичь, пойманная в капкан. Собственное отражение, откуда бы оно ни взирало, из зеркальной глади, или из памяти, лесного ручья, лужи под ногами — напомнит о всех твоих ошибках, утраченных возможностях, обязательствах, чужих мнениях, советах и действиях, что как цепи оплетают собственные руки и не дают ступить шагу вперед...

Порой ощущение, что ты глупая муха, запутавшаяся в паучьей сети, добыча хищника, чужое развлечение, марионетка, ждущая, пока мастер дернет за шнур и наконец задаст тебе очередное действие...

Но... мастера-марионеточника не существует. Паук давно сплел сеть для новой добычи, а ты на самом деле запутан в собственном самомнении, страхе, неверии, непонимании, комплексе неполноценности...

Из дневника Марты Лэйн.

время не известно.

Кальтэной"

Кирк Лаен проснулся внезапно. Словно внутри него кто-то включил питание, запустив разом все процессы. Небо уже успело полностью почернеть, замерцать звездами и затянуться тучами. Юл сидел у дерева, запрокинув голову и тихо сопел. От осознания этого простого факта капитан дернулся и тут же замер, не в силах пошевелиться. Марта продолжала сидеть там, где рассказывала часом ранее свою историю. Её чёрный силуэт был странным и непривычным. Шлем, который блокировал её ментальные способности, почему-то находился в ее руках. Привычные курчавые волосы валялись рядом на спальном мешке, словно кусок какой то звериной шкуры. Идеально гладкая голова женщины, казалось освечивала в свете луны легким сиянием.

— Это всего лишь обман зрения, — прошептала она, поворачивая к нему лицо. Глаза были закрыты, а лицо сосредоточенно. — Юлу нужен был отдых да и вам стоило выспаться, пока есть время. Это было мое решение. Никто больше не виноват.

— Сколько...

— Пять часов. Это в половину больше положенного и в два раза меньше биологических норм для стандартного человека, — ответила она.

— Это слишком много, — раздраженно прошептал Кирк, протирая глаза. — Ты понимаешь что натворила? Батареи сядут и образцы попросту погибнут...

— Мне было необходимо обработать считанную у противника информацию, — ничуть не смутилась Марта. — Иначе я бы утратила ее безвозвратно. Теперь же вы полностью отдохнули и можем бежать с удвоенной скоростью. А на прямых участках и того быстрее.

Кирк молчал, пытаясь уложить в голове услышанное. Марта молча одела шлем на голову и быстро затянула под подбородком ремешки.

— Почему ты не сбежала? — наконец спросил он, следя за её действиями.

Женщина поднялась и теперь сноровисто складывала свой спальный мешок.

— По той же причине, по которой вы одели на меня вражеский шлем, Кирк. — динамик

искажил ее голос, разбавил треском и шипением испорченного микрофона. — У каждого из нас есть свои обязательства.

Берг неожиданно громко вздохнул и потянулся и даже Юл озадаченно приподнял голову. Кирк решил не комментировать и резко поднялся на ноги

— Десять минут на сборы, — скомандовал он. Больше на Марту он не смотрел. Его мысли остались при нем. Понимание ситуации тоже.

Наверное, Юл все же был прав. Дэ Руж обязана была знать об способностях Марты и не спроста отправила именно ее в погоню за тройкой беглецов. Если бы не тот взрыв и не, то нападение, она бы так и осталась неузнанной.

Вещи собрали быстро. Марта продолжала сидеть в центре поляны словно ее это не касалось. Поднялась, лишь когда все были собраны и, как и все, на полной скорости устремилась вперед... в Леополис.

* * *

Наверно уже было утро. В безветренном подземном лесе появились новые звуки и хотелось думать, что это просто начало нового рабочего цикла, а не очередная проблема.

Парни спали.

Нана сидела возле Райго и Тариса, привалившись спиной к тонкой сосне. От нечего делать жевала сосновую иголку и устало смотрела в потолок. Освещение не менялось. Светило все так же монотонно. В отличии от настоящего леса, в питомнике напрочь отсутствовал ветер. От чего деревья стояли словно мертвые. Ни скрипа, ни шевеления. Жуткое ощущение.

Нана на миг прикрыла глаза и тут же перед глазами всплыла картинка, которую она хотела бы больше никогда не видеть.

Тарис лежал на каменном полу и горел. Нана не могла помочь. Все что успела сделать это убрать пол вокруг него от иголок, снять одежду, чтобы не сгорела. Оранжевое пламя гуляло по его коже так, словно она была облита спиртом. Кожа была красной под ним, периодически начинала пузырится, пламя стихало на несколько минут и вспыхивало с новой силой, как только раны затягивались. Волосы, успевшие как-то отрасти, обуглились в некоторых местах и теперь Тарис выглядел еще страннее чем обычно.

Наверняка здесь стоял запах горелой плоти, но Нана его уже не ощущала.

Девушка задумчиво потянула с пола ещё одну еловую иголку и зажала её зубами. Ель горчила...

Наверное, стоило признаться самой себе, что она устала. Устала переживать, нервничать и думать о том, что Лаен сгорит заживо. А ещё устала бежать куда-либо. В памяти вновь и вновь прокручивала прыжок в шахту, перекошенное лицо Маркуса, собственные удары сердца. Страх все еще будоражил сознание. Ведь, если бы Тарису не удалось, ей в конце концов размозжило бы голову... и последнее что бы видела Нана это та чертова шахта и то уродливое лицо Биби.

Как все странно вышло-то.

Отец учил, никогда не помогать ГМО... Как говорили её родственники: "Модифицированные — не люди, а монстры, призванные уничтожить человечество изнутри." Не более. Но, чем дольше Нана находилась рядом с Тарисом, тем отчетливее она видела именно человека. Не геном, не мировоззрение, не идеалы и цели, не существо, созданное мастером... Видела отчаянного парня, цепляющегося за самого себя, словно других якорей у него не осталось. Порой, казалось, его синие глаза способны заглянуть в

душу, нырнуть в самую глубокую помойку человеческого разума, и вытащить оттуда на свет то единственное доброе, что у человека осталось...

Тариса хотелось обнять, защитить собственной грудью, не дать в обиду, словно он ребенок, маленький, наивный, верящий в бесконечное чудо...

Он выглядел так, ощущался так, когда спрашивал, говорил или предполагал.

— Тарис не ищет чуда. Разочарован и измучен, — неожиданно подал свой голос Райго. Нана улыбнулась и приветливо махнула ему рукой.

— Привет спящая красавица. Как ты? Тарис сказал, у тебя были проблемы.

Райго задумчиво уставился на нее. У нее на уме сейчас было много интересного. Прыжок в зев шахты будоражил, а от обрывчатых образов побега волосы шевелились на затылке.

— Нана, я как бы всю твою подноготную вижу.

— И что ты там видишь?

— Разговор с Биби... он у тебя крутится на подкорке, — он поморщился и попытался сесть, получилось с первого раза, что тоже слегка обескуражило. Боли в теле больше не было, если не считать лицо. — Честно говоря, я удивлен...

Нана молча взглянула на него. От первой их встречи еще недели не прошло, а судьба связала их безжалостно и похоже накрепко.

Райго неожиданно улыбнулся, наверное, опять беззастенчиво читал ее мысли.

— Ты просто фонишь, как...

— Старый радиоприемник, — закончила она фразу, которую выдал Тарис несколькими днями ранее. После чего обняла руками собственные колени и честно призналась:

— Было время, этот человек был для меня эталоном. Но, это не значит, что теперь я побегу за ним как дрессированная собака... ты понимаешь?

Райго кивнул. Тема пошла скользкая и Нана поспешила ее поменять.

— Райго, а ты почему от Абэ сбежал?

Вопрос застал Иссиа внезапно. О таком он не был готов говорить.

— Зачем тебе?

— Ну, я однажды видела младенца клонированного, — прошептала Нана. — У него был полностью натуральный цикл взросления. Подруга родила. Мы с ней на одном потоке учились. Они даже ему проплатили девяносто лет жизни... Ведь... как заплатишь, так и будет... Просто стало интересно, сколько ты жил с... Абе, насколько привык, прежде чем уйти в вольное плаванье, — она на миг умолкла, уставившись на свои израненные ладони. — Райго, если не хочешь, не отвечай. Глупость спрашиваю ведь.

— Я искусственный... — неожиданно ответил Райго, прикрыв глаза. — Считаю, что я родился в подростковом теле.

— Это как? — Нана просто потеряла дар речи от такого откровения.

— Просто... — тихо ответил Иссиа. — Открываешь глаза и понимаешь, что ты уже существуешь. Не более и не менее.

Повисло молчание.

— И ты ничего не умел?

— Почему же, умел. Просто память моя была искусственной и мне потребовалась куча времени, чтобы осознать все, что я знаю.

— А история... Тебя сразу сделали...

Райго смешливо на неё покосился.

— Нет, Нана, историю я учил сам.

Поднявшись на ноги, девушка в который раз взглянула на Тариса и, смутившись, поспешила прикрыть его одеждой.

— Он просто... горел, я...

Райго подавил улыбку.

— Я понял. Иди погуляй, осмотрись. Я его одену.

Нана ещё больше занервничала, резко обернулась и уверенно зашагала между ровных рядов сосен.

— Если ты в туалет, то ищи ёлочку, — прокомментировал Райго и рассмеялся тому, как Вагнер возмущённо вскинулась и ускорила шаг.

Вскоре ее мысли перестали беречь его сознание. Иссиа прикрыл глаза и прислушался к себе. Похоже, последние сутки он себе не принадлежал. Ни мыслями не телом. События последней недели были спутаны и вывернуты. Как апогей над ними возвышался старый изувеченный город, поросший лесом и мхом, собственная боль и увечья. Дальше лишь клубок бессвязных образов. Тонкой линией поверх них в голове звенело имя Маркуса Соболевски. И если бы не четкие мыслительные образы Наны об Маркусе, Райго наверно забыл бы и не обратил на это имя внимания. Теперь, зная, что этот человек был там, он хотя бы понимал, за какое воспоминание потянуть, чтобы распутать в своей голове тот клубок событий.

В конце концов упорядочив обрывчатые образы, Иссиа решил оценить собственное состояние. Боль от ран прошла, ноги двигались, по обыкновению, легко. Закатив обе штанины, оценил наличие шрамов и синеватый оттенок кожи: очень напоминающий след от заживляющих биогелей. Момент лечения в голове отсутствовал. Скорее всего, пропажа была не единственной. Но без Наны и Тариса восстановить потерю не выйдет.

Мысль о Тарисе напомнила об обещанном Нане. Лаен все еще был раздет. Кожа его восстановилась. И похоже температура вошла в баланс. Оценив состояние модифицированного, Райго быстро облачил его в серый запыленный комбинезон. Сел рядом и задумался, в который раз прокручивая в голове воспоминание Наны о побеге.

Огнестрельное оружие. Десятки вооруженных людей, наполнивших подпольное убежище. Был ли предел безумию Маркуса Соболевски?

Злость от бессилия перед оружием предков сдавила его сердце шальной силой. Что он может противопоставить? Ни его скорость, ни его четкое зрение, ни реакции... ни телепатия. Он ничего не мог противопоставить пережитку прошлого. Он знал историю, и знал на что способны изобретения прошлой цивилизации. От мысли что бывшее снова введут в массы мурашки бежали по коже. Ни чистого воздуха, ни чистого клочка земли... Отходы, мусор, загрязнение... Зеленые оазисы опять превратятся в пластиковые пустыни, горы переработанных нефтепродуктов, дымящие терриконы, радиоактивные и химически загрязненные свалки, озоновые дыры, не прикрывающие и клочка земли от космической радиации, парниковый эффект, углекислота вместо воздуха... поднятие уровня мирового океана, затопленные мегаполисы, сотни этажей глубоко под водой и мусорные острова... плавающие города, в которых грам сухой пресной земли вместо денежной валюты...

Человеческая раса пережила слишком многое, чтобы понять ценность природы и ее баланса. Возрождение технологий былого стоит обратить вспять любой ценой. Маркуса Биби нужно остановить, даже если для этого придется вернуться к собственному прошлому, императору... и собственному брату, Нандину Абэ.

Слабость помалу отпускала его. Тревожные мысли, наоборот, занимали все внимание заставляя окунуться в далёкое прошлое раз за разом, складывать его по кусочкам, сортировать события и эпизоды в хронологическом порядке. Увы... Но все что произошло до его первого пробуждения было обезличено, вне времени, отделено от эмоций и переживаний. Полностью однородным как закачанная в голову обычная база данных.

Его второе пробуждение было еще более странным. Так словно параллельно с его сознанием действовала программа действий, наложенная на сознание. Анализируя то время, Иссиа понимал, что так скорее всего и было. Ведь он, сам определил Тариса в тот детдом. В конце концов, он до сих пор, как преданная тварь, не мог отойти от него дальше положенного. Словно он мать, а Тарис его ребенок.

Райго подозревал, что причина этому кроется в том обрезке воспоминаний, которые он так и не смог восстановить.

Лаен застонал и заметался, все еще находясь во сне. Только сейчас Иссиа понял, что попросту задремал. Ухватил модифицированного за голову и придержал, не давая удариться.

Тарис наконец открыл глаза и удивленно уставился на Райго.

— Тише, — успокаивающе прошептал Райго. — Не дергайся. Все хорошо.

Шумно вздохнув, Тарис Лаен напряженно скользнул взглядом вокруг, абсолютно не понимая, где находится. Воспоминания возвращались медленно, вгоняя в ступор от собственных действий.

— Как долго я был без сознания? — так же шепотом спросил он.

— Почти всю ночь, — не раздумывая ответил Райго. — Голова не кружится, не болит?

— Гудит, — поморщился Лаен, пытаясь сесть, — а где...

— Ушла осмотреться, — не дал ему закончить Иссиа и раздосадовано скользнул взглядом по бесконечным рядам деревьев. Он не мог понять, сколько он спал. А Вагнер след простыл.

— Как бы ее саму не пришлось искать теперь... — прошептал Тарис без зазрений совести читая его мысли.

* * *

Табличка на стене вещала, что это был десятый подземный город префектуры Леополис. Стоило увидеть чеканную надпись, как на душе сразу стало легче. В Ио, а это был именно он, проще затеряться. И если даже штаб Биби над головой, он не сможет найти их в городе. Об этом стоило рассказать ребятам. Но для начала Нана решила реально осмотреться. Найти хоть пару магазинчиков и место для ночлега.

Мысль об удобной кровати сразу же вызвала зевок, уснуть этой ночью девушке так и не удалось. Голод и страх перед странными свойствами Тариса, внесли свою лепту в ее состояние.

Потому, как только на глаза попала первая лавка, девушка не раздумывая схватила с полки бутылку воды и питательный батончик, которыми пестрел прилавок. В подземных городах редко можно было найти живую пищу. Чаще это были сублимированные и энергетически емкие сухпайки. Это же касалось и питья. В основном только вода, часто минерализованная, реже сдобренная вкусовыми добавками. Последнее было исключительно на любителя.

Прижав большой палец к считывателю, не раздумывая расплатилась и даже обрадовалась сносной цене. Стипендия больше не светила, а значит придется найти

подработку.

Последняя мысль раздосадовала. Даже для подработки придется пройти хоть какие-то обучающие курсы. Так или иначе придется засветиться перед системой сканирования. Как быстро ее задержат после этого.

Запихав в рот почти половину купленного батончика, Вагнер привалилась спиной к стене магазина и приуныла. Откупила стеклянную бутылку и сделала несколько глубоких глотков.

А ведь рано или поздно их всех поймают: если не Биби, то лесной клан, если не лесной клан, то имперские служащие. Как и кому доказывать, что они лишь жертвы обстоятельств?

Голова от этих мыслей разболелась. Стоило возвращаться. А по пути набрать еще еды. Парни не будут ждать ее вечно.

Определив для себя маршрут, Нана поспешила вперед.

Шум подземной улицы навевал тёплые воспоминания. Почти как Леополис, только с потолком. И если сначала Нана кралась по ней, то после того, как попала в настоящее столпотворение, она поняла, что прятать лицо бесполезно. В своём грязном запыленном комбинезоне она ничем не отличалась от бесконечного потока рабочих.

Питательный батончик был съеден, бумажная обертка поглощена мусорным ведром, а опустевшая бутылка отправилась в шкаф для использованного стекла.

Нана застыла перед этим шкафом, улавливая в его темных стеклянных дверцах свое отображение.

— Хотите розовые очки? — отвлек ее ребенок. Нана с удивлением взглянула на мелкого мальчишку. Он был чумазый и смуглый. Привычный для этих мест комбинезон был явно великоват. Порванная кепка была лихо сдвинута на ухо, придавая ребёнку задорный вид.

— Прости, я не расслышала, — извинилась она и слегка склонилась над мальчишкой. — Ты сказал, розовые очки?

— Самые розовые и самые лучшие для госпожи туристки, — во все тридцать два улыбнулся он. — А за три стандартные единицы, покажу, где здесь небо!

Нана смешливо вскинула брови. Целое небо лишь за три единицы. За посмотреть.

Этих денег не хватит даже на бутылку воды...

— И как же зовут юного предпринимателя? — поинтересовалась она, пряча руки в карманы.

— Ёжи, госпожа-туристка!

— Я отдам сверху десять единиц, если дашь кепку, — предложила она, позволяя утянуть себя вглубь людной улицы. Мелкий проказник мог помочь ей избавиться от тревог. Забыться на миг, перед тем как вернуться к ребятам. Нане казалось ничего плохого не будет.

Парк, как обещал мальчишка, был недалеко. Красивый и ухоженный, он больше напоминал закрытую оранжерею со своей экосистемой чем те сады, что бывали в Клане, и уж тем более они не напоминали ухоженные парковые зоны Леополиса. Расплатившись за пластиковый аксессуар, Нана непривычно нацепила его на лицо и подняла голову вверх. Искусственное небо распростерлось перед ней. Плоское и совсем неживое. Как обычная видеозапись. Наверно, тем, кто привык смотреть в потолок даже эта обманка казалась чудом.

Наверное, ее настоящее небо тоже было для кого-то самым обычным потолком. Сплошная ложь и подмена понятий. Ничего, во что можно верить...

Отдав очки ребенку и забрав у него кепку, она прижала палец к считывателю, который

он ей предложил, и оплатила обещанные тринадцать единиц.

Зря она пришла в этот парк. Стоило возвращаться.

Обратный путь занял больше времени. Пришлось искать рюкзак для всего того барахла, которое она решила взять вдогонку. Еще позже на пути замаячили полицейские. Петляние по улицам раздражало и чувство погони все больше разъедало ее самообладание.

Парни могли ее уже искать, или уйти... О последнем думать не хотелось. Привести к ним кого-либо лишнего не хотелось тем более. Потому проходя мимо очередной камеры видеонаблюдения, сильнее натянула козырек кепки и ускорила шаг.

Беспокоилась напрасно. Парни действительно ждали ее. Тарис уже было проснулся. Райго предельно строго сопел. Но допрашивать не стали. А Нана расслабилась. Читали ли они ее мысли, или нет, но скрывать ей было нечего, ни покупки, ни мелкое баловство с розовыми очками.

Подкрепившись, двинулись на выход. Уже знакомый путь из питомника пролегал через длинный нежилой коридор. Людей, как и предыдущие два раза не встречалось. Потолок здесь был низкий, поворотов не было, лишь ниши со спящими роботами, явно предназначенными для ухода за подземным садом.

Тарис и Райго молчали, явно перебивая на своих ментальных волнах. Странное утро. Почти без слов с абсолютным пониманием происходящего. Возвращаясь с ними в город, девушке казалось, они оба читают ее, как раскрытую книгу... А, может, вообще, управляют ее действиями... шагами, мыслями?

Оставался последний поворот, дальше только город. Невольно улыбнулась и натянула козырек выкупленной старой кепки на глаза. Она помнила, что там единственная на всем отрезке камера. Предупреждать ребят не стала, знала — они уже сами все увидели в ее мыслях. Свернула не мешкая, а в следующий миг полупрозрачный барьер отрезал ей путь с обеих сторон, буквально заблокировав ее. Поймав как добычу. Ударила по стенке кулаком и с шипением отдернула руку. Страх окутал ее с бешеной силой, сердце заколотилось как остервенелое.

Тарис врезался в барьер с другой стороны и его тут же отбросило на Райго.

— Нана Вагнер, поднимите руки вверх, лицом к стене, — загудел динамик, впаянный в потолок, — пожалуйста не оказывайте сопротивления.

Нана с ужасом взглянула на Иссиа, на Тариса застывшего на полу. К горлу подкативала паника.

— Уходите, — прошептала одними губами, а потом медленно подняла дрожащие руки над головой.

Райго помрачнел, подхватил бесчувственного Лаена и опрокинул его в ближайшую нишу с роботами, полез сам следом и замер, боясь пошевелиться. Заблокировали только Вагнер, вот только от этого не становилось легче. Когда Тарис очнется, он так просто это не оставит. Иссиа понимал это предельно ясно.

— Нана Вагнер повернитесь лицом к стене, — повторил все тот же голос.

— Я поворачиваюсь, — дрожащий голосом выкрикнула она, прислоняясь лицом к холодной поверхности.

В мыслях же она обращалась именно к Иссиа.

От ее слов Райго не мог избавиться ещё долгое время. Своим поступком она выгравировала свою речь у него на подкорке.

"Райго, уходите и спрячьтесь. Передай Тарису, чтобы не искал меня. Лучше уж

Империя и Кальтэной, чем Биби. Я абсолютно точно понимаю, что делаю. Я всего лишь человек, с обычным набором генов. Я стандарт. Я им не интересна. Меня не убьют и не переработают... Все будет хорошо. "

*"Я не ненавижу тебя, мой дорогой человек,
Просто нам стало не по пути.
Прости меня за мою боль,
Прости за вспыхнувшую ненависть.
Прости за то, что мы больше не вместе...
Популярная песня.
Автор не известен..."*

Электрокар летел сквозь ночной город, почти не останавливаясь. Уличные фонари висели над дорогой словно россыпь ярких бус, делили пространство вместо горизонта. Кэйт сидел за рулем. Клэр рядом, на пассажирском.

Оба молчали, все еще переваривая произошедшее.

Поездка в морг не принесла никакого результата. Проверить тело уже не представляло возможным. Сутками ранее его пустили в переработку, о чем как-то забыли проинформировать и занести информацию в Базу данных. Соответствующих записей в экспертном заключении тоже не было. Терзала смутная догадка, что Швецов приложил к этому руку. Мог сам стащить чип, или же проследить, чтобы о его наличии умолчали. Спросить теперь было не у кого. Штатный медэксперт старательно разводил руки. В инструкции нет такого пункта, как проверка на наличие паспорта. Проверяют причину смерти, забирают образец генома. Паспорт для этого не нужен. Паспорт утилизируется вместе с человеком. Все.

Дэ Руж хмурилась, не видя ни выхода, ни решений. Марте хватило бы пары минут, чтобы разобраться во всем. Увы, она была далеко и ждать ее ранее утра попросту глупо.

— Езжай домой, Кэйт. Отоспись, — прошептала Клэр, когда электрокар остановился у подъездной дорожки ее частного дома.

— Я не умею спать, Префект... — тихо ответил он, смотря на собственные руки, лежащие на руле. — Дело почитаю, записи посмотрю, может найду что-то.

Слабо кивнув, Дэ Руж еще некоторое время смотрела перед собой. В отличии от Свона она собиралась пить. Много, до поросычьего визга.

— Заедешь утром за мной, — наконец решила она и даже слабо улыбнулась. — Если буду спать, разбудишь. Понял?

— Принял к сведенью, — Кэйт перевел на нее взгляд и вздрогнул от совершенно дикого лица начальницы, слишком обезображенного неестественной улыбкой. Клэр резко посерьезнела и отвернулась.

— Что ж... тогда спокойной ночи. — Не дождавшись ответа, она выбралась наружу.

Проследив как Префект Дэ Руж, скрылась за дверьми своего дома, Кэйт лишь тогда спохватился и развернул машину, проехал метров двести и передумал. Остановился и замер, так и не убрав руки с руля.

События прошедшего дня крутились в голове бешеным темпом. Прокручивались раз за разом, вертясь перед его взором, как дешевые проститутки, демонстрируя все свои прелести и неровности.

Ведь дикости не прекращались уже целую неделю. Одно событие за другим, в

непрекращающемся темпе, так словно над ними дирижировали одной рукой. Начиная с убийства в Академии и заканчивая этой ночью. Два скрытых долгожителя под самым носом Клэр дэ Руж.

Скрытый менталист Марта Лэйн под тем же крылом Префекта. Два менталиста от неизвестного противника. Все трое лысые, словно под копирку.

Далее, сбежавший подозреваемый Тарис Лаен с поломанным ошейником, которым заинтересовался сам Император. Райго Иссия, хоть был не лыс, но похоже тоже обладал телепатическими способностями? Иначе, как он остановил Лаена, словом и взглядом? А ведь именно эта сцена насторожила дэ Руж в тот злосчастный понедельник, и именно тогда она решила забрать дело себе. Хотела спрятать их, или ребята нужны были ей с другой целью? Ведь в тот день Клэр четко сказала, что оповещать столицу не надо... Все что происходило после того ее решения вообще мало поддавалось описанию. Дмитрий, первое в жизни внушение, пережитое Кэйтом. Кража подозреваемых? Попытка убийства Лаена? И нападение на группу преследования.

Зачем украли ребят... Замести следы? Или нужен был исключительно Иссия? Если учесть, что двое убийц были с телепатическими способностями, может ли быть, что они их вербуют?

Может ли быть такое, что сбежавшие ребята продолжали быть под влиянием Иссия и нападение на группу преследования тоже из-за него?

А зачем преступники Императору? Собственное расследование, или дело в Абэ, который одной лишь своей просьбой этим вечером вышиб Свону все мысли из головы. Они с Мидлтоном и очнулись лишь когда Клэр и Абэ исчезли.

Тоже менталист? Может, в столицу этих ребят хотели исключительно для Абэ? Или, проблема глобальнее, чем кажется на первый взгляд?

Возможно, магазин разумного товара имеет другую цель, нежели просто разнообразить общественный строй?

Но ведь и на этом странности не заканчиваются. Ответственный за проведение эксперимента, советник Дмитрий, приглашает исполнителем человека без лицензии. Бывшего мастера Ирраиля. По старой дружбе... Или по старому долгу?

Если бы только это... Ведь есть еще Вито, появление которого вызывает слишком много вопросов. Парень со скандальной установкой официально зарегистрирован с указанием своего подпольного мастера и заказчика. Сделать такое, все равно что махать красной тряпкой перед спецслужбами. Зачем подпольному мастеру заявлять о себе таким способом? Зачем это заказчику? В чем замысел?

Голова вскипела от мысли. Откинувшись на подголовник, Свон продолжал напряженно думать. Его чутье говорило, что весь происходящий абсурд связан в стройную систему событий. Чтобы понять, надо разобрать каждое из них. Вывести точки соприкосновений.

Если брать историю с Вито, если смотреть непредвзято, на всю ситуацию в целом. Что происходит? Впервые проснувшийся человек приходит на регистрацию и выкладывает всю подноготную инспектору. Буквально, машет красной тряпкой. Служащий вносит информацию в Базу данных, скорее всего, еще и делает звонок начальству. Ведь все, что касается Императора сразу попадает на обработку в имперский секретариат. А что видит секретариат? Три имени: подпольный специалист, новый человек имеющий виды на личное пространство Императора и некий Маркус Биби...

Зачем это подпольному мастеру? Только если его выгода или проблема серьезнее

отсутствия лицензии и внимания спецслужб к этому.

— Может ли быть такое что этот Маркус Биби не заказчик, а цель, на которую и привлекают внимание?

Надо было поискать этого человека. Мозг кипел от желания разобраться во всем здесь и сейчас. Увы, без доступа к базе руки Кэйта были связаны. Набрал на коммутаторе личный номер полковника Мидлтона, дождался ответа и тут же начал выкладывать свои мысли.

— Свон, ты в своём уме, два часа ночи, — наконец возмутился бывший начальник. — Нормальные люди спят. Тем более после такого.

Кэйт, словно не слышал его возмущения, продолжая гнуть свое.

— Мне нужен доступ к базе данных.

— Через Префекта, Кэйт, — раздраженно процедил Мидлтон. — Я не могу тебя просто взять и допустить к служебной информации. Попробуй немного напрячь свой мозг, раз спать не умеешь. Поговорим утром.

Полковник отключил связь. Кэйт с досадой откинулся на спинку водительского кресла и задумался. Нужен был доступ к базе. Прямо сейчас. Дэ Руж вряд ли спала... скорее пила, у нее на лице было написано, чем собирается заняться.

Будет ли адекватным столь поздний визит, он не думал. Вышел из машины и пешком направился к её дому. Сквозь ровные ряды деревьев проглядывался ее дом. К нему было метров двести, может больше. Из широких окон уже лился приглушенный тканью свет. Шторы были плотно закрыты, пропуская сквозь себя движущиеся тени.

Бывший следователь Свон не заметил, как ускорил шаг и перешел на бег. Клэр дэ Руж проживала одна, а теней за зашторенными окнами, явно было больше...

* * *

Дом встретил ее обманчивой тишиной. Бездумно захлопнула входную дверь и не глядя по сторонам включила свет. Разулась и повесила в шкаф свой плащ. Щелчок взведенного курка был оглушительным. На миг застыв от неожиданности, Клэр закрыла дверцу шкафа и, не раздумывая, обернулась.

— Абэ на вас нет, черти... — покачала она головой лицезрев картину.

Маркус Соболевски не ответил, он стоял в десяти метрах от неё. Револьвер в его руках был направлен на незнакомку. Та в свою очередь целилась в Клэр, злилась и явно пыталась настоять на своем.

— Она опасна!

— Положи пистолет, — рычал Маркус.

— Подумать только, какая сцена... — процедила Клэр, оценивая кибернетическую составляющую дамочки и размах татуировок. Направленный на неё пистолет абсолютно не волновал. — Твоя подружка?

— Дэйла, — глухо буркнул мужчина.

— Дэйла, не позволяй ему так себя вести. — сразу прокомментировала Клэр, — Маркус, негоже на даму сердца ружье наводить, — теперь уже обратилась к мужчине. — Выставлять на обозрение ссоры тем более нельзя. Чтобы сказала твоя мать, стыд, да и только. Лучше бы зажал в углу да поработал тем, что пониже...

Дэйла залилась ярким румянцем и отвернулась. Пистолет наконец отправился в кобуру, подцепленную под ее рукой.

— Идите к черту со своими нравоучениями, Клэр, — процедила Маркус, наконец, опуская свое оружие. Голос его дрогнул, похоже он успел перепугаться. Впрочем, дэ Руж это

мало волновало

— Мы договаривались, что ты не посещаешь мой дом с этим дерьмом, — проворчала Клэр кивая на пистолет в его руке.

— Мы договаривались что вы предоставите чистую площадку под мои нужды! — вскинулся мужчина, — вы обманули.

Дэ Руж фыркнула, молча прошла на кухню, резко открыла дверцу шкафа и вытащила спиртное. Налила полный стакан, отхлебнула и вопрошающе взглянула на мужчину:

— И чем тебя не устроили предоставленные метры? — Его претензии были смешны, на фоне ее проблем. Окровавленное лицо Алека все еще стояло перед глазами.

— Взрывчаткой, впаянной в стены.

— Ты серьёзно? — Дэ Руж рассмеялась. — Это крайне глупая шутка, мальчик. Ищи предателя у себя, а не здесь.

Маркус продолжал оставаться мрачным, его спутница хмурилась.

— Она не врет.

— Слушай свою подружку парень, она явно знает о чем говори, — прошептала Клэр, и снова отпив из стакана, уюстилась на табуретку. — Что у вас произошло?

Маркус ещё некоторое время помялся, после чего вытащил свой мобильный телефон и включил короткое видео.

— Три часа назад...

Клэр молча просмотрела видеоролик. Последовательную цепочку взрывов, каменное крошево, разлетающееся во все стороны, сносящее людей словно автоматной очередью. Брызжущую кровь и стоны.

— Что-то смутно напоминает, — прошептала она. — Вы ГМО в последнее время не ловили, такого белобрысенького тощенького засранца? Чисто копия милашки Фила.

Маркус промолчал. Клэр вело. Она пьяно уставилась на стакан, а потом снова перевела взгляд на мужчину:

— Молчание, знак согласия, да? — Голос её дрогнуло и стал почти беззвучен. Спиртное на языке не ощущалось. — Может и убийство организовали в понедельник?

— Маркус, она знает слишком много, — вклинилась Дэйла, — её надо устранить.

Дэ Руж тихо рассмеялась, наблюдая за их перепалкой. Театр абсурда был исключительного качества. Как и жидкость в ее стакане.

— Молчать! — гаркнул Биби и наклонился к откровенно посмеивающейся дэ Руж.

— Бабуля, не беси, причём здесь этот ГМО?

— Как причём? — Клэр как замороженная уставилась на него и похлопала по небритой щеке. — Его пси-фактор... триста четыре процента физической силы. Разбомбил мне академию одними шажками, — она снова приложила к стакану. — Маркус, ты же был там, не ври что не был...

Мужчина молчал, даже не дрогнул, взгляд был напряжен. Лицо женщины помрачнело. Она в неверии уставилась на него, пораженная смутной догадкой:

— Ты размножил маски, да? — снова спросила она. Ответа не последовало, лишь тяжелое молчание. — Ты чертов засранец их размножил и раздал?

— Да, раздал.

Клэр отшатнулась. Воздуха стало не хватать. Стакан выпал из рук, расплескав остатки содержимого по полу, но не разбился.

Перед глазами снова была та самозванка, строящая глазки Швецову... а после черный

проулок с зависшим над ним фонариком. Кровавая лужа и вонь. Алек...

Клэр в неверии сжала голову ладонями, пытаясь прогнать воспоминание. Увы, жуть продолжала алеть перед глазами. Собственный голос стал чем-то инородным и не подвластным разуму.

Внутри словно что-то надорвалось.

— Из-за тебя он погиб... — в ответ молчали, а Клэр перевела взгляд на Дэйлу. — Ты же менталист, деточка... так вытащи из моей памяти... эту дрянь. ЧЕРТ ВАС ВОЗМИ!!! — Ударила Маркуса кулаком по груди и тихо заплакала. — Ты нелюдь Маркус, сукин сын...

Биби застыл от неожиданности, а потом неуверенно притянул Клэр к себе и крепко обнял, не давая вырваться...

Женщина сжалась в его объятиях и безудержно заплакала... Скулила до тех пор, пока окончательно не выбилась из сил, не в силах ни сообразить, ни ответить.

Вскоре Дэйла уложила ее спать. А Маркус закрылся в ее рабочем кабинете. Мысли отсутствовали. Он без зазрений совести шерстил в рабочем компьютере дэ Руж. Читал имперскую базу данных, чего бы точно не смог сделать, если бы старуха не спала.

Было много чего занимательного.

— Боль уйдет, — пообещала Дэйла, присоединившись к нему. — Не быстро, такое быстро не заживает, но к утру она хотя бы поспит... — Как вы познакомились?

Об устранении Префекта решила тему больше не поднимать, хотя очень хотелось. Увы, реакция Маркуса на это была крайне неожиданной. Читать его было сложно, понимать еще сложнее.

— Она меня с того света вытащила, — прошептал Маркус, умолчав, что знал Клэр всегда.

Взгляд скользнул по очередному пункту базы данных. Информация вызвала легкое удивление. Сводка уже пестрела вечерним убийством главврача Леополиской больницы. Нервы Префекта стали предельно ясны.

Щелкнул на красную строчку, рассматривая постоянно пополняющиеся материалы. Похоже люди все еще работали на месте убийства. Судя по информации, на момент устранения, Алека пасла леополиская полиция. Маркус нахмурился. Как и ожидалось, уродцы ничего не могли противопоставить обычному внушению и оружию. Вот только в этот раз они смогли подойти слишком вплотную. Двое его людей было устранено, один задержан. По сводке даже мелькнуло имя Нандина Абэ.

Одна ошибка тянет за собой остальные. Похоже, придется слегка приостановить деятельность и залечь на дно. Вот только как объяснить это остальным? Их неуязвимость по большей части зависела от чистоты действий. Ничто не должно указывать на насильственную смерть.

Похоже, решение разыграть перед общественностью спектакль об опасности ГМО, а заодно обзавестись очередной допереломной микросхемой, было ошибочным. Государственный аппарат с радостью смаковал в газетах шалости загипнотизированного следователя и при этом упрямо молчал об убийствах. Чертова цензура...

Вставив в приёмник записывающий кристалл, начал скачивание данных.

Дэйла отвела взгляд, когда на экране замелькали фотографии с места убийства. Кровь на экране раздражала. Это грозило лишним вниманием там, где его не надо. Похоже внутри организации опять придётся провести чистки. Ребята словно забыли, что за собой надо предельно чисто убирать.

Спрятав в карман парочку набитых под завязку кристаллов, Маркус молча выключил компьютер, убрал со стола.

— Убери внизу... — велел он, — не хочу, чтобы она утром вспомнила о нас...

— А она сможет? — Дэйла с сомнением взглянула на него. Ее мысли поэтому были все те же. Но, Биби неожиданно резко реагировал на предложение убрать дэ Руж. — Что ты будешь делать, если придет заказ на нее? Или, наоборот, она станет мешать тебе?

Биби не ответил. Он попросту не знал ответа. Вместо этого перевел тему.

— Нам надо найти новое место для базы. А пока останемся здесь...

— В этом доме? — Удивилась она. — А твоя Клэр не будет против?

Маркус странно посмотрел на нее и неожиданно как-то весь сдулся. Словно стержень вынули.

— У меня есть свой дом, Дэл... Здесь в Леополисе.

— Ты не говорил.

— Просто... я давно там не был, — выдохнул он.

Они покинули жилище Префекта, только когда удостоверились, что ни одна вещь не натолкнет хозяйку на мысль об забытых ночных гостях. Была глубокая ночь. Звездное небо было затянуто легкими облаками. Месяц уже успел прокатиться вдоль неба и теперь насмеялся со своей высоты огромной щербатой улыбкой. Путь их лежал в город, через ломаную линию мелких улочек и переходов. Подальше от камер и жилых построек.

* * *

Кэйт наблюдал за ними издали, опасаясь быть замеченным. Мысли его были странные. Директора Леополиской академии Маркуса Соболевски признал сразу. Маячок голографической маски привычно мелькал у него под подбородком. А вот его спутница осталась неопознанной. Увы, именно она вызывала тяжелые мысли. На миг показалось что безволосые женщины наводнили Леополис. Хуже всего то, что все с которыми Свон успел пересечься, оказались менталистами. Некоторые даже очень жестокими и беспринципными.

Незнакомка на миг остановилась и оглянулась в его сторону, Кэйт попятился, глубже заходя в тень, понимая, что его могут элементарно почувствовать. Маркус Соболевски вопрошающе взглянул на нее, но женщина вконец отмахнулась. Они взялись за руки и вскоре пара свернула в сторону города, периодически оглядываясь.

Свон же оставался в глубоких раздумьях. Незнакомка была в рабочем комбинезоне. Кэйт позволил себе допустить, что нашивка на ее одежде может гласить о все том же десятом подземном городе. И если это действительно так, то вопрос, где же сидит противник начинает отпадать сам собой.

Об этом тоже стоило сказать Мидлтону, но... Полковник спал и сном дорожил, в отличии от Кэйта, который и глаз ни разу не сомкнул.

План на следующую ночь созрел сам собой. Возможно крайне нудный и не современный, и тем не менее Кэйт собирался заняться им прямо сейчас.

* * *

Утро было приятным и свежим. Легкий туман стелился по улицам. Трава была влажной от росы, большинство цветов все-еще были закрыты, сберегая свои яркие лепестки от прохладной влаги. Свон остановил служебный электрокар у подъездной дорожки и привычно скользнул взглядом по лицу начальницы. Клэр, будто этого не заметила, застыла в одной позе, возле дверей своего дома, хмурилась и о чем-то напряженно думала.

Кэйт ждал. Торопить не спешил, размышляя о своем. Ночь оказалась богатой на

информацию.

Ещё с минуту постояв на крыльце своего дома, Префект забралась на переднее сидение и хлопнула дверь. Машина вздрогнула. Свон внимательно посмотрел на раздраженную начальницу, но решил не комментировать. Потому что, если начнет, поток собственных вопросов будет не остановить, а это сейчас излишне.

— Утренняя сводка в базе данных уже сияет красным, — Клэр сама начала, кипя от злости. — Кэйт, мы снова в топе и снова на контроле у правительства.

— У кого именно?

— У всех, у Абэ, в секретариате, в Алькаве, даже у Фердинанда. Любое наше действие теперь разложат на молекулы и будут комментировать.

Кэйт молча завел мотор и вырулил на дорогу. Вид здесь был сногшибательный. Обрыв, утро и сосновая синь, обьятая розовым туманом до самого горизонта. Клэр тем временем продолжала:

— Ещё по сводке прошло сообщение, что задержали Нану Вагнер.

— Где? — Кэйт бросил на нее внимательный взгляд, ожидая чего угодно.

— В десятом подземном.

— Далеко, — задумчиво прошептал Свон, едва удержавшись от вопроса. Шестеренки в голове так и крутились. Вито ведь тоже из десятого подземного, и Ирраиль, и заказчик Биби... Возможно, и та незнакомка промелькнувшая рядом с Маркусом Соблевски оттуда же. Вслух он сказал совсем иное. — Из десятого на пневмо только полтора часа ехать. А без транспорта это будет сложно даже для модифицированных. Пару суток займет.

— Возможно, она была не одна. Иссиа и Лаена все ещё ищут... Это я к тому, что мы провалили и это задание. Но вишенка на торте ещё круче... И вишенка, и косточка...

Кэйт непонимающе на неё взглянул, что может быть хуже?

— На верхних этажах десятого случился обвал... Это первое, — Клэр раздраженно поджала губы, смотря перед собой.

— А второе? — не вытерпел Кэйт. Женщина ответила не сразу. Похоже новость для нее была тяжелой. В принципе, что может быть тяжелее ночного происшествия, мужчина не знал.

— Ты знаешь, со времен становления Империи ведётся упразднение ментальных способностей у граждан. — дэ Руж начала издали. Но то, что она начала говорить о ментализме очень напрягало. Или она хотела поделиться деталями встречи со своими ночными посетителями, или дело еще страньше. — И это не просто вшить блокиратор им под кожу. Их изымают из общества, — она на миг умолкла и внимательно взглянула на него, — с концами короче, обрывают. Или пускают на опыты.

— Вы к чему клоните?

— Пришло распоряжение отстранить от исполнения обязанностей моего личного адъютанта, Марту Лэйн... Домашний арест и проведение экспертизы. А по результатам экспертизы, скорее всего отстранят меня...

— Почему вас?

— Потому что она экспертизу не пройдет, Кэйт. Марта менталист. К тому же, есть некоторые отягощающие моменты, связанные с ее прошлым.

— Есть возможности это проследить?

— Да, есть. — Клэр помрачнела, подбираясь к самой сути разговора. — Я хочу, чтобы ты покинул город вместе с Мартой, прежде чем ее задержат.

— Это будет затруднительно... — осторожно прошептал Кэйт. Какую игру в этой всей истории играет дэ Руж, оставалось неясным. Нарываться не хотелось. — Ошейник...

— Ошейник можно снять, — наконец прошептала она. — Раньше их снимали.

Это было похоже на неудачную шутку.

— Ещё одна тайна времен Перелома?

— Нет, Кэйт, этой тайне меньше полвека...

— Значит нам нужен старый мастер, который практиковал полвека назад снятие ошейника. — Отшутился Кэйт и взглянув на Дэ Руж переменялся в лице, — Вы ведь не серьёзно?

— Я не шучу Кэйт. Я даже знаю, кто это может сделать, — тихо ответила она. — Есть у нас тут один взбалмошный старик, душу отдаст за лицензию...

Кэйт Свон помрачнел. Стоило расслабиться... И подумать. Будь оно все неладно, ему действительно было интересно как снять этот чертов ошейник. Но также понимал, что за откровением Клэр дэ Руж стоит нечто иное. Что будет, если откажется, и как оно будет — не понятно...

* * *

Щелчок замка, заставил Нану Вагнер собраться. Дверь одиночной камеры отворилась со скрипом. Мужчина, оказавшийся на пороге, вовсе не походил на следователя.

Определённо его возраст за сорок. Среднего роста, в широкополой шляпе и в идеально сидящем костюме... В полосочку. Обувь у него была занимательная, с острыми стальными носками. Девушка подозревала, что и каблук подбит, и не из вредности или симметричности, а для дела.

В правой руке он держал саквояж. Раскосые карие глаза смотрели с легким смешливым прищуром...

Сердце ёкнуло. Глаза у человека были точь-в-точь как у её дяди Ганна. Словно не смотрит, а кожу на ремни распускает... С удовольствием.

Дверь за мужчиной закрылась. Нана нервно дернулась, но не двинулась с места. Было множество причин, почему его закрыли в её камере, одна, не краше другой, но...

Мужчина молча прошелся к мелкому столику. Аккуратно поставил саквояж. После скинул шляпу, медленно снял и положил рядом свои кожаные перчатки. Занял своим барахлом всю столешницу. Только после этого обернулся и ещё раз внимательно взглянул на девушку.

— Вы... Врач? — Наконец тихо спросила она.

— Нет... — спокойно ответил он и прислонился боком к столику. Так словно это его рабочий стол и его кабинет, а не её камера.

Нана растерялась под его пристальным взглядом. Он пришёл морально давить на неё, или...

— Тогда вы...

— Дознаватель... — ответил он, не дожидаясь очередного глупого предположения. — Вы же знаете, что такое дознание, госпожа Вагнер? — вкрадчиво поинтересовался он.

Нана осторожно кивнула. Дознаватель — не следователь. Значит ли это, что в тяжком её не обвиняют?

Мужчина улыбнулся.

— Давайте просто побеседуем, госпожа Вагнер. Я буду задавать вопросы, а вы... Отвечать.

— А если я не смогу ответить?

Что-то такое проскользнуло в его взгляде, что волосы на затылке зашевелились... От дикого, первобытного чувства опасности. От тьмы и необъяснимого предвкушения, которые буквально сочились из его взгляда...

— Поверьте. Вам не захочется молчать...

Дверь камеры отворилась лишь спустя два часа.

Абэ застыл в дверях, в последний раз рассматривая поникшую девушку. Её ментальные поток был кристально чист, как студеное озеро. Читать её было легко, определённо, внушать ещё легче — свойства, выбивающиеся из политики Кальтэноя. Все её мысли за прошедшую неделю были как на ладони. И даже детское наивное желание увидеть Императора.

Мелкая и забавная мышка. Инструмент, для достижения цели.

— Наручники снять, — велел он, и один из гемовцев тут же принялся исполнять сказанное. Нана подняла на Абэ покрасневшие заплаканные глаза.

— Обещать хороший конец для вас не могу, госпожа Вагнер — наконец усмехнулся он, и привычно натянул перчатки... — Но в дворец вы определённо попадёте. Мечты иногда сбываются, так ведь?

Девушка судорожно вздохнула и зажмурилась. Ей было стыдно и противно. Впрочем, Абэ это нисколько не волновало. Он считал день удачным, полным новой и очень интересной информации...

"Просто поднимаем опущенные руки, устремляем взгляд вперед и идем.

Не важно, как и не важно какой дорогой. Пусть под ногами колдобины и ямы. Пусть с неба льет дождь, а в лицо бьет пронизывающий ветер. Пусть наши сердца и души бороздят глубокие трещины из погасших надежд и сотен разочарований. У нас нет другого выбора — мы должны идти только вперед. Не оглядываясь, но помня о всем, что составляет наши личности.

Из приветственной речи Фила, Первого Императора Сакской Империи"

абз. 2 ст.5. Учебник по социальной философии. 365 с.

Рекомендация к включению в базовое образование.

Класс сложности — 5

Нандин вернулся в резиденцию только к девяти утра с целым ворохом событий за спиной и коробкой чистых записывающих кристаллов. Воспоминания Наны Вагнер оказались по истине интересны. Недостающая деталь, кирпичик из самого основания многолетнего заговора. Там было столько отвратительности и аморальности, что этим натерпелось поделится.

Фердинанд, на его восторженный комментарий лишь вальяжно махнул рукой и присосался к чашечке с кофе.

— Я в записи посмотрю, — туманно ответил он. Темные круги под глазами и покрасневшие белки его глаз свидетельствовали об бессонной ночи. Мыслей Нандин не слышал и подозревал что Ферди просто их заблокировал. Впрочем, сейчас было не до этого.

— Тридцать девятая! — Крикнул он, влетая в секретарский отдел, — мне нужно полное подключение к базе данных.

Девушка вскинула на него абсолютно незаинтересованный взгляд.

— Полное подключение будет возможно через двадцать минут, запустить процедуру? — На ее лице проскользнуло подобие улыбки. Нандин Абэ и сам не заметил, как улыбнулся. Еще пару дней и эта девушка наконец начнет проявлять полноценные эмоции. И тогда Фердинанд снова будет пушить хвост. Все станет на свои места.

— Запускаем.

Секретарь прикрыла глаза и сосредоточилась. А спустя мгновение взглянула на Нандина:

— Нас ждут.

База данных представляла собой мощную нейросеть: на ней лежало не только сохранение информации, но и ее полная интеллектуальная обработка. Нандин шел мимо полукруглых стеклянных сфер и привычно скользил взглядом по заключенным внутри операционистам. Их обнаженные, лишённые растительности тела давно срослись с системой жизнеобеспечения. Нервные трубки объединяли их разумы, создавая супермощную систему обработки информации. Тридцать девятая шла мимо них, никак не реагируя на абсолютно отсутствующие лица коллег. Еще одна дверь, отдел технического обслуживания резко отличался шумом и гамом. Персонал следил за работой систем жизнедеятельности и

похоже готовился к полной замене одного из органических кластеров.

Тридцать девятая продолжала не обращать на происходящее внимания. Нандин знал, что с аналогичной отрешенностью она бы прошла и сквозь пыточную. Сколько он видел таких секретарей как она: бесчувственных и рациональных, проходящих мимо полу обрубленных, оплетенных трубками тел и никак не реагирующих. Что при Филе, что при безумном Сатоире, что при Фердинанде, — одно и тоже — первые, вторые, десятые и двадцатые, тысячные, беспрерывно сменяющиеся операторы баз данных. Бесконечное дыхание давно сгинувшего мира, где человеческая жизнь без гроша и связей равнялась нулю. Нан помнил, как увидел эти человеческие кластеры впервые: Филла тогда трясло, а Клэр просто вырвало. Отвращение и желание уничтожить, вот что они чувствовали. Что чувствовал он сам — Абэ не помнил, а сейчас он и не задумывался об этом. Потому что давно стало все равно. Вырастят ли под нужды системы чистый мозг, или же позаимствуют его у подходящего гражданина, — по сути одно и тоже отношение, пострадает человек для человечества. Больше — никто. Хотел ли Филл именно такого соотношения человека и природы? Кто знает, но вышло вполне в его духе.

Место, в которое привела Тридцать девятая, было Нандину знакомым. Серая комната, система жизнеобеспечения и кресло, обвитое сетью нейротрубок — внутри каждой живые нервные волокна. Они были выращенные до объемов, которых никогда не смогли бы достигнуть в человеческом теле. Весь этот техно-биологический ужас переходил в сеть тонких проводов, а те оплетали наверх кресла — тонкий обруч. Тридцать девятая не смотрела по сторонам, подошла к приборной панели, расположенной вдоль левой стены и начала выбирать настройки:

— Тип задачи? — не смотря на ту мимолетную улыбку, пойманную в секретариате, её голос все ещё звучал механически.

— Запись. Визуализация. Аудио, — с расстановкой ответил Нандин.

Девушка быстро пробежалась пальцами по голографической панели, выбирая настройки.

— Место сохранения?

— Индивидуальный блок, — Нандин передал ей коробку с кристаллами.

Когда кристаллы до единого легли в приёмный бокс, Тридцать девятая захлопнула крышку и продолжила настраивать систему. И только когда сделала все что требовалось, она распустила свои волосы, освобождая их от булавок, молча села в кресло и одела на голову обруч. Тонкая сеть нейротрубок легла поверх ее волос, словно покрывало, навеяв мысли о совсем иных, более приятных ассоциациях. Множество мелких био-электродов на суставчатых ножках охватили её голову по всему периметру.

— Система готова к использованию. Запуск, — звонко констатировал она и, положив руки на подлокотник, застыла как кукла.

Установка загудела. А в следующий миг десяток широких стальных браслетов зафиксировали её тело.

Нандин только и ждал этого. Обойдя кресло и пробравшись пальцами сквозь сеть нейротрубок, он коснулся ее висков и только потом начал внушать.

Мозг Тридцать девятой оказался сильным: вложить в её прелестную головку весь тот объем информации, который Нандин хотел визуализировать, было сложно. Но он это сделал, а аппарат считал все прямо в Базу данных. Записывающие устройства заполнялись одно за другим, пока Нан не вложил в них свою последнюю вразумительную мысль. Тридцать

девятую трясло. Её глаза закатились, судорога, казалось, охватила каждый участок её тела. На ее губах пузырилась слюна, белки глаз покраснели от полопавшихся сосудов.

Нан продолжал держать её голову ещё некоторое время, пока её не перестало трясти, а потом с трудом разжал свои одеревеневшие пальцы. Девушка осунулась, полностью потеряв сознание.

Изъяв из бокса полные под завязку кристаллы, Нандин осторожно переложил их в коробку и разблокировал дверь. В коридоре уже толпились представители из обслуживающего персонала. И все бы хорошо, но в центре рабочего коллектива стоял Фердинанд.

— Ты в своём уме?! — выкрикнул он, врываясь внутрь комнаты. Следом за ним шустро прошмыгнули рабочие и занялись системой. — Отключите её!

— Информация была важной.

Зло прошипев, Ферди пересек комнату и склонился над Тридцать девятой: проверил пульс, и только удостоверившись в его наличии, осторожно снял с нее обруч. Крепления с громким щелчком разжались, и девушка безвольно сползла ему в руки.

— Нам надо поговорить, — напомнил о себе Нандин. На самом деле происходящее его забавляло. Секретари у Фердинанда менялись регулярно. Пока один отработывал свой срок, оперируя базой данных с помощью собственного мозга, следующий уже готовился к началу процесса интеграции. Иногда случались неувязки и перегруз, как сейчас.

— Ты сжёг мне секретаря, Нан! — Фердинанд, как обычно, откровенно негодовал. Служащие осторожно освободили из его нервных объятий девушку и уложили ее на носилки. — Её два месяца готовили к интеграции!

— Возьмём другого, — Нандин откровенно скучал.

Почему-то его бывший подопечный все никак не мог привыкнуть к особенностям секретарской должности. Рано или поздно Тридцать девятая перестала бы справляться с объёмами информации. И неважно, как именно, но это произошло бы в любом случае: либо от обычного посредственного запроса, в конце срока службы, либо от внепланового перегруза информацией, как это произошло сейчас.

Ферди упрямо выдвинул подбородок.

— Кого? Найди мне хоть одну восприимчивую! — вскинул он руки.

Нандин усмехнулся.

— Маленькая, рыжая, второй размер груди... Очень нежное создание...

Фердинанд завис...

— Ты о ком?

Вопрос был ожидаем. Его бывший подопечный, как и ожидалось, проглотил наживку. Абэ улыбнулся.

— Нана Вагнер, мой Император, — с самодовольством объявил он, — прекрасно поддаётся внушению, идеальная кандидатура для секретаря.

* * *

— Мне надо подумать, — наконец ответил Кэйт, сворачивая на главную улицу. Резиденция уже виделась издали, подпирая своими четырьмя башнями туманное небо. Клэр сидела рядом, на пассажирском сидении. Аккуратно причесанная, как всегда, стильно одетая. Ответ Кэйта Свона ее ни капли не удивил и никак не отобразился на ее безупречном лице.

— У тебя десять минут, — она строго посмотрела на подчиненного. — После чего ты

сразу поедешь к Ирраиллю.

Кэйт потерял дар речи от такой наглости. Сильнее сжал руль и даже почувствовал испуг от того, как на миг перехватило дыхание. Его смятение могло стать последним чувством в его жизни. И это было до нелепости глупо. Кинул на нее быстрый взгляд и еще больше смутился. Дэ Руж была абсолютно серьезна.

— Вы понимаете, что я могу не дожить до вечера? — осторожно поинтересовался он, пытаюсь успокоиться. Клэр подавила дерзкий ответ и отвернулась к окну. Голос её прозвучал глухо: ей тоже сейчас было не легко говорить.

— Марта тоже может не дожить до вечера.

— Потому нас надо переработать обоих, да? — Свон все же не удержался и высказал то, что думал. — Я не могу взять и попросту перечеркнуть всю жизнь. Хотя бы на вопросы ответьте.

— Спрашивай, — ответ Клэр дэ Руж был столь неожиданный, что он на миг растерялся. Префект тихо хмыкнула, чем подначила на самую не подходящую тему из пришедших на ум.

— Ночью, в вашем доме было двое, — начал Кэйт и мысленно выругался тому, что ляпнул. Поворачивать было не куда. — Директор Леополиской академии Маркус Соболевски, а с ним предположительно менталист.

Клэр странно на него покосилась.

— Ты подглядывал? — уточнила она.

— Проконтролировал... — Кэйт и сам был не рад что сказал об этом, — стоял под окном.

— А я ... что делала?

Вопрос дэ Руж был столь емким, что Свон поразился.

— Рыдали, Клэр. — Он в который раз взглянул на нее и смутился, поймав пристальный взгляд. — В общем, это единственное что я слышал. Вы не помните?

— Помню стакан, — прошептала она, — собутыльников не помню.

Собутыльников было двое, Кэйт Свон точно знал это. То, что Клэр не помнила этого, наводило на мысль что с ее памятью поработали так же, как с его восприятием мира.

— Поэтому вас могут отстранить следом за Мартой, риск ее влияния на вас?

— Марта никогда такого не делала, она... — женщина на миг замялась, подбирая слова, — очень преданный сотрудник.

— Насколько?

— Это не моя тайна.

— Да бросьте, — Кэйт свернул машину вправо, вдоль очередной радиальной улицы. Дорога вела к центру по спирали, медленно приближая их к цели. — Вы меня сейчас уговариваете преступить закон, так дайте что-то взамен. Выгода должна быть обоюдной.

Клэр шумно выдохнула. Свон был прав. Но сказать, это подставить не только себя и Лэйн... Были ещё люди, которых это касалось. Память услужливо расстелила воспоминания перед ее глазами. Боль, неверие и страшные непривычные цели. Тогда дэ Руж казалось, что она все делает правильно. Теперь же те решения выглядели как сумасбродство, или даже очередная нелепость, выброс мысли, без понимания последствий. Вряд ли Клэр поступила бы так сейчас. Но, увы, она понимала, что именно те решения привели ее к тому, чем она являлась сейчас. И черт возми, она себе нравилась именно такой.

Кэйт молчал, ожидая ответа, машина медленно ползла вперед. А перед глазами стояли не фрески и не лепнины Леополиса, а кафельные стены Кальтэноя...

— Пятнадцать лет назад я выкупила Марту у Мебиуса Такебира, — наконец ответила дэ Руж, формируя свои мысли в ответы, и снова вперилась взглядом в свою искусственную руку. Кэйт молчал и смотрел на дорогу, переваривая ответ. А Клэр думала о том, чего не озвучила. В тот злополучный день Нандин сделал лишь то, что ему велели, не более и не менее. Фердинанд мстил за семью... А Клэр в тот момент оказалась вместо цели. Ошибка вышла... и она сделала все, чтобы ответить равноценно за эту ошибку. Дэ Руж хотела мстить. И именно для этого в тот день отправилась к Такебиру.

— В плане, выкупили?

— Заплатила солидную сумму, — не раздумывая ответила она, так словно говорила об обычной порции стандартного обеда номер три, — чтобы ее выпустили из Кальтэноя. Она там была, чем-то в качестве живого банка клеток для исследования долгожительства и телепатии.

— Но ведь Марта не единственный менталист и долгожитель...

— В многих случаях она изначальная версия, — объяснила Клэр, переводя на него взгляд. — Потому, когда ты смотришь на лысую женщину-менталиста, знай, что скорее всего ее исходник Марта Лэйн... или ее дети.

— Я не понимаю... — Кэйт действительно не понимал и это было написано на его лице. Но проблема была не в факте купли или продажи. Он не понимал смысла действия. Почему у префекта Такебира вообще были люди, которых он мог продать. Почему он в принципе мог это сделать. До недавна работорговля была запрещенной. Так почему же дэ Руж так просто об этом говорила?

Префект поняла его смятение верно. Ее ответ был предельно продуман и искренен. Чем вогнал Свона в еще больший ступор.

— Всё предельно просто... Человека с телепатическими способностями может поймать лишь человек с аналогичными умениями. Потому в принципе нарушения в моих действиях тогда не было. Но я хотела именно Марту, а не её клона, или ребёнка, которого придётся ещё растить. Мне нужен был человек, с которым можно было говорить, который понимал бы меня, и моё долгожительство... Такебир сказал, что отдаст за сумму... Я дала ему эту сумму. Сделка была честной.

— И согласованной, судя по всему, — закончил за неё Кэйт. — Потому у императора есть Абэ, а у вас Марта Лэйн? Зачем же тогда менталист Маркусу Соболевски? Он ведь только директор академии, он не в той должности, чтобы заниматься поиском менталистов...

Клэр не ответила. Свон продолжал, углубляясь в проблему еще дальше.

— У всего происходящего есть исходная точка, Префект. Мне было бы легче работать и понимать события, если бы я знал её. Может, расскажете?

— Почему ты уверен, что её знаю я?

— Потому что вы не с того ни с сего пошли и купили человека... Пятнадцать лет назад... — едва сдерживаюсь процедил Кэйт, бросая на неё взгляд. — Я полночи провел в городском архиве, благо меня там хорошо знают и пустили... Маркус Соболевски погиб пятнадцать лет назад вместе со своей семьёй, матерью и младшими братьями. Странно, но средний из них — тёзка нашего Императора, более того, чертовски на него похож.

Клэр молчала, Кэйт продолжал:

— По официальным данным этот Маркус Соболевски был создан специально под освободившуюся должность, по заказу городского совета, то есть с вашей резолюцией... И

вот у меня возникает вопрос... А действительно ли погиб тот Маркус Соболевски, и правда ли что его копия, в том же возрасте была создана всего спустя месяц... И почему на человеке маска?

— Несчастный случай...

— В инкубаторе? — Кэйт подавил невольный смешок. — У меня острое ощущение, что в Леополисе ведётся война, Префект... между братьями Соболевски... С наглым использованием запрещённых приёмов. Осталось понять, жив ли третий...

Дэ Руж резко перевела на него взгляд, голос дрогнул.

— Тэодор Соболевски погиб... пятнадцать лет назад.

— Как и Маркус... Исключительно официально.

Женщина дернулась как от пощечины и нервно огладила искусственную руку.

— Если Тео жив, — она в неверии замотала головой. — Если бы он был жив...

— Ему было бы двадцать лет. Синие глаза, белесая шивелюра... Со своим менталистом под боком, — словно в шутку, закончил Кэйт... Он хорошо прочувствовал ту боль, которая проскользнула в голосе Префекта. Значило ли это, что братья Соболевски для нее были чем-то большим, чем просто рядовые граждане? Однозначно значило. Она знала каждого из них. Боялась Фердинанда, утопала, рыдая в объятиях Маркуса, и вот сейчас искренне сожалела о гибели Теодора...

— Маркус не мог подставить Тео... — почти беззвучно прошептала она.

— То есть это все-таки Маркус, — подытожил Кэйт. Картинка в его голове стала четче и ярче. Не хватало лишь деталей... мотивов, отправной точки... цели. Методы, увы, он уже в полной мере прочувствовал — не понравились.

Клэр горько скривилась:

— Что ты ещё нарыл?

— Ваше первое омоложение и рука относятся к тому же времени. Все произошло пятнадцать лет назад. — Отстранённо ответил бывший следователь, раз за разом тасуя в своей голове информацию. — На старых фотографиях у вас шрам. После омоложения его нет... Но шрамы не исчезают при такого рода процедурах... Я допускаю, что ваш имплантант появился тогда же. Пятнадцать лет назад у вас не стало руки, Префект, я прав?

Она не ответила. Кэйт, в свою очередь, больше не смотрел в её сторону. Он допускал, что теперь эта женщина сделает все, чтобы он не распространялся о сказанном. И лишь надеялся, что его не постигнет участь Швецова.

Все его внимание было приковано к дороге. К солнцу, виднеющемуся из-за спилен зданий, ровным рядам построек, неторопливому движению прохожих. Будет ли у него еще время просто смотреть на происходящее вокруг и ничего не делать? Увы, Кэйт Свон не мог ответить на этот вопрос, он не мог гарантировать себе даже спокойного окончания этого дня.

Во дворе резиденции их уже ждали. Две полицейские машины были припаркованы у края улицы, а одна отрезала выезд их машины позади. Кэйт нахмурился, заметив маневр в зеркале заднего вида.

— Это выглядит странно...

— Это... выглядит как задержание, Кэйт... Не более и не менее. — Клэр шумно выдохнула, справляясь с ненужными эмоциями. — Я надеюсь, ты не забыл, о чем я попросила. Все остальное не важно, помни это.

Выйдя из машины, она спрятала руки в карманы и, шурясь от резкого порыва ветра,

взглянула в сторону ближайшей машины. Ветер затрепал полы ее одежды, вскинул курчавы волосы. Мидлтон и сам вылез из одной из машин. За его спиной встали два незнакомых гомовца, явно из нового пополнения.

Взглянув на Кэйта, так и не покинувшего машину, полковник скривился, словно гадость на зуб попала, а потом кивнул своим ребятам. Те молча обступили Клэр дэ Руж и без излишних церемоний увели ее в припаркованную полицейскую машину.

Мидлтон еще некоторое время наблюдал за тем, как авто вырывается с парковки, а потом двинулся к Кэйту.

Опустив боковое стекло, Свон вопрошающе взглянул на него.

— Доброе утро, полковник, что произошло?

— Доброе... — буркнул он, внимательно смотря на бывшего подчиненного, — ничего особенного. Выполняем распоряжение высшей инстанции... Как твое расследование, нарыл что-то?

— В архиве не особо что-то нароешь за ночь, полковник Мидлтон, а к базе меня не допустили. — Кэйт Свон был привычно невозмутим. — Куда увезли дэ Руж?

— Не парься этим, — усмехнулся его бывший начальник и спрятал руки в карманы. — В горсовете обыск, так что делать тебе здесь сегодня нечего.

— А меня обыскивать не надо?

— Распоряжения нет, Кэйт, так что отдыхай, пока есть возможность... И да, машину служебную оставь на стоянке, а то еще и тебе растраты пришлют.

— Понял...

Оставив машину там, где велели, Кэйт Свон нырнул в первый же проходной подъезд. В памяти один за другим разворачивались переходы и проулки, которыми вела его дэ Руж днем ранее. Быстрые и удобные пути, рассекающие радиальные улицы города как прямые лучи.

Только подумать, пару часов назад он даже представить не мог чем обернется это утро. Двадцать минут назад он едва допускал, что согласится на нее предложение.

Но то отчаяние, что сквозило в голосе дэ Руж поднимало внутри Свона не привычные, далёкие от рациональности чувства. Чувства к женщине, которую он едва знал. Марта Лэйн была профессионалом и воспринимать её иначе Кэйт не мог. Узнать, что в ее недавнем прошлом было что-то помимо скучных будней, оказалось неприятно. То, что она, по сути, была заложником обстоятельств — тоже.

Кэйт не мог понять, как Марта Лэйн могла быть товаром, или исследовательский объектом, предметом для научных изысканий, экспериментов, банком клеток... По сути, бесконечно живущим донорским материалом.

Не мог, но хотел. Невольно вспомнилась её неубранная квартира, кабинет, полный уникальной литературы, и съезжающий на бок нелепый парик. Их так и не удавшаяся ночь, разбитая на до и после пожаром.

* * *

Было одиннадцать утра, когда в дверь гостиничного номера уверенно постучали.

Вито послушно открыл дверь и не понимающие уставился на Кэйта Свона. Тот в свою очередь невозмутимо оценил помещение, виднеющееся за спиной мальчишки. Большая площадь, две кровати, окна вдоль правой стены.

— Кто там, Вито? — послышался из глубины номера низкий шепелявый голос мастера Ирраиля. И только теперь Кэйт заметил его макушку, виднеющуюся из-за спинки мягкого

кресла.

— Помощник Префекта, — ответил он, не двигаясь с места. Ирраиль, обернулся и хмуро уставился на нежданного гостя.

— Пусти...

Вито отступил в сторону, пропуская мужчину внутрь и прикрыл за ним дверь.

— Не буду лгать что рад встрече... — сразу выдал старик, но при этом не побрезговал пожать протянутую ему ладонь.

— Прекрасно вас понимаю, — признался Кэйт и кинул на паренька полный сомнений взгляд. — Нам надо поговорить, желательно с глаза на глаз. Ирраиль поджал губы, а потом кивнул Лаену.

— Вито, выйди, — а когда за парнем закрылась дверь смежной комнаты, сцепил ладони на коленях и вопрошающе уставился на мужчину, — Говорите.

— Маркус Биби.

Ирраиль скривился, как от оскомины и говорить сразу перехотелось.

— Зачем вам? Вчера дэ Руж чётко дала понять, что её это не интересует.

Кэйт ответил не сразу. Оглянулся, нашёл стул, поставил его напротив мастера и молча сел. Внимательно взглянул в старое, обезображенное глубокими морщинами лицо.

— Прошлым вечером, после вашего разговора с Префектом дэ Руж, был убит главврач Леополиской больницы, Алек Швецов. На теле нашли следы специфического ранения. Два отверстия, однако, не колотые. На дне каждой раны стальной шарик. По предварительной оценке, мы имеем дело с огнестрельным ранением, однако утверждать на все сто процентов эксперты не берутся. Мало данных для сравнения.

Ирраиль слушал Кэйта Свона молча. Он понимал, о чем говорит этот молодой человек. Более того, он знал кто виноват в происходящем. Однако выкладывать все подчистую было абсолютной глупостью.

— Я не знаю как выглядит Маркус Биби, — наконец выдал он, — этот человек носит маску. Но не обычную. Его голографик разбивает внешность на квадратные пятна.словно смотришь на замыленное цензурой непотребство...

— Возле Маркуса Биби есть лысая женщина? — не унимался Свон. Ирраиль помрачнел. Не трудно было понять куда клонит этот человек. Но говорить что-либо еще старик больше не собирался. — Это все вопросы?

Свон нервно улыбнулся и тут же попытался успокоиться. Его метания выглядели странно, но мастер продолжал ждать ответа, так словно не видел ни смятения, ни неуверенности в движениях помощника дэ Руж.

— Я слышал, вы можете снять ошейник. Мой жмет и боюсь, как бы не сломался... Может есть какой сервисный центр, чтобы сдать...

Большей несуразицы Ирраиль никогда не слышал. Чуть склонил голову в сторону и выжидающе уставился на гостя. В конце концов он обязан сказать правду.

— Спрошу еще раз, это все вопросы?

Свон шумно выдохнул. Он мог сейчас уйти и забыть, о Марте, о дэ Руж и о подпольном мастере. Но собственный язык решил за него.

— Вопросов больше нет... — он внимательно взглянул на мастера, — есть просьба. Мне нужно увести из Леополиса долгожительницу Марту Лэйн до того, как она пройдет комиссию по вопросам ментализма и телепатии. Чтобы покинуть префектуру я должен снять ошейник. Я надеюсь, что это сделаете вы. Если нет, я просто встану и уйду...

— Придётся тебя побрить. — поморщился старик, даже не думая с ответом.

Кэйт Свон сначала подумал, что ослышался. Но мастер не шутил. Он действительно собирался снять ошейник и не где ни будь в лаборатории, а здесь, в гостиничном номере.

— Вито, найди мне бритву, помазок или электрическую машинку, — повысил он голос.

Юноша выглянул из соседней комнаты и растерянно захлопал глазами, а после вышел из номера. Вернулся он со всем заказанным спустя десять минут.

— Сядь, парень, — велел Ирраиль поднимаясь с кресла, указывая Кэйту на нагретое им место. — Ухватись за подлокотники и не дергайся. И не нервничай... Иначе рванет...

Молча уселся на стул и вздрогнул, когда за спиной зажужжала электрическая машинка. Керамические лезвия срезали его волосы почти идеально. Но Ирраилю этого было мало. Нанес вспененное мыло помазком, и счистил остатки волос опасной бритвой.

— Обычно маяков ставят двадцать одну штуку ... — пояснил он, обтирая лысую голову Свона спиртом. — Пять штук по меридианной линии от переносицы к затылку. Еще четыре линии параллельные меридианной. Две из них, так называемые парасагиттальные содержат по пять маяков. Крайние, височные — по три маяка. Сидят они под кожей, в кости... Вытягивать буду по очереди... Главное не нервничай. Я-то не умру... а тебе шею новую никто не пришьет.

— Хорошо, док... — сглотнул Свон, невидящим взглядом уставившись перед собой. Ирраиль фыркнул, посунулся чуть в сторону, и навис над его правым ухом, щуря один глаз и тыкая пальцем над ухом.

— Вот здесь... от левого до правого наружного слухового прохода тянется центральная линия. Она пересекает остальные линии перпендикулярно. По два маяка в левом и правом полушарии... один на макушке. — Палец Ирраиля коснулся той самой макушки и чуть надавил... Старик улыбнулся, — вот он, родимый...

А потом в его руках оказался совсем другой инструмент.

— Я начинаю... Вито, выйди. Тебе это видеть ещё рано.

База данных пестрела красным. Мария Волковски нервно закусила губу, а потом потянула к себе телефон. Номер набрался быстро. Но вот абонемент брать трубку не спешил. Это невероятно раздражало. В который раз пересмотрев письмо Алькова, количество адресатов, призванных к исполнению этого опуса, она тяжело вздохнула. Чувство вины накатило с новой силой, сковав разум тревогой.

Дэ Руж написала письмо, Альков отреагировал. Вот только не так как ожидалось, и это откровенно пугало.

Казимир Руф ответил лишь с третьего раза, объявившись посреди ее кабинета бледной голубой голограммой.

— Казимир, это возмутительно, я уже третий раз звоню!

— И вам доброго утра, — поприветствовал он. — Я перепутал ваш звонок с будильником. Очень кстати, так что весьма благодарен.

Она подпрыгнула со своего места.

— Благодарны?! — голос женщины непривычно звенел. Коротко-стриженные волосы были всклокочены. Поймав его непонимающий взгляд Мария нервно начала мерить шагами свой кабинет:

— Дэ Руж задержана по распоряжению Алькова мудрецов! — она приблизилась к голограмме. — Будь я проклята, если это не через то письмо о котором мы ее просили.

Через десятки сотен километров от нее в своем домашнем кабинете стоял префект Аллота Казимир Руф. Голограмма Марии застыла перед ним и говорила странные вещи:

— Это перешло уже все границы. Вместо того чтобы прекратить этот глупый эксперимент, они просто... с ума посходили... старые маразматика, — она развела руками и шумно выдохнула, не в силах найти подходящих слов.

Сев за свой стол префект Руф запустил на компьютере имперскую базу данных. Пропустив информацию об Аллоте, он быстро нашел то, о чем говорила префект Волковски. В центральной базе действительно было выделено красным открытое письмо Алькова мудрецов, адресованное префектам Сакской империи, а также всем правоохранительными органам. Суть сводилась к следующему: поддержать эксперимент, проследить и пресечь возможные волнения гражданских масс. А еще, применить к Клэр Дэ Руж превентивные меры за превышение должностных полномочий в ходе подготовки эксперимента.

— Альков должен был этот эксперимент остановить, — Мария начала мерить его кабинет шагами, — а не поддержать, я не понимаю что происходит!

— Мы можем написать запрос, — нахмурился Руф, — как вариант, написать прошение, чтобы ее освободили.

— А кто подпишет?! — она возмущенно посмотрела на него.

— Ты да я, может еще кто подключится. Префектур много, — прошептал Казимир, — префектов еще больше. Можем обратиться к тем что уже сложили обязанности, если действующие нас не поддержат.

Мария наконец остановилась и, сложив руки под грудью, встревоженно на него посмотрела.

— Я боюсь, Казимир, — честно призналась она, — Дэ Руж подписала письмо сама. Значит ли это, что если вклинимся мы, нас тоже за что-то да задержат?

Казимир не знал что ей сказать.

— По идее, повлиять на всех не смогут, — наконец ответил он, — а вот как оно будет на практике, только время покажет.

* * *

Щель в дверном проеме давала мало обзора. И все же Вито старался смотреть. Отец и Кэйт Свон были расположены спиной к нему. Ирраиль стоял, а Кэйт сидел, крепко вцепившись в подлокотник. Рядом, на низком столике, стоял стакан использованными инструментами. Тонкие стальные ручки были увенчаны диковинными навершиями. Одни с лезвиями, другие — длинными изогнутыми иглами. Там же лежал кожаный пенал с кучей всевозможных наконечников, топорщащихся из него острыми кончиками. Когда мастер брал очередной из них и завинчивал на стальную рукоятку, можно было заметить разницу. Иглы напоминали различные крючки, а порой вообще спирали. А потом он прикасался ими к голове Свона, водил ими, забираясь под кожу.

Тогда костяшки Кэйта белели от перенапряжения, столь сильно он стискивал деревянные ручки кресла.

Наверное, это было больно.

Увы, Вито все еще не знал что такое боль. Он мог описать общее понятие, загруженное в голову, рассказать о дискомфорте, который создают грубые швы его одежды, стесненность мочевого, когда хочется в туалет, или то как натягивается кожа на голове, если водить расческой по спутанным волосам. Он мог описать острое ощущение от прокушенной щеки, потому что уже успел прокусить ее. Но он не мог понять как это, чувствовать стальное лезвие вспарывающее кожу на голове, или ощущать те тонкие иглы, которыми мастер забирался глубоко под кожу.

Кэйт Свон тоже не распространялся о своих ощущениях, не говорил и не комментировал. В узкую щель, Вито лишь наблюдал побелевшие костяшки его пальцев, крепко сжатый подлокотник кресла. Иногда подрагивающее колено.

Отец тоже молчал, иногда сопел, иногда причмокивал и постоянно хмурился, обходя своего пациента то с одной стороны, то с другой стороны. Порой он пригибался, словно искал ракурс, щурился одним глазом, примерялся. А потом вооружившись скальпелем и крючком вытаскивал тонкую нить очередного датчика. Он выуживал их один за другим, медленно и всегда с одинаковой скоростью.

А еще у крови был запах, а Вито этого, оказывается, даже не знал.

Тонкие алые струйки текли по коже Кэйта, по затылку, и уху, обрамляя его жирной блестящей линией. Стекали по шее и впитывались в небрежно накинутое на плечи Свона белоснежное полотенце. Ирраиль периодически откладывал инструменты и брал иглу и просто зашивал, то что уже успел разрезать и обработать. Клеил пластыри поверх швов, превращая голову своего пациента в дикое подобие футбольного мяча. Кровь все равно текла, а человек вздрагивал, под очередным движением скальпеля или иглы.

— Так не пойдет, — неожиданно донесся голос Ирраиля. Вито вздрогнул и на миг отшатнулся от двери. Свон молчал. Мастер обошел его и склонился, заглядывая ему в лицо. Увы, Лаен не видел, то что наблюдал мастер. — Ты слишком напряжен, парень. Абстрагируйся. Жизнь прекрасна, думай об этом.

— Сложно... — глухо отозвался Кэйт приподнимая голову.

Старик помрачнел.

— Ты попросил моей помощи, значит обязан сделать все возможное, чтобы её

получить. Сейчас ты перестаёшь думать о том что я делаю и начинаешь говорить: спокойно, и с интонацией. А я слушаю твой монолог и продолжаю предоставлять свою услугу... — Ирраиль больше не советовал, он ставил условие. — Ты понял меня?

— Я могу думать только о деле... — прошептал Кэйт. — Но я не могу этим делиться.

— Я снимаю с тебя сдерживающую систему, если ты не заметил, — проворчал Ирраиль, приподнимаясь. Вытянув из стакана уже использованный ранее скальпель, он опять обошел Свона и стал позади него. — Это прямой путь к переработке. Все остальное лишь элементы, усложняющие уголовное дело. А его обязательно заведут, когда нарушение станет явным. Не дергай головой, резать буду.

Кэйт Свон на миг прикрыл глаза и судорожно выдохнул, стараясь абстрагироваться. Он чувствовал как Ирраиль делает очередной разрез, как растягивает кожу на голове своими пальцами, а потом начинает ввинчивать свой треклятый инструмент в кость.

Увы, пришлось признать, что старик абсолютно прав. Они оба были в одной лодке сейчас. А потому играть в осторожность было глупо.

— Мне кажется, все началось пятнадцать лет назад. — Неуверенно начал Кэйт. От ощущения перехватывало дыхание. И это нисколько не было похоже на ремонт зубов.

— Продолжай. Не останавливайся, — велел мастер, нащупывая кончиком зонда полукруглую головку датчика.

— Отправная точка — архивная запись об переработке семьи Соболевски в связи с несчастным случаем, — сглотнул Кэйт, — Маркус, Фердинанд и Теодор Соболевски. В это же время умирает император Сатоир и Совет полисов объявляет его наследником прямого генетического потомка, Фердинанда... Префект дэ Руж при загадочных обстоятельствах теряет руку а спустя месяц утверждает на должность директора Высшей Леополиской Академии созданного по госзаказу человека Маркуса Соболевски и закрепляет за ним пожизненное владение маской... Вот только это не новый человек, это все тот же официально погибший Маркус и судя по общей картине его младший брат Фердинанд сейчас во главе Сакской империи... А их третий брат Теодор, похоже никто иной как ГМО Тарис Лаен... Это объясняет интерес к нему Императора, но это не даёт понимания, почему люди Маркуса хотели его устранить. И я не могу понять многого в части, что касается Тариса. Что то не так с его ошейником и это прямо связано с тем обстоятельством, что его модифицировали... И почему он оказался в детдоме при двух братьях? Разве только его не спрятали третьи лица от них. Кто-то ещё замешан... Может ли быть такое что дэ Руж утратила руку в наказание за помощь Теодору? Но тогда, она бы знала что он жив. Не подходит. Дело было не так... Может... Её подставили? А она, как результат отомстила, помогая Маркусу?

Ирраиль слушал его умозаключения молча. Поднятая тема отвлекала от поставленной задачи. Теперь стоило самому успокоиться, чтобы не натворить дел.

— Вы остановились, — прошептал Кэйт, — вам знакома эта тема?

— Нет...

— Почему у вас отобрали лицензию, или правильнее спросить, когда вы потеряли право на нее? — Свон вообще утратил тормоза. — Вы ведь мастер высшего уровня, знающий как снимать ошейник. И знающий Маркуса... Может вы знаете не только Маркуса?

Старик раздраженно откинул инструмент в стакан. После чего подцепил ошейник пальцами и без предупреждения дёрнул на себя. Кэйт от неожиданности захрепел, задыхаясь.

— Терпи... — процедил Ирраиль, нащупывая механизм с внутренней стороны ошейника, — сейчас сниму.

И действительно спустя секунду послышался щелчок.

— Всё ты верно говоришь, парень, но не своевременно, — скривился он, отбрасывая распахнувшийся двумя половинками ободок на стол.

Свон все ещё жадно хватал воздух ртом. Глаза были широко распахнуты от удивления и понимания произошедшего.

— Вы же не все датчики вынули, — сглотнул он, потирая шею.

Ирраиль смерил его тяжелым взглядом, а потом устало опустился в кресло напротив.

— Их нельзя снимать все, есть схема наложения и она абсолютно не идентична принципам их изъятия.

— Спасибо...

Старик лишь покачал головой, прекращая ненужную тему и возвращаясь к предыдущему разговору.

— Не хотел бы я с тобой говорить, бывший следователь Кэйт Свон... Увы обстоятельства сложились иначе. Вито, хватит подглядывать, иди сюда, тебе тоже будет полезно послушать...

В соседней комнате сразу что-то опрокинулось и покрасневшийся парень, неуверенно ступил внутрь и застыл у двери.

Тем временем старый мастер начал говорить то, в чем боялся признаться уже многие годы:

— Всё намного сложнее, когда стоишь у самих корней власти. Для поддержания существующего порядка нужна твёрдость характера и крепкая рука, безжалостность и четкое понимание целей...

— Вы говорите о чем то конкретном?

Ирраиль едва заметно кивнул и продолжил:

— Тот мальчик, Теодор Соболевски, той ночью был не в себе, Кэйт, — тихо начал он. Голос его был сиплым, взгляд цепким. — Словно в его голове бились две личности. Я мог бы говорить об ее раздвоении, но невозможно чтобы одна из них была старше от другой на десятки лет. То есть это теоретически может случиться, но у такой личности не будет заявленного опыта, а у мальчика этот опыт был. В нем действительно поселился иной разум. И я даже знаю, как они это сделали с ним. Просто привычная нам технология использовалась по старому принципу...

— В смысле?

— Понимаешь ли... Эти методы используются и сейчас, для записи личности на чистую болванку... Вот только мы моделируем её с помощью утвержденных наборов воспоминаний. Варьируя их соотношение, расставляя акценты, мы получаем определенный результат в рамках дозволенных психотипов.

— Под болванкой вы имеете в виду человеческий мозг?

— Да-а... Живой мозг, — протянул он, вскинув брови и не замечая как при этом вздрогнул Вито. — Это сейчас так. А когда-то в тела перезаписывали полностью чужую память, что по сути было равнозначно переселению человеческой личности из одной телесной оболочки в иную.

— То есть они нарушили принципы использования технологии? По сути украли у человека тело? Но это нонсенс, ведь тело можно вырастить... — Получив в ответ

утвердительный кивок от мастера, Кэйт нахмурился... — Почему вы говорили про крепкую власть?

— Потому, что тот кто был записан в мальчика, определенно стоял у самой верхушки империи, — прошептал Ирраиль. — Его следовало уничтожить. И его уничтожили бы, но тс был ребёнок. Нельзя убивать ребенка, это аморально. Поэтому я решился на его модификацию. В столь позднем возрасте процедура стирает опыт и сформировавшуюся личность. Обнуляет знания. Но в условиях двойственности его интеллекта, это было идеальным решением, изменить геном и стереть все начисто... Это позволило и спрятать мальчика и дать ему возможность создать собственную личность заново.

— То есть... по-сути вы спасли Теодора Соболевски?

— Оболочку, — поправил его старик, — его жизнь, но не Теодора. Теодор Соболевски — мёртв, его личность не существует.

* * *

Над головой плыли облака. Подсвеченные солнцем бока слегка зернились чёрным, словно там наверху сломался проектор, или экран, или что там было для столь объёмного изображения?

Тарис на миг прикрыл глаза, а потом снял розовые очки. Небо над головой превратилось в бесформенное нечто. Бесконечные этажи подземного города с почти не приглядывающимся потолком.

— Не понравилось? — понимающе прокомментировал Райго. Он развалился на лавочке неподалеку и похоже успел познакомиться с местной девчонкой.

— Глупо, — прошептал Лаен и спрятал руки в карманы комбинезона, так и не озаботившись вернуть очки на место. — Не могу понять, зачем она ходила сюда.

— Девчонка, — многозначительно протянул его друг, обнимая новую знакомую. Девушка глупо хлопала ресницами и застенчиво улыбалась. А еще она абсолютно ни о чем не думала кроме нового знакомого. Райго же мысленно шептал ей сладкие речи и обещал небо.

Гипноз был на лицо. Лаена это раздражало. Таким же образом в понедельник Иссиа затянул в эту всю историю Нану Вагнер. Тарису было отчасти и радостно что он с ней подружился но все же больше жаль, что при таких обстоятельствах. Нана не была виновата в произошедшем. Она не хотела быть рядом с ним, не хотела отвечать за его действия в Академии. И все же она и поверила, и доверилась, и даже попыталась защитить. Каждое её воспоминание о прошедшей ночи отпечаталось в нем, стоило ей вернуться с той злополучной прогулки. Она отдала ему даже образ искусственного неба.

А ещё Нана отдала страх и решимость, в тот миг как их разделил силовой барьер. И очнувшись между обездвиженных роботов, в нише, Тарис бы все еще переполнен этими её чувствами.

Он не мог позволить ей отдуваться за троих.

Незнакомка рядом с Райго продолжала странно улыбаться и молчать. Лаен даже подумал, что она не замечает его.

— Как тебя зовут? — поинтересовался он, девушка подняла на него взгляд, словно впервые увидела и, оглянувшись на Райго, ответила.

— Милки Вэй, — улыбнулась она и протянула свою миниатюрную ладошку для рукопожатия. Следом за этим понеслись мысли Райго. О выгоде, о деньгах, о важности не попасться системе. Тарис промолчал. Отвернулся и пошёл к выходу из парка. Похоже, Райго

планировал что эта девчонка заплатит за их проживание в городе, еду и многое другое. Лаен был против, но не мог не согласиться с доводом, что Нану отследили с помощью платёжных систем. Она платила за еду, воду и даже за розовые очки, которые были лишь очередной сладкой пилюлей для страждущих.

"Дались ей эти розовые очки..."

— Выведешь нас из города Милки? — тем временем поинтересовался Иссиа, уводя одурманенную девчонку за собой из парка. Девушка закивала.

— Вот и ладно, — улыбнулся Райго, — дай пять, подруга.

Она растерянно взглянула на него, а потом неуверенно хлопнула ладонью по его пятерне.

— Возьмете меня с собой? Я так хочу увидеть живое солнце...

— Возьмем, — прошептал Тарис, невольно сравнивая ее с Наной. Абсолютно ничего похожего. Просто иная. Обязательно для кого-то идеальная... — но сначала погуляем по городу. Мне надо найти одно воспоминание... Ты поможешь?

Девушка кивнула, или это Райго заставил её кивнуть?

— Конечно, — одурманенной улыбнулась она.

Райго промолчал, хотя Тарис видел — ему эта идея не нравится. Дай ему волю, уже бы вылез из города через какую-то заброшенную вентиляционную систему.

Тарис Лайн так не мог. Он хотел найти след Наны, хотел понять, можно ли к ней добраться и каким путем? В конце концов ему претило что она попадёт куданибудь в Кальтэной или Эйпон... Нана заслуживала хоромов а не тюрьмы, как минимум принца... К которому, увы Тарис не имел ни какого отношения.

* * *

— Нана Вагнер... — прошептал Фердинанд, рассматривая чучело, которое к нему привели. Волосы были растрепаны, одежда грязная и в следах запекшейся крови. — Дочь главы клана Вагнер выглядит хуже самой бедной представительницы рабочего класса. Нандин, в чем дело, вы не смогли ее помыть? Почему не проконтролировал?

Девушка упрямо поджала губы и вздрогнула когда за спиной послышался голос ее мучителя. Его дрянной чемоданный телепорт ей в кошмарах снится будет.

— Предлагаете мне помыть ее лично? — лениво поинтересовался Абэ. Фердинанд чуть склонил голову на бок и задумался.

Нана ждала, хмуро следя за ним. Голос у него был почти такой же как у Маркуса, даже интонации идентичны, взгляд, движения... руки, ладони. Просто до отвращения похож. А еще он напоминал Тариса своим прищуром глаз, подбородком, ушами... Как эти три человека вообще могли быть братьями? Когда днем ранее Маркус говорил об их родстве, о том, что его младший брат уничтожил семью и стал императором, — Нана думала что это выдумка. Удобоваримая ложь для придания веса его действиям. Сейчас же она в полной мере осознавала — это была чистейшая правда. Насчет статуса родного брата Маркус не лгал. Сходство было очевидным. Мог ли человек сидящий перед ним быть таким же убийцей как и Маркус?

Мог ли хороший человек держать при себе Абэ, как доверенное лицо? Однозначно — нет.

Тариса было откровенно жаль. Он не заслужил таких братьев. Ни одного из них. Нандин за ее спиной тихо рассмеялась и девушка нервно поджала губы. Он как и Райго слышал ее мысли.

— Приступайте немедленно... — неожиданно выдал Фердинанд и прищурился. — Если сожжешь ее, в кресло сядешь сам. Я надеюсь ты понял, Нандин.

"Мыть... Жечь..." — Нана растерянно взглянула на Императора. У нее было острое чувство, что сейчас его слова далеки от их первоначальных значений. Последняя фраза и вовсе озадачила. Оглянувшись на Абэ она встретилась с его абсолютно непроницаемым взглядом и кислой миной...

Значило ли это, что озвученное "кресло" вполне опасно и сейчас в него придется сесть ей? Мысль застряла где-то в подсознании и неожиданно все стало слишком просто. У нее нет цели — просто следовать указаниям Нандина Абэ.

Так просто жить, оказывается...

Абэ вышел из кабинета молча, Нана следом, как замороженная подчиняясь ему. Это было легко: идти следом и сосредотачиваться исключительно на чужой спине, куцей косичке, широким плечам, костюме в полосочку. Монохромный рисунок на ткани рябил в глазах и отвлекал, завораживал. Носил ли такой костюм Райго, до того как сбежал?

Был ли он хоть когда-то таким же как его изначальная версия — генетический брат Нандин Абэ? Мог ли он шутя раздавать мыслительные приказы и вот так же свободно стоять перед Императором? Или же все было немного иначе?

Почему Райго рядом с Тарасом? Это было так похоже и так кардинально отлично. Фердинанд и Нандин... Тарис и Райго... Мог ли читать мысли Фердинанд, так же как и Тарис? Мог ли читать мысли Маркус? Были ли они такие же сильные как их самый младший брат? Пылала ли их кожа, управляли ли они собственными клетками, температурой тела?

Нана не могла ответить на эти вопросы. Она даже не могла подумать о том, чтобы перестать задавать их самой себе. Не отдавала отчета, что Абэ слушает ее мысленный диалог и ведет сквозь бесконечные ряды инкубаторов. За выпуклыми стеклами были люди со сросшимися веками, со сросшимися ртами, оплетенные сетями и залитые жидкостями. Они были похожи на заготовки людей, на которых чокнутый Мастер ещё не нарисовал лица.

Комната, в которую ее привели, была разительно белой. Кто-то посветил ей фонариком глаза, а кто-то замерил объем черепа.

— И помыть... — донеслась до нее обрывочная фраза Абэ.

— Она не подготовлена, — возразил один из лаборантов. Нан лишь усмехнулся, в ответ...

— Сколько их было, таких неподготовленных... Делай, мне нужен рабочий секретарь. Остальное не важно.

Фердинанд пребывал в смешанных чувствах. Он доверял Нандину и если тот сказал что эта девушка подойдет, то так оно и будет. Но, правильно ли это? Все всегда делалось по обоюдному согласию. Взять ту же Тридцать девятую, её никто не заставлял и не ставил перед фактом. Контракт, подготовка, тестирование. Каждый из его тридцати девяти секретарей за последние пятнадцать лет был добровольцем. И вот теперь напротив всех них Нана, которая даже толком не подозревала что с ней произойдет.

Признаться, Фердинанду хотелось увидеть её менее колючей, и все-же по доброй воле а не по необходимости. Запихнув совесть поглубже, он подтянуло к себе коробку с данными, оставленную Наном и выудил из неё первый кристалл. Память Наны Вагнер. Дата стояла знакомая. Наверное, Абэ просмотрел все, начиная с убийства в Академии. Что ж, это было забавно. Опустив кубик в считыватель, приготовился смотреть. И пропал...

* * *

Был обед, когда Мидлтон соизволил встретиться с Клэр дэ Руж. Вот только встреча, увы произошла не в его кабинете, а в допросной.

Клэр хмуро на него пялилась, со своего места, а полковник чувствовал все большее раздражение по поводу случившегося.

— Я жду, Мидлтон, — не вытерпела она, тарабаня наманикюренными пальцами по столу.

Полковник крикнул и разложил перед собой папки.

— Сложно, госпожа префект. Если бы не ваше участие в ночной вылазке и не смерть Алека кгм, господина Швецова, никто бы вас не трогал... Дали бы отписку на ваше письмо, да и только.

Клэр повела рукой, предлагая продолжать дальше, Мидлтон все больше хмурился.

— У меня задача проверить настоящая ли вы.

— О как... — понимающе протянула она. — И что, мне плюнуть, волосами поделится, кровью, или сразу раздеться и все шрамы продемонстрировать? Может какой пропал ненароком?

— Ну... Один то пропал.

— Конечно, вместе с рукой, лет так пятнадцать назад, — она подалась вперед и вперилась в него взглядом:

— Где гарантия, что вы не подставной?

Ослабив галстук, Мидлтон шумно выдохнул и раздраженно сдвинул папки в сторону...

— Дерьмо все... Я ко всему был готов, но почему Лэйн менталист, Клэр, вы спятили? Мне каким боком вас выгораживать теперь?

Дэ Руж тихо рассмеялась.

— Вы серьёзно? Полковник, вы хоть звукозапись выключили?

Лицо Мидлтона вытянулось.

— И почему я уверена, что вы о ней забыли?

Он скривился и уныло взглянул в камеру под потолком. Клэр прыснула.

— И помашите Нандину ручкой, это в обязательном порядке, — хихикнула она.

— Меня отстранят?

— Конечно, — улыбнулась она, — за попытку выгораживания и не уставный разговор.

Придет время и мы все станем одинаковы и равны, опустимся на четвереньки и заглянем в душу дикому зверю. Глаза в глаза... и поймем что различия между нами и ими на самом деле нет.

Сон был тяжелым, а пробуждение болезненным. Не спасал ни свежий ветерок, игравший кружевными занавесками, ни яркие лучи солнца, коснувшиеся ее лица. На миг прикрыв глаза, Нана задумчиво уставилась на капельницу, а потом перевела взгляд на гротескные зеленые банты, украшавшие тяжелые кремовые шторы по бокам окна. На фоне серых стен они выглядели слишком ярко и неуместно. Еще более неуместно выглядел туалетный столик заставленный всевозможными бутылочками духов. Отцепив капельницу, Нана медленно поднялась и подошла к зеркалу, невольно провела руками по кремовой ткани атласной сорочки. Полуденное солнце радостно играло яркими бликами вычерчивая по ее безобразному отражению фактурные тени от занавесок. Но это все, чем оно могло порадовать.

На сгибе правой руки виднелся след от катетера, который она только-что сорвала. Собственная кожа казалась белой, почти бескровной. Бледное, осунувшееся лицо, мешки под глазами, желтоватые белки глаз. Подрагивающие пальцы... Волосы, заплетенные в две тугие косы...

Впору бы удивится, но чувств не было. Только яркое ощущение собственного тела. Ход крови внутри артерий и вен, гулкие удары сердца, вкус собственной слюны во рту. Саднящая боль в затылке. И чем больше Нана сосредотачивалась на этой боли, тем сильнее она пульсировала и накатывала, уходя вглубь мозга, туда, где обычно ничего не болело.

Нана осторожно коснулась пальцами головы, изучая ее. Там где болело больше всего, кожи не ощущалось. Вместо неё была стальная рифленая пластина с разъёмами. Она была теплой на ощупь и совсем не к месту. Попыталась отцепить и поняла что болит сильнее.

Имплант и разъёмы...

Похоже, её прооперировали. Эта мысль вспыхнула в ней и погасла. Она не удивила и не взволновала. Лишь бесстрастная констатация факта.

Собственное отражение в зеркале продолжало демонстрировать абсолютное и непривычное спокойствие.

Нана неспешно расплела обе косы медленно подбираясь к ушам. А потом долго ощупывала каждый сантиметр своего затылка, темени, висков, макушки находя подушечками пальцев один за другим саднящие бугорки. Что это было и для чего — для нее оставалось загадкой.

Увы, страх не наступал и это тоже легло в список странностей. Сейчас бы панике в самый раз взять ее разум в оборот, но нет. Просто не важно.

Ей дали ознакомиться со своим новым состоянием по полной. А потом в поле ее кардинально сужающегося зрения возник человек. Нандин Абэ. Зайдя в комнату, он молча присел за стол и начал листать какую-то папку, словно вокруг него все было в пределах нормы.

— Что произошло? — наконец спросила Нана, даже не задумавшись о том, что страх и отвращение к этому человеку исчезли.

Нандин не отшутился и даже не усмехнулся:

— Вам выпала честь быть секретарем его величества, госпожа Вагнер. Считайте этот случай счастливым билетом в безбедное будущее, — спокойно ответил он, лежа папку перед собой, а потом поднял на девушку взгляд. — Садитесь напротив, разговор будет длинным.

Нана не стала спорить и пререкаться. Во время их утреннего общения она хорошо поняла, что непослушание чревато последствиями. Абэ не церемонился и плевал на границы дозволенного. И не важно были это мысли или чужое тело. Он мог сделать что угодно и как угодно. И то как он это делал навсегда останется в ней.

— Я рад что вы уяснили правила нашего общения, — неожиданно улыбнулся он, — это существенно упрощает мою задачу. У вас есть пять минут на вопросы, а потом задавать их буду я.

Всего-то пять минут. У нее не было вопросов, на которые, ей бы дали искренние ответы за это время. А слушать очередную ложь Нана не хотела.

— Почему я не ощущаю эмоций? — подумав, спросила она, не отводя взгляда. Когда голову не застилала мишура из чувств, даже дышалось спокойнее.

— Это временно, сейчас ваш мозг привыкает к импланту, — не стал врать Абэ. — Вскоре начнется процесс подключения и синхронизации. Он затянется на четырнадцать суток. Всё это время вы не сможете воспользоваться своим личным опытом. Это не должно вас озадачивать. По истечению этого срока вы снова станете сами собой, только с бесконечным объёмом памяти.

Вопросы закончились. Время тоже. Остальной их разговор мало напоминал приятное общение. Абэ ее тестировал. На реакции, на логику, на уровень памяти. Иногда возвращался к ее воспоминаниям и это было мучительно долго... наверное было.

Нана чувствовала болезненное течение времени, а еще колоссальное спокойствие и апатию, сравнимую разве что с уколом ее сестры, Айши.

Оставшись довольным ее ответами, Абэ молча развернул к ней свою папку с распечаткой. "Инструкция главного оператора баз данных", — гласила титульная страница.

Нана задумчиво пробежалась по названию взглядом, а потом опять посмотрела на мужчину.

— А дальше?

— А дальше вы проработаете пол года на империю и по итогу будете отключены от базы. Прочтите инструкцию, там все описано. — Он взглянул на часы, встроенные в его коммутатор, а потом поднялся. — Сейчас пополудни. Желательно вернуться в кровать, под капельницу. Вам с этим помогут. Еще два осмотра. Полтретьего начнется процесс подсоединения к базе. В общих чертах у вас три часа. Попытайтесь использовать их с умом.

Нана молча кивнула и проводила его взглядом. И лишь когда в замке двери послышался щелчок, принялась читать врученный ей документ. Информации было много, вопросов к ней ещё больше.

Как и обещал Нан, к ней действительно пришло двое мужчин и заставили вернуться в кровать. Подсоединили к капельнице, выбрав для катетера вену на левой кисти. Прощупали ее голову и даже проверили работоспособность разъемов импланта. Оба остались довольны.

Девушка, в свою очередь, не понимала что чувствует. Не было ни интереса, ни страха, ни отрицания происходящего. Это просто было и все.

Синхронизация, база данных, утрата личности — лишь слова, значения которых больше не затрагивают душу. Где-то там в другой жизни остались люди, к которым были чувства.

Теперь Нана не могла даже сказать, нужны ли ей эти исчезнувшие чувства?

* * *

Ио не знал вечера и ночи. Не знал сна. Одна смена занимала место другой, продолжая бесконечный процесс жизнедеятельности без усталости. Тарис никогда не видел такого. Ему казалось достаточно просто лечь и уснуть вечером и проснуться утром. Но в Ио такое было невозможно. Просто не было утра. В памяти отбивались сотни мыслей, уставший разум искал ее следы, но ничего не находил.

"Хотел бы я обладать таким чемоданом", — полицейский прошёл мимо Тариса даже не обратив на него внимания. Лаен в свою очередь просто стоял, привалившись к стене под самой камерой видеонаблюдения. Полицейское отделение Ио было многолюднее чем в Леополисе. Мысли у служащих по большей части рутинные. Образ Наны Вагнер иногда появлялся в них, поблескивал и тут же исчезал, не давая возможности найти их источник.

Лаен ждал.

Неожиданно вклинившийся в его голову очередной странный "Чемодан", заставил Тариса провести рослого мужчину взглядом. Чемодан был мелким, несуразным и почему-то светился изнутри. О чемоданах больше никто не думал. Так что Тарис просто решил, что мужчина вспомнил свой сон. Объяснение он увидел лишь спустя полтора часа, когда все тот же человек вернулся к отделению и замер перед Лаеном.

— У вас все в порядке? Вы стоите здесь уже который час... — поинтересовался он.

— Чемодан, — чисто машинально прошептал Тарис, вспоминая его мысль, замеченную часом ранее. И тут же был огорошен целым ворохом картинок.

Этот человек видел Нану. Собравшись с мыслями, Тарис поднял на него взгляд и постарался говорить тихо и ровно, чтобы не пугать незнакомца своим голосом:

— Я видел удивительный чемодан. Но не знаю чем он был на самом деле.

Полицейский вспомнил. Тарис внимательно смотрел на него, пытаясь идентифицировать это воспоминание. Сознание озарила яркая вспышка и обрывочные фразы, слова, эмоции. Тонкие запястья в стальных оковах, рыжие кудри и отвращение на знакомом лице.

— Ты видел яркую вспышку? — уточнил полицейский. Тарис осторожно кивнул, изучая лицо гомовца. Этот человек никак не относился к произошедшему, пройдут сутки и скорее всего вообще забудет об утреннем инциденте.

— Забудь об этом, проводили эксперимент, иди домой, — на полном серьезе посоветовал он и, развернувшись, направился к отделению. Фраза полицейскому не принадлежала. Она была в него выложена. Лаен, почти неделю общавшийся с Райго, очень четко этот факт осознал. Кто мог в полицейского вложить мысль? Люди Маркуса, или кто-то еще?

Тарис ещё некоторое время смотрел на прохожих и посетителей отделения полиции, а потом вернулся к Райго и Милки. Его одолевали мрачные мысли.

На языке вертелось имя "Нандин Абэ", это последнее о чем подумал служащий, прежде чем стать недоступным для чтения.

Тарис тяжело вздохнул: Наны здесь не было. Похоже его путь лежал к Абэ и его "чемодану".

Тарис тоже хотел такой чемоданчик и пользоваться им хотел безвозмездно.

Райго и Милки ждали его двумя кварталами дальше, спрятавшись в узкий проход, ведущий к жилым трущобам. Милки уверенно вела их к своему жилищу, ни капли не

заботясь о нетипичности своих действий.

— Куда летишь, звездочка? — окликнул её огромный мужчина, чьих мыслей ни Тарис, ни Райго считать не смогли. У громилы был один глаз над самой переносицей, от чего массивное лицо модифицированного монстра выглядело жутко.

Милки проскользнула мимо него, не обратив никакого внимания на оклик. Парни двинулись следом, обходя громилу по кругу.

Дом их новой знакомой находился в самом конце улицы. Дальше только технические помещения да вентиляционные системы. В комнате была пара неглубоких ниш и перегородок, уголок с индукционной плитой на две конфорки, трубопровод, небольшой бак с водой и рукомойник. Окон не было. Тихо жужжала вентиляционная труба. Стол, пара стульев, да кровать в нише. Шкаф с растениями. Круглые с зубчатыми краями листочки обрамляли глиняные горшки пышными розетками. Между листы виднелись бледные зеленые гроздья ягод. Тарис зачарованно ткнул одну из них пальцем и тут же возмущенно оглянулся на Райго, который хоть и не прокомментировал вголос его поведение, но точно очень ярко подумал о нем.

Похоже девушка жила совсем одна и приглашать друзей не привыкла. От этого Тарису было на ее территории неуютно, да и перед самой девушкой как-то неудобно.

Как рассказала Милки, бак наполнялся водой раз в сутки. Пятнадцати литров вполне хватало на одного человека в сутки. Если надо было постирать, для этого была общественная прачечная, если помыться, то городская баня. Туалета в квартире не было, под него был отведен отдельный общественный блок неподалёку. Таких блоков было по одному на каждые десять квартир. Это в свое время помогло увеличить количество жилых площадей и уменьшить общую длину канализационного сообщения.

Райго абсолютно не волновал пространственный разговор Милки Вэй. Больше озадачивала та пара коротких фраз, оброненных Тарисом, перед тем, как они спрятались в этом жилище. Нану забрал Абэ. Нану увели с помощью некоего светящегося чемодана. Несложно было догадаться, что он просто воспользовался своим переносным телепортом, который таскал в саквояже. Больше всего озадачило, что применил он это средство к Вагнер. Что она знала такого, что смогла заинтересовать Абэ? Или же дело было в том, что она успела узнать?

Может, на самом деле его интересовал Тарис?

Взгляд серых глаз скользнул по модифицированному. Лаен, похоже набрал в весе за пару дней, по крайней мере сейчас он не выглядел столь тощим, как обычно. Расстроенным он тоже больше не выглядел, так словно мысли о Нане его на время отпустили.

Тарис на полном серьезе слушал рассказ Милки, периодически вклинивая никак не относящиеся к их проблеме вопросы.

— Почему ты хочешь увидеть солнце? — поинтересовался он у девушки. И Райго только и оставалось удивляться степени его самоконтроля сейчас..

— Потому что это мечта, — пожалала плечами Милки Вей, — а почему ты ищешь свою Нану?

— Обязан ей помочь...

— А может она тебе просто нравится? — Девушка улыбнулась. — На самом деле, когда человек нравится, причины не нужны ни для помощи, ни для просто встречи. Мы ищем ее, находим, совершаем.

— А тебе кто-то нравится? — Не остался в долгу Лаен.

— Мне нравится мечтать, — на лице опять расцвела улыбка.

— О солнце? — Съехидничал Райго.

— И о солнце тоже — Милки кинула на Иссиа задумчивый взгляд, — а еще о том, что когда-то все вернется на круги своя, и если не мои дети, то мои внуки будут жить на поверхности.

— Почему же ты сейчас не отправишься в один из верхних городов? — удивился Тарис.

— Потому что не сможет дышать на поверхности, — вклинился в их разговор Иссиа. Откровения Милки его раздражали. Еще больше нервировало, что Тарис, похоже проникся новой знакомой. Словно ему Наны мало.

Девушка не обиделась на его замечание.

— Я как те цветы в теплицах, умру без должных климатических условий, — задумчиво протянула она. — В Ио много таких как я, ожидающих очередь на модификацию в течении целых поколений.

Тарис опустил голову на руки и шумно выдохнул.

— Как все двулико... вы поколениями ждете на возможность выйти на поверхность, а нас модифицируют только потому что мы вторые дети в семье...

— Поддержание генотипа легче чем его полное преобразование. — Прошептала Милки, — это как с растением. Легче его клонировать, чем поддержать определенный сорт натуральным путем.

Райго фыркнул, но больше ничего не сказал. У него на счет клонирования были свои соображения. Быть одним из сотен таких же однолицых приятелей то еще удовольствие. Никой идентичности и тем более никакого личного пространства и свободы.

— Это все прелестно ребята, но нам надо решить, как мы покинем Ио, — он внимательно взглянул на Лаена, — или ты передумал и остаешься здесь с нежным цветочком Вэй?

Тарис не успел ответить.

Стук в дверь всполошил обоих. Милки не реагировала, продолжая пребывать под телепатическим влиянием.

— Потому что, что такое натуральный цикл воспроизведения для растения? — продолжала она свой монолог, в то время как парни повскакивали со своих мест, — это процесс опыления, созревания плода, и его семян и в конце концов сбор этих семян. Сортировка, обработка, посадка и выращивание.

Решение пересидеть стук тихо не увенчались успехом. Дверь вышибли, а следом за ней в комнату протиснулся встреченный на улице одноглазый громила.

— Уродцы, — зло прогорланил он, сверкая своим единственным красным глазом, — в землю втопчу поганцы!

Циклоп оказался до жути проворным. Бросившийся на него Райго тут же отлетел в сторону. Парня впечатало в стенку и он, потеряв сознание, сполз на пол.

Не обращая внимания на поверженную жертву, гигант взглянул на замешкавшегося Тариса.

— Голиаф, прекрати! — Милки буквально повисла на его кулаке. — Он не злой!

— Совсем задурили голову!

— Не он! — Милки крепче ухватила за его руку и с надеждой заглянула в лицо. — Тарис не дурил меня, вон тот... — И она указала пальцем на лежащего без чувств Райго. — Они от Абэ прячутся, и от Биби... И у них подругу украли. Нужна помощь, Голиаф. Очень нужна.

Гигант продолжал сопеть. Тарис и сам тяжело дышал, оглушенный волнением Милки.

— В могилу тебя сведёт твоё доброе сердце, звездочка, — гигант как-то разом весь сдулся, опустив плечи.

Тарис, поняв, что драка не намечается, ринулся к Райго и ощупал его.

На голове у последнего образовалась здоровая шишка, да и только.

Милки искренне улыбнулась Голиафу.

— Все хорошо, мой друг. Спасибо что пришел, — она продолжала сжимать своими маленькими ладошками его огромную ручищу.

— Ты не узнала меня, Милки, я насторожился.

Девушка оглянулась на бесчувственного Райго, а потом отпустила руку Голиафа.

— Тарис, там кровать есть, в нише, перенесем его туда, — она мягко улыбнулась, когда Лаен поднял на нее полный непонимания взгляд. Милки рассудила это по своему. — Всё будет хорошо, просто ему надо прийти в себя.

— Хорошо, если так, — неуверенно ответил Лаен. Голиаф опустился на стул, который минутой ранее занимал сам Тарис, принялся к чашке с чаем, а потом отхлебнул из нее, буквально осушив ее одним глотком. Абсолютно нечитаемый человек. И Тарису это было крайне непривычно. Теперь он в полной мере понимал, что чувствовал Райго, жалуясь, что не слышит его мыслей.

Уложив Райго на кровать, Лаен безучастно наблюдал за тем, как Милки обрабатывает ему шишку. Ее абсолютная бескорыстность взрывала мозг Лаена, заставляла думать о вещах, которые были непривычны даже ему. Не просто обязанность, а взаимопомощь, независимо от того чего это будет стоить. Ведь сейчас они с Иссиа преступники, и по идее любой добросовестный житель Леополиса оповестил бы полицию. Но Милки этого делать не собиралась. Она даже не проявила ни капли злости или обиды, узнав, что ее просто использовали... словно она и не человек, а погремушка. Платежная карточка, деталь.

— Тарис... — окликнула она его, закончив натирать ушибленную голову Райго какой-то мазью. — Попроси своего друга больше на меня не влиять. — Она смущенно поджала свои губы. — Объясни, что я готова помочь по собственной воле. И для меня важно, чтобы это была именно моя воля, а не его.

— Ты очень добрая...

— Нет, не добрая. Просто так должно быть. Люди помогают друг другу, а не используют, — прошептала Милки. — Тарис, пообещай, что когда встретишь свою Нану вновь, поцелуешь ее.

Ее просьба застала парня вздрогнуть. Он не понимал, зачем это новой знакомой, тем более после всего произошедшего. Ведь ее просьба не была навязанной.

— Зачем?

— Это испытание, — улыбнулась Милки Вэй. Твое и её. — Если сможешь коснуться ее губ, и она ответит, значит ваши чувства взаимны... А если оттолкнет, то все что ты себе придумал лишь твоё воображение...

Она ткнула пальцем ему в грудь и улыбнулась.

Голиаф хмуро следил за их разговором, а потом махнул рукой:

— А... Как-то оно будет, — скривился он, раздумывая над сложившейся ситуацией. А потом уже обратился к самому Лаену. — Я видел тебя в хоромах Би Би, уродец. И хочу знать, что в тебе такого особенного, раз этот двуликий не заколотил тебя своей палкой?

Милки охнула, буквально затопив ментальное пространство упавшими ей на ум

ассоциациями. Тарис растерянно моргнул, переводя взгляд то на одного то на другую. Слова Голиафа не вязались с картинкой, представленной Милки и это вносило свою лепту в понимание витиеватой фразы.

* * *

У базы данных был свой характер. Его диктовали те сотни личностей, что вошли в состав кластеров. Базе данных были не чужды желания, предпочтения и взгляды на те или иные вещи. Подключаясь к человеку она брала свое в полной мере, пока не насыщалась и не гасла под напором сознания ее оператора.

Фердинанду нравилась та личность. Секретари менялись, а сущность внутри них оставалась все той же: идеальной, цельной и единственной в своём роде. Если бы было возможным не менять ее операторов раз за разом, Фердинанд с радостью бы оставил кого-то из них подле себя подольше, чем пол года. Увы, такое решение неминуемо привело бы к их гибели, а позволить себе убить этих женщин Ферди не мог. Иногда заглядывая в секретарский отдел, или в канцелярию, замечая знакомые лица, он вспоминал их личные полгода работы и понимал что их утрата была бы серьезной глупостью. В каждой из них оставалось немного от той уникальной искусственной модели, которую он был не против видеть рядом с собой.

Однако, сейчас он спешил поговорить с Вагнер до того, как ее сознание исчезнет и видоизменится. Видеоданные, которые создали с помощью Тридцать девятой волновали его. Спрашивать Абэ о том, что могла рассказать Вагнер было просто расточительством времени. Синхронизация изменит её. Сейчас же, находясь уже без эмоций, но еще без подключения к базе, она могла быть предельно честной. Он верил в это и хотел ее ответов.

Нана, как и ожидалось, пребывала в отделе синхронизации. Знакомая комната, которая служила обиталищем всем секретарям, была уютной и негласно оснащенной датчиками жизнедеятельности. Первое, что бросилось в глаза это ее тонкий силуэт на краю кровати и комки рыжих волос, устелившие пол возле ног девушки, постель, колени и даже предплечья... Нана, облаченная в тонкую рубашку, бесстрастно смотрела перед собой, наматывала на пальцы тонкие пряди и рвала их... В такт ее движениям болталась трубка капельницы, прикрепленная к ее левому запястью.

Прикрыв дверь, Фердинанд медленно приблизился к ней и присел рядом на кровать.

— Смена стиля всегда позитивно влияет на личность. — Абсолютно спокойно произнёс он и смахнул с ее колена оторванный клочок. — Но, что-то мне подсказывает, не пройдет и двух недель, как вы глубоко пожалеете о своих действиях.

— Я не чувствую сожаления, — прошептала Нана, продолжая наматывать очередной локон на палец.

Фердинанд накрыл ладонью её пальцы, прекращая действие, после чего слегка наклонился к её уху:

— Вы можете вырвать все до единого волосы, но это не изменит факта. Вы больше себе не принадлежите. Так что просто примите это и наслаждайтесь ситуацией.

Нана внимательно посмотрела на него:

— И вы пришли, сказать это? О наслаждении ситуацией? Сейчас... С вами? — ее голос оставался предельно ровным и безэмоциональным.

Фердинанд убрал свою руку.

— Я пришёл поговорить о ваших воспоминаниях, Нана, пока они не заблокированы. Я хочу знать о Маркусе Биби.

— Вы стоите друг друга, — с апатией вымолвила Нана, — два абсолютно беспринципных человека борющиеся с лопастями ветряной мельницы при полном доступе к механизму.

Фердинанд не ожидал такого выпада. Говорила она это серьезно, в шутку, с иронией, или же с ненавистью — оставалось загадкой и это неожиданно разозлило его.

— Это слишком смелое заявление, Нана... Достаточно ли у вас оснований чтобы судить?

— Вполне, — Нана никогда не сказала бы такого, если бы была в адекватном состоянии. Она понимала это, но остановиться не могла. — Вы оба оперируете насилием, ни капли не волнуясь о поломанных судьбах.

Фердинанд помрачнел:

— Вы ошибаетесь...

— Разве? — она чуть склонила голову на бок и застыла, словно птица. — В моей голове находится имплант, которого я не просила. А рядом человек, которого видеть нет абсолютно никакого желания. Вы же не отпустите меня, у вас есть планы на мою голову, вот только никто не спрашивал, хочу ли я. Что это, если не насилие? А завтра, — она на миг запнулась и склонилась к нему, — в этом теле меня не станет и вы будете вольны делать все что угодно с удобной вам интеллектуальной поведенческой моделью. Разве это не насилие?

Фердинанд молчал.

— Маркус такой же отвратительный как и вы... — продолжала говорить она. — Я его боялась, а вы забрали у меня даже эти чувства. Если бы я могла, я бы ненавидела вас, мой император. Если бы ненавидела то убила бы...

Резко ухватив её за подбородок, Фердинанд с силой притянул её лицо.

— Лучше бы ты молчала, — процедил он.

Ее губы исказились в усмешке, а голос дрогнул, словно она наконец таки что-то почувствовала.

— Насилие ваш конек... да? — Её взгляд оставался спокоен и безучастен. — Знаете... Тарис по сравнению с вами, сущий ребенок, воплощение невинности и доброжелательности.

Отпустив её лицо, Фердинанд без комментариев резко вскочил и поспешил покинуть комнату. Дверь за ним закрылась с грохотом. Лишь достигнув своих покоев — выругался. Слова Наны резали по больному. Стоило речи зайти об этом модифицированном и он срывался как истеричка.

Но хуже всего было осознание, что он ждал мига, когда она сядет в то чертово операторское кресло и наденет тот обруч. И забудет каждое сказанное ему слово.

Димитрий ходил по помещению. Ирраиль, плелся следом, шаркая ногами. Площадь была огромная.

— Как тебе, старик? — обернулся к нему советник.

— Может быть, — хмуро процедил старый мастер, следя за тем, как техники оперативно монтируют установку климат-контроля. Десяток инкубаторов уже был установлен, последняя модель, не дешёвое удовольствие. На каждом — серийный номер. Все официально. Его собственный статус в эту официальность не вязался.

Невольно задержал взгляд на куполообразной крышке ближайшего инкубатора, скользнул взглядом по внутреннему оформлению анатомического ложа.

— Оно подстраивается под габариты? — поинтересовался он у копошащегося в проводах техника.

— Там управление, гляньте, — ткнул парень пальцем в сторону интерфейса и, взяв очередной ключ, нырнул под капсулу инкубатора.

— Что-то не так? — подошел ближе Димитрий. А Ирраиль лишь растерянно смотрел на ноги техника, нырнувшего под аппарат.

— Я не понимаю... — прошептал он. — У вас целый Кальтэной, бери любого мастера, почему я?

Димитрий вздохнул и почесал затылок. Прямо говорить не хотелось, а увиливания Ирраиль не поймет.

— Когда дело касается нравственности, хорошего мастера тяжело найти, — послышался незнакомый голос.

Старый мастер резко обернулся и настороженно взглянул на незнакомого гемовца. Ошейник явно был из новых моделей, да и одежда на человеке была не дешевой.

Димитрий тут же спохватился и протянул мужчине руку для пожатия.

— Префект Такебир, — улыбнулся он, — рад встрече.

— Взаимно, а вы, — Мёбиус обернулся к Ирраиллю, — наш новый научный сотрудник, генетических дел мастер Ирраиль?

Старик нахмурился и пожал протянутую руку, невольно отмечая специфическую форму ладоней префекта. Удлинение проксимальных фаланг было нетипичной модефикацией, из-за нее пальцы Мёбиуса казались паучьими лапками.

Эксперименты на себе говорили многое о человеке.

— Я у вас уже работаю? — решил уточнить Ирраиль, но ответа не последовало.

Мёбиуса Такебира отвлек один из техников, демонстрируя на своем рабочем планшете какую-то чехарду из голографических линий.

— У нас два проекта на видеонаблюдение, который брать? — на полном серьезе поинтересовался он.

— Сейчас, — Мёбиус внимательно взглянул на системы, а потом обвел помещение взглядом.

— Обе. Привязка к правому углу, — ткнул он пальцем в сторону глухой стены. — Систему жизнеобеспечения в противоположный и лучше тоже продублировать.

— Но смета не предусматривает дуближа.

— Не интересуется, делай. — Отрезал префект и снова обернулся к старику. — Мастер

Ирраиль, есть минутка, хочу обсудить ваш заказ по телам.

— Префект Такебир, там есть небольшой кабинет, уже обустроенный, — вклинился Димитрий, указывая вглубь помещения.

— Советник, с вашего позволения, у нас технический разговор... Вы будете мешать. — отрезал Мёбиус, ставя его перед фактом, и снова взглянул на Ирраиля. — Пообедаем, коллега?

Старик молча кивнул. Он многое слышал о Мёбиусе Такебуре. Пришел этот человек на должность префекта восемь лет назад. К нынешней власти относился лояльно. Судя, по тому что кальтэнойская техника стояла даже в лабораториях Биби, лоялен он был к каждому кто платил.

Впрочем, отказываться от обеда из-за широты чьих-то взглядов было глупо.

Ушли недалеко. Летний дворик был разбит неподалеку. Ветер подхватывал края десятка белых скатертей, обрамляющих круглые столешницы. Витые спинки стульев вокруг столиков, манили присесть и опереться на них. А яркие зонтики, отбрасывающие тени, выгодно оттеняли хмурое здание городского совета.

Присели не сговариваясь. Приняв заказ, официантка удалилась, а Мёбиус неспешно скользнул пальцами в нагрудный карман пиджака и вытащил стальную тисненую пластинку. Поставив ее на стол, пододвинул к старику и откинулся на спинку кресла.

— Ваша лицензия. Бессрочная, — коротко пояснил он, изучая мастера, как очередной экспериментальный образец.

Ирраиль приподнял руку чтобы взять ее, но в последний момент поспешно сжал пальцы в кулак и хмуро взглянул на префекта.

Мёбиус видел его насквозь, прекрасно понимая его смятение.

— Кальтэной оценил размах ваших идей, мастер Ирраиль. — пояснил он, не дожидаясь соответствующего вопроса. — Оценил и принял меры. Отныне вы старший научный сотрудник и это звание остается за вами до окончания вашего времени.

Ирраиль все же, удержался и, прикоснулся к пластинке кончиками пальцев. Серый металл был прохладным на ощупь. Трудно передать, как старик хотел спрятать эту вещь в один из своих карманов... Но, всегда были, есть и будут ограничивающие условия, которых ему еще не озвучили.

— Дело ведь не в широте идей... — прошептал он и невольно отметил дрожь в собственных руках. Волнение было не лучшим состоянием, как и безрассудство. Его новый знакомый не договаривал, а прыгать в неизвестность второй раз Ирраиль не хотел.

— Конечно, нет, — Такебир внимательно взглянул на старика. — Буду откровенен, официально ваша кандидатура одобрена из-за вашего отношения к этической стороне вопроса.

— А... неофициально? — Ирраиль хмурился. У него было прекрасное отношение к этике. Прописное и неуклонное. Он успел озвучить его прошлым вечером, в присутствии Клэр дэ Руж. Вот только задание не требовало наличия этого самого "правильного" отношения.

Мёбиус улыбнулся.

— Простая случайность. Стечение обстоятельств, — пояснил он, не отводя взгляда. — Димитрий предложил вас, когда стало ясно, что никто из действующих мастеров рисковать не хочет... Этика диктует свои условия и она не вписывается в эксперимент... А точнее эксперимент выходит за ее границы. А спустя сутки мы узнаем о Вито... — Такебир хитро

прищурился. — Мне импонирует ваша дерзость, Мастер Ирраиль. Нестандартные решения ироничный контекст и неприкрытый юмор вашей работы заставляет раз за разом возвращаться к ней и изучать. Считайте это моим искренним признанием в любви. Как мастер мастеру.

Ирраиль озадаченно моргнул.

— Любовь, это как-то странно звучит, — прошептал он. Старик не был готов обсуждать Вито. Он в принципе не был готов обсуждать свои работы с кем-либо.

— Я люблю творческий подход. — Такебир задумчиво осмотрелся, а потом щелкнул пальцами по браслету. Над его рукой сразу же развернулось голографическое изображение. Генетическую карту Вито Ирраиль узнал сходу. Стало неловко. Он не хотел демонстрировать этого мальчика, тем более не хотел его обсуждать с префектом Кальтэной.

— Чудесное создание, — протянул тем временем Мёбиус. Он с неприкрытым удовольствием рассматривая детали кода, тыча в них пальцем, увеличивая и прокручивая вокруг своей оси. — Как вы думаете, мы сможем его продать?

— Он слишком человек, — растерянно выдохнул Ирраиль, — Как я могу его продать?

— А кого тогда? Вы предлагаете продать не человека? Может восмидесятипроцентного ГМО? Или может создание должно быть полностью растением, а не человеком? Как вам идея разумного растения, сможете осуществить? — Такебир шурился и было не совсем понятно шутит он или нет. — Ну же, будьте откровенны.

Ирраиль продолжал хмуриться, не понимая, куда завел его разговор. Стальная пластинка лицензии продолжала притягивать взгляд. Подкуп. Кусок металла за человека.

Кусок металла за его работу, а потом уже человека.

Официантка поставила на стол два одинаковых блюда.

— Приятного аппетита, господа, — улыбнулась она и поспешила к другому столику. Ирраиль растерянно скользнул взглядом по ярким кускам помидоров и листьям салата, жаренному мясу. Еда верхнего города разительно отличалась от сублиматов и полуфабрикатов Ио. Увы, она и не вызывала аппетита.

— Вы ведь знаете, что ожидает Вито, — заметил Такебир и приступил к своему обеду. Ел он с аппетитом и ничуть не смущался задетой темы. Впрочем, он был сначала политик, а потом уже мастер. А политику не пристало блистать принципами и этикой. Наверное в этом было дело.

Да, старый мастер не мог спорить с озвученным предупреждением. Он знал что ожидает Вито, знал это в тот момент, когда начал моделировать его личность.

— Цель Вито не в озвученном им предназначении. Свою работу этот мальчик уже исполнил, — прошептал Ирраиль и взял вилку дрожащей рукой.

Вкус овощей обжег его язык, давно забытыми ощущениями. Их тандем породил внутри вполне обоснованную эйфорию. Ирраиль жевал и буквально нутром ощущал, как уровень его эндорфина начал повышаться. Как закружилась голова, и все вокруг стало чуть ярче.

Правда была в том, что у мастера нет ничего более личного чем его творения. Каждое его работа, как еще одно его отражение. Даже наспех сделанный Вито был этим отражением. Куском собственного "Я", которое страшно потерять, а надо.

Мёбиус раздумывал над его ответом и методично жевал, в конце концов поинтересовался:

— И в чем же истинная цель Вито?

— Регистрация, — Ирраиль пристально взглянул на собеседника. — Он просто должен

был попасть в базу данных, привлечь внимание к именам. Не более и не менее.

— Человек в качестве послания... — задумчиво протянул Такебир, поддевая вилкой кусок овоща. — А ведь Фердинанд узнал почти сразу, и начал искать заказчика и исполнителя... я даже парочку запросов получил.

Отправив в рот наколотый на вилку овощ, префект Кальтэноя на миг зажмурился от удовольствия, а потом с хитринкой взглянул на старика и улыбнулся:

— Это было умно.

— Я знаю... — Ирраиль и сам не удержался. Улыбка прорезала его старческое лицо и он впервые за долгие годы почувствовал себя в своей тарелке.

Тревога отпустила его незаметно. Этические вопросы перестали волновать, обед вмиг стал приятнее, и даже солнце над головой засветило ярче.

Он не просто был мастером. Он все еще им остается. Немое восхищение в глазах коллеги было тому подтверждением. И как же легко было сейчас, зная, что его взгляды и методы кто-то понимает.

* * *

Тарис и Райго вышли из квартиры Милки через час. В чистой одежде, с полными рюкзаками съестных припасов. На их лица были натянуты респираторы, на головы — капюшоны. Путь лежал на поверхность. Как сказали их новые знакомые, недалеко от городского вокзала был некий технический выход, давно закрытый за ненадобностью, но рабочий. К нему и направлялись.

Милки не пошла с ними. Голиаф не пустил. Печально вздохнув, девушка детально описала дорогу своим новым знакомым и крепко обняла каждого.

— Ты ведь проследишь за своим другом, — поинтересовалась она у Райго, когда Тарис успел отойти от них, — друзья должны помогать друг другу и это не зависит от того какая установка у них в голове от отцов.

— Не будь наивной, — прошептал Иссиа, зыркнув в сторону Лаена, — невозможно быть добрым бесконечно, против своей природы не пойдешь.

— Твоя природа быть человеком, — ответила она. — А быть человеком означает выбирать правильно и осознанно, какой бы ни была твоя установка и какими бы ни были правила.

— Где ты начиталась этой ерунды?

— Так мастер Ирраиль сказал, — прошептала Милки. — И знаешь, я ему верю. И ты поверь.

Райго ничего не ответил, в последний раз взглянул на Голиафа и содрогнулся от его хмурого немигающего взгляда. Циклоп ничего не сказал, но весь его вид буквально кричал: "Слушай Милки".

— Я постараюсь, — прошептал он.

Описывала Милки прекрасно, представляла еще ярче, так что оба беглеца чувствовали себя вполне уверенно. Не сказать, что до того им было тяжело. Ио кишел мыслями, и если уметь слушать можно многое узнать. К примеру о обвале верхнего этажа города, или о задержании Префекта Клэр дэ Руж, и о многом таком, о чем в Леополисе услышишь не от каждого. Не потому что в Леополисе думали о другом, а потому что мысли были приглушеннее, менее ощутимы, что ли...

Оставив вокзал позади, парни двинулись к техническим помещениям. Коридоры стали уже. Серые стены резко контрастировали с обстановкой в самом Ио. Не смотря на ветхость,

старые лампочки работали исправно, словно ничего зазорного в этом не было.

— Тарис, куда дальше? — Райго в какой-то момент понял, что не знает куда идти. Объяснение Милки теперь уже не казалось таким понятным. Да и картинка в голове начала стираться.

— В Клан Вагнер, расскажем родителям Наны, что с ней стряслось. — Ответил он. — Возможно получим помощь.

Тарис словно не слышал стеснения напарника, уверенно шел по коридору, сворачивая в все новые и новые проходы и не обращая внимания на кричащую ветхость помещений.

Райго брел следом, радуясь, что Лаен не врубил свои семь минут.

— Если ты слышал мысли Наны, то должен знать, что ее родня вряд ли поможет. Их нетерпимость к модифицированным не слабее чем отвращение Маркуса.

— Именно по этому они выслушают, — прошептал Тарис, пригибаясь под проржавевшей трубой и пробираясь дальше. Помещения начали напоминать завалы и мало чем отличались от заброшенного города-свалки. Под подошвой модифицированного громко треснула обвалившаяся штукатурка. Где-то неподалеку послышался тихий перестук капель, так словно тек кран, но и тот вскоре исчез из общего фона.

Лаен был слишком уверен в своей правоте. И хоть Райго Иссиа не нашёлся что ответить, он все равно был категорически против идти на поиски клана Вагнер. Вряд ли Тарис не знал этого. Наоборот, он это прекрасно понимал, и все равно настаивал на своем.

Пригнувшись под трубой, Райго ступил следом и невольно подумал о том, что ему не хватает Наны. Она прекрасно заглушала его мысли, отвлекая Лаена на себя. Впрочем, как и Милки Вэй...

— Скажи, Райго, если бы не пришёл Голиаф, ты бы потащил Милки с нами? — вопрос застал врасплох. Райго вздрогнул, но шага не замедлил.

— Зачем спрашиваешь? Она, все равно, не планировала выходить на поверхность.

— Даже, если бы её убедительно попросили? Или, к примеру, предложили сделать это после того как мы уйдём? — Тарис не прекращал шага. Тон был ровным, так словно не жизнь случайной знакомой обсуждали, а среднестатистическую прогулку.

— Я не убиваю людей... — прошептал Райго, буравя взглядом его спину. Тема неожиданно стала откровенной. — И я не собирался её убивать. Как тебе вообще такое в голову пришло...

— Но Нандин убивает, — как ни в чем не бывало продолжил Тарис, — и не только...

Райго не ответил. Разговор зашёл не в то русло. Тема была неприемлемой. Волнение внутри нарастало, бросая тело в дрожь.

— Мне надо, чтобы ты кое-что мне пояснил, — тем временем продолжал Тарис, продолжая идти вперёд.

— Что именно? — настороженно спросил Иссиа. Речь Лаена выбила его из колеи. Очередной поворот встретил их разбитой лампочкой и приглушенным сумраком. В его конце, под тусклым освещением светодиодов виднелись ступени. Райго невольно вспомнил описание Милки и подивился тому, как Лаен чётко вёл, ориентируясь на её память.

— Не могу понять, зачем я на экзаменатора напал. — Тарис остановился и наконец взглянул на Райго. Удобное время поговорить, ничего не скажешь. Но рано или поздно он бы все равно поднял эту тему.

— Не помнишь?

Тема которую и стоит обсудить но некогда... Да и неудобно. Райго многого не мог

сказать, он даже себе не мог на многое ответить. Особенно, после того как в его голове порылись.

— Помню, понять не могу. — Тарис смотрел прямо. Просто ждал, зная что Иссиа не сможет долго молчать.

Райго тяжело вздохнул. Вот не время сейчас...

— Тобой управляли, — он внимательно взглянул на модифицированного. — Я виноват, упустил, когда она тебе внушила все это с экзаменами и нападением.

— Объясни.

— Не сейчас, Тарис... — Райго хотел было пройти к ступеням, но Лаен перегородил ему путь.

— А когда? — Тихо спросил он. — Когда снова будешь лезть в мой мозг и манипулировать, словно игрушкой?

— Слушай... — Райго нервно облизнул враз пересохшие губы. — Запомни раз и навсегда... Я могу тобой управлять столько в одном случае, если от этого зависит твоя жизнь. Можешь думать что угодно, это выше меня.

Тарис продолжал стоять на месте.

— Тогда, что произошло в фуникулере?

— То же самое что и во время пожара, ты умирал. К тому же... — Райго запнулся, чувствуя как тяжелеет собственная голова. — Ты не должен попасть к императору, ни под каким предлогом.

"Ему нельзя это говорить... Запрещено..."

— Почему?

— Потому что... — прошептал Райго, — ты от него в бегах...

— Почему я в бегах от своего брата? — Тарис наступал. — Я его даже не знаю. Я тебя толком не знаю...

— Ты не потерял много, поверь. — Райго и сам не понял как начал пятиться. Глаза Лаена начали блестеть в темноте, то ли алым, то ли реальными огненными всполохами...

— Ты можешь просто объяснить? — прорычал он.

— Блок, — прошептал Райго, указывая пальцем на свою голову. Обычно этого было достаточно, чтобы отстали. — Очень сильный блок. Поверь тебе это знать не надо...

Обойдя Лаена, направился к лестнице. Если это та самая лестница, о которой говорила Милки, выход на поверхность был рядом.

Голову резко обдало болью и злостью. Чужие чувства разлились по мозгу пульсацией, точь-в-точь как в академии во время убийства, как в больнице, во время пожара...

Вот только теперь Тарис не страдал от противоречивых мыслей или боли. Теперь он злился.

— Стоять... — на выдохе прошептал он и Райго неожиданно для себя замер не в силах пошевелиться. Шок от произошедшего прошиб его холодным потом. Голова продолжала пульсировать. Память же услужливо подкинула, аналогичную сцену с Маркусом. Целый кусок воспоминаний вывалился на него и он почувствовал их параллельно с негодованием Лаена.

— Мне это надоело, — прошептал тем временем Тарис, полностью утратив над собой контроль. — Я хочу знать все и меня не интересуют твои мнимые блоки. Говори.

Райго побледнел. Сердце начало колотиться, как бешеное, а в глазах потемнело. Собственный голос показался чем-то потусторонним...

И он рассказал, проваливаясь вглубь собственных воспоминаний словно в кроличью нору. Блоки, которые всю жизнь были его собственной проблемой трещали от обычного требования Тариса. А ведь Райго всегда был уверен, что это не в его силах...

Очнулся Иссиа в все том же коридоре, лежа на пыльном полу. В полутьме мелькала алая лампочка ошейника, свидетельствуя, что ГМО вышел из под контроля. Хотя, на самом деле, Тарис просто сидел рядом, ухватившись за голову. Глаза были закрыты, плечи — напряжены.

— Спасибо, — прошептал он, — теперь все стало на свои места.

— Я даже не знаю что рассказал тебе...

Лаен наконец открыл глаза и внимательно посмотрел на него:

— Ты, это ты... Абэ это Абэ... Остальное уже не важно, — его голос прозвучал глухо, так словно из Лаена в один миг вынули все силы. Обхватив собственные плечи ладонями он с силой сжал ткань комбинезона. Алые всполохи выхватывали из темноты острые углы его костяшек, подбородок, плотно сжатые губы, скулы... Отбрасывали резкие рваные тени на его лицо.

Райго на миг прикрыл глаза, обдумывая услышанное. Он ведь так и говорил, разве нет? Но говорить самому, и слышать со стороны, как оказалось, две разные вещи. Тарис больше не сомневался в элементарном. Но, похоже, это единственный вопрос, который был закрыт. То что оказалось "не важным", увы, было более сложным для понимания.

— Ты же знаешь, Тарис, я не в курсе, что там за информация, за этими блоками. Я не знаю, о чем рассказал тебе... Но я предельно точно осознаю, что когда тебе хреново, моя голова готова взорваться от боли. И сейчас я чувствую твой ад каждой клеткой. Тогда в больнице, я думал, сторю вместо тебя. В фуникулере, глупо радовался, что ты все еще был под моим контролем. Я честно, пытался сделать все, чтобы ошейник не сработал, думал, это меня убьёт.

Тарис шумно выдохнул.

— Он бы не сработал, он сломан.

— Но твой ошейник...

— Это крайне нелепое объяснение твоего состояния, чтобы ты много не спрашивал, находился рядом и следил за мной... — он на миг запнулся. — Чтобы они следили за мной...

— А ментальная связь? Я и ты, мы словно создаём другое измерение.

— Подарок от предка, а может и от мастера... Твоего или моего, неважно, уже не разобрать... высшее взаимодействие двух телепатов... Сколько же всего в твоей голове за блоками... — Тарис усмехнулся и вскинул голову, прижался затылком к стене. — Я просто должен был умереть на той семейной встрече. Если бы умер, ничего не случилось бы. Не случилось бы ни тебя, ни меня, ни Наны... Ни тех убийств.

В сполохах маячка его глаза заблестели от влаги. Райго поспешил отвести взгляд и, наконец таки, поднялся с пола.

— Ты не должен так говорить, — прошептал он.

— Я уродец, Райго, твои воспоминания это только подкрепили, все мои попытки найти место для себя в этом мире, все тщетно... И не имеет больше никакого смысла. Будь моя воля, провалился бы сейчас сквозь землю.

Райго помрачнел, ему никогда не доводилось видеть Лаена в таком депрессивном состоянии. С этим надо было что-то делать.

— Так мы идём за Наной или нет? Если пожелаешь, я могу прикопать тебя здесь... Знаешь ли, главное в этом деле от чистого сердца пожелать, тогда у меня не будет выбора...

Тарис перевёл на него взгляд и неожиданно рассмеялся.

— Думаешь... Фердинанд так же управляет Абэ, желая или впадая под его контроль если есть опасность?

— Кто знает, — пожал плечами Райго и протянул ему руку, — мы идём?

— Пойдем, — Лаен крепко ухватился за протянутую ладонь и тут же был вздернут на ноги. — Ориентируясь на воспоминания Наны, в селение клана Вагнер, — чётко определил их путь Тарис. — А дальше наши пути разойдутся.

— Как пожелаешь, — прошептал Райго, впервые чувствуя его мысли как свои...

Наверное, Тарис что-то сломал в себе, а может сильно раскрылся. Иссиа был не против впервые его прочесть. И это было тяжело.

* * *

Потолок был все тем же, разительно белым и геометрически ровным. Шумно выдохнув Кэйт озадаченно моргнул, а потом резко сел. Взгляд выхватил положение тени на полу, цвет неба за окном, собственное тело, накрытое шерстяным одеялом. Темную обивку дивана, на котором он валялся.

Спал?

Кэйт никогда не спал, разве только от снотворного. И сейчас, рассеянно озираясь вокруг он понимал — да, неожиданно приключилось. На шее болтался все тот же ошейник, но как-то резко ставший легким. И тем не менее он был и Кэйт невольно отметил что боится к нему прикасаться.

— Отец сказал, он не взорвётся...

— Что? — Кэйт резко вскинул голову, встретившись взглядом с Вито, который сидел неподалеку. Мальчишка наивно хлопал своими длинными ресницами.

— Ошейник не взорвётся, — повторил он, после чего указал на стол, — отец его разобрал, откорректировал. Часть деталей на место не поставил. Но маячок в нем работает исправно. Он сказал, этого достаточно для отвода глаз.

Сказанное озадачило и все же волновало сейчас другое:

— Почему я спал?

— Не знаю, — честно ответил Вито и поднялся со своего стула, — отец коснулся вашей шеи, а потом вы уснули. Он велел вас покормить и предупредить, не вставать до заката.

— Я не могу так долго лежать, — прошептал Кэйт, поднимаясь на ноги.

Кэйт рассчитывал, что подловит группу Кирка и умыкнет Лэйн ещё на нижней станции восточного пути. Увы время давно перевалило за обед. Удобный момент был утерян.

— Мы ведь здесь одни. Куда ушёл мастер?

— Сказал, посмотреть свой магазин.

Ответ и интонации были столь обыденные, что Кэйт едва не поперхнулся ими. Знал ли Вито, что это будет за магазин? Знал ли, что его братья и сестры, те кто будут созданы его отцом, будут лишь уголением желания для очередного толстосума?

— Ты... Будешь продан?

Вито замер, потом медленно повернул к нему свое резко побледневшее лицо:

— Я не вещь, а мастер — не предатель, — выпалил он, едва совладав с гневом. — Уходите... И пожалуйста, больше не говорите со мной.

Свон ушёл спустя пару минут, оставив мальчишку наедине со своими мыслями.

Ирраиль вернулся намного позже, когда небо окрасилось розовым. Грузно опустился в кресло и тяжело взглянул на паренька.

— Сядь, мальчик, нам надо поговорить, — голос мастера заставил Вито вздрогнуть и отвлечься от созерцания непривычной красоты за окном, от аналогий, порожденных его искусственной памятью.

— О чем, отец? — Вито послушно присел напротив. Смотрел на старика спокойно и ни о чем не подозревал.

— О твоём будущем. — Прошептал Ирраиль, взглянув ему в глаза. — Ты должен выслушать, не перебивая.

— Хорошо, отец...

Ирраиль говорил долго. Вито, прикрыв отяжелевшие веки, слушал.

Кэйт Свон не врал и не пытался оскорбить, он просто спросил то, что сам видел, подозревал. А Вито его прогнал. Перед Своном было стыдно.

Но стыд был малой частью тех чувств, что теперь распирала его разум.

Слова отца были подобны ударам, или тем его хирургическим сверлам, зондам... крючкам. Отец тянул ими душу и Вито каждой клеткой чувствовал как человеческое все больше покидает его.

Он будет продан — вот и вся правда.

Игрушка "Вито". Особенный и уникальный экземпляр.

— Добрый день, полковник, как ваши дела? — Поинтересовался Кэйт Свон, как только установилась связь.

Звонил Кэйт из телефонной кабинки, стены которой почти полностью состояли из полупрозрачного оргстекла. Увы, но в городской телеграф он был вынужден зайти после того, как не досчитался своего коммутатора. Забыл ли он его в гостиничном номере, или еще утром в казенной машине — бывший следователь вспомнить не мог. Проанализировать собственные действия за прошедшие сутки мешала головная боль. К сожалению, от последней не отвлекали даже поставленные задачи.

— Безпокоишься? — усмехнулся Мидлтон, находясь на другом конце провода. — Правильно делаешь. Время тревожное, базы висят и не обновляются. Даже дэ Руж не ехидничает, как обычно. Нервничает.

Свон нахмурился, похоже полковника сегодня достали по полной программе.

— Просто интересно, вернулась ли группа Кирка? — Объяснил он свой звонок, невольно касаясь свободной рукой прострелившего болью виска, а заодно и поправил капюшон, который начал сползать с головы. — А то слухи разные вокруг, один интереснее другого.

— Кэйт, это конфиденциальная информация, — напомнил бывший начальник и устало вздохнул. — Доступ может дать префект... Но она заперта. Все без изменений.

— Я так и подумал, — не удивился Свон и прислонился лбом к полупрозрачной стенке телефонной кабинки. Взгляд вылавливал силуэты людей, входящих внутрь телеграфа и качающуюся на хорошо смазанный петлях дверь. — У меня есть зацепка. Как смотрите на то, чтобы встретиться?

— Зная тебя, там не зацепка, а целый компромат, — в голосе Мидлтона проскользнул интерес, — что ты нарыл?

Маркус Соболевски прошёл мимо, и Кэйт дернулся от неожиданности.

— Созвонимся, — бросил он и повесил трубку телефона, невольно отметив, что действительно испугался. Кэйт не верил в такие совпадения. Осмотрелся в поисках его лысой подружки, но никого не заметил. Впрочем, если учесть о чем говорила этой ночью Клэр дэ Руж со своими гостями, то "Маркус" не обязательно должен им быть. Всегда есть вероятность, что это кто-то из рядовых исполнителей.

Проследив за тем как мужчина прижал палец к считывателю на сенсорной панели соседней кабинки, а потом зашёл в нее, Кэйт поспешил выйти из помещения.

Звуки улицы враз обрушились на него шумом дороги и человеческими голосами, монотонным вжиканьем роботизированных систем. Перейдя улицу, Свон замер у витрины с гаджетами. Резкие движение, отразились на дыхании, сбив его. Голова закружилась. Опасное состояние, при котором лучше обратиться в больницу. Правда, Кэйт не был уверен, что такое действие ему хоть чем-то поможет. Возможно из больницы он уже и не выйдет... или выйдет по частям, как разобранное на запчасти донорское тело. Почему-то, когда обратился к Ирраиллю за помощью, об этом не думал. Теперь вопрос стал ребром. Где теперь искать подпольного врача? Ответа на этот вопрос не было.

А покуда боль наплывала на него резкими нарастающими и стихающими импульсами, взгляд привычно отпечатывал в сознании прохожих. Лысых все еще не наблюдалось.

Женщин с татуировками, искусственными глазами, в комбинезонах, или хотя бы отдаленно напоминающих спутницу Маркуса — не наблюдалось. Впрочем, менталист не обязательно должен находится рядом, так ведь? Он мог где-то ждать или тоже откуда-то наблюдать. Проверить это было невозможно.

Маркус Соболевски вышел из здания городского телеграфа спустя пять минут. Осмотрелся, спрятал руки в карманы и двинулся вдоль улицы.

Кэйт подождал, пока он отойдет еще немного, а потом натянул капюшон поглубже и занялся вполне привычным делом — преследованием и анализом.

И как ни странно, боль опыту отнюдь не мешала...

* * *

Вывеска сияла новизной. Огромные стеклянные окна изнутри были затянуты тёмной тканью. Свет просвечивал сквозь неё, но не давал даже намёка на происходящее.

И тем не менее Маркус прекрасно знал что будет внутри. Его источники в этот раз были предельно точны. Магазин генетического товара, а если смотреть в самую суть, то официальное место работорговли.

Глупая ловушка, устроенная Фердинандом. А точнее — его спятившим дедом. Потому что ни один здравомыслящий современный человек не сможет представить себя обладателем и властителем чужой жизни. Но, похоже император думал иначе. Дэйла была права, хватит ходить вокруг да около. С этим пора заканчивать.

Покрутившись на площади некоторое время, Маркус поспешил скрыться. Некоторое время блуждал по городу, умудрился пару раз сменить лицо, прежде чем вернуться домой.

Двухуровневый домик находился в старой части Леополиса, чуть ниже уровня основной массы построек. Одна его стена вращалась в скальной массив, деля с ним вход, лестницу и городские коммуникации. Две другие стены были общими с соседними домами. И лишь четвёртая могла похвастать рядом арочных окон, смотрящих на восток. Небольшой палисадник под ними, пару дорожек, лавочка, ограждение и бесконечный обрыв.

Дом был заброшен, как и десяток других, стоящих рядом. Палисадник давно зарос сорняками, ограждение обветшало. Дорожки растрескались, увенчавшись пышными холмиками травы.

Покинутый ярус Леополиса. Лучшего места для укрытия и не найти сейчас. Нырнув в подземный ход возле новенького детсада, Маркус несколько раз свернул в выдолбленных в скале коридорах, прежде его взору предстал нижний уровень поднебесного города. Отсюда к его дому было рукой подать. Но мужчина не спешил, наслаждался открывшимся его глазам виду. Солнце скоро сядет и усеянное облаками небо зальет желтым и красным. Будет красиво.

Будет еще лучше, если запланированное удастся...

Спустя пару минут Маркус проскользнул в родной дом и плотно прикрыл за собой дверь. Робот-уборщик недовольно вжикнул, атакуя щёткой его ботинки.

— Отстань, — фыркнул он, отдернув ногу, и не разувшись прошёл внутрь. Как и ожидалось, мелкая машинка не справилась с уборкой за отведенное время. А значит, придется терпеть её шуршание ещё пару часов.

— Дэйла! — Позвал он и не получив ответа, направился в спальню. Отметил чистую постель и пол, очищенные ровно до пояса занавески и шторы, слой пыли на подоконнике и грязные стекла.

Нахмурившись, заглянул в соседнюю комнату. Раньше он её делил с Ферди, ещё позже

отдал брату в единоличное пользование. Сейчас же она продолжала пустовать. Судя по ровному слою пыли на полу, его спутница сюда даже не заходила.

Не было её и в его собственной комнате.

— Дэл?

Она нашлась в детской. Спала с мягкой игрушкой в руках, скрутившись калачиком на посеревшей от времени постели Теодора. Словно ребенок... Маркус осторожно ступил к ней и присел рядом на кровать. Нежно провел пальцами по её щеке. Привычно очертил чёрный завиток татуировки над ее ухом. Женщина продолжала спать. Искусственный глаз немигающе смотрел в сторону двери и никак не реагировал.

Склонившись, прикоснулся к ее губам своими и поймал ее вздох. Отстранился, ловя ее настороженный взгляд.

— Старуха права, вчера я не должен был так себя вести. — Признался он, стоило ей отстраниться.

— Не стоит, Маркус, это уже произошло, — остановила она его. — Что бы ты сейчас не сказал, это уже лишнее.

Он нежно провел по её щеке ладонью, а потом отвернулся.

— Наверное, — взгляд скользнул по пыльным полкам, посеревшим игрушкам, пятну свята, тянущемуся от окна. Время успело стереть из комнаты все краски. Выбелить, выжелтить и даже развести вездесущую грязь. Взгляд выхватывал чёрные пятна грибка, синезеленые разводы плесени, следы грызунов и гроздьа запыленных мух в старой обветшалой паутине...

— Даже пауки отсюда ушли.

— Потому что нет человека, — ничуть не удивилась смене разговора, Дэйла. — Когда ты был здесь в последний раз?

— Не помню, лет семь назад, а может и все десять, — пожал он плечами.

А может он вообще здесь небыл после тех событий? Маркус не мог вспомнить.

— Я смотрела ваши фотоальбомы. У тебя была красивая семья... большая, — она задумчиво уставилась на игрушку, которую все ещё держала в руках. — Совсем как моя. Просто оторопь берет, во что империя может превратить человеческую жизнь.

— Скоро это закончится, — перевел он на нее взгляд. — Я уничтожу Фердинанда, Абэ и каждого, кто окажется с ними заодно...

— А если будет мешать дэ Руж? — Дэйла смотрела на него выжидающе.

— Если будет мешать... — прошептал он. — Дэл... извини. Я не осознавал вчера, что делаю. Я был не в себе. Я хотел с ней поговорить, я не был готов что ты просто наставишь на нее пушку.

Дэйла не ответила. Положила игрушку в угол кровати, где и взяла её ранее, а потом просто перевела разговор.

— Ты узнал то, за чем шел?

— Да... — Маркус нырнул в карман пиджака и вытащил свой миниатюрный планшет. Раскрыл на нем карту города и уверенно показал Дэйле нужные координаты. — Подготовка идёт полным ходом, я бы даже сказал, в спешке.

Женщина внимательно рассматривала указанный участок карты, отмечала странное построение домов, радикальный тип улиц, тупики, скверы, подземные переходы.

— Они выбрали крайне неудобное место для нас, — подытожила она. — Дорога легко перекрывается на каждом её участке. Отступать будет трудно.

— Если не знать нюансов, — возразил Маркус. — Леополис это не просто город на скале. Внешняя архитектура лишь вершина айсберга. У нас есть канализация, телекоммуникации, энергетические сообщения и даже вся конструкция телепорта. Все это находится под городом. А ведь есть ещё продуктовые склады, технические комплексы, холодильные установки внутри скал. Второй и третий ярусы города что поясом охватывают эту скалу...

— А если просто дистанционно взорвать все к чертовой матери? Вместе с магазином, их генно модифицированными тварями, установками, капсулами, мастерами... с твоим братом? Нам ведь тогда не придется никуда бежать. Мы и так будем в безопасности.

— Мы не успеем достать взрывчатку, — возразил Маркус. Дэйла неожиданно рассмеялась.

— Брось, Маркус, у тебя в доступе целая долгожительница. Уверена, в ее голове рецепт какой-нибудь взрывоопасной смеси найдется, — на полном серьезе сказала она. — А если не найдется, всегда успеем внушить ей каверзное дельце и вложить в руки оружие. Она ведь прекрасно поддается внушению, да и с Фердинандом дружит, разве нет?

Мужчина молчал, думал. Смотрел на нее, а потом просто склонился к ней и поцеловал.

— Как скажешь... — прошептал он ей в губы, — отдохнем?

И это его "отдохнем" оказалось полным первобытного желания и неистовства... Маркус боролся сам с собой, боролся в ней, приводя к общему пику. Ставя точку в принятом решении... Дэйла не спорила. Ей нравился такой Маркус.

* * *

Входной звонок разрезал вечернюю тишину. Глава Фён Вагнер, не глядя нажал кнопку приема вызова и вздрогнул от неожиданности, когда посреди его кабинета развернулась голографическое изображение в человеческий рост.

— Нана? — удивился он, пораженно рассматривая полупрозрачную девушку. Она сидела на стуле, словно ученица, на первом уроке. Руки сложены на коленях, подбородок высоко поднят. Взгляд прямой и застывший на одной точке. Вот только она была слишком взрослой для ученицы. Рыжие кудри уложены, лицо припудрено и нарумянено. Каштановые ресницы теперь тяжелила тушь, а губы блестели от помады. Лёгкое платье, оторочено полупрозрачными кружевами, подчеркивало каждый изгиб ее уже давно не детской фигуры. Это действительно была его дочь. Сильно повзрослевшая, очень изменившаяся, и абсолютно недвижимая, как кукла.

Это было неестественно. Фён не на шутку разволновался, подошел ближе и нагнулся, рассматривая ее.

— Дочь... что с тобой? — позвал он ее, и невольно отшатнулся, когда на ее плечи легли мужские ладони. А следом, голографическое изображение расширилось, демонстрируя еще одного участника вечернего звонка.

Фён Вагнер пораженно выдохнул и выпрямился, разглядывая собеседника. Это лицо, и этот хитрый прищур глаз, совсем как у Маркуса Биби. Перед ним был не кто иной, как сам Фердинанд первый. Смотрел мужчина прямо, с вызовом и превосходством.

— Добрый вечер, — поздоровался он и его ладони демонстративно скользнули по плечам Наны, к ее шее. — Надо признать, у вас очень красивая дочь. Само совершенство.

Нана продолжала молчать и просто смотреть перед собой, словно и не видела этой видеосвязи и не слышала голоса рядом с собой, не ощущала прикосновений.

— Что вы сделали с ней? — Фён едва сдержал взволнованные интонации. Он бы с

радостью оттолкнул этого человека от Наны. Увы, бороться с голограммой было глупо и безрезультатно. От того только и оставалось, что в бессилии сжимать кулаки.

— О, ничего серьёзного... — Улыбнулся Фердинанд и огладил кончиками пальцев ее скулы. — Нана заступила на должность моего личного секретаря, — поделился событием он.

Почувствовав резкую слабость, Фён пошатнулся.

— Вы стёрли её разум? — сокрушенно выдохнул он, не в силах оторвать от развернувшейся картины взгляда и шаря рукой в поисках опоры.

— Ненадолго, — не стал скрывать мужчина. Он не отводил взгляда и явно наслаждался достигнутым эффектом. Глава, наконец нашарил рукой стул и, не глядя опустил на него. Растянул ворот рубашки которая начала душиТЬ.

— Вынужденная мера, — тем временем продолжал Фердинанд. Кончики его пальцев очертили мочки ушей девушки, а потом огладили волосы. — Сейчас она в процессе подключения, потому попросту не видит и не слышит нас. Но когда начнётся процесс синхронизации, станет намного веселее. — Он криво усмехнулся. — Девушки в это время такие интересные. Две недели полного отсутствия разума в их хрупком сознании. Абсолютное послушание, свобода от морали и принципов.

Фён растерянно смотрел на обездвиженную дочь. Слова звонившего можно было трактовать по разному. Но то как этот мужчина прикасался к ней, не оставляло никакого выбора. Его маленькая Нана стала игрушкой в руках модифицированного и не сможет ни воспротивиться, ни рассказать об этом. А потом ей придется жить с этим.

Маока спятит, если узнает о произошедшем...

— А потом они вспоминают себя, — все не унимался Фердинанд, не отрывая взгляда от Вагнера, — но с новой моделью отношения к миру расстаться уже не могут. Ведь в их доступе власть, бесконечная память, нечеловеческие аналитические способности. А потом они снова становятся скучными обычными женщинами. И в этом тоже своя прелесть.

— Зачем этот фарс? — Фён смотрел на этого человека и понимал, что готов убить его за каждое произнесенное слово. И хуже всего было то, что он не мог это сделать. — Растоптать меня, показать власть? Свою подлость? Вседозволенность?

— Осторожно, — сощурился Ферди, оттаскивая Нану за волосы. Она послушно выгнула шею и едва слышно выдохнула. — Я ведь могу и обидеться.

— Вряд ли вам это нужно, — процедил Фён, он был бессилён сейчас.

— Вы проницательны, — мужчина самодовольная улыбнулся. Нана исчезла, оставив их в относительном одиночестве.

Выудив из кармана инфо-кристалл, молодой император вставил его в считыватель и исчез. Вместо него в кабинете Фёна Вагнера развернулась странное беззвучное видео. Больничная палата, ладони Наны внизу экрана, упершиеся в умывальник, а потом и ее отображение в зеркале. Дочь была усталой и подавленной. Умыла лицо и долго смотрела на саму себя, как любила это делать много раз до того, как сбежала из клана.

— Этим утром мне в руки попали интересные записи, — комментировал Фердинанд видео. — Память вашей дочери, Наны Вагнер. Здесь есть все, что видела, что слышала, о чем думала и что чувствовала.

Фён нахмурился, осознавая сказанное. В это время в кадре появилась Айша. Завязалась драка, а потом кадр затопило белым цветом.

— Это простынь, Нане как раз вводят укол. Самое интересное позже... Сейчас пойдут

воспоминания...

Кабинет Вагнера неожиданно заполнили звуки сердца, шум госпиталя, всхлипы. Бессвязные фразы. Странная смесь кадров, сменяющихся один за другим, цветы, люди, машины, бесконечный лес и небо, огромный город... покуда кадр полностью не заполнило изображение распластанного на земле парня, с сочащейся раной в центре его лба.

Кадр остановился.

— Знакомьтесь, Тарис Лаен, ГМО. Возможно мой давно утерянный брат, — не удержался от комментария Фердинанд. — Нана спасла его. Как я понял именно этот эпизод ее жизни стал причиной нападения Айши. Примечательным в этой ситуации является то, что когда Нана получила свой смертельный укол, она цеплялась за жизнь вспоминая именно его, ГМО Тариса Лаена. Он стал примером для подражания. Не находите в этом некую иронию?

Фён молчал и хмурился.

— Она ни разу не пожалела, что спасла его. — Продолжал давить Фердинанд. — Она даже не возненавидела Айшу. В её чудной милой головке в тот момент только одна мысль, идти вперёд и быть достойной имени Вагнер... Это восхищает. Вы хорошо воспитали её.

— Её считал Абэ? — тихо спросил глава клана.

— У меня на службе много скрытых менталистов. Но да, в её случае работу сделал именно Нандин Абэ. — Подтвердил его догадку властитель Сакской империи. — Могу поделиться... Записями.

— И вы так просто отдадите их мне? — Вагнер не удержал скепсиса.

— Просто? Нет... Просто так, вы даже копий не получите, — мужчина на том конце провода явно издевался. Кадры на экране давно сменились другими и теперь Нана обедала за одним столом с Маркусом Биби. — Этот обед, произошёл вчера. Нана так переживала, что совсем ничего не ела. Ее шантажировали... Кстати, вы знали, что Маркус тоже мой давно утерянный брат?

Фён нервно рассмеялся, поражаясь собственной реакции. Ему было плохо от услышанного, и больно от того что он может еще узнать.

— Чего вы хотите... В обмен на мою дочь?

— В обмен на записи, — поправил его Фердинанд. — Хотите вы этого или нет, но ваша дочь останется со мной...

Вагнер тяжело выдохнул и кивнул, соглашаясь. Полупрозрачная голограмма императора снова стояла перед ним.

— Хочу ваши воспоминания, — говорил он. — Каждую вашу мысль о Маркусе Биби, не более и не менее... Второе мое требование, если Тарис Лаен придёт к вам, я должен узнать об этом первым. Даю вам время подумать над предложением до утра.

Связь оборвалась короткими гудками.

Голографическое изображение исчезло. Глава клана Вагнер ещё некоторое время смотрел перед собой, а потом, судорожно вздохнул и сжал голову ладонями. Согнулся на своем шатком стуле. Звонок перевернул в нем все с ног на голову. Фёну не нужно было ждать до утра. Он и так был готов сейчас на многое, следуя запоздало вспыхнувшим отцовским чувствам. Сейчас он мог сотворить всякое, даже подпустить к себе Абэ, сдать ему Маркуса, а в придачу и каждого члена своего клана...

Воспоминания Наны, на жизнь целого клана — бессердечный и не равноценный обмен...

Понимание этого было подобно грому среди ясного неба.

Фердинанду надо было отдать должное, он предоставил ему время прийти в себя и подумать спокойно.

Перед глазами вновь была его девочка, Нана. Такая взрослая и упертая, бесконечно самоуверенная... Куда же привела эта ее упертость? В руки страшных и беспринципных людей, по другую сторону ценностей, которые он лично пытался вложить в нее.

Это было больно. И чтобы Фён Вагнер не решил, он все равно не сможет больше взглянуть Маоке в глаза. Её убьёт произошедшее с Наной, ее убьет любое из его решений. И чтобы ее сохранить придётся врать ей. А ложь порождает ещё больше лжи... Ложь Айши о смерти, ложь клану о переработке их девочки, соглашение с префектом, которого он не имел права делать. Теперь ещё и звонок Фердинанда, о котором он будет обязан рассказать префекту дэ Руж. Сколько еще лжи он готов сотворить, чтобы только его дочь жила?

Перед глазами снова стояла она... Ее бесчувственный взгляд и абсолютно спокойное выражение лица, когда Фердинанд прикасался к ней. Просто оболочка, кукла... и память отдельно от нее, в инфо-кристалле...

Лучше бы Нана погибла тогда, как и сказала Айша.

Собственная мысль пронзила болью. Проросла из самого центра груди, сжала сердце, оплела кости и скрутила каждую мышцу. Вывернула на изнанку все ощущения и стерла все звуки в корень. Попытался встать и просто упал наземь, судорожно хватаясь за сердце и хрипя, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть...

Последний разговор по телефону раз за разом всплывал в сознании, иронично напоминая ему о том, что он обычный продажный человек, уничтоживший все, к чему прикасался в этой жизни.

Его легкие в последний раз судорожно сжались, а чернота, словно ластик, стерла мысль за мыслью, окутывая сознание бесконечной и беззвучной пустотой.

Фердинанд отключил связь и бросил трубку на стол. Ему не нравилось ставить ультиматумы. Но имея на руке такой козырь как Нана Вагнер, трудно было удержаться, чтобы не воспользоваться. И хоть вечно упертый Вагнер не дал ответа, Фердинанд уже знал наперёд, что этот человек согласится. И все ради призрачной надежды вернуть в семью хоть часть потерянного ребенка.

Он смотрел на телефонный аппарат ещё некоторое время, потом обернулся. Нана продолжала сидеть неподвижно на стуле, в центре его кабинета.

Абэ застыл у двери и хмурился. Он зашёл в самом конце разговора, и теперь обдумывал услышанное.

— Вы дали ему слишком много времени. Почём зря, — прокомментировал он.

Фердинанд не обиделся. Он привык к напутствиям Абэ, и давно не обращал на них внимание.

— Я хочу обдуманного содействия, а не поспешных решений. К тому же я хочу, хоть и вынужденного, но союзника а не врага. В любом случае, ты распознаешь любую ложь.

— Вряд ли растоптанный морально человек будет сотрудничать из благих намерений, — не согласился Нандин, проходя к столу и бросая на него несколько папок. В его понимании, Фердинанд все ещё был полон юношеского максимализма. Честь, вынужденные союзники, враги... На самом деле все это — мишура, отвлекающая от главного. Когда же он поймет что есть только люди. И каждый человек играет

исключительно по своим правилам, пока не попадает в жернова. — Дожми вы его сейчас, я мог бы уже заняться делом, и с чувством выполненного долга уйти спать...

— Не проблема. Просто сделаешь все наоборот, завтра с утра, — не поддался бывший воспитанник и устало размял шею. — Ты по делу, или просто так?

— По делу, — не стал юлить Абэ и, вытащив из верхней папки отчет, передал его Фердинанду. — Подключение Наны Вагнер к базе данных прошло без эксцессов. Придёт в сознание через час.

— Так быстро? — удивился Фердинанд, рассматривая врученную ему бумажку, а потом перевел взгляд на девушку.

— Хорошая генетическая база. Её тело не типично реагирует на постоянный и переменный ток. Правда плюс это, или минус ещё не понятно. Через час поймём. А там и обследуем более детально. Такебира уже оповестил.

Император кивнул.

— Насчёт магазина, — продолжал Абэ, — помещение в наличии. Мастер есть. Человек для продажи выбран из уже зарегистрированных. Согласие есть.

— То есть вы выдернули человека из его среды и поставили перед фактом? — возмутился Фердинанд. Его реакция откровенно развеселила Нандина Абэ:

— А разве с Наной Вагнер мы сделали иначе? — усмехнулся он. — Мой Император, поздно изображать благородство.

Фердинанд не добро на него посмотрел:

— Это не одно и то же.

— Несомненно, у вас есть весомое объяснение почему два этих эпизода отличны между собой. — Сыронизировал он, глядя Фёрди в глаза. — Может, вы спросили Вагнер хочет ли она стать бесчувственной машиной, прежде чем перепрошить ей мозг? Лично я не спрашивал. Просто взял её под ментальный контроль и привел на операцию. Это удобно. Вито будет в полном сознании, когда им будут пользоваться по назначению и без... В отличии от нее, — Абэ кивнул в сторону застывшей Вагнер. — Не находите в этом некую несправедливость по отношению к девочке?

Фердинанд и сам перевел взгляд на Вагнер. Нандин, в свою очередь, продолжал говорить, привычно напутствуя:

— Вы стоите на вершине и не вам обелять свои действия. Империи нужен оператор, а вам — игрушка. Ни один из ваших секретарей не был предупрежден об второй стороне работы. Это исключительно ваше решение. Не ее, и ни кого-либо другого. В отличии от Вагнер, Вито Лаену не блокируют личность. Ему уже озвучили все возможные варианты развития событий, и он осознано принял решение, — продолжал Абэ. — А вы озвучили перспективы своему будущему секретарю?

Фердинанд недобро на него посмотрел, а потом потянулся за своим портсигаром. Нервно вытащил сигарету и схватил со стола зажигалку.

— Бросайте курить, мой император. Никотин убивает, если вы не в курсе.

— Уйди. Ее тоже уברי отсюда, — процедил Фердинанд и закурил. Даже не велел заткнуться, хотя мог. Абэ недовольно сверлил взглядом его спину, а потом перевел взгляд на продолжающую сидеть на стуле девчонку.

— Номер Сорок. — обратился он, — встань и выйди за дверь.

И девушка словно робот молча поднялась и покинула кабинет.

— Перестаньте наконец впадать в ребячество. Это у вас, а не у меня, под каблуком

миллионы жизней. Если надо заставить, значит заставьте и никогда не сомневайтесь в своем решении, — тихо вымолвил он. — И прочтите последнюю папку. Там объяснительная мастера Ирраила. Истинные причины создания Вито...

Дверь за Абэ закрылась. А Фердинанд в который раз затынулся и оглянулся на стол.

Зажав сигарету зубами, потащил папку и нашел объяснительную.

Это было даже смешно. Маркус не заказывал Вито... Он даже о нем не знал. Их всех как щенят, обыграл старик.

Объяснительная пестрела разным. Описания запрещенного оружия, количества людей, места положения базы, все свидетельствовало о причастности к этому Клэр дэ Руж. Это не могло произойти без ее согласия. Ведь больше некому...

Получается старуха знала, что его старший брат жив... и молчала. Это был удар в спину. И это не должно остаться безнаказанным.

Схватив телефон. Начал уже набирать номер Нандина и пораженный собственными действиями, застыл. А мог ли он хоть что-то сделать без своего ручного Нандина?

И неожиданно осознал, что — нет...

Похоже, он и сам был чьим-то инструментом... или придатком.

Придатком к Абэ.

Иногда важнее остаться человеком, чем следовать правилам.

Иногда, чтобы следовать правилам, даже милосердие принимает изощренный вид.

— Что сдаете? — спросила работник приемного пункта Леополиского бюро протезирования. Был поздний вечер, базы данных только заработали, и сервера перестали виснуть. Собиравшаяся за день очередь наконец сдвинулась с места.

— Протезы правой кисти, составные, роботизированные, хирургические профессиональные, две штуки, — деловито начал Берг Лаен, выкладывая на стойку искусственные части тел. — Протезы левой кисти, хирургический инструментальный набор три, набор два, — левые кисти легли рядом с правыми.

Девушка деловито отсканировала с них штрих коды. База данных тут же подтянула данные последних обладателей. Рядом с каждым значилось время смерти.

— В наборе были предплечья, — она выжидающе уставилась на Берга.

— На подзарядке, в них генетические образцы, — невозмутимо пояснил он. — Семь штук.

— Генетические образцы? — Она растерянно уставилась на него, а потом перевела взгляд на протезы, выложенные на стол. Только теперь заметила на искусственной коже следы крови и пошатнулась.

— Заявки в количестве семь штук. — Берг Лаен подсунул девчонке семь заполненных бланков, и она растерянно взяла их в руки, вчитываясь в имена.

Берг тем временем продолжил вытаскивать из рюкзака изъятые у погибших протезы.

— Глаз, искусственный, хирургическая профессиональная модель. Связное устройство, внутричерепное, служебное профессиональное. Контролер жизненных процессов — одна штука.

Наведя сканер на мелкую пластинку контроллера, девушка тихо охнула и посмотрела на мужчину.

— Здесь какая-то ошибка, написано, что он числится за адъютантом Мартой Лэйн...

— Числился, — поправил ее Берг Лаен.

Его слова окунули приемную в звенящую тишину.

— Берг, сколько еще? — Юл Кович вынырнул из двери. — Нас ждут в управлении. Девушка, жальтесь, мы пару суток на ногах. Словно сквозь пекло прошли...

— Шесть минут, — глухо буркнула она, забивая информацию в базу данных. Потом выставила на инфостойку переносной крио-бокс и привычно его раскрыла. — Изымаю образцы. Предоставьте ткани в порядке изъятия, пожалуйста.

Берг снял с подзарядки одно из искусственных предплечий и обнажил его внутренности. В стеклянных колбах были образцы различных тканей.

— Виктор Лаен, костный мозг, волосы... — начал он, передавая подписанные пробирки девушке. Она важно сканировала их и отправляла в криобокс. На последнюю девушка уставилась с недоумением.

— Это палец?

— Мизинец, — невозмутимо выдал Берг.

— Нетипичный образец, — пробурчала девушка. — Мне надо создать новую позицию в

базе...

Несмотря на это, она действительно успела уложиться в шесть минут.

Выйдя на улицу, мужчины переглянулись. Но больше не сказали друг другу ни слова о произошедшем.

На другом конце улицы в служебной машине их ждали Кирк и еще двое гемовцев.

— А теперь в отделение полиции, — тихо выдал он, — нас встретит Мидлтон.

* * *

«

— Почему ты бессмертна? — ему действительно было интересно. Свою длинную жизнь Абэ выбил силой и упорством, кровавым развлечением для масс. Но что могла дать обществу нежная и мелкая девчонка? В тот день, когда они впервые встретились, ей было от силы пятнадцать. И уже тогда она шла вслед за Филом, поработанная его мыслью.

Сейчас же, спустя годы Клэр казалась диковинной розой. Дорогим вином, которое стоит пить осторожно и мелкими порциями. Пальцы скользнули вдоль ее подбородка, очертили пульсирующую жилку на шее, чтобы в следующий миг уступить место его жадным губам.

Девушка шумно выдохнула и с наслаждением выгнулась. Вопрос ее позабавил. Но отвечать честно она не собиралась. И Абэ знал это.

— Потому что я золотая девочка, Нан, — ответила она, поглаживая ладонями его шею и плечи, заглядывая в глаза. — Считай, что долгожительство я получила на блюдечке как подарок от родителей. А ты? За что тебе подарили бессмертие? — тихо поинтересовалась девушка и блаженно прикрыла глаза, когда он коснулся ладонью ее мягкой груди... В ночных сумерках его пальцы резко контрастировали с ее кожей. Нандин наслаждался этим зрелищем.

Вопрос отвлек.

В памяти Абэ пронесся тот решающий марафон. Забег на длинную дистанцию, в которой победить мог только один. Кажется, он кричал, переступив через тело последнего противника. Правда, не столько от радости, сколько от ощущения смерти, которым поделился тот человек... Телепатия порой играла злые шутки, то дарила чужой экстаз, то заставляла пережить не свою гибель... И в том, и в другом ощущении было свое наслаждение. Но сейчас момент, чтобы делиться такими воспоминаниями, был неподходящий.

— За спортивные достижения, — коротко ответил Абэ, не углубляясь в ненужные подробности. Романтика, она такая. Всем хочется стать хоть на миг проще и лучше. Ведь "золотая девочка" Клэр тоже не была святой. Бессмертия в подарок не бывает...

Девушка тихо простонала, когда его губы коснулись ложбинки между ее грудей... Крепче обняла его руками, зарывшись пальцами в волосы.

— Нан... А в тот день, когда мы познакомились... — Мысли закончили вопрос за нее. Память Абэ тут же откликнулась ненужными воспоминаниями об их первом знакомстве, сбивая возбуждение. Продолжать расхотелось. Он откатился в сторону и заложил руки за голову. Как он помнил, в тот день Клэр заправски опустошала обойму автомата, выбивая мозговую ткань врага на песчаный грунт. Это было отвратительно.

— Не скажу... — процедил Нандин под ее озадаченным взглядом. — И о том, что ты подумала сейчас, тоже не скажу. Остальным можешь потешить свое золоченое эго.

Возмущенно фыркнув, девушка закуталась в тонкое покрывало и села.

— Ну ты и засранец, Абэ. Знала бы, что ты...

— Не дала бы мне? — Он криво усмехнулся. — Скажи это в голос, Клэр...

Она скептически на него посмотрела и тяжело вздохнула, опуская ноги на пол.

— Может, перестанешь лезть в мою голову без спроса? А то мне даже об измене тебе с Филом подумать стыдно. Никакого личного пространства...

Абэ громко рассмеялся, потирая лицо руками. Порой Клэр молола откровенную чепуху, умело скрывая за ней совсем иные мысли...

— Если бы он хотел, давно бы тебя поимел, Клэр... и никто, ни я, ни ты... ни кто-либо другой ничего не смог бы поделаться...

— Верность до седьмого колена, да, Нандин? Я уважаю Фила, но мне откровенно страшно при мысли о том, каким окажется это самое колено».

Глупое воспоминание лезло в голову. Так, словно, могло повлиять на его решения.

Время близилось к полуночи.

Абэ хмуро листал утренний отчет Мидлтона и, вместо того чтобы вникнуть в то, что происходило здесь и сейчас, в который раз прокручивал в голове подростковые приключения.

Клэр никогда не был святой. Он знал это так же хорошо, как и то, что Фил дробил чужие кости одной левой пяткой.

Увы, золотая девочка, как она любила называть себя еще лет двести назад, облажалась. В который раз. Вот только судить её будет не весельчак Фил и не безумец Сатоир. Судить её будет Фердинанд... а он не прощает ни обид, ни предательства.

И то, что вчера он велел не трогать Клэр, не означало, что он не велит заняться ей сейчас, ночью. И, увы, Абэ отчётливо понимал, что в этот раз Клэр дэ Руж рукой не отделается. Прикрывать её дальше просто невозможно, она с лёгкостью утянет его за собой.

Не прекращая листать отчёт, Нандин Абэ вызвал полковника Мидлтона по видеосвязи. Вскоре голографическое изображение развернулось посреди его кабинета.

Закрыв отчёт, начальник имперского бюро внутренней безопасности наконец поднял взгляд на озадаченного подчиненного. Оценил его потрепанный вид и глубокие тени под глазами.

— Доброй ночи, полковник Мидлтон. Я вас внимательно слушаю...

Мужчина помялся, бросил на Абэ тревожный взгляд, а потом начал говорить. Дополняя отчет интересными нюансами. Абэ удовлетворительно кивал, четко улавливая те моменты, которые не попали на бумагу и не были закачаны в базу данных. Полковник действовал предельно четко, как того и желал Нандин. Бытовые роботы-уборщики, закрепленные за домом де Руж, были перенастроены и теперь передавали видеoinформацию прямо в штаб Мидлтона, где видеофайлы вдумчиво анализировались. Из них же выделялось самое интересное и передавалось на обработку в имперское бюро внутренней безопасности. И надо сказать, разница между сведениями, переданными в бюро, и теми, что попали к Абэ на стол, была ощутимой.

Пока Нандин обдумывал, стоит ли посвящать Фердинанда, Мидлтон продолжал говорить, описывая то, что в отчёт не попало. Как оказалось, прошлой ночью, сразу после убийства Алека Швецов, в доме дэ Руж состоялась интересная встреча. Нандин слушал с интересом. Несомненно, его все ещё страдающий ребячеством император тоже был бы не против узнать, о чем шла речь. А потом велел бы Клэр казнить в порыве бешенства... а

потом допросить... Потом бы оторвался на нем, Нандин Абэ, за невозможность опросить труп...

— По предварительным данным, мужчина является Маркусом Соболевски, — продолжал полковник. — Личность женщины в базах не значится. Установлена техническая слежка.

Абэ удовлетворенно кивнул и снова мазнул взглядом по страницам отчета:

— Свон?

Полковник замаялся, даже качнулся на пятках, подбирая нужные слова. Мидлтону явно тешило то, что сейчас Абэ не мог его читать. Впрочем, Нандина это вполне устраивало. Подчиненный не мог ему лгать. Установка у него была такая.

— Местоположение неизвестно. Сегодня с одиннадцати утра до четырёх дня провел в гостиничном номере мастера Ирраиля. Причину визита установить не удалось. Похоже, старик снял все камеры в номере. Полпятого Кэйт Свон связался со мной через местный телеграф и предложил встречу. Предлагал информацию... Встреча не состоялась. Слежка провалилась. Ищем его.

Абэ хмурился. Идеи насчёт исчезновения Свона были, но неинтересные.

— Группа Кирка вернулась?

— Если так можно сказать. Только трое. Кирк, Юл Кович и Берг Лаен. Остальные доставлены образцами.

Нандин задумчиво постучал ручкой по столу. Марта Лэйн была долгожителем, по последним данным, скрытым менталистом. Вряд ли она могла так просто умереть.

— Генетические образцы сдали в банк?

— В процессе.

— Это все? — Абэ продолжал сверлить его взглядом.

— Больше ничего не нашли, — Мидлтон мельком взглянул на часы и тяжело вздохнул.

— Плохо, — помрачнел Нандин, а потом подтянул к себе клавиатуру компьютера. — Я передал префекту дэ Руж одну вещьцу на сохранение, имплант. Найдите его. Характеристики отошлю вам лично... — он снова взглянул на подчинённого и слабо улыбнулся. — А сейчас отдыхайте, Мидлтон. Утром вы мне нужны в полной боевой готовности.

Голографическое изображение мигнуло и погасло. Видеосвязь прервалась. Спрятав отчет в стол, Нандин откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза, раздумывая над сложившейся ситуацией.

Имперское бюро службы безопасности официально занимало два этажа дворца. Неофициально служба безопасности тянула свои щупальца в каждый город, в каждое отделение полиции, в каждое предприятие и даже в самую плешивую газетенку. Тайная разведка была вездесущей, работала круглосуточно семь дней в неделю, без выходных и часто без отпуска. Данные поступали в нижние звенья ведомства, сортировались, обрабатывались и лишь потом попадали к Фердинанду на стол.

Его воспитанник редко искал информацию сам. И то, что он нашёл Маркуса, стало удивительной случайностью.

Либо дело в ином, и выход на данные ему дали специально.

Действовать по своей воле тридцать девятая не могла, а значит, виной мог быть стоящий за ней кластер, его сознательная часть.

Что ж, насколько заинтересован кластер, можно будет считать с оператора баз данных.

Неужели он зря девчонку из клана Вагнер в это дело вытянул?

Секундное самодовольство провернутым делом закончилось вызовом Фердинанда.

— Ты говорил с Мидлтоном, — констатировал его бывший воспитанник. — У меня чудесные впечатления.

Абэ невольно скользнул взглядом по кабинету. Видеонаблюдение или прослушка?

— Впечатлен, мой император. Что вы сделали?

— Утром сам расскажешь. Считай это внеплановым развлечением. Спокойной ночи, Нан.

Абэ ещё некоторое время смотрел на трубку, а потом хмыкнул. Развлечение обещало отнять пару часов. А утром ещё отчитаться придётся. Хуже всего то, что Нандин действительно не знал, что Фердинанд успел услышать. Более того, как давно?

* * *

— Долгожители и их песочницы... — пробормотал Фердинанд. Голографический экран, развернувшийся посреди его кабинета, демонстрировал занимательную картину. Абэ разбирал трубку своего телефона. Ничего не найдя, он начал обыскивать рабочий стол. Действовал не торопясь, проверяя каждый миллиметр.

Хмыкнув, мужчина откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу. Коммутатор на его запястье щелкнул.

— Мой император, связь с мастером Ирраилем, код два три три семь, Леополис, установлена. Создать запись звонка?

— Не нужно, — усмехнулся Фердинанд. Кабинет Нандина растворился, уступая место совсем другому изображению.

— Ваше величество? — удивленно прошептал старик Ирраиль. Его лицо растянулось на полкомнаты. Изображение было нечетким, слегка зернистым. Но Фердинанта вполне устраивало. Зажав сигарету в зубах, он с интересом изучал усталое лицо мастера.

Старик был морщинист и худ. Седые волосы гнездом топорщились на голове, словно в жизни не были чесаны. И на фоне всей этой невыразительности бледно-зеленые глаза, отчего-то с длинным, как у кошки, зрачком и цепким, отнюдь не старческим взглядом.

— Меня интересует Маркус Биби... — четко обозначил свой вопрос император. На лбу старика отчетливо проступила испарина.

— Мужчина, лет сорока... Появился в Ио несколько месяцев назад, — не стал увиливать Ирраиль. — Предложил хорошие деньги за имплантацию. Предоставил имплант старой комплектации, а также генетический материал. Я вырастил тело с нуля и провел имплантацию. Две недели назад девушка была зарегистрирована как Вито Лаен. А в прошлую среду ее убили в Леополиском фуникулере...

Фердинанд нахмурился и подтянул к себе объяснительную Ирраиля, которую предоставил Абэ. Кто убил женщину в фуникулере, для него не было секретом, как и то, куда делся импант. Конечно, старик не мог этого знать. Смущало имя.

— Мастер Ирраиль... вы все свои работы называете одинаково? Может, вы их нумеруете, ли обозначаете еще как-то? — поинтересовался он. Ведь последнего паренька звали абсолютно так же. Это было странно, как ни посмотри.

— Это имя я даю временным жителям Сакской империи, ваше величество, — ничуть не смутился старый мастер. — Согласно этическим нормам, пешкам мастера не придумывают имена. По количеству одинаково названных людей можно проследить, сколько раз мастер делал грязную работу. Это правило есть в профессиональном кодексе и закреплено в

инструкциях...

— Весело, однако, — Фердинанд нахмурился, рассматривая старика. — То есть, создавая своих Вито, вы наперед знаете, что они погибнут?

— Не погибнут. Уйдут в переработку, — Ирраиль поправил его, даже не задумавшись. При этом в голосе проскользнуло неподдельное сожаление. — Моя Вито носила в голове страшное ментальное оружие. Я не мог позволить ей ходить по империи слишком долго. Поэтому сделал ее рискованной и глуповатой... Этого было достаточно, чтобы она наделала ошибок там, где более умный менталист сразу нашёл бы верное решение.

Император тихо рассмеялся, слушая его откровения. Ошибки девчонки теперь разгребало не одно ведомство. А кое-кто уже имел все шансы распрощаться с жизнью. Ведь, если бы Вито ни была, как выразился старик, «глуповатой» и «рискованной», все выглядело бы намного иначе.

— А последнего Вито вы создали, увидев в арсенале Биби огнестрельное оружие?

Мастер осторожно кивнул.

— Насколько Вито соответствует оглашенному качеству, мастер Ирраиль? — на полном серьезе спросил он, сверля старика взглядом.

— Не соответствует, — честно признался Ирраиль. — Как бы это сказать... Его изначальная цель иная. Это экспериментальный образец. Просто для поставленной задачи он больше всего подходил по внешним параметрам.

— Я видел заключение Такебира, — перебил император. Сможете переделать Вито под меня? — поинтересовался Фердинанд. Ирраиль насупился.

— Любые индивидуальные пожелания, — тихо сказал он и на миг оглянулся, словно боялся, что его услышат.

Фердинанд догадывался, о чем он подумал. Впрочем, чужие грязные догадки были не его проблемой.

— Хочу, чтобы у Вито пропал голос, — наконец сказал он. — И блок на считывание мыслей. Все, что случится с ним, все, что он узнает, должно остаться при нем.

— Со вторым проблем нет. Мальчик не считывается. Я это гарантирую. А насчет первого... — замялся Ирраиль, нервно потирая руки и думая, как лучше подать. В конце концов, пришел к выводу, что, как ни приукрашивай, все равно звучит дурно. — Голос можно убрать купированием связок... Но не проще ли просто велеть парню молчать? Договором, соглашением?

Фердинанд усмехнулся.

— Мне недостаточно, чтобы он просто молчал, — тихо ответил он, — если я захочу, вы просто вырастите связки заново. Хотя... Это вряд ли...

— Что ж, Вито я заберу завтра днем, магазин откроем позже, с другим товаром, пригласим префектов... И... Ирраиль... Весь товар должен уметь убивать. И быть послушным мне.

— Да, ваше величество, — сглотнув, склонил голову мастер Ирраиль.

Когда связь оборвалась, старик с неким первобытным ужасом уставился в почерневший экран. Он не был готов к такому повороту событий. Но оспорить решение не мог... Разве только... предупредить Биби?

Чего он добьётся таким поступком. Империя всегда была для него воплощением справедливости. Была ли справедливость в желаниях императора — Ирраиль попросту не

знал. Хотел верить, что была, иначе за империю становилось страшно.

Фердинанд остался доволен разговором со стариком. Отключив связь, он ещё немного полюбовался Нандином, обыскивающим собственный кабинет, а потом взглянул на часы.

Время двигалось к полуночи, а это означало, что его ждёт ещё один спектакль: пробуждение Наны Вагнер. А точнее, кластера в её теле. Сама Нана придёт в себя не раньше, чем через две недели.

Пропустить такое зрелище Фердинанд не хотел. А потому вскоре уже был в знакомой комнате, в которой все последние пятнадцать лет происходило одно и то же.

Нана была там, где её и оставил Нандин. Она чинно сидела на кровати и лишь изредка прикрывала веки. Не спала.

Фердинанд присел рядом и задумчиво взглянул на неё.

— Интересно, вспомнишь ли ты тот разговор с твоим отцом? И как сильно будешь ненавидеть меня после? — спросил он, рассматривая её бесстрастное лицо. — Смотри на меня, номер сорок, когда я говорю.

Она медленно повернула лицо и продолжала смотреть сквозь него, напоминая больше искусственную модель, чем живого человека.

Мужчина шумно выдохнул.

— А ведь ненависть лишь подогревает интерес... — Фердинанд осторожно откинул пряди волос ей за плечи и чуть склонился. — Я все жду момента, когда сотру эту надменность с твоего личика...

Взгляд скользнул к часам... Он отметил последние секунды до начала синхронизации. Стрелка наконец перешла рубеж, отбивая полночь. Фердинанд улыбнулся.

— Трам-парам-пам-пам, — прошептал он девушке на ухо. — Поздравляю с началом синхронизации, милая. Страшно? Ты ведь там, но ничего не можешь сделать... — делился он соображениями. — Забыла, где твои руки, ноги, язык... Не можешь вспомнить свое имя... Только номер... И это ничто по сравнению с тем потоком информации, что начинает наполнять твою голову.

Глаза сороковой неожиданно повлажнели. Тяжёлая капля сорвалась с накрашенных ресниц и прочертила дорожку по щеке. Фердинанд проследил ее путь взглядом, очертил пальцем, стирая влагу и оставляя на ее месте красный след.

— Удивляешь, Вагнер... В который раз, — и, не удержавшись, зарылся пальцами в ее волосы. Привычно задел имплант, притягивая девушку к себе. Согрел дыханием ее губы, а потом накрыл своими. Некоторое время ничего не происходило, а потом Нана неожиданно мелко задрожала и приоткрыла рот. Фердинанд шумно выдохнул и крепче притянул её к себе.

Его тяжёлое дыхание и требовательные прикосновения пробуждали её сознание яркими вспышками. Отдалённое понимание происходящего заставляло девичье тело дрожать от страха и неведомых ранее ощущений.

Стон сорвался с губ Наны. А крепкие мужские руки уже стаскивали с плеч лямки платья и забрались под подол... Губы чертили рисунки на шее и ключицах, опаляя горячими прикосновениями.

— Тип задачи неясен, — выдохнула она, резко впиваясь когтями в его плечи и вспарывая кожу. Фердинанд от неожиданности дёрнулся. Плечи пульсировали, а сорочка резко повлажнела.

— Гениально, Вагнер, — он осторожно ощупал собственные плечи сквозь ткань. Девушка тяжело дышала. Щеки покраснелись, губы припухли от его прикосновений и блестели от влаги. Остро заточенные ногти багровели от его крови. Фердинанда передернуло. Её руки со скрюченными пальцами ещё какое-то мгновение были приподняты, а потом она чинно села и сложила ладони на коленях.

— Номер сорок... Женщина, тип аутентификации... аппаратный... — чеканила она с тем самым надменным выражением, которое не покидало ее лицо уже часов пять к ряду.

— Поразительно, ты ещё упоротее тридцать девятой...

— Номер сорок... Ше-е-еф... Время — двенадцать ночи... Вы пропустили массаж воротничковой зоны. — Она чисто механически поднялась и сделала к нему шаг.

— Сидеть! — Фердинанд резко отскочил в сторону и предупреждающе вытянул руку.

Номер сорок застыла, хлопая ресницами, а потом плюхнулась обратно на кровать и чуть склонила голову в сторону. Помявшись, мужчина сел ровно, озадаченно рассматривая ее. Такой реакции раньше не было. Тем более что Вагнер оставалась послушной.

— Номер сорок, а что мы делали до смены тела, помнишь? К примеру, с тридцать девятой? С тридцать восьмой... Есть резервная копия?

— Не путайте временную синхронизацию баз данных со сменой тела, мой император. — Девушка надменно вскинула подбородок. — Доступна резервная копия тридцать восемь... Запускаю... — А потом выдала: — Через два квартала я забуду этот разговор, а сорок первая будет опять устанавливать границы. Это неизбежно.

— Вот паскудство. — Фердинанд её не слушал, снова пытаюсь ощупать плечи.

— Вопрос неясен... Вы устали? Сделать кофе, чай, массаж? — Лицо Наны опять прорезала улыбка, а интонации были идеально скопированы с тридцать восьмой. — Мы можем поиграть, мой император.

Фердинанд невольно усмехнулся и покачал головой.

— Ложись спать, номер сорок. Потом поговорим, когда ты будешь в более адекватном сознании.

* * *

Была полночь. Многочисленное семейство Вагнер отправилось спать, и лишь десяток старейшин заседали в тесном кругу. А точнее, молча взирали на единственный в их селении плазменный экран.

Увы, запись была односторонней, и узнать, что именно делал в это время неожиданно скончавшийся глава клана Вагнер, не предоставлялось возможным.

Несмотря на это, информации в видеозвонке было предостаточно, чтобы судить. Правитель их государства страдал нескончаемым словесный поносом, любил давить на слабые места и порой даже молот чепуху. Фён Вагнер, в свою очередь, отличался трепетным отношением к семье и плевал на свои чувства ради общего блага. Видимо, в этот раз собственные тараканы старины Фёна как раз-таки оказались сильнее и добились главы их клана изнутри.

Ганн Вагнер мерил шагами общий зал. Старейшие члены семей сидели хмурые. Даже новоиспеченная вдова скончавшегося главы клана, Маока Вагнер, не ревела, словно блаженная, а была предельно серьёзна.

Стоило экрану почернеть, как Ганн застыл перед родственниками и глубокомысленно изрек:

— Ну что ж, глубокоуважаемое семейство, — мрачно заметил он, — подарить главе

телефон с функцией видеозаписи было крайне удачным решением. Осталось найти остальные записи. Маока, сестра, может, ты знаешь, где искать?

Вдова вздрогнула и подняла взгляд на брата.

— Фён не менял кристалл, других записей нет, — её сорвавшийся голос звучал резко. — Но... мы знали, что Нана жива. Префект Леополиса дала эту информацию в обмен на сотрудничество... Он должен был делиться с дэ Руж всей касающейся Фердинанда информацией. — Она нервно сжала ладони в кулаки, семейство слушало молча, и это было страшно. Маока не знала, чего ждать. — Возможно... Есть какие-то документы, но я их не видела.

— Крайне странно, если учесть, что мы не ведём разговора с империей, а тем более с Фердинандом, или я чего-то не знаю, — заметил один из старейшин.

— Фён удачно сыграл в ящик, иначе я бы его закопал, заживо, — великодушно заметил главный клановый сапожник и задумчиво начал ковырять в ухе. — Подумать только, скопытиться накануне дня основания клана Вагнер! Да и ещё из-за какого-то драчуна. Голосуем?

— Первый предложил, первый и начинай, — согласился Ганн. — Твоё решение?

— Мне не нравится, что старина Фён действовал за нашей спиной, — покачал головой старик. — Но малышка Нана выборола свою жизнь сама, это видео тому доказательство. И уж точно не имперскому ублюдку решать, кто должен лизать ему яйца. Потому мечь, — решил сапожник, и, как по мановению волшебной палочки, над залом пронеслось одно и то же решение.

— Честь клана Вагнер требует кровавой платы за нанесённый ущерб. Потому мечь, — Ганн озвучил свое решение последним, пристально смотря на Маоку. — Единогласно, сестра.

В его руках опять мелькнул считыватель. Перемотав запись на самое начало, он остановил ее на первом же кадре с лицом императора Сакской империи и недобро усмехнулся:

— Оторвем ему яйца, и этот день войдёт в анналы истории... — с чувством подытожил он.

"Решения, которые мы принимаем, не всегда ведут вперед. Иногда они отбрасывают нас на самое дно общественной системы, иногда консервируют в происходящем как неизменную константу, шестеренку, которая просто исполняет заданную роль. Некоторые решения ставят жирную точку на существовании собственного источника. Этого не изменить.

Фил первый, император Сакской империи

150 год от Перелома

Рекомендуется к изучению "

Тарис Лаен знал, его решение, скорее всего, ни к чему хорошему не приведёт. Пугало ли его это? От того, чувствовал он страх или нет, движение времени не менялось, а проблема не рассасывалась сама по себе. Есть некая точка финиша и финала. Как рождение и смерть. Рождение растения, животного, человека, семьи, государства. Как гибель клетки и антител для человека незначительна, так и для государства незначительна утрата одной ячейки общества.

Тарис для своей державы был никем, лишь фальшивой нотой в глобальном музыкальном произведении под названием «Сакская империя»... атомом на теле Вселенной.

Фальш никому не нужна. Этим все сказано.

Не имело значения даже то, что он был когда-то Теодором Соболевски. Младшим братом Фердинанда и Маркуса Соболевски... сыном женщины, которую оба этих человека называли матерью, но никогда, даже в самых глубоких мыслях, не упоминали ее имени. Так, словно имя могло опорочить их отношение к ней.

Увы, его собственные воспоминания были лишь о той страшной ночи. И лишь в форме обрывочных кошмаров, которые еще позавчера не имели никакого смысла. Теперь же они получили под собой небо, землю, наполнили свои жилы кровью, застонали нечеловеческим голосом.

— Что ты увидел в моей голове? — тихо спросил Райго. Он спрашивал уже не в первый раз, но Лаен упорно молчал. Вот и сейчас он вопрос проигнорировал и просто шел вперед.

Их путь лежал вдоль дороги и был самым цивилизованным из всех возможных. По крайней мере, так думала Нана, когда раз за разом, даже не замечая того, вспоминала о доме. Позади, в паре километров от них, осталась старая станция электроподзарядки. Впереди должен был выситься барьер. В мыслях Наны он всегда рисовался как невидимая линия между империей и их закрытой территорией. Тайный цветущий сад, в который заказан путь каждой металлической твари.

Дорога вильнула, спрятавшись за густыми зарослями дикого леса. В сторону пробежала сороконожка, выгибая длинное стальное тело. Ее острые игольчатые ноги веером очертили невидимую преграду, так, словно она цеплялась ими по стене.

Может, стальная тварь так и думала.

Тарис остановился, рассматривая невидимую границу и просвет перед деревьями. Выхватывая из общей картины яркие солнечные блики на дрожащих листьях, кружащие

пылинки, сметаемые порывами ветра, колышущиеся травы.

— Похоже, мы пришли. Там люди, — пояснил он. — Я улавливаю их мысли. А ты?

Райго нахмурился, поправляя лямки рюкзака.

— Наверное, уловлю чуть позже, — пожал он плечами, он и сам видел странный маневр робота. — Человек человеку рознь, я не каждого могу почувствовать издали.

— Ну да, — Тарис понимающе кивнул. — Маркуса я тоже не мог почувствовать до определенного времени. Когда боится, он теряет контроль.

Иссиа вздрогнул. Пояснения были излишни. Как именно Маркус теряет контроль, Райго вспомнил детально после допроса Тариса прошлым днем.

— Он может сам закрывать мысли? Я думал, у него какой-то блокиратор на считывание.

— Я тоже так думал. — Тарис продолжал рассматривать просвет, пытаясь уловить движение. Опять засада? Не хотелось бы снова почувствовать на себе те ружья и пули. — Но знаешь, когда я прыгнул в шахту, он испугался. Так, словно едва удерживал мысли. Хватало малости, чтобы убраться заслон.

— Знаешь, прыжок в шахту — это не малость, — поежился Иссиа. Он и сам теперь рассматривал просвет между деревьев, пытаясь понять, что там.

— Для тебя — нет. А для меня лишь очередное действие, которых в моей жизни будет еще много...

Он надеялся, что будет... Потому что его решение встретиться с кланом Вагнер могло закончиться просто «расстрелом». Так думал Райго.

С Иссиа надо было что-то делать... Увы, последнее решение Тариса ставило точку на их симбиозе.

— Идем, — наконец решил Тарис. В конце концов, он знает, как летит пуля, если надо, они с Райго уклонятся. Главное, чтобы пуль было не слишком много.

Дорога поворачивала резко, создавая ненужную петлю. Это было хорошее место для засады. Высокие деревья, обрамляли побитую грунтовую дорогу ровной стеной. Чужие мысли стали отчетливее. Тарис уверенно шагнул на грунт и ступил в их направлении, двигаясь сквозь узкий перешеек леса, обрамленный грунтовым поясом. Райго шел следом, не отставая, думая о своем и внося диссонанс в мироощущение. Перед глазами яркой картинкой мелькнули чужие воспоминания, Тарис не останавливался. Он видел в них тех, кого искал, видел их память о Нане, такой, какой он запомнил ее сам. Вскоре стало понятно, что думали не многие, а лишь один. Просто человек прокручивал в голове диалог, события, сцены, обсуждения. Разными голосами и разными чувствами, раз за разом, отчего казалось, что вокруг витают мысли десятка человек.

А потом между деревьев он увидел ее...

Женщина стояла посреди дороги. Одна. В руках она держала черный платок. Ветер рвал его, метал из стороны в сторону, порой нежно гладил и тянул за собой. Казалось, тонкая ткань, как ручеек, течёт за этим ветром, трепещет в желании улететь.

Рука в полет не отпускала...

С платком было связано многое. Горечь, которую символизировала эта ткань, трудно было передать словами. Тарис и не пытался. Не в первый раз он чувствовал чужую скорбь, да и не в последний.

— Тридцать метров, — прошептал за его спиной Райго, — на таком расстоянии я чувствовал Нану...

— Это не Нана, — задумчиво ответил Тарис, — Маока. Вдова Фёна Вагнера. Сестра Ганна Вагнера... Тётя Айши Вагнер.

Райго нахмурился, принимая озвученное как факт. Ему не была доступно столь глубокое чтение.

— Почему она здесь?

— Ждёт меня, как ни странно. Кто-то им сказал, что мы обязательно придём. И, судя по всему, ждут на каждой дороге... До клана отсюда совсем близко.

— Стой... — Райго ухватил его за рукав. — Послушай. Подумай ещё раз. Нана у Абэ, а значит, у Фердинанда. Клан Вагнер ждёт тебя... Это значит только одно — Фердинанд выходил с ними на связь и торговался насчёт тебя.

Тарис видел все его сомнения как на ладони. Куда подевался самоуверенный засранец, скрывающий большую часть своих мыслей за непонятными блоками?

— Это не имеет значения, — наконец ответил Тарис и дёрнул плечом. Иссиа разжал пальцы, отпуская его рукав.

— Ничего не изменилось... — процедил он. — Ты им не нужен живым, понимаешь?

— Так почему Абэ все ещё не убил меня? Даже сейчас у него есть шанс. — Тарис смотрел на него без капли сомнения или злости. — В тебе же маяк. Твой брат может прийти в любой миг и сделать все что хочет, разве нет? Почему я все ещё жив?

Райго нервно сцепил зубы. Он хотел бы подумать. Вот только все его внутренне «Я» кричало, требуя держаться от Абэ подальше... Но Тарис был прав, и это оказалось неожиданно горько. Раньше Райго был уверен в своей относительной свободе, в контроле над ситуацией. Теперь обстоятельства совсем не мягко намекали на то, что контроль не в его руках и даже не в руках Тариса...

Нандин Абэ...

— Опять блок, да? — Тарис понимающе усмехнулся, а потом отвернулся, рассматривая деревья. — Я больше не хочу лезть в твою голову Райго. Мне нет нужды копаться в этом болоте. Ты свободен. Можешь идти. Нет смысла служить глупым людям до седьмого колена...

Он пошёл вперёд, Райго, зло выматерившись, кинулся следом.

— Я даже не понимаю, о чем ты! — его раздраженный окрик взметнул чужие мысли подобно ураганному ветру. Тарис чувствовал, как устремилось в его сторону внимание Маоки Вагнер.

Когда он вышел из леса, женщина уже смотрела в его сторону. Медовые кудри обрамляли её лицо. Ветер теребил легкое ситцевое платье — слишком мрачное и строгое, она бы не захотела такое надевать...

Тарис шел к ней не спеша. С каждым его шагом эмоции госпожи Вагнер ставали отчетливее. А мысли Райго менее заметны. Так, словно эта взрослая женщина наполняла ум Тариса собой до последней клетки, выталкивая все, о чем не хотелось думать.

Маока была полна решимости. Её мысли кричали об этом. А ещё она ждала его, абсолютно точно зная его имя. Она уже говорила с ним и даже не подозревала об этом, в тот момент, пока обдумывала, что скажет, как скажет, как улыбнётся. Прямо как Нана... Потoki мыслей матери и дочери были похожи. Понятия уже были знакомы, и Тарису не составило труда расшифровывать их. Он уже знал, как понимать их.

Он остановился в десяти шагах от женщины. Райго застыл за спиной.

Маока не боялась. Она просто оценивающе смотрела. Чуть хмурилась, пытаясь сравнить

его, Тариса, с Маркусом и Фердинандом.

Рисовала их образы в голове до последней мелочи. Неприятное чувство пробило насквозь.

Не сравнить. Их незачем сравнивать.

— Я Тарис Лаен, — представился он, смотря ей в глаза. — Друг Наны. Я пришёл просить помощи у вас, Маока Вагнер.

Она вздрогнула, услышав свое имя, а потом заметила ошейник в вороте его комбинезона. Взгляд скользнул по нему, и на лице женщины проступило неверие в происходящее. Нана в её мыслях не вязалась с ГМО.

— Райго Иссиа, — скупое назвал свое имя Райго, пряча руки в карманах.

Женщина наконец оторвала взгляд от ошейника и пристально взглянула на их лица. Дотошно изучила каждое. Её мысли ярко плыли перед глазами Райго и Тариса. Обидные мысли. Наверное, какой бы ни была нужда, нетерпимость не так просто преодолеть. Райго понимал — произойди эта встреча неделю назад, Лаен взорвался бы от негодования. Сейчас же ему было всё равно. Ему требовалась помощь клана Вагнер, несмотря на их шовинизм. А Клан Вагнер нуждался в нем, и их личное отношение к модифицированным не играло никакой роли в этой потребности.

— Я вас проведу, идемте. — Она наконец справилась со своим негодованием и повернулась к гостям спиной.

Шли молча. Госпожа Вагнер вела их вдоль дороги. Вскоре деревья стали реже и мельче, плавно перешли в фруктовые сады, перемежаясь с посадками мелких растений. Вдали, между пышных крон, стали различимы простые двухскатные крыши домов, высокие стальные трубы дымоходов под коническими козырьками. Лаен даже не знал, как они называются. Просто рассматривал раскинувшееся перед ним селение сквозь призму чужих ощущений.

— Вам больно, — Тарис первым нарушил молчание. Ее мысли тут же взметнулись, оставляя в памяти яркий след прошедшей ночи.

— Мой муж умер из-за моих прихотей... — глухо ответила она, даже не оборачиваясь. Ее страшил ошейник. Страшило происходящее. И тем не менее женщина ответила предельно честно: — Да... мне больно.

За этим «больно» стояло столько всего, что можно было попросту уйти следом за главой Вагнером. Лаен чувствовал, как ему самому становится трудно дышать. Эта боль была не сравнима с испытываемым Райго, когда тому прострелили ноги. Это было нечто другое, охватывающее и тело, и разум одним махом. В Леополисе он никогда так жёстко не ощущал чужие эмоции.

— Он бы не умер, если бы не был болен, — выдохнул Тарис, понимая, что с этим надо что-то делать, — ведь просто так сердце не останавливается.

Маока скривилась, обернулась, бросила на него полный негодования взгляд.

— Я не заказывала психологическую помощь с выездом на дом, тем более от вас, — раздраженно выдохнула она.

— Ваши самокопания мешают думать, — не отводя взгляда, пояснил Тарис, ни капли не обижаясь на ее выпад. Её гнев приводил его чувства в порядок. С гневом он хоть умел жить. — И не только мне, в первую очередь, вам. Время погоревать придет позже. Сейчас вопрос не в смерти Фёна Вагнера, а в том, как забрать Нану из рук Фердинанда. Так ведь?

Она вздрогнула.

— Ты знаешь?

Яркая картинка того, как незнакомый мужчина поглаживал плечи Наны, встала перед глазами. Трудно было отгородиться от этого, если Маока Вагнер сама открывала доступ к своим мыслям.

— Как и то, что он хочет в обмен на Нану меня. Меня такой расклад устраивает.

Райго за его спиной удивленно вскинул голову, пораженно смотря ему в спину. Тарис почувствовал этот взгляд, а ещё испуг от услышанного. Понимал и сам себе удивлялся.

Увы, собственные чувства Тариса остались в том заброшенном коридоре, в трехстах метрах от выхода на поверхность из подземного города Ио.

До того решающего момента Лаен лишь думал, что знает многое. Теперь же он понимал, что знания — это ничто по сравнению с неумолимостью происходящего.

Маока неожиданно сникла.

— Наверное... круто быть сильным менталистом. Что хочешь, то в человеке и видишь... Неудивительно, что Фердинанд хочет прибрать тебя к рукам.

«Вряд ли к рукам, — вторили мысли Райго, — убить он тебя хочет, сожрать с потрохами. Всегда хотел».

Иссиа мог не стараться. Тарис и так это знал. Вчерашний экскурс в его заблокированную память многое прояснил. Вот только не объяснил, почему он все ещё жив. Ведь... Есть в Райго этот долбаный маяк... Думать об этом не хотелось. Как и о том, что видела Маока на экране плазменного телевизора.

— Если выйти в праздничный день в центр Леополиса, можно сойти с ума, — прошептал Тарис, отодвигая мысли о плохом на задний план. — Слышать каждую мысль, радость, счастье, и одновременно горечь, горе, злость, боль... каждый ушибленный в толкучке локоть и каждый оттоптаный палец... Каждую самую потаенную мысль. Многого мне не надо знать. Большую часть я и не хочу знать. Увы, для меня это неизбежная реальность, с которой просто надо жить. Госпожа Вагнер, вы не должны думать лишнего, просто отдайте меня Фердинанду в обмен на Нану. Это хорошее предложение.

— Я... Не принимаю таких решений, — Маока поспешно отвела взгляд, смотря куда угодно, только не на Тариса. — Ты будешь говорить с главой...

«Ты спятил, он тебя убьёт! — снова вклинился в мысли Райго, — Я запрещаю!»

— Райго, погуляй... пока я буду говорить с главой Ганном... — Тарис даже не обернулся к Райго. Он просто захотел больше не слышать его и не видеть. Иссиа резко остановился, сам не понимая, как так получилось, и удивленно уставился на собственные ноги. Тело его не слушалось. Тарис и госпожа Вагнер продолжали отдаляться, он — стоять.

— Вы и это увидели? — донесся до него вопрос пораженной Маоки.

— Увы...

Второй раз за сутки Райго почувствовал все прелести проклятия, связывающего его с Тарисом... Третий за неделю. Ведь Маркусу он тоже поддался.

Раб на длинном поводке. Когда его возможность повелевать Тарисом ушла? Значило ли это, что пока Лаену не угрожает смертельная опасность?

Но ведь раньше достаточно было знать наверняка, быть уверенным, чтобы взять его под контроль. Что изменилось?

И тут он просто понял, позапрошлая ночь, когда та женщина рылась в его голове, она что-то нарушила. И это что-то теперь было костью в горле.

Ноги Иссиа Райго не слушались до тех пор, пока Тарис не скрылся из виду. А когда

наконец смог побегать в попытке догнать их, он просто понял, что остался сам. Ни Тариса, ни матери Наны нигде не было. Только и оставалось, что пинать камни да блуждать по незнакомому селению.

* * *

Райго шел мимо построек в поисках Тариса и Маоки.

Из-за ограды вышла рыжая девчонка. Кудри как у Наны, но тело чуть выше и объемистее. Завидев ее, Райго остановился.

— Привет, поможешь? — Он даже приветливо улыбнулся, не пытаясь влиять, как делал это обычно.

Девушка нахмурилась, скользнув по нему взглядом, и откинула пышную копну волос за спину.

— Я тебя не помню, ты кто? — голос девчонки прозвенел мелкими колокольчиками. Заставив сердце биться чаще...

— Райго Иссиа, — Иссиа от неуверенности даже с ноги на ногу переступил. — Я здесь случайно, в гостях.

— Айша, — мило улыбнулась она и протянула руку для пожатия, — кого ищешь?

— Мать Наны Вагнер, Маоку.

Прикосновение неожиданно оказалось мягким. Девушка аккуратно убрала руку из его ладони и повернулась в сторону дороги:

— Тебе прямо, увидишь поворот направо — иди туда. Там третий дом, с зелёной крышей, — пояснила она и, помахав рукой на прощание, вернулась за ограду. Еще раз взглянула на него из-за оградки, держа взгляд дольше, чем надо...

— Спасибо...

Райго благодарно кивнул и повернулся к ней спиной. Едва сдержал тяжёлый вздох. О том, чтобы унять сердцебиение, даже речи не шло. Увы, как и с Наной, все мысли девушки были как на ладони... Очень контрастные мысли, не идущие ни в какое сравнение с милой улыбкой. Удивительная семейка.

Прокручивая в голове короткий диалог и ощущение от рукопожатия, сравнивая с ее мыслительным потоком, Райго неспешно пошёл вперёд, отсчитывая шаги... Как и с Наной, тридцать метров, а потом Айша исчезла из его головы.

Отойдя на некоторое расстояние, он огляделся и спрятался за первым подходящим для этой цели деревом. Принялся ждать.

Увы, как и ожидалось, приятное, на первый взгляд, знакомство имело под собой совсем другую основу.

Милашка Айша Вагнер прошла мимо Райго спустя пять минут с топориком в руках — и это выглядело совсем не мило...

* * *

Гость, а как же. Айше Вагнер хватило беглого взгляда, чтобы узнать модифицированного. Эти интонации, речь, Леополиский акцент, формирующийся исключительно на высокогорье, в условиях вечной нехватки кислорода. Такую речь трудно спутать с беглым говором жителей подземных нор и уж тем более лесных кланов. Нырнув за ограждение, Айша уверенно прошла в родительский дом, на кухню. Открыла шкаф и скользнула взглядом по разномастным приборам. Не раздумывая, потащила за рукоять топорик для мяса. Покрутила в руке и, удовлетворившись, аккуратно закрыла дверцу шкафа.

А после решительно пошла назад, за Иссиа.

Уродца и след простыл. Ускорив шаг, девушка оглянулась и, не заметив Райго, насупилась.

Он не мог так быстро уйти. Тем более по несуществующему адресу.

— Серьёзно? — вздохнул Иссиа, показываясь ей на глаза. — Ты решила покровсать меня вот этим?

Она резко обернулась на голос, а в следующий миг Райго едва успел уклониться от летящего в него топора. Со свистом рассекая воздух, импровизированное оружие врезалась в столб, за которым Райго прятался ещё минуту назад.

— Не попала, — оскалилась рыжая, а потом налетела на него бешеным ураганом, смачно впечатывая пятку ему в живот. Райго согнуло пополам, удар оказался нехилым...

Опрокинув противника, Айша Вагнер засадила носком ему в нос, а потом выдернула топорик из ствола.

— Это было легко, уродец... — а в следующий миг упала как подкошенная...получив удар под колени...

— Даже комментировать не буду...

Белобрысый уродец стоял посреди кабинета новоиспеченного главы клана Вагнер, Ганна Вагнера. Стоял навытяжку, хмурил белесые брови и щурил синие глаза. Глава клана же сидел за широким столом и вспоминал самое важное о госте.

Один из детдомовцев, прошедших через лабораторию мастера Ирраиля. Генномодифицированный больше, чем на пятьдесят процентов. К тому же у парня неработающий ошейник. Добавить к этому, что он кость в плотке как Маркуса, так и Фердинанда, по причине кровного родства, которого ни один, ни второй так и не смогли доказать.

Ганн, зная Маркуса, понимал, что этот человек скорее поспешит от неудобного братца избавиться. А вот зачем Фердинанду этот ГМО — оставалось только догадываться.

Предыдущая ночь не прошла даром, они многое узнали об этом парне. И о его скорости, и о неубиваемости. Последним сюрпризом стал ментализм, который по полной ощутила на себе сестрица Маока. Похоже, даже самая мелкая мысль становилась достоянием имперского выродка. Но, как говорится, если предупреждён, то вооружён. У Ганна были свои методы борьбы с ментализмом. Так что можно было не опасаться считывания.

— Сядь, парень, — наконец совладав с мыслями, Ганн указал на одно из кресел подле стола.

Тарис молча расположился напротив. Движения у него были плавные, словно кошачьи. Слишком звериные, что наводило на мысль о том, что поломать человека он может так же легко, как и сплюнуть под ноги. Радовало, что воспитание у него все же было имперское, детдомовское, иначе пришлось бы туго. Прогнав наваждение, мужчина слегка подался вперед.

— Зачем тебе эта сделка?

Тарис долго молчал. Его взгляд скользил по лицу мужчины. А разум не находил ни единой эмоции или мысли. Тарис был напряжен. В последнее время он неожиданно часто находился в абсолютной тишине, и это вводило его в некий диссонанс с привычной средой. Что бы ни говорил Маоке Вагнер, он привык к особым условиям существования.

— Фердинанд не станет со мной торговаться, господин Вагнер. — Он сказал чистую правду, и, однозначно, Райго был бы против такого откровения. — Но он не станет спорить с вами, если вы предложите честный и логичный обмен. Фердинанд получит меня, а вы

вернете в клан своего члена, Нану Вагнер. Я знаю, что за помощь мне её должны были ликвидировать... Но я также знаю, что вы поможете ей, несмотря ни на что. Уверен, рядом с семьей Нане будет во сто крат лучше, чем в стенах имперского дворца или Кальтэноя.

Ганн помрачнел. Тарис говорил ладно. Вот только он, видимо, не знал многих нюансов.

— Увы, Кальтэной — меньшая из проблем. — Вагнер был предельно серьезен. Врать он не собирался, да и не было смысла. — Нана не просто в заложниках у Фердинанда. Её успели подключить к базе данных, и теперь ее так просто не отпустят. Даже в обмен на тебя. — Ганн хмуро смотрел на Тариса. — Но, если ты поможешь ей выбраться из дворца, наш клан этого не забудет.

Лаен снова помолчал, рассматривая человека, которого Нана всегда вспоминала с некой опаской.

— Если я владею верной информацией, Фердинанду нужен не я, а моя кровь. Он хочет моей полной переработки. Если обмен не состоится, другого шанса не будет.

Вагнер нахмурился. Признание модифицированного его обескуражило.

— То есть ты пришел сюда и предлагаешь свою помощь, зная, что тебя убьют? Или уповаешь на свою регенерацию?

— В прошлый раз регенерация лишь помогла мне дождаться помощи. Вряд ли я смогу выжить, если они зададутся целью разрубить меня на куски.

— Вас, имперцев, всегда отличало странное самопожертвование. Вы как малые дети... — недовольно проворчал Ганн.

Он поднялся из-за стола и спрятал руки в карманы.

— Есть тысячи способов попасть во дворец, и, поверь, обмен и показательная гибель занимают лишь малую часть из них, — уверенно начал Ганн, уже наперед зная, что заинтересует Тариса. Есть разница между тем, чтобы прийти и подставиться, и пробраться неузнанным, чтобы накуролесить.

Тарис подобрался, предельно сосредоточился, чем действительно напомнил старику Ганну дворового кошака.

— Что вы предлагаете? — осторожно поинтересовался он, едва сдерживая нетерпение. Ганн усмехнулся: имперец или лесной человек, неважно, молодость равна нетерпеливости, так всегда было.

— Ничего особенного, нам просто понадобится сотрудничество Маркуса Биби...

Тарис нахмурился.

— Я не уверен...

— Поверь, — перебил его Ганн, — Биби хочет грохнуть Фердинанда не меньше, чем тебя. Ему будет только в радость столкнуть вас лбами...

«Актальный зал Леопольской академии кишел выпускниками и учащимися младших курсов.

— Отныне вы главный оплот Сакской империи, блюстители порядка, защитники граждан. Ваши качества, ваш взгляд на мир — истинны, верьте в это... Какой бы сложный путь ни приготовила вам судьба, помните, ваши холодный ум и горячее сердце, ваша искренность и вера приведут вас к нужной цели...

Звучала главная часть речи, был разгар торжества, но никто не представлял, что за этим последует. Кэйт откровенно скучал, он хотел узнать кое-что другое, а не слушать про собственную важность как ячейки общества.

— Эй, куда пойдешь? — Виктор наклонился к самому уху, отчего часть его ошейника впилась в плечо Кэйта.

Глянув на младшекурсника, Свон растерянно пожал плечами.

— Маврикия, на три года, потом вернусь в Леополис, — поделился он планами. Парнишка удивленно вскинул брови. Свону на миг показалось, что даже узкие кошачьи зрачки приятеля стали шире.

— Уже все продумал? — переспросил он, снова становясь ровно и наблюдая за сценой, на которой распинался директор Леопольской академии.

— Мне здесь нравится... — признался Кэйт. — Воздух хороший.

— Воздух, это да, — кивнул парень, — говорят, на равнинах намного хуже... Дышать тяжело.

Свон промолчал. На равнинах действительно менее комфортно, но говорить об этом сейчас не было никакого желания.

— Отныне каждый из вас доверенное лицо, защитник, важная часть общественного правопорядка...

Зал взорвался овациями».

Сон отпустил внезапно. Вспомнилось и прошедшая вчера операция, и разговор с Мидлтоном через городской телеграф, а следом и спонтанное преследование Маркуса Соболевски. Последней на ум пришла парочка подвижных роботов-уборщиков, приклеившихся к Кэйту и постоянно мелькающих на периферии зрения. Все бы ничего, мало ли роботов в городе, но это были одни и те же машины, которые не исчезали ни со сменой улицы, ни со сменой квартала и района. Пришлось затеряться и при этом не упустить Соболевски.

Поежившись, Кэйт Свон растерянно осмотрелся. Тёмные коридоры тоннеля, в которые его занесло, продолжали нависать над головой и давить на сознание. Впереди был просвет, выйти в который он так и не решился, потому нырнул в какую-то нишу и решил подождать минут пятнадцать. Как оказалось, прошло не менее пары часов. Небо в нише однозначно было ярче, чем тогда, во время слежки за Соболевски.

Вырубился и проспал? Потянув одеревеневшие мускулы, Кэйт осторожно поднялся на ноги.

— Не советую идти. — Следом за знакомым голосом за спиной почувствовалось едва уловимое движение. — Там открытая местность. Будешь как на ладони. Выход из той части

города только через этот переход, так что жди, они скоро явятся. Я скажу тебе...

Кэйт растерянно обернулся, рассматривая темноту ниши.

— Кто здесь? — не сказать, что он испугался.

В темноте силуэт Марты Лэйн сначала показался почти неуловимым.

— Ты не узнал мой голос? — женщина ступила ближе. Карие глаза взблеснули в тусклом свете. Сквозь темноту проступила ее самоуверенная улыбка. Никаких искусственных волос, лишь белесая гладкая кожа и мелкие царапины на исхудавшем, осунувшемся лице.

Конечно он узнал ее. Вот только последние события настойчиво твердили о том, что своим глазам больше нельзя верить.

— То, что я узнал, не гарантирует верности моих соображений, — спокойно ответил Кэйт, сам понимал, что с завидным упорством порождает в себе ненужное волнение. — У врага есть маски.

Марта усмехнулась и ступила ближе, а потом его щеки коснулось ее тёплое дыхание.

— Маска — это лишь обман зрения. Можешь прикоснуться ко мне и проверить, не врут ли твои глаза. — Её губы касались его мочки, когда она шептала, а ткань одежды пропускала тепло ее тела и ритм сердца. Дыхание, скользящее по коже, будоражило.

Она не шелохнулась, когда пальцы Кэйта коснулись её расцарапанного лица, очертили нос и тонкие губы, шею, плечи... а потом, не спеша, расстегнули замок комбинезона и, забравшись под ткань белья, сжали мелкую грудь. Все это время Кэйт смотрел ей в глаза и был абсолютно бесстрастен.

Марта же смутилась, чувствуя его горячие ладони на своей коже.

— Кэйт... Это слишком, — и все же она не шелохнулась и не отстранилась.

— Похожа... — наконец выдохнул Свон и, убрав руки, отвернулся к просвету.

За спиной послышался резкий звук застегиваемого замка.

— Ты меня облапал... — с возмущением констатировала Марта.

— Удостоверился. — Кэйт снова смотрел на выход. — Ты ведь ушла с группой Кирка...

И сейчас должна сидеть в камере предварительного заключения.

Марта молчала некоторое время. А потом он услышал, как она привалилась спиной к стене.

— Официально я и не вернулась. — В темноте её голос прозвучал слишком резко. Марта тихо посмеялась, вскинув голову, прижавшись затылком к отвесной стене. Кэйт обернулся, ловя взглядом её силуэт. Брошенную фразу можно было трактовать по-разному.

— Ты сбежала?

— Можно и так сказать. — Она смешливо на него покосилась и продемонстрировала левую руку. Мизинец отсутствовал. Сама же ладонь была перевязана. — Я кое-что узнала, и это требует немедленной реакции. Увы, мое заключение в Кальтэной ничем не поможет. Лишь сыграет им на руку. Потому я влезла в голову каждому, заставила их поверить, что умерла, и позволила отрезать себе мизинец.

— И зашить рану?

— Ну да, и зашить рану, — она покосилась на перебинтованную ладонь. — Палец ничто, особенно если можно в любой момент вырастить его обратно.

— Ты... — Свон не договорил, тяжело вздохнул и по привычке коснулся пальцами головы, чтобы пригладить волосы... Наткнулся на ткань банданы и усмехнулся... — Не боишься, что в данный момент откровенничаешь не с тем человеком?

Лэйн напряглась, а потом сама же прогнала от себя свои эмоции. Голос продолжал звенеть и дрожать.

— Кэйт... Я тебя усыпила и считала, — призналась она, не отводя взгляда. Неделю назад Свон за такое признание непременно доложил бы куда следует. Увы, это было неделю назад. Сейчас на первый план вышли совсем другие приоритеты. Марта продолжала удивлять. — Я знаю, что твой ошейник больше не работает, что Клэр задержана, и что вскоре здесь произойдут страшные вещи. А человек, который является одной из ключевых фигур в данной ситуации, находится в давно законсервированной части Леополиса. В заброшенном доме семейства Соболевски.

Вот, значит, как обозначалось это место «законсервированная часть Леополиса» и «заброшенный дом семейства Соболевски». Таких в Леополисе было немало. Но вот прорубленные в скале ходы с нишами считались крайней редкостью. Кэйт подозревал, что раньше здесь была расположена автоматика, сейчас же это был заброшенный коридор, усеянный глухими ответвлениями, как щетиной.

— Клэр была очень убедительна, когда просила помочь тебе... Вижу, она зря волновалась, — наконец ответил он на ее откровенность. Получается, он зря пошел к Ирраиллю снимать ошейник. С ошейником многое было проще. Настолько, насколько он сам привык. Незнание начинала пугать.

— Префект ничего и никогда не делает зря... — прошептала Лэйн. — И, зная Клэр, подозреваю, на себя она больше не рассчитывает.

— Это потому, что её задержали?

— Это потому, что у неё слишком много скелетов в шкафу, Кэйт, — на полном серьезе ответила Лэйн. — И раз ты уже влез в это дело, у тебя два варианта, оставить все как есть и уйти, либо помочь мне и, скорее всего, не дожить до следующего дня рождения.

— Я обещал...

— Знаю, — Марта не позволяла отпустить эту тему, настойчиво продолжала давить, — но сейчас на кону именно твоё будущее, а не её. Никто не вправе распоряжаться твоей жизнью и принимать решения за тебя. Даже если ты пообещал, подумай еще раз... Я абсолютно уверена, что Клэр давила на тебя.

Кэйт проигнорировал выпад. Кто давил, а кто поддавался, уже не имело значения.

— Расскажи, что произошло и... что ты узнала?

Женщина шумно выдохнула, подбирая слова.

— Все начиналось как обычное преследование. Глупые дети оставляли на земле яркие следы, и мы без труда шли за ними. Следы привели к промышленной свалке, к Дикому... — она усмехнулась и покачала головой, рассматривая собственные руки. — Когда мы подросли, детей уже забрали. Были следы огнестрельного и борьбы. Много крови. А потом произошел взрыв. Нас отстреливали, словно мишени в тире... — ее голос сошел на шепот, а дыхание сбилось, словно Марта вновь была там.

Кэйт слушал, пытаясь представить это, и понимал, что не хотел бы там очутиться.

— Я сорвалась. Словно окунулась в дни перелома. Нашла местонахождение стрелка и повлияла на Кирка. Он поймал того человека... Но...

— Выжившим не понравилось, что ты менталист? — Свон, как всегда, был проницательным. Сейчас это неожиданно стало удобным.

— А кому бы понравилось? Я не должна была раскрывать себя, но... нас отстреливали, понимаешь? Из огнестрельного. Как зверье... — Она с силой сжал кулаки и зашипела,

расслабляя изувеченную ладонь. — Отбор по генетическому признаку в человеческой среде. Это... отвратительно, Кэйт...

Ее плечи мелко задрожали, от накативших воспоминаний и запоздалой истерики. Свон осторожно привлек ее к себе и коснулся губами виска. Прижавшись к нему, Марта продолжала говорить:

— Мысли того человека были самыми отвратительными из того, что я когда-либо видела. Столько ненависти, столько глупой надменности, шовинизма...

— Тот нападавший... Он был один?

— Один... В тот момент он прикрывал отступление, — подтвердила она, дыша ему в шею. — Кэйт, хочешь... я просто покажу тебе, — она вскинула голову и заглянула ему глаза, ожидая ответа. — Я могу многое рассказать, но хочу, чтобы ты видел все своими глазами. Сам понял, что там произошло.

Свон рассматривал ее лицо некоторое время, пытаясь найти ответы на невысказанные вопросы. Больно ли это? Обязательно ли? Останется ли он самим собой после такого? Марта смотрела на него молча и ничего не предпринимала, словно его позволение было важнейшей частью их диалога. И тогда Свон решился и кивнул. Похоже, Марта Лэйн и сама не ожидала, что он согласится. Подобралась вся, осторожно приподняла ладони, неуверенно касаясь пальцами его висков. Некоторое время они просто смотрели друг другу в глаза, и абсолютно ничего не происходило. А потом его собственный мир взорвался и запульсировал...

Чужая память пылью ударила в глаза, простелилась до самих легких. Заскрипел битый кирпич под подошвами, засадило ладони от торможения о землю... Послышались эфемерные выстрелы и предсмертные вскрики. Взрывы ошейников...

Правда была в том, что враг искренне ненавидел их. Впадал в неистовство при самом упоминании Сакской империи. Болезненно переживал явление каждого имперца, так, словно каждый модифицированный на этой планете был виноват в их неразрешимых бедах. Так, словно искусственная адаптация была нарушением их древних заветов, плевком в их деформированную душу.

Идеи далекого прошлого, оказывается, все еще ходили по этой больной земле. И носителей было больше, чем казалось на первый взгляд. За считанным Мартой человеком стояли десятки сотен других людей — крепких и уверенных в своей правоте. У них были свои предводители, свои города, свои желания и надежды. Своя, абсолютно не похожая на имперскую, жизнь. У них не было одного — свободного дыхания. Они не могли жить на поверхности и едва справлялись с жизнью под землей. Потерянные поколения, носители прошлого, вынужденные находить точки соприкосновения с современным миром. Бегущие от этого современного мира, считающие, что консервная банка на голове, счетчик Гейгера и фильтры — лучшее, что они могут придумать для своего выживания...

Марта показывала многое, каждую вылазку в наземные города, каждое спланированное убийство, каждого модифицированного, доведенного до взрыва ошейника... ментальное влияние внутри детдомов, устранение сильнейших... А параллельно с этим демонстрировала совсем иную, жестокую культуру. В тех скрытых тайных общинах все складывалось по-другому. Не было модификаций и ошейников. Там свирепствовали болезни, голод и постоянная смерть. Там не было обязательных восьмидесяти лет жизни, зато в порядке постоянного зла существовали химические ожоги и радиоактивная среда обитания. Неизменные защитные костюмы и шлемы со встроенными фильтрами и счетчиками Гейгера. А еще там была любовь, дружба, бесчисленные семьи и дети... Маленькие

сорванцы, которые могли в любой момент открыть дверь и выбежать на открытый воздух, не застегнув свой защитный костюм и не надев консервную банку на голову. Которые могли получить химические ожоги, отравление или дозу радиации. Которые могли вообще не родиться или родиться без руки или ноги... без глаз. Которые могли быть целым селением уничтожены одним метким ударом модифицированных. Переработаны, отправлены на запчасти или на исследования... или на принудительную ассимиляцию...

Ту, другую, жизнь пронзала огромная вера в собственную правоту и необходимость именно такой реальности. Они не хотели модификаций. Они не желали отдавать империи второго ребенка из своей семьи и боялись, что Кальтэной вмешается в ход беременности, модифицируя плод по нужному образу и подобию.

Их можно было назвать людьми из другой вселенной. Но правда крылась в том, что они жили бок о бок. Использовали для негласной войны все тех же мастеров, все тех же модифицированных, клепая несуразные тела на установках и посылая в города для решения подлых задач, вселяя в них ненависть и заставляя мстить себе подобным.

Когда Марта убрала руки от его головы, Кэйта Свона трясло. Ему было плохо от осознания, что любой из его погибших в далеком детстве друзей мог стать жертвой фанатиков. Ему было плохо от того, что чувствовала сама Марта, и от той чужой точки зрения, что комком засела в его голове. Как опухоль, которую нельзя вырезать, и которая не даст больше жить полноценно. Новое знание стало ядом, который уже не вывести из организма.

— Ты отравила меня, — прошептал Кэйт, пряча лицо в ее ладонях.

— Извини, — Марта коснулась губами его взмокшего лба, вернув тем самым ему тот легкий поцелуй, которым он успокаивал ее ранее. Руки Кэйта легли на ее плечи. Он сжал их, не давая ей сдвинуться с места, а потом просто коснулся губами ее губ, намереваясь стереть болезненный опыт обычными и понятными прикосновениями.

Лэйн не сопротивлялась. В темноте подземного перехода можно было ощутить себя абсолютно свободными и раскованными, глухими к остальному миру и чувственными к друг другу...

* * *

Маркус хмурился. Сообщение, присланное Ганном Вагнером, вогнало его в ступор. Прошли сутки с тех пор, как база в Ио была уничтожена. Он потерял чудовище, выращенное из Тео, потерял клона Абэ, потерял малышку Вагнер. Потратил время на дорогу в Леополис и передислокацию своих ребят. Прошлый день казался чрезвычайно тихим по сравнению с предыдущими. Оказывается, таковым он был только у него.

Фён Вагнер скончался от сердечного приступа. Нана попала в руки Фердинанду и была удачно подсоединена к кластеру, стала оператором баз данных. Вдобавок Фердинанд вышел на связь и решил поторговаться на Тео, а точнее, Тариса Лаена... Сам ГМО на пару с клоном Абэ незамедлительно явился в клан Вагнер и предложил помощь по вызволению Наны. Если бы Маркус сомневался в источнике этих фактов, он бы однозначно подумал, что ему врут. Но Ганн, как обычно, был предельно серьезен, и оттого сказанное еще больше удивляло.

— Мне нужно связаться с Ирраилем, — наконец решил Маркус. Дэйла, лениво перевела на него взгляд. Сейчас, будучи подсоединенной к компьютеру через свои разъёмы, она почти не воспринимала реальность. Но, заметив озадаченное лицо Биби, тут же прервала поток и вынула провода из своего виска. Искусственный глаз наконец сфокусировался.

— Зачем он тебе?

Маркус помрачнел еще больше, уперев руки в бока, раздумывая над сложившейся ситуацией. План Ганна был дерзким.

— Надо... — наконец процедил он, отворачиваясь от женщины. Он и сам не понимал, зачем ему старик. Планировал обрисовать ситуацию и получить совет. За деньги, конечно, бесплатно старый маразматик разве что нож в спину всадит. — Установи связь.

Дэйла хмуро на него покосилась, а после сделала то, что попросили. Время не было слишком ранним. Семь утра. Солнце уже поднялось. По идее, старик уже должен быть на ногах.

— Слушаю... — голос генетических дел мастера раздался из старого динамика в сопровождении легкого скрипа.

— Это Биби, — не стал тянуть Маркус и тут же услышал, как по ту сторону связи что-то зашуршало.

— Неожиданно, как вы меня нашли?

— Я же говорил, старик, от меня не уйти... — недовольно проворчал Маркус, — Тем более ты не закончил дел.

— Так... от меня сейчас мало проку. Тела растут и будут готовы к дальнейшему циклу не ранее чем через две недели. Все, как и оговаривалось, десять человек с повышенным уровнем агрессии, повышенными ментальными способностями, вшитыми масками и ментальными усилителями... — замешкался Ирраиль. — Что-то еще?

Маркус хмуро взглянул на молчаливую Дэйлу, которая, в принципе, не подозревала, о чем он говорил с Ганном Вагнером.

— Да... — наконец выдал он. — Я хочу, чтобы ты выставил в своем магазине в качестве модифицированного нашего человека.

Ирраиль сопел в трубку.

— Он должен просто наблюдать, или мне надо продать его кому-то определенному?

— Ты должен втюхать его Фердинанду.

— О как... — не стал скрывать удивления старик. — У меня, конечно, есть подходящий заказ от нашего властителя. Мог бы поспособствовать. Но мне надо знать, что из себя представляет этот ваш человек.

— Это тебя не должно заботить, — Маркус продолжал хмуриться, — Ты сможешь поменять его местами с заказом Фердинанда. Возьмешься?

— Сто тысяч, — выдохнул Ирраиль после недолгих раздумий. — И вы меняете кого угодно на того, кого надо, без моего участия. На меньшее не соглашусь.

Это было дорого. Почти как десяток выращенных тел.

— Хорошо, — тяжело процедил Маркус, а потом сбросил вызов.

Дэйла продолжала смотреть на него, осмысливая услышанное.

— Ты решил обойтись без мин и грохнуть брата на его территории?

Маркус покосился на нее, откинул трубку телефона на стол, а потом потянулся.

— Нет, просто хочу иметь человека в тылу.

О том, что этот человек Тарис Лаен, Маркус решил не распространяться. Он не хотел, чтобы Дэйла думала об этом.

— Мы идем в город. Бери деньги, — наконец решил он. Женщина молча кивнула и быстро начала собираться.

В отличие от вчерашних спешных действий, сегодня Дэйла собиралась со всей тщательностью. Ничто не должно было отличать ее от среднестатистических жительниц

Леополиса. Потому был в наглуую надет прикупленный Маркусом парик рыжего цвета и выпотрошен гардероб покойной хозяйки этого дома. Искусственная рука полностью была скрыта свободной светлой блузой и темно-зеленым пиджаком. Широкие брюки, хоть и не сели идеально, но абсолютно не сковывали движений. Самой неудобной оказалась узкая обувь, от которой в результате Дэлл попросту отказалась, вернувшись к своим ботинкам.

Смотря на себя в зеркало, женщина недовольно хмурилась, отмечая помятость вещей.

Маркус словно читал ее мысли.

— Не переживай, пройдем через химчистку, там тебя быстро приведут в порядок.

— Почему ты купил рыжие волосы? — недовольно пробурчала она, несколько не беспокоясь из-за ветхости шмоток.

Вместо ответа Маркус лишь улыбнулся и лениво повел взглядом в сторону.

— Фантазии, да? — Дэлл скривилась, недовольно пропуская сквозь пальцы длинные рыжие пряди. — Я не хочу быть похожей на Вагнер...

— Ты похоже на себя, Дэлл, — закатил глаза Маркус. — Брось, будь на тебе хоть баранья шапка, все равно будешь исключительно собой.

Женщина раздраженно фыркнула. У нее все не шло из головы ассоциации с Наной Вагнер, с которой Маркус не спускал глаз. И пусть он хоть целую вечность отнекивается, Дэйле трудно было забыть те взгляды, которые он бросал на молоденькую девчонку.

— Иди вперед, я должен еще кое-что сделать.

— Я подожду тебя на верхнем ярусе, — бросила она, понимая, что он опять что-то скрывает.

Из дома вышла молча. Маркус в последний раз обходил комнаты, намереваясь включить сигнализацию.

До узкого прохода, ведущего на верхние ярусы Леополиса, было всего ничего — метров сто. Тридцатиметровый переход не был освещен, но этого здесь и не требовалось. Оставив раздражение позади, Дэйла уверенно вошла в широкий арочный коридор. Глаза медленно привыкали к полумраку. Чувство пространства, как и в прошлый раз, слегка притупилось. Так, словно порода, окружавшая ее, давила на сознание всей многотонной тяжестью, возвышающейся над головой.

Дэйла не поняла, когда ощущение изменилось. Просто в какой-то момент что-то с резкостью мелькнуло перед глазами. Ментальный удар обрушился на неё всей своей мощью, пронзая насквозь, проходя электрическим зарядом по позвоночнику, а потом сильный физический толчок опрокинул ее внутрь ниши.

Засада — осознание простой истины заставило собрать нервы в кулак. Чтобы выжить, Дэйла готова была убивать.

Все тщетно...

Мир тщетен. Определен до последнего атома.

Человек, который есть лишь совокупность черт, данных ему по образу и подобию, является все той же атомарной составляющей мира, неотъемлемой его частью. Он не прыгнет выше данного ему образа и подобия, потому что лишь существует в этом мире, а не наоборот. Мир никогда не будет существовать в нем.

Видеоматериалы, присланные с утра Мидлтоном, радовали отвратными ракурсами и поразительной чёткостью. Видимо, на переоснастку роботов-уборщиков леополиский департамент полиции не пожалел денег. Кэйт Свон постоянно был в центре внимания умной машинки, периодически оглядывался и поправлял капюшон, слегка сутулился, словно это могло помочь спрятать его высокую фигуру среди общей массы прохожих. А ещё бывший следователь Свон за кем-то следил. Нандину Абэ хватило пары минут, чтобы уловить закономерность: на втором плане видеокадра мелькала фигура Маркуса Соболевски, за которым, похоже, и шпионил Свон.

Абэ следил за их продвижением непрерывно, без капли эмоций на лице. В памяти то и дело прокручивались кадры из просмотренного позавчерашней ночью видео. Смотрящий в камеру Маркус, здоровающийся за руку с следователем Своном Маркус... Молодой Маркус, пятнадцать лет назад, вываливающийся в окно во время резни... Маркус, выходящий из дома Клэр дэ Руж...

Старший из потомков императора Филадельфия последние сутки казался вездесущим. Это откровенно раздражало, как могла раздражать только лишняя особь в генетическом древе Соболевски.

Видео оборвалось спустя пару минут, ознаменовав последние секунды нервным метанием робота, потерявшего цель.

— Как мило... — прошептал Нандин себе под нос. Слабое чувство досады заворочалось в нем, но не более. Дальше можно было не смотреть. Робот, потерявший цель, не мог дать ничего кроме кругозора из последней точки наблюдения. Увы, это не человек и не искусственный разум, чтобы решать, куда идти и где искать утерянный маячок.

А вот Кэйт Свон удивил. Забавно, что, даже уволенный, он продолжил выполнять заложенные в него функции. Абэ считал, в голове бывшего следователя пазл этой злополучной истории уже почти сложился.

Впрочем, так ли это, начальник службы внутренней безопасности предпочитал узнать лично. А там уж будет видно, что делать дальше с приткнутым модифицированным. Но это все могло подождать.

Сейчас же следовало найти Маркуса.

Выведя на голографический экран компьютера карту Леополиса, Нандин нанёс координаты и вывел вектор продвижения старшего Соболевски.

В той части города было несколько интересных мест, но, зная тягу братьев Соболевски к глупостям, Абэ предположил, что Маркус пойдёт к себе домой.

А там есть чудесное место для засады. Если Соболевски умен, он оставит там ловушку. Если нет, ее может сотворить Свон... Впрочем, оба, как и каждый по отдельности, могли

уже быть пойманы друг другом и пытаны... Или мертвы...

С этой мыслью Абэ начал привычно собираться в дорогу. Увы, дверь его кабинета отворилась, когда чемоданчик уже был взят под руку, а в голове намечен план действий на сутки вперед.

Номер Сорок зашла в кабинет Нандина Абэ, как и все её предшественники, без предупреждения. Опустила на край дубового стола стопку папок. Рядом с ними разместился блок записывающих инфокристаллов. Её движения были настолько выверены и привычны, что напрочь стирали различия между абсолютно разными телами секретарей. Если бы Абэ не знал о смене личности оператора и был занят в это время бумагами, он бы даже не почувствовал разницы. Идеальное перевоплощение кластера.

Нандин оценивающе скользнул взглядом по её фигуре и наконец остановился на бесстрастном лице.

— Сводка, — поинтересовался он, ожидая привычного для первой встречи ответа. Девчонка не подвела:

— Общая сводка, — тут же начала Номер сорок, — сейчас семь утра, место расположения — Живой континент, город — Сельва. Концентрация озона без изменений — тридцать процентов ниже нормы. Температура внешней среды в пределах нормы — двадцать четыре градуса, влажность — пятьдесят девять процентов. Радиоактивный фон — ноль целых девять десятых микрозиверт в час. Состояние холодильных установок в нижних пределах нормы, кривая вымирания без изменений. Кривая восстановления экосистемы западного региона в пределах нормы. Кривая потребления возобновляемых ресурсов без изменений... Кривая...

Нандин задумчиво уставился в окно:

— Холодильные установки, детали?

— Пятый блок вышел из строя, — без промедления ответила девушка. — Ориентировочное время возобновления работоспособности — десять часов пятьдесят две минуты.

Нандин нахмурился.

— Температурные показатели?

— Прогнозируемый скачок температуры до возобновления работоспособности — около плюс пятьдесят за Цельсием на открытой местности.

Это означало, что система будет отремонтирована только к шести вечера и войдёт в привычный режим работы не ранее завтрашнего обеда. К этому времени можно успеть изжариться, или свариться, это как повезет.

Не в первый раз и, увы, не в последний. Абэ тяжело вздохнул.

— Внеси в базу данных предупреждение. Выезд из нижних городов приостановить. Запусти раскрытие солнечных отражателей. Ремонтную бригаду к пятому блоку, и две сменных...

— Уже выслала, — невозмутимо ответила секретарь, отчего Нандин, не веря собственным ушам, резко оторвался от окна и взглянул на неё. Номер сорок тем временем продолжала отчитываться. — Ориентировочное время раскрытия солнечных отражателей — два часа сорок минут. Уровень моего контроля?

Мужчина продолжал смотреть на неё, понимая, что она уж слишком быстро начала принимать решения. Это должно было произойти не ранее чем через две недели. Тем более задача была слишком сложной для первого дня. Девчонка могла сгореть, как и тридцать

девятая до неё. Особенно если она начала думать и решать.

Сгоревшая Вагнер откровенно грозила ему аналогичным имплантом, Фердинанд слог на ветер никогда не бросал. Помрачнев еще больше, Нандин принял единственное правильное в данной ситуации решение и поспешил его озвучить, прежде чем номер сорок не решила сама.

— Передай задачу секретариату и техническому отделу. Подключи секретарей предыдущей десятки, у тебя пятнадцать минут... Дальше отключается и спишь, задание ясно? — он смерил её тяжелым взглядом.

— Ориентировочное время исполнения первого задания — пятнадцать минут. Ориентировочное время исполнения второго задания — девять часов... Запустить задачи? — отчеканила номер сорок, почти не моргая.

Нандин тяжело вздохнул. Поломка установок абсолютно не вязалась с его утренними планами. Впрочем, он должен успеть. Наличие новой задачи не исключает остальных, будь оно неладно.

— Запускай, — решил он, а потом опустил свой чемоданчик на пол и залез в него ногами.

Яркая вспышка поглотила кабинет и на миг ослепила Нану Вагнер.

Девушка некоторое время моргала, а потом обвела внимательным взглядом опустевший кабинет. На её бесстрастном лице не отобразилось ни намёка на интерес.

— Кластер, запустить первую задачу. Ведущий секретарь — тридцать восемь. Вспомогательный — тридцать семь, тридцать пять, тридцать три, дополнительный — двадцать четыре. Запустить вторую задачу. Я отхожу ко сну, время исполнения — девять часов.

Пустой кабинет молчал. Собственный имплант работал. Кластер внимал, перераспределяя задачи и погружая неопытного оператора в спасительную отключку.

Увы, дать сороковому секретарю задачу спать у себя в комнате Нандин Абэ не догадался, а потому девушка уснула там, где стояла, свалившись мешком посреди его кабинета.

Три метра шириной, три — высотой, протяженность в сорок метров, множество ниш, в которых можно спрятаться — таким было место их засады. Закрытый простор давал возможность действовать, не опасаясь ни невольных свидетелей, ни стражей правопорядка, к которым ни Кэйт, ни Марта больше не имели никакого отношения.

— Идёт. Женщина. Мужчину не наблюдаю. — Лэйн снова прикрыла глаза, погружаясь в ментальные потоки и наблюдая за целью. — Сильна... Очень.

— Справимся? — Кэйт был предельно серьёзен.

— Если пытаться ее убить, а не поймать, наверняка. — Марта говорила абсолютно спокойно. — Увы, легко не будет.

Кэйт на миг замер, а потом посмотрел на нее. Окинул взглядом идеально гладкую кожу, тонкий нос и плотно сжатые губы.

На самом деле очень мягкие губы...

— Марта... Ты раньше убивала? — почти неслышно спросил он.

— Всё долгожители убивали, Кэйт, — прошептала она, продолжая стоять абсолютно неподвижно, а потом нахмурилась. — Лучше не высовывайся. Если она по тебе ударит, может стереть личность начисто или принудить к чему-либо. А я не хочу сражаться ещё и с

тобой.

— Но...

— Даже думать не смей. — Марта не смотрела на него. — Ты займешься Маркусом. Он твоя цель, помни об этом, что бы ни произошло.

— Я хотел сказать, что смогу один раз ударить по ней физически, и прежде, чем она ответит ментально, ты навлечешь на всех сон... Ты ведь можешь приспать нас обоих, меня и ее? Тогда не придется никого убивать.

Кэйт говорил уверенно и ровно, по привычке давя в зародыше собственные эмоции. Марта хмурилась. Сон не самое лучшее действие во время боя. Но физический удар мог хорошенько ослабить менталистку. Если действительно приложить после этого её чем-то усыпляющим...

— Хорошо. Попробуем... — она подняла на него полный сожаления взгляд. — Но, если ничего не получится, я хочу, чтобы ты знал... Наше с тобой знакомство для меня важно. Во всех возможных аспектах.

— Я знаю...

Им обоим слова дались трудно. Усеченные увечные признания, которым здесь и сейчас уже не было места. Как не было места чувствам, нежности и мыслям о друг друге. Их обоим ждала сложная работа.

Как только «Дэйла» появилась в их поле зрения, Кэйт с разгона снёс женщину, впечатавшись в неё всем телом. Марта в тот же миг ударила ментальной волной, даря всем вокруг глубокий и тяжёлый сон...

«Кто-то когда-то сказал, что единой реальности не существует. Есть точки зрения и множественные цели. Точка зрения конкретно взятого индивидуума определяет его движение по отношению к мечте. И не всегда направление будет идти к нему. Бывает, оно отдаляет человека, бывает, ведёт в обход... Человеку невдомек, что его движение к цели зависит от того, как он на эту цель и на это движение смотрит, верит ли в самую возможность, знает ли способы, хочет ли приблизиться, или обойти по самому неказистому пути. А может, вообще собирается оставить цель вдали, как мечту, на которую можно только смотреть и жалеть себя до самой смерти...

По какому пути шла Дэйла? Был ли он правильным и единственным этот её путь? Она не знала. Единственным её желанием было пройти вдоль кромки воды сказочного, вычитанного в книгах Красного моря. Ей хотелось нырнуть под воду в пластиковой маске и увидеть воочию разноцветных морских рыб, которые похожи на фантастических энциклопедических бабочек.

Дэйла хотела валяться на лугу, среди полевых трав, и смотреть на бабочек, что как рыбы в воде чувствовали себя и на ветру, и под ярким солнцем... Которые порхали, словно яркие тропические птицы, от цветка к цветку.

Дэйле хотелось увидеть этих ярких созданий... Или рыб... А ещё побродить по кромке Красного моря. Послушать прибой и поваляться на лугу среди пышных ароматных трав. Ей не так много хотелось. Это были обычные, недостижимые желания. Самые нелепые и несбыточные мечты. Среднестатистические грёзы.

И вот тёплая слегка пенная вода оmyвает её сбитые об острые ракушники стопы, вымывает песок из-под них. Женщина смотрит на то, как её пальцы медленно погружаются в него, становятся с каждой волной все глубже. Рядом плачут белые птицы.

Над головой плывут облака, и ветер ласкает кожу, треплет рыжие волосы.

Стянув с головы парик, женщина бросила его под ноги и теперь наблюдала за тем, как он, рыжей несуразной медузой отходит и возвращается вместе с волной... И не тонет.

“Сколько надо париков, чтобы отравить море?” — мысль ввергла ее в ступор. Подумаешь, бросила в воду один парик, разве он может отравить?

“Сколько... надо... париков?..”

Красные от искусственных волос волны, продолжали биться о берег, оставляя на камне тонкие рыжие полиамидовые пряди. Дэйла продолжала стоять и взирать на эти волокна, цепляющиеся за её стопы, и все не могла понять, отчего же море перед ней стало называться Красным...

Неужели, только из-за волос???

Наваждение... просто чужое влияние.

Обычная ложь.

Дэлл закричала. Голос смел морскую волну. Заставил волны расступиться, обнажить сухое, усеянное рыбьими костяками дно... Она увидела и этих мертвых рыб... и это бездушное дно... и человеческие глаза, смотрящие на неё с него. Самые обычные, живые, красивые... Не то что её искусственная камера и красная лампочка вместо зрачка...»

Прорвавшись сквозь ментальный удар, Дэлл, не раздумывая, ударила искусственной рукой, проходясь по чужому телу, опрокидывая нападавшего на землю.

Мужчина. Кэйт Свон. Уродец.

Человек спал, а значит, был ей недоступен. Очередной телепатический удар взорвал сознание болью. Это уже не были поднятые с глубин сознания мечты. Теперь на поверхность поднимались страхи. Закричав, Дэйла мысленно ударила в ответ, во все стороны, которые только могла достать. Она чувствовала, как противник встrepенулcя, а после бросился на нее, хватаясь пальцами за полы ее плотного пиджака... и пытаясь опрокинуть на пол.

Женщина.

Противница оказалась почти одного с ней роста, такая же лысая и прыткая. По силе абсолютно равная. Абсолютно натуральная, без протезов и искусственных имплантов.

«Марта Лэйн», — хватило один раз скрестить с ней взгляд, чтобы понять, кто именно перед ней.

Соревноваться с ней в ментализме было глупо. Дэлл и не собиралась. Похоже, Лэйн была того же мнения. Нож, блеснувший в её руке, стал тому доказательством. Тонкие пальцы держали его легко и естественно, а на лице не было и капли сомнения.

— Сука, — оскалилась Дэйла.

Марта не ответила, просто вмиг растворилась перед её глазами. Стёрлась из восприятия, а после ударила наотмашь ножом.

Острое лезвие со скрежетом прошлось по искусственному суставу, испарывая рукав старого пиджака, зацепляя резиновые трубки инпланта.

Лэйн раз за разом целенаправленно атаковала ее сознание ментальными ударами, уже не думая ни о сохранности её психики, ни о целостности её памяти. Дэйлу нельзя было подпустить к себе, она физически мощнее. Марта уже знала об этом, чувствовала и её тело, и её протезы, заменяющие добрую половину костей. А потому безжалостно посылала ей всю боль, которую ощущала когда-либо. Пропускала через нее все переломы, огнестрелы, раны,

бесконечные эксперименты... Множила их и отягощала. Ее противницу корчило, сгибало, но эта сволочь все равно упрямо стояла на ногах. Словно все это не имело для нее никакого значения. А потом Дэлл с остервенением слала все назад, заставляя Марту отступать шаг за шагом. Каждый день в стенах Кальтэноя, каждый эксперимент, каждое увечье, эта стерва безжалостно вытягивала все это на поверхность из таких глубин, про которые Лэйн и сама думать забыла. Её мутило от этого, даже тошнило. Очередная болезненная вспышка в сознании резко согнула ее настоящей судорогой. А следом прошёл удар в живот, который одним махом разорвал все мускулы и внутренности, отбрасывая на стену. Ноги подкосились, тело скрутило болью. Дэйла же, шатаясь и едва удерживая равновесие, снова ударила искусственной рукой, прорывая живую плоть стальными пальцами, вытаскивая из ее нутра живой комок...

Марта Лэйн пошатнулась... Кэйт Свон тут же очнулся, вырываясь из искусственного сна. Наконец он смог подняться на ноги, осоловело, почти слепо блуждая взглядом по сторонам. Перед его глазами плыло от воплощения мечты. Взгляд зацепился за Марту, осевшую на пол, остекленевшие глаза и забрызганное кровью лицо, расползающуюся под ней черную лужу. Дэйла стояла над ней, к нему спиной, тяжело дышала и нервно сжимала и разжимала стальные пальцы. От увиденного разум Свона затянуло кровавой пеленой. Кинувшись на пошатывающуюся противницу, он схватил ее за ворот и со всей мочи ударил о стену. Стекланный глаз Дэйлы треснул, обнажая объектив камеры. Осколки впились в лицо. Женщина сдавлено охнула, хватая окровавленным ртом воздух, а после безрезультатно пытаясь отнять чужие ладони от своего горла. Хрипела, дёргала ногами и пыталась освободиться, но тщетно... Кэйт попросту свернул ей шею.

Отпустив её резко ослабевшее тело на землю, бывший следователь, не осознавая себя, побрел вдоль коридора к выходу в жилую часть города. Остановился у самого края, рассматривая пустынный парк. Залитые немым ужасом глаза безучастно скользили по высоким деревьям и утреннему небу. Очерчивали налитые черным предгрозовые облака, и непривычно тяжёлый диск солнца.

Небо нависало над ним и баюкало, наливалось ярким бездонным синим в пушистых просветах между черных облаков. Он не знал, как долго стоял. В голове был полный сумбур и понимание, что он только что собственноручно убил человека. Женщину. Свернул шею и бросил на землю, в пыль...

Шуршание гравия за спиной заставило вздрогнуть. Кэйт обернулся.

— Ты зря ждал... уродец, — зло процедил Маркус Соболевски, выходя из коридора и с ненавистью смотря в его лицо. Маска была отключена, открывая обезображенное ожогами лицо, лихорадочно блестящие синие глаза. На сорочке виднелись кровавые пятна, на брюках пыль, словно он только что стоял на коленях.

Кэйт криво усмехнулся, рассматривая его, улавливая то, чего не мог увидеть раньше.

— Вы похожи... С Тарисом, — констатировал он, без интереса рассматривая наведенную на него черную трубку.

Маркус оскалился. Он стрелял, покуда в обойме его револьвера не закончились патроны.

Этот имперец ничего не знал о Теодоре...

Всего в тридцати метрах отсюда, у самого перехода в законсервированный ярус Леополиса, лежало тело Дэйлы. Ее искусственный глаз и лицо были разбиты, а на сломанной шее проступали следы от пальцев Свона. Еще дальше, в огромной луже

собственной крови, лежала некогда бессмертная сволочь, Марта Лэйн.

Каких-то гребаных сто метров. Каких-то жутких, быстрых и непонятных десять минут...

Маркус нервно рассмеялся. Хохот сотрясал его тело, раскрывая настоящее безумство, творящееся в воспаленном мозгу.

* * *

Ответ на вопрос, куда подевалась Марта Лэйн, и правда ли от нее остался лишь мизинец, нашелся сам. Куда быстрее, чем ожидалось. Нандин Абэ с унынием рассматривал место преступления и цепочку кровавых следов. Его карманный фонарик привычно левитировал над головой, освещая нишу ровным холодным светом. Выхватывая каждую щелчку, каждый след и каждое пятно.

Однозначно здесь было трое человек. О последнем свидетельствовала полустертая цепочка следов, уводящая из ниши в город.

Увы, беглеца Нандин не ощущал, а потому и спешить было некуда.

Переступив багровую лужу, мужчина присел возле Марты Лэйн и проверил ее пульс. Как и ожидалось, последний отсутствовал. Расстегнув молнию ее комбинезона, внимательно осмотрел ее все еще кровоточащую рану, а потом оглянулся на вторую женщину, лежащую в двух метрах от него.

Могла ли она это сделать своим протезом, или их обеих убил кто-то третий? Маркус Соболевски или Кэйт Свон?

Согнувшись после над телом женщины-киборга, Нандин коснулся ее разбитого лица и повертел ее головой. Шея явно была сломана. Лэйн с пробитым животом вряд ли такое смогла бы сделать.

Задумавшись, Нандин отстегнул от ее тела стальной протез и со знанием дела его рассмотрел. Штуковина явно была не из старых, но и кустарщиной ее не назовешь. А значит, где-то функционирует нелегальная мастерская. Печально, если они работают на мощностях одного из официальных заводов. Последнее будет легко проверить.

Разобрав протез, Нандин привычно закинул его в свой саквояж.

Чужие шаги отвлекли. Маркус Соболевски застыл в проходе как вкопанный. Кровь отхлынула от его лица, когда он увидел Нандина над двумя трупами.

— Ты...

Голос его непривычно дрожал.

Абэ медленно выпрямился, внимательно рассматривая мужчину. Окровавленные брюки и рубашку прекрасно дополнял пистолет в руках.

— Неожиданная встреча, да? — взглянув на часы, Нандин поднял с земли свой саквояж и кивнул в сторону кровавых следов. — Догнал третьего или нет?

На лице Соболевски заиграли желваки.

— Все не уймешься, собака... — процедил он и, прежде чем Абэ успел хоть что-то сделать, повелел: — Стоять и не двигаться. Иначе просто пристрелю.

Нандин даже отреагировать не успел. На лице застыла привычная полуулыбка, тело перестало слушаться, застыв в движении. Маркус тем временем медленно подошел, окинул его взглядом с головы до ног и скривился.

— Я на днях набил твоему клону морду. Узнал многое, но не то, что хотел... И вот знаешь... Смотрю я на тебя, мразь, и понимаю, что зря не убил его. Всех вас мочить надо, стереть вас в порошок да спалить подчистую ваш геном, чтобы даже возродить было нечего.

Абэ смотрел на него молча и не мигая, не в силах ни пошевелиться, ни послушаться прямого приказа.

— Скоро я сломаю тебя, как ты ломал каждого на своем пути. — Он приблизил свое лицо к Нандину и прошептал: — Ты будешь послушен мне. Только мне. Когда это надо будет мне, а не Фёрди... Ты сделаешь то, что захочу я, а не Фёрди. И главное, ты никому не сможешь об этом рассказать, пока этого не велю я.

Жёсткая улыбка исказила его лицо. Абэ ничего не мог сказать в ответ. Он даже подумать толком не мог, понимая, что в голове его застыли даже мысли.

Маркус тем временем взял из рук Абэ послушно отданный чемоданчик и открыл его, небрежно бросив на землю. А после молча поднял на руки тело Дэйлы, вступил ногой в саквояж и исчез, оставив ненавистного долгожителя наедине со своими шальными мыслями.

Глаза Нандина Абэ слезились. Тело отмерло, как только Маркус Соболевски исчез. Его любимого чемодана тоже нигде не было, и это оказалось крайне неприятно.

подавив нежелательные эмоции, Нандин Абэ молча сдернул рукав пиджака и быстро набрал на коммутаторе номер полковника Мидлтона.

Даже если он потерял свой саквояж, это не лишает его полномочий.

Одно плохо, Маркус смог повелевать им, а Нандин ненавидел, когда таких умелых и притких лиц в его окружении становилось слишком много.

*Чужая боль остается чужой
до тех пор, пока не касается тебя лично.
До того момента, покуда не оплетет твои
ноги и не коснется сердца своим жалом...*

Тело Дэйлы было невыносимо тяжелым. Непосильная ноша, которую все равно надо нести. Просто чтобы не оставить ее там, в бурой пыли, без света и свежего воздуха.

И вот сейчас, стоя посреди искусственного сада, смотря на невысокие деревья и тяжелые от наливающихся фруктов ветви, Маркус Соболевски понимал, что ему отчаянно не хватает птиц.

И бабочек...

Ведь Дэйла так хотела увидеть самых обычных желтых бабочек... Увы, его путь лежал не просто в сад. Наспех произнесенные координаты, наверное, единственные, которые он знал наизусть, закинули его на частные территории уединенного клана Вагнер, в поместье Фёна Вагнера.

Маркус долго стоял на месте и просто смотрел. Смотрел и не видел ничего, кроме ада, пламенем сжигающего все внутри. Словно огонь, которым так легко управлял Тео, резко вспыхнул и сжег все до последнего нервного окончания.

Ветер нес влажную утреннюю прохладу, гнул нескошенную траву, а утреннее солнце касалось лица жаркими лучами.

Внезапно он увидел ветви, гнущиеся под тяжестью белых, почти созревших яблок. Упрямо тянущиеся вверх стрелы лимонной травы, яркие пятна почти налившейся калины, красные узлы на пышном орешнике. Гудели пчелы, целеустремленно снуя над ярким ковром цветов. Дом, сложенный из тяжелых брусьев, почти терялся среди этого великолепия.

Было красиво. Увы, Дэлл этого уже увидеть не могла.

Полчаса назад у нее и у Маркуса были иные планы и на жизнь, и на предложенную сделку. Он даже не подозревал, что заберёт у Абэ треклятый переносной телепорт. Теперь же миниатюрная установка, спрятанная в саквояж, болталась у него за спиной, словно ненужный булыжник и больно впивалась заселеконенным углом в бок.

Маркус упрямо поджал губы и молча пересек сад, толкнул коленом дверь, ведущую внутрь дома покойного главы клана. Не разуваясь прошел в знакомую гостиную и опустил Дэйлу на старый диван.

Привычно прошёл на кухню, сбросил чемодан на пол и припал губами к кувшину с водой. Вода очертила подбородок и полилась по сорочке. Даже не заметил. Пил жадно, словно это был его последний глоток в этой жизни.

Окружающая тишина дивным образом приглушала сумбурный поток мыслей, останавливая время и события из хаотичной круговерти в безапелляционный вакуум. Будь его воля, он бы никогда не вынырнул из него. Залил бы память, уши, глаза чернотой, превратился бы в овощ, камень, в нечто такое, чему ничего не надо для удобного существования.

Желание скрыться от всего было настоящим самообманом. Вместе с утолённой жаждой в мозгу яркими искрами вспыхивали чувства и желания. Каждая произошедшая стычка

становилась дополнительной нитью в полотне его личных претензий к собственному брату.

Человеку, которого он просто любил... и одновременно всей душой ненавидел.

Фердинанд заплатит... за все, что сделал, и за все, на что просто закрыл глаза, за все те ужасы, которые пережил каждый в этой треклятой империи, пока Ферди играл в императора.

Поток разгорающейся ярости перебили чужие голоса.

В гостиной послышался испуганный женский вопль. Что-то разбилось, а следом раздался вопрошающий оклик Ганна Вагнера, чьи-то ответы на фоне...

Спустя минуту двери кухни резко распахнулись, открывая его взору хмурого Ганна Вагнера.

— Биби? Что произошло? Дэлл мертва...

— Неудачная стычка... — прошептал Маркус, отставляя кувшин на стол. — Я вышел победителем, наверное...

Взгляд Вагнера упал на опрокинутый наземь чемодан. Подняв с пола, мужчина внимательно его осмотрел, а потом заглянул внутрь. На лице проступило еще больше озадаченности.

— Это то, о чем я думаю?

— Я не знаю, о чем ты думаешь... — процедил Соболевски, а потом отвернулся к окну. У него не было ни сил, ни желания рассуждать на пространные темы.

— Это установка отца, — послышался от дверей тяжёлый хриплый голос Тариса Лаена. — Так думает Биби... Так что, наверно, да, это то, о чем вы думаете, господин Вагнер.

— Ради приличия, парень, не демонстрируй здесь свои способности, — процедил Ганн.

— Отец был техником-разработчиком, — хрипло начал Маркус. Собственный голос показался чужим и отдаленным. — Последняя его разработка, прототип, исчезла вместе с ним. Вряд ли в чемодане тот же аппарат, но принцип работы остается прежний, — глухо пояснил он, продолжая пялиться в окно, очерчивая взглядом тяжелые яблоневые ветви. Наличие и присутствие уродца Тариса неожиданно больше не волновало и не коробило Биби. Он прокручивал события утра и все не мог отгородиться от мысли, что все идет к логическому завершению. Так, словно сам мир устал от этих проблем и решил наконец столкнуть всех лбами.

— Отца убил Абэ? — Тарис теперь обращался непосредственно к Биби.

Вопрос вызвал у Маркуса Соболевски кривую усмешку. Если бы на это можно было так легко ответить. Если бы было у кого спросить.

— Абэ этого не знает. — Увы, принятие этого факта Маркусу далось трудно. Имперский пес действительно не знал и не мог ответить на этот вопрос. — Если он замешан, увы, очень хорошо забыл об этом.

— И вы ведь встречаетесь не впервые. Почему вы отпустили Абэ после всего?

— Потому что иметь человека в тылу врага крайне удобно, — честно ответил Маркус и повернулся. Их с Тарисом взгляды наконец пересеклись. Вторая их встреча, и в совсем другом амплуа. Биби больше не мог диктовать этому парню условия. Да и угрожать больше не имело смысла. Теперь без Дэлл смысла не было вообще ни в чем. Однако... Тарис мог стать тем мостом, который приведёт его к Фердинанду и паршивый генномодифицированный прекрасно это знал. Лаен помрачнел, и это давало еще больше пищи для раздумий.

— Мои мысли нараспашку, да?

— Да, — не стал отпираться модифицированный, ничуть не смущаясь собственной «паршивости». — Сейчас вас читать намного проще, чем в Ио... Сочувствую, Дэлл наверняка была интересной женщиной.

— К черту твое сочувствие, уродец.

— От уродца слышу. Раз дышите этим воздухом, значит, вы такой же, как я. Начиная эпителием и кончая нервным окончанием... Родной брат до мозга костей...

Затянулось молчание. Маркус сверлил Тариса взглядом, вспоминал последнюю фразу Свона, и не мог отделаться от мысли, что этот чертов мутант был прав: глаза у них похожи.

— Ирраиль сказал, что не может проследить родства.

— Видимо... Мастер Ирраиль имеет собственные интересы, — прошептал Тарис и шагнул ближе, — потому что с моими модификациями он знаком на личном опыте, как их непосредственный разработчик. И это очень легко читается в его голове.

Маркус скрипнул зубами и снова отвернулся к окну.

— Осмелюсь напомнить, что мастер Ирраиль нужен нам для последней задумки, — вклинился Ганн Вагнер, — предлагаю продолжить в кабинете. Тема не терпит поспешных решений. — И тише добавил: — Маркус, приходи в себя. Это уже произошло. Твоего брата не изменить, Дэлл не оживить, а принимать решения надо. Идем... поговорим, Маока займется телом.

* * *

Сжимая пальцами кровоточащий нос, Райго неотрывно следил за рыжей грудастой девчонкой. К собственному удивлению, отметил, что, блин, он не прочь что-то замутить с ней...

Увы, привлекая его нездоровое внимание бестия владела не слишком приятным и крайне убедительным аргументом, и имя ему было — топор обыкновенный для рубки мяса и костей. И, как ни прискорбно признавать, Райго именно из мяса и костей состоял, а потому встречаться, а тем более попадать под удар вовсе не хотел.

Айша стояла недалеко, отплевывалась от песка, который неудачно загребла ртом, и косилась в сторону Райго, как на долгожданный обед. На лице красовалась ссадина, это Райго не совсем случайно ткнул её локтем. Впрочем, Айшу наливающаяся фиолетовая гематома странным образом облагораживала.

Запел петух.

— Он у вас вовремя поет? — невзначай поинтересовался Иссия, исключительно для поддержания светской беседы.

— К завтраку, — выдохнула рыжая и переступила с ноги на ногу, схватила топорик другой рукой, а потом хрустнула шейей. — Плохо, уродец, скоро желающих на твою голову станет больше. После завтрака обычно тренировка. А это как раз после петухов.

— И что? — мягко возразил Иссия, криво ухмыляясь покрасневшими от крови зубами. — Набьете мою кожу соломой и повесите на стеночке как трофей?

Айшу перекосило от озвученной перспективы. Наглая улыбка уродца просто не укладывалась в нормальное течение событий.

— Ты вообще здоров психически?

— Да в самый раз, — не унимался Райго, продолжая ощупывать нос, — думаю, я буду хорошо смотреться на табличке с датой.

— Че, детки, тренируетесь? — окликнул их издали какой-то старик. — А не рано?

Только пропел петух... Айша, а это разве не уродец? Ты что церемонишься с ним? Да руби его, руби... — напутствовал он, ковыляя в их сторону и потряхивая изогнутой палкой.

— Не борзейте, дедуля, пусть выговорится, может, чего полезного выдаст, — крикнула в ответ Айша, а сама приготовилась к нападению. К ее сожалению, уродец убиваться отнюдь не желал, еще и страдал облапыванием, чем откровенно выбивал ее из колеи.

— И то верно, дочка, я пойду-пойду... — не стал спорить дедок, обходя их по дуге под пристальными взглядами обоих, — а ты развлекайся, внученька, дело молодое...

Не прошло и мгновения, как послышался гул голосов. Похоже, молодежь собиралась на обещанную тренировку. Райго тяжело вздохнул, отнял руку от носа и выпрямился. Айша хмыкнула и снова перехватила топор. Похоже, время отдыха закончилось. Хорошо, если его противником останется одна девчонка, хуже, если они бросятся всем скопом. Тогда он попросту не справится с десятком таких наглых грудастых и не очень Айш.

Топор пришлось отбить и отправить в полет. Попутно Иссиа облапал грудь, прощупал талию и даже оценил бедра. Развлекался как мог. А тем временем на дороге собирались наблюдатели, которые к великому облегчению лезть в драку не спешили. Кто-то глазел из-за забора, кто-то влез на пень, кто-то засвистел. Кто-то заулюлюкал. Вокруг них вызрел настоящий живой человеческий круг. Не спрятаться и не уйти. Айша зверела, щеки пылали огнём и теперь, когда она воспринимала глупую стычку, которую сама же начала, как бой чести, противостояние стало реально опасным. Райго Иссиа не понял, когда в ее руках появился нож. Острое лезвие распороло щеку, потом коснулось руки. Айша двигалась стремительно и точно, словно машина. Она била со всей силы, ни капли не сомневаясь в своих действиях, так, словно убить уродца было делом всей её жизни.

Веселье прекратилось слишком резко. Тарис разнял их голыми руками. Ганн недовольно взирал из-под косматых рыжих бровей. Столпившиеся прохожие молчали, глядя на человека за спиной нового главы. Маркус Соболевски возвышался над ним как гора. Обезображенное лицо больше не прикрывала голографическая маска, грязная одежда вся была в кровавых пятнах. Но хуже всего его убийственный, холодный взгляд.

Райго невольно вздрогнул, припоминая их последнюю встречу, нашел глазами Тариса и помрачнел.

Это было похоже на объединение старых закоренелых врагов, и, увы, такой союз не мог нести ничего доброго.

— Айша... отбой, — процедил Ганн, поднимая с земли топорик. Потом вышел в центр импровизированного круга. — Клан! Как вам всем известно, этой ночью скончался наш глава, Фён Вагнер. Причиной тому крысиные, аморальные действия правителя Сакской империи, Фердинанда. Эти два юноши, — он указал топором на Тариса и Райго, — пришли помочь нам по доброй воле. И пока они помогают нам от чистого сердца, без умысла, рискуют своими жизнями ради наших целей, я требую терпимости к ним. Будьте доброжелательны, соклановцы, пока нас объединяет общая цель!

Кабинет Фёна Вагнера встретил их форменным бардаком. И если Тарис, который уже был здесь, лишь лениво скользнул взглядом по разбросанным вещам, то Айша и Маркус нахмурились и переглянулись.

— Вы здесь обыск проводили? — прокомментировал Соболевски.

— Слегонца, после того как увидели последнюю телефонную запись. Можешь полюбоваться. — Придвинув к Маркусу телефонный аппарат, Ганн уселся за рабочий стол и

кивнул Тарису на стул. — Садись рядом, парень, разговор будет нелегкий. Айша, понадобятся твои знания города.

Девушка растерянно осмотрела кабинет, после чего присела на подоконник. Маркус, в свою очередь, воткнул наушники и промотал запись с телефонным звонком на начало.

— Вы собираетесь делать вылазку в Леополис? — вопрос девушки был скорее констатацией. Ганн нахмурился. Тарис тем временем подвинул стул к ближе к столу и завалился на него. Райго остался у двери, привалившись спиной к стене и хмуро взирал на собравшуюся компанию. В кабинете дивным образом отключились все его ощущения. Мысли здесь не читались. И, похоже, Тарис ощущал то же самое. Это напрягало Иссиа, увы, поделаться он ничего не мог. Правила диктовались сейчас хозяином дома, а не наоборот.

— Подозреваю, дочь, что слово «вылазка» здесь мало отображает ту аферу, которую мы затеваем, — начал Ганн обрисовывать ситуацию. — Есть несколько целей, которые будут преследоваться нами. И этот союз, — Ганн обвел взглядом всех присутствующих, — должен обеспечить интересы всех присутствующих.

— Меня не считайте, мои интересы здесь не играют роли, — буркнул Райго. Тарис покосился на него, но решил промолчать: отношение Райго ко всей затее было ему предельно ясно. Увы, оставить Тариса одного Иссиа отказывался и продолжал бухтеть.

— В любом случае, Райго, ты принимаешь участие и сам заявил об этом, — недовольно процедил Ганн.

— Я не отказываюсь, — скривился Иссиа, не двигаясь с места.

— Моя цель — найти и вернуть Нану, — тихо начал Тарис, обрывая их перепалку. — Ваша цель — преподать урок Фердинанду за нанесенное оскорбление клану Вагнер, если я правильно понимаю, а цель Маркуса... — Лаен перевел взгляд на новоиспеченного брата, — более глобальна. Вряд ли наш союз покроет ее в полной мере. Срыв эксперимента по продаже разумного генетического товара — лишь одна из текущих задач. Глобально он метит на государственный переворот, смену социальной структуры. Уравнивание прав натуральной части населения с правами генномодифицированных. Провозглашение прав натурального человека на жизнь без империи — и это лишь часть из задуманного. Это то, что я успел понять. Какова роль здесь моя и Фердинанда, кроме личных претензий, мне еще неясно.

— Твоя роль случайна, Тарис, — тяжело вздохнул Ганн, — ты черная лошадка, которая неожиданно появилась на горизонте и при этом имеет громадный вес. Ты ведь понимаешь, в чем именно дело?

Лаен кивнул. Нетрудно было догадаться. Дело в их родстве и в его способностях. Тарис мог заменить Фердинанда. И эта информация была не в голове Маркуса, а в голове Райго под семью замками... Под блоками, которые сам Райго не мог вскрыть.

— Сказочный придурок, — неожиданно процедил Маркус, вытаскивая наушники, и взглянул на Вагнера. — Это все? Наверняка это не первый разговор.

— Увы, — Ганн развел руками. — Не буду скрывать, звонок обескуражил всех старейшин. А если учесть, что Фён отдал концы сразу после разговора с Фердинандом, вырисовывается совсем нерадужная картина.

— Это ведь не просто торг на Тариса, это именно открытое оскорбление, — Маркус нахмурился. — Я так понимаю, клан проголосовал за месть?

— Да. Времени на организацию почти нет, да и пока Нана у них, Маока не даст разрешения на открытые действия.

— А ты... видел? — поинтересовался Маркус уже у Тариса.

— Видел, — буркнул Лаен, смотря в глаза Маркусу. — Это видео ничего не меняет.

— Увы, оно меняет многое. Твоя подружка больше не тот человек, которого ты знаешь, и больше им не будет. Ганн, ты легко предложил мне интересную идею, я не против, но ты хоть объяснил ему, — Маркус кивнул на Лаена, — что Нана теперь для него такая же опасность как и Абэ с Фердинандом?

Ганн скривился. Тарис продолжал пялиться на обоих, не в силах прочесть их. Райго и Айша слушали и вникали, понимая, что часть информации уже ушла мимо их ушей.

— Не объяснил, — продолжил тем временем Маркус и повернулся к Лаену. — Слушай... мне фиолетово, что с тобой случится и как это произойдет. Мой брат Теодор мертв, то, что тебя вырастили из его тела, ничего не меняет... Однако... этот факт накладывает на меня некие обязательства перед тобой и нашей матерью. Я просто не хочу врать и желаю, чтобы ты полностью понимал сложившуюся ситуацию. Нана сейчас не управляет своим телом, ей владеет кластер. А он сделает то, что велит Абэ. Вот и все, помни об этом. Сунешься туда и не вернёшься.

— Опасен не столько Абэ, сколько император Фердинанд, — вклинился Райго. — Он отдает приказы Нандину. И это он желает смерти Тарису. Причем реально, на полном серьезе хочет этого.

— Райго... мы это уже обсуждали... — одернул его Лаен и снова обратил все внимание на Маркуса. — Значит, не хотите врать? Тогда в чем смысл? Вам ведь действительно все равно, что со мной произойдет... В Ио вы готовы были меня убить. Вы желали этого всей душой.

— А смысл в том, что я хочу адекватного результата от этой глупой затеи, а не брошенного на полпути дела, ясно? От того, как вы сейчас провернете все это, зависит то, как быстро я добьюсь своей цели.

Тарис криво усмехнулся, рассматривая обожженное лицо.

— Ясно, результат глупой затеи — это прям предел мечтаний. Знаете, я как бы тоже не хочу уйти в переработку. Где гарантии, что вы не грохнете через час Райго и не пристрелите меня после исполнения задуманного?

— Нет гарантий, парень, — Маркус был откровенен. — Каждый сам за себя. Так было «до» и так будет «после».

Айша хмыкнула, едва подавив смехок.

— Идиот, — прошептал Ганн, откинувшись на спинку кресла. — Он все-таки твой брат...

— Он выращен из моего брата, это не одно и то же... Теодор мертв. Его убили, пока превращали в Тариса. Это факт.

— Это вообще логично? — вклинулась Айша, перестав улавливать логику Биби, — человек ведь один и тот же. Один мозг, одно тело...

— Что такое кластер? — поинтересовался Тарис, насильно поворачивая разговор с неприятной ему темы в нужное русло.

— Мозговой центр империи, биокомпьютер, — Маркус был четок в определении. — Информационный банк с неограниченным объёмом оперативной памяти. Основная задача — ведение баз данных и обработка информации. Обычно используется в связке с оператором. Проще говоря, главным секретарем. Оператора меняют каждые полгода. Уничтожь оператора, система застопорится, куда к ней не подключат нового человека.

— Нану придется от него отключить? — снова поинтересовался Лаен. Ганн и Маркус переглянулись.

— С этим придется разобраться на месте. Наверняка есть определенный алгоритм действий. Если во дворце нет глушения для считывания мыслей, ты наверняка разберешься. А нет, найдешь, у кого спросить, если придется — насильно. Если понадобится, сожжешь к чертовой матери. Сможешь?

— Сжечь всегда можно... Но знаете... это выглядит, как пойдти туда, не знаю куда, сделай то, не знаю что, — Тарис нахмурился. — Остаётся только вопрос... Как я попаду в имперский дворец?

— Мы пойдем окольным путем. Через Леополис, — пояснил Ганн и с интересом взглянул на Маркуса. — Ты уже связался с Ирраилем?

— Связался, — Биби нахмурился, нехотя вспоминая и короткий разговор, и то, что за ним последовало. — Он поможет. Цена сто тыщ, и мы делаем, что хотим. Время до обеда. Это на порядок меньше, чем я рассчитывал. Но он гарантирует, что Фердинанд возьмет человека лично. А лучшего и желать не надо.

Взглянув на часы, Ганн Вагнер нахмурился.

— Девять утра. Мы банально не успеем добраться. Даже если сядем сейчас на электрокар и вовремя доберемся в Ио, потеряем пару часов, банально ожидая ближайший пневмопоезд.

— Тарис сможет добежать в Ио быстрее электрокара, — вклинился Райго, — думаю, сможет взять даже наездника. Но потом сляжет на пару часов, вряд ли мы поставим его на ноги до обеда.

— Он что, лошадь, чтобы брать наездника? — хмыкнула Айша, в упор смотря на Райго. — Это даже звучит странно. Еще в стойло предложи его поставить...

Маркус неожиданно рассмеялся.

— Нас доставит чемодан Нандина Абэ, куда нужно и когда нужно, — пояснил он. — Так что времени у нас до обеда. Время, нужное для транспортировки, равно мгновениям. Но нам придется правильно рассчитать координаты. Координатами займусь я. И еще, Тарис, мне нужно, чтобы Райго заменил Дэйлу как менталист.

— Вряд ли он согласится, после того как вы порылись в его памяти, — ничуть не удивился Лаен.

— А если убедительно попросить? — гнул свое Маркус.

— Я, вообще-то, здесь стою, — ощерился Иссиа, — и вас слушаю. Я могу заменить вам менталиста временно, но при условии, что Тарис будет где-то неподалеку. Максимум километра два. Моя первостепенная задача — он, во всех смыслах этого слова. Отходить слишком далеко я не могу. Если расстояние увеличится, от меня будет мало толку.

— Это почему? — удивилась Айша.

— Потому что я запрограммирован на ряд действий, — нехотя процедил Райго.

— У него автоматически запустятся алгоритмы, который он должен будет исполнить и, пока не исполнит, мыслить не сможет, — пояснил Тарис, рассматривая девушку.

— Это отвратительно...

— Это реальность, с которой живет большая часть клонов в империи, — уже пояснил Маркус. — Клон — это все равно что поставленная на поток био-машина с определенной нужной функцией. К примеру, личная охрана Фердинанда Соболевски состоит только из клонов. И пока это было доступно лишь на уровне госструктур и организаций для покрытия

нехватки трудового ресурса, все было терпимо. Но сейчас они хотят дать это право частным лицам, а это уже создает дисбаланс в правах. По сути, порождает право на рабовладение.

— И какая же функция у тебя, Райго Иссиа? — Айша теперь с интересом смотрела на черноволосого парня, которого на полном серьезе собиралась убить топором еще полчаса назад.

— Охранная. — Взгляд Райго скользнул по братьям Соболевски — Создан на базе генома Нандина Абэ для охраны одного из членов имперской семьи. Могу заниматься попутно чем угодно, но главной функции это не меняет.

— А у нас что, здесь кто-то из имперской семьи? — удивленно вскинула брови девушка.

— Двое, дочка, — хмыкнул Ганн, кивая на Маркуса и Тариса, — прямо говоря, родные братья императора Сакской империи Фердинанда.

Повисло молчание. Айша смотрела перед собой, переваривая услышанное и пытаясь уместить информацию в голове, определить для себя отношение к происходящему. Маркус Биби был для нее примером. Тарис Лаен и Райго Иссиа — объектами для оттачивания личных навыков, материалом для постройки собственной лестницы к достижению идеального мира.

Они не вязались ни между собой, ни с Фердинандом.

— Что-то мне этот союз перестает нравиться, — буркнула она. Ее слышали все, но это отнюдь не смущало девушку. Ее волновали другие вопросы. Знала ли Нана, когда спасала ГМО, что это родной брат Маркуса, знала ли, что он связан с Фердинандом? Да и вообще, почему она не умерла от того укола? Ведь... был укол...

— Твоя задача — разработать план передвижения, провести отряд наших бойцов в Леополис и определить самые подходящие точки наблюдения, а не разглагольствовать на тему, нравится или нет, — перебил ее Ганн. — Ладно, займемся делом, в конце концов время не терпит. Айша, неси карту. Райго, подходи ближе. Хочешь или нет, ты участник.

— Вы хоть локацию обрисуйте, — обиделась Айша, начиная рыться на полках ближайшего шкафа. Карта нашлась быстро и вскоре была разложена на столе, — а то, как сказал Тарис, выглядит, как пойдешь туда, не знаю куда...

* * *

— Где Абэ?! По чьей милости сороковая спала на полу его кабинета? — Фердинанд влетел в секретариат абсолютно без настроения. Ворот рубашки был расстегнут, распушенный галстук болтался на шее. Рукава собраны выше локтей. За ним, словно робот, чеканила шаг секретарь номер сорок. Взгляд у Наны Вагнер был отсутствующий, лицо бесстрастное, словно команду «сон» она выполняла, несмотря на вертикальное положение и непрекращающееся движение ног.

— Мой император, мы не смогли отследить господина Абэ. Его телепортационная установка исчезла с радара. Коммутатор не отвечает.

— Гадство, — прошипел Фердинанд, — отчет по состоянию пятого блока готов?

Вопрос молодого императора был встречен повышенным напряжением.

— Только предварительный, — невозмутимо ответила тридцать восьмая, на ходу передавая ему бумаги.

— Причина? — Фердинанд жадно вчитался в переданные ему бумаги, не глядя, обогнул пару столов и влетел в следующий кабинет, быстро осмотрелся и поманил работников пальцем. — Ты, ты и ты — за мной, ты — подготовь данные по температурным показателям в каждом из нижних городов, мне нужны детальные графики по каждой из зон... — А потом, не прощаясь, вышел в коридор. За ним потянулась вереница сдернутых с места секретарей. Каждый со своими бумагами и проблемами, думающий о только ему известном процессе.

— Проверка усложнена недавним обвалом в Десятом городе, — тридцать восьмая потеснила сороковую плечом и теперь пыталась впопыхах обрисовать проблему. — Не могут добраться до некоторых мест. Леополис уже выслал технику для расчистки. Аллот взял на себя управление солнечными отражателями. Префект Руф готовит прогноз по солнечной активности на следующие сутки. Есть вероятность, что солнечных отражателей не хватит для полной защиты посевов.

— Плохо... — Фердинанд недовольно поджал губы, вчитываясь в отчет с предварительной оценкой состояния блока. Кабинет встретил его привычной обстановкой. Присев за свой рабочий стол, он разложил документы и принялся за работу. Секретари обступили его, готовясь отвечать. — У меня полтора часа, девушки. Мне нужен прямой путь в Леополис на одиннадцать часов дня. К часу организуйте открытие стационарных телепортов в остальные полисы. Соберите рабочие группы от префектур в зале совещаний. Наличие в составе профильных специалистов обязательно. Задание — рассчитать возможный урон для экосистемы, в том числе по потерям среди числа невидоизмененного населения... — Оторвавшись наконец от бумаг, он обвел секретарей тяжелым, полным энергии взглядом и как припечатал: — К трем план работы должен быть готов и принят к исполнению.

* * *

Утро в поднебесном городе Леополис выдалось необычайно теплым. Прохожие сбросили плащи и куртки, привычные для этого времени суток. Все спешили кто куда, в обычном темпе.

Начальник имперского бюро расследований взирал на их утреннюю суету сквозь окно больничной палаты леополисской больницы и ждал.

За спиной мерно работала система жизнеобеспечения. За прозрачными стенками лечебной капсулы можно было разглядеть опутанное тонкими трубками тело бывшего следователя леополисского департамента полиции. Выглядел Кэйт Свон плохо. И все же Нандин Абэ ждал его пробуждения. Ему нужна была информация о произошедшем. Надо было узнать, что Свон подумает, а что озвучит, и оценить.

Индикаторы контролера вышли из красной зоны, выдав тонкий неприятный писк. Нандин неспешно обернулся. Скользнул взглядом по колбе и уловил слабое движение внутри. Свон его не видел. Озадаченно коснулся ладонью дыхательной маски, а потом смазанной заживляющим гелем раны в собственном животе. Очертил пальцами тонкие трубки системы, по которых бежала его же кровь. Наконец, сжав ладонью свой ошейник, Свон застыл, задумался. Мысли его были страшными...

— Любовь... глупость и смерть, как следствие... — тихо вымолвил Абэ, комментируя увиденное и привлекая тем самым внимание к себе... Кэйт вздрогнул и резко взглянул на незамеченного им наблюдателя.

И закрылся... полностью стерев все свои размышления на корню. Нандин в ответ лишь усмехнулся. Неожиданный во всех смыслах следователь Кэйт Свон мог стать изюминкой, недостающим звеном в его личных рабочих кадрах. Или же остаться занозой в заднице, как сейчас.

— Говорите, — вот и все, что услышал Кэйт, стоило ему встретиться взглядом с Нандином Абэ... Ни наводящих вопросов, ни предысторий.

Прошедшие события превратились в речь слишком просто. А замеченные нюансы не менее легко ложились в систему закономерностей. Абэ не перебивал. Но при этом даже мысли не возникло отмолчаться.

— Больше мне нечего сказать, — наконец выдал Свон, закончив свое повествование.

Нандин Абэ хмурился, продолжая стоять возле окна. Свон рассказал почти все, о чем подумал, когда проснулся. Однако все еще оставались непонятные моменты, нелогичные, как ни крути.

— Вы не рассказали, почему ожидали от компаньонки Соболевски ментальных способностей. Мне нужна реальная причина. И, поверьте на слово, делать еще одну отсылку к субъектам, замешанным в похищении подозреваемых и убийстве главврача леополисской больницы, не стоит. — Нандин даже не взглянул на него, продолжая смотреть в окно. — Сейчас качественное решение общей проблемы и ваш профессионализм важнее, чем беспокойство о собственной шкуре. Говорите.

Свон молчал. Скользнул взглядом по стенкам колбы, отделяющей его от пространства палаты и двери; трубкам, соединенным с его собственным кровотоком; индикаторам системы жизнеобеспечения, застывшим в оранжевой зоне, говорящим о том, что его жизнь сейчас напрямую зависит от машины. Тупик. Соврать не получится, правда мягкой тоже не будет. И, похоже, Абэ прекрасно понял, о чем бывший следователь сейчас подумал.

Осталось уповать лишь на профессионализм.

— Существуют две аналогичные связки, — начал Кэйт, не сильно спеша с объяснениями. Горло пересохло от долгого говорения и мыслей о том, что правда должна привести не к самому лучшему результату, а может, и к худшему. — Вы и император... Тарис Лаен и Райго Иссия... Если с вами и императором связь понятна и логична, то почему Райго помогает Тарису — мне было неизвестно. Я предположил... что император Фердинанд, ГМО Тарис Лаен и директор Леополисской Академии Маркус Соболевски — н:

самом деле кровные братья. Предположил, что настоящие Маркус и Теодор Соболевски не погибали, а выжили и спрятались, подтасовав факты... или им помогли. Если смотреть в этом ключе, то связь Соболевски-менталист выглядит устойчивой во времени. Именно потому я ждал от спутницы старшего из братьев Соболевски ментальных способностей. И не ошибся. Марта Лэйн определила ту женщину как крайне сильного телепата. Марта хотела уничтожить ее, я предложил поймать. И ошибся. Я один виноват в сложившейся ситуации.

Кэйт умолк, глядя на долгожителя сквозь стенки колбы и понимая, что сейчас он полностью уязвим перед этим человеком. Абэ, в свою очередь, молчал, раздумывая над ответом: откровенность Кэйта Свона поставила точку на дальнейшем расспросе.

— Очевидно, ловить менталиста голыми руками — самая глупая из ваших идей. При этом анализом вы умеете пользоваться виртуозно, — прокомментировал Абэ. — Связь Соболевски-менталист действительно очень стабильна... к моему сожалению, она еще и нерушима. Увы, в Сакской империи ментализм, телепатия, чтение мыслей, управление чужим сознанием и действием, гипноз, да и просто восприимчивость чужому влиянию находятся вне социально допустимых качеств, а потому истребляются. Такие люди, как вы и я, вне закона, господин Свон. И живем мы на птичьих правах.

Пальцы Абэ забегали по голографической панели контроллера системы жизнеобеспечения. Настройки корректировались легко, а следом за их изменениями тонко и натужно запищала сигнализация. Свон бесполезно дернулся в своей капсуле, но, естественно, выбраться не смог.

— Кстати, — Абэ обернулся и теперь с ленцой наблюдал за попытками Свона освободиться. — Беда любого анализа — это отсутствие достоверной информации. А без неверно проведенного анализа вы не получите идеального синтеза, бывший следователь Свон. К примеру, в этот момент вы знаете, что я вас убиваю. Вы пришли к этому выводу, потому что вы знаете то чего не должны знать. Ваше предположение подтверждается фактами — сейчас вы теряете контроль над своим телом, а я наблюдаю, как система жизнеобеспечения отключает свои функции. Но какова истина на самом деле?

Помутневший взгляд Свона скользнул к начальнику имперского бюро расследований. Кэйт не ответил, уперся ладонями в прозрачные стенки колбы, пытаясь их хоть как-то сдвинуть, и понимал, что сил в нем с каждым мигом меньше, словно каждая клетка его организма медленно отключалась.

Абэ помрачнел, когда руки бывшего следователя, потеряв силы, упали. Кэйт больше не мог двигаться, паниковал, и даже его ошейник начал мигать разноцветными маячками, сигнализируя об этом.

— Думайте, Кэйт... Может ли убить система жизнеобеспечения, если в ней просто изменить настройки?

Понимание сказанного отобразилось на лице Свона за миг до того, как программа отправила его в глубокий и спасительный сон. Защитная реакция искусственного интеллекта исключала любую возможность убийства. А при неправильном обращении с системой автоматически отправляла больного в состояние стазиса, спасая его тем самым от безграмотного оператора системы извне.

Абэ снова отвернулся к окну. Нехитрое действие по изменению настроек приведёт к паре суток абсолютного молчания пациента. А ещё спасёт его от жары, которая неуклонно надвигалась...

* * *

— Третий с половиной... — шепнул Райго.

— Четвёртый... — так же тихо возразил Тарис. Они сидели на кухне в доме главы Фёна и прилежно ждали обещанного полдника. Айша как раз разливала по тарелкам какую-то кашу и не сильно вникала в их разговор.

— Вряд ли. У неё же не дыни...

— Она так считает...

— Жрите, — тарелки с грохотом упали перед ними на стол. Девушка недовольно сморщила свой мелкий носик и скривилась. Руки уперла в бока, отчего майка на её груди натянулась ещё сильнее.

«Хорошо, четвертый», — мысленно согласился Райго, цепляясь взглядом в откровенный вырез девичей футболки. С усилием заставил себя перевести взгляд выше. Гематомы и рассеченная губа девушки уже были обработаны и густо намазаны зеленкой. Сбитые костяшки просто промыты.

Райго в её глазах выглядел не лучше. Марлевые повязки закрывали часть его лица и головы. Изрезанные ладони были туго перевязаны.

— И что, уродцы, реально готовы помереть за наш клан? — решила начать разговор Айша, отчего Райго подавился горбушкой, в которую как раз вгрызся зубами.

Тарис молча кивнул. Его взгляд скользнул ниже к виднеющемуся из-под края узкой футболки пупку. Мелкие спортивные шорты красиво обрамляли её бедра. Ноги... Ноги закрывала столешница.

— Чего уставились, глаза лишними оказались? Так я выколю, с меня не убудет, корона не упадёт... и похрен, что вы родня имперским шишкам.

Тарис шумно выдохнул и перевёл взгляд на серую кашу в миске.

— Присоединяйтесь к трапезе, госпожа Айша... — предложил он, — заодно поговорим о насущном...

Райго подавился кашей и хрюкнул, ярко представив рыжую бестию с плеткой... Тарис понял все правильно и покраснел.

— Ты же не животное, Райго, можно думать о чем-то более приличном?

— Более приличном, чем что? По-моему, лучше уж представить её с плетью, чем тебя, выжигающим человеческие мозги.

— Твои интерпретации меня поражают.

— Мои интерпретации соответствуют истине, Тарис. — Райго откинул ложку в тарелку. — Зри глубже. Если ты уничтожишь кластер, то тем самым убьешь подземные города. Не уничтожишь кластер, не отсоединишь Нану. Слишком долго будешь вертеться на месте — тебя раскусит либо Абэ, либо Фердинанд. А если они тебя найдут вне зоны шантажа, то есть кластера, угробят на месте, не особо разбираясь в твоих жизненных взглядах, мотивах и стремлениях. И поверь, если Фердинанд захочет, Абэ с тебя шкуру спустит. А потом полюбуется, как ты регенерируешь, и сделает это еще раз. Он может.

— Должен быть другой выход... — невозмутимо ответил Тарис.

— Не идти за Наной. Это единственный вариант, — Райго был категоричен. Тарис скривился, он не мог не идти.

Айша, в свою очередь, была озадачена тирадой Райго. При обсуждении в кабинете покойного Фёна Вагнера Иссиа молчал. Теперь же, когда ушей было меньше, он говорил и высказывал вполне веские предупреждения. Она слабо понимала, что собой представлял кластер. Но если от его жизнеспособности зависела работа городов, то это не был просто

праздний бескоммуникационный период. Неработающие нижние города могли подорвать инфраструктуру империи — с одной стороны, выглядело это заманчиво. Но была в этом деле пара нюансов. И если удар по ГМО Айша поддерживала, то удар по натуральной части населения ей претил. Для обитателей подземных городов неработающие системы жизнеобеспечения и коммуникации были серьёзным испытанием. Можно сказать, смертельным.

Айша, помявшись, присела рядом. Сложила руки перед собой и внимательно посмотрела на обоих.

— Эй, уродцы... вас послушать, так складывается ощущение, что вы конченные самоубийцы. Сдалась вам эта Нана. У вас более глобальной цели нет? Ты, Райго, разве не хочешь избавиться от алгоритма в своей голове? Раз называешь себя человеком и дышишь, и жрешь как человек, то и остальное делай как человек, а не как дрессированная собака... А ты, Тарис, ГМО и сам факт этого отвратителен, но, вообще-то, ты брат императора, у тебя, как и Маркуса, права на трон. Это вообще странно звучит... Но ты понимаешь, что и у тебя, и Маркуса есть все права на эту гребаную империю? Вы можете встать во главе и просто все поменять, а не воевать с ветряными мельницами. Что вам даст освобождение Наны и уничтожение кластера, кроме очередного хаоса?

Вы можете дать права обычным людям, которых они лишены. Дать возможность подземным жителям модифицироваться и выйти на поверхность, просто дышать... А ГМО свыше пятидесяти процентов запретить как ненужную ветвь развития человека... Которая просто отнимает силы у социума. Вы можете дать возможность натуральным людям, как Дэйла, жить так, как они хотят, не боясь военных рейдов и насильственной ассимиляции. Вы можете изменить социум. Потому что то, что происходит сейчас, отвратительно. Имперцы как стадо баранов и даже не замечают этого. Постоянно все более глубокие ГМО, с новыми абсолютно не логичным и не нужными генными моделями, которые только визуально напоминают людей. В то время, когда в нижних городах очередь на генную модификацию передаётся по наследству из поколения в поколения просто для того, чтобы выйти на поверхность! Они как дети, наивные, понятия не имеющие о реальной ситуации. Дети, трясущиеся над каждым самым хилым взрослым новорождённым. В то время как имперцы верхних городов не уважают мертвых, не уважают и не понимают старости, перерабатывают свои тела наравне с мусором. Меняют цвет глаз по желанию, были бы деньги! Жизнь потеряла ценность. Как можно ценить человека, который свое окружение не ценит. Вы можете это изменить!

— Тебе-то какое дело? Если ты даже своей двоюродной сестры не оценила, а просто решила её убить. — Тарис даже не поменялся в лице, продолжая есть.

— Есть правила! — ощерилась Айша. — Она нас предала, сбежала, не устранила ключевого мутанта, из-за чего был одобрен и пошёл в ход целый ряд модификаций! Все эти глупые эксперименты отдаляют Кальтену от того, для чего он был создан! Он перестает адаптировать человечество и тупо экспериментирует там, где не надо! Они должны были вывести всех жителей на приемлемый уровень генной адаптации к среде, и все! А вместо это создают уродов, одного похлеще другого! Таких, как вы оба!

Ответить ей не успели. В кухню зашел Маркус и смерил всех тяжелым взглядом.

— Закругляйтесь. Через полчаса церемония сожжения. После отправляемся в Леополис. Как и договаривались, Тарис и Райго займут место объекта. Айша, ты соберешь ребят, не больше пяти человек. По своему усмотрению, кто меньше всего будет выделяться на фоне

городских.

— Если мы наткнемся на Абэ, пять человек будет мало, — сразу же возразила девушка. — Это ведь не просто уродец, это бессмертный уродец. К тому же чертовски сильный и верткий.

— Наличие Абэ тебя не должно заботить. Он моя задача. А твоя — пять незаметных ребят.

Кивнув, девушка быстро удалилась. Маркус же, проводив ее взглядом, присел напротив Тариса и Райго и положил перед ними распечатку с фотографией.

— Это Вито Лаен. Мужчина. Капсульник. Новорожденный. Тарис, твоя задача заменить его. Райго, ты должен подчистить мальчишке память, чтобы он забыл о вас, сможете?

— Я смогу... но Тарис лицо не переоденет. Это нонсенс.

— За лицо не переживайте. — Маркус отвернул лацкан своего пиджака и снял с него тонкую пластинку размером с ноготь. Положил её перед Тарисом. — Это голографическая маска. Цепляешь её, к примеру, на одежду или на ошейник. Она изменит внешность.

— Она как бы заметна, — намекнул Райго Иссиа, — маячит.

— Маяк всегда можно отключить, — усмехнулся Маркус, — это не стандартная имперская маска, это уже наша разработка.

— А как настроить? — спросил Лаен, подтягивая пластинку к себе.

— Для начала считать необходимую внешность. Это несложно, я научу.

* * *

— Здравствуй, Клэр, — Нандин Абэ плотно прикрыл за собой дверь допросной и бросил шляпу на стол. Взгляд скользнул по женщине, сидящей за столом. Её привычные модные платья были сменены на серый комбинезон. Рукава закатаны, обнажая стык между плотью и протезом. Стык был увенчан новыми скобами и замком, так что дэ Руж больше не могла отстегнуть от тела искусственную часть. Запястья ее были скованы наручниками. Полные губы — плотно сжаты. Растрепанные кучерявые волосы топорщились во все стороны. Подпухшие веки и красноватые белки глаз явно говорили о нерадужном настроении. Впрочем, с чего ему быть радужным? Абэ делано улыбнулся:

— Хорошо выглядишь.

Клэр зло фыркнула в ответ, скользя взглядом по бывшему соратнику. От нее не укрылись ни пятна крови на его рубашке, ни пыльные разводы на штанах.

— Твоими молитвами... Кого ты успел убить?

Тяжело вздохнув, начальник имперского бюро расследований слегка ослабил галстук, снял пиджак и повесил на спинку стула, а после присел сам. Взглянул в карие глаза бывшей подруги и нахмурился.

— Надеюсь, по окончании нашего разговора мне не придется убивать тебя... — выдохнул он, ничуть не тревожась об эффекте, который произвели его слова. — Я просил сотрудничества, если ты не забыла. Фёрди просил. Это было неделю назад. На днях я просил быть преданной Фердинанду, я предупреждал тебя...

— Катись ты со своими просьбами и предупреждениями! — раздражённо перебила его дэ Руж, резко дергая руками. Начало разговора ей совсем не понравилось. — Я всегда была предана Соболевски, а что в ответ?! — Ее начало трясти. — Вы милостиво покровсали мне руку. За просто так, без вины!!! Хотя я говорила вам, клялась, что не пускала в город предателя... И ты видел это в моей голове!!! Ты первый меня предал!!! И теперь говоришь о послушности? Это подло, Нан! Если бы Фил был жив...

— Фил мертв, Клэр! — Нандин и сам крикнул, ударяя руками по столу, обрывая ее ненужные выпады. — И довольно давно! — Выкинув вперед руку, ухватил пальцами цепь, сковывающую запястья женщины, и дернул на себя. Клэр вскрикнула, падая на стол, миг вся сжалась, словно за этим рывком мог последовать удар, или чего хуже, исполнение обещанной угрозы. Абэ скривился от ее реакции. Справившись с эмоциями, он не глядя вытащил из кармана ключик и молча расстегнул ее наручники, вернулся на свое место. Злость, которой фонила женщина, сбивала его мысли с нужного русла.

— Клэр... Фил мертв, — повторил Нан тише, потирая ладонями лицо и даже не пытаясь смотреть в глаза. — И Сатоир мертв... Несмотря на все его попытки выжить и править вечно. У нас есть Фёрди, и не тебе решать, правильно он правит или нет. Смирись уже...

— А кому решать, тебе? — словно не слыша, прошептала Клэр, потирая запястья. Встряхнув пышной гривой волос, она наконец села прямо и продолжила недоверчиво смотреть на Нандина. — Может, Алькову мудрецов? От него, кроме названия и мозгов, хоть что-то осталось?

— То, что Альков решил тебя задержать, не моя вина... — устало возразил он, смотря в глаза Клэр. — И не Фердинанда...

Потом коснулся своего коммутатора на запястье и вывел в пространство голографический экран. Замелькали кадры. Убийство в академии... Свон, пожимающий руку директору Соболевски, подворотня с раненым Тарисом Лаеном, убийство в фуникулёре, фото мозгового импланта, пожар и побег подозреваемых, убийство Швецова, Клэр в объятиях Соболевски, рыдающая взхлеб, и наконец последние фото, которые он лично сделал этим утром. Поверженная Марта Лэйн и Кэйт Свон в луже собственной крови...

— Вот так Маркус предаёт тебя, Клэр. Без предупреждения и на раз отсекая все твои связи. Если захочет прекратить ваше общение, он просто поставит на тебе точку. Как он ставит точку на каждом человеке, которого использует в качестве пушечного мяса. Сотрет тебя в порошок, без предупреждения, пространных разговоров и прочей розовой чепухи...

— Я тебе не верю.

— Неужели? — Абэ внимательно изучал ее реакции. А после вытащил из одного из карманов инфо-кристалл:

— Это копия, дарю... — После чего невозмутимо накинул на плечи свой пиджак и подхватил со стола шляпу. — Вопрос о твоей лояльности оставим на потом. А пока позарез нужны твои навыки. Пятый блок морозильника вышел из строя. У тебя сутки, чтобы показать, как ты нам нужна. А на досуге ответь себе на вопрос, что ты сделала с имплантом, который я отдал тебе в парке? И рекомендую придумать более вразумительный ответ, чем: «Что за имплант, и почему я о нем не помню?»

Нандин ушёл. Клэр растерянно смотрела на оставшуюся открытой дверь, а потом подхватила оставленный инфокристалл и выскочила в коридор.

— Нан!!! Я же действительно не помню, — крикнула она вслед.

Абэ остановился лишь на миг, взглянул на неё через плечо, а потом напялил на голову шляпу.

— Я Знаю...

Кабинет встретил Клэр дэ Руж тишиной и беспорядком.

Женщина молча прикрыла за собой дверь и сбросила сумку на ближайший стул. Подошла к окну и раздвинула занавески. Взгляд скользнул по раскинувшейся впереди площади и домам, окружившим её неразрывной стеной. Там играла музыка. У противоположного дома работал зазывала. На его ярком плакате красовалась революционная и аморальная фраза: «ГМО на любой вкус и деньги».

Префект с раздражением отвернулась. По привычке щелкнула по кнопке громкоговорителя, чтобы позвать Марту, и только после этого вспомнила, что Марты больше нет. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Чтоб им... — процедила она. А потом, не раздумывая, нащелкала номер секретариата Алькова Мудрецов. Длинные гудки быстро сменились музыкой, а следом интерактивной записью.

— Задайте ваш вопрос, пожалуйста?

— Под моим окном работает зазывала с плакатом «ГМО на любой вкус и деньги», — процедила Клэр, — это отвратительно.

— Подождите, пожалуйста, я переключу вас на отдельную линию... — незатейливый ответ сменился классической мелодией, а после очередной записанной фразой: — Граждане. Сегодня в городе Леополис префектуры Леополис запущен социальный эксперимент. Просим Вас, будьте терпимы и не поддавайтесь панике. Примите участие, купите разумное ГМО. Спасибо, что обратились за разъяснением. Скажите, был ли полезен наш ответ?

Ответ был отвратительный. Чертыхнувшись, Клэр сбросила звонок, а после подхватила считыватель. Отданный Нандином кристалл тут же активировался. Вдоль стены привычно развернулось голографическое изображение: Нандин Абэ, стоящий у окна, и занявшая почти всю палату система жизнеобеспечения. Человека, лежащего в капсуле, не было видно. Но узнать голос было не трудно.

— *Нанесённые повреждения были несовместимы с жизнью... Движение грудной клетки отсутствовало. Пульс я не проверял, — говорил Кэйт Свон. — Находясь в шоковом состоянии, взял убийцу в захват, приложил головой о стену. Свернул шею. Потом вышел из тоннеля... Простоял так минут десять. Потом меня догнал Маркус Соболевски. Он произвёл четыре выстрела в мою сторону. Дальше не помню.*

— *Вы видели Маркуса Соболевски прежде?*

— *Да, в день убийства, в Высшей Леополиской Академии. Он представился как директор Соболевски. Позже в доме Клэр дэ Руж, сразу после убийства Алека Швецова. Каждый раз у него была включена голографическая маска.*

— *Вас это не удивило?*

— *Ни разу... Маски не запрещены и лицензированы. А вот спутница Соболевски привлекла внимание... Она была без волосяного покрова. Как те две женщины, похитительница и убийца Швецова... Собственно, это натолкнуло на мысль, что спутница Маркуса Соболевски — менталист...*

Клер, слушала признания Свона, обхватив голову руками, до самого конца. Запись закончилась с характерным щелчком. Остальные документы на инфо-кристалле носили

текстовый характер, некоторые прятали под своими названиями графики и схемы. Клэр дэ Руж ознакомилась со всем.

Похоже, Абэ отдал ей почти все данные о поврежденном пятом блоке охлаждающей установки. Внутри кристалла было два варианта отчета, реальный и подкорректированный. Один, говорящий о взрыве на верхних этажах десятого города, другой, подающий ту же информацию как обвал в связи с размывом пород поверхностными водами.

В одном четко указывалось, что верхние этажи в нарушение всех норм были обжиты, второй врал об отсутствии человеческого фактора в произошедшей катастрофе.

Абэ предлагал выбор. И, похоже, требовал соответствующего ряда действий.

Коммутатор застрекотал.

— Префектура Леополис, Клэр дэ Руж слушает...

— Госпожа дэ Руж. Я тридцать восьмой секретарь его величества императора Сакской империи, Фердинанда первого. Через полчаса будет открыт телепорт, прошу собрать спецгруппу по вопросам эко-восстановления и воспользоваться им для перемещения. Перечень специалистов уже выслан вам на почту. Вопросы будут переданы конвертом после открытия телепорта. Заседание начнется в час дня. К трем необходимо составить план работ и принять его в исполнение. До встречи.

Короткие гудки обозначили окончание разговора.

Набрав номер Марии Волковски, Клэр нервно вскочила с кресла и начала расхаживать по кабинету.

— Клэр! Вас выпустили... Я думала, мир сошёл с ума, когда вас задержали, начала обзванивать префектов, мы подготовили коллективное обращение в Альков...

— Мария, — оборвала её речь дэ Руж, — вы можете в двух словах описать ситуацию с пятым блоком?

— Вышел из строя, приблизительно в четыре утра позапрошлой ночью. Но данные по базе не прошли, я так понимаю, из-за перезагрузки баз.

Фиксация поломки произошла, когда среднесуточная температура прыгнула на три градуса и продолжила расти. Сейчас ваши ребята расчищают завал, мои техники ждут, когда смогут подобраться к поломке. Это в двух словах. Если детальнее, то, увы, у меня заблокирован доступ к предварительным данным. Абэ забрал все до того, как я успела изучить.

Покосившись на инфо-кристалл, лежащий на столе, Клэр нахмурилась.

— Как же мы должны работать, если данных нет?

— Я без понятия! Я уже написала в альков, Маврикия в такой же ситуации. Я уже пожаловалась, это нонсенс...

Мария была в отчаянии. Клэр озадаченно уставилась на маленький информационный кубик и поспешила попрощаться.

Услышанное от Волковски абсолютно не укладывалось в голове. Вытянув кристалл из считывателя, Клэр спрятала его в карман, а после снова начала звонить. Теперь уже наспех собирая команду из толковых ребят. Ведь пятый блок сам не отремонтируется, да и экосистемы без целенаправленных действий не восстановятся.

«ГМО на любой вкус и деньги», — гласила огромная табличка на спине зазывалы. Раздражённо фыркая, прохожие обходили парня стороной, кто-то, наоборот, останавливался и заинтересованно рассматривал прозрачные витрины нового магазина. В окне, словно

животное в зоомагазине, сидел человек неопределённого пола. Вроде и девушка, но в равной степени это мог быть и парень. Создание листало книгу и хмурило тонкие чёрные брови. Яркие глаза с необычной фиолетовой радужкой стреляли в прохожих колким взглядом из-под густой чёрной чёлки.

Тарис остановился перед витриной и заинтересованно рассматривал парня, которым ему предстояло прикинуться. Впитывал его настроение, ровные, абсолютно простые мысли и по-детски наивные реакции на творящееся вокруг.

Вито Лаена хотелось защитить, как девочку или ребенка. Парень, поймав на себе цепкий взгляд постороннего, гордо вкинул голову и пристально посмотрел в ответ. Идеальная позиция для снятия маски. Подойдя к витрине вплотную, Тарис коснулся ладонью стекла и улыбнулся:

— Не переживай, Вито, тебя не продадут.

Парень нахмурился, на миг оглянулся за спину, словно проверял, не подглядывает ли кто. А когда снова повернулся к белобрысому незнакомцу, того и след простыл.

Поежившись, юноша прикрыл книгу, которую читал, и растерянно уставился за окно. Он был уверен — тот человек говорил ему нечто важное, а вот что — осталось непонятно.

Тем временем к входу подтянулась целая процессия из одинаковых людей в одинаковой одежде. Идентичные лица и костюмы делали их похожими на оживший набор игрушечных солдатиков. Из компании выделялся лишь один человек. Он был достаточно высок, светловолос, по-деловому одет. Процессия впиталась в магазин, словно вода в губку. Ирраиль тут же засуетился, гоня с указаниями немногочисленный персонал по помещению. Вито замер, стараясь не привлекать к себе внимания. Увы, как ни крути, он сидел на самом виду, а потому в принципе не мог быть незаметным.

* * *

— Мастер Ирраиль, хватит мельтешить, у меня не так много времени, чтобы тратить его на ненужные расшаркивания, — посоветовал Фердинанд и с интересом осмотрелся, задержал взгляд на парне, замершем возле витрины, и отвернулся. — Забавненькое местечко.

Его личная охрана растянулась вдоль помещения и замерла у каждого входа и окна. Занавеси тут же были опущены, отрезая прохожих от происходящего внутри. Помещение лишь на миг погрузилось в относительную темноту и сразу вспыхнуло от искусственного света.

— Мой император... Мы старались сделать все по высшему разряду, — пораженно просипел Ирраиль.

— Увы, аморальность разрядами не исчисляется, — выдохнул Фердинанд и начал расхаживать между рядов с инкубаторами. Цепкий взгляд скользил по телам, что уже лежали внутри. Стоило признать, Такебир подошел к поставленному вопросу основательно и с размахом. Наконец, развернувшись к центральной витрине спиной, Фердинанд остановил взгляд на сгорбленном, сморщенном старике. И лишь когда на лбу мастера отчетливо проступила испарина, поинтересовался:

— Сколько людей уже продано?

— Парочка девочек, ваше величество. Парни мужчин не заинтересовали. А потенциальные покупательницы пока что не заходили, — учтиво поклонился Ирраиль, судорожно раздумывая над структурой вопроса. Фердинанд не говорил «ГМО» или

«генетический товар»... Он прямо употребил слово «люди», чем четко обозначил свое отношение к находящимся в инкубаторах созданиям, и это коробило.

— Я надеюсь, девочки получили четкие инструкции?

— Все, как вы велели, ваше величество, — подтвердил старик, в свою очередь украдкой разглядывая императора. Опытный взгляд не отметил ничего странного, кроме одного. Фердинанд был похож на своего прямого оппонента. Словно он и Биби были выращены из одной капли крови. В генномодифицированном обществе, упорядоченном в монархии, таких совпадений не бывает.

Ирраиль судорожно сглотнул набежавшую слюну и попытался спокойно выдохнуть. Нервы здесь не помогут, более того, могут сыграть злую шутку.

— Думаю, с расшаркиванием мы закончили, — тем временем продолжил Фердинанд. — Покажи мне его.

— Да, ваше величество, — сглотнув, склонил голову мастер Ирраиль, а потом сосредоточенно взглянул на витрину, возле которой на своем стуле вытянулся Вито Лаен. Настоящий Вито, так как Маркус со своим человеком так и не пришел. Ирраиль помрачнел.

— Вито... подойди! — нервно позвал он, понимая, что затягивать время не стоит.

Фердинанд проследил его взгляд и помрачнел. Мальчику с виду было не более семнадцати лет. Нос тонкий и прямой, волос черный, глаза фиолетового цвета. Спортивного телосложения. Слишком похож на девчонку.

Вито тем временем медленно приблизился и застыл перед ним. Смотрел пристально из-под полуопущенных ресниц. Длинные волосы прикрыли правую часть лица, щеки, шею, струились аж до пояса. Ирраиль протянул руку и резким движением убрал за спину мешающиеся пряди, демонстрируя на шее парня печать мастера и номер города. Парень при этом даже не дернулся.

Фердинанд молча кивнул, а после начал обходить Лаена по кругу, оценивая его со всех сторон.

— Слишком красив, — наконец констатировал он. — Почему молчит?

— Вы же просили... — растерялся Ирраиль, — связки купированы.

— Прекрасно... — сощурился Фердинанд, а потом кивнул одному из своих людей. Мастеру тут же втолкнули в руки сверток с одеждой. Сверху упал чек на внушительную сумму.

— Приведи его в порядок.

Ирраиль кивнул и трясущимися пальцами спрятал бумажку в карман. Потом кивнул Вито и пихнул ему одежду в руки.

— Иди, переоденься, живо.

Вито шумно выдохнул, комкая в руках сверток. Повернулся к раздевалке, не раздумывая о том, что будет дальше, смысла размышлять о чем-либо больше не было. Да и думать не хотелось.

— Дальше работаешь в привычном режиме. О произошедшем ни слова, — обратился Фердинанд к Ирраилю, наблюдая за тем, как следом за Вито в раздевалку прошел один из охранников.

— О чем разговор, конечно, господин, — склонил голову мастер Ирраиль.

* * *

Получив в руки стопку непривычно мягкой одежды, Вито молча прошел в раздевалку. Следом за ним внутрь шагнул один из охранников и плотно прикрыл за собой дверь.

Смотрел мужчина на Вито, не отводя взгляда, колко и неприятно. Лаен лишь фыркнул. Что может быть хуже, чем чувствовать себя товаром, он не знал. Искусственный ум подкинул слово «проститутка», но, увы, значение его осталось для Вито загадкой, так как, в принципе, ничем не отличалось от «любовницы». Наверное, смысл будет понятен позже. По факту.

Повернувшись к охраннику спиной, юноша начал переодеваться.

Дверь рядом стоящего шкафа тихо скрипнула. Да и только. Охранник молчал и не мешал сражаться с одеждой.

«Оглянись...» — собственная мысль показалась чужеродной.

Лаен непонимающе посмотрел назад и нахмурился... Охранник продолжал стоять как вкопанный у двери, странно пялясь перед собой и не моргая, а рядом непонятно как оказался незнакомый черноволосый парень.

— Замри... — прошептал он, глядя Вито в глаза. И Вито замер. Сам не понял как, не понял почему, а главное зачем? Тело двигаться отказывались, словно забыло, как это вообще делается.

Из шкафа вылез ещё один человек. А потом разум Вито Лаена полностью отключился.

— Не держи его слишком долго под контролем. Он совсем зелёный. Младенец... — прошептал Тарис, обходя Райго и быстро облачаясь в одежды Вито. Тот продолжал стоять, глядя прямо перед собой.

Подцепив под ошейник голографическую маску, Лаен напялил на голову чёрный парик и вопрошающе взглянул на Райго. — Ну как тебе?

Молчаливый кивок вполне удовлетворил его.

— Не передумал? Они тебя в порошок сотрут, если узнают, кто ты... — Райго все ещё питал слабые надежды на то, что афера не состоится.

Лаен лишь улыбнулся в ответ на его очередную попытку переубедить.

— Будем надеяться, что у них нет огнестрельного при себе, с остальным справлюсь.

Райго на такое лишь недовольно поморщился. Вспоминать обстрел в заброшенном городе-свалке не хотелось. В две пары рук они затолкали Вито в шкаф. Чемодан-телепорт прилежно стоял на дне с раскрытыми створками, Райго вступил в него одной ногой и крепко ухватил не шевелящегося Вито за руку.

— Тарис, обещай, что не сделаешь глупостей. Я постараюсь быть поблизости.

— Помню, твой максимум — два километра, да? — натянуто улыбнулся Тарис. — Не переживай, я не самоубийца. — А после собственноручно прикрыл дверь шкафа. За створками почти незаметно вспыхнуло, сработал телепорт. Тарис прижался лбом к шкафу, мысленно прощаясь... Последнее он мог и не говорить. Задуманное действие иначе как самоубийством не выглядело. Слишком много неизвестных величин было в их дырявом плане.

— Эй, чего застыл? — послышался за спиной голос очнувшегося охранника. — На выход.

Тарис Лаен едва удержался, чтобы не ответить. Вито не мог этого сделать, так что придется играть молчаливую роль.

Выходил Тарис из раздевалки следом за охранником уже в новом амплуа. Маска, как и обещал Маркус, не подавала никаких визуальных сигналов, исключая тем самым любые намеки на ее наличие.

Окинул взглядом помещение магазина. Выделил старого мастера Ирраиля, нервно

потирающего руки, десяток охранников с одинаковыми лицами и стоящего в их окружении Фердинанда. Лицо последнего было знакомо исключительно благодаря видеозаписи звонка, которой так любезно поделился Ганн Вагнер. Стоило признать, что Маркус и Фердинанд действительно были похожи: движение, мимика, интонации. Их уравнивало даже желание окружить себя охраной. Так, словно без охраны их жизнь висела на волоске.

Фердинанд смерил Тариса пристальным взглядом, а потом неожиданно мягко улыбнулся.

— Не бойся Вито, обижать не буду... Возвращаемся через телепорт. — А потом молча развернулся и вышел из магазина. Тариса тут же подтолкнули в спину, выводя наружу.

Стоило процессии покинуть магазин, как Ирраиль бросился в раздевалку. Осмотрел помещение, заглянул в шкафы:

— Вито? — выдохнул он, но ничего не услышал. — Вито!

Увы, мальчишки нигде не было. Да и как иначе, ведь господин Биби с оговоренной суммой так и не явился. Поникнув, старик опустился на лавку и обхватил голову руками. Чек в кармане жег так, словно был расплавлен. Или это только казалось?

— Ничего, — пробубнил себе под нос Ирраиль, — я создам нового Вито... много... много новых Вито, с фиолетовыми глазами и идеальной внешностью, с незатуманенным пытливым разумом ребенка...

* * *

Солнце припекало. Напялив на глаза солнечные очки и прикрыв голову шляпой, Маркус неотрывно следил за входом в магазин генномодифицированного товара. Зазывала, который ещё час назад выкрикивал крамольные фразы во всю плотку, уже порядком устал и теперь раз за разом вытирал с лица пот.

— Ребёнка из садика забрали, — проворковала Айша в рацию. Маркус прижал пальцем наушник, сбавляя звук. — Хорошо топают, без эксцессов.

Впрочем, Вагнер могла и не комментировать. То, что процессия с Фердинандом двинулась вдоль площади, Соболевски и сам видел. Тариса под маской было трудно узнать. Яркая зелёная рубашка и ядрено-красные штаны плотно облегли его фигуру. Парик сидел как влитой, маска повторяла внешность Вито идеально. Даже пружинистая походка модифицированного исчезла. А вот движение грудной клетки при каждом вздохе выдавало в нем нетипичность телосложения.

Впрочем, это всегда можно списать на нюанс модификации. Фердинанд ведь не должен знать, как именно дышит Вито.

Процессия скрылась за углом городского совета. Было похоже на то, что направляются к головному входу, а далее, скорее всего, в телепорт.

— Айша, продолжай следить за детсадом.

— Да без проблем, папуля, — хихикнула она.

Спустя минуту Райго опустился на стул напротив Маркуса и выставил перед собой чемодан. Лицо его было заклеено пластырями, что слегка привлекало внимание. Сбоку выглядели они весьма обычно. Маска сняла с Биби добрых двадцать лет, отчего он и Райго выглядели приятелями.

— Ты просил помощи, у меня времени ровно до того момента, как Тарис нырнет в телепорт, дальше запустится алгоритм поиска. Я буду неадекватен.

— Сначала скажи, что узнал от Вито, потом будем решать.

Райго в который раз оглянулся, а после внимательно взглянул на старшего из

Соболевски.

— За утро было пятеро покупателей, не считая Фердинанда. Есть визуальные слепки. Но перевести в реальную картинку вряд ли получится. Разве что найти того, кто хорошо рисует...

— Или подсоединиться к кластеру напрямую, — перебил его Маркус. — Можешь допросить Ирраиля на предмет?

— Тарис мог бы, а для меня старик нечитаем, — признался Райго. — Есть важный момент, все экземпляры обладают геном агрессии. Как это проявляется, мне непонятно.

Маркус нахмурился.

— Давай пройдемся.

Подхватив чемодан, Маркус двинулся в ту же сторону, что и Фердинанд. Райго не спорил. Сунув руки в карманы, потянулся вслед за старшим Соболевски. Шли они аккуратно в резиденцию, продвигаясь между людного потока.

Впереди замаячил Нандин Абэ. Он взбежал по ступенькам резиденции. На миг притормозил, взглянул на собственный коммутатор и лишь потом зашёл внутрь.

— Я бы туда не шёл, — предупредил Райго, останавливаясь.

— Испугался брата?

— Я не самоубийца, одно дело наблюдать издали, другое — лезть им на глаза.

— Ты делаешь то, что я сказал, — процедил Маркус. — Иди впереди. К префекту.

Райго не ответил. Молча обошёл его и двинулся вперёд. Дверь резиденции поддалась легко. Как-то враз забылось и обязательство перед Тарисом и собственные соображения. Единственным важным в этом мире стало прямое и неуклонно исполнение...

Телепорт был открыт в подвальных помещениях городского совета. Возле его мерцающей поверхности, словно выточенный из камня, замер запыхавшийся Нандин Абэ. Рядом с ним стояли нервная Клэр дэ Руж и ещё пятеро. Лица всех были незнакомы.

Фердинанд остановился и недовольно смерил взглядом собравшуюся компанию.

— Нан, ты что, бился? — озадачился он, рассматривая долгожителя. Одежда его выглядела красноречиво.

— Не совсем... А вы все же купили игрушку? — неожиданно усмехнулся Абэ, кивая на застывшего за спиной воспитанника человека.

— Скорее питомца, — Фердинанд, оглянулся на паренька, стоящего рядом. — Этот мальчишка — тот самый Вито Лаен...

Абэ невольно вскинул брови, ещё раз рассматривая «подарок».

— Похож на куклу, — подытожил он, — жаль, что это парень, хотя сейчас такое можно исправить.

— Пошлость, Нан, тебе не к лицу.

— Это отвратительно, — наконец процедила пришедшая в себя Клэр. Сказать, что она была шокирована, — это ничего не сказать. Она ожидала всякого, но только не того, что созданный Ирраилем мальчишка для любовных утех императора заинтересует Фердинанда.

— Префект, можем порассуждать на эту тему в более комфортной обстановке, — обратил на нее внимание Фердинанд, — мне напомнить, что можно сделать с помощью телепорта? Уверен, в этот раз я услышу много нового.

Клэр помрачнела, но взгляда не отвела:

— Как вам будет угодно, мой император...

— Поразительна послушность, — хмыкнул Фердинанд и, не дожидаясь ответа, шагнул в пространственный переход.

Абэ провел процессию из толпы охранников взглядом, а потом покосился на Клэр:

— Ты могла промолчать?

Женщина упрямо поджала губы, а потом вернула ему инфо-кристалл.

— Мне не нужны ни твои подачи, ни твои советы, Нан. Напишешь в отчете то, что посчитаешь нужным. Это дикость, что префектуры, заинтересованные в устранении поломки, отстранены от данных о ней.

— Странные вещи творятся, — задумчиво протянул Нан, пряча инфо-кристалл в карман. — И кто же отключён?

— Волковски. Может ещё кто, они уже пожаловались в альков.

— Что ж, это правильное решение. Кстати, могу подставить плечо, — усмехнулся Нандин, — чтобы пройти в Сельву.

Клэр мялась всего мгновение, а потом крепко вцепилась в его локоть и вскрикнула, когда Абэ подхватил ее под талию и втолкнул в искрящуюся поверхность прохода.

Время было без четверти час дня. Димитрий зашёл в магазин разумного генетического товара в спешке, обмахиваясь скомканной газетой. Становилось душно, даже затененность помещения не спасала.

Растерянно потоптавшись на месте, советник оглянулся. Пара молодых парней протирали инкубаторы, один следил за системой жизнеобеспечения. Ирраиля не наблюдалось. Наконец поинтересовался его местонахождением и двинулся в глубь магазина, в раздевалку.

Старый друг нашёлся там, где и сказали его помощники. Поникший и совсем без настроения, он сидел на длинной лавке и пялился на собственные руки.

— Что произошло? — озадачился Димитрий. — Я видел, как отсюда вышел Фердинанд, ему не понравилось?

— Наоборот, остался доволен, — надтреснутым голосом ответил Ирраиль и взглянул на Димитрия. — Просто... Я совершил ошибку. Надо было подождать... потянуть время, не отдавать Вито... Но как же реагировать, когда сам император велит, требует именно его...

— Ты серьезно? — Димитрий вскользь взглянул на часы и нахмурился. Время до заседания оставалось не так много, стоило поторопиться, но и бросать мастера одного в таком состоянии было нехорошо. — Хочешь сказать, Фердинанд купил у тебя человека?

Ирраиль развёл руками.

— Димитрий, скажи, зачем ему мой Вито? Шутки ради? Захотел, чтоб я купировал ему связки, забрал, увёз... Я чувствую вину, словно предал.

— Неужели тебе было бы легче от того, что парня переработают? — Димитрий смотрел на Ирраиля с искренним непониманием, а потом присел на корточки возле него и заглянул в глаза. — Может, это странно звучит, но ты спас его жизнь. Если есть шанс таким, как Вито, избежать переработки, то только так, обзаведясь хозяином. Это намного перспективнее, чем стать киселем из аминокислот и белков...

Ирраиль поднял на Димитрия хмурый взгляд

— Лучше бы я его стёр... Как того ребёнка пятнадцать лет назад...

Димитрий не нашёлся что ответить. Похоже, отведенных ему десять минут не хватит.

— Я бы не был столь категоричен, Ирраиль...

Приятная трель оборвала их разговор, обозначив нового посетителя в магазине. Димитрий на миг сжал плечо старого товарища, ободряя, а потом выглянул из-за двери.

— Да у тебя посетительница, старик, — усмехнулся он. — Девчонка совсем... или хорошо омолодившаяся дамочка лет за пятьдесят... — Он снова взглянул на Ирраиля. — Ну что, попробуешь совершить ошибку ещё раз, или мне сказать префекту Такебиру, чтобы искал нового мастера?

Ирраиль покосился на Димитрия, а потом тяжело поднялся с лавки и выглянул за дверь.

У входа действительно стояла девушка. Лёгкое светлое платье до колен мягкими волнами обрамляло её бедра, скромный вырез лишь слегка приоткрывал ключицы над пышной грудью. Рыжие кудри мягкими волнами обрамляли симпатичное юное лицо.

— Какая прелесть, — Ирраиль невольно расплылся в улыбке, скользя по посетительнице взглядом. Не заметил, как нашёл в себе силы и проковылял в зал. — Госпожа, — благоговейно обратился он к девушке, — чем могу быть обязан?

— Я Айша, а вы мастер Ирраиль, так ведь? — обворожительно улыбнулась она, протягивая руку для пожатия и всецело занимая внимание старика. — Моему боссу нужен специфический работник. Парень или девушка, значения не имеет... — сразу перешла она к делу. — Мы можем где-нибудь присесть и поговорить о заказе? Так, чтоб без лишних ушей?

— Можем присесть в моем кабинете... — не растерялся Ирраиль, оглядываясь на Дмитрия. — Но совсем без ушей не получится...

— Я не против. За чашкой чая, если можно. — Айша улыбнулась, уже обращая взор на Дмитрия. — А вы?..

— Дмитрий... — спохватился советник и протянул руку для пожатия. — Ирраиль, у меня всего-то пять минут осталось. Я провожу и сразу побегу, а ты распорядись насчёт напитков. — И тут же увёл девушку в сторону кабинета.

Ирраиль растерянно уставился на две спины. А потом зашаркал к одному из помощников и велел прикатить свое новенькое инвалидное кресло. Устало опустил в него и задумался. Помощник тем временем помог зафиксировать тело ремнями безопасности.

Поведение Дмитрия злило. То девочку лапает, то бежит за пять минут... Может, омолодиться лет эдак на десять? А может, и на двадцать?

Мысль о новой молодости отвлекла от Вито... Отдав указания, Ирраиль крутанул колёсами своей коляски в сторону личного, теперь уже официального кабинета.

Мысль улетела далеко вперёд него. К примеру, он мог поднасобирать денег на глубокое омоложение, биореставрацию скелета, замену органов на свежие, выращенные из собственного генетического материала. Все это стоило денег, которые теперь Ирраиль был способен заработать вполне легально... И тогда был шанс вернуть жизнь вспять и прожить ее заново. Уже без нарушений, без сомнительных заказов и действий... И обязательно... обязательно создать себе очередного Вито и вложить в него навыки мастера... сделать из него помощника, подмастерье, как и планировалось когда-то, до встречи с Маркусом Биби.

Собственные, все ещё непривычные пенаты встретили старого мастера странной сценой. Советник лежал на полу, закатив глаза. Его тело содрогалось в заметных конвульсиях.

Это выглядело как странный, незнакомый и непонятный припадок.

— Дмитрий? — озадаченно позвал его Ирраиль, проезжая внутрь. Дверь за спиной скрипнула. Айша ухватилась за ручки инвалидного кресла и с силой протолкнула его в глубь кабинета. Хорошо смазанные колёса со всей силы налетели на лежащее тело.

— Что вы себе позволяете?! — взвизгнул Ирраиль, оборачиваясь на неё и не понимая, что происходит. Вместо ответа гостя плотно прикрыла дверь и повернула встроенный ключ.

— Привожу вселённую в равновесие, мастер... — спокойно ответила она, вытаскивая из кармана небольшой иньектор. Корпус последнего был стеклянным, со стальными поршнем и спрятанной под прозрачной крышкой иглой, внутри бултыхалась красноватая жидкость. — Вам не стоило играть с Биби.

Ирраиль задрожал, попытался расстегнуть ремень, но трясущиеся от нервов пальцы абсолютно не слушались. Фиксация, казавшаяся крайне удобной для посидеть и поспать, теперь стала непредвиденным злом.

Наконец, справившись с застёжкой, он выскользнул из кресла и тут же споткнулся о Дмитрия. Упал на него, буквально уткнувшись носом в застывшее лицо, и в ужасе ахнул. Советник, похоже, уже не дышал.

— Да... Да как же так... — простонал он, пытаясь подняться. Ужас все больше сковывал и мешал, чем давал сил. Айша бесстрастно наблюдала за ним, чуть склонив голову. А когда надоело, сняла с инъектора колпачок.

— Ему не повезло чуть больше, чем вам, — наконец прокомментировала она, приближаясь, — в отличие от него, ваша порция хорошо развязывает язык.

— Не подходите... — простонал Ирраиль, грузно поднимаясь на ноги, пятясь. — Послушайте, я буду кричать!!!

— Кричите, — совершенно серьёзно ответила она... — Можете даже вопить. Мне все равно. В любом случае вы сначала ответите на мои вопросы... А потом умрёте.

* * *

Дворцовый зал перемещений встретил леополисскую делегацию шумом и яркими вспышками телепортационных каналов. Многочисленные представители префектур нескончаемым потоком направлялись из него в Зал совета, занимали места и раскладывали вокруг себя бумаги и инфо-кристаллы.

Фердинанд застыл возле перехода в Леополис и с интересом наблюдал за толпой. Тарис замер подле него и настороженно взирал на происходящее сквозь искусственную длинную чёлку. Ментальный фон был оглушающе громким, проблемы, поднятые на повестку дня, жужжали в каждой голове словно нескончаемая, заевшая мелодия. Жара, посеvy, неминуемые траты и потери, гибель. Последствия... И ни следа Наны. От этих мыслей хотелось закрыться и сбежать, но банально было некуда.

Клэр вынырнула из перехода с едва слышным пискom. Абэ тут же отпустил ее и жестом указал в сторону зала.

— Идите, префект дэ Руж, — насмешливо посоветовал Фердинанд, — займитесь делом. Сам же перегородил дорогу Нандину, не давая ему сделать ни шага с места.

Зал вокруг них быстро опустел. Началось заседание.

— Итак, есть ли хоть одна уважительная причина у твоего исчезновения на полдня в разгар всеобщей проблемы? — поинтересовался Фердинанд, в который раз разглядывая кровавые пятна на костюме долгожителя.

— Я пытался проследить за Маркусом Соболевски, — тихо ответил Абэ. — В итоге я остался без телепортационной установки. Пришлось решать дела в более медленном темпе.

Глаза Фердинанда странно взблеснули.

— Ты с ним говорил... — неожиданно развеселился он. — И как ощущения? Он управляет тобой?

Абэ помрачнел. На лице Фердинанда, наоборот, вспыхнул необъяснимый живой интерес.

— Ты смущен или не хочешь говорить? Колись, Нан, как это быть под влиянием сразу двух Соболевски?

— Здесь не самое подходящее место, — прошептал Нандин, не отводя взгляда.

— Брось, здесь идеальное место, — возразил Фердинанд, обводя взглядом полупустой зал. Приобняв Лаена за шею, он усмехнулся. — Смотри, мы оба не кричим, не боимся, мы заинтересованы... Что именно Маркус велел тебе сделать?

— Ваш старший брат... Он не сможет сюда добраться, все пути уже заблокированы. — увильнул Нандин от вопроса. — Мы зажимаем кольцо возможных точек перехода. Вскоре ему просто некуда будет телепортироваться.

— Прекрасно, — ничуть не смутился Фердинанд, обращаясь уже к Лаену, смотря ему в

глаза, продолжая висеть у него на шее всем своим весом. — Глянь, Вито, вот этот человек, моя правая рука, единственное доверенное лицо... И, похоже, сейчас он под влиянием моего старшего брата. В принципе, он может сделать что угодно с нами, даже убить... И главное здесь, знаешь, что? Меня это не удивляет.

Тарис зажался, впитывая чужие эмоции. Смесь странной радости, злости, досады и растущего бешенства. Абэ, наоборот, начал трястись, чувствуя, как эмоции Фердинанда давят на него, превращая в безвольную амебу.

Рука Фердинанда наконец соскользнула с шеи Тариса, переставая давить.

— Знаешь, не хватает третьего для полного счастья, — тем временем продолжал Ферди, уже смотря на согнувшегося от боли Нандина, ступая к нему ближе. — Хотя... Может, ты уже под контролем деда? А может, ты никогда из-под его контроля и не выходил? И все пятнадцать лет просто играл со мной? Сам организовал побег Тео, сам оклеветал дэ Руж... Сам спрятал его под именем Тариса Лаена. Тогда становится понятным, почему ты убеждал меня в том, что Тео мертв...

— Мой император... Я не видел Сатоира... или Тео... Я клянусь... — сбивчиво прошептал Абэ, чувствуя, как лёгкие сжимает от спазма. Как сжимается диафрагма, не давая дышать. Что бы сейчас мысленно ни желал Фердинанд, тело исполняло это неуклонно.

Тарис едва стоял рядом, пытаясь держать невозмутимое лицо. Мысли Абэ и Фердинанда были тяжёлыми. Они провалились в далёкое прошлое. В тяжёлый сон, в кровавое месиво. В ужас и зависимость. Ненависть. Их немой, невысказанный диалог стоило прекратить. Тарис сам не понял, как встал между ними.

Заглянул в глаза удивившегося Фердинанда, а после повернулся лицом к не менее озадачившемуся Абэ, загораживая собой брата.

Повисло молчание. Простое действие отрезвило всех. Шумное дыхание Нандина гулко стелилось по залу.

Фердинанд за спиной, наоборот, натянулся как струна...

— Смотри, Нан, за тебя вступился раб... — неожиданно тихо и устало прошептал он. — Что ты видишь, Нан, внутри Вито, какова цель этого глупого действия?

Тарис сглотнул, смотря сверху вниз на все еще согнувшегося в три погибели Нандина Абэ. В голове проносились кошмары. В разлете карих глаз он вновь видел того демона из снов, кровавого, злого и неуклонно преследующего.

Абэ сам смотрел на Лаена, задрал голову, впитывая его взгляд, а потом сглотнул набежавшую слюну:

— Абсолютная тишина, — хрипло ответил он. — Этот парень нечитаем, мой император... Я не слышу ни его имени, ни его мыслей, ни намерений... ни даже эмоций, я бессилен. Можете сказать Ирраилю, что он действительно мастер.

Фердинанд молчал, переваривая ответ и смотря на макушку купленного им паренька. Разметавшиеся чёрные волосы обрамляли золотистый ошейник модифицированного. Тонкая кожа, виднеющаяся из-за шиворота зеленой сорочки, обтягивала острые позвонки словно мертвый костяк. Атипичная грудная клетка вздымалась от тяжёлого и нервного дыхания, давая понять, что кое-кому сейчас откровенно страшно. Это дивным образом отрезвляло.

— Иди, Нан, — выдохнул он, принимая для себя решение. — Возвращайся в Леополис, следи за Ирраилем. Действуй по ситуации. Если снова наткнешься на моего брата, и он захочет попасть сюда... Веди. Я надеюсь, ты меня услышал.

— Но... Мой император...

— Мне не семнадцать, Нан... Это моё решение...

Абэ скривился и коротко кивнул, а потом, резко развернувшись, нырнул назад, в проход телепорта.

Фердинанд ещё некоторое время смотрел на искрящуюся поверхность, а после обернулся к Тарису. Взгляд его был суровый, а мысли хлестали, словно шторм...

— Я даже слегка жалею, что решил сделать тебя немым, парень... Мне откровенно не с кем поболтать...

Тарис растерянно моргнул, а потом указал на собственные уши. Что хотел сказать Фердинанд, он и так узнал. Но намекнуть на то, что всегда может послушать, стоило. Однако император промолчал. Вновь обошёл его по кругу и криво усмехнулся.

— Идём, Вито... посмотришь, как власть имущие решают судьбу населения...

От интонации, с которой он протянул имя, пробрала дрожь. Тарис в последний раз взглянул на телепорт, а после поспешил следом за братом. Ему все еще предстояло найти Нану, а там как-то оно будет.

Если будет, конечно.

Зал совещаний гудел, работа кипела.

— Ситуация чрезвычайная, — тем временем продолжал Фердинанд, подводя итог своего доклада. — Если успеем вовремя среагировать, критические температуры мы будем терпеть ровно сутки. Если не успеем, боюсь, экономического и экологического кризиса нам не избежать. Восстановление будет слишком долгим.

Начавший утихать шум вновь всколыхнул присутствующих.

— Так в чем проблема, пусть главный оператор проведёт контроль над процессами, — недовольно выкрикнул Арания, префект Маврикии. — Толку делать это без него?

— Мы уже без главного оператора, — ничуть не смутился его замечанию Фердинанд. — Номер тридцать девять сгорела прошлым утром. Номер сорок заступила на эту должность вечером и не готова физически заняться задачей такого объёма. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос, префект Маврикии? — поинтересовался он и, не получив вразумительного ответа, поднялся с кресла. — Поскольку мы на данный момент без полноценного главного оператора, мелкие задачи будут распределены между профильными группами. Префекты, вы же, в свою очередь, получите пакеты алгоритмов, которые введёте в свои базы на местах. Проконтролируете их полное и безукоризненное выполнение. Каждый из вас лично будет отвечать за свой объем работы. Напоминаю, любая ошибка чревата последствиями. Параграф десятый, Свода, кто не помнит: допустимое количество жертв среди невидоизмененного населения — три процента. Перешагнете его, тогда пеняйте на себя. Мы все в одной лодке, не бойтесь просить или предлагать взаимопомощь. Даже один и два процента — это слишком много.

Последнее он мог и не озвучивать.

— Префект Руф, попрошу продолжить вместо меня.

Следом за его словами в центре зала развернулось сферическое изображение с температурными графиками за последнюю неделю. Казимир, поспешил подняться со своего места и сбежал по ступенькам в центр зала, к трибуне.

— Мне нужен считыватель, у меня с собой много визуальной информации.

— Тридцать восемь, организуй, — сразу же велел Фердинанд, спускаясь со своего места и жестом веля поторапливать техников. Потом нашел взглядом Нану Вагнер и поманил за

собой прочь из зала.

— Сороковая, где советник Димитрий? — хмуро поинтересовался Фердинанд, стоило им выйти в технический коридор. Двое охранников безмолвно контролировали его пространство, встав по оба конца, почти не привлекая внимания.

— Местонахождение тела фиксируется в магазине генетического товара, Леополис, — тут же отозвалась Нана, становясь напротив императора. — Параллельно фиксируем передвижение коммутатора в пределах Леополиса. Соответствующие указания в департамент полиции уже отданы.

— Мастер Ирраиль?

— Местонахождение магазин генетического товара — Леополис. В процессе допроса. Ведем видеофиксацию. Личности участников устанавливаются.

— Местонахождение Нандина Абэ?

— Неизвестно, — невозмутимо отвечала Нана, ничуть не смущаясь пристального взгляда императора. — Последнее известное местоположение — телепортационный зал, Сэльва.

— Этого стоило ожидать, — недовольно проворчал Фердинанд. — Запусти альтернативные каналы связи. Как только Абэ объявится — следите за ним. Приказы от него больше не принимать, запрашиваемую им информацию без моего позволения не предоставлять. Задача ясна?

— Слушаюсь, мой император... Что делать с Вито Лаеном? Вы велели поселить его в ваши личные комнаты. Дальнейшие пожелания?

— Разблокируй все замки. И следи. Рано или поздно он проявит себя, — велел он. Глаза его при этом сощурились, а лицо исказилось тяжелым, неприятным оскалом.

* * *

Тарис свободно выдохнул, лишь когда сопровождающая его охрана оставила его наедине и плотно прикрыла за собой дверь. Пошевелиться он решился, когда мысли его охранников стихли. А еще спустя минуту поднял голову и внимательно осмотрелся. Огромная комната. Диван, стол, стулья... Ряд окон, шкафы с пачками инфо-кристаллов, папки с документами, мягкий ковер, карта мира, а напротив в стене стеклянные двери. Они вели на огромный балкон.

Солнце жарило. Серый каменный пол балюстрады тускло блестел под лучами солнца, грел подошвы плотной обуви. Тарис прошел вдоль, ловя собственное непривычное отражение в строгих прямоугольниках окон и дверей. Остановившись возле одних таких, Лаен долго не мог понять, что именно привлекло его внимание в темноте комнаты. Ему казалось, с противоположного конца на него кто-то смотрит... Но ни мысли, ни шороха не доносилось. Потому попробовал приоткрыть дверь и осторожно вошел внутрь. Автоматически зажегся свет.

Тарис, пораженный, застыл. Портрет занимал всю стену. Почти три метра длиной, столько же в высоту. Громоздкий крашенный квадрат с чужими лицами. Стлотнув, подошел ближе. Даже не заметил мягкого ворса ковра под ногами. Внимание полностью захватило изображение. Мужчина и женщина. Рядом Маркус, Фердинанд и он сам, мелкий и пухлый... Каким его помнили воспитатели, до того как кости обтянуло кожей...

Пальцы Тариса скользнули по холсту. Очертили лицо белокурой женщины. Странное неведомое чувство дежавю. Что он помнил сам, кроме окровавленного лица этой женщины на портрете, кроме огня на собственной коже, страха? Ничего.

А раз не помнил... был ли он тем мальчонкой на картине? Был ли тем, которого помнили его воспитатели в детдоме?

Была ли у него прошлого вот эта семья? Была ли память, которую разделили между собой Маркус и Фердинанд?

Чужие мысли вторглись в сознание неожиданно. И лишь спустя мгновение хозяин комнаты объявился в ней.

— Это моя семья. Они погибли, — тихо сказал Фердинанд, приваливаясь плечом к косяку и рассматривая черноволосого юношу. — По крайней мере, я так думал еще недавно. Мама читала мысли и на момент смерти совсем спятила. Была полностью не в себе. Братья Маркус и Тео... Мелкий хорошо контролировал температуру тела, мог воспламенять свою кожу участками. Из-за этого часто страдал. Маркус просто силен как бык. Помню, нам было весело.

Тарис молчал. Фердинанд вспоминал намного больше, чем озвучивал. Мелкие особенности каждого, повадки, диалоги, целые дни. Все это неслось в его голове с бешеной скоростью, приправленное болью. Настолько горькой и злой, что горло сжалось спазмом.

Там, в памяти Фердинанда, был извечный ночной кошмар Тариса. От начала и до конца. Вплоть до последнего слова. Там свежими росчерками жили недавно просмотренные видео о той давней трагедии и едва оформившиеся перепалки с Наной. В зале телепортаций этот поток был нечитаем, теперь же словно специально разложен по уровням и линиям.

Тарис судорожно сжался, пропуская все это через себя. Фердинанд тем временем приблизился и встал рядом. Сейчас он был полностью расслаблен и задумчиво смотрел на картину.

— Похоже, кто-то из них придёт меня убить... Вито. Маркус уверен, что во мне сидит наш дед Сатоир, что он управляет моим телом. А он на самом деле в Тео... Или как он теперь зовёт себя... Тарис Лаен. Я надеюсь, найти его первым и показать Маркусу, как он неправ. Хотел бы вернуть хоть часть той семьи, что была у нас... Но это вряд ли. Скорее всего, наша встреча с Маркусом закончится братоубийством, к великой радости Сатоира.

Он перевел взгляд на Тариса, а потом положил руку ему на плечо и сжал.

— Осваивайся, Вито, теперь это место надолго станет твоим домом.

Лаен застыл, не понимая последнего жеста. Фердинанд же убрал руку и вышел из комнаты.

Тарис еще некоторое время смотрел на закрытую дверь, а после снова взглянул на портрет. Его семья... в полном составе. Мать, отец и два брата. И если с Маркусом диалог хоть как-то налажился. То с Фердинандом это будет в разы сложнее. Уж слишком сильной была его уверенность, что разум императора Сатоира засел в его брате Теодоре. В мыслях Фердинанда даже рыться не надо было, чтобы увидеть, как Сатоир поработил тело Тео.

Вот только Тарис знал, что в его собственном теле есть только он сам. Знал, что виной тому — действия мастера Ирраиля. Если б не нелегальные модификации, наверное, в словах Фердинанда был бы смысл. Вот только как это донести брату? И есть ли смысл доносить?

Теодора, каким бы он ни был, не вернуть.... Сатоира тоже нет. Есть он, Тарис. ГМО, модифицированный больше чем на пятьдесят процентов. Это единственная правда, за которую Тарис мог лично поручиться. Вот и все.

Проще не быть их братом, чем стать камнем преткновения.

* * *

— Добрый день господин... Ирраиль, — поприветствовал оператор на входе в вокзал и

быстро набрал данные на сенсорной панели. — Ваше направление?

— Сэльва, — коротко ответил Маркус, видя в стеклянной поверхности свое измененное отражение. Снятый с Ирраиля голографический слепок сделал его неузнаваемым. Инвалидное кресло было неудобным, однако добавляло правдоподобности. Айша протолкала его сквозь рамку идентификатора и мило улыбнулась.

— Господин Димитрий, — поздоровался с ней оператор. — Поздравлю с омоложением. Направление Сэльва?

— Естественно, — усмехнулась Айша. — Соседние места с господином Ирраилем, если можно.

— Конечно, советник... Сегодня будет жарко, запаситесь водой, пожалуйста.

— Спасибо за предупреждение, — Айша толкнула реквизированное инвалидное кресло вперёд. Зеркальные вставки, испестрившие длинный коридор ровными рядами, раз за разом отображали советника Димитрия, толкающего коляску с мастером Ирраилем.

— Ребята уже на позициях? — поинтересовался Маркус, непринужденно развалившись в кресле.

— Проинструктированы по всем вариантам развития событий. Не парься, не глупы.

— Я не хочу, чтобы этот пункт плана бездарно провалился из-за какой-то мелочи.

— Брось, единственный бездарный момент в твоём плане — это Тарис со своим спасением Наны.

Маркус промолчал. Впереди ждала посадка на пневмопоезд и путь в Сэльву. Фердинанд...

И где-то на этом отрезке стоило незаметно поменять лица и перенастроить паспорта...

«Человек не может успеть все.

Порой, все успеть невозможно даже спустя поколения.

Однако...

Человек может все. Порой за одну жизнь он делает больше, чем целые поколения».

*Из приветственной речи Фердинанда I,
третьего Императора Сакской империи*

Жёлтый календарь, седьмой день.

302 год от Перелома

Время показывало два часа дня. Заседание профильных групп было в самом разгаре. Префекты, в свою очередь, уже отбыли на места, озадаченные целыми пакетами вопросов.

Нана была отправлена досыпать, как выразилась тридцать восьмая, в технический сон, во избежание перегруза. Дежурные техники говорили, что её синхронизация идёт легко.

Это радовало, и все же Фердинанд не хотел рисковать и снова оставлять кластер без главного оператора.

Наверное, потому находился сейчас среди своих секретарей и руководил процессом.

Центр видеонаблюдения имперского бюро внутренних расследований работал в абсолютной тишине. Немые записи сочлились из каждого квадрата его площади, демонстрируя десятки историй на каждом голографическом экране. Система автоматически выделяла самые спорные кадры и выносила их на центральный экран, поделенный на несколько десятков ячеек. Каждое видео идентифицировано и датировано, каждое со своими событиями и участниками. Здесь можно было увидеть как леополиссский магазин генетического товара с вершащимся в его стенах допросом и убийством, так и видеотрансляцию с места разбора завалов на верхних этажах Ио, повредивших пятый блок охлаждающих установок. Рядом с ними в кадр попало столпотворение на городских улицах, находящихся в противоположном конце десятого города, возле заблокированного входа на вокзал.

Куда бы ни смотрел Фердинанд, из какой бы точки империи ни шла прямая трансляция. Картина была одной и той же. Обычная человеческая паника охватывала каждый клочок империи. Аллот, Полоника, Маврикия, Леополис... И десятки других префектур, проблем у которых сейчас возникало несчетное множество.

А вместе с тем государство пытались брать контроль над каждой ситуацией отдельно.

Группы быстрого реагирования перераспределялись в самые горячие очаги. А где было возможно, к процессу подключали гражданских. Из динамиков всех городов лились одни и те же фразы: *«Граждане, пожалуйста, сохраняйте спокойствие», «Граждане, не стесняйтесь просить и предлагать взаимопомощь...», «Граждане...»*

Фердинанд смотрел на эту какофонию действий с раздражением и чувством абсолютного бессилия.

— Есть доступ к блоку, ремонтные бригады пошли, — отозвался один из операторов, фиксируя в базе данных время входа.

— Оповестить население, — велел Фердинанд, потом обернулся к тридцать восьмой. — Маркуса Соболевски так и не нашли?

— Поиск по лицам не даёт результата. Мой император, системы зафиксировали остановку жизненных процессов генетических дел мастера Ирраиля. Определено местонахождение Нандина Абэ. Идентификатор личности отсутствует.

— Выведи на первый план, — тут же распорядился Фердинанд, не давая ей закончить...

Знакомое помещение раскинулось перед ним. Человек, идентифицированный как Нандин Абэ, колдовал над приборной панелью системы жизнеобеспечения. Без привычного пиджака, с закатанными рукавами сорочки, расстегнутыми пуговицами ворота. Влажная ткань липла к телу, под его ногами абсолютно недвижимо валялось чужое тело. Сам же торговый зал магазина генетического товара бурлил. Капсулы открывались одна за другой, освобождая новорожденных людей от оков и глубокого сна. Мужчины и женщины в абсолютно одинаковой одежде покидали свои лежа деревянными, ломаными движениями, по сути, впервые в своей жизни пользуясь собственными телами. Работы Такебира, все до одного, с геном агрессии и без ошейников. Будут ли они прекрасным подспорьем в предстоящей схватке, только предстояло узнать.

Оглянувшись на пробужденных, Нан на миг застыл. В кадр попало его правое предплечье со вспоротым, побуревшим от крови рукавом. Фердинанд смотрел на человека, изучал движения и понимал: это действительно его подручный долгожитель. К тому же стало понятно, почему идентификатор личности не отзывался на запрос.

Долгожитель проскользнул в одну из дверей. Люди из капсул, наоборот, приняв немые приказы, словно роботы, рассредоточились, встав возле окон и дверей, кто-то вышел на улицу.

— Следите за Абэ, — велел Фердинанд.

— Нандин Абэ, долгожитель, местоположение идентификатора личности системой не фиксируется. Запускаю поиск по физическим параметрам. Задано: внешность, вес, рост... Фиксирую радиус поиска. Ввожу координаты... — отчитывался оператор за его спиной. И тут же видеоокно, отображающее торговый зал магазина, сузилось, отъехав в верхний угол экрана. Сменился десяток кадров и мест, и вот Нандин Абэ скользнул по узкому коридору все того же магазина, застыл возле двери. И это видео тоже уменьшилось и переместилось вправо, уступив место новому.

— Задаю предположительный маршрут, — комментировал оператор.

Чужой кабинет был небольшим и все же вместил троих человек. Система, наоборот, видела лишь одного из них. Старик Ирраиль, запрокинув голову, полулежал в инвалидном кресле рядом с письменным столом. Руки его свисали по обе стороны, рот был открыт, глаза недвижимо смотрели в потолок. Система обозначила его тело белой точкой и вывела номер, имя, дату рождения. Дмитрий лежал чуть в отдалении, лицом вверх, растянувшись во весь рост, в отличие от Ирраиля, его система не узнавала.

Фердинанд досадливо поморщился. Знать, что оба этих человека уже мертвы, и увидеть это не одно и то же.

— Кто это? — взгляд властителя скользнул по незнакомке, которая бесцеремонно переступила через Дмитрия. Белая точка подписи «Советник Дмитрий» поползла за ней, заставляя Фердинанда нахмуриться.

— Личность не установлена, — тридцать восьмая приблизила её лицо. Девушка, подписанная идентификационным кодом Дмитрия, тем временем вспорола скальпелем рукав на правой руке Ирраиля, вонзила лезвие в плоть. Осторожно, со знанием дела извлекла из-под кожи чип идентификационной системы. Взглянула на него и недовольно фыркнула.

Точка, обозначающая Ирраиля, теперь переползла на нее, прямым текстом намекая на то, что имперскую систему идентификации надо пересмотреть, причем глобально.

В соседнем кадре Нандин Абэ застыл возле двери кабинета и взглянул на собственный коммутатор. Что-то набрал на нем. А после потянул ручку двери вниз. Девушка тем временем прижала палец к правому уху, о чем-то быстро заговорила, нахмурилась и, вскинув голову, взглянула на дверь.

— Звук?

— Отсутствует. Похоже, часть системы отключена, — тут же прокомментировал оператор. — Фиксируем сообщение от Нандина Абэ. Пишет, что приступает к действиям по обстоятельствам.

Незнакомка тем временем переменилась в лице. Чип отправился в карман, спрятанный в складках юбки. Схватив стул, девчонка зашвырнула его в окно. Абэ, в свою очередь, отошел от двери и со все силы навалился на нее, вышибая.

Хмыкнув, Фердинанд проследил, как долгожитель резво пересек кабинет и сиганул в разбитое окно следом за девчонкой.

— Найди их...

— Отследить Нандина Абэ не удастся. Задаю в поиск передвижение двойной цели Димитрий-Ирраиль.

Система не отвечала несколько минут.

Вскоре в кадре опять замелькала девушка, несущаяся на всех парах подальше от центра Леополиса. Выпрыгнув из какой-то подворотни, она резко остановилась и снова прижала палец к уху, что-то заговорила и осмотрелась. Навстречу вышел незнакомец в маске. Девчонка не испугалась. Позволила ему коснуться своего лица. И даже обернулась вслед, когда незнакомец нырнул в проход, который она только что покинула.

— Выведи его на отдельный экран.

— Он не идентифицируется, — тут же заметил один из операторов. — Фиксация по внешним параметрам невозможна. Данные отсутствуют. Запускаю визуальный поиск по координатам.

Девушка же тем временем прислонилась спиной к стене и запрокинула голову. Беззвучно засмеялась, повернувшись в сторону уличной камеры слежения.

Лицо её неожиданно оказалось разбитым, платье в кровоподтеках.

— Мы что-то пропустили... — Фердинанд раздосадовано оглянулся, пытаясь увидеть происходящее на других экранах. — Или опоздали... Нужно придумать, как их искать.

— Простите? — тридцать восьмая выжидающе взглянула на него.

— Думаю... Тридцать восьмая... сделай выборку по людям без идентификатора, в этой зоне. По параметрам... — Фердинанд нахмурился, думая, как лучше сформулировать, — без уточнения пола, физических особенностей, при этом исключая каждого с идентификатором... Наложь эти данные на карту Леополиса... и Сельвы. Я хочу видеть, как они рассредоточены.

— Но... Без главного оператора эти идентификационные системы не работают вместе, только параллельно. — Тридцать восьмая нахмурилась. — Нужно писать отдельный код, а это не один час работы. А заменить сороковую я уже физически не смогу. Даже если я лично подключусь к базе данных через разъем, то просто сгорю в процессе.

— А Сороковая... сможет?

* * *

— Айша, убирайся, быстро, — голос Маркуса взорвал тишину тревожными нотками. — Абэ...

— Забери меня!

— Нет телепорта... — зло отрезал Маркус. — У Иссиа, так что сама, живо!!! Я жду тебя на пересечении пятой радиальной и восьмой.

— Черт... черт-черт... — Айша нервно прикусила губу, растерянно осматриваясь. Ручка запертой двери безрезультатно повернулась. Больше не раздумывая, девушка схватила стул и зашвырнула его в окно. Тонкое стекло треснуло, осыпаясь. Айша выпрыгнула в него прежде, чем за спиной в дверь смачно врезались. Улицы замелькали перед глазами сплошным серым полотном. Асфальт больно ударил по пяткам. Плечо, вспоротое об осколок, пульсировало, а платье мокрой тканью неприятно липло к спине.

— Айша, ты уклонилась, пятая и восьмая, — раздался мягкий голос одного из соклановцев.

— Не успею! Я на шестой...

— Должна, — наушник затрещал, выдавая помехи и искажая слова. — Сворачивай, сейчас!

Она резко повернула сторону восьмой улицы и ускорила, стараясь дышать предельно глубоко. Люди видели её и расступались. На миг Айша обернулась, чертыхнулась и на предельной скорости скользнула в следующий прогулок. Как бы ни старалась, понимала, что до восьмой просто не добежит. Абэ наступал на пятки.

Детская площадка аккуратно примостилась посреди скверика, прямо на её пути.

Оглянувшись в который раз, Айша резко вильнула в сторону и перепрыгнула через низкое ограждение площадки.

Подол платья с силой дёрнули сзади. В следующий момент Нандин Абэ, не раздумывая, приложил её голову о металлическое основание детских качелей.

— Айша... Мы тебя не видим, пятая радиальная и восьмая, — тем временем звенело в наушниках.

Сказанное вызвало смех. Ещё один удар лбом о стальную трубу лишил сил — ноги подкосились, в глазах поплыло.

Бесцеремонно позаимствовав её наушник, Нандин вставил его в ухо и усмехнулся, отпуская её. Айша повалилась на землю и обессиленно посмотрела на него. Нандин тем временем слушал, о чем говорят.

— Значит, засада, госпожа Вагнер, на пересечении пятой и восьмой улиц... — обернулся он в её сторону, абсолютно расслабленный, наблюдая за тем, как она взбирается по ножке качелей в попытке встать. — И ведь главное, как точно вы их предупредили о том, что не успеете... Идеальная оценка ситуации, восхищён. Всегда умилял момент, когда кто-то умирает, не дотянув буквально пару мгновений до помощи...

— Тянет вас с братом на светские беседы... — прошептала она, пошатываясь и наконец становясь ровно. Абэ усмехнулся и опустил руки в карманы.

— Почему бы и нет... Жизнь слишком скучна, если делать все по правилам, — пояснил он. — К тому же, признаться, с красивой девушкой грех не поговорить, даже если я её убью после этого...

Айша усмехнулась, а в следующий миг толкнула качели. Удар вышел смачным. Дополнить его ударом с ноги было делом чести.

А после она, не раздумывая, развернулась и бросилась прочь в узкий проход меж домов. Нандин Абэ тяжело поднялся на ноги. Голова гудела. Получить качелями по голове он не рассчитывал.

Встав на ноги, осмотрелся и с удивлением понял, что окружён. Ментальный фон молчал, а значит, люди вокруг него абсолютно серьезно использовали глушитель. Это была настоящая спланированная ловушка для него, Нандина Абэ. И самое смешное, что располагалась она не на пересечении пятой радиальной и восьмой. Его обманули.

Давно такого не было. Словно окунулся в дни Перелома.

— Пять на одного, — усмехнулся Нандин, утирая сочащуюся с разбитых губ кровь. — И кто же это такой смелый?

Словно издеваясь, каждый из них открыл лицо.

— Со всем почтением, господин Абэ, — усмехнулся старший из них. — Клан Вагнер пришел вас судить. Примите свое наказание с честью.

В подтверждение его слов четверо парней вмиг выставили вперед свое огнестрельное оружие, целясь.

Тяжелый смех вырвался из груди долгожителя. Творящийся вокруг него театр абсурда поражал.

— Да ладно... — Нандин выпрямился, разводя руки в стороны, — будете в меня стрелять? Неужели клан Вагнер так пал, что не выполнит последней воли приговоренного? — он поднял над головой указательный палец и медленно развернулся вокруг своей оси, осматривая каждого, встречаясь взглядом с каждым. При этом он понимал: да, они готовы стрелять, сдерживает их малость. Не хватает команды.

— Как насчет честной схватки. Хотя бы с одним... — и указал на говорившего. — Вы... составьте мне компанию, обещаю... будет весело.

Человек хмыкнул, а потом едва заметно кивнул. Выстрелы раздались одновременно.

* * *

Сороковая села в операторское кресло слишком привычно, словно это единственное действие, которое она исполняла в течение всей своей жизни. Надела металлический обруч. Расправила пальцами тонкие джуты нейротрубок и застыла. Обруч с легким клацаньем выпустил из своего корпуса множество мелких суставчатых ножек, увенчанных био-электродами, обхватил её голову по всему периметру, соприкасаясь с вживленными под кожу датчиками.

— Тип задачи — поиск по заданным параметрам, — чеканила Вагнер. Фердинанд стоял перед ней и смотрел, не отводя взгляда, улавливая каждое самое легкое изменение на ее лице, мысленно готовясь к тому, что и для нее задача окажется сложной.

Мгновение, и система ожила, оплела девчонку десятком стальных браслетов, поочередно зафиксировав ноги, руки и тело вдоль всей линии позвоночника. Полное обездвиживание. Последний штрих — фиксация головы и соединение системы Кластера с разъемами мозгового импланта.

Взгляд ее потух. Лицо, на котором могла быть вполне симпатичная улыбка, оставалось абсолютно недвижимым и бесстрастным. Сознание же провалилось в приключение, визуализируя на экранах отдела видеонаблюдения все, за что зацепился ее поработанный, загнанный в провода разум...

— Определяю множественные цели, — звучал из динамиков спокойный голос Наны

Вагнер. — Цель. Человек без идентификации. Тип записи — системный. Запускаю процесс поиска. Запускаю обучение интеллектуальной системы.

Тридцать восьмая неуверенно положила руку на плечо императора.

— Сороковая должна справиться. А если что-то пойдет не так, успеем отключить. Идемте, вас ждут в центре видеонаблюдения.

Мужчина лишь кивнул в ответ, не особо надеясь на всевозможные «если». Тридцать восьмая была права. Его работа была не здесь.

* * *

Ключевая фигура, держащая многое в этой империи на своих стальных плечах — Нандин Абэ. Демон Абэ. Так его звали в клане Вагнер, так звали его за пределами Сакской империи, в лесах и скрытых городах. Нана и сама готова была его так назвать после того, что он с ней сделал. Как он это сделал. Имплант в ее голове станет вечным напоминанием о том, что даже сейчас есть вещи вне закона и вне человеческого понимания. Как база данных, функционирующая благодаря живой мозговой ткани Кластера. Как запрещенные менталисты, свободно использующиеся Фердинандом для ловли нарушителей. Как огнестрельное оружие, производимое с легкой руки Маркуса, здесь же, в пределах Сакской империи, на мощностях подземных заводов, из перерабатываемого мусора старых городов. Борьба, которая казалась ей, глупой девчонке, точечной и бессистемной, на самом деле была хорошо спланированной войной между себе подобными.

Сейчас все происходящее на каждом отрезке планеты было ее, Наны Вагнер, достоянием, потому что каждый функционирующий чип стал частью ее собственной нервной системы.

Увы, происходящее не было правильной и единственно верной стороной. Просто битва идей с непрекращающимися человеческими жертвами. Искусственно созданный природный отбор, прореживание масс как с одной, так и с другой стороны. Был ли запущен этот процесс Филом или, наоборот, Сатоиром, даже для Кластера оставалось неразрешимой тайной. Но и так дирижер этой войны был у нее, у Кластера, перед глазами.

— Цель первая. Совпадение физических параметров. Нандин Абэ. Вывожу на экран, — собственный голос, льющийся через динамики, казался лишенным каких-либо эмоций. Найти Абэ было легко. Демон скалился, рвал живую плоть и проливал чужую кровь. Его дикая схватка с представителями клана Вагнер была за пределами понимания принципов борьбы, скорости и чести. Казалось, его вовсе не волновало простреленное тело и сочащиеся кровью раны. Он ломал чужие кости без мгновений передышки, на надрыве, абсолютно бездушно и беспринципно, исключительно с целью убить.

Скованная в своем кресле, сквозь множественные объективы видеокамер Нана видела, как Фердинанд побледнел, во все глаза смотря на выведенное изображение. Необычайно живой и нервный, такими она ни разу не видела ни Тариса, ни Биби. Тридцать восьмая что-то затараторила в коммутатор, давя рвотный позыв. Нейросеть Кластера взбудоражилась, пропуская через себя наспех отданные приказы, направляя десятки человек в центр человеческого месива, в которое превратилась схватка за смерть Нандина Абэ.

Забавная глупость. словно кто-то может успеть спасти этого Демона. Нана и не спешила пропускать приказ. словно в подтверждение ее мыслей, кто-то из нападавших нашел в песке пистолет и выстрелил ему в спину. Тело Абэ дернулось, один раз, второй... а потом медленно осело.

— Констатирую остановку жизненных процессов, — вымолвила Нана сквозь динамики.

Собственный рот молчал. Если бы могла, она произнесла бы это с торжеством. Увы, чувства потерялись в обширной нейросети, превратив разум в бездушную машину.

— Продолжаю поиск заданных целей. Цель вторая. Ветвь Вагнер. Женщина. Цели третья, ветвь Соболевски. Мужчина... — продолжала Нана, выводя на экраны центра видеонаблюдения еще одно видео. Разбитое лицо Айши мелькнуло в объективе робота-уборщика. Девушка наспех меняла одежду, щеголяя перед скрытой камерой обнаженным телом. Маркус проскользнул за ее спиной к окну и выглянул в него.

— Накладываю звуковой фильтр...

Фердинанда все еще трясло от увиденного, а черно-белое видео перед его глазами уже было совсем о другом.

— Поторапливайся, — процедил Маркус Соболевски, свободно передвигаясь по черно-белому кадру, развернувшемуся в центре голографического экрана. В углу были выведены координаты местоположения скрытой камеры.

— Они покончили с Абэ... потеряли троих.

Айша в ответ лишь фыркнула, набрасывая на плечи мужскую сорочку, а после и пиджак. Заплела рыжие волосы, нахлобучила шляпу, а после преобразилась. Вмиг став точной копией советника Димитрия.

— Демон... даже умереть тихо не может. Ее голос тоже преобразился, полностью моделируя интонации и тембр покойного советника.

Маркус покосился на нее, а потом включил свою маску, скопировав Ирраиля. Голос не изменил.

— Он мог уложить всех. Я говорил, что против этой ловушки.

— Да ладно... И что? Держал бы его в тылу Фёрди до последнего? — зло усмехнулась она. — Думаешь, он бы предал твоего брата ради тебя? Провел бы во дворец, простелив красную дорожку? Как бы не так... Опасных противников надо устранять, а не играть с ними в салочки. Смерть Дэйлы тебя ничему не научила...

Маркус пересек комнату слишком быстро, схватил ее за горло и с силой прижал к стене. Айша даже не вскрикнула, лишь скривилась да впиалась когтями в сжимающую ее горло руку:

— Скажи, что я неправа, Биби... — прохрипела она. — Думаешь, я стерва? Думаешь... мне не больно... за тех троих...

Маркус скривился, а потом отпустил ее. Схватившись за горло, Айша закашлялась.

— Пневмопоезд через двадцать минут... — пробурчал мужчина и вышел за дверь. Девушка поправила одежду, последний раз оглянула помещение в поисках ненужных следов и вышла следом за ним. Ее взгляд даже на миг не остановился на скрытой камере.

— Цель утеряна, — прозвучал из динамиков спокойный голос Сороковой, — задаю поиск.

— Накладываю предположительный маршрут, — вторил ей оператор за спиной императора.

— Отставить... — неожиданно вымолвил Фердинанд, все еще смотря на пустой экран. — Отсоедините сороковую от системы. Впредь занимаемся исключительно вопросами пятого блока.

Тридцать восьмая вскинула на него голову, операторы все как один перевели взор на его побледневшее лицо.

— Мой император... вопрос вашей безопасности нельзя пустить на самотек, —

осмелилась заметить тридцать восьмая и тут же ступевалась под тяжелым взглядом Фердинанда. — Слушаюсь...

* * *

Было ли Нандину Абэ больно так же, как и ей? Нана смотрела на происходящее через камеры и не знала ответа. Перед взором застыл Фердинанд. Бледный, нервный, дерганый. Пораженный случившимся. Айша, трепыхающаяся в стальных тисках Маркуса, скорбящая о погибших соклановцах, Ирраиль с застывшим посеревшим от удушья лицом, абсолютно безжизненный Димитрий. Где-то там, за порядок в очумевшем от жары городе сражалась Клэр дэ Руж, а под землей, на пересечении пневмопутей, кишел Ио, а в нем в толкучке едва не задохнулся мелкий предприниматель Ёжи, продавший ей, глупой и наивной Нане Вагнер, возможность взглянуть через розовые очки на искусственное голубое небо...

Сороковая на миг прикрыла веки, будто одним движением прикрыла тысячи чужих глаз. Вздохнула, наполнив легкие грудью, и поняла, что заставила дышать полной грудью бессчетное количество чужих тел. Там, на других концах проводов, во всевозможных связующих узлах было продолжение ее мозга и сознания. Такие же поработанные люди, как она сама. Без личности и без истории...

Все это в один миг стало ненужным прошлым. Нана давно прошла точку невозврата.

Теперь у нее в руках была бесконечность нейронных путей, тысячи километров нервных окончаний, в которых можно заблудиться. Несчетное количество искусственных глаз взамен живых и слепых. Ни вскрикнуть, ни шевельнуться, одна только возможность — бесконечно смотреть да анализировать.

Кластер был в ней. Она была кластером. Базой данных, оператором, дирижером бесконечно прекрасного оркестра, непрекращающейся увертюры под названием Сакская империя.

Нана не знала, как к этому относиться. Можно ли к этому относиться хоть как-то? Ее эмоции были стерты, а взамен даны бесконечные возможности, с которыми обычному человеку просто не справиться. Имплант, разъемы, престранные разговоры, ненужные, но ставшие такими жизненно важными обязательства.

Мир звал назад, а она вовсе не хотела к нему возвращаться, узнав, что может сделать теперь намного больше, намного качественнее... так, как сама посчитает нужным. Потому что теперь сквозь ее грудь сочилось многоголосое сердцебиение городов, задыхающихся под палящим солнцем. По телу проносилась боль каждого искусственного организма, так, словно каждый чужой электрод и каждое чужое соединение, будь то интеллектуальная система, бездумный робот или просто чип, стали ее собственными.

Система отпустила ее внезапно. Нагретый разъем опустел, тело вмиг ограничилось руками и ногами.

Фердинанд снова стоял перед ней, в узком пространстве операторской. Помог снять обруч, придержал, когда она вставала с кресла, не в силах пошевелить одеревеневшими суставами.

Обнял. И долго стоял не шевелясь, все еще переваривая свою личную трагедию.

— Тебе стоит отдохнуть, — наконец глухо вымолвил он, отпуская и уводя ее сквозь коридоры Класстера. Капсулы с заключенными в них людьми непрекращающимся полотном покрывали стены от пола до потолка. Сороковая не заметила, как Фердинанд остановился, рассматривая их, она шла вперед. В голове пульсировали поставленные задания.

— Вагнер, стой... — тихо позвал Фердинанд. Девушка не отреагировала, продолжая

свой путь по коридору.

— Номер сорок, стоять! — повысил он голос.

— Задача — отход ко сну, мой император, — ровно произнесла она и медленно обернулась. — Есть иные, особые, пожелания?

Слово «особые» она выделила, буквально акцентируя на нем внимание. Вопрос поставил мужчину в тупик.

— В чем подвох? — нахмурился он, подходя ближе. Нана даже не вздрогнула, когда он приблизился так, что колени коснулись друг друга.

— Три часа дня, мой император, время массажа воротничковой зоны.

— Воротниковой, сороковая, — спокойно поправил он, смотря на нее сверху вниз. — А кроме воротниковой зоны, к примеру через час?

— Вопрос неясен, — монотонно ответила Сороковая, не отводя взгляда, — возобновить предыдущую задачу?

— То есть вопрос о подвохе тебе понятен, а вопрос о расширении функционала нет? — неожиданно усмехнулся он. Нана молча смотрела на него, продолжая хлопать ресницами. — Темнишь, сороковая.

— Расширение функционала происходит в техническом отделе, — спокойно выдала она. — Для изменения настроек достаточно голосового управления.

Фердинанд задумчиво поскреб подбородок.

— Голосовое управление, говоришь... — неожиданно развеселился он. Взгляд же оставался мрачным. — Иди спать, сороковая. Я приду позже.

*Все́му есть начало и все́му есть конец.
Даже вечность из чего-то начиналась.*

* * *

От запаха крови, витавшего в разогретом воздухе, кружилась голова. Место убийства Нандина Абэ оцепили. Клэр со странным смещением чувств смотрела на красную ленту, оградившую детскую площадку, на суету медработников, полицейских, следователей, судмедэкспертов. Мидлтон уже был здесь. Крайне озадаченный и осунувшийся, словно стержень вынули.

Нандин Абэ все еще лежал лицом вниз, зарывшись окровавленными пальцами в побуревший песок. Рядом множество следов, говорящих о произошедшей здесь драке.

Из имперского бюро расследований прислали даже видео, судя по которому, погибших было намного больше. Нападавшие своих забрали. Абэ, в свою очередь, остался лежать, привлекая внимание посланием и ножом в спине.

Все казалось дикостью. Клэр с ним говорила еще полтора часа назад. Видела, касалась, злилась и вспоминала прошлое. И от всей души ненавидела. Где-то глубже были похоронены иные чувства. Дружба, любовь и соперничество, чувство зависимости. Двухсот лет как не бывало. Филл, Нан и Клэр... Из их тройки она осталась одна.

Надолго ли?

— Поразительно, — выдохнул префект Кальтеноя, останавливаясь рядом и рассматривая место убийства. Взгляд зацепился за записку, которую как раз фотографировал штатный специалист. — Что там написано?

— Суд над каждым состоится, — с раздражением процитировала Клэр, переводя на него взгляд. — Что вы здесь забыли, Такебир?

— Мир мой — научные изыскания, — не смутился он и щелкнул пальцем по натянутой ленте, оградившей место убийства. — Я надеюсь, вы составите мне компанию на следующие полтора часа.

— Я занята... — отрезала дэ Руж и снова обратила внимание на площадку.

— Алгоритмами, которые введены в базу уже час назад? Или, может, предаетесь ностальгии о былых деньках? — не унимался Мебиус, внимательно следя за действиями медиков. — Признайтесь, здесь вам нечего делать.

— Идите... куда шли... — процедила она, кидая на него раздраженные взгляды.

— Я и пришел... куда шел... — Такебир насмешливо приподнял брови, поворачивая к ней холеное лицо. — Нандин Абэ просил оказать вам услугу в случае непредвиденных обстоятельств. — Он многозначительно кивнул в сторону трупа. — Так что готов предоставить ее вам безвозмездно, прямо сейчас.

Сказанное произвело необходимый эффект. Женщина растерялась. Нахмурилась, пытаясь понять, к чему ведет префект Кальтеноя.

— Мне не нужны услуги, Мебиус, ни от вас, ни от Нандина... — наконец выдала она, отсекая любые попытки завязать разговор на корню. Мужчина не сдавался.

— Нан предупреждал, что вы так отреагируете, — он на миг помрачнел, думая о своем, а после нырнул пальцами в карман и вытащил сложенный вчетверо лист. — Прочтите... —

ткнул он его дэ Руж.

Клэр не спешила брать письмо, отрешенно смотрела на кипенно-белую бумагу и на просвечивающиеся насквозь черные строчки слов.

— Да берите же! — мужчина с раздражением пихнул лист ей в руки и скривился. — Не ведите себя как капризная старуха, раздражает.

Сглотнув ненужный ком в горле, Клэр развернула лист и шумно выдохнула. Мелкий, трудночитаемый почерк Нандина узнала сразу. Манеру изложения — тоже.

Письмо не заняло много времени, но вызвало много вопросов и, как ни странно, сожаление. Сложила его и спрятала в сумку.

— Хорошо... — спустя некоторое время согласилась она. Взгляд продолжал цепляться за происходящее на площадке. Тело Нандина Абэ наконец спрятали в мешок и погрузили на носилки.

— Хорошо то, что хорошо кончается, префект дэ Руж, — возразил Такебир, не готовый к тому, что она прекратит препираться, — увы, я не уверен, что желание Нандина приведет нас всех к ожидаемым результатам.

Женщина прыснула, пряча за смешком нервозность.

— Вы что, теперь отговариваете меня?

— Нет, упаси меня Вселенная, — спохватился он, — идемте, Клэр. У меня не так много времени.

В магазине мастера Ирраиля было многолюдно. Все те же следователи и криминалисты.

Такебир и дэ Руж проскользнули мимо них в дальние помещения оцепленного объекта, в тщательным образом обустроенные лаборатории.

— Думаю, воспользуемся этим кабинетом, — проговорил Такебир, скользя взглядом по новенькому помещению. Деловито прошелся мимо ряда пустых инкубаторов, заглянул в стерилизатор и выудил оттуда несколько инструментов.

— Садитесь, Клэр...

— Куда? — она растерянно осмотрелась.

— Куда угодно, мне все равно, а вам должно быть удобно, — посоветовал Мебиус. — Признаться, просьба меня озадачила, но вам, похоже, она понятна.

— Вы читали то письмо? — вопросом на вопрос ответила дэ Руж, а после присела на первое попавшееся кресло.

— Я его не понял. Старые понятия, отсылки к неизвестному прошлому. Парадигмы... Закатайте рукав, пожалуйста.

Клэр послушно выполнила просьбу. Такебир нахмурился, озадаченно уставившись на стальную скобу, соединяющую живое предплечье с протезом.

— Варварство... — прокомментировал он. — Могу снять. Правда, протез будет подпорчен. Помнится мне, вы равнодушны к этой модели.

— Просто привыкла к ней... — Клэр растерянно взглянула на искусственную ладонь. — Алек говорил, что есть возможность вернуть руку.

— Ну... ваш Алек не соврал, — пожал плечами Такебир, осматривая ее предплечье и прощупывая его пальцами. — Вырастить новую руку и связать ее с телом можно. Она даже сможет функционировать после нескольких курсов нейрокоррекции. Так что было бы желание. Я правильно понимаю, руку вы потеряли вместе с предыдущим паспортом?

— Да, предыдущий был старого образца.

— Вот и у Абэ паспорт оказался старого образца, — усмехнулся Такебир, наконец нащупав чип, и взял в руки скальпель. — Не такой старый, как тот, что забрали у Швецова, но необходимыми нам свойствами он ещё обладал... Признаться, мы оба очень удивились, когда определили это. — Он на миг умолк, обработав ее кожу спиртом. — Сейчас вас укусит комарик, Клэр...

Женщина кивнула, а после зашипела и недоверчиво уставилась на Мебиуса.

— Есть такая вещь, как обезболивающее!

— Поделом вам, всего-то царапина, — усмехнулся мастер, протягивая ей ее собственный чип, зажатый меж пальцев. — Прелесть, не находите? Абсолютно ненужная штучка.

Забрав у него свой идентификатор личности, Кэр задумчиво покрутила его меж пальцами, а потом спрятала в одежде.

— А вот чип Нандина Абэ... — Теперь мастер продемонстрировал совсем другую микросхему. Она была объёмнее. — Из-за аналогичной вещи убили вашего Алека Швецова. И, похоже, всех остальных. Все еще уверены в том, что она вам нужна?

Клэр молча кивнула. Такебир больше ничего не говорил, ловко вживлял ей под кожу микросхему Нандина. Он закончил свою мелкую операцию за каких-то двадцать минут и густо намазал шов заживляющим гелем. Взял в руки портативный ультразвуковой сканер и навел его на руку.

— Похоже, на этом все. Сейчас настрою... Ваше имя или чье-то другое?

— Пока что мое, — Клэр уныло уставилась на робота-уборщика, застывшего у двери и начавшего оттирать какое-то пятно. Конструкция его была ненова, что выбивалось из общего стиля помещения. — Почему Нан решил проверить свой чип?

— Я предложил, — не стал скрывать Такебир. — Началось с моего праздного вопроса, когда он получил свою паспортную систему. Оказалось, что на заре империи. Я захотел посмотреть. Нан согласился продемонстрировать.

Такебир и сам перевел взгляд на умную машину. Мелкий робот-уборщик подобрался к его ногам и теперь методично натирал чистый пол, не обращая внимания на свежее пятно крови рядом. На его торце на мелком экранчике планомерно убегали цифры, стремясь к нулю, словно отсчет.

— Я что-то не понял, он время уборки отсчитывает?

— Прямо как время самоликвидации, — покачала головой Клэр, а после изменилась в лице...

* * *

— Бум... — прошептала Айша, и блаженно усмехнулась. Видео, которое она смотрела на планшете, пошло помехами и отключилось. — Был Такебир, нет Такебира... Я просто гений.

— Веселишься? — Маркус усмехнулся, скользя взглядом по пассажирам пневмопоезда. Видео его абсолютно не волновало. Как и с кем развлекался префект Кальтеноя — тоже. Больше его беспокоило, как покинуть поезд и незаметно сменить внешность. То, что Нандин Абэ больше не мешал, не отменяло наличия других умников в его ушедшем бюро внутренних расследований. Увы, но действовать придется, когда поезд остановится. Сейчас обстоятельства были неподходящими. Пятиточечные ремни сковывали каждого пассажира. Да и скорость сдавливала грудные клетки абсолютно одинаково. В таких условиях трудно что-то делать.

Если их с Айшей и будут ждать, то только на выходе, у первой же подходящей для этого остановки.

— Почему бы и нет, — она с интересом взглянула на него. — Только не говори, что ты против.

— Я против бессмысленных действий. Уничтожать магазин, хорошо. Но ждать, пока там очутится Такебир, опрометчиво. Он мог и вовсе не зайти туда. А значит, империя обзавелась бы уликами против нас. А это последнее что я им готов дать.

— Улики? Ну ты и зануда. Рванула бы без него. Поохотилась бы в другом месте, делово... но, — Айша улыбнулась, — этот раунд все равно за мной, я оказалась права.

— Ладно, я признаю твои доводы. Трепещу и склоняюсь. — без доли восхищения заметил Маркус и кивнул в сторону девушки, сидящей в двух рядах от них. — Кстати, я нашел для тебя новую внешность. Там, похоже, она твоей комплекции.

Айша еще некоторое время смотрела на него, а потом, сдавшись, перевела взгляд.

— Она уродлива... — буркнула Вагнер, обидевшись.

— Брось, на тебе лицо Димитрия, это куда более уродливо, — не остался в долгу Биби.

Фыркнув, девушка, вернулась к просмотру записи. Звука не было. Дэ Руж и мастер Такебир говорили между собой, а потом оба взглянули на робота, повернув лица к камере... Помехи, как и прежде, прервали запись.

— Странно... — она снова перемотала видео, — почему запись прервалась преждевременно? Не хватает еще шести секунд до взрыва.

Маркус ответил не сразу.

— Дай сюда... — он забрал у нее планшет и перемотал на начало. А когда понял, что именно зафиксировала камера, кровь отхлынула от его лица.

«Граждане, соблюдайте спокойствие. Помощь уже едет...

Граждане, не стесняйтесь просить и предлагать взаимопомощь,

Мастера, обратите внимание... нужна помощь в следующих точках...»

Мир гудел и стонал. Солнце жарило, не особо разбирая своих жертв. Клэр пошатнулась, поднимаясь на четвереньки. Взрывная волна унесла осколки далеко вперед, поранив прохожих. Кто-то лежал, не двигаясь, кто-то стонал...

— Мебиус... Чёртов мутант... — прошептала она, видя, как префект Кальтеноя с обожжённой физиономией лежит, не двигаясь. На левом боку расплылось огромное красное пятно, увенчанное массивным стеклянным осколком...

Проверив пульс, женщина облегченно выдохнула и тут же набрала номер леополисской больницы.

— Нужны медики. Главная площадь, северное крыло горсовета. Около двух десятков пострадавших от взрыва. Ожоги, осколочные ранения, разной степени тяжести.

— Кто говорит?

— Префект... Клэр дэ Руж...

— Мое почтение, госпожа дэ Руж, в этом районе работает генетических дел мастер Ирраиль, он может предоставить квалифицированную помощь до приезда бригады, сейчас продиктую номер...

— Он мертв!.. — зло выкрикнула Клэр, поднимаясь на ноги и пошатываясь. — Немедленно бригаду на площадь иначе... я гарантирую, этот разговор станет последним в вашей карьере!

* * *

— Вам надо это увидеть, — такими были слова тридцать восьмой, когда она по собственной инициативе вплыла в кабинет Фердинанда. Ее тонкие пальцы забегали по голографической панели его личного компьютера. Посередине кабинета привычно расстелился полупрозрачный экран, демонстрируя видеосъёмку в реальном времени.

— Мёбиус Такебир и Клэр дэ Руж... — процедил Фердинанд, откидываясь на спинку кресла. Веки его сузились, взгляд стал цепким и пристальным.

Один из лучших мастеров империи, префект генетического сердца страны, что-то делал с плечом дэ Руж, привычно орудуя хирургическими инструментами.

— Где это они? — поинтересовался он у секретаря.

— Леополис, лаборатории магазина генетического товара. По крайней мере, это видео передают те камеры... Однако если брать систему идентификации населения, то ещё несколько минут назад префект Такебир находился в данных лабораториях в полном одиночестве. А это абсолютно не совпадает с визуальный рядом. Кстати, местонахождение префекта дэ Руж перестали фиксировать пятнадцать минут назад. — В подтверждение своих слов женщина ввела в программу параметры, и фигура Такебира тут же обозначилась его именем, в отличие от дэ Руж. Ее система обозначила как Нандина Абэ.

Прошли мгновения, и подпись идентификатора опять сменилась, теперь фиксируя полностью знакомое имя женщины.

— Выглядит странно, как ни крути, а если учесть, что сам Абэ оказался без идентификационной системы, то лично у меня есть подозрения, что именно его систему сейчас устанавливает префект Такебир... — предположила Тридцать восьмая. — Цель этого действия непонятна. А проверить личные базы данных господина Абэ пока что невозможно. Мы все еще взламываем код.

Фердинанд слушал её вполуха. Префекты на немой записи беседовали и хмурились, в какой-то момент оба обратили внимание на мелкого робота, а потом резко бросились в сторону окна.

Видеотрансляция прервалась. Женщина нахмурилась и пробежалась пальцами по клавиатуре, увы, связь не возобновилась.

— Может, системная ошибка? — озадачившись этим вопросом, секретарь начала проверять настройки.

Фердинанд тем временем невидяще смотрел на почерневший экран. Короткое видео поселило в его голове уйму вопросов и соображений. Он догадывался, в чем дело. Озвучивать не спешил. Стоило обдумать.

— Квинни... — обратился он по имени к тридцать восьмой. — Прекращай насиловать клавиатуру. Три часа дня. Я еще не обедал, распорядись.

Женщина на миг поджала губы, а потом выпрямилась.

— Вы хотите отобедать сами, или...

— Накрой на троих, — прервал ее Фердинанд. — Приведи Вито и сороковую. Думаю, часа для отдыха ей было достаточно.

— Как скажете...

Женщина удалилась, плотно прикрыв за собой дверь. Фердинанд же продолжал смотреть на черный экран и раздумывать.

Тарису казалось, о нем забыли. Все двери на распашку, никаких ограничений и ни

одного приставленного лично к нему наблюдателя. Сердце империи было озабочено совсем другими проблемами, отличными от тех, что наполняли голову Маркуса или Фердинанда.

Глобальное потепление, повышение среднестатистической суточной температуры, поломка пятого блока, в процессе ремонта которого была потеряна вторая по счету ремонтная бригада.

Эти мысли доносились от каждого проходящего мимо. От каждого стоящего на страже. Казалось, они стали его собственными. Генерируемые не чьим-то, а его, Тариса, мозгом.

Семейный портрет на стене больше не привлекал внимания. Трогать документы не было интереса.

Тарис блуждал и изучал помещения, толком ни к чему не прикасаясь, предоставленный сам себе.

Вот так, гуляя по личным покоям Фердинанда, а после и по всему этажу, периодически наталкиваясь на недвижимую охрану, Тарис узнал, что только в пределах стен дышалось легко, стоило открыть окно или выйти на балкон, как жара обрушивалась на плечи, а горячий воздух обжигал легкие.

Потому Тарис Лаен больше не выходил. Спокойно шел галереями и техническими отделами, считывая каждого и ожидая, когда же наконец его остановят.

Реакции не было, о нем даже не думали, провожая взглядами и размышляя над личными задачами и проблемами. Оттого начало казаться, что он даже не человек, а просто тень, которую не замечают.

Нана нашлась двумя этажами ниже, в соседнем крыле. Одинокó шла по коридору ни на что не обращая внимания. Мысли у нее были прерастранные и тяжелые. Все о городах, погоде и превратностях мира сего. Тарис, не раздумывая, пошел за ней следом и, так же не мешкая, ступил в ее комнату. Застыл у двери, рассматривая гротескную обстановку. Нана Вагнер все еще не замечала его, стоя спиной. Разулась, а после начала обнажаться. Яркие рыжие волосы мягкими волнами заструились по ее плечам, острыми завитками коснулись мягких бедер. Без стеснения она прошла в глубь комнаты и распахнула шкаф. Вытащила полупрозрачную сорочку и скептически ее осмотрела, бросила внутрь шкафа, потянула следующую, плотную, ситцевую. Взгляд Тариса блуждал по ее обнаженному телу ровно до того момента, пока не зацепился за имплант в основании черепа. Распущенные волосы почти полностью скрывали его серую пластину, делали незаметным гладкий край разъема. Лаен некоторое время смотрел на этот разъем, пытаясь осознать и принять его наличие, а потом решительно пересек комнату и потянул с кровати одеяло. Набросил на ее плечи.

— Я помогу тебе одеться... Где белье? Я смогу увести тебя километра на два. А дальше тебя встретит Ганн Вагнер...

— Не стоит, — привычный мягкий голос прозвучал отрешенно и ломано. — Задача — отход ко сну, время исполнения — одна минута, — ни капли не смутилась Нана. Одеяло начало сползать с ее плеч, и Тарис поспешил его удержать. Нана словно очнулась, ухватилась за края ткани и попятилась, взгляд ее забегал. — Вито Лаен, мне нужно время для стабилизации процессов. Необходим сон, покиньте мою комнату.

Тарис раздосадовано поморщился, а после отключил маску.

Нана его не узнала.

— Прости меня, если бы я не напал на того преподавателя, ты бы не попала в эту передрыгу... не попала бы в руки к моему брату. Я виноват, — приговаривал Тарис, стараясь не думать о том, что будет делать потом. Ладонью коснулся ее холодных пальцев, цепко

сжимающих ткань одеяла, а потом крепко обнял, прижимая ее голову к своей груди. Нана не вырывалась, ей было все равно. Там, внутри нее, несмотря на внешнее безразличие, бушевал целый информационный поток. Сейчас, прикасаясь к ней, он слышал каждую мысль завладевшего ее сознанием Кластера. Чувствовал их жажду к жизни и движению, боль от вечной обездвиженности. Тысячи сознаний. Страх и обреченность. Тело Наны было для них отвлечением, глотком свежего воздуха. Увы, самой Наны в этом потоке почти не было...

Не удержавшись, он коснулся губами ее лба. Осторожно провел кончиками пальцев по ее волосам, стараясь не задевать пластину импланта. Нана вздрогнула и резко отшатнулась, отводя взгляд.

— Тип задачи неясен, уточните задание...

— Смотри на меня, — не сдавался Тарис, лоя ладонями ее лицо и проводя пальцами по ее щеке, — смотри, Нана, найди в голове эти воспоминания... Ты... я... прыжок в пропасть. Это никуда не делось... Оно здесь, в нас, между нами...

Она шумно выдохнула и неожиданно ослабла. Взгляд потух. Мерное сердцебиение и абсолютное безразличие искусственного сна. Словно кто-то нажал на тумблер и полностью отключил ее. Тарис подхватил ее и крепко прижал к себе.

— Я украду тебя. Помогу уйти и снова вспомнить себя... Теперь я буду прикрывать, а не ты... Все будет хорошо.

Ответа не была.

Он продержал ее в объятиях четверть часа. Нана спала. А Тарис лежал рядом с ней на кровати, молча рассматривал потоки информации, которые пленили её голову.

Узнавал многое такое, чего не мог знать, да и не хотел...

Очнулся от того, что над ним стояла незнакомая женщина. Ее мысли заставили Тариса смутиться.

— Я тридцать восьмой секретарь его величества императора Сакской империи, — представилась она. — Могу я узнать, что вы здесь делаете, Вито Лаен?

Тарис вздрогнул, осознавая всю щекотливость ситуации. Нана продолжала спать у него на груди, оплеля его ногу своими. Покрывало сбилось, в полной мере демонстрируя ее наготу.

Рыжие волосы разметались по подушке, а на щеках играл лёгкий румянец. Увы, происходящему не было логичного объяснения.

Черный голографический квадрат не мог ответить, о чем говорили Мёбиус Такебир и Клэр дэ Руж. Предавали или выполняли свой долг?

Подхватив портсигар и папку с бумагами, которые читал перед вторжением тридцать восьмой, Фердинанд вышел на балюстраду и с унынием вдохнул тяжелый горячий воздух. Слишком неприятный, чтобы им дышать.

Увы, другого воздуха не было, да и в ближайшее время не будет. Упав в плетеное кресло, мужчина взглянул на портсигар, а потом разочаровано спрятал его в карман брюк. Слишком жарко. Нан наверняка сейчас начал бы распинаться о вреде курения. Глупое предположение заставило нахмуриться.

Раскрыв папку с документами, Фердинанд начал читать заново. План восстановления экосистемы требовал утверждения, а смысл написанного ускользал. Собственные мысли, словно дурные, блуждали вокруг убийства Абэ. Перед глазами стояла та схватка и странное алогичное оружие... А еще сбой системы, неправильные подписи и украденные

идентификаторы.

Динамический идентификатор. Кажется, так Такебир назвал ту микросхему, изъятую у убийцы Алека Швецова. Нан сказал, что все эти убийства были ради старых идентификаторов личности... А теперь, перед смертью, похоже, решил избавиться от своего паспорта лично. Зачем отдал его дэ Руж? Почему этим занялся Такебир?

Смысл происходящего ускользал. Фердинанд невидящим взглядом смотрел на бумаги и все не мог понять, чем Нан руководствовался на этот раз?

Может, это был приказ Маркуса? Может, Нан переметнулся, как и Клэр? Предательство долгожителей злило... и ранило, совсем чуть-чуть.

Стук каблуков отвлек его. Тридцать восьмая остановилась в нескольких метрах, загораживая солнце.

— Мой император, обед накрыт. Только... Мы все еще не разбудили сороковую... не уверены в необходимости прерывать процесс.

— То есть?

— Ее синхронизация с базой данных. Процесс существенно ускорился. Есть причины полагать, что этому поспособствовал некий катализирующий процесс... — Женщина на миг замешкалась, ступавшись под пристальным взглядом Фердинанда. А после решительно продолжила: — Мы обнаружили сороковую и Вито Лаена спящими... вместе, в ее кровати...

Фердинанд подобрался, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Как вы подпустили его к сороковой?

— Вы же сказали сделать для него доступными все двери и документы... — растерянно вымолвила тридцать восьмая и попятилась, когда Фердинанд резко поднялся с кресла. — Он ни к чему не прикасался, просто бродил коридорами и комнатами... Я поставила его на контроль в центре видеонаблюдения, вот и все... Вы же понимаете, сейчас не та ситуация, чтобы следить за каждым шагом новорожденного! — выкрикнула она ему вдогонку, а сама растерянно устала на брошенные на пол документы.

О том, чтобы сказать ему сейчас о взрыве в центре Леополиса, даже речи не шло.

* * *

Происходящее вспоминалось обрывками. словно стоп-кадры. Беспрекословный приказ Маркуса, которого невозможно послушаться. Крыло городского совета, в котором работала префект дэ Руж. Абсолютно свободный путь сквозь поток человеческих масс, так, словно Соболевски шел не в чужой, а в свой личный кабинет. Так словно делал это не раз и не два, а бесчисленное множество. Запертая изнутри дверь и выложенный на стол саквояж с портативной телепортационной установкой. Свободное и беспрепятственное скачивание баз данных с персонального компьютера дэ Руж. Система безопасности молчала, а Райго смотрел на Маркуса бездумно и без интереса...

Ровно до того момента, пока смысл существования не исчез. В тот момент, когда Тарис Лаен вошел в телепорт, Райго потерял спокойствие. Сознание одолели навязчивые идеи, а мир сузился до одного-единственного действия: найти цель своего существования.

Теперь же, стоя посреди пустыря, Райго сжимал в руках ручки саквояжа и даже не думал о произошедшем. Просто знал: он стащил чемодан в тот момент, когда Маркус отвлекся на происходящее за окном. Это знание не формировалось в картинку, словно было прочтенным или продиктованным.

Наспех произнесенные координаты забросили его в одну из самых известных точек империи. Место основания Сакской империи. Именно здесь император Филлипус, он же

просто Филл, провозгласил себя императором Единого Союза Полисов. Сакской империей Союз станет многим позже, при Сатоире. Старое название сотрется из баз в одно мгновение, и лишь на историческом будут это изучать и сдавать наизусть все координаты...

Тарис все еще был в недосягаемости. А установка отказывалась прокладывать путь к Сельве ближе дозволенного. Просто стала бесполезной.

Придется добираться своими двумя до ближайшей точки сообщения. Но вот беда. Райго не знал координат ни вокзалов, ни автобусных остановок. Перебирал местонахождение исторически важных мест и пытался понять, которые из них ближе всего к пневмопутям...

Вариантов было немного. Вскоре, ввергнув человеческие массы в лёгкий шок, Райго Иссиа уже вышагивал вдоль библиотеки на краю Маврикии. Экскурсионный маршрут в центр литературных изысканий был живым и многолюдным. Автобусные пневмокапсулы подходили достаточно близко к объекту и уводили во все точки страны. И что самое главное — в Сельву.

«Могу я узнать, что вы здесь делаете, Вито Лаен?» — фраза всплывала в голове Тариса раз за разом, несмотря на то что тридцать восьмая поспешила выйти вон, так и не дождавшись ответа. Дверь за собой она заперла.

Лаен пытался думать, как вырваться из ситуации. Впрочем, вариантов, кроме как исполнить обещанное, не оставалось. Понежились — и хватит. Нану стоило вывести отсюда, чего бы это ни стоило. И плевал Тарис на империю, её зависимость от базы данных и Кластер.

Потому, наспех натянув на девушку белье и первое попавшееся платье, Тарис Лаен распахнул единственное окно и впустил внутрь комнаты удушливый горячий воздух. Перегнулся через подоконник и оценил расстояние до земли.

Была бы верёвка — вопросов к задуманному мероприятию не возникло бы. А так, наверно, придётся играть в скалолаза... с Наной на плечах.

Взгляд скользнул вверх, к балюстраде, видневшейся двумя этажами выше. Около шести метров, может, даже больше.

Конечно, всегда можно ускориться и пройти мимо охраны, но... Использовать свои семь минут зря не хотелось. Раскрыть свою личность или упасть обессиленным — тем более.

Шум с той стороны запертой двери отвлек. Отчётливо донеслись мысли охраны: «Императору это не понравится» и «Идет...»

Времени гадать не осталось. Обмотав девушку одеялами, Тарис закинул её на плечо и вылез на подоконник. Задрал голову и прищурился, примеряясь. Слегка согнул колени и прыгнул вверх. Зацепился пальцами за подоконник верхнего этажа и, вывернувшись, выбил ногами стекло... Доля секунды, и он оказался этажом выше. Мгновение, которое легко прервать, так и не дав хода своим персональным семи минутам... Маркус говорил, шестой этаж всегда пуст. Правда это или вымысел, только предстояло проверить. Тарис не знал, на что он сам надеялся, на подсказки, слепки Маркусовой памяти о прошлом или на удачу. Главное было — уйти и исправить то, чему он стал причиной.

* * *

Комната сороковой была пуста. Ни Наны Вагнер, ни Вито Лаена. Сброшенная на пол одежда и скомканная постель. Окна нараспашку и надтреснутый каменный подоконник... Пыль и душный воздух стояли внутри помещения плотной стеной. Вентиляция просто не справлялась с ними.

Прикрыв дверь, Фердинанд неспешно подошел к окну, а потом выглянул наружу. Скользнул взглядом по пышным кронам деревьев, растущих далеко внизу, и по тонким ниткам тропинок. Пятый этаж. Двух и трехметровые потолки... Отсюда не сбежать, если ты не бессмертный модифицированный. Это озадачило.

Вито Лаен не обладал серьезными модификациями. Впрочем, у Вито Лаена также не было ошейника. В отличие от того человека, которого Фердинанд самолично привел во дворец. Подпись его идентификатора не внушала доверия, потому Фердинанд провоцировал и ждал, когда он сам себя раскроет. Увы, он даже предположить не мог, чем его действия закончатся.

Видео, зафиксированное скрытой камерой, четко показало, что самозванец на

некоторое время отключал маску. Но зафиксировать настоящее лицо не удалось. Банально мешали его растрепанные волосы, ракурсы и всевозможная неучтенная мишура.

Злило ли? Нет, скорее просто раздражало и будоражило внутри желание поохотиться. Дверь за спиной скрипнула.

— Мой император... — послышался взволнованный голос секретаря.

— Тридцать восьмая, я разве велел тебе бегать за мной? — Фердинанд молча закрыл окно и обернулся. Скользнул взглядом по женщине, которая еще две недели назад сама занимала эти комнаты и была не в пример чутче и удобнее Наны Вагнер. Тридцать восьмая не смутилась, выдержала его пристальный взгляд и даже слегка зарделась. Фердинанд же просто вышел вон из комнаты. Секретарь привычно засеменила следом.

— Я хотела сказать... в Леополисе... взрывы, — запыхавшись, докладывала она. — Такебир со сложными травмами попал в больницу. Дэ Руж доложила о происшествии, но теперь ее и след простыл. Ищут...

Новость развеселила.

— Ищут, серьезно? — в голосе императора проскользнула издевка. — После того как вы сами зафиксировали подмену паспорта? — Легкие шаги Фердинанда были почти не слышны в тишине коридора, в отличие от стука ее каблуков, разносящегося барабанной дробью вдоль узкого перехода. — Рекомендую не трогать время зря. Поиски Дэ Руж ни к чему не приведут. У нас есть более интересные задачи.

— Например? — не поняла его секретарь. Она успела запыхаться и теперь часто дышала ему в спину.

— Например, разбудить сороковую с четкой командой для исполнения.

Коридор свернул влево. Убранство тем не менее не менялось, все те же серые стены и недвижимые, увечные копии Нандина, несущие свою стражу. Сможет ли хоть один из этих клонов заменить Абэ, Фердинанд не знал. Но очень на это надеялся.

— Суть команды? — уточнила женщина, не отставая. Фердинанд наконец остановился перед входом в Кластер, обернулся и теперь внимательно смотрел на раскрасневшуюся тридцать восьмую.

— Атака, Квинни, — мягко вымолвил он, склонившись к ее уху, отчего его бывший личный секретарь невольно вздрогнула. Фердинанд же, забавляясь ее реакцией, продолжал: — Думаю, атаку Наны Вагнер похититель оценит по достоинству. К примеру, раскроет свое настоящее лицо.

— А если она его убьет? — прошептала женщина, не шевелясь. Уголки губ мужчины на миг дернулись в усмешке.

— Значит, в Сакской империи станет на одного человека меньше, вот и все. — Фердинанд выпрямился и открыл дверь. — Я хочу видеть, как она это сделает.

Ноги несли его вперед.

Над головой неизменно нависали все те же наполненные жидкостью капсулы. Все те же недоразвитые слепые тела внутри них. Провода и бесконечное количество нейросоединений. Только теперь рядом не было Наны Вагнер, сорокового по счету секретаря.

Пусть...

Его высший приоритет делал любую команду внутри Кластера первостепенной для исполнения, в том числе для сороковой, где бы она ни была и что бы она ни делала... пусть даже была на пике наслаждения.

Технический отдел приютился за одной из неприметных дверей. Куча техников и

неимоверное количество полуживой присоединенной к Кластеру аппаратуры.

— Изменение настроек главного оператора, — командовала тридцать восьмая, Фердинанд молча стоял и следил за процессом, периодически вводил коды доступа и подавлял в себе нетерпение. Спешка ни к чему не приведет, только холодный расчет, как и учил его все пятнадцать лет Нандин Абэ...

* * *

Нана продолжала спать в его объятиях и ни о чем не беспокоиться. Технический ход, в который пробрался Тарис, был пуст. Лампы на фотоэлементах зажигались и послушно подсвечивали ему путь, но пыль и затхлость горячего воздуха говорили о том, что человека здесь не было уже давно. Впрочем, судя по рассказам Маркуса, когда из дворца бежал он сам, этот коридор уже был заброшен. Чего не скажешь о примыкающих к нему путях. Расчет, как оказалось, себя оправдывал, а вот надолго ли — еще было не ясно.

Нана на его плечах неожиданно шелохнулась.

Ее ментальный фон на миг опустел, а потом в нем раздалась одна-единственная мысль: «Электричество...»

Тарис с удивлением остановился. Нана шумно выдохнул и подняла голову. Скользнула руками по его спине, попыталась выпрямиться. Лаен тут же поспешил поставить её на ноги и заглянул в распахнутые глаза.

Её ментальный поток продолжал молчать, так, словно Кластер перестал управлять каждой ее мыслью, отступил и затаился.

«Электричество...» — мысль снова одиночным сигналом проскользнула в тишине ее разума.

— Электричество? — переспросил Тарис и тут же вздрогнул от наводнивших его голову картинок. Оступился и даже оглянулся. Нана демонстрировала ему разветвленную, трехмерную схему электросети дворца.

— Зачем тебе, Нана?

Девушка шумно выдохнула, а после коснулась ладонями его лица, заглядывая глаза и дыша в подбородок.

«Двадцать метров, щиток под уровнем пола. Чёрный кабель...» — раздавались четкие указания в её голове. А после она резко отпрянула и бездумно побежала вдоль старого запыленного коридора. Нашла тот самый щиток, распахнула дверцы и нырнула пальцами в пуганицу проводов.

Тарис присел возле нее, растерянно наблюдая за манипуляциями. Чёрный кабель, о котором она так рьяно думала, наконец был вытащен и разъединен. Свет ламп погас, погрузив их в почти крошечную тьму. Электрический разряд стрекотал и блуждал по краям кабеля, перескакивал на пальцы Наны ярко-голубой ломаной линией.

Лаен замер, замороженно смотря на заряд. Девушка и сама удивленно наблюдала пляску света на своих ладонях, а после перевала взгляд на модифицированного. Отпечатала в памяти его лицо и вспомнила то единственное мгновение, когда он снял маску.

Модифицированный сидел напротив нее абсолютно открыто. Не суетился и не нервничал. Внимательно следил за ее действиями и не думал ничего лишнего.

Зря...

Легкое движение рукой — и Тарис, дёрнувшись, завалился набок. Глаза сороковой повлажнели. Молча соединив кабель и спрятав его назад в щиток, сороковая поднялась на ноги.

— Задача исполнена, мой император, — отчеканила она в пустоту, абсолютно точно зная, что Кластер примет её сообщение. Тело её похитителя лежало у её ног. Его маска перестала работать, просто сгорев от разряда. В душе же была пустота и странная необъяснимая тревога... Кластер продолжал молчать, словно его это не касалось. Собственные глаза плакали. Что-то было не так в происходящем. Увы, в простом уме сороковой этому не было объяснения.

* * *

«Граждане, пожалуйста, не покидайте помещений....

Мастера, пожалуйста, оказывайте помощь по требованию или в случае необходимости...

Граждане с типами модификаций в диапазонах семь шесть шесть по семь восемь три включительно, обратитесь в службы чрезвычайных ситуаций по месту жительства. Нам нужна ваша помощь...»

Многолюдный вокзал шумел и кишел прибывшими. Радиовещание не умолкало ни на секунду, то информируя о ситуации в целом, то предлагая принять участие в ликвидации аварии. Маркус бегло осмотрелся. Людей из имперской службы безопасности заметил сразу. Они равномерно рассредоточились по залу прибытия и лениво осматривали толпу, периодически подходя к очередному туристу и сканируя его паспорт. Все-таки искали... Украденная внешность избавила от многих проблем. Вот только это не спасало от системы идентификации. Видоизмененная Айша плелась следом в украденных шмотках и хмурилась, тоже заметив неладное.

— Надо разделиться, — шепнул он ей, как только это стало возможным, — иного пути нет.

— Эй... я же без личного идентификатора, знаешь ли, это грозит задержанием, — Айша нахмурилась. — Сомневаюсь, что им подойдет паспорт Димитрия.

Биби недовольно поморщился, а потом оглянулся. Поймал на себе взгляд одного из имперских и попытался расслабиться. Сталкиваться с этими монстрами он не собирался, тем более в замкнутом пространстве. Чревато последствиями.

— Идем...

Айша недовольно поморщилась, когда он потянул ее за руку в сторону женского туалета, но противиться не стала.

— Что ты задумал? — взволновано поинтересовалась она, стоило им попасть внутрь, а дверям кабины закрыться.

— Преступление... игру на публику, называй как хочешь... Скорчишь рожу, скажешь, что напали в кабинке, похитили идентификатор. Главное, маску не снимай.

— Я похожа на идиотку?

Маркус зло на нее взглянул.

— Мне нужно несколько минут шума, не более. Придумай что-нибудь, главное — их отвлечь и чтобы выглядело правдоподобно и зрелищно.

Девушка скривилась. Потом осмотрела свой прикид, штаны, легкую майку и тяжело вздохнула. Отвлечь в такой толпе даже голым телом не получится... Разве что налететь на одного из охранников с визгом и криками о помощи и насилии. И о краже паспорта... Увы, как выбираться из этой передрыги после, было непонятно. Биби ведь уйдёт, а она останется одна.

— Хорошо, сделаю.

— Рассчитываю на тебя, — последний раз взглянув на неё, Маркус покинул кабинку и поспешил на выход. За ним тут же потянулся один из имперцев. А спустя мгновения раздался истеричный визг. Толпа колыхнулась, оглядываясь. Маркус и сам изобразил заинтересованность и глянул в ту сторону. Ор, поднятый Айшей, был изумительный. Похоже, она нашла даже случайного преступника среди новоприбывших. Проверяющие купились.

Маркус больше не следил за происходящим. Как с отсутствием своих документов справится Айша, было все равно.

Ноги несли не к выходу, а к техническим коридорам, предназначенным для роботов, и дальше, вдоль подземных коммуникаций, линий сообщения и канализации... В самом сердце Сакской империи — во дворец его величества Фердинанда.

* * *

«... Клэр, меня обвели вокруг пальца. Подтасовка фактов на моей территории. Похоже, дирижер происходящего в центре системы. В самом ее сердце. Доказательств нет, готов подозревать даже себя. Помогите малышу Фёрди. Прошу в последний раз. Это твой шанс. Все, что тебе нужно, у Такебира...

Н.А.»

Мысли Клэр дэ Руж крутились вокруг письма Нандина Абэ почти всю дорогу. Женщина мысленно переставляла предложения и перефразировывала сообщение, но все время приходила к одному и тому же выводу. Нандин заметил то, чего не должен был замечать, совсем недавно... Отправился к Такебиру и написал письмо, отдал свой чип... И это произошло между убийством Алека и убийством Марты.

Значит ли это, что тогда, в допросной, он уже знал, что ситуация паршивая? И ничего не сказал? На ум пришел инфокристалл, который Нан вручил этим утром. Его содержимое. Наверное, зря она его вернула. Где тот кристалл, и кто им теперь владеет — неизвестно...

Увы, повернуть что-либо вспять было невозможно.

Покинув узкую капсулу пневмоавтобуса, Клэр задержалась в регистратуре, а потом у кислородного пункта. Расплатилась наличными, чтобы лишний раз не маячить своими идентификационными данными. Накинув арендованный кислородный баллон на плечи, женщина натянула на лицо дыхательную маску и лишь после этого покинула автобусную станцию. По привычке взглянула на коммутатор и только после этого вспомнила, что выбросила его в мусорное ведро, ещё в Леополисе, сразу после взрыва.

Сожалений по этому поводу не было, скорее просто раздражение от отсутствия привычных удобств.

По правде говоря, она не собиралась менять уклад жизни, да и не хотела идти у кого-то на поводу. Будь то малыш Фёрди или Абэ. Но... то, что происходило, ей не нравилось совсем. Маркус не мог натворить столько дел, он не дирижер происходящего. Исполнитель, добытчик информации, заинтересованное лицо, но только не дирижер. Или все же?

Может, Фердинанд? Зачем ему портить работу Нандина, разве ему недостаточно просто слова, чтобы повелевать им? Больше никому.

Альков?

Жив ли кто из Алькова? Клэр не помнила, когда видела их в последний раз. Только телефонные ответы, письменные указания, отосланные через базу данных. Альков мудрецов продолжал играть свою роль, но... зачем им убивать себе подобных, долгожителей, ради

чипов? Ведь их можно просто изъять. Одним метким указом.

Смысл происходящего вокруг ускользал. Увы, письмо Абэ не внесло ясности, лишь поставило вопросы. Нандин, по сути, вручил ей в руки загадку, которую сам не смог разгадать, или не успел.

Шум станции давно остался позади. В глаза резкими порывами бил ветер, сыпал песок. Спасли обычные очки из оргстекла да плотные слои одежды.

Вскоре она увидела свою цель.

Раскинувшийся на равнине город Аллот выглядел как футуристическая фантазия предков. Сплошной стеклянный купол, словно пузырь, диаметром в несколько десятков километров, позволяющий жителям нижних городов выходить на поверхность без утомительных проверок и медсопровождения. Сквозь купол с самой поверхности земли и далеко в небо уходили шпили астрономических башен. Вокруг же расположились огромные чаши зеркал и радиотелескопы, исследовательские лаборатории. Теплица для идеальной жизни помешанных на космосе людей.

Каземир Руф, как и обещал, встретил её за пределами купола. Оценил письмо, переданное Нандином Абэ, и задумчиво уставился на диск солнца, застывший над головой.

— Центр системы может быть где угодно... Хоть Аллот, хоть Кальтеное... В зависимости от того, какую систему он имел в виду. Но, ни у Мёбиуса, ни у меня нет процессов, нуждающихся в его контроле. Я бы искал в Сельве.

— Во дворце... — прошептала Клэр, все больше думая о Кластере. Она и сама смотрела на небо, улавливая мельчайшие изменения. Вскоре отражатели закроют часть солнца, и на планету опустится тьма.

— Как вариант... Думаешь, Абэ мог подпустить врага так близко?

— Думаю, он не оставил бы записку Такебиру, если бы причина была в Кальтеное... — она поджала губы, гоня прочь воспоминания о месте преступления и о застывших глазах Нана, сердце кольнуло. — Долго ещё ждать?

— Скоро... — выдохнул Руф. Он и сам горел нетерпением. Солнечные отражатели не каждый раз увидишь в действии...

— Мне нужен будет транспорт, — неуверенно начала Клэр, — или телепорт в столицу. Голографическая маска, средства... а может, и новые документы.

Руф спокойно кивнул. Просьба не удивила, ее следовало ожидать.

Чёрное пятно тем временем начало налезать на диск солнца, поглощать его, словно громадная тень. Почти что затмение, вот только причина была искусственная — отражатели. Мужчина взглянул на часы и самодовольно усмехнулся. Все шло по плану.

— Думаю, часа через полтора организуем. Возможно, даже телепорт. Признаться, я думал, что первый обращусь к вам за помощью.

Клэр слабо усмехнулась, наблюдая за почерневшим небом. Ни солнца, ни звезд. Чернота. Аллот, расстелившийся невдалеке, мерцал яркими огнями.

— В былые времена это называли превратностями судьбы, Казимир.

— А теперь?

— Глупое стечение обстоятельств... — Клэр тяжело вздохнула. — Человек стал слишком силен и одновременно чрезвычайно слаб перед природой. Кто бы подумал — щит от солнца, прямо над головой...

Префект Руф не нашелся, что на это ответить...

Сознание возвращалось к Тарису Лаену медленно, чередуя моменты полного осознания ситуации с беспомощностью.

Резкий запах перебивал остальные, щекотал ноздри и заставлял обращать на себя внимание.

Собственное тело было скованным. Почти так же, как тогда, в больнице. На миг даже показалось, что ничего с тех пор не происходило. А он и дальше лежит на мягком белом полу и пытается разогреть наручники... Но мысль была обманчивой и даже опасной.

Он сидел.

Цепь и мощные браслеты кандалов были другими, непривычно тяжёлыми. Они оттягивали запястья, щиколотки, колени. Опутывали шею и грудную клетку, не давая свободно дышать. Словно они готовились не в спешке, с целью обездвижить разбушевавшегося пациента, а делались продуманно, для конкретного человека. Вещи, созданные специально для него, Тариса Лаена.

Взгляд выхватил выбившуюся из-под цепи зелёную ткань сорочки, красные штаны, ноги в новых кроссовках.

Ковёр под ногами был пыльным, покрытым застарелыми чёрными пятнами.

Стук чашки о стол привлек внимание. Тарис приподнял голову и наконец увидел виновника сложившегося положения.

Фердинанд...

Он сидел напротив, в мягком кресле, закинув ногу на ногу, в руках сшивка бумаг. Каждая строчка узанного им текста ложилась в сознание Тариса, словно читал он сам. Читал и не понимал смысла.

Рядом с Фердинандом стоял низкий столик, на нем парующая чашка, от которой по помещению разносился резкий запах. Возле чашки толстая папка и разбросанные вокруг фотокарточки. Яркие изображения лежали даже на полу. А за спиной Фердинанда, словно изваяние, стояла Нана Вагнер, абсолютно безразличная. Ещё дальше, у дверей, одна из копий Нандина Абэ.

Тарис на миг прикрыл глаза, вспоминая странные метания девушки в том коридоре. Поиск источника электричества. Надо было понять раньше. Маркус ведь предупреждал, и Райго... Даже Айша говорила, что эта вылазка глупость.

— Ты знал, что Вито был запрограммирован стать моей любовницей? — неожиданно заметил Фердинанд, отвлекаясь от бумаг. Папка переключалась в руки Наны. А после их, Фердинанда и Тариса, взгляды наконец пересеклись. Тяжёлые, полные негодования и решительности.

— Впрочем, откуда тебе знать. Как оказалось, Вито был создан исключительно для того, чтобы обратить моё внимание на Маркуса. За что я крайне благодарен старику Ирраиллю... Но, знаешь, я согласен с моим братом, всякому предательству есть конец. — Фердинанд потянулся к столику за своей чашкой и отпил из неё. — Он слишком много каверзничал. Его смерть закономерна, с какой стороны ни посмотри.

Тарис шумно выдохнул, чувствуя, как тело пробирает дрожью от сказанного. Старика Ирраиля хотелось спросить о всяком, и то, что тайны его, Тариса, происхождения, так и останутся тайнами, неприятно кольнуло душу.

Чашка вернулась на стол. Фердинанд положил руки на подлокотники и умолк, наблюдая. Даже его мысли, и те исчезли, словно ушли в другую плоскость.

— Рекомендую оценить свое местонахождение, — наконец вымолвил он, устав играть в гляделки.

Смысл сказанного дошёл не сразу. Подняв тяжёлую голову, Тарис Лаен скользнул взглядом по помещению. Запыленные люстры, сквозь которые сочился приглушённый свет ламп, грязные, замызганные окна со следами мух. Паутина... Перевернутая мебель, обломки вдоль стен... Затхлое, давно покинутое место, словно законсервированное в своём последнем предназначении. Вот и все, что можно было о нем сказать.

Понимание того, что это за помещение, пришло мгновением позже. Словно кто-то включил в голове свет, вынул картинку из личного кошмара, воссоздав каждую деталь.

Здесь и сейчас не хватало демонов, крови, огня... Женщины, лежащей на полу...

То самое место. Такое, каким было тогда. Спустя долгие годы забытия.

— Узнал? — прокомментировал Фердинанд, пристально наблюдая за своим пленником. — Вижу, что узнал. Аж проняло, дрожишь весь. Небось, страшно? Это хорошо, бойся этого места и меня. Хотя, признаться, паршиво осознавать, что тебе не чуждо человеческое. Просто непонятно, как в эту человечность вписалось все остальное.

Тарис молчал, пропуская дурную тираду мимо ушей, осматривал зал, выхватывая все новые и новые детали. Идентифицируя их, формируя в своей голове понятие и образ произошедшего в прошлом. Не хватало много чего для понимания всех причин и последствий произошедшего. Но собственные кошмары, воспоминания Маркуса и Фердинанда каким-то образом делали картину цельной.

Фердинанд снова молчал, шурился, пристально изучая его. Вспоминал давешний разговор с Абэ. Раннее утро, кабинет и обещание: прирезать Тариса Лаена как поросёнка... В картинках...

Страшные фантазии резко перебили собственные мысли. Тарис вздрогнул и перевёл на Фердинанда взгляд.

Фердинанд же прекрасно понимал, что его читают, и продолжал с садистским азартом представлять, как заставит одного из клонов исполнить обещанное Нандином. Даже примерил эту роль на Иссиа — с режиссёрским апломбом.

Лаен продолжал смотреть ему в глаза, считывать муторные фантазии.

— Что, Тарис Лаен, неприятны мои мысли? — усмехнулся Фердинанд. — Или мне по старому обычаю называть тебя Сатоир Первый?

— Райго не настолько глуп, чтобы сунуться в ловушку, — тихо ответил Лаен, даже не пытаясь доказывать, кто он на самом деле. Собственный голос неприятно резал слух и дрожал от эмоций. — И не настолько безволен, чтобы покориться такому желанию. Будь вы трижды из рода императора Филадельфа.

— Какие высокие речи... — хмыкнул Фердинанд и перевёл взгляд на Нану. — Сороковая, поделись с нашим гостем информацией, где сейчас его друг.

— Сельва, правое крыло императорского дворца. Второй этаж. Свободная для посещений зона. Музей оружейного искусства. Передвижению не препятствуем, как вы и велели. Стащил меч из пятой экспозиции. Вывести вектор передвижений?

— Не стоит, — Фердинанд снова перевёл взгляд на Тариса. Голос его был предельно серьёзен, — беда Абэ и его клонов в их исключительной преданности нашей семье, Сатоир. Однако есть нюанс... Он предан только императору и его наследнику. Только им... Потому твой ручной Райго, как бы он тебя ни любил, как бы ни нянчил, послушно сделает все, что я ему велю.

Прикрыв на миг глаза, чтобы успокоиться, Тарис шумно выдохнул. Увы, если увести тему разговора в другое русло, удавалось, то поток мыслей императора оставался прежним и крайне пугающим.

— Райго сильнее этого.

— Райго — клон Нандина Абэ, всего лишь жалкая копия своего брата, — самоуверенно возразил Фердинанд, — ему нечего противопоставить мне. Ты ведь понимаешь, отсюда ты выйдешь только по частям.

Издвка и полное понимание власти над ситуацией. Тарису не сбежать, не в этот раз.

И ничего не доказать, увы. Человек напротив него, император, верил в то, что знал, не искал другой правды, не метался в сомнениях. А ещё он не хотел слушать никого, кроме себя. Он был уверен в своей правоте. Расшатать эту уверенность обычными словами не получится. Тарис знал это, как и то, что Фердинанд хочет исполнить задуманное.

Так они и сидели, в абсолютном молчании. Тарис чувствовал, как с каждым мысленным представлением его вера в себя и Райго тает. Окружающий его зал, в котором пятнадцать лет назад произошла настоящая резня, давил на сознание каждым почерневшим и неотмытым пятном крови.

Мысли Райго, раздавшиеся совсем рядом, были похожи на кипяток, ошпаривающие. Хлесткие и резкие.

Вторая им, раздался не менее резкий непривычный звук. Охранник, стоявший у двери, хрипло охнул, схватившись за лезвие, торчащее из живота, а после, как только острие скользнуло назад, осел. Нана Вагнер молча обернулась в его сторону. Фердинанд усмехнулся.

— А вот и наш исполнитель... — выдохнул он. И в тот же миг дверь с грохотом отворилась. Райго кувыркнулся внутрь и выставил перед собой самый обычный слегка ржавый меч. Удивлённо взглянул на Нану, мыслей которой почему-то не слышал, а после на скованного Тариса, без парика и маски, с обожжённой кожей.

Фердинанд даже не обернулся:

— Райго Иссиа, убей Тариса Лаена, — властно произнёс он, так и не отведя взгляда от своего младшего брата. — Прямо сейчас.

Только после этого Иссиа Райго заметил третьего участника. Его светлая макушка едва виднелась из-за спинки кресла. А единожды произнесенная команда уже въелась в сознание как единственно важное и правильное действие в жизни.

— Райго Иссиа, убей Тариса Лаена, — велел Фердинанд. — Прямо сейчас.

Его слова заполнили мысли Иссиа Райго в одно мгновение, словно воздух лёгкие. Мрачное настроение стало общим фоном, как музыкальное сопровождение.

Просто Фердинанду не хватало фанфар. Словно читая его мысли, Нана Вагнер включила музыку. Военный марш «Виват, империя» полился сквозь динамики, скрашивая своей помпезностью мрачный фон.

Тарис тяжело посмотрел на Райго, зацепился взглядом за его серые, почти бесцветные глаза. Абсолютно одержимый взгляд и мысли. Лишь краем сознания отметил, как окровавленный меч блеснул в тусклом свете. Сил на сопротивление не осталось.

Так бывает, что все идет не по плану. Экзамен, на который не было цели идти. Убийство, которого не планировал. Враги, которых не просил.

Семья, которой даже не искал. Нежданные друзья и товарищи, которые стали дороги.

Обязательства, которые появились как придаток к перечисленному. Перед Наной, Райго, кланом Вагнер... Маркусом и даже перед Фердинандом.

От него все чего-то ждали. Кто послушания, кто героизма, кто сотрудничества и действий... А кто — смерти.

Тарис же смотрел на них и не мог выдавить из себя ни одного чувства, кроме понимания. Он так глубоко залез в мысли каждого, что потерял там себя, растворился, как Нана в бесконечном Кластере...

Увы... Те, кем он сейчас дорожил, его предавали.

Предавали, атакуя вовсе не в спину. Они смотрели в глаза: с безразличием, как Нана, с ненавистью, как Фердинанд, и даже с ажиотажем... как Райго.

Но хуже всего в этой дрянной ситуации было даже не то, что они делали или пытались сделать, а то, что они почувствуют, когда придут в себя и поймут всю правду. Тарис страшился их будущих чувств. Страшился того ужаса и отчаяния, которые обязательно накатят и на Нану, и на Райго и даже на незнакомых, но таких понятных и отчего-то привычных братьев.

Всё было бы намного проще, если бы его, Тариса, никогда не было в жизни каждого из них... Если бы не встречались, не виделись, не узнавали друг друга... Не прижимались к друг другу...

Острота, с которой он это почувствовал, напоминала тот самый клинок, который прорывался сквозь грудную клетку.

* * *

В какой-то момент Маркус шел за Райго по пятам, удачно пользуясь его одержимостью. Старые коридоры вспоминались легко. А путь не пресекался охраной. Очередная ловушка. Даже больше, приглашение на спектакль. Впрочем, факт последнего старшего из Соболевски не беспокоил. Он знал, что любой из многочисленной армии клонов Абэ послушается его беспрекословно, как это было сотни раз до этого.

Райго застыл возле одной из дверей, а потом, не раздумывая, прошел её мечом. Вышиб дверь и кувыркнулся внутрь комнаты. Чего Маркус не ожидал, так это прогремевшей фразы. И того, что последует позже.

Темнота в глазах Маркуса стала неожиданной. Всепоглощающей. Словно чернее ночи

ещё не встречалось. Вот только лампы не стали светить хуже.

Тео...

По серому лезвию текла самая обычная кровь. Капля за каплей, до самой гарды, а потом срывалась в свободный полет, чтобы упасть на пыльный ковёр. Зелёная сорочка быстро потемнела.

Тарис ещё некоторое время смотрел на Райго, а потом просто опустил голову и замер.

И только тогда Иссиа высвободил меч, расслабил пальцы. Лезвие с глухим стуком упало на пол.

Выражение лица клона Абэ стало жутким. Руки задрожали.

Фердинанд спокойно допивал кофе, глядя спектакль. Нана продолжала стоять рядом, изображая безразличие, но даже у неё сбилось дыхание.

— Эй... Ты живой? — голос Райго был едва слышен на фоне льющегося из динамиков военного марша.

— Активируйся... Слышишь?! — Райго схватил его за голову и прижался лбом к его лбу... — Я приказываю... Тебе... Тарис Лаен, активируйся! Ну же!

— Думаешь, твой крик поднимет мёртвого? — тихо поинтересовался Фердинанд. Райго на миг замер, а потом повернул к нему перекошенное ненавистью лицо. — Попробуй... я велю заколоть его снова и снова. Смерть Тариса Лаена закономерна... во искупление всех навороченных им дел. Так что расслабься, Райго Иссиа, все идет своим чередом.

Райго оскалился, в мгновение подхватил с пола меч, замахнулся... и замер не в силах пошевелиться.

— Парень... ты хоть понимаешь, скольких вас таких я видел? — тихо поинтересовался Фердинанд. — Пробудившихся, осознавших себя и думающих, что с моей смертью ваша зависимость закончится? Мне достаточно подумать, и ты покончишь с собой. Это крайне хреновая и неизбежная закономерность. Потому дыши глубже и расслабься. Ты ведь клон Нандина Абэ, так веди себя как подобает его копии. Будь Абэ.

Маркус сглотнул, давя внутри тяжёлые эмоции. Беззвучно ступил внутрь и вытащил из кобуры револьвер, подходя к Фердинанду все ближе. Привычно взвел курок, приставив пистолет к виску брата.

— Райго, бери Нану и вали отсюда. Вас будут ждать.

Фердинанд медленно обернулся, непонимающе взглянул на дуло пистолета, а потом перевёл взгляд на брата.

— Но... — Иссиа, казалось, посерел, взгляд стал шальным.

— Я сказал, не усугубляй... — процедил Биби, не отводя взгляда от брата. Райго дернулся, как от удара, но послушаться не смог. Бесцеремонно схватил не сопротивляющуюся Нану за руку и потащил ее за дверь.

— Я думал, ты мёртв, — голос Фердинанда прозвучал на удивление спокойно. Допив кофе, он отставил чашку на стол и откинулся на спинку кресла. Даже улыбнулся.

Маркус хмыкнул.

— Я даже рад, что ты так думал. У меня было много времени подготовиться. Чтобы отомстить тебе.

— За что?

Марш наконец прекратился. В наступившей тишине смехотворный вопрос Фердинанда прозвучал слишком громко.

— Тебе объяснить? В тот день ты убил Тео и приказал убить мать. — Маркус отлично

знал это.

Фердинанд встретил его выпад с не меньшей уверенностью в собственной правоте:

— Я убил нашего деда, поселившегося в Тео, который приказал убить нашу мать, — спокойно ответил он. В его голос прокралась усталость. Оружие Маркуса не страшило. Сейчас между ними происходило то, что должно было произойти. Как бы странно это ни звучало, но Фердинанд знал и ждал этого.

— Ты думаешь, я тебе поверю? Я слышал, как ты отдал последний приказ. Убить всех, и его тоже. Это были твои слова, не Тео. Тебе было все равно, кто жив остался. Ты даже не проверил, жив ли я, жива ли мама, просто приказал. — Маркус продолжал держать брата на прицеле и отступил к Тарису, скользнул ладонью к его шее, проверяя пульс. Кожа Лаена была горячей, словно под ней бушевал огонь. Пульс не прощупывался. — Даже сейчас ты продолжаешь делать все то же. Словно тебе было мало того, что ты уже натворил с мелким.

— Смысл вещей порой не тот, каким кажется, — глубокомысленно заметил Фердинанд, не сводя взгляда с его лица, — тебе ли не знать. Ты ведь не можешь стопроцентно гарантировать, что помнишь то, что видел, и понял все правильно. Даже я этого не могу. Никто не может. Хотя, в отличие от тебя, у меня есть записи... из приватной коллекции Нандина Абэ... Хочешь? Чудное зрелище.

— Оставь себе. Я видел предостаточно, чтобы судить! И буду судить тебя. Здесь! Сейчас.

— Зря ты велел увести секретаря, — Фердинанд продолжал сидеть в кресле, словно происходящее его не касалось. — Она могла обеспечить нам чудесное музыкальное сопровождение.

Выстрел оглушил. Пуля прошла сквозь спинку кресла спустя миг, после того как младший Соболевски отклонил голову вправо.

Еще один выстрел, теперь правее и тот же эффект. Фердинанд уклонился влево, почти не двигаясь с места.

— Чертов мутант...

— Генномодифицированный, — спокойно поправил его брат. — Есть разница. В отличие от обладателей спонтанно мутировавшего генома, ГМО отличаются хорошо просчитанной генетической структурой. Без поломок, болезней и физических увечий. Странно, что ты до сих пор не видишь разницы.

— Да похрен... — Маркус снова выстрелил, вот только Фердинанда в кресле уже не было.

Следующее, что почувствовал Биби, — это как пол ушёл из-под ног, а под плечами затрещала стена, впиваясь острой болью в мускулы. Грудь сдавило от мощного удара.

Глаза Фердинанда искрились, а лицо исказил злой оскал. Дыхание лизнуло кожу.

— Имей совесть, брат. Ты в моем доме, у меня в гостях, — процедил он. — Я не потерплю неуважения даже от тебя.

Удар лбом откинул его голову назад. Потолок кувыркнулся перед глазами Фердинанда. Превратился в пол в один миг... Маркус отшвырнул его тело ногой дальше и крепче сжал кулаки...

* * *

Сквозь бесчисленные окна пятого этажа можно было увидеть столицу. Сельва сияла в темноте, словно сама была звездным небом, окружая весь горизонт вокруг дворца плотным кольцом. Нарядная и благородная. Бесконечно богатая и ухоженная, стоящая на сотнях

подземных дорог, пронизавших землю под ней ровными, бесконечно работающими лучами.

Скользнув взглядом по далекому и прекрасному виду, Клэр уверенно двинулась по пустынному коридору. Ее одолевали смешанные чувства. Было тихо, словно дворец вымер. Ни секретарей, ни работников. Только бездушные, встречающиеся раз за разом роботы.

На самом деле впечатление было обманчивым. Их работа сейчас была в кабинетах, у компьютеров, у баз данных, систем, состоящая в полном контроле происходящего.

Дверь технического отдела нашла все там же. Два десятка техников занимались своими делами, но никто не остановил ее.

— Давно вас здесь не было, госпожа де Руж, — поприветствовал ее старший техник, обратившись по имени. Сухой старик в привычном синем комбинезоне.

— Лет пятнадцать, — выдохнула Клэр, осматриваясь. — Ничего не поменялось, даже...

— А зачем менять? — удивился мужчина. — Вы по делу?

— Хочу посетить Кластер... центральные блоки. — Она смотрела на мужчину и понимала, что даже не помнит его имени.

— А... идете к Филу... — усмехнулся старик. Ее желание его ни капли не удивило. — Сейчас он в шестом секторе. Я провожу.

Клэр кивнула и уверенно ступила следом за мужчиной.

Узкий коридор вел мимо стеклянных сот, в которых, словно личинки пчел, ютились люди. Прозрачные капсулы возвышались над головой, уходили далеко вниз, под пол, под фундамент. Все как и пятнадцать лет назад, как и пятьдесят лет назад... как и сто... и двести лет... как до Перелома.

Опухоль, которую ни Фил, ни Сатоир так и не решились удалить, наоборот, сделали своим преимуществом. Передали по наследству Фёрди.

Если где-то и было сердце системы, о котором говорил Абэ, то здесь, в средоточии всей информации. В постоянно бьющемся сердце.

Их гулкие шаги разносились по коридорам Кластера и будоражили жителей. Клэр видела, как обитатели капсул плавно движутся в своих ячейках, заинтересованно поворачивают слепые безротые лица следом за ней, взмахивают недоразвитыми беспальными руками, словно крыльями, касаясь толстого стекла.

— Проводили замену? — поинтересовалась она, наблюдая за непривычной живостью блока.

— На днях. Около двух сотен тел, — подтвердил мужчина, сворачивая внутрь сектора. — Совсем юные. Через года два успокоятся.

— Почему так долго?

— Фил уже давно не тот, госпожа де Руж, — техник взглянул на нее с осуждением, а потом открыл своим пропуском последнюю дверь. — Вы могли бы и чаще приходить. Вы же знаете, когда-то он реагировал только на вас.

— Так... получилась, — выдохнула она, проходя внутрь открывшегося прохода. Здесь было темно. Приглушенный синий свет скользил сквозь прозрачные стенки неимоверно огромной капсулы жизнеобеспечения. Фил был в ее центре. Застыл, окруженный жидкостью, и беззвучно дышал в маску. Впалые веки оставались закрытыми, под ними слишком давно не было глаз. Мерно вздымалась окутанная проводами грудная клетка... Вот и все, что осталось от знакомого Фила.

Тело его было изувечено. Обрубки кистей лежали на тощих плечах, сросшись с ними кожей. Живот и бедра перетянуты бандажом, подсоединены к системе питания и

переработки. Ноги отсутствовали. Длинные белые волосы колыхались в воде в такт дыханию, напоминая паутину. Вены черной сеткой пробивались сквозь морщинистую, побелевшую от влаги кожу.

— Что вы с ним сделали? — растерянно выдохнула она, не веря собственным глазам.

— Тело не может жить без разума, госпожа дэ Руж. Оно медленно, но верно умирает. Мы пытаемся его поддерживать, но оно разлагается, увы. Это уже необратимо. Периодически приходится зачищать омертвевшие ткани, новые не развиваются. Идет отторжение стимуляторов. Мозговая активность, как и прежде, на нуле. Не знаю, блуждает ли ещё его сознание в Кластере или уже полностью растворилось в нем, но мы продолжаем поддерживать его тело, насколько это возможно. — терпеливо объяснил он. — Простите... хотелось бы, чтобы новости оказались более приятными. Но... могу вас уверить, системы работают стабильно, базы данных не сбоят. Блоки меняем, как и прежде, семьями, при первых признаках увядания. Оно портит систему. К тому же главные операторы исправно заменяют его работу. Кластер в целом психически здоров.

— Все нормально, не оправдывайтесь...

Клэр невольно поджала губы, коснувшись ладонью стекла, прижалась лбом к прохладной поверхности и тяжело вздохнула.

«Дирижер в центре системы. В самом сердце. Я готов подозревать даже себя...» — кажется, так написал Нан. Но в чем смысл?

Фил мертв, а они по старой памяти не дают ему перестать дышать, надеясь, что однажды он проснётся. Глупость, как когда-то любил говорить Абэ. И тем не менее он поддерживал эту глупость.

А если Фил не мертв, и его сознание блуждает в Кластере? Значит ли это, что он виноват в происходящем? А если не блуждает, значит ли, что он давно не руководит процессами, и виновен кто-то другой. Был лишь один способ проверить оба эти предположения. И это был единственный способ помочь Фердинанду, как того просил Нан.

— В последний раз ты сказал мне, что я слишком громко думаю... — с печалью прошептала дэ Руж. — Но так и не открыл глаз. Помнишь?

Ответа на ее слова не было, да и не могло быть. Старик за спиной тактично молчал, пристально следя за каждым ее движением. Лишний свидетель, ну и пусть. Клэр наклонилась, всматриваясь в спокойное лицо Фила.

— Я пришла сказать, что готова дать тебе умереть окончательно.

Мужчина, за спиной Клэр пораженно охнул, а потом нажал кнопку тревоги. Сирена беззвучно замигала красной лампочкой.

«Потому что... Если Кластер виноват в том, что сейчас происходит, в нем больше нет смысла».

Искусственный кулак со всей мощью врезался в стеклянную поверхность. Стекло треснуло. Место заслезилось. Поток жидкости с каждым мигмом выгрызал себе все более широкий проход в образовавшейся щели.

— Что вы натворили?! — кричал старик, пытаясь зажать трещину руками. — Только не это... нет... нет!!!

Клэр попятилась. Смотри, как тело её друга и товарища медленно, но верно появляется над водой. Колба лопнула. Брызги стекла и воды в одно мгновение хлынули в разные стороны, сбивая с ног ее и ненужного свидетеля. Освобождая заключенного внутри человека. Фил повис телом на своих проводах, маска слетела. Еще некоторое время он

открывал рот, как рыба, раз за разом ловил воздух, судорожно вдыхал непривычный ядовитый состав. Дергался и раскачивался всем телом.

Жуткое зрелище. Не менее страшное, чем когда Фил впервые соединил себя с Кластером, чтобы подчинить его, переписать систему.

Не менее горькое, чем когда он в последний раз открывал глаза, чтобы просто взглянуть на гостей за толщиной колбы. Не менее печальное, чем последняя присланная им мысль.

Система жизнеобеспечения тихо пискнула, показывая остановку искусственно поддерживаемого сердца. Тело продолжало раскачиваться.

Фил вздохнул в последний раз. Старик, распластавшийся рядом с Клэр, искренне заплакал, раз за разом спрашивая: «Зачем?»

Клэр не ответила. Молча поднялась, обняла Фила рукой, а другой начала обрывать провода и нейротрубки. А освободив, бережно уложила на холодный пол и накрыла собственным пиджаком.

— Перестаньте ныть. Это тело давно мертво, вы сами это сказали, — зло процедила она, давя комок в горле. — Вернитесь в техотдел и следите за работой Кластера. Я хочу знать, куда направится разум, там и будет новое сердце системы. Внутри оно или извне, ходит ли на своих двоих, неважно. Это сердце надо будет обучить...

— Что? Не смейте требовать! Вы... убийца... — с ненавистью протянул старик.

— Я не просто убийца, — выдохнула она, смотря на мужчину, так и не нашедшего сил подняться на ноги. — Я Клэр дэ Руж. Долгожитель. И я на своих двоих прошла через Перелом. Я вместе с Филом покоряла Кластер и ухаживала за ним, — она цедила слова, не отводя от него взгляда. Не кривилась и не улыбалась, была предельно честной и откровенной, почти не злой. — Я пережила двух императоров, лучших друзей и худших врагов. Я крайне живучая убийца... И если вы сейчас не поможете мне сделать сложившуюся ситуацию хоть капельку лучше и понятнее, то составите Филу крайне невеселую и мертвую компанию. И поверьте мне на слово, не я, а Фердинанд найдет для вас самый страшный способ умереть.

Чем дальше Райго отходил от злополучного зала, тем сильнее раскалывалась его голова. С каждым шагом боль в висках становилась невыносимей, казалось, череп скоро взорвется. Сердце колотилось как бешеное, а в легких начало не хватать воздуха. Паника охватила разум, каждый раз возвращала его память всего на несколько минут назад. Звук разрываемой плоти стоял в ушах, а синие тускнеющие глаза Тариса не отпускали. Схватившись за голову, Райго закричал, падая. Нана остановилась рядом, взирая с абсолютным безразличием на то, как Иссиа выворачивает судорогой. Вдоль коридора, словно изваяния, продолжали стоять немые копии Нандина Абэ.

Послушные копии.

— Ветвь Абэ. Кодовое имя «Райго Иссиа». Нарушение общей концепции подчинения, код восемь, — прокомментировала сороковая, наблюдая за его метаниями и говоря сама с собой. — Задействую маяк. Цель — зачистка сознания. Время исполнения — две минуты тридцать шесть секунд.

А потом резко переменилась в лице, вскинулась, растерянно моргнув, оборачиваясь в сторону центральной части дворца.

— Неисправимая ошибка. Сектор шесть. Разрыв. Код один, нужна коррекция. Отсутствие связующего вектора. Код два, нужна коррекция.

Из груди Райго вырвался новый вопль. Пальцы впились в щеки, оставляя на них кровавые борозды.

За их спинами раздался грохот, а следом по стене поползла трещина. Сороковая обернулась, наблюдая за ее ростом, а потом спешно пошла назад.

— Фиксирую разрушение несущих конструкций. Тревога. Код восемь, код один, код два... Код один — запрашиваю полное управление на себя. Код два — запрашиваю полное управление на себя. Принимаю управление. Код один. Код два. Недостаточно мощности. Отстрочить код восемь. Выполняю отсрочку... На... Следующие... Двадцать... четыре часа.

Райго всхлипнул. Шумно выдохнул, чувствуя, как его неожиданно отпустило. В глазах плыло, а понимание происходящего поражало...

Маяк... Код... Зачистка... Еще двадцать четыре часа... Причиной его одержимости был не Тарис...

Кластер...

Надо было вернуться... Надо было докричаться до Лаена, активировать, объяснить...

— Спите, Райго Иссиа, Кластер позаботится о вас. Вы в безопасности...

«Активируйся...» — слабая мысль Райго едва пробивалась сквозь шлак, который сейчас пропускал сквозь себя Тарис Лаен. Билась о стену обычной боли, не сравнимой ни с простреленными коленями, ни с горящей кожей.

Крутилась на подкорке, словно червь, и раздражала, медленно, но верно проедавая тоннель в спрятавшееся в крепкую скорлупу сознание.

В тот миг, когда острие пробило грудь, Тарис увидел, как в глазах Райго вспыхнуло понимание ситуации и чистейший детский ужас. И этого было более чем достаточно, чтобы забыть о случившемся недоразумении. Пусть даже это недоразумение было ржавым экспонатом из пятой оружейной экспозиции.

Бедный... бедный Райго. Его была так понятна. И ни с чем не сравнима. Надо было успокоиться, переварить, регенерировать... И навести порядок с общим ментальным бардаком.

Тарису казалось, он лишь на миг прикрыл глаза, чтобы унять собственные обиды и залечить рану. Но стоило опять приподнять веки, как он не смог узнать места, в котором находится. Кажется, у зала исчезли стены и часть потолка. Пол был усыпан штукатуркой и кусками кирпича. Чёрное беззвездное небо нависало над головой. Сияли далёкие огни Сельвы. Горели тусклые, запыленные люстры... Фердинанд и Маркус держали друг друга за руки, давили друг друга лбами, упирались ногами в грязный пол... И неотрывно смотрели друг другу в глаза. Перекошенные, окровавленные лица, злые оскалы. И за каждым абсолютно одинаковая правота. Две стороны медали, без которых и медали-то нет.

Это выглядело даже мило. Тарис невольно улыбнулся и снова прикрыл веки. Сжал пальцами подлокотники, а потом привычно вздохнул уже сросшейся грудью. Огонь лизнул лёгкие и пробился сквозь кожу горячими языками пламени. Загулял по одежде и старому стулу, бросился на пыльный ковёр. Лизнул пятки Маркусу и даже подпалил упавшего на пол Фердинанда.

Цепь лопнула. Пламя вырвалось из горла Тариса вместе с оглушающим болезненным ревом. Регенерация, она такая, всегда шла под руку с увечьем.

Ферди, кувыркнувшись, едва не выпал сквозь дыру в стене и пораженно посмотрел на

поднявшегося на ноги пошатывающегося Тариса.

— Вот же... уродец... — облегченно выдохнул Маркус, отброшенный в другой конец зала, и болезненно поморщился, хватаясь за пробитый арматурой бок. Бегло осмотрел помещение в поисках своего револьвера, а увидев, медленно пополз к нему.

— Уничтожу... — прошипел Фердинанд, бросаясь на Лаена, ни капли не страшась расползающегося по помещению огня. — Ты... заплатишь за все... За каждого... за каждый день... за каждую минуту без них... за каждый кошмар...

Их скорость была почти одинакова. Фердинанд бил Тариса со всей силы, со всей лютой злобой и ненавистью и не получал ни капли сопротивления. Его и не волновало, что сопротивления нет.

Маркус продолжал ползти, болезненно щурясь от каждого неудачного движения. Револьвер был близко. Всего-то... доползти, схватить Фердинанда на мушку и наконец все прекратить.

Перед лицом неожиданно оказались женские замшевые туфли. Подняв взгляд, мужчина уставился на Нану Вагнер, вмиг ставшую намного живее, чем пару минут назад.

— Мой император. Код один, код два, — позвала Фердинанда Нана, поднимая оброненный револьвер. — Император Фил отсоединен от Кластера по инициативе Клэр дэ Руж. Система в смятении. Отсутствует вектор поведения. Кластер нуждается в перенастройке системы, это срочно. Идемте.

Фердинанд резко остановился. Болезненно сжал обожженные, сбитые в кровь кулаки и повернулся к ней.

— Ты издеваешься?

Лаен, которого отбросило от последнего удара на пол, опять поднялся, едва удерживаясь на шатающихся ногах. Вскинул голову, тяжелым взглядом смотря на разыгрывающуюся сцену. За его спиной солнце медленно выползло из-за сбившихся с орбиты отражателей. Его лучи яркими снопами пронизывали быстро светлеющее небо.

— Серьезно. Отсрочьте процесс душеизлияния и мести на двадцать четыре часа. Вы нужны в техническом отделе.

Маркус тихо рассмеялся, поражаясь нелепости ситуации.

— Сороковая... уйди...

— Вам помочь? — она навела пистолет на Маркуса и улыбнулась. — Здесь одна пуля. Минус один человек — и вы идете в техотдел.

Фердинанд зло фыркнул, пересекая разгромленный зал и отбирая у нее оружие.

— Дай сюда... Как этим пользоваться?

Вагнер молча уложила пистолет в его ладони. Установила палец на спусковой крючок.

— Нажимаете здесь — и прокручивается барабан, нажатием спускового крючка вы активируете механизм. Если ствол будет наведен на живое существо, оно будет поражено. Это легко, мой император. А теперь направляете его на цель. Тариса Лаена он не убьет, а вот Маркуса Биби вполне, — выдохнула она, снова направляя дуло Маркусу в лицо. — Покончите с ним раз и навсегда одним нажатием, мой император.

— Я не собираюсь стрелять в Маркуса, — выпалил Фердинанд, — он просто не так все понял.

— Потому едва вас не убил, и, если выпадет шанс, сделает это снова, — невозмутимо ответила Нана.

Фердинанд растерянно моргнул, а потом взглянул на старшего брата. Оценил суровое и

напряженное выражение его лица. Злиться на Маркуса даже после произошедшей потасовки он не мог.

— Он борется с ветряной мельницей, как и я... А механизм, вот он... Сатоир... В теле Теодора... — вымолвил Фердинанд, направляя дуло на Лаена.

Тарис поднял на них тяжелый взгляд. На миг прикрыл глаза. Руки его висели как плети. Пламя легкими всполохами гуляло по ним, жаля и возвращая сознание из небытия в жалкую телесную оболочку. Сил не было ни на что, абсолютно. Однако уверенность Фердинанда начала откровенно раздражать.

— Я не твой брат и никогда им не был, — едва слышно вымолвил он и отступил на шаг. — Я детдомовец. Человек без памяти. ГМО. Уродец. Псих... Неуравновешенное существо, подлежащее переработке... — его голос, как всегда, пробирал до дрожи, словно в нем отображалась вся боль, которая только может быть в человеке. Солнце стояло над ними, словно искусственный шарик, коснись — и лопнет. Ветра не было, жара изводила и заставляла дышать чаще. — Но знаешь, даже у меня, существа, есть имя... Я Тарис Лаен! И я не собираюсь помирать, только потому что это кому-то выгодно!

— Стреляй в меня, Фердинанд, — вторил Маркус, — потому что, если ты снова сделаешь это с Тео, я раздери тебе глотку зубами. И, если не захлебнусь твоей кровью, буду глотать ее до последней капли.

— Вы ошибаетесь. Сознание Сатоира стерто пятнадцать лет назад мастером Ирраилем... под чутким контролем Кластера, — словно издеваясь, поставила точку Нана. — Тарис Лаен, до модификации Теодор Соболевски, — идеальное создание для замены сердца системы, Кластер берег его исключительно с этой целью.

Фердинанд пораженно моргнул.

— Объяснись...

— Кластер берег его для замены сердца системы, — невозмутимо повторила Нана. — Фил давно мертв, а нам нужна замена: живой разум, идейный вектор. А не секретарь под императором...

В памяти Фердинанда, как назло, с нарастающей силой кружились события прошлого. Он тогда принял единственно правильное решение... был жестким. Был резким, непоколебимым. Он хотел вычистить все, к чему прикоснулся дед, чтобы он не смог возродиться ни в ком...

А он и не возрождался...

— Мы повели вас по ложному пути, дали ложные улики. Вы не могли ничего найти, потому что искали не там и спрашивали не у тех... — спокойный голос девушки бил по самообладанию, рвал последние крохи уверенности.

Дикий смех вырвался из груди Фердинанда.

«Это были твои слова... Не Тэо...» — Маркус был прав. Маркус всегда прав... Руки задрожали.

Пистолет упал.

Схватившись за волосы, Фердинанд тихо застонал. Тарис, наоборот, вскинул голову, считывая его мысли — все до единой. Ужас, боль, страх, ненависть к самому себе. Дикое желание спасти всех и вся и понимание, что спасать больше некого. Он видел глазами Фердинанда, как Абэ измывался над Клэр, видел в его глазах испуганный взгляд Наны. Видел бесчувственную тридцать девятую с пеной на губах и сигареты, непрерывно отправляющиеся в мусорный бак.

Нет... увы, даже после всего этого Тарис не мог стать для него тем Тео.

Он ничего не мог дать этому человеку взамен. Просто подошел и обнял. Как друга, товарища из детдома. Ребенка, не понимающего и не имеющего ничего...

— Фил... говорил, сжимать пальцы в кулаки, идти вперед, несмотря ни на что, — тихо прошептал он. — Так в книгах пишут... Тот ужас остался в прошлом... Мой император... А впереди лишь будущее, и только вам решать, каким оно должно быть. Вам решать, как нам жить, как думать и что планировать на следующий день. Так поднимите голову и решайте. Убить меня или убить остальных. Сделать нас товаром... или свободными гражданами. Любить или ненавидеть. Мы, народ Сакской империи, примем любое решение. Потому что слово императора — закон. Потому что другого выбора у нас нет.

Маркус отвел взгляд и скривился. Рана продолжала кровоточить. Боль накатывала волнами и головокружением, томительной слабостью. Слова Тариса лились в него странным всепоглощающим ручьем. Императору решать. Император прав...

Эти два человека были его братьями, неотъемлемой частью, с которой надо и стоит считаться.

* * *

Мир постоянно куда-то катится, а люди двигаются. Неважно куда и как. Бегут они, летят, ползут, ковыляют... или вообще отползают... Просто планомерно подтверждают своей деятельностью перевернутое кем-то изречение: «Если двигаюсь — значит живу». Напрочь забыв, что при этом еще полезно немного думать.

Увы, кто-то всегда думает вместо них. Обычно тот, кто подмял всех под свою пяту, сделав из сотен спин, плеч удобные ступени наверх.

Думать о себе, стоя на вершине из человеческих судеб, достижение ли? Может ли стоять там тот, кто думает обо всех этих подмятых им судьбах?

Время идет, ветер все так же шелестит летом листьями, а зимой метет снегом. Он как тот вершитель судеб. Может быть холоден и резок, может быть нежен и мягок... Он как солнце. То безжалостно испепеляющее, то бережно касающееся сетчатки глаз...

Он — вершитель судеб. А мы? Сможем ли мы вот так же когда-то вершить?

Электрокар уверенно рассекал пыльную грунтовую дорогу. Пейзаж сменялся с одинаковой скоростью. Иногда подпрыгивал или нырял вниз вместе с машиной, когда она попадала колесами в яму или налетала на кочку.

Приоткрыв глаза, Нана Вагнер сначала долго смотрела в окно, а потом неожиданно начала вспоминать... Допрос в Ио, кабинет Фердинанда и неприятная усмешка Нандина Абэ... Было ещё что-то, но оно странным образом туманилось и медленно растворялось в памяти. Взгляд скользнул по салону незнакомой машины. Представительская, недешёвая.

За рулем сидел дядя Ганн. А ее собственная голова неожиданно покоилась на коленях Иссиа Райго.

— Лучше не двигайся... — посоветовал он, пристально за ней наблюдая.

— Что происходит?

— Долго рассказывать, — решил не углубляться в подробности Райго.

— Если начинать издали, то твой друг, Тарис, повел себя как человек... — неожиданно обозвал дядя, — как мужчина. И я его выслушал и согласился с доводами. Ты ценна, он нет. Так что теперь ты свободна, дочка.

— Вы обменяли Тариса на меня? — Нана попыталась сесть и поняла, что голова слишком сильно кружится... — Это подло... Это...

Она не находила слов, сколько отвращения сейчас было в ней к собственному дяде и к Райго.

— Это равноценный обмен по договоренности, — припечатал Ганн, — каждый получил то, чего желал. Клан — свою дочь, ГМО — твою свободу... император — давно разыскиваемого брата.

— Но он же его убьёт... Райго, ты же сам говорил...

Райго встретился со взглядом Ганна в зеркале заднего вида, заметил лёгкий качок головы в сторону.

«Нет».

Тарис запретил рассказывать. Для Наны последние полгода должны были стать «потерей памяти» и «беспробудным сном». Ганн его поддерживал. Райго и сам ослушаться не мог, иначе снова в голову влезет Кластер.

Иссиа шумно выдохнул. Врать не хотелось. А рассказать всю правду было невозможно, опять.

— Это его решение, Нана. Я не мог противиться...

— Не ври! Ты чертов телепат!!!

— Да, я такой!!! А теперь включи мозг и думай! — встряхнул он ее.

— Осторожней, — недовольно процедил Ганн, посматривая на них через зеркало, — она тебе не укрепленная по последним стандартам. Навредишь, прирежу...

Райго отпустил ее плечи, на которых остались красноватые следы пальцев.

— Извините, вспылел...

Нана сдалась, обхватила себя руками и заплакала.

Иссиа осторожно привлёк её к себе, почувствовал, как быстро намокает сорочка.

Тарис говорил, она забудет о Кластере и обо всем, что говорила и делала все эти полгода. Имплант был извлечен, и ничто даже не намекало на её новый статус. Пока не

намекало.

Н-да... Та ещё ситуация.

Взглянув в окно, видел, как все больше исчезает за горизонтом Сельва.

Он надеялся, что видит этот город последний раз, и его одержимость семейством Соболевски больше никогда не проснётся.

Увы, но также он прекрасно понимал, что надежды и реальность имеют мало общего.

— Они уехали, — коротко проинформировал Фердинанд, останавливаясь позади брата. — Не передумал?

Кластер, как обычно, работал в тишине при приглушенном свете.

Тарис не отреагировал. Прикрыв глаза, он молча стоял возле одной из ячеек и обнимал её руками. Человек внутри резко развернулся, закручивая нейротрубки. Система, желая восстановить расположение, тут же развернула его назад. Похоже, обитателю капсулы было весело.

— Тарис... Чем ты занят?

— Знакомлюсь, рассказываю анекдоты, ваше величество.

— Обнимая колбу?

— Обнимая человека внутри, — возразил Лаен. — Ему нравится.

Ещё некоторое время постояв так, он обернулся.

— Долго вы здесь?

— Господи... Тарис, ты мой брат, не обращай ко мне как к незнакомцу... — привычно возмущился Фердинанд, вытаскивая руки из карманов. Взгляд скользнул по человеку за стеклом. Он никогда не думал о них как о личностях, до прихода Тариса. Теперь же его мир переворачивался каждый раз, как брат открывал в структуре Кластера что-то новое.

— Субординация должна соблюдаться. — Лаен даже бровью не повёл и улыбнулся, переводя взгляд на другую ячейку. — Ей сегодня сон хороший приснился, очень хочет поделиться.

— А Нана, небось, ревет сейчас в три ручья. И если тебе это неинтересно, то может стать интересно мне...

Тарис на миг замер, а потом резко обернулся.

— Ваше величество, вы решили обзавестись семьёй? — теперь он смотрел брату в глаза с нескрываемым напряжением.

Видимо, читал, гад. Ферди усмехнулся и объяснил свои гипотетические намерения мысленно, в картинках. И рассмеялся, отмечая, как Тарис скис.

— Почему бы и нет? — объяснил он. — Имеешь что-то против?

Лаен сощурился, а потом резко развернулся и поспешил покинуть блок.

Фердинанд стоял так ещё некоторое время, наблюдая за плавными движениями обитателей Кластера, а потом усмехнулся, услышав за спиной поспешный стук каблуков.

— Мой император! — зычно кричала сорок первый оператор баз данных. — Код один! Утрата вектора! Нужно ваше вмешательство!!!

— Поверь, не нужно, — Ферди едва подавил самодовольную улыбку и напустил на себя предельно серьёзный вид. Тарисом было легко манипулировать, если знать, как правильно врать.

— Мой император, но он спрыгнул со смотровой площадки!!! Это конец!

Ферди резко переменялся в лице

— То есть спрыгнул?

— Молча! С ажиотажем, с апломбом, на своих двоих. Мой император! Это трагедия! Это боль, отчаяние... — она схватила его за лацканы пиджака и начала трясти. — Это конец!

Побледнев, Фердинанд, отбросил от себя её руки и кинулся в указанном направлении. Он не ожидал, что Лаен после пошлой подначки пойдёт самоубиваться.

— Объяви тревогу! — выпалил он на ходу. — Собери врачей. Звони Такебиру... Пусть готовит палату... Доложи Маркусу...

Фердинанд бросал команды, куда не увидел место трагедии...

А увидев, спрятал лицо в ладонях...

— Сорок первая... Я тебя стукну... Нет, я стукну каждого в этом долбаном Кластере!

Внизу, под балконом, с которого спрыгнул Тарис, была воронка, а от неё ровным лучом тянулась борозда, уводящая далеко вперёд. Луч удлинялся, деревья на его пути валялись... Тарис бежал.

Похоже, подначка все-таки удалась. Однако за такое поведение своевольного брата стоило наказать.

— Сорок первая, найди мне кого-то из Абэ, будет поручение, — ехидно вымолвил он.

Неожиданно рядом что-то сверкнуло молнией. Резко затормозив, Ганн Вагнер часто заморгал. Райго чертыхнулся, а Нана с ужасом осознала, что напротив нее материализовался человеческий силуэт. Примечательный такой, стоящий в раскрытом саквояжке, который был едва больше стоп мужика.

Сняв широкополую шляпу, мужчина, облаченный в твидовый костюм, на миг склонил голову в знак приветствия и, улыбнувшись, шагнул на землю. Склонился к окну, возле которого сидела девушка, и постучал в него костяшкой.

— Нана Вагнер, я так полагаю?! — поинтересовался он.

Она не ответила, лишь сосредоточенно наблюдала за его движениями. Незнакомец был слишком похож на Нандина Абэ, моложе, тоньше, интонации мягче. И все же... Он омолодился?

— Клон... — опровергнул её мысли Иссиа.

— Что вам нужно? — все же отозвалась Вагнер.

— Опустите окно, пожалуйста.

— Не хочу! — оскалилась Нана. И тут же, к её удивлению, стекло с лёгкой руки дяди Ганна опустилось вниз.

Хмыкнув, Абэ вытащил из саквояжа небольшую черно-белую коробку, перевязанную бантом.

— Небольшой привет от императора, — отсалютовал он и, впихнув коробку в окно, ей на колени, исчез в яркой вспышке.

Нана в ужасе замерла, смотря на собственные колени. Коробка не взорвалась. Хотя с какой стати она должна была взрываться? Может, она ядом плюется?

Надо ли говорить, что Нана боялась пошевелиться? Ведь раз это привет от императора, то коробка могла оказаться тысячу и одним способом расправы над беглыми преступниками.

— Открой, — велел Райго. Ганн обернулся со своего места и теперь с интересом

наблюдал за действием.

— А если убьёт? — едва не всхлипнув, пролепетала девушка, и тут же была награждена насмешливым взглядом Иссиа.

— Абэ псих, а не халтурщик, — спокойно пояснил он, — убивать предпочитает лично. Открывай.

Нана кивнула и, осторожно развязав бант, боязливо сняла крышку. И тут же, нахмурившись, вытащила из коробки стопку фотокарточек. Изображения мелькали в ее руках одно за другим, а щеки наливались пунцовым. Ганн, прочистив горло, тактично отвернулся. Райго подавив ржач, и сам отвёл взгляд. Нана же во все глаза рассматривала фото, впадая в шок...

— Одного не могу понять, — раздался над головой хриплый голос Тариса. Он как раз склонился возле открытого окна и теперь дышал Нане в ухо.

— Раз он хотел жениться на тебе, какого собирал на нас компромат?

— Как это понимать? — Нана ткнула Тарису в нос их совместные интимные фото. Её голос дрожал, а в интонациях проскальзывало искреннее негодование.

— Ну... — Лаен на миг запнулся, вспоминая, как это происходило. — Кгм... Ты очень хотела... А я не мог сопротивляться...

— А-а... Ясно... Что мне ничего не ясно...

— Тогда, может, выйдешь, и поговорим?

— Выйдите поговорите... — отозвался Ганн, давая смешки.

— Не собираюсь говорить с этим!.. Этим... — Нану начало откровенно трясти.

— Райго, смойся, — намекнул Тарис, а потом молча сел в машину на его место. Ганн оставил их сам, без намёков.

Нана зажалась в угол и теперь настороженно косилась на парня. Внутри же у неё разгоралось необъяснимое томление. Дыхание сбилось.

— Тарис... Этому нет объяснения...

— Есть, — спокойно ответил он, наблюдая за ней.

— Я не помню, это какой-то фотомонтаж? Зачем это... Отвратительно.

Лаен сощурился, он мог ещё стерпеть версию о фотомонтаже, но явно не об отвратительности произошедшего. Потому просто склонился и чмокнул её в щеку. Нана вспыхнула пуще прежнего.

— Тарис Лаен, будь серьёзен!

— Я предельно серьёзен, Нана, — выдохнул он. — Фотографии правда. Объясню позже, хочу просто полежать.

И на самом деле лёг головой ей на колени.

— Тарис... Ты горишь.

— Я снова истратил семь минут... Прости.

Нана тяжело вздохнула и погладила его волосы. Горячие всполохи её не пугали. Пугало другое, неизвестность и на удивление знакомое притяжение. Даты на фотокарточках говорили о многих месяцах их общей близости. Но ни капли воспоминаний. Вот такая странная правда.

— Тебе придётся мне много рассказать, Тарис Лаен, — прошептала она, пока Тарис привычно впадал в глубокий и спокойный сон...

Больше книг на сайте - Knigoed.net